

ОБЩЕСТВЕННАЯ
МЫСЛЬ РОССИИ XVIII ВЕКА

Том I
Philosophia rationalis

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

О Б Щ Е С Т В Е Н Н А Я
МЫСЛЬ РОССИИ XVIII ВЕКА
В двух томах

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Руководитель проекта

А. Б. Усманов

Редакционный совет:

- Л. А. Опёнкин, *доктор исторических наук, профессор*
(председатель);
И. Н. Данилевский, *доктор исторических наук, профессор*;
А. Б. Каменский, *доктор исторических наук, профессор*;
Н. И. Канищева, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(ответственный секретарь);
А. Н. Медушевский, *доктор философских наук, профессор*;
Ю. С. Пивоваров, *академик РАН*;
А. К. Сорокин, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель);
В. В. Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель)

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

(РОССПЭН)

2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

О Б Щ Е С Т В Е Н Н А Я
МЫСЛЬ РОССИИ XVIII ВЕКА

Том 1

Philosophia rationalis

СОСТАВИТЕЛЬ,
АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ:

Т. В. Артемьева,
доктор философских наук

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОСПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
028

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

028 **Общественная мысль России XVIII века: В 2-х т. — Т. 1:**
Philosophia rationalis / [сост., автор вступ. ст. и коммент.
Т. В. Артёмьева]. — М. : Российская политическая энциклопедия
(РОССПЭН), 2010. — 760 с. — (Библиотека отечественной об-
щественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1246-1

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1246-1

© Артёмьева Т. В., составление тома,
вступительная статья, комментарии, 2010
© Институт общественной мысли, 2010
© Российская политическая энциклопедия,
2010

Традиции и особенности российской философской и общественно-политической мысли XVIII века

Устойчивым ощущением мыслителей эпохи Просвещения было некоторое изумление перед открывавшимися возможностями, которые заключал в себе новый, философский век. Оказалось, что для того, чтобы познавать мир и Бога, самого себя и Космос, общество и государство, не нужно никаких специальных разрешений, высоких санкций, указов и чинов. Познание и радость обсуждения его результатов с другими людьми может быть профессией или же частным делом, а возможно, даже любительством, но человек сам выбирает этот путь и свободно движется по нему; результат же востребован обществом и уважаем им. Более того, новая эпоха показала, что занятия науками повышают престиж, делают вхожими в высшее общество, прославляют имя. Знатный потомок Рюрика и сын истопника или поморского рыбака имеют одинаковые права в республике ученых и могут быть интеллектуально равны «как сочинители», что повышает статус последнего, но не снижает его у первого.

Происхождение отныне — не препятствие даже для написания исторических сочинений. Историками России стали не только В. Н. Татищев и М. М. Щербатов, которые могли интерпретировать события дней минувших как деяния собственных великих предков, но и не очень родовитый Н. М. Карамзин, и даже Ф. Эмин, человек с сомнительной биографией, обращавшиеся к «славному прошлому» по праву исследователей, а не наследников.

Сильные мира стали восприниматься не только как воплощение власти, но и как покровители наук, это отчетливо видно в панегирических введениях риторического характера, собранных в этом издании. Титул «мудрый» или «премудрый» («премудрый отец отечества» — «премудрая мать отечества») становится определяющим в академической среде при титуловании монарха и чуть ли не более значимым, нежели «славный».

Эпоха Просвещения придала образованию значение всеобщей и внесловной ценности. Получение его стало играть роль социального лифта, если и не всегда возносящего к вершинам, то значительно повышающего общественное положение. Занятия науками могли принести и признание, и дворянство — но и венец мученичества как плату за независимость и свободу. Знание отныне не являлось достоянием только избранных, оно не даровалось свыше, как особая награда за усердие и преданность, оно добывалось и открыто обсуждалось членами ученых сообществ. Критерием истины становится всеобщее признание, знание перестает быть тайным, а тайное знание делается доступным обществу.

Научная коммуникация отныне не замыкается рамками локальных сообществ. Интенсивный обмен идеями сначала создает возможность для понимания, а потом формирует однородную научную среду. Наука перерастает национальные и государственные рамки и становится международным явлением. Территориальные споры, политические амбиции, социальные проблемы, культурные и религиозные противоречия, языковые различия касаются форм производства научного знания, но не его содержания. Можно увидеть в этом первую волну интеллектуальной глобализации, сделавшую возможным если не взаимное понимание — этот идеал недостижим, как и абсолютная истина, — то, по крайней мере, предпосылки для диалога, если не общую систему понятий — то, по крайней мере, общую систему идей.

Эти идеи и легли в основу образовательной и научной инфраструктуры, которая формировалась в Европе, в том числе и в России, по сходным моделям и предполагала эквивалентность участников научно-образовательного процесса, обеспечивая тем самым не только обмен идеями, но и мобильность ученых. Век гениальных одиночек-отшельников завершался, и отныне отсутствие академического сообщества неизбежно означало отсутствие науки. Академические системы стали сближаться и формировать новые способы интеллектуальной коммуникации, основанные на регулярном обмене информацией, переводах, научных стажировках, книгоиздании и книжной торговле, научной журналистике.

Этот процесс затронул и Россию, которая активно включилась в формирование просвещенческой инфраструктуры и создание академических институтов. Прежде всего можно назвать Петербург-

скую Академию наук с Академическим университетом (1724) и Московский университет (1755), а также Российскую Академию (1783), Академию художеств (1757), Дерптский (1802), Харьковский (1804), Казанский (1804) университеты и др. Это также военные школы для юношества — Сухопутный (1731) и Морской (1752) шляхетские кадетские корпуса.

Ярким примером международного характера научных институтов может служить Петербургская Академия наук. В XVIII в. ее состав был интернациональным: среди 110 академиков было 67 немцев, 34 русских (включая 27 этнических русских и семь представителей различных национальностей Российской империи), семь швейцарцев, пять французов, два шведа, британец и испанец¹. Все они вели интенсивную переписку со своими коллегами во всем мире. В то время оплачивалось не только каждое посланное, но и каждое полученное письмо — эти расходы брала на себя Академия наук, дававшая возможность своим членам поддерживать интеллектуальную сеть и реализовывать свое присутствие в *республике ученых*. Кроме того, Академия наук занималась активной издательской деятельностью. Ученые имели возможность неограниченной публикации своих работ в академических изданиях, причем не только на русском, но и на немецком и латинских языках.

Институт почетных членов Академии наук (характерный и для других академий мира) привлекал в сообщество российских ученых виднейших интеллектуалов Европы², российские ученые, в свою очередь, становились членами иностранных академий. Титул почетного члена Академии наук присваивался коронованным особам и важным персонам, правда, также учитывались их научные или литературные достижения. В частности, Екатерина II была членом Берлинской Академии наук, прусский король Фридрих II и шведский король Густав III — членами Петербургской Академии наук, а Е. Р. Дашкова — членом Американского философского общества. Это фиксировало, что международное интеллектуальное сообщество построено по *сетевому*, а не *иерархическому* принципу.»

¹ Предисловие // Летопись Российской академии наук. — СПб.: Наука, 2000. — С. 7.

² Почетными членами Петербургской академии наук были, например, Хр. Вольф, Вольтер, Ж. Л. Д'Аламбер, Д. Дидро, М. Ж. А. Н. Кондорсе, И. Кант, К. Ф. Гаусс, Р. А. Реомюр, П. С. Лаплас, Ф. Гальяни, Б. Франклин и многие другие.

Петербургская Академия наук создавалась в то время, когда без активных контактов в международной профессиональной среде и обмена информацией невозможно было заниматься наукой. Ученые меняли место службы, переезжали из одной страны в другую, работали в разных исследовательских коллективах. Однако специфика науки Нового времени предполагала, что каждое открытие должно было опираться на сумму предшествующего опыта и знаний и, в свою очередь, апробироваться в профессиональной среде экспертов. Научный институт должен был становиться ячейкой уже существующий научной сети, а ученый мог заниматься наукой, только будучи ее частью. При этом само построение научной сети не имело иерархического характера, его можно сравнить с современными сетевыми моделями. Научное открытие в значительной степени зависело от степени включенности исследователя в мировую науку — это было необходимым условием реализации его таланта и способностей.

Научные занятия формировали представителей нового ученого сословия, вписанного в международное сообщество, причем статус их отчетливо повышался. Примеры «академической мобильности» того времени красноречиво это иллюстрируют. Обратимся к студентам Академического университета: В. Венедиктов (сын дьячка) учился в Гёттингене истории, В. П. Светов (сын каптенармуса Астраханского полка) — истории и дипломатике, И. Юдин (сын гренадера Преображенского полка) — математике и физике, П. Б. Иноходцев (сын солдата Преображенского полка) штудировал в Гёттингене экспериментальную физику, математику, химию и естественную историю; В. Ф. Зуев (сын солдата Семеновского полка) изучал экспериментальную физику, химию, анатомию и натуральную историю в Лейденском и Страсбургском университетах; там же, в Страсбургском университете, Д. Р. Легкой (сын солдата Измайловского полка) обучался праву, И. И. Лепехин (солдатский сын) — ботанике, физике, химии, А. Я. Поленов (сын гобоиста Преображенского полка) — истории и праву; С. Я. Румовский (сын священника) и М. Софронов (сын дьячка) были посланы в 1754 г. для усовершенствования в математике в Берлин, где в то время работал Л. Эйлер; К. И. Щепин (сын пономаря) учился в Лейденском университете ботанике³. Студенты Мо-

³ Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М. -Л., 1962. Приложение. Краткие биографии студентов Академического университета (1747–1765). С. 130–207.

сковского университета также обучались в различных европейских университетах, достаточно вспомнить С. Е. Десницкого и И. А. Третьякова, посланных для завершения образования в Англию. В Глазго они слушали лекции А. Смита и его ученика — Дж. Миллара, также ученика Смита⁴.

К Хр. Вольфу в Марбургский университет отправляют в 1736 г. способных студентов — М. В. Ломоносова, Д. И. Виноградова и Г. У. Райзера, чтобы обучать их «химии и горному делу»⁵. Эти трое были гораздо счастливее своих оставшихся на родине товарищей, которые, жалуясь на то, что их ничему не обучают, подали коллективное прошение в Сенат. Уже в ноябре они получили ответ. И. Д. Шумахер учинил над «жалобщиками» расправу: за дерзость их били «батожем изрядно», хотя и стали все-таки чему-то учить⁶.

Российские студенты, вероятно, понимали, что в Германии им предоставляется уникальный шанс получить хорошее и разностороннее образование. Хр. Вольф во время пребывания М. В. Ломоносова в Марбурге вел занятия по 16 предметам: логике, философии, естественному праву и праву народов, политике, географии, хронологии, астрономии, математике, теоретической физике, механике, оптике, гидравлике, военной и гражданской архитектуре, пиротехнике⁷. Таким образом, русские студенты не только могли приобщиться к эрудиции знаменитого ученого, но и получить урок энциклопедического взгляда на мир. Именно вольфианская выучка, на наш взгляд, сформировала гений Ломоносова, который одинаково уверенно чувствовал себя в физике и химии, а также в филологии и истории, что демонстрируется публикуемыми в данном издании текстами.

Интересно, что вольфианская философия никогда не преподавалась по сочинениям самого Вольфа. Даже на русский язык было переведено только его сочинение по логике⁸, все остальные переводы

⁴ См.: *A. H. Brown // Adam Smith's First Russian Followers // Essays of Adam Smith // Andrew Skinner and Thomas Wilson (eds). Oxford, 1975.*

⁵ *Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. С. 166.*

⁶ Там же. С. 183–184.

⁷ См. *Кулябко Е. С. Указ. соч.*

⁸ *Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, / Любителям оной изданы, чрез г. Вольфа королевскаго шведскаго высоко-княжескаго гессенскаго придворнаго советника, перваго профессора математики и филозофии в Марбурге, профессора гоно-*

были посвящены естественнонаучным проблемам. В учении Вольфа было два подводных камня, неприемлемых для российских мыслителей: учение о предустановленной гармонии как способе объяснения соединения души с телом и рационалистическое учение о Боге. Российские мыслители предпочитали новейшим сочинениям аристотелевскую «физическую философию». Декартовско-мальбраншевская «система случайных причин» и «система предустановленного согласия» Лейбница-Вольфа казалась им некорректной с точки зрения морали, так как делала Бога ответственным за все события и поступки, в том числе осуждаемые с точки зрения морали⁹. Кроме того, им казалось невозможным стремление Хр. Вольфа (а позже и других немецких философов) делать Бога объектом рационального исследования, предполагавшим, что Метод более универсален, чем Творец.

Именно немецкие университеты неоднократно становились местом студенческих стажировок. Можно вспомнить обучение в Лейпциге группы студентов, в которую входил А. Н. Радищев, посланных для подготовки «к службе политической и гражданской». Некоторые особенности своего пребывания в Германии Радищев описал в «Житии Федора Васильевича Ушакова». Примечательно, что в то же время лекции на юридическом факультете Лейпцигского университета слушал И. В. Гёте, о чем позже и написал в книге воспоминаний «Поэзия и правда» (*Dichtung und Wahrheit*)¹⁰.

В аристократической среде большое значение имели поездки за границу — так называемый *grand tour*, завершающий процесс образования. Юные путешественники знакомились с культурой, искусством и академической системой европейских стран, встречались с известными людьми. Образовательные маршруты молодых российских дворян обычно проходили через Германию, Францию и завершались в Италии, реже они, как, например, Н. М. Карамзин, посещали Великобританию.

Было множество и других поводов побывать в европейских университетах. Так, например, А. Т. Болотов познакомился с про-

---

рарио в Санктпетербурге, Королевского Великобританского, так же Королевского Прусского собрания наук члена.; Переведены в 1753 году Б[егичевым] М[атвеем]. СПб.: Тип. Арт. и инж. шляхет. кадет. корпуса, 1765.

⁹ См. об этом: Артемьева Т. В. История метафизики в России. СПб., 1996.

¹⁰ Я. Л. Барсков, примечания // А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений в 3 т. М.; Л., 1938. Т. 1.

граммой Кёнигсбергского университета во время Семилетней войны (1756–1763). В 1758 г. он был назначен письмоводителем, а затем переводчиком при канцелярии генерал-губернатора Пруссии Н. А. Корфа в Кёнигсберге, где пробыл до 1761 г. Таким образом, он получил возможность провести несколько лет в известном университетском центре и встречаться с известными учеными знаменитой «Альбертины»¹¹.

Российские мыслители видели в просвещении «общее и каждого человека благоденствие». В сочинениях российских авторов — Я. П. Козельского, И. А. Третьякова, П. И. Страхова, А. А. Прокоповича-Антонского, М. И. Панкевича, С. И. Десницкого, — опубликованных в этом сборнике, говорится о позитивных изменениях в обществе, которые являются результатом просветительской деятельности и развития различных наук. И. П. Пнин в «Опыте о просвещении относительно к России» именно с просвещением связывал возможность создания гражданского общества и совершенного общественного устройства. Он писал: *«Просвещение, в настоящем смысле приемлемое, состоит в том, когда каждый член общества, в каком бы звании ни находился, совершенно знает и исполняет свои должности: то есть, когда начальство с своей стороны свято исполняет обязанности вверенной оному власти, а нижнего разряда люди ненарушимо исполняют обязанности своего повиновения. Если сии два состояния не переступают своих мер, сохраняя должное в отношениях своих равновесие, тогда просвещение достигло желаемой цели»* (с.). Пнин полагал, что истинное просвещение заключается не в наличии интеллектуальной элиты и развитии отдельных наук, а в существовании справедливых законов и неукоснительном их соблюдении.

Ф. И. Дмитриев-Мамонов видел в отсутствии просвещения возможность манипулирования общественными процессами. В своей аллегории «Дворянин-философ» он описывал непросвещенные массы, которые с легкостью поддаются обману и готовы уничтожить каждого, кто пытается лишить их сладостных иллюзий.

Педагогические трактаты Н. И. Новикова и А. Ф. Бестужева в подробностях описывали процесс воспитания достойного члена обще-

---

¹¹ Философия как судьба: А. Т. Болотов: Технология популярности в зеркале национальных гениев // Die Welt der Slaven Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LI, 1 2006.

ства. Российские мыслители полагали, что формирование гражданских добродетелей гораздо важнее набора сведений из разных наук. Просвещение в этом смысле понималось как формирование качеств, соответствующих не столько настоящему положению, сколько будущим возможностям общественного развития. Очевидно, что их педагогические теории содержали в себе элементы социального утопизма, однако именно педагогический утопизм был одним из характерных явлений эпохи Просвещения. Не только теоретики, но и «практики» общественного строительства полагали, что с помощью воспитания можно создать «новую породу людей». Достаточно вспомнить проекты И. И. Бецкого и Екатерины II, реализовавшиеся в 1760–1770-е гг. созданием закрытых дворянских школ — Смольного института и Сухопутного шляхетного корпуса в Петербурге, Екатерининского училища в Москве. В «Уставе Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса», составленного И. И. Бецким, читаем: «Должно наипаче из сего Корпуса произвести и воинов и граждан, искусных в политической экономии и в законах своего отечества так, чтоб генерал, одержав победу, мог решить одно дело в Сенате, распорядить течение доходов, направлять земледелие, исполнять должность генерал-полицмейстера, чтоб из Сената, из Военной, Комерц-, Камер-коллегий и из других правительств паки мог ехать в поле предводительствовать армию, и при назначении в сии должности не было бы нужды разбирать время и особы»¹².

Для создания в России третьего сословия были образованы особые мещанские училища при Академии художеств, Воскресенском Новодевичьем (Смольном) монастыре, Сухопутном шляхетном корпусе, Московском коммерческом училище. Особая роль отводилась Воспитательному дому, принимавшему брошенных родителями младенцев.

Российское образованное общество в XVIII в. было частью международного сообщества, а потому говорило на том же языке, что и европейские интеллектуалы. Обсуждало те же проблемы, причем многие из них получили свое оригинальное разрешение в сочинениях отечественных мыслителей, приобрели популярность благодаря российским академическим изданиям. Публикуемые сочинения демонстри-

---

¹² [Бецкой И. И.] Устав Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса // Полн. собр. законов Российской империи. Т. XVII. СПб., 1830. С. 989.

руют не только завидную эрудицию их авторов, но и естественный характер пребывания философского и общественно-политического дискурса в международном теоретическом пространстве.

Труды, вошедшие в этот сборник, свидетельствуют об открытом характере российской философии, которая в соответствии с представлениями того времени интерпретируется предельно широко — как теория гуманитарного знания, структура которого хорошо отражена известной эмблемой. На ней философия изображена как «царица наук», восседающая на троне с короной на голове, с символами света и открытыми книгами в руках, на титулах которых начертано *moralis-naturalis*.

В понимании мыслителей XVIII в. философия представляла собой единство теоретического и практического подхода. Центральную часть теоретической (умозрительной или рациональной) философии занимала метафизика, к этому же разделу относились также физика и логика (умословие). Другую часть составляла практическая, или моральная, философия, включавшая в себя этику, политику и экономику. Теоретическая философия занималась наставлением разума, практическая — наставлением воли. Физика представляла собой знание о естественных телах, в широком смысле она отождествлялась с естествознанием (натуральной философией), предметом логики являлись законы человеческого ума. Метафизика объединяла в себе натуральное (естественное) и рациональное богословие (откровенное и естественное знание о Боге), онтологию (знание о всеобщих законах бытия), психологию или пневматологию (знание о душе и духах). Учение о душе первоначально не разделялось на естественнонаучную и рациональную психологию, пытаясь с помощью умозрения охватить мир трансцендентальных сущностей и психических явлений.

Именно это представление легло в основу разделения представленных текстов на тома: в первый из них вошли произведения, которые могут быть отнесены к *Philosophia rationalis* (рациональной философии), а во второй — к *Philosophia moralis* (моральной, или практической, философии). Разумеется, это разделение носит условный характер и не только потому, что классификации XVIII в. устарели и не отражают современного видения теоретических проблем, но и потому, что тексты российских мыслителей обычно гораздо более объемны и не могут быть сведены к какой-то одной проблеме.

* * *

В первый том помещены тексты, посвященные проблемам онтологии, эпистемологии, космологии, пневматологии, или рациональной психологии, а также общим проблемам, связанным с просвещением и философскими основаниями естественных и гуманитарных наук.

В XVIII в. философия в целом рассматривалась как своеобразная «метагносеология», то есть одновременно способ познания мира и исследования самих познавательных способностей человека. «Мы обо всем мыслим, только о силах разума не находим запотребно думать; и не удивительно то, ибо всякую вещь, которую хотим ясно понять и рассмотреть, надлежит представить разуму нашему наружно», — писал Г. Н. Теплов (с.). Главный способ исследования разума заключается в том, чтобы «разум человеческий представить разуму нашему так как вещь отделенную от разума и разумом силы количество и все свойства его исследовать» (с.). Философия представляет собой тройное познание, дающее возможность: 1) «знать вещи просто бытность»; 2) «знать бытности причину»; 3) «знать причины количество и силу» (с.). Собственно философским познанием является установление причины явления. Не понимая причин, мы имеем лишь «голое явление о бытности» — констатацию факта, которую можно назвать «историческим познанием» (с.). О «философском познании» можно говорить, «когда мы о всем обстоятельно изведавши и имеючи понятия между собой отделенные о вещи или действии каком, скажем для чего оно подлинно так, а не иначе сделалось, т. е. причину оно» (с.). Философия как способ или метод, с помощью которого можно отыскать причины явления, является составной частью любой науки как универсальное основание познания, в то же время она сама может стать объектом исторического познания. Тот, кто знает философию «как историю», помнит философские определения, знаком с концепциями других мыслителей и т. п., еще не может назвать себя философом: «Кто одни только изъяснения к вещам сыскивает, или умеет правило какое в науке философской сочинить, тот и по моему мнению в философии далее ничего не изобретает потому он назваться ученым в таком разуме, в каком сие слово на других языках принимают, а не на нашем не может» (с.). А также: «Не сказал бы иной на вопрос

«Для чего огонь жарок?» — «Для того де, что в нем жаркость есть»... И не думал бы он притом... что он и философию знает и философом отчасти можно ему называться» (с.).

Философствование не обязательно связано с историческим познанием. Можно не знать специальных терминов и правил, мнений великих, алгоритмов доказательств, но ясно видеть причины явлений и поступать сообразно с этим знанием: «Что полезно употребление философии, о том уже никакого сомнения нет, ибо онаю не только в науках ученым людям можно употреблять, но и простым людям случается ею же пользоваться в жизни равномерно, с той только отменой, что ученые люди знают про себя, что они философствуют и для того поступают по некоторым к тому учрежденным правилам, а простые то же самое делают в повседневных случаях, не думая, что они философствуют» (с.).

Следующим видом познания является познание математическое, позволяющее не просто выявить причину, но подвергнуть ее качественному анализу, а именно «определить количество и силу». Математическое познание представляет собой высшую степень познания, оно как бы завершает познавательный процесс, придавая ему неизблемость естественнонаучного дискурса. С другой стороны, оно демонстрирует несовершенство возможностей философского познания, ибо ряд сущностей, например такие, как Бог, дух, душа и т. д., в принципе не могут быть познаны математически.

Математическое познание предполагало не столько калькуляцию абстракций, сколько анализ конкретных явлений и было вполне применимо для анализа общественных явлений. Я. П. Козельский писал в «Философических предложениях»: «...Когда мы видим в каком народе мало добродетелей, то это будет познание историческое; когда мы усматриваем, что то происходит от излишнего своевольства одной части того народа и от великого притеснения другой, то это будет познание философическое; а когда мы заключаем, что чем больше будет в том народе с одной стороны самовольства, а с другой утеснения, то тем меньше будет в нем добродетелей, а тем больше пороков, то это будет познание математическое» (с.).

Мыслители XVIII в. четко разделяли философию и метафизику. Если философия, как писал Я. П. Козельский, «есть наука испытания причин истинам» (с.), то метафизика «есть такая наука, в которой преподаются общие понятия» (с.).

Соотношение философии и метафизики в XVIII в. было несколько иным, чем представляется в настоящее время. Если философия выполняла функцию метода, или, скорее, методологии познания, то особенности метафизики были связаны с предметом, на который она была направлена. Метафизика представляла собой философское познание умозрительных (то есть достижимых лишь для разума) объектов, не могущих быть описанными “математически”, но существующих в реальной практике рефлексии и мышления. Ценность метафизики усматривалась в способности исследовать любые объекты, даже те, существование которых не доказано и доказано быть не может. Включение в область возможного познания гипотетических и принципиально непознаваемых объектов расширяло возможности человека, ибо, «метафизическую», он не стеснен ни данными чувств, ни результатами опытов, ни отсутствием фактов. Метафизика дает возможность размышлять над явлениями, о которых человек ничего не знает, над объектами, не только существующими и возможными, но несуществующими и невозможными. Она дает возможность совершить тот единственный акт, который человек, обладающий разумом, может совершить в ситуации, когда ничего иного он сделать не может. Интеллектуальное действие делает его свободным, в определенном смысле это высшее действие, на которое способен человек, роднящее его с Богом. Безусловно, мыслители XVIII в. сознавали недостатки такого подхода, однако пытались использовать и его преимущества.

Наиболее абстрактный характер имела та часть метафизики, которая получила название пневматологии — учения о душе и духах. Классические работы, представляющие это направление, — сочинения Д. С. Аничкова и А. Н. Радищева, опубликованные в данном издании. Они демонстрируют «включенность» в общеевропейскую традицию, использование универсальной терминологии, высокую степень абстрактности. Вместе с тем, они представляют разные стороны обсуждения проблемы. Тексты Аничкова показывают полное овладение приемами построения метафизического трактата, соединяющего достоинства упорядоченности с недостатками ограниченности. Абстрактная определенность «научно»-метафизического текста позволяет воспарять до высот трансцендентной объективности, однако она существует отдельно от конкретного человека с такими частностями, как пол, возраст, национальность, вероисповедание, сословная

принадлежность и язык, наконец, судьба жаждущего получить ответы на вопросы о смысле жизни и следовать полученным рекомендациям в реальности. Субъектом философствования в таком случае выступает как бы все человечество, рефлексирующее по поводу своей сущности. Предельная обобщенность понятий выявляет структуру изучаемого объекта: эта «наука о душе» предлагает не столько размышление над уникальностью и неповторимостью этого феномена, сколько усвоение общих положений.

Сочинение Радищева представляет собой несколько иной, более личностный подход. Решающим для его рассуждений может быть вовсе не метафизическое положение, а социально-политический или даже эмоционально-чувственный аргумент. «Я сам знаю, чувствую, — писал А. Н. Радищев, — что для убеждения в истине о бессмертии человека нужно нечто более, нежели доводы умственные; и поистине, касающиеся до чувствования чувствованием должно быть подкрепляемо. Когда человек действует, то ближайшая причина к деянию его никогда есть умозрительна, но в чувствовании имеет свое начало, ибо убеждение наше о чем-либо редко существует в голове нашей, но всегда в сердце. Итак, для произведения убеждения о бессмертии человека нужны чувственные и, так сказать, сердечные доводы, и тогда, уверив в истине сей разум и сердце, уверение наше о ней тем будет сильнее, тем будет тверже» (с.).

Разум не может быть единственным источником знания, не меньшая роль должна отводиться и чувствам. «Кто может мне истолковать для чего мои чувства меньше меня обманывают, нежели мой разум? — восклицал анонимный автор. — Я розу не принимаю за алмаз; но всякий день малые причины принимаю за великие, а посему мне кажется, что больше находится истины в самих предметах, нежели в моем разуме, который их сравнивает»¹³.

Крайности эмпиризма и сенсуализма подвергались критике русскими мыслителями. Д. С. Аничков даже посвятил этому «Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства». Главным и наиболее сильным был аргумент о несовершенстве чувственного познания: чувства могут

---

¹³ Человек, наедине рассуждающий о неудоборешимых пневматологических, психологических и онтологических задачах // Покоящийся трудолюбец. М., 1784. С. 72.

обманывать нас в силу каких-то внешних обстоятельств и их собственной слабости. Кроме того, одним только чувством невозможно постигнуть сущность бестелесных вещей, — например, математические или же нравственные правила, идею духа, Бога, само понятие «идея» и т. д. Для истинного познания необходимо объединить усилия нашего разума с данными чувств.

Человек рождается, не имея никаких понятий, и приобретает их в процессе жизненного опыта: «Мы на сей земной шар вступаем, не имея еще никакого ни о чем понятия, а потом постоянно снискиваем идеи вещей телесных, от которых уже наконец отвлекает понятие вещей бестелесных; то есть ум наш, по врожденной своей способности, невидимые вещи познает из видимых, от особенных вещей отвлекает всеобщие понятия, о будущем рассуждает из настоящего и из бытия вещей сущих понимает о невещественных» (с.).

Дилемма, которой мучилась европейская философия, отдавая предпочтение то разуму, то чувствам, преодолевалась в российской метафизике учением о душе как о некотором цельном и гармоничном образовании, не составленном из двух половинок, а просто имеющем разные стороны. Человек познает мир как человек, по-человечески всесторонне. Эпистемологический процесс не может проходить, не затрагивая его эмоций, не имея для него осязаемой цели. Само стремление к познанию представляет собой сильнейшее чувство, даже страсть. Не случайно в терминологии XVIII в. понятие «единомышленник» выражается словом «сочувственник».

Такое «целостное» отношение к восприятию мира было свойственно не только XVIII в. — это одна из особенностей русской философии, обусловленная спецификой отечественной культуры. В своей философской автобиографии Н. А. Бердяев писал: «Помимо всякой философской теории, всякой гносеологии, я всегда сознавал, что познаю не одним интеллектом, не разумом, подчиненным собственному закону, а совокупностью духовных сил, так же своей волей к тождеству смысла, своей напряженной эмоциональностью»¹⁴. Конечно, мыслитель XX в. обладал опытом двух столетий, который только предугадывался в век Просвещения, но налицо единство интенций, свойственных явлению, получившему название «русская философия».

¹⁴ Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 98.

Цельность мировосприятия служила своеобразной гарантией того, что результатом познания действительно является истина. Вопрос об истинности был важен для русской философии отнюдь не сам по себе. Бог одарил людей разумом, как писал Аничков: «дабы могли проникать в союз причины и действ, подробно разбирать порядки средств и концов и усматривать сокровища бесконечных и вечных благ, открывающиеся в оных; наконец оживотворил он их волю, чтобы они могли хотеть и желать оных причин благополучия, которое вечно пребывать имеет, и даровал им довольно силы, чтоб они в состоянии были дойти до употребления оных благих и оттуда получить себе непременную пользу» (с.). Русские мыслители категорически отвергали идею божественного предопределения, согласно которой познание истины есть результат особого расположения Всевышнего, особый знак тому, кто получает эту истину в личное пользование, однако они отнюдь не разделяли эпистемологические и моральные проблемы, полагая, что раз и те и другие имеют источником душу, то поэтому они связаны неразрывно.

Натуральная философия, или научная теория, в России была связана с академическими институтами. Именно поэтому парадоксальные формулы, популярные в моральной и социальных теориях, воспринимались ею довольно критично. Руссоистское неприятие науки и культуры как результата разложения (развращения) естественно-го человека, не находило отклика в натурфилософском дискурсе. Профессор «энциклопедии и естественной истории» Московского университета А. А. Прокопович-Антонский полагал, что идеи Руссо противоречат его же исходному тезису о совершенстве природного, ибо все в природе подчинено определенному закону, установленному Создателем, в ней нет «беспорядка»: «Все подвержено в натуре, по уставу верховного Строителя, восходящим и нисходящим кругообращениям...все в природе идет своими степенями к предполагаемой цели и совершенству» (с.).

Противопоставление естественного человека обществу бессмысленно, ибо человек не может жить вне общества. «Весьма ложно, — замечал Прокопович-Антонский, — будто бы натуральный человек может быть благополучнее общественного; не лишение нужд, а искусство управлять ими делает человека счастливым, подобно как не искоренение страстей, но хорошее употребление их образует философа» (с.). Мыслитель согласен с тем, что «укоренившийся повсюду

методический дух» скорее ставит вопросы, чем разрешает их. «Правда, что вводимые ныне повсюду многообразные методы заводят иногда нас в великий лабиринт, и вместо того, чтоб устроить наши мысли и познания, подвергают нас великим заблуждениям. Бесконечное множество систем, разделений и подразделений в науках нередко погружает понятия наши в толпе одних наименований и рассматривании более умоначертания писателей, нежели в познании самых вещей и действий природы; но если дух систем выходит за пределы; если укоренившееся ныне методическое учение удаляет нас от прямой цели просвещения: то потребно токмо в первом умерить излишество, а в другом устранить беспорядок...» (с.). Нет никакой необходимости отказываться от научного освоения мира на том основании, что оно пока далеко от совершенства. Естественная история, предметом которой является «целая природа», является необходимым дополнением чистого умозрения, придавая познанию полноту и цельность. «Проистекающая от естественной истории польза величественна, многочисленна и многообразна. Углубляющийся в отвлеченных истинах метафизик без познания существ природы, их строения и стройности, не силен будет составить правильных умозаключений ни о самых существующих вещах в мире, ни о связи их, ни о взаимном между ими отношении» (с.).

Подобную точку зрения разделял и мыслитель чисто «гуманитарной» ориентации — Н. М. Карамзин. «Руссо! Я не верю твоей системе»¹⁵, — патетически восклицал он. Действительно, в нынешнем состоянии науки далеки от совершенства, «но предмет их есть истина»¹⁶. Науки, по его мнению, «суть не что иное, как *познание природы и человека*, или система *сведений и умствований*, относящихся к сим двум предметам»¹⁷. Они произошли «от любопытства, соединенного с разумом», причем «склонность к знаниям» вложила в нас сама природа¹⁸. Причина возникновения наук — необходимость в полезном и приятном. Человек «хочет жить *покойно*: рождаются так называемые *полезные искусства*: возносятся здания, которые защищают его от свирепости стихий. Он хочет жить

¹⁵ Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Н. И. Новиков и его современники. М., 1961. С. 385.

¹⁶ Там же. С. 390.

¹⁷ Там же. С. 381.

¹⁸ Там же. С. 382.

приятно: являются так называемые *изящные искусства*, которые усыпают цветами жизненный путь его»¹⁹. Таким образом, нужда и удовольствие (Прокопович-Антонский добавляет сюда суеверие и связанную с ним потребность в поиске понятия об истинном Боге) являются «естественными» побудительными мотивами стремления к знанию.

М. И. Панкевич полагал, что следует идти не от объяснительных схем, а от многообразия взглядов на мир, группируя их по общим родовым признакам. Он писал: «Как все вещи во вселенной, зависящие от них явления, их влияния на человека и возможные следствия их взаимных действий, так и понятий об оных, сколь ни многочисленны и различны, однако ж по каким-нибудь свойствам, связям, соотношениям, или человеческим намерениям, не могут не быть между собою подобны, или, по различию их, соответственны разным видам. А сии самые и другие причины и средства составлять из всех понятий о вещах разные отделения, по расположениям и целям различные и при том число гораздо уже меньшее составляющие. Сии отделения, по подобным, приводятся еще в меньшее число: с последующими опять поступают как с первыми; и сей способ подчинять понятия, истины и изобретения один другим продолжают обыкновенно до того, что наконец приводят их бесчисленное множество в определенное, весьма не великое число классов, названных *науками, искусствами, художествами*, получающие особенные имена по их предметам, намерениям, пользам и прочему» (с.). Панкевич считал возможным создание некоей «метанауки», которая могла бы охватить все области знания, лишь конкретизируясь в каждой отдельной дисциплине. «Все вещи во вселенной без сомнения состоят из немногих стихий, в разной пропорции и разным образом соединенных и беспрестанно в своем расположении изменяемых так, что сколько существ, столько различных способов существования весьма ограниченного числа все тех же стихий. Если бы мы их узнали совершенно, то вероятно, что в каждом классе подобных произведений природы нужно бы только открыть пропорцию начал, образ соединения и происходящие от того свойства целой вещи, дабы потом при первом взгляде на каждую по наружности ее и первым

---

¹⁹ Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Н. И. Новиков и его современники. М., 1961. С. 384. Прим.

ощутительным свойствам в точности можно было разуметь ее...» (с.), — писал он. Для объединения усилий ученых разных стран Панкевич предлагал создать единый международный язык.

В определенном смысле стремление к знанию является такой же «естественной» потребностью, как потребность в еде или в воздухе. Однако понимание того, как устроен мир, не дается в готовом виде, а постигается по мере того, как человек становится способным к восприятию нового знания. По мнению Н. М. Карамзина, уровень знания соответствует определенному «возрасту» человечества. Первый человек еще «дикий», лишь «взирает с удивлением на картину натуры», «все хочет он видеть и осязать: в нервах своих». На начальном этапе познания он «собирает бесчисленные идеи или чувственные понятия, которые не что иное, как непосредственное отражение предметов и которые носят вначале в душе его без всякого порядка: но скоро пробуждается в ней та удивительная сила или способность, которую называем мы *разумом* и которая ждала только чувственных впечатлений, чтобы начать свои действия»²⁰ Разум упорядочивает хаос идей, выявляя *отвлеченные* идеи, составляющие собственно *знание*, ибо «знать вещь есть не чувствовать только, но отличать ее от других вещей, представлять ее в связи с другими»²¹. Постепенно человек «обращается от чувствований к чувствующему», то есть к познанию самого себя. Даже сам язык предполагает мышление, ибо «*всякое прилагательное имя есть отвлечение. Времена глаголов, местоимения — все сие требует уточненных действий разума*»²².

И. Д. Ертов, сочинения которого впервые включаются в научный оборот в этом издании, полагал, что и человек, и его способность понимать мир соответствуют общим законам «первичного творения» (с.). По мере развития тварного мира развивался и человеческий ум, причем «отрасли ума развивались по случаям» (с.). Наблюдения за жизнью животных навели на мысль о скотоводстве, смена дня и ночи — к представлению о времени, холод заставил подумать о жилище. Любовные битвы и победы над соперниками положили начало социальной дифференциации, необходимость обмена — к неравен-

²⁰ Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Н. И. Новиков и его современники. С. 382.

²¹ Там же. С. 353, прим.

²² Там же.

ству, общение друг с другом — к возникновению языка и правил общения. В главе «О развитии отвлеченных понятий» Ертов пишет о разнице между первобытными представлениями и более развитыми мыслительными конструкциями.

В сочинении «Мысли о развитии ума в человеческом роде» Ертов пишет, что первобытные люди не делали никакого различия между мыслью и реальностью, они «каждую родившуюся мысль почитали вероятною», а поэтому «в короткое время наполнили мир сей привнущениями и всякими вымышленными существами различных родов и видов» (с.). Однако «как миры не могут существовать без движения, так и разум не остается никогда в одном положении». «Образование ума» имеет свои «возрасты». Постоянная борьба рассудка (вдохновенного «врожденной любовью к Богу») с воображением и страстями вызывает «развитие ума в человеческом роде».

«Ошибки воображения» исправляют науки, они «смягчают нравы» и приближают людей к истине. Однако «они не могут быть еще надежным средством к водворению на земле «всеобщего благоденствия» (с.). Совершенное знание может дать только вера, основанная на откровении. Истинная вера не требует ни особых способностей, ни «сильных напряжений ума», ни «строгих исследований». Если ум — результат борьбы рассудка с воображением и страстями, то вера дарована от рождения, и каждый наделен ею в равной степени. Очень трудно отделить веру от суеверия, предрассудка. Здесь и приходит на помощь разум. Если вера приходит в противоречие с «чистыми понятиями ума», то это не истинная вера, а суеверие, которое исчезает «по мере просвещения народов». Поэтому результатом просвещения должно стать торжество истинной веры. «Увидит и потомство, — писал Ертов, — что все наши предрассудки, не принадлежащие к вере, со временем погибнут и останется одно ниспосланное к нам небесное откровение» (с.). Таким образом, истинное, или откровенное, знание непосредственно связано с развитием наук и просвещения.

Ертову, как и многим другим мыслителям, приходилось обосновывать отсутствие принципиальных противоречий между знанием и верой, не только положительно отвечая на вопрос: «Верят ли ученые в Бога?», — но и объясняя, как они совмещают в своем сознании религиозную и научную картины мира. В западноевропейской философии такая работа была проделана веком раньше. Она предшествовала возникновению классической науки или совершалась

параллельно с ее развитием. В России, где наука появилась в результате искусственной «прививки», этапы поменялись местами. «Вписывание» научного знания в систему духовных ценностей происходило уже после того, как были созданы крупные научные центры — Петербургская Академия наук и Московский университет. Именно это «отставание» сделало натурфилософский дискурс актуальным не только в XVIII в., но и в XIX в.

В начале XIX в., прежде всего под влиянием философии Канта, а точнее, как реакция на нее, проблема пространства и времени онтологизируется. В «Письмах о критической философии» (1805) А. С. Лубкин (ок. 1771–1815) подверг критическому анализу кантовское учение о пространстве и времени. Он писал о том, что пространство и время «паче необходимые принадлежности бытия вещей, нежели свойство или образ наших о вещах представлений»²³, и даются нам в опыте, а не в умозрении. Даже если Кант и прав, все равно «учение критической философии о времени и пространстве прямыми доводами отнюдь не оказано, косвенными не оправдало и пользы в нем никакой не видно»²⁴. По мнению Лубкина, единственный вывод, который можно сделать из учения Канта, заключается в том, что «мы о Боге, о своей душе и прочих вышечувственных предметах ничего о по разуму знать не можем»²⁵, однако для русского мыслителя такой вывод достаточно очевиден и не требует пространных доказательств. Аналогично рассуждал профессор Харьковского университета Г. Ф. Осиповский в речи «О пространстве и времени», публикуемой в этом сборнике. Он полагал, что следствие об априорном характере пространства и времени невыводимо из кантовских предпосылок. Если пространство существует «внутри нас», тогда лишено смысла разделение на мир внешний и внутренний. «Где же теперь будут вещи, как чувства наши представляют нам в пространстве вне нас. Самое слово где не будет тогда иметь никакого вещественного значения, ибо сие слово относится к месту как и части видимого нами пространства, но с несуществованием пространства исчезает вместе и вещественность, понятия о местоположении вещей» (с.). Исходя

---

²³ Лубкин А. С. Письма о критической философии // Русские просветители (от Радищева до декабристов). Собр. произведений: В 2-х т. Т. 2. М., Мысль, 1966. С. 12.

²⁴ Там же. С. 23.

²⁵ Там же. С. 24.

из отсутствия границы между внешним и внутренним миром можно предположить, что субъективное усилие может привести к изменению окружающего мира, т. е. творению и изменению его. Кроме того, одинаковые впечатления от внешнего мира, испытываемые разными людьми, должны предполагать наличие чего-то вроде «Лейбницава предустановленного согласия». Если мы будем рассуждать о времени, то, предположив, что оно является достоянием только человека, мы отнимаем у вещей «последовательное бытие их», однако «порядок следования» одинаков для всех воспринимающих их субъектов, что заставляет предполагать необходимость того же предустановленного согласия и для времени. Кроме того, восприятие пространства и времени должны быть согласовано друг с другом. Уже это вызывает сомнение в правильности кантовской системы, хотя можно отыскать в ней и другие «противности». Осиповский полагал, что «пространство и время суть условия бытия вещей, в самой природе и в них самих, а не в нашем только образе чувствования существующие» (с.). Таким образом, время и пространство присущи не только понятию человека о мире, сколько самому миру.

К концу XVIII в. умозрительные онтолого-космологические построения полностью исчерпали себя. Они способствовали освоению достижений естествознания, созданию научной картины мира, переходу к новому типу рациональности. XIX в. стал временем «позитивного знания» и, обращаясь к сферам экспериментально-опытного исследования, не нуждался в метафизических предположениях. Вера в безграничные возможности естественных наук заставляла смотреть в будущее с неописуемым оптимизмом, ведь именно в них виделся незабываемый фундамент истинного знания. Этот заряд определил отказ от спекулятивных построений, что на несколько десятков лет вывело онтологию и космологию не только за пределы философии, но и теоретического знания вообще.

* * *

Во второй том этого издания вошли произведения, в которых наша отражение морально-этическая и право-политическая проблематика.

Philosophia moralis, или тот раздел, которые сами мыслители эпохи Просвещения называли «практической философией», развивался

одновременно в нескольких направлениях. Это этика, или «наука о морали», правовые и политические учения, или, скорее, осмысление философских оснований правовой и отчасти политэкономической мысли как учения о «богатстве народов».

Наиболее известным сочинением этого времени является, пожалуй, философский трактат А. Н. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии». Он уже упоминался в связи с пневматологическими построениями российских метафизиков, сочинения которых опубликованы в первом томе. Однако его проблематика более широка, и на примере этого текста можно видеть, как метафизическая абстракция уступает место полноте чувственных переживаний и личностных впечатлений. Ряд его особенностей обусловлены не только философской позицией, но и судьбой автора. Это сочинение было написано после того как мыслитель сам пережил мучительное ожидание смерти, в ссылке. Бесспорно, это придало тексту особый драматизм и сделало его неповторимым памятником философского отношения к жизни.

Радищев рассматривает проблему смерти-бессмертия не только как проблему бессмертия души. Он обращался к метафизическим доказательствам, воспроизводя логику Лейбница, сформулировавшего метафизическое (субстанциональное) доказательство бессмертия души в статье «*Confessio naturae contra atheistas*» («Свидетельства природы против атеистов», 1668)²⁶. Суть его сводится к тому, что бессмертие души основано на ее принципиальной неделимости (а следовательно, неразрушимости). Однако такое «материалистическое» понимание души и физическое доказательство неуничтожимости этой «материи» не устраивает Радищева, хотя он и сам находит похожие аргументы, основанные на всеобщем характере «законов сохранения». Так, например, «человек по разрушении тела своего не может ничтожествовать, ибо если невозможно и само в себе противоречащее, что какая-либо сила в природе исчезала, то мысленность его, будучи всех сил естественных превосходнее и совершеннее, исчезнуть не может» (с.).

Радищев приводит также доводы, «заимствованные из чувственности нашей». Для него очевидно, что «мысленность» не является след-

---

²⁶ Лейбниц Г. В. Свидетельства природы против атеистов // Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 78–84.

ствием «телесности», напротив, «вина и корень всех движений телесных есть мысленность, ибо в ней есть источник движения, а потому не можно ли сказать, что в ней есть и источник жизни» (с.).

Главная проблема Радищева заключается не в отыскании метафизических аргументов, а, собственно, в нравственном аспекте обсуждаемой темы: насколько человек, его внутренняя идентичность, его личность тождественны душе и является ли доказательство бессмертия души доказательством бессмертия человека.

Бессмертие души не означает личного бессмертия, хотя и делает такое предположение возможным. «Три суть возможности человеческого бытия по смерти: или я буду существо таковое же, какое я есмь, то есть, что душа моя по отделении ее от тела паки прейдет и оживит тело другое; или состояние души моя по отделении ее от тела будет хуже, то есть что она прейдет и оживит нижнего рода существо...или душа моя, отделенная смертию от тела, прейдет в состояние лучшее, совершеннейшее» (с.), — писал А. Н. Радищев.

«Чистая» метафизика доказывает бессмертие души, но человек — это не только душа, в нем духовное неразрывно связано с телесным. В этом смысле понятие «личность» богаче понятия «душа», и если рациональная психология (учение о душе) принадлежит области метафизики, то исследование человека (личности) находится уже за ее пределами и относится к области этики.

К этой области относится тема смерти, которая ярко и драматично обсуждается на страницах трактата. Радищев не задается вопросом, отчего человек смертен, но спрашивает, почему он знает о том, что смертен и вынужден переживать весь ужас ожидания смерти. Ведь смертная природа наслаждается безмятежностью неосведомленности и не мучима подобными страхами. Почему человек не жаждет смерти, почему, когда приходит время умирать, он не готов к ней? Почему человек хочет продолжения жизни и смерть так страшит и тяготит его, откуда «голикие побуждения к продолжению жития своего» (с.).

Радищев полагал, что это все не случайно и что осознание смерти, как и связанные с этим мучения и страхи, даны нам Создателем для того, чтобы мы посмотрели «за пределы дней своих» (с.) и приготовились шагнуть в Вечность. Страх смерти, таким образом, становится важным основанием нравственного размышления и религиозного переживания.

Мы видим, что нравственные и метафизические аргументы соединяются в сочинении мыслителя в сложный каузально-эмоциональный узор, как и в его собственной жизни философия стала судьбой, а судьба — философией²⁷.

Привнесение эмоциональной мотивации в метафизику — одна из особенностей русской философии, которую мы можем наблюдать и в сочинениях Г. Н. Теплова. Даже его трактат «Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут», публикуемый в этом издании, включает небольшие отступления личного плана. Теплов писал для того, чтобы дать не только теоретическое, но и практическое руководство человеческому разуму. Нужно не только правильно мыслить, но и правильно жить — к этому предназначена практическая философия, которая «показывает разуму нашему через философию моральную должность к Богу, монарху и ближнему, обязательство к самому себе, к дому своему» (с.).

Личная жизнь Теплова была не очень счастлива. Первая его жена умерла в 1752 г., вторая же оставила его и стала жить отдельно. Много времени и сил он уделил своему сыну, принципы воспитания которого сформулированы в опубликованном в данном издании небольшом педагогическом сочинении «Наставления сыну». Теплов был убежден, что воспитание формирует личность и нравственные качества человека. «Хотя народы, разный язык имеющие, имеют разные нравы, разные обычаи и разные вкусы, но то бывает по причине воспитания, — писал он. — Если бы дикого и степного человека от самого рождения воспитать в истинном благонравии и просвещении наук политических, то какова бы его природа не была, он всегда уже будет инородный своим родителям... Воспитание делает младенца иным на возрасте человеком, и не остается в нем ничего, кроме лица и сло-

²⁷ Органичное соединение метафизики и чувства удалось Радищеву в большой стихотворной эпиграфии, написанной по поводу смерти первой жены:

О! если то не ложно,
 Что мы по смерти будем жить;
 Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
 Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
 Надеждой сей себя питая
 И дни в тоске препровождая,
 Я смерти жду, как брачна дня

(Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. С. 123).

жения тела, которое он по плоти приемлет»²⁸. Поэтому Теплов вырабатывал своеобразный кодекс наставлений или правил, следование которым должно привести к благополучной жизни. Он учил: «будь добросердечен», «опасайся быть корыстником на вред ближнего», «будь эконом, а не будь скуп», «одолевай нищету трудом и прилежанием», «будь храбр, а не будь забиячлив», «не допускай до себя никогда худых привычек», «не будь безумен в страсти любовной», «здоровье свое почитай первым для тебя сокровищем», «не забавляйся игрою до убытка, а паче разорения твоего», «старайся говорить кстати и осмысленно», «отделяй прямую дружбу от фамильярности», «не привыкай к издевкам», «не будь упрям по своенравию, а соглашайся по разуму», «не будь переносчиком вестей», «не привыкай быть ласкателем» и т. п. (с.). Таким образом Теплов пытался сформировать кодекс правил жизни в обществе и разъяснить, почему нужно им следовать. Однако теория и практика, как всегда и бывает в жизни, не соединились в воспитательном акте. Сын не последовал советам отца. Одна из его выходок нанесла Теплову сильную эмоциональную травму, от которой он не мог оправиться до самой смерти.

Детальную педагогическую программу предлагал А. Ф. Бестужев в трактате «О воспитании», вошедшем в это издание. В этом сочинении, так же как в эссе «Нечто о врожденном свойстве душ российских» П. А. Плавильщикова, рассматривается создание национальной системы воспитания и уделяется большое внимание вопросу о том, как готовить педагогов для российских школ и училищ. Бестужев и Плавильщиков полагали, что основа гражданских добродетелей — патриотическое воспитание, основанное на уважении к родной культуре и истории своей страны.

К жанру наставительного поучения примыкает серия философских эссе А. П. Сумарокова, размышляющего о природе морали. Он не соглашался с теорией врожденных нравственных понятий и полагал, что воспитание и положительный пример могли бы сделать общество совершеннее. Начинать следует с дворянства, которое могло бы стать неким образцом для подражания. Вместе с тем, для него несо-

---

²⁸ [Теплов Г. Н.] О начале стихотворства // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Июнь, 1755. С. 6. (Долгое время это сочинение ошибочно приписывалось М. В. Ломоносову. См. *Штамбок А. А.* Об авторстве рассуждения «О качествах стихотворца» (К вопросу о двух направлениях в русской эстетике классицизма) // Русская литература. — 1961. — №1. — С. 173).

мненно, что мораль и лежащая в ее основе добродетель не является просто сводом поведенческих правил, а пребывает на ином уровне. Именно божественное, трансцендентное происхождение обеспечивает универсальный характер ее правил. Собственно человеческим изобретением является политика, которая должна основываться на морали. Обе они являются регуляторами человеческого поведения: «Мораль и политика делают нас по размеру просвещения разума и очищения сердец полезными общему благу. А без того бы люди давно уже друг друга без остатка истребили», — пишет Сумароков в статье «К добру или к худу человек рождается» (с.).

Одной из центральных фигур философского мира XVIII столетия был Н. И. Новиков. В значительной степени это было связано с его издательской деятельностью, которая, как бы мы сказали сегодня, создала медиальную среду. Книжки и журналы, издаваемые Новиковым, формировали российское общество, создавая новые интеллектуальные и информационные потребности, а также предлагая издательские проекты, способные повлиять на его вкусы и даже нравы. Кроме того, сама личность Новикова и сочинения, в которых он сформулировал свои идеи, отражали новые представления о человеке как о просвещенной личности, стремящейся к нравственному совершенству. В своих основных философских работах «О достоинстве человека в отношении к Богу и миру», и «О воспитании и наставлении детей», а также других сочинениях, публикуемых в данном издании, Новиков рассматривал общество в главнейших проявлениях его жизнедеятельности — его духовную жизнь и формирование человеческой личности.

Новиков полагал, что для каждого человека и для человечества вообще должен существовать идеальный образ «истинного человека», к которому он и должен стремиться. Ставя вопрос о смысле жизни, Новиков отмечал, что он заключается прежде всего в деятельной жизни, активном и самостоятельном приближении к этому идеалу и осуществлению его в земной жизни. Таким образом, средством к достижению этого идеала также является человек. Большое значение для формирования «истинного человека» имеет его социальная активность: «...Истинные люди не должны так проводить жизнь», «Всякий <...> человек, почитая себя средством, должен служить своему отечеству и каждый своему сочеловеку служить и быть полезен» (с.).

На основании учения о человеке как цели и человеке как средстве Новиков показывал просветительский идеал общества, где «...цари

мира себя средством почитают, окрест себя единое устроят благо, во всех частях себя до совершенства довести стараются и всякое благодеяние чинят не из какого другого намерения, как только из единого удовольствия творить добро» (с.). «Какое благородное упражнение, какое гармоническое веление, какая искренняя любовь, верность, честность, справедливость...будут встречаться на улицах! — восклицал Новиков в статье «О достоинстве человека в отношениях к Богу и миру». — И когда единое сие воображение вливает уже во все наши жилы сладчайшее чувство удовольствия, то что ж бы было, если бы сие в самом деле исполнялось? Если бы всякий человек по величию своего достоинства поступал?» (с.).

Как уже говорилось выше, сочинения российских мыслителей довольно трудно разделить «по проблемам». Они часто носят или энциклопедически-универсальный характер, или же используют систему моральных и социально-политических аргументов и выводов в абстрактно-теоретических и естественнонаучных дискурсах. Философский труд Я. П. Козельского «Философические предложения», несмотря на свою эпистемологическую направленность, также содержит размышления, посвященные совершенствованию общества. Обращение естествоиспытателя к философским вопросам — характерный штрих эпохи Просвещения, ведь именно наука обладала в XVII–XVIII вв. наиболее совершенной методологией — механистическим методом, который, как тогда казалось, может внести математическую ясность в самые сложные и запутанные философские проблемы.

Козельский отказывался рассуждать о свойствах и делах Божьих, так как «...мы ... основательного и неоспоримого познания ни из опытов, ни от умствования вывести не можем, то для того я не вступаю в рассуждение о сем...» (с.). На наш взгляд, в словах Козельского не заключается ни агностицизма в познавательной области, ни индифферентизма по отношению к проблемам мировоззрения, а скорее выражается трезвый взгляд на современное ему состояние философской мысли. Право оценивать это состояние давало Козельскому близкое знакомство с произведениями выдающихся философов того времени; философская эрудиция мыслителя отмечается практически всеми исследователями творчества замечательного русского просветителя.

В учениях английских материалистов XVII в. и французских материалистов XVIII в. возможности механистического материализма

были уже практически исчерпаны. Философская мысль подвергла исследованию почти все стороны бытия и познания, однако, разделив их острым ножом анализа на противоположные части, не смогла объяснить взаимоотношения этих противоположностей и прибегла к понятию некоего Абсолюта (или Бога), соединяющего и удерживающего эти противоположные части. Именно это имел в виду Козельский, отказываясь «покушаться на непонятное умом нашим» (с.). Козельский, однако, не пошел по пути идеалистической интерпретации онтологических проблем, предлагавшихся последователями вольфианской школы, он считал, что «генеральные познания о вещах и делах человеческих» (с.), имеют для него значение лишь в той степени, в какой выработка философского мировоззрения способствует познанию «добронравия». Смысл занятий философией заключается, согласно Козельскому, не столько в том, что она содержит в себе «основания ко всем другим наукам, сколько для правил к исканию благополучия» (с.). Из многообразной философской проблематики Козельский особенно выделяет этическую и социально-политическую, предполагая, что именно в такого рода рассуждениях ему не придется браться за «не сходное с силами...разума дело» (с.). Козельский далек от того, чтобы провозглашать моральные истины или видеть в нравственном самоусовершенствовании путь к изменению общества, скорее наоборот, изменившееся к лучшему общество создаст те необходимые условия, при которых человеку легче будет реализовать заложенные в нем положительные качества.

Во взглядах на государство Козельский разделял теорию естественного права и общественного договора, и, предваряя Радищева и Новикова, опровергал мнение Руссо о необходимости в целях благополучия общества вернуться к исходному «натуральному» состоянию. «...Теперь уже то начальное его благополучие невозвратно» (с.), — писал он, подразумевая, что в обществе произошли некие качественные изменения, которые делают невозможным движение его вспять. Козельский видел, что «в непрерывном течение неизмеримого времени» (с.) происходит накопление духовного богатства общества, что выражается в создании наук и искусств, дальнейшем их развитии. При построении совершенного общества их нужно использовать, а не отбрасывать, как советовал Руссо, именно тогда новое общество может не только наслаждаться собственным благополучием, а в настоящее время невозможно «быть человеку натурально

благополучным, надобно иметь для того прибежище к искусству и науке» (с.), но и противостоять другим государствам — менее благополучным, но более агрессивным. «Ежели б какой народ вздумал не учиться, то другие ученые народы в краткое время и с превеликим аппетитом его скушают» (с.), — замечал мыслитель. Козельский считал мир обязательным условием совершенного общества, прекрасно понимая, что необходимым его залогом является сила, в противном случае может повториться история с американскими «цыпленками», живущими в состоянии «натурального благополучия» и поработившими их «учеными европейскими коршунами» (с.).

Общество будущего представляется Козельскому обществом трудящихся людей, «обществу полезных». Материальное состояние членов общества должно быть уравнено, выделиться можно только личными заслугами. Всякий труд — «от души или от ума» — одинаково почетен в государстве, однако он не должен быть чрезмерным. Нормальным Козельский считал восьмичасовой рабочий день. Труд не должен быть тяжким бременем, он должен приносить человеку радость, но при необходимости к нему нужно принуждать тех, кто не хочет трудиться добровольно. Следует изжить роскошь, стать умереннее, тогда будет изжита и нищета. Вслед Г. Б. де Мабли Козельский говорил о том, что излишества портят нравы, их необходимо запретить законодательным путем. Социальное переустройство должно предшествовать нравственному и культурному прогрессу общества, создавая условия для его осуществления. Козельский считал, что бесполезно просвещать рабов: просвещению народа должно непременно предшествовать его освобождение.

Новой сферой «практического» философствования стало право. До XVIII в. о «правах» не говорил никто, были только обязанности и привилегии. В. О. Ключевский писал о допетровском времени так: «Общество расчленилось по роду повинностей, разверстанных между его классами; прав в политическом смысле оно не знало; ему давались только льготы (или привилегии, преимущества)»²⁹.

Первые правовые теории, с которыми познакомилось российское общество, относились к области естественного права. Сочинения С. Пуфендорфа, Г. Гроция, Т. Гоббса, Г. Лейбница, Хр. Вольфа, Дж. Лок-

---

²⁹ Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. М., 1995. С. 192.

ка активно изучались и переводились на русский язык. Во второй половине XVIII в. этот список пополнился именами Ш. Монтескьё, Ч. Беккариа, И. Г. Г. Юсти, И. Зонненфельса, Ж. -Ж. Руссо и других.

Особо следует сказать о влиянии британских, и прежде всего шотландских, мыслителей, которые стали известны в России в значительной степени благодаря С. Е. Десницкому, сочинения которого вошли в это издание.

С. Е. Десницкий учился в университете Глазго у А. Смита. В 1768 г., вернувшись из Шотландии, он подготовил «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», которое посвятил Екатерине II. В это время в России работала созданная Екатериной II в 1767 г. Комиссия о сочинении проекта нового уложения. Сочинение Десницкого, в котором он писал о разделении законодательной, судебной и исполнительной властей, составлено написано под влиянием идей Монтескье и его «Духа законов», сочинения Г. Хоума (лорда Кеймса) «Принципы справедливости» и, конечно, А. Смита.

В опубликованном варианте торжественной речи «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным», произнесенной 22 апреля 1770 г. в Московском университете, Десницкий замечал, что собирается издать собственный перевод «Теории нравственных чувств» А. Смита. В примечании говорится: «г. Смит, профессор глазговский, которого сочинения перевод вскоре уповаю издать в печать»³⁰. А. А. Желудков, автор комментариев к тексту, отмечает, что Десницкий не осуществил своего замысла перевести сочинение своего учителя, но не обосновывает вал своего мнения³¹. Издания такого действительно не было, но, возможно, перевод все-таки был сделан, но не сохранился или до сих пор не известен.

Как переводчик с английского Десницкий известен своим изданием сочинения У. Блэкстона «Истолкования англинских законов»³²

---

³⁰ Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. М., 1959. С. 193, прим.

³¹ Там же. С. 575.

³² Истолкования англинских законов г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. С подлинника аглинского. Кн. 1-3. М., 178...-1782. Был переведен только первый том четырехтомного сочинения Блэкстона «Introduction / Of the study, nature and extent of

(W. Blakstone «Commentaries on the laws of England»), сделанным по приказу Екатерины II.

Известный исследователь русско-британских связей М. П. Алексеев писал: «Русские слушатели Адама Смита по Глазговскому университету И. А. Третьяков и С. Е. Десницкий в аудиториях Московского университета излагали его знаменитый труд «Богатство народов» за двенадцать лет до того, как эта книга была издана в Англии»³³.

В «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», публикуемом в данном издании, Десницкий дает описание структуры правового знания. Опираясь на своего учителя — А. Смита, он полагал, что юриспруденция должна рассматриваться в непосредственной связи с моралью. Десницкий предлагал план составления свода российских законов, рассчитывая, что это будет способствовать упорядочиванию общественных отношений.

Политическая философия нашла развитие в сочинении И. П. Пнина «Опыт о просвещении относительно к России». Просвещение Пнин понимал прежде всего как правовое и политическое, результатом которого должна быть отмена крепостного права и создание гражданского общества. От абстрактных обсуждений проблемы свободы и естественного права Пнин переходил к обсуждению прав человека и обязанностей гражданина.

* * *

В течение XVIII столетия развитие общественной мысли в России совершило значительную эволюцию. Это было связано с рядом существенных изменений как в российском обществе, так и в способе мышления эпохи. Если в допетровские времена интеллектуальная элита принадлежала главным образом церковной среде, то в эпоху Просвещения в нее входит академическое сообщество и дворянские интеллектуалы. Соответственно меняется проблематика и форма выражения знания. Именно в это время в России формируется система философских и общественно-политических дискурсов, дающая возможность осуществить интеллектуальную коммуникацию с Западом

---

the laws of England» // «Book the first / Of the right of persons». Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 1. М., 1962. С. 108.

³³ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи // Литературное наследство. — Т. 91. — М., 1982. — С. 114.

и органически воспринять достижения европейской и североамериканской мысли. Создание коммуникационной сети позволило не только «открыть» Европу и Америку, но и сделать интеллектуальное пространство поистине международным, навсегда закрепив готовность к контактам и восприимчивость к инновациям отечественной философской и общественно-политической мысли.

* * *

В данном издании представлены сочинения российских мыслителей, отражающие не только многообразие обсуждаемых проблем, но и разнообразие жанров. Это официально риторические «речи» или «слова», произнесенные в торжественных собраниях академических институтов (Д. С. Аничков, И. А. Третьяков, А. М. Брянцев, П. И. Страхов, А. А. Прокопович-Антонский, Ф. Г. Политковский, М. И. Панкевич, Т. Ф. Осиповский, С. Е. Десницкий, Д. Н. Синьковский), небольшие эссе, посвященные тем или иным моральным или социально-политическим проблемам, публиковавшиеся как журнальные статьи (А. П. Сумароков, Н. И. Новиков, П. А. Плавильщиков), аллегорические тексты (Ф. И. Дмитриев-Мамонов), научные трактаты (М. В. Ломоносов, Г. Н. Теплов, А. Н. Радищев, Я. П. Козельский, И. Д. Ертов), педагогические проекты (А. Ф. Бестужев, Н. И. Новиков). Авторами их были ученые, профессора университетов или сотрудники Петербургской Академии наук, писатели, представители дворянской элиты, независимые исследователи. Совокупность этих жанров, различные формы и уровни дискурса и создавали своеобразие интеллектуальной атмосферы «философского века».

Публикуемые тексты приведены в соответствие с современной орфографией и пунктуацией, с сохранением некоторых лексических особенностей авторов.

*Т. В. Артемьева,
доктор философских наук, профессор*

Д. С. АНИЧКОВ

**Слово на высокаторжественный день
восшествия на всероссийский престол
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА,
ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ, ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ
РОССИЙСКОЙ в публичном собрании
императорского Московского университета
говоренное оною ж университета философии
и свободных наук магистром Дмитрием
Аничковым 1767 году, июня 30 дня о том,
что мир сей есть ясным доказательством
премудрости Божией, и что в нем ничего
не бывает по случаю**

Когда мы, П. С.¹, приводим себе на память оный час, в который Всемилостивейшая наша Самодержица восприняла намерение исполнить желание всех сынов российских, не представляем ли себе купно тогда и Божеский промысел, который Ее к тому вел, содействовал Ей и руку помощи подавал? Когда мы воображаем себе тот день, в который веселящаяся о благоденствии своих верноподданных рабов, Богом Предызбранная Монархиня самым делом исполнила Свое и общее всех намерение, не воображаем ли себе купно тогда и великий дух Победоносной Героини, которая, невзирая на все опасности, могущие в таком случае и самое геройское сердце поколебать, но уповая на всеильного своего руководителя, премудрого и всевидящего Бога, сквозь самые тучи опасностей, с малым числом горящих к себе усердием, благополучно достигла желаемого пристанища? Когда мы, наконец, воспоминаем оное преблагополучное и всеми желанное время, в которое Попечительнейшая Императрица приняла на себя бремя правления, бремя Богом предопределенное, и им же самим Ей врученное, не удивляемся ли тогда и неиспытанным Божиим судьбам, неисчислимо и бесприкладному его милосердию, что он без всякого кровопролития, в знак единого своего к нам благоволения, определил Ее царствовать над нами, по кротости своей давно уже обитавшую в сердцах наших? Достоинство убо² после, вспоминая оный час, яко начало и источник всех тех благополучий, которые преизобильно изливает на нас наша Повелительница, приносим в жертву благоговения

Всевышнему, который предызбранную мыслями и согласным всех россиян желанием, Государыню утвердил на престол, и возвысил Ее над всеми царями земными. Достоиню, вспоминая оный день, в который вступив на всероссийский престол наша Самодержица, все прежде бывшие печали прекратила, приносим жертву хваления Всевидящему, что он нас препоручил толикой благодетельнице, которая внутреннее спокойство и совершенное благоденствие во всей своей обширной империи восстановить, учредить и утвердить старается. Достоиню, вспоминая оное время, в которое узрели мы на престоле сидящую истинную свою Покровительницу, Прещедрую Отечества Мать, приносим жертву благодарения Премудрому Создателю за оказанные его к нам неисчетные благодеяния, что он ниспослал нам такую Обладательницу. Итак, веселись ты, древнейший и первопрестольный град Москва, видя Государыню свою, обновляющую тебя и пременяющую седины твои в орлиную юность. Веселись, славный град Петров, бывший свидетелем неизреченного Божеского к нам благоволения и милосердия. Ликуй, вся обширная Российская Империя, видя свою Обладательницу, милосердием своим подобящуюся Богу.

Но как мое намерение, П. С., состоит в том, чтоб представить, что мир сей есть ясным доказательством премудрости Божией, и что в нем ничего не бывает по случаю; того ради с вашего позволения и приступаю к оному. Прежде, нежели начну говорить о самой материи, за благо рассуждаю я, разобрав порознь, изъяснить охотнейшему вашему вниманию, что есть мир, премудрость и случай.

Если тот, кто желает иметь подробное и совершенное понятие о какой-нибудь вещи, вообще рассуждаемой в силу логических правил, в особенности, наперед разбирает все околичности³, к той вещи принадлежащие, то равным образом и я, по тем же правилам принужденным себя нахожу, в особенности, сперва разобрать все те околичности, которые для подробного понятия о мире сем служат. А какие суть оные околичности, из следующего явствует.

Когда мы возводим глаза свои на небо или потупляем оные в землю, различные и премногие тела тогда нам представляются, как, например, Солнце, Луна, бесчисленные звезды, разных родов животные, деревья, произрастания, реки, моря и проч.; и видим, что все сии тела состоят вместе, следственно заключаем, что в мире сем находятся вещи вместе состоящие. Притом, когда ежедневный

опыт научает нас тому, что из тех вещей, которые вместе состоят, некоторые происходят и начинают иметь свое бытие, а некоторые из них исчезают и от глаз наших опять удаляются, например, за днем ночь, за ночью день, за летом зима, а за зимою лето следует, и что ни солнце, ниже луна не пребывают всегда в одинаковом своем положении; тогда заключаем, что в свете сем находятся вещи последовательные, и следовательно, все вещи, как вместе пребывающие, так и последовательные, вообще называются существами, поколику состоят в мире сем, неотменно имеют такое свойство, что могут переменены быть, и имеют свое бытие другим образом. Ибо какая непристойность может выведена быть из того, когда мы доказываем, что тот же человек, который имеет великое богатство, может прийти напоследок в крайнее убожество? Что препятствует, чтоб солнечные лучи, которые освещали землю, не скрылись, и потом не последовала ужасная непогода? Итак, куда мы не обратим свои глаза, видим везде и примечаем, что все, в свете сем находящееся, подвержено перемене. Наконец, опытом также дознаем, что все вещи имеют между собою такое взаимное отношение, что или одна вещь производит другую, или одна бывает для другой. Ибо кто не знает, что теплый и умеренный дождь более производит земли плодородие, какого лучше желать не можно? Кто не ведает, что Солнце с Землею и прочими планетами состоит вместе для того, чтобы сии освещаемы быть могли, а Земля получала себе теплоту от оного. И тогда справедливо сие, как и есть действительно, что или от одного производится другое, или одно бывает для другого, то явствует, что все в свете сем состоящие вещи имеют такое свойство, что одна из них содержит причину другой, то есть все вещи взаимно между собою связаны.

Итак, все сии порознь мной исчисленные околичности, принадлежащие единственно до подробного понятия о мире, совокупив вместе, выводим из соединения оных свойственное и всеобщее понятие о мире такое: что он есть порядок всех вещей вместе пребывающих, последовательных, переменяемых и взаимно между собою связанных. И сие то есть оное всеобщее определение мира; я других определения оставлю для того, что иные из них совсем невразумительны, а другие, хотя и вразумительны, токмо несовершенны. Теперь уже далее поступаю, т. е. к определению премудрости.

Если премудрым называется тот, кто избирает для себя все то, что или есть наилучшее на свете, или весьма приличное концам его, то премудрость не что иное есть, как совершенство избирать то, что есть самое наилучшее и весьма сходственное с концом, или как другие определяют: «Премудрость есть знание располагать принадлежащие средства к получению концов таким образом, чтобы один конец был средством другому». Почему, когда кто приличествующие употребляет средства, и конец тогда весьма изрядный получается, чем же лучшие и приличнейшие, кто употребляет средства, тем тот премудрейшим почитается, наконец, чем кто больше и лучше знает совокуплять между собой общие и особенные концы, и все оные, без всякого между собой противоречия, располагать так, чтобы те концы, которые ближайшии суть, были средствами отдаленных, тем совершеннейшей того премудрость по справедливости именуется. Из чего явствует, что разные кто суть степени премудрости, и когда кто больше или меньше премудрым может назван быть. То есть тот называется премудрым, кто знает многие средства, принадлежащие к концу, тот почитается премудрейшим, кто через такие же средства знает получить лучший и пространнейший конец, или кто разумеет получить тот же конец помощью немногих и простейших к тому принадлежавших средств, наконец, кто множайшии средства и концы знает располагать взаимно между собой так, чтобы одно и то же вместе токмо под особливим различием могло быть вместо средства и конца, тот в превосходнейшей степени именуется премудрым. И таким образом, учинив определение премудрости и изъяснив, что оной разные суть степени, следует теперь изъяснить третий моей речи предмет, т. е. случай.

Случаем называется такое происхождение, которого дополнительная причина нам неизвестна. Например, когда доска упадет с какой-нибудь крышки и убьет до смерти человека. Чистый случай есть такое происхождение, которое совсем никакой довольной причины не имеет. Например, склонение Епикуровых атомов по прямой линии без всякой причины. Но мы, сколько возможно, будем стараться ниже сего доказать, что чистому случаю в натуре вещей быть не можно.

К самой уже материи приступаю, П. С., но за благо рассуждаю, во-первых, представить, что все в свете сем находящееся есть случай-

ное. Случайным же называется все то, что может быть сим и другим образом, что может иметь свое бытие и не имеет, и следовательно, бытия своего причину не в себе заключает. Двойкие суть существа, которые общий всех вещей порядок составляют, иные из оных суть вещественные, а иные не вешественные, и оба такого свойства, что довольная причина бытия их вне их, т. е. в другом особенном существе содержится. Первое из оных существо есть сей вещественный мир, который состоит из тел, а тела суть такие существа, которые из разных между собой частей будучи составлены, могут подвержены быть разным переменам. Итак, когда части, из которых состоит сложное существо, могут быть сим и другим образом, явствует, что и о целом сложном существе можно тоже заключить, т. е. что и оно подвергается разным переменам. Возьмем в пример сей, на котором обитаем, земной шар, и увидим, сколь случайное оный имеет бытие. Рассмотрим, например, величину оно и увидим, что оный не необходимо ее имеет. Ибо хотя математики и примечают, что сей земной шар во всем своем окружении содержит пять тысяч четыреста немецких миль, однако ж для чего бы так, не могут они того сказывать, что довольная тому причина в самом том шаре содержится. Равным образом довольная причина и сего, что иная часть земли твердая, а иная — жидкая, что они места особливо гористые, а другие плоские, не в самом земном шаре, но вне оно и заключаются, следовательно, оный по сему есть сам в себе случайный. Если там же, смотря на самое действительное бытие мира сего, рассмотрим оный, то равномерные причины и в рассуждении того нам представляются. Ибо всякая вещь по своей натуре случайная, не заключает в своей власти сего, что быть ли ей или не быть, и для чего особливо быть, а не быть, но всю причину своего бытия и небытия относить к другому существу. И потому, когда какая вещь имеет уже действительное свое бытие, имеет оно не необходимое, но случайное.

Хотя кто здесь и учинит такое предложение, что не все всеобщие вещи суть случайные, но токмо некоторые. Ибо каким образом душа наша может случайная быть, когда она есть существо простое, и никакие перемены ей не приличествуют, каким бывают тела. Но мы такое предложение отражаем следующим образом: не всякий ли из нас самым опытом дознает, что все, собою происходящее в нашей душе, не вместе и не в одно время собою происходит? Не всяк ли понимает, что силы

душевные положением тела и учреждением органов оно ограничиваются, и все ее размышления последовательным образом бывают так, что на место одного исчезнувшего размышления вступает другое? И когда так, то видно, что и душа наша некоторым подвергается переменам, а что переменяемое есть, то и случайное, следовательно и душа наша в чисто случайных вещей внесена быть должна.

И отсюда можно видеть, что тот тщетно трудится, кто бытия какой вещи причину ищет в случайных вещах. Ибо не можно допустить продолжения в бесконечность, а когда так, то все бытие свое имеющие вещи должны иметь такую довольную причину, на которой бы можно было остановиться, то есть неотменно должно быть такое существо, которое от другого не зависит, но как своего бытия, так и всех прочих случайных вещей последнюю причину в себе одном заключает, потому что одно из таких понятий содержит в себе и другое, и когда одно из тех приписывается какому существу, то неотменно и другое тому же приписано быть должно. Итак, видно, что как вообще мир сей, так и порознь все в нем находящиеся части суть случайные, из случайного же сих бытия можно иметь заключение о всем том, что находится в Существе необходимо нужном, т. е. Боге. Особливо же премудрость такого Существа гораздо вразумительна будет нам, когда мы рассмотрим порядочное учреждение средств и концов по воле Его святейшей, в мире сем продолжающееся.

Хотя чудесное строение всевышнего Существа, т. е. мир сей, вообще рассуждаемый, удивительным и обширным представляя себя нам, яснейшие открывает доводы премудрости Божьей, однако мы гораздо яснее познаем оную, когда рассмотрим порознь союз, расстояние, фигуру всех тел, в нем находящихся. Познаем, что все сии земным и небесным телам приличествующие качества к одному концу, т. е. к совершенству мира сего клонятся.

И, во-первых, союз есть такое взаимное между собой вещей отношение, что одна из них содержит в себе причину другой. Например, ежели бы не было солнца, то бы и действия, от действительной его силы зависящие, не могли состоять в мире сем. А что все вещи таким союзом между собой связаны, сие мы выше уже доказали. Остается токмо здесь упомянуть о том, что союз вещей ясным образом доказывает премудрость Божью. Положим, что в мире сем состоящие вещи не имеют между собой такого союза, то следствие из сего произойдет такое, что конец без средств

и действие без причины получается. То есть по уничтожении союза вещей никакой надобности не будет заключаться в том, чтобы средства учреждались для концов. Но как премудрости дело состоит в том, чтоб учреждать средства для концов, то видно, что когда в мире сем есть союз вещей, неотменно должно быть и удивительной премудрости Божьей, приводящей все вещи в согласный порядок.

Сие же самое обстоятельство, рассмотрев сл. Билфингер⁴ в книге своей о начале и поущении зла⁵, изрядно доказал, что в союзе вещей, как бы в некотором зеркале, ясно можно видеть превосходнейшую премудрость Вышнего Существа. Ибо говорит он: «Где находится союз средств и концов и где добрые концы через способные получают средства, там находится премудрость». И далее: «Тем более премудрость Божья доказывается в мире сем, чем больший союз концов в себе содержит».

И взаимное между собой расстояние вещей доказывает премудрость Божью. Ибо, что известные планеты, например, Сатурн, Юпитер, Марс и прочие на известное расстояние каждая друг от друга отстоят, как то исчисляют астрономы, не премудрость ли Божья определила быть такому расстоянию для того, чтобы ни одно из помянутых тел не могло с другим соединиться, а по соединении одно другое не застенило. Всеконечно, так. Ибо в противном случае вечная бы повсюду была темнота.

Что касается до движения тел, и оно, как свойственное и приличествующее всем телам, доказывает премудрость Божью. Ибо не напрасно премудрый Творец определил, чтобы иные планеты имели скорейшее движение, а другие не так скорое, не меньше удивления достойна премудрость Божья в рассуждении тех планет, которые называются главными, и имеют движение, так названное периодическое. Ибо сии планеты по прошествии известного времени обратно возвращаются на те самые места, откуда начали свое движение, и, таким образом, на нашем земном шаре производят четыре всем известные времени года, т. е. весну, лето, осень и зиму. И когда сие от начала сотворения мира и до сих пор продолжается непременно образом, то не премудрость ли Божью через то познаем, учредившую такой порядок в движении помянутых тел небесных?

Равным образом доказывают премудрость Божью и фигуры, телам определенные. Ибо примечаем мы, что все небесные планеты имеют круглую фигуру, а для чего? Для того всеконечно премудрое Суще-

ство определило им быть таким, чтобы они, получив круглую фигуру, удобнее могли иметь движение. Ибо, как и самым опытом можно доказать, что тело, имеющее круглую фигуру, удобнее может сдвинуть с места человек, нежели такое, которое имеет плоскую или другую какую фигуру. Особливо же для того премудрый Создатель в рассуждении определения фигур планетам предпочел круглую, что круглое тело более способности может в себе заключать, нежели другого вида тела. То есть в круглых телах не вдруг, но помалу прибывает или убывает теплота и сияние, в противных же сим телах такого свойства приметить не можно.

И из общего рассуждения о телах можем дойти до познания премудрости Божьей. Возьмем в рассуждение, например, Солнце, которое нам собой изобразит премудрость Всевышнего. Ибо, как скоро оно восходит, тотчас все люди принимаются за свои дела, все животные из своих определенных мест выходят для приискания себе пищи, видимы бывают многообразные вещи, которых бы в противном случае не могли мы видеть и знать. Нам одним определено взирать на оно и помощью его сияния видеть разные одушевленные и неодушевленные тела. Ибо, когда день, видим тогда и разные произрастения, различную приятность вливающие в наши чувства. Теплота и сияние солнечных лучей действуют, что разных родов травы растут и зеленеют, древа приносят плоды и животные питаются оными, семя, посеянное на земле, сперва восходит, потом возрастает и, наконец, приносит желаемый плод. Действительной силой солнечных лучей восходят пары на воздух, и тамо сгустившись, упадают на землю для орошения оной.

Посмотрим астрономическим глазом на высочайшую из всех планету, называемую Сатурном, увидим непременно и там несказанную премудрость Божью. Ибо планета сия сама бы собой не производила сияния, когда бы Бог премудро не определил того, чтобы находящиеся при ней в известном числе спутники, и астрономами действительно примеченные, со всех сторон сообщали ей свое сияние.

Посмотрим на Луну, недалеко от Земли отстоящую планету, и сия нам может быть доказательством премудрости Божьей. Ибо всевидящий Творец учредил ее таким образом, чтобы она имела движение свое около Земли, почему не беспристойно от астрономов и называется спутником ее. Она хотя и есть тело, собственного сияния не имеющее, однако заимствует оно от другого тела. И сие явствует

из следующего: ибо когда она находится в середине между Солнцем и нашей Землей, тогда часть ее, к нам обращенная, видима бывает наподобие черного круга, а когда помалу начнет отступать от середины, тогда она представляется глазам нашим наподобие светлого серпа, и чем далее отходит, тем большая ее часть освещается, и большее сияние производит. И когда уже она бывает в полном своем сиянии, не получаем ли мы тогда от ее пользы, особливо будучи в путешествии? Она служит нам для измерения времени, она предсказывает нам непогоды и дни ясные. Например, когда она бывает бледноватая, тогда предзнаменует дождь, когда бывает красноватая, тогда предвозвещает сильные имеющие быть ветры, когда она, наконец, представляется глазам нашим белой, тогда уверяет нас о имеющих наступить ясных днях. О горах же и водах, которые быть в Луне примечают астрономы, не наше дело рассуждать, потому что нам не известны те концы, которые Бог через нее намеревал. Одно токмо сие нам гораздо известно, что все по власти всемогущего Бога произведенное и действительно состоящее в свете сем, по неизмеримой его же премудрости, предопределено для известных концов и учреждено во благое. Нет нужды рассуждать о том, находятся ли или нет в планетах жители? Довольно и того, что когда можем знать те концы, для которых учреждены планеты. Пусть хотя кто и будет говорить, что премудрость Божья неправильно учреждает, когда избирает больше средств, нежели как самые концы требуют. Например, невеликие те пользы, да и не примечено еще, какие оные были, которые наша Земля получает от планет. Но мы такое предложение можем отразить следующим образом: один тот знает, который сотворил сии тела, какую они должны приносить пользу, а мы не знаем, сколько и какие средства надобны для того, чтобы непрерывные перемен законы порядочным образом происходили в сем свете.

Но углубившиеся мысли наши в рассматривании тел небесных, обратим уже оные, как и порядок велит, к тем телам, которые ближайšie окружают нашу Землю. Тотчас представится нам воздух, весьма способное обиталище из земли выходящих паров. Сей делает перемену в погодах, ибо он по своей натуре теплоту и стужу в себе заключает, мокрый или сухой временем бывает. Воздух умягчает зной солнечных лучей, дабы животные не могли отягчены быть оным, а произрастания от оногo не посохли. Прежде, нежели взойдет солнце на горизонте, усматриваем мы зарю, и сего явления не иное что при-

чиной, как токмо воздух. Ибо солнечные лучи, в нем преломившись, так нам представляются. Воздухом питаются животные, и птицы пользуются оным. Ветры не от чего иного случаются, как от сильного колебания воздуха. И как во всем прочем, так особливо в рассуждении ветров, премудрость и промысел Божий познается. Разные веют ветры, но для многообразной пользы. Ибо, когда оные ветры веют летом, тогда скорейшие плоды приносят нивы и скорее произрастают всякие растения. Много пользующиеся ветрами плавающие по морю и механические машины приводятся в движение оными. Сожалея бы достойно было всех живущих состояние, когда бы не было благорастворенного воздуха и ветры густоту оного, вредную животным, не разбивали.

О прочих телах, также ближайше окружающих нашу Землю и доказывающих премудрость вышнего Существа, рассуждать время не дозволяет, но рассмотрим только, сколько возможно кратко, сей земной шар. На сем мы обиталище куда ни обратим мысли и глаза свои, везде приходим в удивление, видя бесчисленные знаки, показывающие премудрость и величество Божье. Не премудро ли определена нашей Земле фигура особливо круглая, а не другая какая. Для чего же? Несомненно для того, чтобы сила, действующая равномерно, сжимала все части тел, которые могли иметь согласное стремление к центру. Для того Земля наша имеет сферическую фигуру, чтобы воздух мог способнее окружить всю ее поверхность. Посмотрим потом на тела, которые на сем земном находятся шаре, и вообще разделяются на жидкие и твердые, увидим, что оные имеют приличное между собой различие, которое им не по случаю некоторому и не по необходимости стоической, но по премудрой и всемогущей власти Всевышнего определено для известных и надобных концов. Например, вода сию особливо человеку приносит пользу, что по ней способнее и скорее, нежели по сухому пути, можно привезти товары из отдаленных мест. Из водяных паров составляются облака, ниспускающие дождь на землю. Машины и всякие механические строения большим или меньшим течением воды в скорейшее или медленнейшее движение весьма способно приводятся. Воды, называемые минеральными, много способствуют к восстановлению здоровья и утверждению восстановленного. И как слабости, которым нередко бывают подвержены смертные, разные суть, то и Бог премудро определил, чтобы в иных источниках серные и селитренные находились частицы, а

в других — селитренные, перемешанные с другими. Не упоминаю о других бесчисленных пользах, которые всем разумным и бессловесным животным сие жидкое тело, именуемое вода, приносит по власти всемогущего Творца на такой конец определенная, потому что оные весьма почти уже довольно известны.

Не кончатся еще здесь знаки, изображающие премудрость Божью, но пространнейшее оных может быть поле. Рассматривали мы жидкое тело — воду, а теперь посмотрим на твердое и такое, которое именуется землей, увидим мы и здесь действительную премудрость высшего Существа. Не премудрость ли Божья определила, что земля наша столько людей и животных на себе содержит, сколько на ней ни находится? Не премудрость ли Божья определила разным животным разные места для обитания? Не премудрость ли Божья, наконец, узаконила, чтобы земля произращала все то, что следует в пищу животным? Все конечно так. И как разных родов животные наполняют сей земной шар и все они не одной и той же пищей питаться могут, то и земля по власти премудрого Создателя производит им в пищу и употребление разные и бесчисленные плодов виды. Примечаем также и сие, что на глинистой и водяной земле не рождаются такие плоды, какие со изобилием произрастают на песчаной и сухой. Не находится, например, в сей земле каких плодов, теми, напротив того, изобилует другая земля. Не напрасно быть замечаем везде неодинакую (неодинаковую?) ровность земли, но для известных концов премудро так устроенную? признаем. Например, когда бы не было гор, не могли бы и люди иметь спасение от наводнений, могущих причинить ужасную погибель. Когда бы не было гор, не могли бы плавающие по морю избавляться от сильных ветров, грозящих самым разрушением кораблей. Горы причиной умеренного веяния ветров и излишнюю теплоту хладнейшими растворяют парами, которые из них выходят. В долинах, горами окруженных, находят ботаники разные целительные травы. В горах разные металлы и драгоценные рождаются камни. На горах скорейший и лучший поспевает плод, как то сказывают иностранные жители и сами мы замечаем. Все сии обстоятельства не святое ли премудрое быть доказывают учреждение? Поистине так.

К последнему уже, П. С., речи моей спешу предмету, то есть представить, что ничего на свете сем не бывает по случаю. Хотя и справедливо сие, что нам причины множайших происхождений и действий,

по причине слабого нашего и притом пределами ограниченного знания, иногда невразумительны и совсем неизвестны бывают, однако из такого незнания не должны мы заключать, что оные случаются без всякой причины. Ибо, когда доказали мы и можем доказать, что все вещи, в свете сем состоящие, взаимно между собой связаны, то есть одна бывает для другой или одна содержит в себе причину другой, доказываем через сие самое и то, что никакому происхождению и никакому действию не можно быть без причины. Положим, что некоторые действия бывают без довольной причины, то, для чего оные бывают, и в сие особливо, а не в другое время, должны будем понятие о таких происхожденииях выводить из ничего и, следовательно сие, называемое так ничто будет и не будет иметь свое бытие. Будет иметь, потому что оно нам дает понятие и вразумление о бытии сего или другого происхождения, не будет же иметь бытия, потому что оно есть ничто. Но как сего допустить не можно, чтоб что-нибудь в одно время имело и не имело своего бытия, ибо явное из того следует противоречие, то не можно допустить и сего, чтобы какое-нибудь происхождение в рассуждении своего бытия зависело от ничего. И когда так, то видно, что ничего не бывает по случаю, то есть без довольной причины, но все происхождение и все действия причину своего бытия к чему-нибудь только относят и должны относить, чтобы вразумительно было, для чего оные имеют свое бытие и в сие особливо, а не в другое время. Да и Цицерон⁶ утверждает, что все рождаемое должно неотменно родиться от какой-нибудь причины.

Карповий⁷ в рассуждении своем о начале довольной причины говорит: «Ежели что-нибудь бывает без довольной причины, то оно должно быть из ничего. Но сие ничто, то есть, что никакого бытия не имеет или в отрицательном смысле или в недостаточном есть такое. Ежели оно в отрицательном смысле есть такое, то никоим образом не может иметь бытия, потому что бытие его само собой делает противоречие. Если же ничто в недостаточном смысле есть такое, то есть, хотя в самой вещи и не имеет еще бытия, но может иметь оно, однако и в таком случае, по причине противоречия, не может иметь бытия. Ибо невозможное не может быть возможным, да и каким образом то, что еще не имеет бытия, может содержать в себе довольную причину какой вещи, действительно уже имеющей свое бытие»⁸.

Уничтожим сие начало, что ничего не бывает без довольной причины, то никоим образом не можно будет опровергнуть необходимого определения социнианского⁹. Уничтожим сие начало, то всякому можно будет толковать Священное Писание по произволению на свою сторону. Без сего начала судья может неправильно обвинить правого и освободить виноватого. Без сего начала почти никакой силы не будет иметь истинная вольность, особливо в моральных случаях. Без начала, наконец, довольной причины никоим образом не можно доказать бытия, промысла и премудрости Божьей. А что есть Бог и, следовательно, промысел и премудрость Его, сего и самые язычники не отрицают.

Из сего краткого изъяснения можете, П. С., без сомнения заключить, что все приключения и все действия, случающиеся в порядке вещей, клонятся к известному концу, промыслом Всевышнего премудро определенному. Если же кто сей истине не верит, что все случается с довольной причиной, и что промыслом Божьим и Его силой управляются все созданные вещи, тот в уверение сей истины может взять в пример одну Россию, и увидеть, сколько раз на ней собывался чудный промысел Божий, приводящий в удивление и ужас умы всех слышащих событие оного. Промыслом убо Божьим, поистине, прежде, нежели мир сей имел бытие свое, предопределено было царствовать над нами в сие особливо время Благочестивейшей Самодержице Екатерине Алексеевне. Премудрость поистине Божья неиспытанная судила быть преемницею всероссийского престола благополучно царствующей нашей Августейшей Монархини. Всемогущий Творец поистине возвел на царство Государыню благочестивую, Государыню, учреждающую новые и премудрые узаконения, Государыню такую, которая более милостью, нежели страхом управляет подданных своих, и не столь на престоле, как на сердцах их желает иметь основание своему обладанию, Государыню такую, которая, имея неусыпное попечение о пользе своего народа, старается восстановить и утвердить благоденствие во всей России. Похвали убо и хвали Господа Бога твоего, Россия, за толикие на тебя излинные Его несказанные щедроты, прими оные с благодарным сердцем, и не забывай воссылать молитвы к Всевышнему, да даст Ей все по сердцу Ее, и весь совет Ее исполнит!

Мы же, особливо торжествующие высочайший день восшествия на Всероссийский престол нашей Всепресветлейшей Самодержави-

цы, в изъявление своего усердия и благоговения, пролием молитвы и моления наши к Всевышнему. Премилосердный Боже! Продли до позднейших времен выше всякого блага почитаемую нами дражайшую жизнь нашей прещедрой Покровительности, да музы, в храме сем обитающие, возрадуются о спасении Ее и Ею прославятся по вселенной. Внуши, Боже, моленье наше, продли так же неоцененную жизни в залог Твоего к нам благоволения, в утешение и надежду всей обширной Российской Империи, от Тебя ниспосланного, Всероссийского Наследника, Благоверного Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. Все мы сего, на Твои щедроты уповая, просим единодушно, для одной славы и прославления Твоего пресвятого Имени.

Слово о свойствах познания человеческого и о средствах предохраняющих ум смертного от разных заблуждений. В публичном собрании Императорского Московского университета на высокотожественный день возшествия на Всероссийский престол ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Благочестивейшия и Самодержавнейшия ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ

Общее почти всех философов мнение, почтеннейшие слушатели, состоит в том, что все познание наше получает начало свое от чувств, по оному: *нет ничего такого в разуме, чего бы прежде не находилось в чувствах*¹⁰. И хотя вещи нераздельные, бытие свое имеющие и чувствами нашими понимаемые, по причине бесчисленных обстоятельств столько различествуют между собою, что ни одна другой во всем подобная быть не может, однако они имеют такие признаки, чрез которые единственно отличаются от других, и потому именуется точно определенными или особенными. Но как и такие находятся вещи, которых мы непосредственно понимать не можем, например вещи бестелесные, почему двояким образом ум наш в рассуждении понятия о вещах действует: то есть непосредственно оным понимаем мы вещи телесные, образоразличия и случайные разных существ принадлежности; посредственно ж или чрез посредство чувствуемых вещей понимаем мы вещи бестелесные, моральные и всеобщие вещей принадлежности. Такой различный ума нашего способ в рассуждении приобретения понятий подал случай философам разделять разум на *чистый* и *нечистый*, великое несогласие как в рассуждении основания такого разделения, так и в рассуждении знаменования оного имеющим. Ибо одни из них основание такого разделения единственно выводят из различия предметов, и потому называют тот ум чистым, который понимает бестелесные вещи, а который понимает телесные, тот именуют нечистым^{*11}. Другие ж, напротив того, думают, что ум наш тогда токмо может называться чистым, когда мы понима-

---

* Vid. *Iob. Iac. Syrbius, Inst, philos. prim.*, p. I, lib. V, § 20, p. 132.

ем какие вещи без всякого об оных предварительного воображения, а нечистым потому, поелику мы сперва в мысли своей представляем некоторое вещественное подобие, когда о каких вещах намереваем рассуждать^{*12}. Но справедливее нечистым ум наш может называться потому, что во всяком нашем познании находится сбивчивость, сбивчивые ж понятия рождаются от чувств и воображения. Из чего явствует, что никакое познание разумных тварей никогда не может быть чистое. Почему Платоновы последователи и советуют, чтоб мы всегда мысль свою отвлекали от всякого чувствования; ибо утверждают они, что действие всякого чувства часто обманывает нас, и мысль наша светом истины тогда токмо озаряется, когда она не утверждается на чувственных представлениях, но сама к себе возвращается и не верит никакому чувству, как токмо себе. Сему мнению следуя, картезиане¹³, и, во-первых, Пурхотий¹⁴, многими доводами утверждают, что все наше познание не зависит от чувств, поелику премного таких находится вещей, которые ни под каким видом чрез чувства не могут доходить до наших мыслей; например, каким бы образом могли мы доказывать о всевышнем существе, то есть о боге, что он есть всемогущий, преблагий и премудрый всех тварей создатель, когда бы о нем не находилось в мыслях наших *врожденного понятия*^{**}. Да и невозможно, говорят они, чтоб пресовершенное существо могли мы понимать своими чувствами, когда оно, поелику невещественное, никакого вида о себе в чувства наши вперить не может. Правда, что мы непосредственно понимать Бога не можем, да из творений заключаем о Творце; но чтоб врожденные о вещах идеи в нас находились, сего допустить не можно. Ибо кто может удостоверить нас, что мы с самого начала жизни своей действительным образом понимали вышнее существо, сущее и первые начала? Никто поистине, потому что, если бы в нас находились врожденные понятия, то бы все люди о всех вещах одинаковое имели понятие, и душа человеческая по необходимости бы должна была таким особливо, а не другим образом понимать представляющиеся предметы. Но как сие здравому рассу-

---

* Vid. *Vol. Em. Loescherus*, Praenot. Theol., praenot. IV et V. Contra indifferentist., pag. 160 et seqq.

** Чрез врожденное понятие разумеют они такое, которое с самого начала жизни нашей и до смерти всегда в нас находится и которое одна первоначальная причина без вспомоществования другой какой-нибудь причины во всех вообще вливает (Vid. *Purchot*, *Metaphys.*, p. 2, sect. 3, c. 4, prop. 4).

ждению и началам психологическим противно, чтоб душа не была свободная, и притом выше сего доказано, что мы все понятия как о чувствуемых, так и о нечувствуемых вещах приобретаем чрез чувства посредственным или непосредственным образом, следовательно, не имеем мы врожденных о вещах понятий.

Опыт довольно научает нас, что мы на сей земной шар вступаем, не имея еще никакого ни о чем понятия, а потом постепенно снискиваем идеи вещей телесных, от которых уже наконец отвлекаем понятие вещей бестелесных, то есть: ум наш по врожденной себе способности невидимые вещи познает из видимых, от особенных вещей отвлекает всеобщие понятия, о будущем рассуждает из настоящего и из бытия вещественных сущих понимает о не вещественных. Таким образом, например, из бытия видимых вещей, которые поелику сами собою не могут дать себе бытия, заключаем, что непременно находится такое существо, от которого бы оные, как от первоначальной причины, зависели. Равным образом из преизрядного порядка, наблюдаемого между вещьми в сем видимом свете, заключаем, что Бог есть един и премудрый*¹⁵ идею духа получаем, когда, исключив все те свойства, какие в телах примечаем, яко то разделение на части, фигуру и проч., присовокупляем к оному разум и волю. Равномерно сущего, существа и других вещей чрез отвлечение получаем идею.

Но если спросить того, кто ясно чувствует в себе врожденные идеи, для чего не знают их те, кои, будучи воспитаны между зверями или от природы будучи глухи и немые, после научаются с людьми говорить и сообщать им свои мысли, а о том ничего не упоминают, что они до того времени понимали? Поистине ничего не будет ответствовать на сие. Ибо опыт уверяет нас, что младенцы по прошествии некоторого времени начинают получать идеи о вещах, например,

---

* *Сл[авный] Сирбий* доказывает бытие Божие из бесконечного желания человеческого следующим образом. Имеют, говорит он, люди бесконечные желания, но как такое желание врожденное есть и соестественное, то не может быть тщетное, а когда не тщетное, то следует, чтоб то, к чему оно относится, неотменно имело бытие; относится ж такое бесконечное желание человеческое к бесконечному благу, то есть Богу; след[овательно], есть Бог. Conf. «Philosoph. prima», p. 19, et Dissert. eiusdem «De desiderio hominis infinito», lenae habita. [Ср. «Важнейшие принципы философии» и трактат «О бесконечности человеческих желаний», сокращенное издание.]

** *Exempla eiusmodi ex Bern. Connor et «Hist[oria] academ[iae] scient[iarum]» an. 1703, «De prompta habes» in «Act[a] erudit[orum]», Lips. 1707, p. 507.*

получив они сперва себе чрез чувства или чрез отвлечение две идеи, сравнивают оные между собою, а потом постепенно и до того доходят, что и между тремя идеями, с помощью сравнения, находят уже новые истины; то есть ум наш действует в нас наподобие арифметиста. Ибо как желающий знать арифметику должен, во-первых, понять простые числа и оные чрез счисление выговаривать, а потом сносить два числа чрез сложение, вычитание, умножение и деление и, наконец, чрез тройное правило сравнивать между собою три числа, и из известного количества находить неизвестное, так равным образом и ум наш прежде всего понимает простые идеи, например идею луны, идею света, идею видимых тел и проч., потом две идеи — например: *свет тела освещает, солнце светит* — между собою сравнивает и, наконец, из сравнения трех идей между собою выводит, что когда свет тела освещает, то и солнце или луна, поелику также действуют, суть свет и могут освещать тела*¹⁶. Из чего явствует, что три токмо суть действия ума нашего, а не больше, то есть: *понятие, рассуждение и умствование*, хотя некоторые из новейших французов и англичан к сим трем действиям и присовокупляют четвертое, то есть *способ (methodum)*, но несправедливо, ибо способ не что иное есть, как образ учреждать идеи, рассуждения и умствования порядочным образом и по правилам**¹⁷. Буддей же и Ридигер все действия способности познавательной разделяют на ум, рассуждение и память и чрез то не токмо способности смешивают с действиями, но и надлежащие законы разделения и различения пренебрегают.

Итак, начало и источник всех способностей душевных, принадлежащих до нижней части познания человеческого, есть *могущество*, или *способность* так называемая *познавательная (Potentia, sive facultas cognoscendi)*, то есть такая способность, с помощью которой душа, будучи зависима от телесных органов или внешних или внутренних***¹⁸, представляет себе разные вещи, и вне ее находящиеся. Но как вещи, которые мы чрез способность познавательную себе

---

* Vid. Thom[as]. Hobbes in libell., De corpore p. I, ab initio.

** Martin Knutzen, Log., p. 61.

*** Внешние чувства всем известны, яко то зрение, слышание, вкус, обоняние и осязание. Чрез внутреннее ж чувство разумеется нечто иное, как способность познавать все то, что собивается в нашей душе (vid. Honorat. Fabri, L. II, Caesar. Cremonius, tr. II, lib. IV).

представляем, суть или *нераздельные* или *отвлеченные** и нераздельные суть или присутствующие или отсутствующие, и первые понимаем чувствами, а последние чрез воображение и память, отвлеченные ж умом и разумом, то к нижней части познания человеческого, какое имеем мы общее со скотами, особливо относятся способности *чувствования, воображения и памяти*. Напротив того, к вышней части познания человеческого принадлежат собственно так названные способности *разумения, рассуждения, умствования, внимания и отвлечения*, единственно одному человеку, поелику разумом одаренному, свойственные.

Хотя никто и не спорит в том, что человек имеет способность разумения, поелику внутреннее всякого сведение уверяет в справедливости сего, однако великое несогласие имеют между собою философы в рассуждении способа, по которому душа наша обыкновенно производит в себе понятия о телесных и бестелесных вещах. И, во-первых, перипатетики¹⁹ кроме пяти внешних чувств допускают еще четыре внутренние, то есть: 1) *общее чувство*, в нижних частях мозга обитающее, которое все внешних чувств предметы, аки бы в одну кучу собранные, в себе вмещает и распознает оные между собою; 2) *фантазию*, или *воображение*, которое вещи, чувствами понимаемые, соединяет и почитается сокровищем изображений общего чувства; 3) *способность мысленную*, которая нечувственные вещи, но отвлеченные, например добродетель, честность, пользу и проч., понимает; 4) *чувственную память*, которая соблюдает изображения и оные в свое время так, как присутствующие, опять представляет. Ум обыкновенно разделяют они на *действующий (agentem)* и *страждущий (patientem, passibilem, sive patibilem)*: первый, по их мнению, поелику не имеет никакой в себе изображенной идеи или вида, хотя и почитается *выскобленную доскою (tabula rasa)***²⁰, однако имеет между тем способность от вещественных воображений, чистейшим некоторым, как Корсин говорит***²¹, и невещественным собственным

* *Нераздельным или особенным (individuum seu singulare)* называется такое сущее, которое так определено, что другим образом не может определено быть, например, сия книга. Чрез *отвлеченные* ж сущие, инако называемые *всеобщими (abstracta seu universalia)*, разумеются такие сущие, которые приличествуют многим, например, животное, также человек и проч.

** Vid. *Aristoteles*, lib. 3, De anima, cap. 14.

*** Vid. *Corsin*, Phys. part, tract, 2, disp. 4, c 4.

светом озаренных, отвлекать невещественный некоторый вид, который потом не более уже в мозгу, перемешенном вещественными обстоятельствами, но в самом уме, от таких обстоятельств отделенный, очищенный и точно аки бы в невещественность приведенный изображается. Через страждущий же ум* разумели они тот самый, на котором отвлеченные действующим умом виды изображаются, от которых оный, будучи определен, производит познания и оные также в себя вмещает. Таким образом, думают они, что внешний предмет, например свет, изображает вид свой или образ в чувственном органе, то есть в глазу, и душа, обитающая в оном с сим видом, от предмета *впечатленным*, производит другой вид, то есть *изображенный*, помощью которого собственно бывает зрение света.

Но справедливее мне кажется, когда во всяком познании человеческого три степени различаются. Первый из оных, как и выше сего упомянуто, есть общий с бессловесными скотами и состоит в движении или возбуждении телесного органа; второй заключается в некотором понимании одного изображения и почитается собственным души; третий, наконец, познания человеческого степень состоит в рассуждении, которое душа, сделав понятие о вещи, немедленно производит. Таким образом, например, как скоро увижу я какой предмет, тотчас отвлеченный от одного свет доходит до моего глаза и приводит оный в движение; ибо из вещей ничего до наших чувств не доходит, кроме движения или впечатления. Потом такое изображение, впечатленное в самых нижних частях моего глаза, чрез посредство оптических нервов и тоненьких одного жилок к самому мозгу или обиталищу душевному переносится, отчего в душе и последует понятие о том мною видимом предмете. Наконец, за рассуждением, помощью которого душа почитает тот предмет таким или другим, последует внешнее действие, то есть движение, которое, начиная от мозгу, во все члены разливается чрез нервы. То есть душа наша сообщает свои силы собственному своему телу** не чрез вещественное изливание, но

---

* Такой ум называет Аристотель тленным и смертным: Vid. *Aristoteles*, lib. 3, De anima, cap. 6.

** Чрез собственное тело разумеется такое, от которого все понятия о вещах зависят непосредственно и над которым душа имеет верховную непосредственную власть в рассуждении приведения в движение органов одного. Часть же нашего тела для исправления особливо сей, нежели другой должности, способная именуется *органом телесным*.

чрез способ соединения своего с телом. Ибо когда душа находится в соединении с телом, хотя сама собою и могла бы исполнять свои действия, однако по причине соединения своего с телом не может исполнять оных без тела, пока не находится в оном; и тело получает от души могущество, или силу, чтоб быть органом или орудием для действий душевных. Таким образом, душа видит глазами телесными, слышит ухом, говорит языком, а для разумения и памяти употребляет в помощь находящийся в голове мозг, чувства и сердце. И обратно, глаза видят, уши слышат, голова разумет не по естественному своему сложению, или собственной своей силою, но силою души, сопряженной с телом. Ибо по разлучении души от тела телесные органы ничего такого не оказывают. Равным образом по повреждении телесных органов, хотя душа сама в себе и почитается разумною, токмо действий или не может оказывать, или по крайней мере неисправно оказывает оные.

Итак, мы вещь, сперва глазами усмотренную, а потом в мысли своей представленную, или стараемся получить себе, яко пользу нам приносящую, или отвращаемся от оной, яко не надобной и никакой пользы не приносящей. Впрочем, самое понимание от движения, причиненного в каком органе, весьма должно отличать. Ибо часто случается, что мы нимало не чувствуем того, что видим глазами, когда мысль наша объята бывает другими предметами, а самые чувства тогда по большей части обманывают нас, и мысль наша никакого о предмете, чрез оные представленном, не имеет понятия, когда рассуждение наше вскоре за оным последует. Таким образом, в малолетстве все почти наши рассуждения относятся к чувствам, и ничему мы больше не верим тогда, как токмо тому, что чувствами понимаем. Почему и вещи добрыми или худыми называем для того только, что оные или полезны или вредны нашему телу.

Когда ж во время всякого чувствования должно происходить некоторой перемене в чувственных нашего тела органах и оную перемену, произведенную от вещей, вне нас находящихся, душа должна себе тотчас представлять, то явствует из сего, что ни душа без тела не может иметь понятий о вещах, ни тело без души чувствовать, в чем и состоит крепчайший оный души с телом союз и неразрывное сопряжение, хотя и кажется нам, что будто бы иногда тело, иногда душа порознь чувствуют; однако всегда в одно время и совокупными силами. То есть тело во время чувствования причиненные перемены и от

внешних вещей произведенные в чувственных его органах в себя вмещает, а душа оные себе представляет. Например, когда я слышу гром от выстрела пушечного, то сие бывает таким образом, что причиненный на воздухе звук, от сильного ударения друг об друга тел, пробравшись сквозь тончайшие и сокровеннейшие ушей моих проходы, ударяет во внутреннюю перепонку органа слышания, и как токмо сие происходит, то в ту же самую минуту и душа представляет себе перемену, причиненную в ушах. Впрочем хотя и можем мы воспрепятствовать, чтобы внешние вещи меньше действовали в чувственные наши органы и в оных производили перемены, например, можем мы закрыть глаза, если не хотим видеть лица мертвого и престарелого человека, можем с Улиссом²² заткнуть уши, если не хотим слышать гласа поющих Сирен, можем также, наконец, ум свой отвратить от одних внешних вещей и в другие вперить так, как Афеодор у Плиния^{*23}; однако не в нашей то воле состоит, чтоб, какое ни захотели, такое и могли мы произвести чувствование. Ибо никто не может сделать того, чтоб жесточайшая болезнь подагра тому, кто всегда полагал надежду на ноги, такое приносила увеселение, какое приносят согласная музыка и сладкопение. Из чего явствует, что ум человеческий в рассуждении чувствования таким обязан законом, что по оному, так определенному от Бога, всегда должен поступать; то есть если в чувственные наши органы^{**24} действуют какие внешние предметы и производят в оных какую перемену, то таких перемен не может не представлять себе душа.

Но спрашивается, всегда ли душа человеческая, будучи совокупленная с телом, помышляет, то есть способность разумения всегда ли оказывает приличествующее себе действие? Утверждает сие Картезий с своими последователями и особливо потому, что он сущность души полагает в действительном и всегдашнем помышлении, а сущность тела в действительном протяжении. Согласует с Картезием и Волф, который, полагая, что сущность души состоит в воображательной силе, в расположении органического тела в сем мире вещественным образом и учреждении чувственных органов формально

* Vid. *Plin.*, lib. VII, epist. 27, p. 537, edit. Cortii et Longolii.

** Чувства наши по справедливости почитаются вратами, чрез которые виды, от внешних вещей отвлеченные, входят в нашу душу, откуда потом происходит всякое познание. Почему справедливо говорит Цицерон, что натура человеку чувства как некоторых спутников и вестников дает.

ограниченном, далее утверждает, что душа и во сне производит понятие о целом свете, но токмо темное или сбивчивое*²⁵. Другие ж, напротив того, в рассуждении сего вопроса ничего не определяют, потому что опытом еще не дознано, говорят они, чтоб душа, находясь или в глубоком сне, или во чреве матернем, или во младенчестве, могла всегда мыслить. Ибо часто случается, что мы, пробудившись от сна, нимало не памятуем того, что или видели во сне, или о чем помышляли, а о том и никакого сведения другим сообщить не можем, что мы делали, находясь во чреве матернем, или в самом младенчестве. Из чего явствует, что душа хотя и есть существо помышляющее, однако не всегда помышляет так, как, например, человек, хотя и называется животным разумным, однако часто отступает от своего разума и в рассуждении своих дел нередко уподобляется бессловесным животным; или как во власти душевной состоит, что она может на время оставить свое хотение, так равным образом может она оставить на время и свое помышление о вещах. Да и подлинно так, что действительное и всегдашнее помышление не есть сущность души, но токмо свойством и принадлежностью ее должно почитаться**, поелику ум разумной души не всегда оказывает свои действия или по причине поврежденных чувственных органов, или за недостатком воображения, от которого оный во время своего помышления неотменно должен зависеть, хотя и имеет непрерывное стремление каким-нибудь образом изъявлять свое бытие. Почему великое различие должно полагать между могуществом или врожденною способностью ума нашего и между самым его действием: то есть в силу первого всегда свойственно и приличествует нашей душе, что она имеет сведение о себе самой и о других вне ее находящихся вещах; в силу ж последнего хотя и не всегда изъявляет она самым делом свое сведение, однако, кто может сказать, что новорожденный, например, младенец, не имеет разума, поелику оный еще не изъявляется чрез приличествующие действия? Никто поистине, да и невозможно сего утверждать, ибо причину того не приведенные его еще в совершенство телесные органы, а самая душа, которая по врожденным себе склонностям и способностям как существо, имеющее уже бытие, имеет всегдашнее и непрерывное стремление к изъявлению своего бытия.

---

* Vid. *Wolf*, *Psych. rat.* § 66 et § 191. 144.

** Vid. *Cl. P. Corsin.*, *Phys. part. tr. 2, disp. 4, cap. 1, § 5.*

Но как величайшая надобность в том состоит и первым началом всякой истины приемлется *знать самого себя*, то за весьма нужное почитается прежде всего испытывать, сколь далеко силы способностей душевных простираются, и смотреть, но подвержен ли бывает ум наш каким заблуждениям, дабы созидающим нам великолепное здание для истины и премудрости при окончании оною, как лишенным надлежащих иждивений, не могли другие сказать следующего: *Сей человек нача здати и не може совершити**²⁶. То есть всегда мы в мысли своей должны содержать, что ум наш, поелику весьма тесными ограничен пределами, превеличайшим часто и опаснейшим подвергается заблуждениям, так что оные иногда причиняют вред нашему благополучию, лишают всего имения, другим предают на посмеяние и поругание, когда мы от них бываем изобличаемы в оных, а нередко и самую жизнь до крайней опасности доводят. Из чего явствует, что никакой погрешности и никакого заблуждения, происходящего от нашего ума, не должно оставлять в пренебрежении, но стараться по крайней возможности о истреблении оною. Ибо хотя некоторые из оных и кажутся на первый случай маловажными, однако притом то надобно знать, что и от малой искры великие рождаются пожары и маловажные погрешности много препятствуют нам в том, чтоб мы не столь удобно могли доходить до Коринфа, где истина и премудрость обитают.

Погрешностью же или заблуждением ума нашего называется, когда мы ложное принимаем за истинное, и хотя такое заблуждение не собственным и формальным, но материальным токмо должно почитаться, поелику в простых понятиях такого не находится, однако по большей части самое наше познание бывает истинною и единственною причиною такого заблуждения, поелику мы, не исследовав надлежащим образом какого понятия, скоропоспешно рассуждение свое отвлекаем от оною и так впадаем в формальное заблуждение, обыкновенно называемое *смешением рассуждений*. Но гораздо пристойнее разделяются заблуждения на теоретические и практические, из которых первые причиняют вред нашему познанию о вещах, например, заблуждаю я, когда говорю, *что душа человеческая есть телесная*, а последние развращают свободные наши действия. Почему практические заблуждения причиняют больший вред, поелику все спасение наше ближайше зависит от надлежащего свободных наших

---

* См. Лука, гл. 14, стих 30.

действий сообразования. Но как от теоретических заблуждений непосредственно происходят и практические, то и сих весьма должно остерегаться всякому.

Весьма бы продолжительно было, П. С., если бы я хотел исчислять здесь разные причины, от каких именно какие происходят заблуждения, почему за благо и рассудил изъяснить одни токмо средства, помощью которых можем мы предохранять мысли свои от разных заблуждений. И, во-первых, ничто так не препятствует нашему познанию, как предрассуждения*²⁷, полученные во младенчестве. Ибо мы прежде еще созрелого своего разума вперяем в свою голову многие безрассудные мысли, которые с годами нашими вместе возрастают, умножаются и большею частию столь укрепляются и вкореняются, что напоследок оным, как чрез долгое употребление и привычку вкоренившимся в нас, будто бы общим некоторым понятиям, почерпнутым от самой природы, противиться или за непристойное почитаем, или совсем не в состоянии бываем. В особливости ж много вреда причиняет нашему познанию предрассуждение чувств**²⁸, которое также с самого начала жизни нашей обладает нами, ибо мы все, что ни находится в свете, переее понимаем чувствами, нежели разумом, и потому скорее повинемся оным, нежели сему. Но весьма легко можно свободиться от таких заблуждений, если мы будем следовать самому опыту, который точно может уверить нас, что не всегда вещи имеют такое свойство, какими оные на первый случай представляют нам чувства, но при всяком чувствовании должны мы наблюдать особливо все те правила, какие предписывают нам фило-

---

* Чрез слово *предрассуждение* некоторые в пространном смысле разумеют всякую погрешность или всякое ложное мнение; собственно ж значит не что иное, как источник, или ложное начало, заблуждений; иногда означает всякое такое предложение, которое с скоропоспешностию принимается, без надлежащего исследования, ложное ли оно или истинное. Славный же аглинский канцлер Бакон Веруламий предрассуждения называет *логическими идолами (idola logica)*. Ибо как идолы от многобожников почитались вместо истинного Бога, так и предрассуждениям, как настоящей истине, надлежащее почтение от зараженных оными отдается Vid. *Martin Knutzen*, Elem. philosoph. rational, p. 167 et 168.

** Предрассуждение чувств особливо состоит в том, когда мы то весьма малым почитаем, что видим издали, и удивляемся тому, когда сказывают нам физики, что все тела могут делиться на бесчисленные и весьма малые части, или когда пределами земли почитаем токмо то, что постигаем нашим зрением; также когда отрицаем бытие того, чего не понимаем своими чувствами, и проч. Vid. *Job. Fried. Hiller*, Log., p. II, sect. I, cap. IV, pag. 152.

софы*²⁹. Должны притом последовать наставлениям физиков и математиков, которые подают нам весьма изрядные правила в рассуждении того, каким образом надлежит нам сообразовать свои мысли и приводить оные в согласие между собою; то есть великое различие должны мы полагать между учеными и неучеными**, особливо чувства свои сообразовать с разумом своим, когда оные представляют токмо то, что грубого в телах находится, и, наконец, во время самых души нашей перемен нечистому своему разумению противопоставлять чистое и беспримесное разумение; а больше всего, чтоб чувства не могли доводить нас до заблуждения, надобно приятность оных растворять с приятностию всегдашнего рассуждения. Предрассуждение ж воображения, также зависящее от чувств и препятствующее нашему познанию чрез безрассудное соединение идей, удаляют от нас подробные вещей понятия, помощью которых можем мы отделять от вещей все то, что в оных случайным токмо образом находится. Ибо, чем яснее и подробнее какую вещь понимаем чувствами, тем удобнее воображаем себе оную*** и, чем чаще одно и то же чувство повторяется, тем большие силы получает себе воображение****. Силь-

---

* Правила для чувств: 1) чувственные органы должны быть неповрежденные, например, слепой не может рассуждать о цветах а тот, кто болен горячкою, — о вкусе; 2) чувствами понимаемые предметы должны находиться в надлежащем расстоянии от чувственных органов, например солнце, поелику оно от нас весьма далеко отстоит, почитаем мы тарелкою, хотя в самой вещи имеет оно круглую фигуру; 3) тела, между самым предметом и самым органом находящиеся, например воздух, вода, стекло, всегда должны быть однообразны, ибо, если оные переменяются, то и самое изображение предмета показывается отменным, например когда я смотрю сквозь голубого, зеленого или желтого стекла, то и все предметы в таком же виде мне представляются, и проч. (vid. p. *Hermann Osterrieder*, Log. pract., dissert. II, sect. III, art. I, §295, pag. 412).

** Мы обыкновенно и лучше слушаем таких людей, которые рассказывают нам пустые и ничего хорошего в себе не заключающие басни, нежели тех, кои говорят нам о деле, и большею частью гнушаемся первыми, а последних с охотою при себе содержим.

*** Например, в котором городе я жил больше того или величину, или порядок строения, или положение, в отсутствии будучи, удобнее могу привести себе на ум, нежели такого города вид, в котором только мимоездом одну ночь переночевал.

**** Примером могут служить те, кои или любви, или роскошам, или играм вдавшись, столь сильно прелестями оных заражены бывають, что напоследок, будучи не в состоянии сами собою обладать, и стремительным своим безумием, как бы некоторым вихрем восхищенные наверх, стремглав упадают.

нее притом и лучше действует в нас воображение, когда внешние наши чувства находятся в покое, нежели в то время, когда оные или чувством зрения, или слышания и проч. воспящаются. Ибо самым опытом известно, что виды вещей, которые нам представляются во сне, гораздо сильнее утверждаются в нашем уме, нежели те, кои понимаем мы не во сне, поелику во время сна прочие внешние чувства находятся в покое, а одно токмо воображение тогда действует^{*30}. Но чтоб воображения сходственные были с нашим разумением, то не одни токмо те книги, которые наполнены разными увеселительными повестями, должны мы читать, но особливо такие, в которых заключаются разумные наставления, служащие для исправления злых наших нравов и безрассудных мыслей. Ибо чем чище становится мысль наша, тем ближе подходим мы к познанию Бога.

От заблуждений, которых причиною бывает слабая наша память, легко освободиться можем, если мы те вещи, которые надлежит твердо и долго помнить, будем рассматривать многими чувствами чрез долгое время с спокойным духом и надлежащим вниманием. Много также способствует для памяти, соединенной с воображением, и подкрепляет оную означение вещей чрез идеи и слова, нам гораздо известные, а особливо наша память, от которой единственно зависят все науки^{**31}, умножается от того, когда мы будем начинать свои упражнения от самых легчайших понятий, как то и математики советуют. Да и слабость ума нашего не дозволяет нам вдруг рассуждать о многих и притом важных вещах. Из чего явствует, что за то токмо должны мы приниматься, что сносно, и смотреть, что могут и чего не могут

---

* Удобно можно понять, 1) для чего те, кои желают живо себе представить какую вещь, обыкновенно закрывают свои глаза; 2) для чего воображение в тишине и во тьме сильнее действует; изрядно в рассуждения сего пишет Плиний: *«отвсюда леса и пустыни и самое оное безмолвие, какое употребляется при ловле птиц, великим побуждением бывает для мыслей человеческих»* (см. Плин., кн. 1, письмо 7), и, наконец, 3) для чего те, кои любят науки и прилагают свое старание к оным, удаляются от людей и лучше желают быть в уединении. Тот же Плиний, описывая способ учения, говорит: *«удивительно, сколь много безмолвием и темнотою питаются мысли человеческие»* (см. Плин., стр. 699).

** Не напрасно Платон везде называет память великою и сильною богинею, но потому всеконечно, что она много может во всех науках и художествах. Для сей-то причины многие из древних философов имели великое прилежание к науке, так называемой *мнемонической* (*ars mnemonica*) (Vid. Morhof, in Polyhistor., torn I, lib. II, cap. 6).

снести силы наши, по оному: *quid valeant humeri, quid ferre recusent*³², или по мнению Апостолу: *всякому существу в нас не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать, но мудрствовать в целомудрии*³³. То есть таким только должны мы обучаться наукам, которые нужны и полезны, и таким, которые не превосходят и не превышают нашего понятия, или для уразумения которых средства суть легчайшие и известные и притом не отягощают ни разумения, ни памяти нашей как бы порознь рассыпанными предметами или к тому не принадлежащими. Ибо *большеею частью*, как Сенека³⁴ говорит, *не знаем мы много надобного и нужного потому только, что весьма многому излишнему обучаемся*. Впрочем, память наша долговременным употреблением и упражнением утверждается и увеличивается, и мы те вещи доле помним, о коих доле и больше рассуждаем³⁵. Когда ж память как бы из своих сокровищ, что уделяет нам, то в таком случае прилежно смотреть должно, та ли самая вещь, которую я чрез память желал привести себе на ум, или токмо подобная оной, дабы подобие или сходство вещей не могло нас обмануть, то есть чтоб подобных или сходственных вещей не могли мы почесть за одни и те же самые вещи. И сие тем удобнее получить можем, если последовательным образом будем рассматривать обстоятельства той вещи, которая нам приходит на память. Ибо чем больше обстоятельств в рассуждении какой вещи рассматриваем со вниманием и нескоропоспешно, тем яснейшее и подробнейшее об оной понятие наше бывает, и о подобии или сходстве оной с другою без всякой почти погрешности рассуждать можем. Если ж такие обстоятельства совсем не приходят на ум и память никакого не делает вспомоществования, то в таком случае лучше ничего положительным образом не утверждать о той вещи и никакого не делать рассуждения.

Хотя отвлечение всеобщих о вещах понятий много способствует для просвещения нашего разума, и мы чрез сие почти одно отличаемся от бессловесных скотов, однако и такое действие нашего разумения часто отвлекает нас от истинного и надлежащего рассуждения, и особливо когда мы что в уме своем представляем в отде-

* См. «К римлян.», гл. 12, стих 3.

** Справедливо Цицерон говорит, что память ослабевает, ежели оставить оную без упражнения (Vid. Cic, lib, De senectute, cap. 7). И Квинтилиан тоже подтверждает, что память всегдашним упражнением подкрепляется (vid. Quintil., Institut. orator., lib. I, cap. 1).

ленном смысле, а в самой вещи почитаем то же самое соединенным, и действия, которые токмо вообще почитаются или добрыми или худыми, относим к особенным случаям. Таким образом поступая, впадаем в заблуждение, происходящее от предрассуждения отвлечения, то есть когда или о всеобщих, или об особенных вещах несправедливо рассуждаем. Но кто знает, что всякое сущее, действительно находящееся, точно определено, а отвлеченные сущие, поелику неопределенные точно, без дальнего определения не могут иметь бытия, тот легко может избежать заблуждений, происходящих от предрассуждений отвлечения, и особливо если тех же самых свойств, какие приписываются вещам, действительное бытие имеющим, не будет присвоить отвлеченным сущим и притом самые отвлеченные сущие не будет почитать за сущие в отделенности состоящие и имеющие такое ж отношение к вещам, какое имеют между собою особенные и точно определенные вещи^{*36}. Ничего здесь не упоминаю я о тех заблуждениях, какие обыкновенно происходят от разных темпераментов или от разных склонностей человеческих. Ибо всяк сам собою может дознать, каким он по своему сложению и по своим склонностям может подвергаться заблуждениям и какие, напротив того, для избавления от оных предохранительные употреблять средства. Вообще ж для всякого человека в рассуждении природных его склонностей может служить сие правило: всяк должен стараться о том, чтоб надлежащим образом познать самого себя и особливо иметь подробное понятие, какая большею частью склонность господствует в нем, а сие спознав, должен иметь в призрении все то, что с склонностями его согласно, и до тех пор не соглашаться на произволение оных, пока надлежащим образом не рассмотрит, каким именно склонностям по-

---

* Такому заблуждению подвержены были славные и ученые мужи Невтон и Локк, которые *пространство* (*spatium*) почитали вещественным, отделенным и в соединении с другими вещами находящимся сущим, когда, напротив того, чрез слово *spatium* не что иное разумеется, как порядок вещей сопребывающих, поелику то есть сопребывают взаимно между *собою*. Не меньше заблуждают также и математики, которые от бесчисленного разделения на части математического и в отвлеченном смысле взятого тела заключают, что и физическое тело может делиться на бесконечные части. Не упоминаю о простом народе, который смерть почитает отделенным существом и изображает оную с косою и с другими принадлежностями. Сюда ж принадлежат и те, которые под именем болезни *лихорадка* разумеют в отделенном смысле 12 сестер, то есть будто бы в свете находится 12 лихорадок.

следовать должно. Что ж принадлежит до прочих предрассуждений и средств, предохраняющих от заблуждений, то я оставляю далее исчислять оные, почитая мое слово продолжительным, но об одном токмо средстве, как бы всеобщем, какое нам предлагает Картезий³⁷, кратко упомяну: *от предрассуждений*, говорит он, *не иначе свободиться можем мы, как если будем с рассуждением сомневаться о всех в жизни собывающихся таких приключениях, в которых хотя малейшее подозрение в рассуждении несправедливости находим.* И так кончится здесь мое предпринятое слово.

Спешу теперь, исполнен ревностнейшим усердием, к изъявлению причины нынешнего торжества.

Все мы вообще, П. С., третьего дня праздновали высокаторжественный день восшествия на Всероссийский престол предызбранной Богом Всепресветлейшей САМОДЕРЖИЦЫ нашей ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, но сего дня тот же самый день в изъявление своего усердия, благоговения и подобающей благодарности толикой благодетельнице и покровительнице Московских муз и Императорский Московский университет торжествует светло. Сей есть поистине пресветлый оный и долгожелательный день, в который исполнилось упование, совершились желания всех сынов российских; сие есть преблагополучное оное время, в которое увидели мы восшедшую денницу, возшедшую, говорю, на Всероссийский Императорский престол, ВЕЛИКУЮ и ПРЕМУДРУЮ ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ ВТОРУЮ, веселющую своей премудростью сердца своих верноподданных рабов и других в удивление приводящую. Пусть славятся римляне тем, яко бы во время Кесаря Августа Октавия³⁸ источники изливались ея, чрез что они разумели милосердного быть государя; но мы, россияне, по самой справедливости проповедуем то же самое о нашей Всемилостивейшей АВГУСТЕ ЕКАТЕРИНЕ, которая суд и правду, соединенную с кротостью и милосердием, учреждает во всей своей обширной империи. Пусть вымышляют древние, яко бы во время Кесаря Аврелиана³⁹ серебряные с небес на землю падали капли; но мы самым делом видим, что при обладающей нами счастливейшей в свете Монархине не одни капли, но целые источники, исполненные серебром, золотом и драгоценными камнями, из недр своих земля производит на свет в Российской державе. Счастливы убо мы и сто крат счастливы Тобою, Премудрая Императрица наша, ибо Ты истинною себя показала Матерью отечества, неусыпно стараешься о пользе

и прославлении оного; счастливы Тобою и другие народы, видя Тебя от Бога ниспосланную для избавления их от ига безбожного и зверовидного варвара. Тобою хвалятся избавленная Молдавия и спасенная Валахия; под Твою непоколебимую державу вся Греция и Понт главы свои уже подклонить желают; Тебе удивляется вся Вселенная; мы, твои верноподданные рабы, желаем долголетнего здравия Тебе купно с любезнейшим и дражайшим Твоим Сыном, Всероссийского престола законным Наследником, Благоверным Государем Цесаревичем и Великим Князем Павлом Петровичем.

Господи Боже сил! Возвесели силою твоею ИМПЕРАТРИЦУ нашу, покори под ноги ЕЕ гордых супостатов, безбожных агарян, христоненавистных мусульманов; утверди православных жительство, возвеличи имя возлюбленной тобою БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕЙ нашей САМОДЕРЖИЦЫ, да о имени ЕЕ возрадуется, возвеличится и прославится во всех концах земных Россия.

Слово о разных причинах, не малое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого. В публичном собрании Императорского Московскаго университета на высокаторжественный день восшествия на всероссийский престол ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ И САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ

Премудрый в делах и неисповедимый в советах своих создатель сего мира Бог, П. С. различных в разные времена восстанавливает на земли государей не без довольной причины, но по своим неведомым судьбам употребляет их или вместо орудия правды, или в изъявление особенной своей милости к народу. Благоволит ли он на пр[имер], когда по неизреченной своей благодати возвысить, возвеличить и прославить какое государство, тогда ниспосылает тому крепкого в бранях и непобедимого в силах государя. Благоволит ли он когда умножить, распространить и обогатить какую страну, тогда восстанавливает в оной прозорливых, тихих и миролюбивых властей. Благоволит ли, напротив того, когда он умалит и в порабощение привести какой народ за гордость, или за какое преступление, тогда предает оный в руки свирепого, жестокого и немилосердного обладателя, чтобы он, вознесенные того роги стерши, довел до воспоминания всех прежних на нем сбывшихся чудес и благодеянии Божьих и до познания того, что все его благополучие и неблагополучие, живот и смерть зависят от Бога, яко подателя всех благ и начальника жизни. Когда же наконец по своей святейшей воле восхочет он таки помиловать тот же наказанный народ, тогда щедрой своей десницею возводит ему на престол кроткого и человеколюбивого Государя, в доказательство своих к нему щедрот неизречённых.

Истину сего, многими примерами доказанную, можно видеть в глубокой древности и во многие прошедшие сбывшиеся времена. Но мы, не касаясь древнейших приключений и не исчисляя тех случаев, какие в прошедшие времена у разных народов сбывались, одну Россию, пространнейшую света часть, рассмотрим: то ясно увидим такой на ней во многие прошедшие времена оказанный и ныне пре-

славно сбывшийся промысел Божий. О, Россия, Богом возлюбленная страна! Видела ли ты царей, венчающих тебя милостью и щедротами и исполняющих во благо желание твоё? Имела ли ты государей, славу и величество твоё во все концы земные расширяющиеся? Напротив того за озлобление величества Божьего, чувствовала ты также оскорбления при некоторых твоих бывших владельцах. То есть слышала ли ты печальные вопли детей, лишаящихся лицецерения любезных родителей, и жен от сладчайшего объятия мужей отторгаемых? Смущали ли взор твой гнусные позорища проливаемой твоих граждан крови? Внимала ли ты нередко жалобам и воздыханиям бедных стонущих под игом. Вспомни, в каком ты находилась состоянии в прошедшие века. Приходит ли тебе на память простым оружием вооруженное твоё войско и купечество в одних только твоих пределах заключенное? Представляешь ли ты в мыслях своих несказанные те обиды, какие пограничные твои соседи чрез долгое время тебе причиняли? Можешь ли наконец припомнить, что ты не только у других европейских народов, но и у самих варваров за неосторожность своей и не искусные в воинских делах поступки в крайнем была презрении и посмеянии? И потому, представ алтарю правосудия и благоутробия Божия, неотступно просила ты, чтобы благоволил премилосердный Бог несчетные твои недостатки дополнить, худое исправить, неприятелям твоим праведное учинить отмщение и во всех народах тебя прославить. И прикинул Господь сил и Отец щедрот с высоты святого своего селения на твои прошения и не презрел твоих воздыханий: посадил на престоле твоем МИХАИЛА⁴⁰ младого, который рассыпанные члены собрав во едино и дряхлеющую тебя по причине многих неустройств, обновив как орлюю юность от жестоких поражений и глубоких ран освободил и учинил невредимо. Потом явил тебе Господь милость свою, послав премудрого и мужественного АЛЕКСИЯ⁴¹, который спасительными своими законами внутреннее и внешнее твое оградил благополучие. Наконец даровал тебе Бог от этого блага древа благую же ветвь: ПЕТРА⁴², говорю, именем и делами великого, бессмертной славы достойного государя, который вместо простых орудий вложил в руки граждан твоих страшные огнедышащие оружия, завел во всем исправное войско, наполнил оно своим примером великодушия и показал храбрым своим воинам, каким образом отечеству полезными, а неприятелям своим страшными могут они быть удобнее. Кратко сказать: он флотом ужасным покрыл бал-

тийские воды, он купечествуящим во все страны далекий путь отворил по морю, он настоящий способ к нашему благополучию показал через введение разных свободных наук. Он наконец учинил тебя из презренной — преславной и такой, на которую теперь вся вселенная взирает с удивлением. ЕЛИЗАВЕТА⁴³ же сего непобедимого и великого героя, бессмертной и вечной славы достойного государя достойнейшего дочь, прещедрая сего музам в обиталище посвященного места основательница, сколько славы, чести и прославления приобрела тебе своими несравненными и без прикладными дарованиями, того поистине словами изобразить невозможно. Все ее добродетели громки и славны были, так, что самые отдаленные народы проповедуют оные и поныне с восхищением. И чего же ты, Россия, ещё не приняла от все щедрой Божьей десницы? Получила ты все конечно желаемое и получила более, нежели желала. Получила, говорю, ты все в разных лицах попеременно примечаемые дарования Божьи, являющиеся в одной душе благополучно царствующей ныне твоей самодержицы ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ. На благочестие ли ЕЕ прострем свой взор? То доказывают нам оное многих по высочайшему её повелению вновь созидание и многих украшение через древность в обветшание пришедших храмов. На кротость ли её и милосердие посмотрим? То представляются нам тот час материнская её к подданным обращения и меч, кровью до сих пор необагранный. Следующие также за сим её божественными дарованиями щедрота и несравненное великодушие. И что принадлежит до первой из сих добродетели, то свидетелем оной сути многих не имущих недра, великими её дарами наполненные, и убогие, снабженные различными благотворениями. Правосудие её проповедуют везде правду благоухающие её законы и преславное учреждение Комиссии о сочинении проекта Нового уложения. Великодушие же её и самые неприятели превозносят похвалами. Прослави ибо и хвали Господа Бога твоего, Россия! Признай и проповедуй, что в сей день не сказанные на тебя свыше излились щедроты через ниспослание на тебя свыше только благочестивой, кроткой, милосердной, щедрой и правосудной государыни, именем и делами великой и несравненной в свете МОНАРХИНИ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ. Желал бы я охотно П. С. более и более устремить свои силы к изъявлению и прославлению божественных ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА дарований, но признавая не недостаток оных в себе, поскольку сие требует великого ума и отменного витийства, за благо рассуждаю

только предложить любопытному вашему вниманию посильное мое рассуждение *о разных причинах, не малое препятствие причиняющих при продолжении познания человеческого*. Но прежде, нежели приступлю к самому делу, прошу вас, П. С. терпеливо и благосклонно выслушать оное. Хотя же я такой благосклонности и не заслуживаю, так как имею не великую силу в красноречии, которое бы могло удовлетворить Вашему ожиданию: только уповая на Ваше усердие и любовь, ко ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ САМОДЕРЖИЦЕ прещедрой для сего Московских муз определенного места Покровительнице, которой и настоящее торжество посвящено, тем благонадежнее приступаю к самому делу.

Многие люди имеют такое обыкновение, что они о вещах, чувствам их подверженных, рассуждают не инако, как оные им представляются; хотя в самой вещи такое представление их с настоящими свойствами тех вещей совсем не согласует. Так, например, видимые тела, по причине отдаленности представляющиеся чувствам их небольшими, за такие и почитают, хотя оные, напротив того, по настоящему своему составлению преужасной суть величины. Равномерно и о других многих предметах, различные и удивительные в себе заключающих качества, производят такое понятие, что оные ни по чему не следуют подвержены быть рассуждению их, поколику чувства ничего к сведению принадлежащего в оных не обретают. О правильном также и порядочном движении, свойственном телам небесным, имеют такое понятие, что якобы оные такого движения не имеют; причину ж сего ежели изыскивать будут, то найдут, что они зрением своим того постигнуть не могли. И о разных переменах собственного своего ума во многих случаях равномерно рассуждают, то есть часто приписывают сие и другое действие уму своему, но оно, напротив того, нимало не сходствует с его настоящими свойствами, отчего и происходят нередко многие развратные пристрастия и телом обладающие различные непорядочные действия.

Известно, наконец, также и то, что о нравственных действиях другого не всегда по внутренней их доброте, но по внешней, чувствам их в противном виде представляющихся, рассуждают обыкновенно. Из чего, как бы некоторого источника, всякие заблуждения и ложные рассуждения, проистекши и разлившись по всему роду жизни и учения, в превеликие приводят их обманы. Да и не удивительно: ибо как

первоначальные наши понятия о вещах темные суть и сбивчивые, а не подробные и не отвлеченные надлежащим образом от самых вещей, то и заблуждения, от таких понятий произросшие, вкоренившись в мыслях наших, как бы некоторую им причиняют преграду в поступлении к дальнейшему познанию, так что, наконец, ни одно действие ума нашего не исправляет должности своей порядочно, будучи при самом начале приведено в такое порабощение. И сие особливо зависит от того, что мы не с должным вниманием рассуждаем о вещах, хотя бы то или от небрежения, или худой привычки происходило, или причиною того было сие, что душа наша, всегда имея склонность далее поступать и как бы перескакивать с одного места на другое, недолго углубляется в рассматривании самых вещей и различении оных между собою.

Но как всякой истины первым началом почитается *знание самого себя*, то мы легко можем свободиться помянутых болезней душевных, когда, прежде всего испытав свои силы, будем рассматривать, сколь далеко могут оные простираться, чтоб нам, начавшим высокое здание истины и премудрости, в самом продолжении не лишиться нужных и потребных для такого здания иждивений и чрез то не остаться в посмеянии; а особливо ежели надлежащим образом рассмотрим разные причины, доводящие ум наш, теснейшими пределами ограниченный, до разных заблуждений.

Нет нужды пространно доказывать здесь, что род человеческий многим и тяжчайшим подвергается и может подвержен быть заблуждениям, когда толикое множество несогласующих между собою народов нравами, обыкновениями и другими обрядами находится в обширном сем свете. Но одно сие полезно знать, что заблуждения великим суть препятствием внутреннему и внешнему нашему благополучию, так что многие из оных лишают нас чести и всего имения, до великого доводят нас стыда и посмеяния, когда открыты бывають, и нередко самую жизнь нашу в крайнюю ввергают опасность. Из чего явствует, что о искоренении оных всевозможное должны мы прилагать старание. Однакож, как и Буддей утверждает^{*44}, прежде всего потребно знать причины оных, давно уже многими разумнейшими исследованные философами, и разделение оных по крайней мере всеобщее.

---

* In element, philosoph. instrument., p. I, cap. 2, § 30.

Заблуждения или первообразные суть, от которых другие происходят, или производные, то есть происходящие от других. В числе первообразных заблуждений считаются предрассуждения, как бы рассуждения, еще незрелые и предваряющие здравый разум. Иные с Цицероном называют оные такими мнениями, когда мы без всякого рассуждения и дальнейшего размышления ложную или не довольно спознанную вещь признаем за истинную. Бекон же Веруламей весьма разумно уподобляет предрассуждения истуканам^{*15}, ибо как язычник, не знающий правил истинного богопочитания, воздает честь Божескую таким неодушевленным изваяниям, так равномерно многие из смертных, не последуя здравому рассуждению, наблюдают и как бы обожают различные предрассуждения, так что едва ли исвобождаются от оных. Сие ж самое подтверждает и один стихотворец, говоря: *Dediscit animus sero, quod didicit dlu, то-есть нескоро отвыкаем от того, к чему привыкли чрез долгое время*^{**16}. Надобно думать, что и престарелые люди по сей же причине упорно стоят в своих мнениях и бесстыдно стараются защищать оные, хотя бы и великому подлежали предосуждению. Изрядно Гораций^{***17} для таких людей воспевает следующее:

Vel quia nil rectum, nisi quod placuit sibi, ducunt;
 Vel quia turpe putant parere minoribus, et quae
 Imberbes dediscere, senes perdenda fateri;

То-есть: *или потому они суть упрямы, что ничего за справедливое не почитают, кроме того, что им нравится; или потому, что за бесчестие вменяют повиноваться младшим и признаться в том, что они, будучи уже стариками, должны позабыть все то, чему научились в младости.*

И тако чувства, во-первых, пленив разум наш в послушание, с самого нашего младенчества великое причиняют нам помешательство в точном познании вещей. И, конечно, так: ибо чувства первее начинают обладать нами, и мы скорее и охотнее повинуюемся оным, нежели сему. Ибо мы, положившись на оные, часто не приноравливаем представлений своих к самым вещам, что бы и надлежало де-

* De augmentis scient., lib. I, cap. 4.

** Poeta tragicus in Troade.

*** Epistola I, lib. 2.

лать, но обратным образом обыкновенно в таком случае поступаем, то есть самые вещи сравниваем с своими представлениями. Так, например, солнце, в превеликом от нас отдалении находящееся, представляем себе некоторым кругом огненным, не постигая зрением своим другой его стороны и не понимая того, что оно есть тело шаровидное.

Так, равным образом думаем, что тела небесные имеют круговое и все равное обращение; искуснейшие ж, напротив того, астрономы разное разным небесным телам приписывают движение, изведав то чрез надежнейшие и достовернейшие опыты. А чтоб такие положения наши сходствовали с самыми небесными явлениями, то мы на сей конец премногие другие часто вымышляем, и такие, которые не столько из рассматривания самых тел, сколько из излишнего и несправедливого представления мыслей наших проистекают.

И поистине, ничто так большего вреда не причиняет познанию человеческому, как такая неограниченная вольность вымышлять что-нибудь по своему произволению, полагаясь на одни токмо чувства, с составлением же и видами самих вещей не сообразуясь. Да и излишнее упражнение, употребляемое в рассматривании и различении между собою вещей мелких и пустых без употребления в помощь для чувств исправного орудия, нередко великие умы разумнейших мужей доводит до крайнего истощения: в самой же вещи многого незнание составляет великую часть премудрости. Мы обыкновенно стараемся в самых вещах найти то, что в одном токмо чувстве находится. Итак, не разбирая, что добро и худо, что полезно или вредно, по одному токмо чувству о том так и заключаем, хотя б то и с великим нашим соединено было вредом; а того и не понимаем, что чувства наши в рассуждении души одно токмо делают вспоможение, как микроскопы или телескопы в рассуждении глаз. Кратко сказать, столько мы на чувства свои уповаем, что, все свое познание зависящим от оных почитая, и утверждать не сомневаемся: *нет ничего в разуме, чего бы прежде не находилось в чувствах.*

Да и продолжаемое чувствование, инако называемое воображение, и из того непосредственно происходящее вымышленно чего не делают, и до какого оные не доводят нас заблуждения, всякому, думаю, известно. Ибо часто мы воображаем в мыслях своих золотые горы, а в самой вещи никогда не видывали таких; часто, отделяя нечто от одной вещи, присовокупляем оное к другой без всякого приличе-

ства и разбора; и чрез такое, наконец, совокупление одного с другим производим в свет различные чудовища, каких никогда в оном не находилось и не могут находиться, разве в одном токмо нашем вымышлении. Так, например, стихотворцы представляют себе Гарпии наподобие девицы, имеющей женские волосы, крылья и тело ястребиные, уши медвежьи, а руки человеческие. Но кто видал когда такое чудовище? и кто будет подтверждать, что такое чудовище находится в свете? Никто поистине; но всяк скажет, что оно обитает токмо в воображении стихотворцев.

Хотя отвлечение, то есть способность всеобщие о вещах производить понятия, много вспомоществует нам в просвещении нашего разума и чрез то отличаемся мы от бессловесных скотов, однако и оно нередко совлекает нас с пути истинного; а особливо когда мы отделенными представляющиеся в уме токмо нашей вещи и в самом деле почитаем оные быть такими; или когда представляющееся нам токмо вообще что-нибудь добрым и худым, относим оное и к особенным случаям. Так, например, безрассудно опасаемся смерти или боимся лихорадки, как бы некоторых существ, в отделенности находящихся. Равным образом несправедливо многие умствуют философы, когда стараются доказать, что *пространство* (*spatium*) есть вместилище тел, так же как бы некоторое существо, в особенности состоящее. Но больше всего подвержены такому заблуждению все те безбожники, кои, не хотя употреблять имени Божия и, следовательно, не желая ему яко создателю своему воздавать должного почтения, вместо того употребляют имя природы, не зная и сами изъяснить и истолковать сего слова.

Не меньшее помешательство причиняет нам в продолжении нашего познания и *самолюбие* (*philautia*), то есть непорядочная любовь к самим себе, ибо сим пороком зараженные люди ни рассуждать справедливо, ни умствовать правильно о вещах не могут, но обо всяком деле по своим токмо пристрастиям и прихотям рассуждают, хотя истина совсем независимо от оных почитается. Предложено уже было выше сего мною, П. С., что мы почти никогда не рассуждаем о вещах по их сущности, но большею частию при всяком рассуждении имеем отношение к самим себе. И так навывки чрез то аки бы почтение оказывать себе, всегда в сходственность с склонностями своими и о других заключаем. А особливо когда думаем, что все наши помышления и все мнения столько суть ясны и достоверны, что по предло-

жении оных всяк и принужденно может согласиться на оные; тех же, кои инако думают и рассуждают, невеждами и безрассудными людьми обыкновенно почитаем. По сей-то причине, как можно думать, столь долго в презрении и находились многие преполозные средства и достовернейшие опыты, поколику, излишно уповая на самих себя, люди нимало о изобретении оных не старались, но думали, что все подвержено одному токмо их разумению. Да и ныне много находится столько высокомерных, что они, о природной своей остроте высокими мнениями будучи надменны, думают, что все подвержено их знанию. Итак, положившись на то, издеваются над неизвестностию темных учений, описывают вредительные действия, науками в душах производимые, вооружаются против тех, кои с неусыпным попечением обращаются в трудах, словом: внутренне веселятся и других уверяют, что они никакому учителю и никакой школе ничего не должны, но все получили от природы. Но сколь тщетны таковых людей такие мнения и какому оные подвержены предосуждению, всяк может разуметь. Г. Локк справедливо говорит, что победа, непостоянным остроумием и лишенным всяких замыслов невежеством одержанная, тотчас исчезает, как скоро истинное учение и прилежность против оных выступают. Да хотя бы такие презрители наук и упражняющихся в оных и не обманывались в своих мнениях и в самом деле разумом гораздо превосходным одарены были от природы, то бы не должны ли они были с большею справедливостию почитать оные природные свои дарования поощрением к прилежанию, нежели причиною презрения к наукам. Ибо более достоин поношения и посмеяния тот, кто тучную и плодоносную от природы землю оставляет в пренебрежении, нежели тот, коего поле едва токмо за приложенные труды может заплатить своему делателю. Через самолюбие, наконец, как утверждает Гаузен^{*18}, питается дух противоречия. Ибо, говорит он, часто мы, отчаявшись собственными своими силами защитити высокое о себе мнение, чужую славу и честь стараемся себе похитить и на оных воздвигнуть храм своему высокомерию. Такой противоречия дух питают по большей части зависть, ревность, ненависть и другие страсти, ослепляющие разум.

И подлинно, страсти, ежели они овладеют разумом нашим, много оному воспящают простираться к дальнейшему познанию вещей.

---

* Log. [Логика], р. II, q. VIII, art. III, § 253.

Так, например, с зависти худо рассуждали иудеи о Христе спасителе мира: «Мы, — возопили они против него, — закон имамы, и по закону нашему должен есть умереть»^{*49}. Равномерно и от страха они ж следующее составляли умствование: *аще оставим его тако, еси веруют в него, и придут римляне и возьмут место и язык наш*^{**50}. От излишнего ж желания и надежды часто вместо желаемой и чаемой вещи принимаем такую, которая или подобна токмо той, или воображение представляет такое по оному: *quod volumus, facile credimus*, то есть *чего желаем, тому легко верим*. Примером в сем случае могут нам служить те же самые несчастливые иудеи: они от безмерного желания, чтоб видеть мессию, и от излишней надежды на имеющее быть чрез него искупление от бедственного их состояния, в такое, наконец, пришли заблуждение, что и самых обманщиков не сомневались принимать за чаемого ими Мессию, кои на них вместо свободы — порабощение и вместо вольности — несносные тягости налагали^{***51}.

Не можно и о следующих страстях умолчать, как то о честолюбии и сребролюбии, яко главнейших нарушителях спокойствия душевного, поколику сим порокам вдавшиеся люди часто сами себя другим попускают обманывать. Например, честолюбивых прельщают разные предсказатели и астрологи, предвозвещая им неизвестно по каким признакам счастье или несчастье; а сребролюбивых обманывают ворожеи или алхимисты: первые — показывая им, что в сем или в том месте великое сокрыто сокровище, а последние — уверяя их, что они могут философический составить камень и разные из разных металлов сделать превращения; в самой же вещи *Alchimista nihil habet in cista*, то есть у *алхимистов сундуки чисты*.

До сих мест, П. С., исчисляемы были мною внутренние причины, препятствующие нам в продолжении нашего познания, теперь остается, да и самый порядок велит, кратко упомянуть и о внешних, в числе коих кроме других многих считается особливо худое воспитание. И поистине, весьма сожалительно, когда видишь, что многие родите-

---

* Иоан. гл. 19, ст. 7.

** Иоан. гл. 11, ст. 48.

*** Так, напр., Саббатей Севи Смирней около ста лет пред сим временем, как историки повествуют, более двухсот тысяч иудеев из всей почти Азии, Африки и Европы подманив, привел их потом себе в подданство (см. *Остерриедер*. Лог. Практич., стр. 340).

ли, ежели только должно называть их родителями, такие находятся в свете, что они о воспитании своих детей ни малейшего не имеют попечения, но подлые свои поступки и различные пороки или гнусными собственными своими примерами, или скверными словами в младые их сердца всевают. Но более всего разные юноши разными пороками заражаются оттого, что родители их, или с излишеством потакая и поблажая им, ничему другому, таким образом поступая с ними, не научают их, кроме одной нежности и непосредственно из сей происходящему высокомерию и неповиновению. Другие ж, напротив того, родители, жестоко и сурово поступая с своими детьми, часто ругают их и нередко наказывают, и чрез то отняв у них всю охоту к наукам, из умных делают их глупцами и из благородных гнусными подлецами; а того не знают безрассудные, что невежда токмо исправляется страхом и что наказание есть последнее уже средство, и то для ленивейших. Квинтилиан⁵² за неблагопристойное почитает наказаниями принуждать детей к исправлению их должностей. Локк же говорит, что тогда только должно употреблять наказания, когда все другие средства без всякой пользы употребляемы были. Весьма бы желательно было, когда бы родители старались наиприлежно испытывать еще с малых лет кроющуюся в детях своих к тому или к другому склонность и в сходственность с оною сим или другим обучать наукам. Ибо первая жизни заря обыкновенно предвозвещает последующей сияние или темноту по оному: *quod iuvenis suescit, senex demittere nescit*, то-есть *к чему с молодости привыкнешь, от того и в старости не скоро отвыкнешь*. Также *urit mature, quod vult urtica manere*, то есть *и крапива молодая жжет*. Так некогда из одного берема дров, которые Протагор⁵³, будучи еще мальчиком, связал, принаравливая к своим плечам, узнал Демокрит, что в нем великая острота разума находится. То же самое повествуют историки и о удивительном остроумии Токсиквира, которого в одно время увидев господин его, что он не токмо порядочным образом на плеча свои кладет дрова, но и в печи оные по порядку обыкновенно располагает, присоветовал ему, хотя сам и не был ученый, записаться в службу, где он, находясь в короткое время, так прославился, что напоследок великим японским государем под именем Тайкосама⁵⁴ свету был известен.

Другая внешняя причина, познанию нашему также причиняющая препятствие, не меньшего требует внимания — обращение, говорю,

с простым народом. Известно уже всякому, коликими и какими простой народ заражен бывает предрассуждениями. Везде во всяком простом народе приметить можно бесчисленные заблуждения, от неразумения и легковёрности оного по большей части происходящие. Ибо простые люди обыкновенно, имея грубое сложение мозга и излишество в крови, всему верят без всякого дальнего размышления; особливо ж по разности климатов, сложений телесных и обыкновений у разных народов разные ложные и произошли мнения, а оттуда так называемые народные ненависти и вечные брани, по свидетельству Ювеналову⁵⁵ в 15 Сатир⁵⁶. Но больше всего сожаления достойно, что простые люди, будучи воображения своего рабами и мало имея смысла, от заблуждений своих, каких сами они не примечают, ни чрез кого отучены быть не могут, да и никто учинить того, хотя бы и хотел, не осмеливается по причине обладающего уже ими такого предрассуждения. Столько они в сей жизни зла не токмо самим себе, но и другим причиняют, что разумнейшие люди более жалобу на них приносят, нежели о исправлении их помышляют. Да и неудивительно, потому что душа наша, никакого еще не имев понятия о вещах, сопрягается с телом и по совокуплении с оным помощью чувствования и воображения с малых лет от простых людей научается всему тому, что напоследок во всю нашу жизнь приводит нас в замешательство и притом все мысли и действия наши как бы некоторою черною краскою прикрывает и затмевает.

Желал бы я охотно, П. С. и другие причины изъяснить, препятствующие нам в продолжении нашего познания, но оставя все, что к тому еще присовокупить возможно было, обращусь к тому источнику, из которого мое слово произошло, то есть, к оному по желанию и молению всех россиян воссиявшему священному и для всей Российской Империи торжественному дню восшествия на всероссийский престол ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ВСЕМИЛОСТЕВЕЙШЕЙ НАШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ и САМОДЕРЖИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ и при заключении моего слова таки тоже повторяю: благополучны мы в стократ россияне, что Божественный промысел, управляющий благоденствием государств и стран, даровал нам такую государыню, которая на нас изливает неисчерпаемые щедроты, наподобие солнца согревающего все и оживляющего благотворным своим светом и теплотой. И нам остается только теплейшая ко всевышнему всегда воссылать молитвы о продолжении драгоценнейшего здоровья

все Всемилостейшей государыни нашей, престол и род человеческий украшающий неподражаемыми своими добродетелями, так же о сохранении и соблюдении ЕЕ любезнейшего сына, в утешение нам свыше ниспосланного, Благоверного Государя Цесаревича и Велико-го Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, в купе с Дражайшей Его Супругой Благоверной Государыней и Великою Княгиней Натальей Алексеевной. И так да будет, всесильный Боже! Даруй нам через многочисленные лета сей день прославлять, как залог милостивого твоего к нам благоговения. Даруй нам мир желанный, и мы, ополченные миром и о спасении своих единовверных, возрадовавшись, прославляем неизреченные твои к нам щедроты. Сотвори да под владением ВСЕМИЛОСТЕВЕЙШЕЙ наша САМОДЕРЖИЦЫ, именем и делами ВЕЛИКИЯ ЕКАТЕРИНЫ, Россия, возлюбленная тобой страна, учинившись для поздних потомков примером особенного твоего божеского благословения, возвышается, умножается и прославляется более и более во всех пределах пространнейшего света.

**Слово о невещественности души человеческой
и из оной происходящем ее бессмертии,
на Высокоторжественный и Всерадостный
день рождения ЕЕ Императорского Величества
Всепресветлейшей, Державнейшей Великой
Государыни ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ,
ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ говоренное в публичном
Императорского Московского университета
собрании**

Два вопроса из всех труднейшими почитаются: один — о душе,
а другой — о Боге. Первые производит в нас то, чтобы мы знали
самих себя,

а другой научает нас тому, чтобы мы разумели свое начало.

Оный для нас сладчайший, а сей — любезнейший.

Оный творит нас достойными блаженной жизни,

а сей соделывает блаженными.

С. Августин. Кн. 2, гл. 18 «О порядке»⁵⁷

Сколь непостижим в советах своих, сколь премудр в делах своих,
сколь дивен в своих определениях и сколь милосерд в исполнении
своей святейшей воли Всемогущий сего мира Творец, П. С., того по-
истине понять умом своим и довольнейшими словами изобразить
хотя никто из нас и не в состоянии, однако все мы удостоверены
в том, что он все на пользу нашу устрояет, что в непостижимых
своих советах ни предопределяет, он все производит к нашему
благополучию, что в дивных своих определениях ни намеревает,
он все к достижению желаемого нами конца ниспосылает, что ни
благоволит святейшая Его воля, от Него нам наконец, яко Благоде-
теля, промышляющего о всех, всякий пресовершенный снисходит
дар. Для подтверждения сей неоспоримой и никакому сомнению
не подлежащей истины если возьмем в пример пространнейшую
света часть — Россию, то ясно увидим, что на оной паче всех стран
земных чудный промысел Божий совершился и отменнейшего Его
к оной благоволения залог оказан чрез ниспослание пресовершен-
ного дара: Благочестивейшей, говорю, Великой и Премудрой Го-
сударыни ЕКАТЕРИНЫ II, которой высокоторжественный и всера-

достный день рождения вчерашнего дня вся Ее обширная империя и с оной все Ее верноподданные рабы праздновали с глубочайшим благоговением, а сего дня Императорский университет, в знак достодолжного своего усердия к своей Премудрой Покровительнице, празднует светло. И всеконечно, паки повторяю, пресовершенный Божеский дар и неложный отменнейшего его к нам благоволения залог есть наша Всемиловитейшая Государыня. Ибо каждый пол, каждый возраст и каждое состояние Ее верноподданных рабов действительным образом и с избытком дознали и всегда дознают Ее Величества Матерние к себе милости и щедроты. Ее благочестие, на крепчайших и неподвижнейших основанное столпах, утверждаемое пребудет в непоколебимости, Ее правосудие, новый вид получив в известных Ее державы местах, с успехом желаемым уже отправляется наивысшему благоденствию граждан, Ее премудрые уставы не токмо нам причиняющие, но и для потомков наших составляющие блаженство и в коих везде милость с истиною встречаются и правда с миром обლობызаются, для благополучия грядущих родов утверждаются на непоколебимом основании, лихоимство ж и корыстолюбие, яко некоторая пагубнейшая зараза, искореняются и истребляются до основания во всех пределах Российских; Ею науки и художества на высочайший степень возведенные и высочайшим Ее Величества покровительством ободренные возрастают и процветают во множайших пространнейших Ее империи местах; Ею нам тишина желанная и покой доставлен вожделенный⁵⁸, Ею мы, наконец, на верх блаженства возводимся и пребудем благополучны по оному Ее желанию, что б видеть народ «российский столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольство может на сей земле простираться»⁵⁹. Словом, все Ее Величества предприятия и намерения премудры, все Ее дела велики, славны и громки по вселенной, все Ее добродетели несравненны и все Ее Матерние об нас попечения благоуспешны.

И как все Ее Величества нам оказанные и оказываемые благодеяния подробно исчислить не моих сил и дарований дело есть, то я, оставив сие другим способнейшим и превосходнейшим витийства дар имеющим проповедовать велегласное, с Вашего, П. С., дозволения при сем знаменитом торжестве, музами празднуемом, краткое имею предложить мое рассуждение *о невестественности души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии*.

Разные разных в древности процветавших философов мнения были о душе человеческой, П. С. Одни из них говорили, мы хотя и согласны в том и верим тому, что есть в нас душа, по власти которой движемся, далее поступаем и обратно возвращаемся, но не можем точно объяснить того, что такое есть душа, она самовластная повелительница наша и госпожа. Другие утверждали, что нет никакой души, поелику весьма трудно узнавать душу самую ж душой и производить понятие об ней чрез нее ж самую*⁶⁰. Иные ж, совсем отменное против сих имея понятие о душе человеческой и невероятно великое между собой производя несогласие, многие совсем неприличные мнения об оной объясняли в своих сочинениях. Но как вся сила и способность познания вещей проистекает и зависит от души, яко главнейшего источника своего, то потому и заблуждение, если какое против оной случается или случится, поистине наиопаснейшим из всех почитается и должно почитаться быть, поелику оным истребляется естественное благочестие и очевиднейший добродетельным нравам вред причиняется. Почему и мы в удовольствие своего любопытства, хотя и имеем намерение рассмотреть разные их мнения, однако поступим при этом с осторожностью и предложим токмо те, которые дальнейшего заблуждения в себе не заключают.

И во-первых, по свидетельству Цицеронову, Демокрит, Зенон и Левципп⁶¹ понимали, что душа есть нечто из легчайших и круглых несекомых частиц вожженное, Диоген⁶² же и Анаксагор⁶³ называли ее воздухом, а Иппократ, Эмпедокл и Дицеарх⁶⁴ почитали ее существом, из всех стихий составленным. Другие же, напротив того, из них приписывали душе человеческой природу чистейшую и благороднейшую. Как то Пифагор и Платон⁶⁵ называли ее числом, само себя движущим, а Алкмей утверждал, что душа человеческая есть нечто движущееся и такое, которое бессмертно и подобно небесным движущимся и бессмертным**⁶⁶. Аристотель же хотя и свидетельствует, что совсем невозможно или весьма трудно иметь некоторое понятие о природе душевной, однако называет ее, что она есть первое действие физического органического тела, во власти жизнь имеющего. И хотя сей славный перипатетик через сказанные слова и не изъявляет точно того, что душа есть существо или случайная принад-

* Такого мнения был Аристоксен. См.: Cic. Tuscul. Quaest. pag. 87.

** Плутар. Кн. 4, гл. 2 de Placit. Philos.

лежность, или тело, или дух, однако в одном своем сочинении справедливо умствующими называет тех, кои утверждают, что ни душа без тела, ни тело без души быть не может. Из чего явствует, что все древних философов о душе человеческой мнения точно суть двоякого рода, то есть, одни из них почитают ее вещественной, а другие, хотя и понимают ее невещественной и бесплотной, только ясного понятия о сущности и природе ее не изъявляют.

Что ж принадлежит до новейших философов, то из оных некоторые по причине своего последования то сему, то другому мнению древних или *монистами* (*Monistae*), или материалистами (*Materialistae*) обыкновенно называются. Первые из них получили свое наименование от греческого слова *μόνος* (един), потому что допускают они в натуре вещей бытие одного токмо существа и оно почитают или вещественным, откуда и материалистами, или, хотя душу человеческую и почитают невещественной, но действительное мира сего и тел, в нем находящихся, бытие опровергают, допуская токмо идеальное или в уме представляющееся, *идеалистами* (*Idealistae*)* названы. С сими также сходствуют собственно так называемые *эгоисты* (*Egoistae*)**⁶⁷. *Дуалистами* ж (*Dualistae*), напротив того, именуются те, кои допускают бытие двух существ, одного вещественного, а другого невещественного, и сии последние, по мнению одного ученого мужа***⁶⁸ лучших качеств, философами должны почитаемы быть, потому что они не по одному только тщеславию, но и по напряжению сил душевных мудрствуют. Вещественность души старался защищать Гоббсезий с Толандом, Ковардом⁶⁹ и другими материалистами,

---

* До такого безумия всеконечно довела их трудность оная, что они не могли понять сложение или составление сложного существа. Ибо, так они думали, если тело есть, то должны допущены быть малейшие части, составляющие оно. Сии части при соединении в целом ли своем виде и составе имеют взаимное между собой прикосновение или только от части? Если первое, то непременно соединяющиеся между собой части должны совокупиться в одну точку, почему и не может составлено быть тело. Если же те части некоторым токмо образом имеют между собой прикосновение при совокуплении, то малейшие части будут состоять из других частей, что самое заключает в себе противоречие. И для того происхождение тела из таких частей идеалисты почитают невозможным, и потому опровергают бытие тел.

** То есть такие люди, которые думают, яко бы одна токмо их душа имеет бытие, а прочие вещи, которые они понимают, суть одни только представления душевные, действительного бытия совсем не имеющие.

*** Cl. Fort. a Brix. Met. p 2. Disp. 1. Sect. 1. par. 4.

из коих некоторые также утверждали, яко бы событие мыслей в душе человеческой бывает через движение тел^{*70}. Эгоизм же, по свидетельству Вольфиеву^{**71}, в недавних временах защищал в Париже некто из последователей Малевбраншевых⁷², да и сам Малевбранш согласным с мнением своего последователя оказался чрез явное свое подтверждение следующего: *до сих пор еще не учинено, да и не может учинено быть доказательство действительного и настоящего тел бытия.*

Неудивительно, П. С., что древние философы толико неосновательное о природе душевной имели понятие, поелику все они более предрассуждениями разного рода будучи заражены, во тьме невежества утопали, и потому от истинной веры единожды отступив, от предводительства разума своего и естественного просвещения весьма далеко уклонялись. Сожалительно только о том, что и в нынешние просвещеннейшие времена толико ж слепотствующие находятся умы людей, кои бытие разумной души совсем уничтожают и человека не на что иное быть не основательно утверждают, как самую настоящую машину и такую, в которой якобы посредством жизненных духов действует одно токмо порядочное расположение орудий телесных, оказывая согласное друг другу соответствие.

Но кто открывает сокровенные вещи? Кто изыскивает удивления достойные изобретения? Кто беспредельные голоса человеческого звуки знаками букв ограничил? Кто неукротимых зверей претворяет в кротких агнцев? Кто многие и различные употребляет средства, служащие к перемене состояния в лучшее? Кто измеряет глубину морскую и течение светил небесных определяет? Кто способной к плодородию делает землю и в надлежащее время угобзив ниву, посеивает на оной семена? Кто знает различать добро от зла и обратно? Кто, наконец, дивному мира сего строению и совершенному в одном наблюдаемому порядку удивляясь, может прославлять премудрого его Творца и ему, яко Благодетелю всяческих, воздавать достойную и подобающую честь с благоговением? Всконечно, разум свыше влиянный в человека, или оным одаренная его душа. И когда толикие

---

* P. Herman. Osterrieder. Metaph. pag. 699. *Buddeus Philos. Theoret. P. I, c. 5, par. 28: nullam inuoluere contradictionem statuit, quo minus Deus producere possit Substantiam cogitantem. Vid. Winkler. Metaph., pag. 433. Item Cantz. Metaph., pag. 782, par. 955.*

** Psych. rat. Sect. I. Cap. I, par. 15.

и такие знания понимает душа, когда она мыслями своими объемлет всю вселенную, когда она так порядочно рассуждает о настоящем и когда она, наконец, во всегдашнем упражняется размышлении, то не можно думать, чтобы она была какое сложное существо, подобное махине и подлежащее совершенному разрушению и нетлению. Да и кто видал, чтобы из вещей, в натуре находящихся, была хотя одна такая, которая бы имела толикую силу рассуждения и помышления, столько бы могла разуметь настоящее, рассуждать о прошедшем и предвидеть будущее, сколько понимает, рассуждает и умствует душа? Поистине нет, не бывало и не будет никогда ни одной такой вещи. Почему особенная некоторая природа и сила души нашей есть и совсем отменная от всех естественных вещей, следовательно, как утверждает римский оратор, душа человеческая с небес есть и от Бога, поелику и самого Бога не иначе мы понимаем и не другим каким Существом представляем его себе, как духом бесплотным, пресовременную и свободнейшую имеющим волю, чуждым всякого тления подлежащего смешения, Всесведущим и все приводящим в движение. Сходственные также с ним мысли о душе имел и Кир Старший⁷³, когда он, при самом издыхании своем находясь, выговорил к своим детям следующие слова: «Любезные дети! Не думайте обо мне того, что я по разлучении с вами буду *нигде* или *ничто*. Ибо вы и в то время, когда я с вами находился, не видали моей души, но разумели из моих действий, что она в сем моем теле находится. Верьте ж, что она та же самая есть, которая теперь выходит из моего тела, хотя при самом исхождении и никакой не увидите».

Равным образом и мы, присутствие души в нас самих признавая то чрез сведение о себе самих и действиях наших, то чрез понятие вещей, вне нас находящихся, то, наконец, через многообразное разных как вещественных, так и невещественных вещей желание и отвращение, можем сказать, что душа наша есть не что иное, как такое начало, помощью которого человек мыслит, познает истину, желает добра и о своих понятиях и желаниях имеет сведение, называется при том разумной для того, поелику она узнает последующее, видит начала и причины вещей и оных продолжения и последования, сравнивает подобия и приравнивает оные к настоящим вещам и присовокупляет к тому будущие. Из чего явствует, что душа человеческая не есть, как некоторые утверждают, могущество или сила разума и помышления, но есть самое сущее разумеющее. В таком смысле

весьма пристойно называется она сущим, или существом, внутри нас обитающим, о самом себе и о других вещах, вне его находящихся, имеющим сведение, себя самого от других вещей и самые вещи между собой различающим. В рассуждении ж свойств своих разумная душа по справедливости от некоторых обыкновенно именуется существом сотворенным, бесплотным и по власти Всемогущего Творца определенным для сопряжения с органическим телом. И тако разумная душа чрез сие, что она есть бесплотная, сходствует с Богом и ангелами, чрез тож, что она есть сотворенное существо от Бога, а потом, наконец, чрез то, что она определена для сопряжения с телом и от ангелов различествует.

А что душа человеческая есть существо бесплотное или невещественное, имеющее совсем отменную от тела сущность, сие понять можно из того, что она различными, противными и противоречивыми в рассуждении тела одарена свойствами, из сравнения коих различных двух существ между собой по справедливости выводим следствие и о различении их сущностей. Например, понимая тело, яко сущее точно страдательное и действия никакого само через себя не имеющее, ибо если бы оно было сущее, само себя движущее, то бы не можно было показать причины, для чего одна часть тела меньше, нежели другая сама через себя движется, заключаем, что душа есть сущее, одаренное внутренним действием, в чем всякий удостоверен через внутренние свои чувства и собственную совесть. Также тело, поелику есть сущее точно страдательное, не имеет ни чувствования, ни помышления, что все приличествует нашей душе, по внутреннему всякого в том удостоверению. Гоббезиево же и Спинозино⁷⁴ мнение, хотя они и утверждают, что из обращенного тела движения, то есть из противодействия одних частей оного против других и можно вывести чувствование и помышление, совсем не основательно. Ибо в сходственность такого их мнения, можно было бы утверждать, что и огонь чувствует и помышляет. При том тело есть сущее твердое и такое, что в том же месте, где оно само находится, другим телам поместиться не допускает. Напротив же того, дух сквозь все тела проходит, потому и утверждаем, что душа от тела имеет существенное различие. Наконец, тело есть сущее, делимое на части, и каждая его малейшая часть, также делимая на самые малейшие, токмо не до бесконечности. Напротив того, душа наша есть сущее простое, такое, которое на части делиться не может, но только имеет сведение о себе самом. Сло-

вом, из идеи тела ни коим образом не могут выведены быть свойства души человеческой. Ибо из вещества, состоящего из частиц, сколь ни тончайших, каким образом ни ограниченных, какую скорость или медленность в движении ни имеющих, ниже начала простейшего мышления или какого разумения, или свободной воли вынести не можно, и особливо потому, что всякое понятие из единства и невещественности подлежащего понимающего проистекает.

Славный Стош*⁷⁵ следующими доводами, для чего мысли душевные малолетних и престарелых людей не столько могущественны суть, как тех, кто имеют средние лета? Для чего болезнь в великое замешательство может приводить ум человеческий? Для чего волнование страстей душа не в силах бывает укротить? Для чего в одно время способнейшими и проворнейшими бываем к размышлению, нежели в другое время? Для чего и спящие мыслим или видим сны? Для чего по остановлении на время обращения жидкостей или влажностей внутренних, останавливаются и помышления, по возвращении ж одного обращения начинает паки мыслить человек? Для чего, наконец, один другого бывает разумнее? Хотя усердно и старается доказать, что душа человеческая не что иное есть, как искусное расположение жидких и твердых мозговых частей, но Стошевы доводы не души вещественность, но только то доказывают, то душа человеческая во многих своих действиях требует исправно расположенных орудий телесных и надлежащим образом растворенных влажностей, по недостаточеству которых и действий своих оказывать не может, поелику душа человеческая по определению Божию, только неразрывное с телом имеет сопряжение, что через посредство одного все вещи, вне себя находящиеся, понимает.

Правда, хотя мы по нынешнему состоянию нашего жития и по неразрывному сопряжению души своей с телом и понимаем сущее вещественное или тело, которое гораздо известнее нам, яко чувствам нашим подверженное, однако помощью отвлечения собственной способности душевной можем понимать и невещественное существо, например, душу свою, не приписывая сей того, чему подвержено первое. Ибо самым опытом, будучи удостоверены мы в том, что тело есть существо, имеющее по своей натуре протяжение, делимое на части, потому что всякое протяжение состоит из многих частей, между со-

---

* In M. S. de concordia raricnis et fidei.

бой соединенных, имеющее пределы своего протяжения, или фигуру, движущееся и покоящееся, как в физике обстоятельнее и подробнее о том изъясняется, утверждаем помощью разума, что душа как невещественное существо и ни мало несходствующее с телом, не должно иметь вышепомянутых качеств и свойств, приличествующих телу, потому и говорим, что душа есть дух и такое существо, которое по своей сущности не имеет протяжения, не делится на части и не одарено такими свойствами, которые бы чрез величину, фигуру и движение изъяснялись.

Хотя ж невещественной душе человеческой и приписывается некое движение, токмо оное не что иное есть, как единое помышление, которым она бесчисленные предметы, то есть представляемые себе вещи многообразные, понимает и будто напишет и написанные хранит, яко в неисчерпаемых неких сокровищах, и когда захочет, производит оные в неудобовероятной скорости, с чудесным и несказанным благочинием без всякого помешательства. Потом представленные и изображенные образы или виды вещей соединяет с другими и из соединения оных новые и странные выводит. Но всего удивительнее, что она о всех своих таковых помышлениях имеет сведения, испытует потом еще оные и, испытав довольно и рассмотрев, утверждает или опровергает без всяких других доводов, будучи удостоверена о справедливости того своего испытания одним своим внутреннейшим промышлением, то есть сама в себе всему тому свидетелем бывает, паче всякого другого свидетеля достовернейшим. В мозгу же человеческом, сколь прилежно ни будешь рассматривать расположение оного и, хотя анатомическим или химическим образом разделить части оного, однако не найдешь ни малейшего следа столь дивных действий, которые бы от него происходили и сходствовали с душевными действиями.

Равным образом и другая, так бы сказать, составительная души человеческой часть, то есть свободная воля, не только всеми ума человеческого действиями, но и самым телом обладает, приводя орудия оного по своему произволению во всякое надлежащее движение, и о таковой власти ее сами мы известны бываем без всякого сомнения чрез обратное помышление нашего действия. Однако ж таковой верховной власти воли нашей иногда разум, яко первейшая души человеческой способность, устанавливает меру и пределы. А хотя и случается, когда той воле преступить сии предписанные ей от разума пределы,

только такое ее безмерие усматриваем тотчас чрез обращение того ж своего ума, что самое называется *совестью* (*Conscientia*). По усмотрении ж такого высокомерия воли нашей, тем же действием ума преклоняем оную к прекращению или применению той необузданной власти. И что такое преклонение или увещание возымело свою силу, познаем сие из того, когда в самом стремлении удерживаемся от предприятий наших, худым противимся обычаем и оные весьма ненавидим. В сих и сим подобных действиях непрестанно упражняющаяся душа человеческая никогда не может утрудиться и в бессилие прийти, но всегда бодрственной и неутомимой пребывает, что самое всякий, сам по себе рассуждая, без всякого затруднения и прекословия дознал и дознает ежедневно.

Сие-то все действия души человеческой, П. С., не иное что суть, как одно помышление отвлечительное, то есть такая душевная сила, помощью которой производит она понятия о вещах бестелесных, соединяет и разделяет обстоятельно качества понимаемых вещей, изыскивает причины качеств, разумеет уравнение и соразмеримость количеств, из особенных понятий производит всеобщие к известному своему концу непринужденно, но добровольно, с избранием средств, управляет все свои действия. Особливо же такое качество, единственно приличествующее душе, может ясно и вразумительно всем и каждому быть чрез то, что все ее свойства из сего единого источника проистекают, например, понимает ли, когда что чувствами своими человек — тогда помышляет, разумеет ли он, когда что — тогда помышляет и желает ли он, наконец, когда чего, или отвращается — тогда помышляет.

А что душа наша самой вещью понимает предметы, чувствам нашим подверженные, например теплоту, стужу, запах, свет, звук, твердость, мягкость и прочее, также не подверженные чувствам, то есть: Бога, добродетели, первые начала, геометрические истины и различные свойства, в предметах чувствуемых непосредственно находящиеся, сие познаем из того, что те вещи, которые производят в нас чувствование, суть такого свойства, что оные в нашем мозгу, где разумная душа, по мнению многих разумнейших философов, обитая, производит свои помышления, возбуждают некоторое движение и чрез то в душе производят внимание. Поелику оное движение, чрез стремление чувствуемой вещи, будучи возбужденное, сперва сообщается тем тоненьким волокнам чувственных жил, которые, по мнению

анатомиков, из внутреннейшего мозга существа, распростираясь, к наружным нашего тела частям прилепляются, от которых потом оное движение непосредственно переносится к мозгу и внутреннейшему оного существу; следовательно, и душе, там обитающей, сообщаются. Не подверженные ж чувствам вещи, хотя не возбуждают и не могут возбудить такого движения в чувственных орудиях, однако понимает оные душа, рассуждает об оных и производит свои умствования чрез посредство чувствуемых, употребив к тому в помощь собственное и единственно себе принадлежащее действие отвлечения. Как то, например, из тварей, многообразным переменам подвергающихся, имеющих зависимость от других, производим понятие о Творце, яко верховнейшем Существе, ни от кого не зависящим и малейшей перемене не подвергающимся, но во всех вся действующим премудро. И потому помышление нашей души, от чувственных вещей в мозгу возбужденное, формально не состоит в известном некотором движении самого тончайшего и движущегося существа, ниже зависит оное от каких-либо механических действий тел, как материалисты думали. В доказательство сего рассмотрим только три действия ума нашего, то есть понятие, рассуждение и умствование, то увидим, что ни одно из сих действий не зависит от некоторого движения тончайших существ или тел.

Правда, что мы через первое действие ума своего хотя и производим понятие о таких вещах, которых виды в чувственных наших орудиях возбужденные и переносятся к мозгу чрез посредство некоторого причиняемого в оном движения, однако второе действие того ж нашего ума, то есть рассуждение наше никоим образом не сбывается и не может сбываться через помянутое движение. Ибо, когда ум наш о чем-нибудь подтвердительно рассуждает, тогда две идеи вместе соединяет, и если рассуждение не что иное было, как известное некоторое движение самых малейших и тончайших тел, то бы оно формально состояло в соединении таких движений, в которых идеи подлежащего и сказуемого заключаются. Но как иная есть идея подлежащего и иная сказуемого, то бы и движение тех самых малейших тел иное должно было быть для идеи подлежащего и для идеи сказуемого, и так бы в подтвердительном рассуждении вместе соединяться должны были тончайшие тела, различное между собой имеющие движение, а как сему стать невозможно, чтобы оные тела не получили нового в движении определения, то есть другого

и совсем против прежнего отменного движения, следовательно, чрез составление рассуждения подтвердительного совсем бы исчезли оные тел движения, чрез которые подлежащее и сказуемое прежде того изображались. Известно ж, что идеи подлежащего и сказуемого никоим образом при составлении рассуждения не уничтожаются, то и подтвердительное рассуждение не бывает чрез соединение таких тончайших тел, которые бы по разным определениям имели движение в нашем мозгу.

Что ж принадлежит до третьего действия ума нашего, то и о событии сего не можно и не должно понимать таким образом, яко бы и для произведения оногo два различных тел движения вместе соединялись с третьим, совсем от двух отменным, и из сего соединения происходило совокупление оных двух движений между собой без всякого замешательства и перемены в определениях.

Поелику и в таком случае непременно бы оные самые малейшие тела имели двоякое движение, из которых бы одно изображало другое прямо, а другое означало первое посторонним образом. Но как сие весьма противно законам движения, в физике объясняемым, то и умствование души нашей не может зависеть от различного движения тончайших тел. Почему и мнение Гоббезиево, состоящее в том, яко помышления разумной нашей души собывались от одного действия и противодействия мозговых частиц, неосновательно. Ибо душа наша, оказывая различные ума своего действия, производит оные без всякого вспомоществования, получаемого от движения тончайших тел, но по своей внутренней и собственной силе, по своей воле, без всякого внешнего принуждения ко всякому роду помышлений сама себя добровольно определяет. При том сила движения вещественных средств помалу ослабевает, да и совсем исчезает, сила ж помышления разумной души чем о множайших вещах производится и чрез то в своем действии упражняется, тем сильнейшей становится и умножается. Также могущество вещественное всегда получает повреждение от такого предмета, которого впечатление в нем сильнейшее было, например, никогда мы не можем смотреть на солнечные лучи, в полном сиянии простирающиеся до наших глаз, без повреждения орудия зрения, в могуществе ж разумения душевного противное сему всегда примечаем. Ибо, чем высочайшее и яснейшее о какой вещи имеем познание, тем могущество разумения нашего совершеннейшим делается. Наконец, такая есть скорость мыслей наших и помышлений,

какая никогда еще не примечена и не примечается в могуществах вещественных. Ибо мы часто мыслями своими до самых определенных мест доходим, иногда ж и выше облаков возлетаем, однако на прежнее свое место паки возвращаемся, не имеем нигде остановки и замедления, что все ясно доказывает невещественность нашей души.

Подобным образом желание и отвращение наше к вещам не токмо плотским, но и к бесплотным простирающееся, доказывает невещественность души нашей. Например, хотя истину, правосудие, Бога и прочее никогда мы не понимаем своими чувствами, однако любим и почитаем. Не имеем также отвращения и от таких вещей, которые в отношении к чувствам нашим, презрения паче, нежели любви достойными кажутся. Какую, например, составляет приятность в глазах твоих юноша, сам собой будучи прекрасный да неистовый умом и своими делами мерзостный? Всеконечно погнушаешься таким человеком, да для чего ж? Для того ли, что он глазам твоим представляется гнусным? Никак. Он стройностью тела своего, порядочным расположением членов оного, одним словом, он красотой своей прельщает твои глаза, однако, как скоро услышишь об нем, что он нестерпимый за свои злодеяния в обществе человек, тотчас внутренне начинаешь ненавидеть его, гнушаться им, презирать его, духом своим удаляться от него. Напротив того, когда видишь престарелого человека, согнувшегося, всего в морщинах и мало движения имеющего, прельщает: ли тогда твое зрение такой гнусный предмет? Нимало. Как же скоро услышишь об нем, что он добродетельный человек, многие и великие услуги показавший своему отечеству старик, тотчас приемлешь его в свои объятия, лобызаешь его и всякое ему воздаешь почтение. Из чего явствует, что разумная наша душа не токмо к вещественным, но и к невещественным вещам имеет склонность непринужденную, но само произвольную. То есть сама она себя определяет к честным и бесчестным действиям, желания и надежду простирает за границы всех времен, воспаленная желанием к вечному благополучию, гнушается всеми земными усладениями, благородным духом презирает плотские сладострастия, попирает с презрением временную честь и всегда стремится к достижению невещественного и верховного блага. Почему и сама не может почитаться вещественной, ибо в противном случае имела бы она склонность токмо к чувствуемому, настоящему и вещественному добру, а о честности как о невеществен-

ном предмете никакого бы попечения не имела, и все свои действия производила по подобию бессловесных скотов.

Но если скажет кто, для чего душа, яко невестественная и потому не имеющая никакого сходства и уравниения с телом, спрягается с сим? «Для того, — изъясняет сие Цицерон*⁷⁶, — бессмертные боги в тела человеческие вселяли души, что бы находились такие люди, которые бы, смотря на землю, разными испещренную цветами, удивлялись премудрости Создателя ее и, взирая на непеременимый порядок светил небесных, подражали тому образом своего жития и постоянством». Изрядное поистине такое римского оратора изъяснение и точно сходственное с истиной. Ибо в противном случае сия премудро учрежденная громада и само собой славное дело мир сей, говорю, всякой бы славы лишался, если бы некоторые твари не были одарены и украшены такой способностью, чтобы могли видеть в оном находящиеся совершенства, и, учинившись участниками оных, хвалить и прославлять преблагого Создателя. Почему премудрый Творец, поелику он есть пресовершенная любовь, которая по своему естеству не может не сообщать себя с другими, разные твари и, во-первых, человек по образу и по подобию своему сотворил с тем, дабы они, наслаждаясь благами мира сего, возводили ум свой к сотворившему все на пользу их. Ибо кто разумеет превосходную разума Божия силу? Разве тот, кто подобным же одарен разумом. Кто может понимать пресовершенную и никакими пределами не ограниченную волю его? Разве тот, кто подобную ж и своему ограниченному естеству приличную иметь способность. Кто правосудие его, кто благость его и кто, наконец, неизреченную милость его чувствовать может? Разве тот, кто подобной же одарен силой чувствовать все то и пользоваться оными. Из чего явствует, что Бог, созидавая людей, яко свидетелей и провозвестников своих совершенств, всю природу их по оному, какому пресовершенная любовь его быть благоволила, сотворил намерению. Ибо он, во-первых, одарил их разумом, дабы они могли проникать в союз причин и действ, подробно разбирать порядки средств и концов и усматривать сокровища бесконечных и вечных благ, скрывающихся в оных, наконец, оживотворил он их волей, чтобы они могли хотеть и желать оных причин благополучия, которое вечно пребывать имеет, и даровал им довольные силы, чтобы

---

* De Sen. Cap. 21, pag. 285.

они в состоянии были дойти до употребления оных благих и оттуда получить себе непременную пользу. Словом, одарил он их такой свободой, по которой они, когда видят множайшие способы, служащие к совершению дела, и усматривают, что имеют на то довольные силы, то, избрав лучшие из оных, исполняют свое намерение и получают желаемый конец через посредство оных.

Все сии свойства, ежедневно примечаемые в людях, не ясно ли доказывают, что мы от премудрого и преблагого Бога одарены такой разумной душой, которая никакой вещественности, телам приличествующей, не имеет, яко от Бога дарованная и ему самому равноподобная. Сие ж самое уразумев, и Аполлон называл души человеческие божественными и утверждал во всякой своей речи, что души, разлучившиеся с телом, выходят на небо, яко оттуда пришедшие. Почему и приказание его, чтобы *знать самого себя*, не в том заключалось, чтобы знать члены тела, состав оных и фигуру, но, всеконечно, приказывал он знать душу, поелику тело есть бесчувственное существо и как бы сосуд токмо некоторый или вместилище души и, когда кто тебе что говорит, то он говорит не телу твоему да тебе, яко разумной душой одаренному и помощью оной понимающему сказанные тебе слова.

Если ж спросит кто меня, какова моя душа и где она находится, то я могу ответствовать ему следующее: хотя ни места, где Бог, ни фигуры, какую Он имеет, и не знаем и не видим, однако познаем Его из действий Его, равным образом и о душе своей, хотя ни места, в каком она обитает, ни начертания, какое она имеет, не знаем и не видим, из ее действий заключаем, что она есть без всякого смешения, простая, неделимая на части, не исчезающая, но пребывающая вечно, яко от Бога дарованная.

Сократ, несомненное имея упование в том, что и его душа, как и прочих людей, также бессмертная, не искал защитников, которые бы своими стараниями могли оправдать его на суде, не искал также и милости в судиях, кои бы по самой справедливости разобрав дело, могли освободить его от казни, но употребив свободное упорство, от великодушия единого и от вкорененного мнения о бессмертии души, а не от гордости происходящее, за несколько дней до смерти, хотя и мог он убежать из тюрьмы, однако не восхотел учинить того, но в самый тот час, когда уже держал он в руках своих смертоносным ядом наполненный сосуд, как бы не на смерть влекомый, но на небо

представляясь восходящим, следующие к предстоящим выговорил слова: «Две дороги для душ, разлучающихся с телом, те души, кои гнусными пороками оскверняли себя в жизни сей, в сластолюбиях провождали дни живота своего и отечеству своему чрез какие-либо ухищрения причиняли пагубу и злодейство, пойдут по той дороге, которая весьма далеко и в другую сторону отведет их от того места, где обитают бессмертные боги. Напротив же того, те души, которые добродетельную и целомудренную провождали жизнь и никакими пороками себя не оскверняли, но будучи в телах, подражали житию нескверному, прямо впущены будут в селения богов бессмертных, як от них самых проишедшие»⁷⁷.

Славному ж Платону, академической секты основателю*, природа душевная столь превосходной показалась, что он, не приняв в рассуждение свойств существа необходимо нужного, имел такое понятие об оной, что она не только конца, но ниже начала не имеет, утверждаясь на следующих доводах: «Что всегда движется, то вечное есть; и одно токмо то, что самого себя приводит в движение, не только никогда не перестает движение иметь, но и в рассуждении прочих движущихся вещей источником и началом движения почитается; начало же не имеет происхождения, потому что от начала все происходит, почему и о душе должно то же понимать, как о таком существе, которое само себя приводит в движение, то есть имеет такую силу, что для помышления своего не требует внешней силы и побуждения, но сама в себе причину действия и помышления заключает. А что само себя приводит в движение, то вечное или бессмертное есть»^{**78}.

Израядное также дает наставление о бессмертии души человеческой и Цицерон: «Ибо, — говорит он^{***}, — не найдешь никакого происхождения душ здесь на земле, поелику в оных не обретается никакого такого смешения, которое бы из земли, воды, воздуха и огня состояло, при том ни одной из естественных вещей не находится такой, которая бы имела силу памяти, рассуждения и помышления, то есть помнила бы прошедшее, предвидела будущее и рассуждала о настоящем, поелику все сии свойства, яко единственно божественные, не от естественных вещей или от другого чего-нибудь ниспосы-

* Quaest. Tuscel. lib. 1.

** Quincntil. in Institut. orat. lib. 5, cap. 14.

*** Lib. de Consolat. cap. 27.

лаются человеку, но токмо от Бога. Следовательно, природа душевная есть некоторая особенная и совсем отделенная от всех известных естественных вещей. Таким образом, что чувствует, что мудрствует, что желает и что бодрствует всегда, все то небесное и божественное есть и по той причине непременно вечное»⁷⁹.

Лукреций⁸⁰ же, последуя мнению Эпикурову, опровергает бессмертие души, и что она, так же как и тело, подлежит нетлению, следующими утверждает доводами. Душа, говорит он, растет, усиливается, стареет и изнемогает вместе с телом. Ибо она с начала возраста человеческого ничего или почти мало разумеет, но по прошествии нескольких лет начинает разуметь. Душа, так же как и тело, немоществует, например, в пьянстве рассуждение мятется и душевные ослабевают силы. Душа, так же как и тело, врачует, почему в то время или что-нибудь прибавляется к душе или что-нибудь убавляется у оной. Наконец, если бы бессмертные были человеческие души, то бы никто из умирающих людей не отвращался смерти, но всяк бы, имея некоторое того бессмертия предчувствование, радовался более о том, что он в лучшую преселяется жизнь⁸¹.

На все сии Лукрециевы противоположения можно ответить следующим образом: душа с первых лет человеческого возраста ничего или почти мало рассуждает о вещах для того только, что она тогда никаких или немного еще изображенных в мозгу видов находит, по прошествии ж времени совершеннее уже начинает рассуждать о вещах потому, что тогда и множайшие и яснейшие в мозгу обретает изображения. А что под старость душа мало и не столь хорошо производит свои понятия, рассуждения и умствования, сие зависит от того, что виды, изображенные в мозгу, или все, или, по крайней мере, некоторые из них заглаживаются и тем самым не действительными учинившись, то темными, то сбивчивыми представляются, а особливо орудия телесные, помощью которых душа понимает вещи, тогда в слабости пришедшие, гораздо отменнее против прежнего действуют. Почему и причиной такой перемены, в престарелых людях примечаемой, по большей части суть орудия телесные, а не тот, кто оными действует и владеет. Что ж принадлежит до страстей душевных, которые, якобы собственные были болезни душевные, сие так же несправедливо. Ибо болезни, собственно так названные, или показывают токмо то, что в том существе, которое теми болезнями немоществует, некоторый урон или ослабление сил приключилось

или сами что-нибудь такое тому существу причинили. Но ни то, ни другое в таком существе, которое никаких частей не имеет, никакой перемены произвести не может. Почему страсти душевные ничего больше не значат, как токмо то, что душа либо увеселение, либо скуку получила от воображений таких вещей, которые или совершенство или несовершенство в себе заключают. В пьянстве, например, не сама душа, но мозг только причиной того бывает, что тогда рассуждение наше всей своей надлежащей ясности лишается, поелику в то время все виды, изображенные в мозгу, сделаются помраченными, рассыпанными и беспорядочными. При том и то не правда, якобы в то время, когда мы употребляем лекарства, душе нашей что-нибудь прибавлялось или что-нибудь у ней убавлялось. Ибо мы лечим одно только тело, и поврежденные в членах оно соки чрез то исправить стараемся. Например, хотя и говорим о таком человеке, который имеет неравные сапоги, что он хромает, однако знаем, что причиной того одни только неравные его сапоги. Равным образом и о душе должно понимать, что одни токмо орудия телесные бывают причиной того, что душа наша иногда непорядочные оказывает действия. Наконец, и последнее Лукрециево противоположение, состоящее в том, что умирающие люди не отвращались бы смерти, если бы они знали, что души их суть бессмертные, также не заключает в себе великой важности, потому что никто не видал такого умирающего человека, который бы в самый тот час, когда душа его разлучается с телом, в состоянии находился предстоящим при его одре объявить то, что он знает, куда и каким образом душа его выходит из тела и что потом сделается с ней. Когда при последнем издыхании язык совсем немеет и орудия телесные без всякого движения бывают. Хотя ж за несколько времени перед смертью некоторые и жалуются на оную, но сие происходит от того, что настоящее обыкновенно привлекает нас к себе более, нежели будущее; и для того люди, прилепившиеся столь страстно и слепо к настоящим удовольствиям, не только в сем, но и во многих других случаях заблуждают. И, может быть, при последнем своем издыхании люди не на то жалуются, что они разлучаются с сими временными благами, но о том сетуют, что не так скоро переселяются в вечную жизнь для наслаждения вечными благами.

Кратко сказать, не только внутреннее состояние нашей души и высшая степень ее действий показывают ее возвышенной от всего телесного и совсем непричастной смерти, но и наружное челове-

ское состояние явно доказывает собой, что мы не вотще произведены на сей свет. На что бы, например, установление порядка было между людьми? На что бы защищение и награждение добродетели, отвращение и наказание пороков? На что бы обязывающие нас естественные должности? На что бы труды и достохвальные подвиги? На что бы порядочные правления? На что бы попечения об истинной славе? На чтобы, наконец, вся сия стройная, порядочная и непрерывная цепь взаимного между людьми одного к другому отношения? Ежели бы люди были такие бедные твари, которые бы, совершив назначенный жизни своей подвиг, познав таинственным природы вдохновением премудрого своего Творца и стремясь Чрез всю свою жизнь к предмету неограниченного, пресовершенного добра, наконец, после смерти, погибли, исчезли и в ничто обратились. Но, как в сей жизни никто того верховного блага не находит и не получает, то всеко-нечно, оное сохраняется для нас в будущей жизни, почему и душам нашим, без сомнения, должно быть бессмертным. Да и величеству Божию противно сие, чтобы преславное Его из всех тварей создание, то есть разумная душа была столь несовершенна, что напоследок подвергалась обращению в ничто. Но, если скажет кто, что человеческие души, может быть, останутся после смерти в бесчувственном состоянии, то и сие будет величайшим затмением высшей Божьей власти. Ибо, если искусство смертного художника тем более достойным почитается, когда лучшая его работа, сколько возможно, бывает прочной, то кольми паче свойственно есть всемогуществу, благодати и премудрости Божьей созданные им одушевленные разумные существа, как знатнейшие из всех его творений, сохранить вечно в ненарушимом состоянии.

Впрочем, будет непременно такое время, в которое души наши, освободившись от уз, то есть разрешившись от своего брэнного тела, преселятся в вечную жизнь и тамо обстоятельнее познают свое начало и происхождение, поелику и тогда имеют просвещены быть немерцающим светом, узнав же блаженными почтут себя, что всех забот и попечений освободившись, достигли до желаемого предмета. Будут тогда яснейшие и подробнейшие обо всем понятия производить и узнают, что они, яко почтеннейшие от всех тварей создания, сотворены были единственно для прославления создавшего их.

Прославим убо всемогущего Творца, что он по неизреченной к нам благодати своей благоволил предпочесть нас бессловесным тва-

рям, одарив нас разумными душами. Прославим чудный Его промысел, что Он души наши, в сих смертных телах обитающие, сохраняет к бесконечному после смерти пребыванию с теми блаженными душами, которые от начала света преселились и ныне преселяются в вечные обители и тамо нашего сообщества ожидают. Прославим также отеческие его щедроты, оказанные нам через ниспослание Всемилоливейшей Государыни, Высочайшими и несравненными своими щедротами ему самому подобящиеся. Принесем Ему, яко Благодетелю всяческих, достодолжное благодарение за сие, что он и в настоящее время сподобил нас по долгу торжествовать благословенный Им же Самим и славный сей день, в который Благодетивейшая и Всемилоливейшая Самодержица наша, к благополучию и украшению наших времен и грядущих родов, в первый раз узрела свет. Прольем к Нему, яко Хранителю и Покровителю нашему, теплейшие и усерднейшие наши молитвы, да благоволит дражайшую жизнь Августейшей Монархини нашей продолжить до позднейших времен, украшая и возвышая Ее всяким счастьем и благопоспешествованием, да благословит все Ее для нас спасительные предприятия, да дарует все по сердцу Ее и все Ее советы исполнит. Вознесем моления наши к престолу благодати преблагого Бога, да соблюдает под кровом Своим Благоверного Государя, Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича и Его дражайшую супругу, Благоверную Государыню и Великую Княгиню Марию Федоровну, и благоволит да дражайшая Их жизнь в неpretкновенном течении достигнет до маститой старости. Усугубим, наконец, прошения наши, да Божественный промысел, хранящий благополучие государств и стран, сподобит нас в неукоснительном времени узреть благословенный плод от сих Светлейших Супругов происшедший на восстановление в России племени Петра Великого, почивающего в Бозе.

**Слово о превратных понятиях человеческих,
происходящих от излишняго упования,
возлагаемого на чувства:**

**На высокаторжественный и всерадостный
день восшествия на всероссийский престол
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ
ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССИЙСКИЯ, и проч. и проч. и проч.
с глубочайшим благоговением торжественно
празднованный в Императорском Московском
университете июня 30 дня 1779 году**

Празднуя светло и с надлежащим благоговением высокаторжественный и всерадостный день восшествия на престол ПРЕМУДРОЙ И ВЕЛИКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ *ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ*, НАШЕЙ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ, воспоминаем купно и событие чудного и непостижимого промысла Божия с нами, Его неизреченных щедрот на нас изливание, Его бесприкладной милости знаки и Его особенное оказанное нам благоволение. Почему сей всевожденный день по самой справедливости днем святым нарещися долженствует, в который по неисповедимым своим судьбам промысел Божий для вящего прославления России во все концы земные и для возвышения оной на высочайшую степень благоденствия определил царствовать над нами человеколюбивую, кроткую, премудрую, не токмо о настоящем нашем благополучии, но и о блаженстве будущих родов неусыпно пекущуюся Государыню. Сей, говорю, для нас спасительный день, в который излился на нас обильный источник благодати Божией через ниспослание такой Самодержицы, которой великие дарования душевные учинившись всему свету известными, ум всех слышащих таковые приводят в несказанное удивление. Ибо всяк благочестие и усерднейшую Ее к Богу любовь почитает с благоговением, всяк матернюю Ее любовь к себе дознает и чувствует оную с восхищением, всяк на величество души Ее взирает с изумлением. Словом, все и разные народы разными языками прославляют дел Ее величие.

И подлинно, В. С.⁸², неизреченные Божеские щедроты оказаны нам чрез ниспослание такой Монархини и до сего времени еще про-

должается изливание оных на нас чрез соблюдение драгоценнейшего Ее здравия, к умножению нашего благоденствия. Еще, говорю, знаки благодетельного промысла Всевышнего оказываются нам явным образом. Не благодетельная ли десница Всевышнего Существа даровала недавно рожденного Благоверного Государя и Великого князя *Константина Павловича*, тезоименитого оному греческому царю Константину Великому⁸³ в приумножение российской Императорской Фамилии, в продолжение племени *Петра Великого*, а России в залог особого своего к ней благоволения? Поистине неизреченная Его благодать сие учинила и Его непостижимый промысел соделал нам вину толикого нашего благополучия.

Желал бы я охотно, В. С., тотчас показать Вам силу и действие промысла Божия, оказываемого в особливости разумным и словесным его тварям, но как об оном, хотя кратко, токмо упомянуто быть имеет в последующем моем рассуждении, того ради оставив оное, с вашего позволения приступаю теперь к посильному моему рассуждению *о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства*, и испрашиваю при том вашего любоохотного внимания.

Многие из смертных, В. С., имеют такое обыкновение, что они о вещах, чувствам их поверженных, производят такое понятие и такими оные быть чают, какими представляются им от чувств, а того не знают, что такое их понятие и представление, в уме произведенное, совсем не соответствует истинным вещей составлениям и надлежащим оным свойствам. Не знают того, что чувства наши при следующих токмо обстоятельствах не представляют нам ложного. 1) Когда оные суть целы и неповреждены. Ибо как слепой о цветах пристойным образом рассуждать не может, так и страждущий горячкой или другой сей подобной болезнью не в состоянии бывает распознать разного вкуса в различной, ему предлагаемой, пище. 2) Когда чувствам нашим подтвержденные предметы находятся от оных в надлежащем расстоянии. Ибо в противном случае слабее действуя предметы в чувственные наши орудия и движения слабейшее в мозгу нашем производят и бывают причиной того, что душа наша, произведя о тех действовавших предметах понятия, удобно впадает в заблуждение. 3) Когда, наконец, середина, то есть тела, между предметом и чувственными нашими орудиями находящиеся, например, воздух, вода, стекло и прочее, всегда бывают однообразны. Ибо в противном случае, если

середина разнствует против прежнего своего состояния и положения, то и предмет в отменнейшем виде глазам представляется. Например, весло, опущенное в воду, при солнечном сиянии кажется преломленным. Но не наблюдающие при чувствовании сих обстоятельств обыкновенно величайшим подвергаются заблуждениям. Так, например, по причине великой отдаленности представляют себе звезды наподобие вожженных точек, хотя оные в самой вещи суть чрезмерной и удивительной величины. Так, многие вещи почитают за маловажные для того только, что чувства их ничего к сведению принадлежащего не обретают в оных, хотя оные по внутреннему своему составлению и по внешнему виду разным, любопытства достойным подлежат испытаниям. О правильных и порядочных движениях, примечаемых в телах небесных, понимают большей частью так, что оные таких движений не имеют потому только, что чувствам их представляются иногда движущимися, иногда неподвижными, а иногда возвращающимися на прежнее свое место.

Равным образом и о собственных ума своего действиях и переменнах рассуждая по внешним токмо обстоятельствам, производят часто такое понятие, какое с природным оного свойствами нимало не согласен. Так, например, память, одну из способностей душевных, представляют себе вместилищем понятий, которые, напротив того, не что иное есть, как способность душевная вещи помощью воображения приведенные на ум, признавать за те же самые, какими оные прежде чувствам их представлялись.

И сие-то особливо многих развратных предрассуждений и разных, непосредственно из того происходящих предосудительных действий, обыкновенно бывает причиной. Почему и заблуждения, из сего мутного источника проистекшие, из превратных, говорю, понятий, и разлившись по всему роду учения, столько усиливаются, что впадшие в оные показываются, наконец, не лучше бессловесных, в рассуждении всех своих предприятий, начинаний и действий. Большой же частью зависит сие от того, что зараженные предрассуждением чувств первоначальные свои понятия о вещах, яко темные и сбивчивые, но непосредственно служащие для произведения ясных и подробных не стараются превращать в таковые, а особливо, когда они всякую вещь с великим поспешением, не употребляя притом надлежащего внимания, рассматривают обыкновенно, хотя причиной тому будет или небрежение их, или нерачение, или непохвальная

привычка, или, наконец, такая склонность, чтоб своими мыслями то выше облаков взлететь, то вниз опускаться, и всегда с одного на другое перескакивать место. То есть, не углубляют они мыслей своих в рассматривании внутренних и наружных составлений какой-либо вещи, но не успеют одну вещь разобрать надлежащим образом, поспешают к рассматриванию другой, почитая разум свой правилам и мерой всех вещей, понятия свои не оным, как бы и надлежало, но самые вещи своим соизмеряют понятиям. Почему, хотя разум их и почитается зеркалом, токмо они предметы не в настоящем виде и существе усматривают в оном и свои идолы, как Верулами⁸⁴ называет, или вымышленные, или врожденные понимаемым вещам приписывают и так больший часто порядок, или большее равенство вымышляют, рассуждая по одним только своим склонностям, зараженным уже предрассуждением чувствований. Так, например, населяют Луну такими жителями, какими и наша Земля населена⁸⁵, не исследовав прежде того, в рассуждении всех ли принадлежностей и свойств Луна сходствует с нашей Землей. Утверждают также, что четыре суть стихии, или первоначальные основания тел и всякой стихии два только качества приписывают, из которых одно называя сильнейшим, а другое слабейшим, и какое им нравится, такое и во всех стихиях быть чают уравнение. И чтобы какие-либо явления, в сих или других телах чувствами их примеченные, с самим их положением тем более согласовали, то на сей конец вымышляют бесчисленные другие, которые от одного только обманчивого чувств представления зависят, а не от здравого разума и основательного рассуждения.

Да и неудивительно, ибо высокомерных и высокопарящих умом своим людей замыслы редко сходствуют с самыми вещами, а потом, какой вред причиняет собственному их знанию такая необузданная вольность, о том, хотя и не наше дело рассуждать, однако и из сего можно понять, что и самые великие умы, утверждаясь на одних токмо чувствах при вымышлении чего-нибудь, остаются без чаемой пользы и истощаются втуне, когда не имеют отношения к самым опытам и порядочно учиненным наблюдениям. Кратко сказать: все тако поступающие люди и попускающие превратным своим понятиям, происходящим от единственного упования на чувства свои, сильнее вкорениться в своей голове, не усомневаются потом и самой противоборствовать истине, не усомневаются, говорю, утверждать и сего, что все в свете сем бывает по случаю, а не с довольной причиной.

Но пусть тако мыслящие докажут нам, что или болезнь бывает без повреждения союза в человеческом составе, или радость без чувствования совершенств, а печаль без чувствования зла, и скажут наконец, что свет сей, толикое в рассуждении самого себя представляющий благоустроение, сам собой или по слепому случаю составлен. Но, если бы они в таких своих размышлениях здравому своему последовали разуму, как и один утверждает стихотворец: «Счастлив, — говорит он, — тот, кто желая узнать настоящую чего-нибудь причину, не полагается на одни свои чувства и не последует в том никакому другому предводителю, кроме своего разума, яко вернейшего наставника и нелицемерного приятеля душе его», то бы через посредство сего дошли они до заключения таких следствий, где одна вещь имеет бытие свое для другой, там должно быть и намерению, а что производится с намерением, то заключает в себе и сие, из чего понять можно, для чего та вещь имеет свое бытие. Ибо намерение есть представление дела, которое намеревающийся, с помощью к тому принадлежащих средств, желает и может привести к окончанию.

Пусть тако мыслящие обратят взор свой на чудное мира сего строение, то весьма приятное и прелестное глазам их представится позорище. Там в одном блестящем своде увидят они оное удивительное светило, которое, послав перед собой зарю, яко предвозвестницу шествия своего, выходит потом и само, яко жених, увенчанный славой из своего брачного чертога, и аки гордый исполин, обтекает всю вселенную. Там приметят они другое величайшее небесное тело, которое, находя себя недовольным к освещению рассыпанных по лицу земному обитателей, заимствует свет от первого одного светила и, прогоняя ночной мрак, одним обещает приятное успокоение от подъятых днем трудов, а другим посреди кипящих и с сильным ветром борющихся волн морских безопасное прохождение. Там зрение их другими редкими и удивительными предметами поражено будет, из которых, одно другого предваряя, уму их, яко полномочному повелителю, на рассмотрение представ, оправдывает себя пред ним в том, что они сходственно с намерениями своего Творца свои отправляют действия и стремятся к совершенству столь премудро устроенной громады. Самые презрительные гадинки приведут их в такое недоумение, что они бытие их почли бы мечтой, если бы собственные глаза в том их не уверили. Беспреданное, например, обращение крови, составляющее продолжение жизни их, члены, на-

ходящиеся в надлежащем движении, и искусство в расположении частей, чтобы одна для другой служить могла и через то способствовать к сохранению жизни, более любопытство их удовлетворять могут, нежели большие существа, в коих то же самое расположение членов примечается, токмо в большем виде. Увидят они, что возвышенные горы и наклонные долины с тем установлены премудрым природы Правителем, чтобы способствовать им к собранию и соединению вод. Разделяющие сей земной шар и разливающиеся по обширным странам реки для того взаимно соединяются между собой, чтобы служить к пользе не человеческой токмо, но и прочих населяющих мудрое сие творение животных. О! Если бы, наконец, неправо мыслящим о вещах можно было и части, видимый сей свет составляющие, ясно рассмотреть и понять все взаимные вещей между собой отношения, то бы увидели они, что нет ни одной пылинки, которая бы без намерения и довольной причины сотворена была. Ибо в противном случае все бы животные истаивали гладом, если бы тучная земля не произрастала плодов, но не была бы и земля плодоносна, если бы не было благорастворенных воздушных и орошающих оную свыше благовременных дождей. Итак, сия преудивительная связь в творениях, от Всевышнего произведенных, примечаемая не ясно ли доказывает имеющим излишнее упования на чувства свои, что Бог имел довольную причину создать такой особливо, а не другой мир.

Но противомыслящие, то есть имеющие излишнее упование на представление своих чувств, еще стоят в своем упорстве и еще сомневаются верить тому, что все в мире сем бывает с довольной причиной. Не открыто нам, говорят они, еще и поныне, и чувствами своими не понимаем мы того, каким образом производится прилив и отлив воды морской, и магнит ли притягивает к себе железо, или обратно, железо магнит. Но сожалительно, когда не понимают они того внутренними своими чувствами, *что многого незнание составляет великую часть мудрости* и что разум их, как теснейшими пределами ограниченный, в союз всех вещей проникнуть не может.

Притом нередко случается с ними также и сие, что они, недовольны будучи своим состоянием, желают другого, совсем невозможного и не получив того, несправедливо ропщут на Всесведущего, для чего он не открыл их чувствам препятствующих причин в получении желаемого, совсем не ведающие сего, что мы в таковых случаях на представления чувств своих полагаться не должны, но понимать

так, что все устроится промыслом Божиим во благое, хотя бы чего мы своим разумом и постигнуть не могли, как то и славный английский стихотворец Попий⁸⁶ объясняет сие же самое в своих нижеследующих стихах:

Но ежели бы, — говорит он, — мы грядущее все знали,
В коликой бы вся тварь тогда была печали?
Сей агнец, коего готовишь ты заклать,
Когда имел твой ум и наперед мог знать,
Когда предвидеть мог жестокий час судьбины,
В таком ли б ожидал спокойстве он кончины?

И далее:

О! Коль сия для всех завеса нам нужна,
Что будуще от нас закрыла времена!
О тайна, кою Бог един лишь только знает!
Он ею все творит, что ни определяет⁸⁷.

Словом, чем более стараемся мы проникнуть в союз всех вещей, тем меньше понимаем. Ибо весьма много таких случаев и приключений находится в мире сем, что мы по слабости ума своего, тем меньше помощью одних чувств, понять того не в состоянии, хотя все силы свои на то употребляем. Почему и не наше дело впускаться в глубину неизвестности, но без всякого сомнения должны верить, что Божественный промысел все управляет к нашему благополучию, ибо невозможно стать тому, чтобы Премудрый и Святейший Творец промышлял о нас, яко о своем создании, инако, как во благое. Он поистине все на пользу нашу устроит, что в непостижимых своих советах не определяет, Он все производит к нашему благополучию, что в дивных своих определениях не намеревает, Он все к достижению желаемого нами конца ниспосылает, что не благоволит его Святейшая воля, от Него нам наконец всякий пресовершенный ниспосылается дар.

Но излишнее упование возлагающие на одни только представления чувств своих еще упорствуют и еще дерзость свою оказывать не устремляются через испытывание своей и других судьбы, спрашивая самих себя, для чего бы Бог иногда одного человека перед другими, хотя впрочем и исполненного добродетелью, посещал вящими наказаниями? Яко бы того не ведая, что свет сей со всеми своими яв-

лениями состоит под смотрением Премудрого и Вездесущего Бога, что сей высочайший и преблагодый Правитель мира все человеческие приключения со всеми их следствиями до бесконечности видит, что нет ни единого зла, воспоследовавшего в части, из которого бы по Божьей премудрости не проистекали плодоносные происшествия для целого общества, составляющие благополучие. Ибо опытом известно, что *несовершенство, принесенное части, часто служит к большому совершенству целого*. Сирах же говорит: «Не испытывай, о смертный, что сие, а что сие! Но знай токмо то одно, что все устроено в пользу твою»⁸⁸.

Притом сию истину и одно посредственное примечание физических приключений в свете, нами обитаемом собываемых, ясно доказать может. Там, например, происходит из поднимающихся вверх обыкновенных паров и между собой соединившихся в воздухе страшная и ужасная гроза, поражающая слух смертных сильными ударами так, что оные нередко бывают и смертоносными. Инде дымящиеся прорывы, учинившись в огнедышащих горах, часто потопляют целые страны серными реками, там прекрасные города от воспоследовавшего землетрясения в каменистые превращаются бугры, плодоносные страны пременяются в непроходимые и безмолвные пустыни, там высочайшие горы, разрушившись в пространные долины, покрываются быстрыми волнами, и паки из самой бездны восстают новые горы. Но при всем том, кто не видит, что из самых сих ужасных в мире сем собываемых явлений, при которых всемогущий Творец человеку кажется быть страшным, новые благотворения и новые для пользы человеческой служащие проистекают источники. Воздух, например, от гнилых паров, яд в себе носящих смертоносный, чрез то очищается, питающая нас земля чрез то получает новое плодородие, и другие, притом многие перемены последуют, приносящие великую пользу всему человеческому роду⁸⁹.

И кто же сии страшные приключения, бываемые в мире сем управляет к общепользности? Не тот ли самый Всемогущий и Благотворительнейший Создатель, который по одинаким законам премудрости своей и любви управляет сим светом и человеками, населяющими оный? Или приключение нравственного света, которого волнование зависит от слепых страстей и буйных склонностей, не подлежит премудрому Всеведущего правлению и оказывающиеся в оном беспорядки бывают без всякой пользы в своих следстви-

ях? Разве судьба человекoв, как превосходнейшей части Божеского творения, для промышляющего o всех и действующего всячески во всех, меньше важна и меньше достойна его попечения и, следовательно, может предана быть слепым случаям? Нет, никак не должны мы иметь столь низких мыслей o благодетельном природе Отце и самих себя почитать толико оставленными. Поколику, напротив сего, здесь всякому просвещенному разуму человеческому открывается утешительнейший и пленяющий ум всякого в послушание прелестный вид. То есть, с радостным удостоверением всяк усматривает здесь премудрое и святое провидение с бесконечной благодатью над всеми бдящего Создателя; как видит с неоспоримым убеждением, что не можно быть тому, чтобы преблагой Творец установил каждому человеку предел бытия, долготу жизни и состояния его в свете без отеческой благодати.

Рассмотрим токмо прилежнее бывшие и отбывающиеся с нами приключения, то увидим ясно, что вся наша жизнь во всем своем последовании зависит от Бога, увидим, как Бог судьбы свои неисповедимые над нами удивляет, познаем его премудрость, прославим Его благодать и, наконец, дойдем до познания сего, что ничего не бывает без воли Божьей, и никакая сила промыслу Божию учинить препятствия не в состоянии. Рассудим, например, обстоятельнее, находилась ли в нас тогда какая способность к воспитанию нашему, как мы только родились? Кто влиял в родителей наших такую благосклонность и любовь, что они, не щадя своего имения, воспитали нас, старались о нас и содержали нас во всяком покое и довольствии? Кто вразумил и научил нас тому, что мы, прийдя в совершенный возраст, лучше и яснее рассуждаем о вещах, нежели когда находились младенцами? Кто тому причиной, что один из нас рожден от благородных, а другой от подлых родителей, иной отменной честью предпочтен, а другого едва ближние его и соседи знают? Кто даровал нам довольную к содержанию пищу, пристойную к прикрытию тела нашего одежду и для убежища от перемен воздуха служащее жилище? Кому, наконец, припишем, что иной из нас богат и всеми изобилует благами, а другой едва дневное может достать себе пропитание? Не всяческая ли во всех действующему Богу? Ему поистине, ибо Он, яко милосердный, всегда преклоняется на наши прошения, токмо бы оные святейшей Его соответствовали воле; наше благополучие от Него зависит, токмо бы мы средства к достижению того, по благодати Его к нам ниспосы-

лаемые, не презирали. Почему и употребляется справедливо следующая присловица: «Всяк своего счастья виновник».

Равным образом многие, впадая в пустое заблуждение, также от излишнего на чувства упования происходящее, утверждают, будто бы все движется и происходит без всякой причины, но по одному только некоторому стремлению природы. Но сколь противно такое мнение самой природе и человечеству, сие всякий из вас, В. С., и без моего доказательства довольно разумеет. Ибо, когда мы взираем на вещи, чувствам нашим подверженные, но сколь великую в оных находим соразмерность! Какой приятный их состав увеселяет зрение наше! Каким неразрывным союзом всякая вещь связуется с другой и какое удивительное, наконец, каждая вещь к другой имеет взаимное отношение! Когда обращаем мысленный взор наш на рассмотрение смертности нашей и конечности, то хотя и кажется нам она столь презренной, столь бездной и лишенной всякой отрады и утешения, так что непосредственно могло бы, таким образом, с нами последовать и отчаяние, однако добродетель, ежели есть в нас какая, питает нас несомненной надеждой, соразмерного делам нашим воздаяния, уверяет всякого из нас, что никогда мы не останемся без награждения за сохранение ее. *Добродетель*, как говорят, *все преодолевает*.

Все сие не ясно ли доказывает, что есть в свете сем всему причина довольная, заключающаяся в премудрости и благодати Божьей, действующая всячески во всех и каждую вещь управляющая к своему концу. Почему и сие весьма дерзновенное буйство будет, если кто осмелится утверждать, что в правление государств не входит Божественный промысел. Но без одного, какое стремление может даровать им безопасность? Кто оградит оные сладчайшей тишиной, если причину действующую совсем уничтожить? Истина сия, что есть Божий промысел обо всем, не вчера или ныне открыта, но были уже известны о ней и самые отдаленные древностью народы. Ибо к чему служили у них градов и царств их духи-хранители, которых вымыслили мрачная грубость, а особливо неведение истинного Бога и неосновательное воображение, чуждое здравого рассуждения. Что знаменовал дух-хранитель римского народа и самого Рима? Что изъявляли духи-хранители особ, рожденных в пользу общества? Что, наконец, доказывали всенародные веселия, во время которых ежегодно, по установлению в честь духов-хранителей, составлялись празднества? Все конечно, таких их вымыслов и учреждений причиной было сие,

что они, видя происхождение дел своих весьма счастливое, неизвестной же судьбе приписывать того не дерзая, к удовольствию истинной причины, только для них весьма сокровенной, вымыслив духов-хранителей, присвоили им начала и причины всех своих толь славных происшествий. Сие же самое подтверждает Цицерон*: «Не токмо, — говорит он, — о всем роде человеческом, но и о каждом боги бессмертные пекутся обыкновенно и промышляют. Любят они Рим, Афины, Спарту, Родос и в особенности всякого любят во граде сих жителя, как-то Курия, на войне против Пирра⁹⁰ прославившегося, Фабриция⁹¹ и других знаменитых мужей, из которых никто бы бесконечно таковым без помощи богов бессмертных не оказался»⁹².

Когда же древность так поступала, еще не искусившаяся в толь многочисленных исследованиях, еще не знавшая истинного богопочитания и не разумевшая сего, что *несть власть, аще не от Бога*⁹³, то нам, уже толикою истин и наук светлостию наслаждающимся, что делать надлежит? Пребывать ли в безмолвии? Оставить ли в молчании те свыше ниспосланные дары, те неизреченные благодеяния, которыми Божественный промысел, все благоуправляющий, наградил нас к совершенному нашему блаженству, оправдав над нами царствовать АВГУСТЕЙШУЮ ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ ВТОРУЮ, ГОСУДАРЫНЮ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШУЮ, ГОСУДАРЫНЮ такую, которой все пути — суть милость и истина, которой высокие дарования яснее чистого зеркала показывают особенное Божие о России благоволение, даровав нам обладательницу такую, которая наше благосостояние почитает выше своих трудов и бодрого бдения, наградив нас такую попечительного Владычицею, которая, почитая утешением своим одно народное благо, для приумножения оногo важнейшие труды и подвиги благоволит возлагать на себя без всякой скуки; ниспослав нам такую Самодержицу, которая, утверждая на непоколебимом основании премудрые уставы и священнейшие узаконения, для будущих потомков совершенное предуготовляет блаженство. Ибо помощью таковых спасительных Ее Величества учреждений в разных и многочисленных градах и всеях обитающие разного пола и звания, разных нравов и состояния жители, доселе во мрак невежества погруженные, ныне в свет истинного познания изводятся и как будто бы от вечного сна возбужденные начинают наслаждаться таковым же благоденствием,

---

* Кн. 2. гл. 66. О природе богов.

какое и в первопрестольных процветает градах. Водворяются убогие и беспомощные вводятся в дома призрения, истребляется корыстолюбие и искореняется праздность. Словом, соделываются граждане Богу угодные, Отечеству полезные и своей Самодержице, яко Виновнице толикого их прерождения, верные и нелицемерные рабы, провозвещающие повсюду благоприменительные своей Монархини к ним снисхождения. Почему Она единственно утешением рода человеческого, Она украшением и удивлением нынешнего века, Она покровом нашим и прибежищем именоваться долженствует.

И, если к безопасности и благоденствию народов немало споспешествует слава, то неусыпным Премудрой нашей Владычицы попечением Россия, наше дражайшее и любезнейшее Отечество, коль на высокую степень ныне вознесена, красуется и будет украшаться в роды родов! О Россия! Богом возлюбленная страна и им же самим чрез Обладательницу тебе ниспосланную возвеличенная и прославленная во всех пределах земного шара! Тебя Кавказ и вся Скифская страна с благоговением почитают, тебя вся пространная Греция, вольности и независимости своей именуя Виновницей, не монументы древние, из мрамора изваянные, в изъявление вечной благодарности твоей Обладательнице сооружают, но преклоняет самые сердца, преисполненные благоговением; Твоим покровом хвалятся сарматы; Тебя Македония прославляет своей защитницей⁹⁴; Тебя Германия приветствует с усердием⁹⁵, Тебе, наконец, вся удивляется вселенная.

Итак, престаньте теперь шуметь, бурные ветры, но возьмите тихие зефиры и, вняв плесканию обрадованной России, промчите беспредельную ее радость во все концы земные, внушите оным, что ум наш у всех нас в величайшем находится восторге, внушите оным, что царствует над нами непобедимая Героиня, Премудрая Законодательница, Великая Екатерина, Государыня Всемиловивейшая, внушите оным, что Господь сил с нами и что Заступник наш Бог Иаковль исполнил и исполняет все желания нашей Самодержицы и все дарствует Ей по сердцу Ее к вящему доставлению благоденствия обладаемой Ею пространнейшей Российской Империи.

Ликуй убо и веселись новый Сионе, Богом возлюбленная страна, твоей Самодержицей на верх благополучия возведенная и премудрым Ее правлением возвеличенная и прославленная, паче всех стран земных, Россия! Яко на тебе слава Господня возсия. Ликуй и проповедай всем вообще и каждому в особливости, что промысел Божий оказал

на тебе особенные благодати и щедрот своих примеры, оправдав царствовать над тобой всепрославленную в женах, Премудрую именем и делами ВЕЛИКУЮ ЕКАТЕРИНУ, ГОСУДАРЫНЮ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШУЮ, неподражаемыми своими добродетелями единому подобящуюся Богу. Ликовствуя же непрестанно, моли подателя всех благ Бога, да продолжит дражайшую жизнь толь ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНИ и благодетельницы человеческому роду до маститой старости, да соблюдет Высочайшего Ее Наследника, Пресветлейшего Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича и Пресветлейшую Супругу Его Благоверную Государыню и Великую Княгиню Марию Федоровну купно с дражайшими их Высочеств отраслями: Благоверным Государем и Великим Князем Александром Павловичем и Благоверным Государем и Великим Князем Константином Павловичем, свыше ниспосланными к вящему прославлению Твоему, к совершеннейшему нашему блаженству и к удивлению целого света.

**Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих:
На Высокоторжественный и Всерадостный день рождения ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Императрицы и Самодержицы Всероссийския, Премудрыя Законодательницы и Истинныя Матери отечества, Говоренное в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета апреля 22 дня, 1783 года**

Между многими благословениями, которые издавна Бог ниспосылал и ныне ниспосылает России, между неисчислимыми щедротами, которые благоутробный Отец изобильно изливал и ныне изливает на Россию между многочисленными, наконец, благодеяниями, каковыя всеблагий Творец оказывал и ныне оказывает России, сие ниспосланное Божие благословение, сей излианный опыт Всевышнего фиал благости и сие от всещедрого Творца оказанное благодеяние, что благоизволил Он произвести на свет именем и делами великую, Премудрую Законодательницу и благословенную в женах Государыню ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ ВТОРУЮ, суть такого свойства, П. С., что всех нас вообще и каждого порознь к особенному возбуждает торжестванию. И подлинно тем торжественнее нынешний день быть долженствует, чем истиннее свидетельствует и открывает оный нам непреложные обеты благости Божией. Ибо видим мы ныне, что Всемиловитейшая МОНАРХИНЯ наша чрез премудрое правление Свое, сооружая славу нашего века, возводит нас на верх благополучия. Видим мы ныне, что Августейшая ИМПЕРАТРИЦА наша устремляет все мысли и волю Свою на доставление благоденствия вверенному Ей от Бога народу. Итак, не ясно ли виден чрез сие о тебе, Россия, промысл Всевышнего? Не ощущаешь ли ты чрез сие особенного Божиего о тебе благоволения? Всеконечно и воистину так. Ибо обильна ты и украшена, прославлена и отовсюду защищена теперь, красуешься, и вверх главу свою подъемишь. Но кем ты доведена до такого совершенства? ЕКАТЕРИНОЮ, с громкой славой владычествующею над тобой и паче

всех Царей земных прославившеюся Государыней, ЕКАТЕРИНОЮ, во храме истины и правосудия размышляющею чадолубивейшею Матерью о доставлении тебе спокойствия чрез новые учреждения. Блаженны убо и преблаженны дни наши, П. С. правлением сей Великой ИМПЕРАТРИЦЫ, ЕЕ попечению обязаны мы сей счастливой переменой и сим новым своим пререждением, ибо Она возводит нас на верх совершенства; она для умножения нашего благополучия все стези испытует, которыми бы могла привести нас к непоколебимому блаженству; она удерживает стремление противных, и, защищая верных своих союзников, силу, славу России чрез то во все пределы света распространяет; Она, учреждая суд и правду, соединенную с милостью, ободряет наградою заслуги и отвращает продерзости; Она, утешая бедных облегчением тягостей, пресекает чрез то всякие негодования и неустройства; от Нее, как от неисчерпаемого источника всех благ, изобилие на нас проистекает. Сама Минерва устами ЕЕ вещает и сама десницей ей предписала мудрые законы, исполнение которых возвысит Россов над всеми державами так, что все племена земные удивляться им никогда не престанут.

И как всех преславных добродетелей Всемиловитивейшей Государыни нашей никакое слово и витийство достойно похвалить не может, то бы и мне остановиться здесь надлежало. Но когда сей столичный и первопрестольный град и вся пространнейшая Россия исполнена радостью о преславном рождении Владычицы своей, веселится и торжествует, то сей ли музам посвященный храм может сокрыть совершеннейшую свою радость и удовольствие, высочайшими щедротами своей Покровительницы всегда ободряемый? Ни коим образом. Почему я в изъявлении именем сего Императорского университета чувствительнейшей благодарности прещедрой оною Покровительнице при сем всерадостном торжестве и принял намерение предложить вам, П. С., посильное свое рассуждение о *разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих*, в той надежде находясь, что удостоюсь благосклонного вашего внимания в произносимом мною слове.

Хотя все истинные философы единогласно всегда утверждали и ныне утверждают, что душа человеческая есть существо простое, невещественное, духовное и по сущности своей бессмертное, однако в объяснениях дружеского и теснейшего ее союза с телом

совсем не согласуют между собою, но разные тому полагают причины. И подлинно великой важности дело, когда и высокие умы, будучи не в состоянии постигнуть того, не предали нам прямого, настоящего и с понятием сходственного о том объяснения, в чем и превосходнейший оный римский вития Цицерон сам признается и говорит*: «Когда я рассматриваю душевную природу, то всегда темнейшее во мне рождается об ней понятие, отменная ли она находится в теле, как в чужом доме, против того, когда она выйдет из одного и преселится на небо, как в собственное свое жилище». Свидетельствует также в том и блаженный Августин**⁹⁶, «что способ, по которому духи соединяются с телами и становятся животными, столь удивителен, что человеку постигнуть того не можно». Свидетельствует, наконец, в том же сверх многих других С. Григорий Нисский***⁹⁷, ибо говорит он: «Хотя душа с телом и имеет теснейший союз не без довольной причины, токмо того мыслями понять и словами изобразить не можно». И не без причины, ибо где что-либо натурально темным и невразумительным представляется и превосходит меру нашего познания и притом никакого ниоткуда в том удостоверения получить не можно, там безрассудно силится разум человеческий объяснить оное. Однакож если, по слову Цицеронову, почитается непристойным изнеможение в изыскивании того, что само в себе похвально, не можно оставить без исследования и взаимного соединения души с телом, поколику познание сего, как само в себе похвальное, величайшую в разных науках составляет пользу.

Соединение души и тела человеческого, знаменитое оное и удивления достойное малого света явление умы и старания тех, кои изыскивают причины вещей, довольно уже упразднило. И, во первых, новейший век изобиловал писателями о сем важном предмете столь много, что ни в какое время о соединении души и тела и о исследовании причин одного столь великого старания не прилагали философы. Итак, не о новом здесь будет простираться речь моя к вам, П. С., но об известном давно уже ученому свету предмете. Ибо весь почти древних мудрецов сбор с простым народом удоб-

* См. *Тускулан. вопр.*, кн. 1, гл. 22.

** См. *Август.*, кн. 21, о град. Бож., гл. 10.

*** *De opific. homin.*, cap. 5.

но согласовал в том, что причина такого удивительного согласия, какое в переменах души и органического тела примечаем, заключается во взаимном одного на другое действии, которое схоластики назвали *физическим втечением* (*physicus influxus*). И такое положение в особливости принято или для того, поколику такой способ объяснения всех удобнее, или потому, что природа души и тела не столько еще вразумительна, а невещественность души неизвестна была, или скоропоспешность рассуждения, общественный всем смертным порок, такое мнение влиял в человеческие мысли, или, наконец, от довольно познанной обоих таких существ природы разумные предки такое положение предали своим потомкам. Но поступим далее.

Взаимное соединение души и тела человеческого есть не что иное, как зависимость понятий, которыми мы вещи, вне нас находящиеся, себе представляем, от перемен, сбывающихся в теле нашем, а особливо в чувственных наших органах. И подлинно, если на все то, что сбывается в душе и теле нашем, посмотрим со вниманием, то увидим ясно, что как только внешние предметы подействуют на чувственные наши и порядочно расположенные органы и произведут в оных перемену, то вдруг производятся и в душе нашей понятия, представляющие нам те предметы; как же скоро прекратится движение в тех чувственных органах, от внешних предметов возбужденное, так скоро исчезают и понятия. Если, например,зираем мы на солнце, то вдруг лучи оногo, чрез зеницу ока прошедшие в органы зрения, производят в душе представление, изображающее вид огненного оногo светила, и сие паки в мгновение исчезает, если отвратив лице свое и глаза от того светила, воспящаем⁹⁸ чрез то вход огненным тем лучам в оные органы. Равным образом воздух, от выстрела пушечного приведенный в движение, действует на уши наши, то есть в ту же самую минуту оный сильнейший звук производит в оных, приводя прочие слышащего оный человека размышления в замешательство. То же должно понимать и о прочих чувствах, то есть о вкусе, обонянии и осязании, действующих на душу нашу⁹⁹. Не меньше примечаем также, что воспоследовавшим в теле нашем некоторым известным дви-

---

* См. *Гамел*, О теле одушевлен., кн. 1 и след., *Волф*, Физику, сл. *Бюргав*, Наставл. медическ. и *Гюфман*, Медич. системат.

жениям соответствуют известные понятия душевные. Так, например, когда вредные болезненные припадки заражают тело наше, приводя в замешательство естественное движение крови и других жидкостей, разделяют непрерывные части, сверх меры колеблют жизненные духи*, чрезвычайно растягивают тоненькие мозговые жилки** и обыкновенную мозга умеренность совсем пременяют, тогда душа наша, сбивчивыми и необыкновенными представлениями будучи обременена, выходит из своих пределов и впадает в безумие, в чем свидетельствовать могут бессонница страждущих огневицею и безумство с ума шедших людей***100. По возвращении ж порядочного в теле растворения и по пресечении силою лекарств необычайного жидкостей телесных движения, и душа, как бы уврачеванная, к прежним и порядочным возвращается понятиям****101. Равным образом обременяющие свой желудок излишним количеством горячих напитков не только в теле возбуждают воскипение крови и других жидкостей, но и мозг свой наполняют и как бы покрывают излишеством жизненных духов, от чего не токмо в членах бывает тяжесть и язык ослабевает, но и душа равномерно, как движение жидкостей в теле, приводится в замешательство, так что оживотворенные оною люди во всем тогда о себе позабывают и не помнят того, где они находятся*****102.

* *Жизненные духи (spiritus animales)* суть не что иное, как некоторое весьма тонкое, жидкое и скоро движущееся существо, из крови, в жилах находящейся, рождающееся.

** *Тоненькие жилки (nervi)*, по свидетельству анатомиков, суть некие белеющиеся веревочки, которые из внутреннего существа мозга, как бы из источника προϊстекающие, по всему животного телу весьма удивительным искусством рассеваются, и сквозь них, поколику внутреннее сих жилок составление есть пустое, жизненные духи, проходя, как бы озаряют или просвещают оныя.

*** *Hoc accedit uti videamus, corpus ut ipsum
Suscipere immanes morbos durumque dolorem:
Sic animum curas acres luctumque metumque.
Quin etiam morbis in corporis avius errat
Saepe animus; dementit enim deliraque fatur.
Lucretius.*

**** *Nam mentem sanari, corpus ut aegrum,
Et pariter flecti medicina posse videmus.
Idem.*

***** *Cur ea sunt, nisi quod vemens violentia vini
Conturbare animam ransuevit corpore in ipso? Idem*

Подобное явление дознают на себе и полнокровные, у коих не токмо кровеносные сосуды по причине излишества крови весьма расширяются, но и мозг излишними наполняется жизненными духами, и острота чрез то разума притупляется. Притом известно всем, что живость, являющаяся в душе, зависит от лет, или особливо от расположения телесного. Таким образом младенцы, поелику нежное их тело не позволяет в мягком еще и слабом мозговом существе возбуждать или довольных, или скоро-обращающихся жизненных духов, производят понятия о всех почти вещах сбивчивые или только темные. Как же скоро начнет возрастать и укрепляться тело их, тотчас умножаются и силы душевные, и понятия становятся яснейшими и продолжаются таковыми до тех пор, пока тело, чрез лета обветшавшее и многими печальми или болезнями изнуренное, не начнет притуплять душевных сил и паки показывать вид младенчества*¹⁰³. Все сие утверждается на оных примечаниях, каковые обыкновенно предлагают нам описатели разного сложения телесного.

Итак, понятия душевные от известных обстоятельств телесных и, во-первых, от движения, в чувственных органах воследовавшего, как по своему виду, так и по непосредственному последованию зависят. Ибо доказано уже, что известным движениям телесным известные и точно соответствующие в душе бывают представления, и в то же самое время, когда чувственные органы от внешних предметов приводятся в движение, происходят и в душе понятия об оных. Следовательно, сии движения суть как бы указатели наших представлений, и как бы определенные условия, из которых понять можно, для чего особливо такие, а не другие суть оные понятия и для чего в сие особливо время, а не в другое собываются в душе нашей. Почему и довольная причина такого определительного вида и непосредственного сопребывания понятий с некоторыми движениями и условиями телесными заключается в тех движениях**¹⁰⁴. Ежели ж кто скажет здесь: когда понятия душевные зависят от движений телесных как в рассуждении своего с оными непосредственного сопребывания, так и в рассуждении определительного вида, то, следовательно, за-

---

* *Praeterea gigni pariter cum corpore et una
Crescere sentimus pariterque senescere mentem.
Lucretius.*

** См. Волф, Латин. онтол., § 56, 851.

висят от движений телесных также и в рассуждении своего действительного бытия. Но сие можно отразить следующим образом: хотя опыт и доказывает, что довольная причина заключается в движениях телесных, для чего такие, а не другие и для чего в сие особливо время, а не в другое сбываются в душе понятия, однако не доказывает того, чтоб оные и в рассуждении действительного своего бытия зависели от тех же движений. Представь, например, себе живописца, искусно изобразившего вид попугая: то ты из фигуры и качества той птицы хотя и понимаешь, для чего такое, а не другое есть изображение, токмо не скажешь того, что и действительное бытие такой же птицы, в натуре находящейся, зависит от живописца. Почему причина бытия от причины качества и сопребывания весьма различествует.

С другой стороны примечаем, что некоторые тела нашего члена возбуждаются разными движениями, как только воспоследует в душе нашей произволение и определение, чтоб оные были; и паки прекращаются и престают те же самые движения, если только то угодно бывает душе. Например, когда я приемлю намерение написать что-нибудь и душа по надлежащем размышлении определяет, чтоб я принял за перо, то рука моя того ж часа исполняет волю душевную, то есть принимается за перо, и мысли ее обыкновенными знаками изображает на письме. Как же скоро повелевает и определяет она оставить сие, тотчас и рука бывает в недействии. Равным образом усматриваем тогда происхождение чрезвычайного движения жидкостей в теле нашем, когда сильнейшие вожделения возбуждаются в душе нашей. И сколько есть видов пристрастий, столько и доказательств сея истины иметь можно. Посмотри, например, на человека, пылающего гневом, и увидишь, как сильно в нем кипит кровь; как по всем устам его разливается в великом множестве краска, ясно доказывающая воскипение его крови; как он махает руками, и ногами своими топчет землю, и как он, наконец, разные на себя восприимлет виды. И что ж сие доказывает? Не то ли, что от такого пристрастия, воследовавшего в душе, чрезвычайные движения, особливо крови и других жидкостей, возбуждаются в теле? То же самое, что во гневе, и в других пристрастиях приметить можно, хотя не во всех одинаковым образом и столь ясно. Ибо как во время гнева из самих внутренностей человеческих выходит кровь на поверхностные части тела, так во время страха та же самая кровь от внешних частей во внутренность к самому простирается сердцу, как

то бледность, на лице нечаянным страхом пораженных оказавшаяся, доказывает ясно. Хотя движения, собывающиеся в теле, и зависят от желаний, воспоследовавших в душе, однако не всегда и не всякие движения бывают в теле нашем по воле душевной. Ибо находятся такие, которые не состоят во власти ее, а хотя которые и состоят и собываются когда-нибудь, токмо собываются по механическому строению тела, а не по другой какой причине. Так, например, не может душа наша остановить по своему произволению течение крови и движение прочих в теле нашем находящихся жизненных духов; почему и случившееся превратное крови и других жидкостей течение не внутренним повелением души, но внешними врачуетса средствами. Так, например, внутренние тела нашего части, для питания и движения жизненных духов определенные, как то сердце, желудок и проч., не повинуются воле нашей и не состоят под властью нашей, разве потому только, что душа наша имеет во власти своей расположение внешних вещей, от коих то и другое тех частей состояние зависит, могут оные повиноваться воле душевной. Равным образом тело наше, наподобие крылатого Меркурия¹⁰⁵, не может подражать летанию птиц или чрез широкую перескочить реку, хотя бы гонимый неприятелем воин того и весьма желал, и о таковых желаниях тысячные производил определения. Ибо всяк может понять, что ни строение тела его, ни величина и тяжесть тому быть не дозволяют; следовательно, тщетное в таких случаях старание души нашей о том бывает, чтоб по своему желанию то и другое в теле произвести движение. Что ж принадлежит до первых праотцев наших, то имели ль они до падения свою такую ограниченную власть над своим телом или бессмертия их основание в том единственно состояло, что могли они и превратные в теле их собывающиеся жизненных духов движения воспящать и вместо оных полезнейшие производить по своему желанию; или чрез вкушение одного запрещенного плода, как некоторым напоенного ядом^{*106}, некоторые в жилах находящиеся каналы, заградив и машину всего тела повредив, всей оной власти большею частию лишились? О том другим, искуснейшим в знании священного писания, рассуждать оставляю^{**107}.

---

* См. *Бонарт*, О соглас. разум, и веры.

** Conf. Nievitit., Observat. Theol. de limitata a mente corporis dependentia, cum praef. Wolf.

Наконец, в рассуждении чувственных органов и следующее при-
мечать не бесполезно, то есть что оные не могут иметь движения,
сообразного произволениям душевным, когда будут повреждены,
а тоненькие жилки, по всему телу рассыпанные и до самого мозга
простирающиеся, будут прерваны. Ибо из самого опыта известно,
что при таких обстоятельствах сколько бы ни старалась душа в том
или в другом чувственном органе произвести движение, но не в силах
бывает, поколику жизненные духи, возбужденные от произволения
душевного, когда тоненькие те жилки прерваны, не могут чрез оные
иметь непрерывного течения и непосредственного прикосновения
к тем чувственным органам для произведения в оных надлежащего
движения; и обратно, хотя бы от внешних предметов в том или в дру-
гом чувственном органе и произошла какая перемена, токмо она по
причине прерыва, находящегося в тех жилках, чрез посредство жиз-
ненных духов не может перенесена быть до самого мозга для произ-
ведения в душе такого или другого представления.

Из чего явствует, что оные органы, обыкновенно называемые
мышцами (*musculi*)*, в коих произвольные совершаются движения,
управляются тоненькими жилками, по всему рассыпанными телу
и находящимися в оных жизненными духами; а каким образом чрез
посредство тех мускулов разные могут быть движения жизненных
духов, о том известный оный математик Альфонс Борелль¹⁰⁸ в сво-
ем сочинении О движении животных описывает преизрядно, где
и удивительные тех мускулов силы исчисляет, и такими быть оные
доказывает из механических начал, что небольшая жизненных духов
сила и слабое оных стремление может производить величайшие чрез
посредство оных мускулов действия. Почему душа наша небольшую
должна иметь силу для произведения в чувственных органах движе-
ния, когда она толикими механическими силами во время своих дей-
ствий на тело и при произведении движений подкрепляется. Притом
если тоненькие жилки, на поверхности мозговой находящиеся, будут
иметь равномерное и равновесное напряжение, какое полагает Фу-
шер^{**109}, то и того еще меньшая сила довольна для произведения про-
извольных в теле движений. Итак, разные в теле движения от воли

* Мышцы, или мышки (*musculi*), суть части телесные, красноватые, из во-
локон съезживающихся и из сосудов состоящие, повод к движению делающие.

** Conf. *Biilfing*, Tract, de harmon. praestabil. [*Бильфингер*, Трактат о преду-
ставленной гармонии.]

душевной, или от желания разумного и чувственного зависят как в рассуждении сопребывания, или непосредственного исследования, так и в рассуждении определительного вида.

Таким образом, соединение души с телом основано на несомнительных опытах свидетельствах. Ибо тогда мы что-нибудь опытом познаем, когда примечаем то, углубляя внимание в свои представления*. Но когда мы углубляем внимание свое в представления свои, то всегда известные душевные понятия соединяются с движениями, от внешних предметов в чувственных наших органах возбужденными. Равномерно и в теле нашем определенные возбуждаются движения, как только таковых или душевная воля, или чувственное желание потребует. Почему как зависимость представлений наших от движений, собывающихся в теле, так и зависимость движений от желаний душевных в рассуждении сопребывания или непосредственного последования и в рассуждении определительного своего вида утверждаются на таковых наблюдениях. Следовательно, соединение души с телом на несомнительных опытах свидетельствах основано.

Но кто не знает, что должность философа состоит в том, чтоб изыскивать причины множайших вещей? Почему из числа таковых не можно исключить и соединения души с телом, хотя исследование сего важного предмета множайшим подвержено затруднениям, так что никто еще и до сих пор прямого и настоящего об оном не издал в свет рассуждения. Плотин¹¹⁰, славный платонический философ, с учеником своим Порфирием¹¹¹ целые три дни разговаривал о соединении души с телом**¹¹², но мало в том успел. Подобным образом славный Лейбниций¹¹³ хотя не три дни и не три года, но более десяти лет упражнялся в изобретении нового положения, как о том сам свидетельствует, токмо толикими своими трудами точно и прямо совершенного не произвел дела, в чем и самые защитники предуставленного согласия признаются. Впрочем, в таких обстоятельствах не надлежит ослабевать, но должно, вступя в следы своих предшественников, подражать их старанию. Ибо и карлы иногда бывают великанами, когда они, презрев всякую робость, во всем поступают смело.

---

* См. Волф Латин. онтол., § 664.

** Vid. «Journal des Savants», an. 1695.

Итак, для объяснения сего, в чем состоит теснейший союз души с телом, должно показать причину и, во-первых, для чего из перемен, собывающихся в теле от внешних предметов, идеи или понятия об оных производятся в душе, и не инаковым образом, как будто бы само тело чрез себя непосредственно производило оные в душе? Во-вторых, для чего по одному только мановению душевному собываются в теле произвольные движения и также не инаковым образом, как будто бы непосредственно причиною оных была сама душа? Ибо сии два обстоятельства теснейший союз души с телом в совершенном и всецелом виде составляют. А что трудно такой союз прямым и основательным образом изъяснить, сие зависит от того, что две оные части, составляющие взаимное соединение между собою, то есть душа и тело, в рассуждении своего существа весьма различествуют друг от друга. Ибо душа человеческая есть дух, который чрез сие, что он с своим телом соединяется крепко, долгою, или широтою телу никоим образом приноровлено быть не может. И хотя мы сему, что сотворенный дух может действовать на всякое тело и оное приводить в движение, больше верим, нежели знаем, однако с разумом несходно, чтоб тело, величина сама по себе грубая, прямо могло действовать на дух и в оном само чрез себя производить разные перемены. Почему и удивляться не для чего, что некоторые, не понимая сего трудного дела, осмеливаются или утверждать, что душа человеческая есть вещественная, или совсем опровергать вещественное тел бытие. И потому одни из них *идеалистами (idealistae)**, а другие *монистами (monistae)*** названы. *Дуалисты ж (dualistae)*, кои утверждают, что самую вещь два существа находятся в свете сем, одно вещественное, а другое невещественное, на три разделяются класса: к первому из оных принадлежат последователи Картезиевы, утверждающие соединение души с телом чрез случайные причины, почему мнение их и называется *системою случайных причин (Systema causarum occasionalium, vel assistentiae)*. Ко второму классу относятся последователи Лейбницеивы, доказывающие соединение

---

* Идеалистами называются те, кои хотя и допускают, что душа человеческая есть невещественная, токмо вещественное бытие мира и тел опровергают, допуская одно идеальное бытие оных.

** Монистами именуются те, кои утверждают, что одно только существо находится в свете, и оное или вещественное есть, откуда и произошли материалисты (*materialistae*) или невещественное.

души с телом чрез предуставленное согласие, почему такое их положение и именуется системою предуставленного согласия (*Systema harmoniae praestabilitae*). В третьем же классе состоят перипатетики, доказывающие соединение души с телом чрез физическое втечение, почему такое их мнение и называется системою *физического втечения* (*Systema physici influxus*).

Для лучшего ж уразумения вышеобъявленных положений может служить нам следующий пример. Если желаю я писать письмо, то принимаюсь тотчас за перо и изображаю обыкновенные характеры. Здесь *хотеть писать* относится к душе, *приняться ж за перо и писать* — к телу. Итак, для изъяснения сего, каким то образом бывает, что как только в душе моей последует желание писать письмо, тотчас повинуется тому рука и движется, во-первых, последователи Картезиевы объясняют сие событие таким образом: как только воспоследует в душе желание писать, то Бог, как бы из машины некакой призванный и от побуждения душевного случайно определенный, приводит в движение телесные органы. Последователи ж Лейбницевы утверждают, что в самое то время, когда рождается в душе желание писать, тело собственною своею силою, без всякого побуждения душевного, движется по законам, искони от Бога предуставленным, так, как двои часы, в одинакую меру сделанные, точно согласуют между собою, хотя ни одни из них не действуют на другие, но каждые только то, что до них принадлежит, исправляют сообразно законам составления своего. Наконец, перипатетики говорят, что сие делается чрез физическое втечение, то есть как только родится в душе желание писать, то она, как прямо производящая или действующая причина, по влиянной себе от Бога силе приводит в движение находящиеся в руке тоненькие жилки чрез посредство находящихся в них жизненных духов.

Положение Картезиево, или система случайных причин, утверждается на следующих основаниях: 1) что душа и тело человеческое суть два существа, столь различные между собою, что одно на другое действовать никоим образом не может. Почему 2) и утверждают, что премудрый строитель мира, как первый виновник человека, всегда при нем находится, и 3) по случаю каждых представлений, συμβαλλομένων в душе, соответствующие тем представлениям движения возбуждает в теле, и обратно, 4) по случаю каждых движений, впоследствии в теле, каждые представления производит в душе сообразные тем движениям. Но Малевранш против сего положения

учинил некоторую отмену, в том только состоящую, что всех таковых собывающих в теле движений и всех таковых собывающих в душе представлений произведения Богу, как непосредственно действующему, единственно приписывает; то есть сам Бог для тела преобразует душу и производит в ней всякие понятия и желания, которые впечатлениям, учиненным в теле, и образованиям одного соответствуют; и обратно, для души сам тот же Бог возбуждает всякие движения в теле, поколику таковых, а не других желает душа.

Но сие мнение заключает в себе многие другие ложные положения: 1) что сотворенные причины не суть настоящие причины, но только случайные; 2) что разум человеческий по врожденной себе силе не производит понятий самовластно, но принужденно; 3) что душа человеческая не имеет действительной власти над чувственными органами, почему и не есть свободная. И всех сих положений несправедливость явствует из следующего: во-первых, когда мы внутренне сами о себе понимаем сие, что мы *помышляем, рассуждаем, умствуем, также желаем, отвращаемся, ноги или руки приводим в движение и останавливаем оные по своему произволению* и проч., то не безызвестно нам, что мы действуем и без всякого принуждения приноравливаем самих себя к тем действиям. Ибо известно, что всякий человек в отменнейшем тогда находится состоянии, когда он по своему произволению приводит в движение какой-нибудь член своего тела, нежели в то время, когда в нем самом от другого производится такое ж движение. Почему справедливо говорит Туллий^{*114}: «Чувствует душа то, что она движется; и что когда чувствует, то чувствует притом и сие, что она собственно своею, а не чужою движется силою». Малебранш же совсем противное тому полагает, ибо он в 6 книге *О изыскании истины*, стран. 2, гл. 3, так пишет: «Не только тела не могут быть истинные причины какой-либо вещи, но и благороднейшие твари, то есть души, равномерному подвержены бессилию. Ибо ничего не могут они сами собою познавать, если Бог не просветит и не вразумит их; ничего не могут чувствовать, если Бог не произведет в них такого или другого чувствования; ничего не могут желать, если Бог не произведет в них желания, и проч.». Итак, разумная душа в желаниях и отвращениях своих наподобие тела, когда оно жегомо бывает огнем, страдательною себя представляет, поколи-

* Lib. I. Quaest. Tuscul., c. 28.

ку сам Бог один избирает и производит в ней желания и отвращения, и, следовательно, разумная душа в рассуждении своих действий не имеет свободной воли.

Но если бы сам Бог особливо в теле движения и особливо в душе желания и отвращения производил, то бы не можно было доказать, какую нужду душа имеет в теле, и обратно, телу — какая надобность обстоит в душе? Да и самые беззакония, содеянные телом, по сему положению, в вину душе не могли бы причисляемы быть, когда она не действует на тело; и заблуждения, в помышлениях, рассуждениях и умствованиях случающиеся, человеку в вину приписывать бы не надлежало, поколику событие оных непосредственно зависит от Бога. Итак, нравственные законы были бы бесполезны: например, закон, запрещающий убивать, никакой бы не имел силы, поколику для произведения убийства сам Бог один и непосредственно приводит в движение телесные органы, а душа по одному принуждению повинуется тому, то-есть по случаю таких, а не других в теле воспоследовавших движений. Наконец, чрез сие бы положение не можно было иметь никакого понятия о соединении души с телом. Ибо как неразумно сказанным почитается сие, что двои часы, в коих точно одинаково находится движение, имеют соединение между собою потому только, что часовой мастер, взяв оные в свои руки, одинаким образом может привести в движение колеса и пружины обоих, так и чрез положение случайных причин, что душа с телом имеет соединение, худо заключают защитники оногo из того, что действием всегда присутствующего Бога как в душе, так и в теле происходят непрерывные движения. Притом не почитается философическим такое объяснение, когда сказано будет: магнит притягивает к себе железо, и магнитная стрелка всегда и постоянно обращается к полюсу потому только, что Бог, присутствуя при магните, движет железо и магнитную стрелку к полюсу сам непосредственно управляет, ибо все знают, что есть Бог, как говорит блаженный Августин*, «от которого зависит всякий способ, всякий вид, мера, число, вес и все, что ни бывает естественным образом»; однако никто чрез такое знание не делается разумнейшим, следовательно, и взаимное соединение души с телом философическим образом не объясняется чрез сие, когда сказано будет, что оно есть для того, что Бог чувствуемых вещей понятие вперяет в душу, как

---

* Кн. 5 О град. Бож. гл. 11.

только оные в чувственных органах произведут перемену, и тело сам непосредственно приводит в движение, как только пожелает душа, чтоб оное воспоследовало в теле.

Что принадлежит до положения Лейбниция, или системы пред-установленного согласия^{*115}, то оно утверждается на следующих основаниях: 1) что душа человеческая есть как бы некоторая духовная машина, в которой непрерывным порядком одно помышление за другим и одно желание за другим следует по одной только врожденной душе силе, нимало не завися от движения, в том или другом чувственном органе воспоследовавшего, так что понятия и желания таким же бы образом, как теперь, и тогда воспоследовали в душе, когда бы ни тела, ни сего видимого мира не находилось, и особливо под таким условием, что ни одной бы не находилось такой минуты, в которую бы какого понятия или какого желания душа не имела. Почему Лейбниций и называет душу человеческую существом, коего понятия и желания, числом бесчисленные, продолжают непрерывным порядком и таким, который никогда прерваться не может. 2) Что тело есть как бы некоторая вещественная машина, таким искусством от премудрого всех вещей Творца сделанная, что, нимало не завися от души, может производить все те движения, какие и ныне συμβαλλόμενα при-мечаем в теле, соединенном с душою, то есть таким же бы образом движения, соответствующие желаниям душевным, собственно телу силою, от впечатлений, чувственным органам причиненных, не завися от души, как теперь, и тогда воспоследовали в теле, когда бы не находилось души. Почему Волфий и полагает, что возможно есть такое тело, в котором некоторый порядок движений чрез впечатления внешних предметов в чувственные органы соблюдаем быть может. Итак, 3) сии две машины, весьма различествующие между собою, то есть душу и тело, так вместе соединил премудрый и всемогущий Творец, что все движения, συμβαλλόμενα в теле, всегда соответствуют всем понятиям, желаниям и отвращениям, воспоследовавшим в душе. Для лучшего уразумения сего положения, говорят защитники пред-установленного согласия, представь себе, что душа твоя, отделенная от

---

* Началом сего положения почитается 1695 год, автором же оного Лейбниций, который более десяти лет трудился над оным и, наконец, издал оное в *дневнике ученых*, «Journal des Savants», под титулом: «Système nouveau de la nature et de la communication des substances, aussi bien que de l'union qu'il y a entre l'ame et le corps».

тела собственной своею силою, в одно время производит три понятия, непрерывно одни за другим следующие: то в самое то же время собственной телу силою бывают и в мозгу одного три движения, хотя не все вдруг, однако таким образом, что одно движение следует за другим, так как и в душе одно понятие бывает после другого в непрерывном порядке. Потом представь себе две сии машины уже соединенными таким образом, что в одно и то же время, когда душа производит понятия, производятся и в мозгу движения, и когда в душе бывает другое понятие, тогда и в теле случается другое ж движение: то из сего удобно можешь понять машину, соединенную из души и тела или составленную как бы из двух машин, хотя неодинаковых, токмо всегда сходствующих между собою в своих действиях.

Но сие мнение, равномерно как и система случайных причин, заключает в себе многие другие ложные положения: 1) что по принятии сего положения действия бы человеческие внешние, произвольные и движения телесные, независимо от души собывающиеся в теле, в силу одного строения телесного, как бы необходимого начала, определенные происходили, и душа не имела воли пресекать внешние действия и движения телесные, естественно происходящие, или не в силах находилась делать оным препону. Ибо, по мнению Волфиеву, оные движения воспоследовали бы в теле и тогда, когда бы оно и не было соединено с душою. Равным бы образом и понятия о вещах по необходимости в душе нашей производились, так что и препятствия оным никакого учинить мы не могли бы, поколику душа наша по сему положению в рассуждении своих действий ни от какого внешнего начала не зависит. Но как внутреннее сведение удостоверяет нас в том, что в нашей свободной воле состоит, чтоб возбуждать в себе самих всякие понятия или приводить на мысль прежние, то явствует из сего, что понятия в душе нашей собываются не по необходимости какой-либо, но по ее произволению, в чем такожде и Священное Писание на многих местах свидетельствует ясно, что чувствуемые вещи и наши чувства много способствуют понятиям и желаниям душевным^{*116}. Притом

---

* Sic Iob. cap. 31 v. r. Pepigi, inquit, foedus cum oculus meis, ut ne cogitarem quidem de virgine. Et Rom. 7. v. 23 Video autem aliam legem in membris meis repugnantem legi mentis meae. Item Sap. Cap. 9. v. 15 Corpus [enim], quod corrumpitur, aggravat animam, et terrena [in]habitatio deprimat sensum [multa cogitantem].

положение сие явную открывает дорогу к нечестному житию, поколику главное оною начало состоит в том, что перемены, случающиеся в чувственных наших органах, нимало не способствуют произведению понятий и желаний душевных. Почему для соблюдения честных размышлений в душе и для истребления порочных из оной все равно, какое ни будет употреблено старание о соблюдении или исправлении внешних чувств. Но если для внутренности человеческой ничего не пользует старание о внешности, то всяк поистине свободно может поблажать своим чувствам; да хотя бы и захотел кто сделать какое препятствие оным, токмо бы понятия и желания и без тела воспоследовали. 2) Равным образом по сему положению тщетными должны почитаться изнеможения плоти нашей, причиняемые от нас для покорения оной духу. Ибо, по мнению защитников сего положения, и без того душа имела бы несправедливые желания и разные вожделения.

Итак, без довольной причины в системе предустановленного согласия полагается, что душа наша имеет непрерывное течение своих понятий, так что каждое предыдущее понятие заключает в себе довольную причину каждого последующего. Ибо душа наша иногда находится в таком состоянии, которого довольную причину удобнее в теле, нежели в ней самой, находить можно, а особливо когда она находится в состоянии таких размышлений, которые никакой между собою не имеют связи. Например, если кто, взяв в свои руки словарь какого-нибудь языка, прочтет в оном хотя около двух тысяч слов, из коих каждое производит в мыслях его весьма разные понятия, токмо идея первейшего слова никогда не будет содержать в себе довольную причину последнего, да большей частью вся причина оных понятий будет заключаться в впечатлениях, которые в чувствах или в мозгу его учинены. Сверх сего система предустановленного согласия не объясняет, какая есть оная сила, которая управляет телом, чтоб оно производило движения, сообразные желаниям душевным. Почему и спрашивается у защитников сей системы: оная сила одарена ли разумом, или нет? Если скажут, что *одарена*, то она или есть *разумная душа*? почему в таком случае для объяснения соединения души с телом будет иметь место система физического втечения, или есть Бог, почему и в сем случае для объяснения того ж соединения будет иметь место система случайных причин. Но как они ни того, ни другого не допускают, то остается им на вопрос наш

ответствовать, что она сила *не одарена разумом*; а когда так, то следует, что все внешние действия человеческие ничем не разнятся от скотских. Но такое заключение совсем противно здравому рассуждению.

Никоим образом также не можно разуметь чрез сие положение, находится ли в свете сем что-нибудь другое кроме души и имеют ли вещи или между собою, или с нашею телесною жизнью взаимное отношение. Ежели сказать, что ничего кроме души не находится, то идеалисты своим мнением одержат верх над нами. Но защитники предустановленного согласия говорят, что понятия душевные происходят из самой ее природы; почему и не могут почитаться оные, разве видами вещей токмо возможных, а не бытие имеющих; потому что, по их мнению, душа таким же бы образом помышляла и тогда, как теперь, когда бы никакого тела и сего мира не находилось. Притом говорят они: каким образом может удостоверить себя душа в том, что понятиям, внутри ее произведенным, толикое ж число предметов, вне ее находящихся, соответствует? Не может она убедить себя в том одним своим умозрением, поколику она не на вещи, но на одни только оных идеи взирает; не может удостоверить она себя в том причинами, поколику такие идеи не суть причины бытия вещей; не может, наконец, удостоверить она себя в том действиями или произведениями, поколику такие идеи не происходят из самих вещей. Если ж виновник и начальник сего положения славный Лейбниций скажет, что душа сотворена с понятиями о всем мире, которые она потом мало-помалу производит, и как притом известны мы, что Божеские понятия суть точно сообразны вещам, то равномерно и сомневаться не можно нам о том, чтоб и наши понятия не соответствовали вещам; однако из сих Лейбницевых слов следует: 1) что понятия, производимые о вещах, не суть подобия оных, и мы имеем оные врожденные себе, чего многие философы не допускают; 2) яснее должно изъяснить, какие суть части и свойства той *карты*, как называют они, *космографической* (*Mappe cosmographicae*), на которой весь мир представлен и изображен быть может. 3) Довольная и обстоятельная причина показана быть должна, для чего душа при развертывании той карты всегда начинает свои размышления от тех вещей, которые прежде чувствам подвергаются, и никогда далее сего не поступает. Например, помощью глаз открывается на той карте идея Сатурна: то для чего душа, однажды открыв оную,

прочее в той идее Сатурна заключающееся, как то части, разные тела, фигуры, силы и взаимные оных отношения, без телескопа не усматривает в той идее? Для чего без употребления чувств и опытов из той сатурновой идеи ничего понять она не может? Для чего не все люди одинаковую имеют способность то или другое объяснять на той карте? Для чего, наконец, столько ложных и вымышленных идей обращается в мыслях наших, когда карта онаия никаких других идей, кроме вещественных, в себе не заключает, и все люди о всех вещах врожденные, следовательно, непрменяемые имеют понятия? Из чего явствует, что совсем ложно сие мнение, чтоб душа человеческая и тело были такие существа, из коих одно от другого в рассуждении своих действий не зависело. Ибо между понятиями душевными и движениями телесными находится такая связь, какая между производящею причиною и ее произведением всегда примечается; ибо как по положении производящей причины полагается произведение ее, так и по учинении перемены в каком-нибудь чувственном органе должно быть понятие в душе, и особливо такое, чтоб оно соответствовало впечатлению, в чувственном том или другом органе причиненному, и тем яснейшее или темнейшее, чем большее или меньшее учинено было то впечатление. Итак, система предуставленного согласия, опровергающая зависимость души от тела, в рассуждении движений, воспоследовавших в оном, и обратно, зависимость тела от души, в рассуждении желаний, воспоследовавших в оной, несправедлива, и последователей сей системе объяснение философическим почтено быть не может, поколику основания и начала, на коих они утверждают свои мнения, суть неизвестные, сомнительные и произвольные.

Наконец, положение перипатетическое, или аристотелико-схоластическое, или система физического втечения, утверждается на следующих основаниях: 1) Душа и тело суть два существа, по сущности своей, весьма различествующие между собою, и потому, 2) хотя и почитаются оба несовершенными, токмо чрез взаимное совокупление составляют нечто третье, то есть человека, и 3) таким образом душа, в отношении к телу, есть *внутренний вид* (*forma intrinseca*) и *первое начало* (*principium primum*) как сущности, так и действия его, а тело, в отношении к душе, есть *подлежащее образования* (*subiectum modificationis*); 4) душа вмещается в теле нераздельным образом, так что вся во всем находится теле, и притом вся

во всякой оною части, и, следовательно, 5) не извне, но внутренне все в теле движения, как произвольные, так и естественные производятся физическим образом, так что, 6) когда тело от вещественного какого предмета приводится в движение и получает чрез то перемену, тогда и душа участвует в том движении и перемене, поколику она чрез действующую силу своего разумения о тех движениях и переменах сама в себе производит понятия, и 7) все сие весьма скоро и почти в мгновение собывается по причине теснейшего соединения ее с телом. Притом справедливость сего перипатетического мнения может видна быть из следующего: во-первых, самым ежедневным опытом у[до]стоверяемся мы в том, что душа наша по своему произволению и по своей власти производит не только понятия о переменах, во внутренних или внешних чувствах воспедававших, но и движениями телесными, особливо произвольными управляет, так как, напротив того, когда не будет души или когда действие ее, по причине чувственных органов, сделавшихся неспособными, подвергается некоторой медленности, и тело тогда или совсем, или отчасти перестает иметь движение. И как тело и душа суть части сложного, теснейшим союзом совокупленные между собою, то и случившаяся каким-нибудь образом перемена в одной такого сложного части должна чувствуема быть и в другой того ж сложного части. Притом по сему положению душа в нравственном смысле почитается обязанною отдавать отчет как за движения, так и чувствования телесные, сходственные ли оные будут или несходственные с естественным правом, чего чрез систему предустановленного согласия и систему случайных причин не доказывается. Наконец, поколику душа есть существенный вид тела, то она, внутрь его производя свои действия, побуждает жизненные духи, чтоб оные чрез ту или другую жилку переносили желание ее к тому мускулу, помощью которого движение телесное такое, а не другое и теперь по произволению душевному произведено быть должно. Равным образом и движение, возбужденное в теле, чрез жилки к мозгу перенесенное, определяет душу к тому, чтоб она произвела совершенную идею определенного чувствования. А что душа, как существо невещественное и духовное, может вещественным и физическим образом действовать на тело, сие можно видеть на многих местах в священном писании^{*117}. При-

* См. Исход, гл. 2; 4 Царств., гл. 19; Даниил, гл. 14; Деяний, гл. 8; Матф., гл. 4.

том если бы существу невещественному и духовному, по сущности его, противно было действовать на тело, то бы и Бог, который есть чистейший и неограниченный дух, действовать и сущие телесные в движение приводить не мог; и как он учинить сие может неограниченным образом и собственною своею силою, то и душа тоже самое, хотя ограниченным образом, и силою, от Бога ей данною, сделать в состоянии бывает; поколику той же самый Бог *по образу и по подобию своему сотворил оную*^{*118}; и если движения, называемые произвольными, по одному мановению душевному возбуждаются в теле и по воле ее продолжаются в оном, то прямым образом оные от души, как от внутреннего начала, ограничиваются, и такое ограничивание тела, в рассуждении движений его, не есть на воображении только основанное действие, но вещественное и естественное, и потому не может произведено быть инако, как только чрез настоящее действие, или, как схоластики говорят, чрез физическое втечение, следовательно, душа вещественным и физическим образом действует на тело.

Итак, система физического втечения пред прочими другими положениями имеет преимущество для следующих причин: 1) по сей системе справедливо именуется душа формой или видом человеческого тела; 2) чрез сие положение не уничтожается свободная человеческая воля, потому что внешние действия не силою только строения телесных органов или непосредственным присутствием Божиим, но силою и властью одной души, одно движение пред другим избирающей, производятся; 3) ясно и вразумительно изъясняет сие положение, каким образом душа, как начало избирающее и производящее, за внешние произвольные действия повинна бывает терпеть наказание или иметь награждение, чего ни Картезий, ни Лейбниций, в сходственность началам богословским, чрез свои положения не доказывают.

Но если скажет кто, что система физического втечения противна бессмертию души, потому что в силу сего положения все чувствования зависят от действия тела на душу; и как по разрушении тела уничтожатся чувствования, то и душа, после смерти тела своего в глубочайшем и непрерывном сне будучи погружена, ни понимать, ни о прошедшем помнить, и ниже себя за ту же самую

---

* См. Быт., гл 1., ст. 26.

признавать не будет; но для бессмертия душевного не должно необходимым почитать сие, чтоб она и после смерти тела своего имела чувствования. Ибо душа не есть сущее прямо страдательное и такое, в котором ничто, кроме впечатлений, от тела возбужденных, не имеет места. Но может она тогда продолжать такие свои действия, какие она собственной своей силой и во время соединения своего с телом обыкновенно продолжала, то есть может иметь она желание и отвращение, помнить о прошедших вещах, рассуждать, умствовать и употреблять чистое разумение. Почему от состояния души, соединенной с телом, к состоянию ее, с оным разлучившейся, не можно иметь заключения, ибо разум доказывает, что душа наша, по разрушении тела, отменный против прежнего образ ограничения получит^{*19}. Как, например, человек, когда он, будучи заключен в темницу, принужден бывает претерпевать всякую нечистоту и дурной запах, происходящий от сгустившихся паров, изведен же из оной, чистейшим воздухом пользоваться начинает со всяким своим удовольствием, так и душа наша, как бы из темницы некакой, из сего бренного и грубого тела будучи изведена, отменнейшие против прежних имеет производить понятия.

Итак, будет непременно такое время, в которое к величайшему нашему благополучию немало воспользуют нам совершенное самих нас познание, когда душа наша с большим и живейшим удивлением будет взирать на себя самую, нежели с каким взирала она на сей свет и на вещи, находящиеся в оном; будет непременно такое время, в которое мысленные очи наши, просветившись немерцаемым светом, узрят в совершенном своем виде оное бесконечное, верховное и крайнее благо, к достижению которого стремительное всегда в сей жизни имели мы желание. Познаем в свое время, что всеблагий Творец всяческая во всех действовал по своему высочайшему благоволению.

Прославим убо в душах и телесах наших толико благодеющего нам Создателя; прославим неизреченные Его щедроты, оказанные нам чрез ниспослание неоцененнейшего дара Благочестивейшей Государыни нашей, ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ, кой высокопразднственный день рождения празднуем ныне со всяким благоговением и подобающим веселием, прославляя ж, молим безмерную Его

---

* Conf. Thümmig, Dissert, de immortal, anim., § 24.

благость, да продлит дражайшую жизнь ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА до позднейших времен, исполняя всегда во благих желание ЕЕ. Молим также тебя, всеблагий Боже! Сохрани во всецелом здравии и Наследника ЕЕ, Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА купно с дражайшей Его супругой, Благоверной Государыней и Великой Княгиней МАРИЕЙ ФЕДОРОВНОЙ, и с любезнейшими Их отраслями, Благоверными Государями и Великими Князьями, АЛЕКСАНДРОМ ПАВЛОВИЧЕМ и КОНСТАНТИНОМ ПАВЛОВИЧЕМ во утешение Им и нам от Тебя ниспосланными. Все мы у Тебя, яко источника всех благ, просим сего единственно для прославления Твоего пресвятаго имени.

Я. П. КОЗЕЛЬСКИЙ

**ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ,
сочиненные надворным советником
и правительствующего сената
секретарем Яковом Козельским
в Санкт-Петербурге 1768 года**

Сиятельный князь¹²⁰
Милостивый государь!

При вступлении моем из воинской службы в статскую имел я для приобретения в ней некоторой способности необходимую нужду упражняться в чтении философических книг, служащих к сему намерению. В тех книгах нашел я многие приятные и полезные истины, неприступные для скучливых читателей, так что познание каждой из них стоит читателю великого труда в бесполезном разборе других, их вовсе ненадобных для него предложений, и для того я, пользуясь благополучным для России временем, когда под благословенною державою АВГУСТЕЙШЕЙ НАШЕЙ МОНАРХИНИ и Всероссийской МАТЕРИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ все науки в России начали приходить в силу, и философия под покровительством ЕЯ пользуется совершенной свободой, когда не только здешние, но и других областей трудящиеся в полезных делах люди чувствуют ЕЕ щедроты и проповедуют редкие добродетели, хотя и не учился ни от кого философии, по примеру прежних моих сочинений выбрал из тех книг полезные для человеческого рода истины, и к тем присовокупил и мои, изведенные надежными опытами.

Известно, что, ваше сиятельство, как сами прилагаете неусыпное старание и ревность к верной службе ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ АВГУСТЕЙШЕЙ НАШЕЙ МОНАРХИНЕ, так и подчиненных ваших, следующих примеру вашему в отправлении их должностей, одобряете труды и достоинства, то таким образом я, несомненно будучи уверен о благосклонности вашего сиятельства к трудящимся в должностях своих и учении людям, предпринял посвятить сей мой труд высокопочтенному вашему имени.

Добродетели вашего Сиятельства и многие отменные качества обнадеживают меня, что сей мой труд, хотя не в рассуждении успеха в нем, однако по крайней мере в рассуждении намерения сочинителя, стремящегося в пользу общества, милостивого вашего

принятия удостоится, а я с верным моим к вам высокопочитанием пребуду,

Милостивый государь, вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Яков Козельский

Благосклонный читатель!

Ежели рассудить о намерении, с которым мы обучаемся наукам, то философия между ими заслуживает особое уважение, не столько для содержания в ней оснований ко всем другим наукам, сколько для правил к исканию благополучия.

Благополучие есть не что иное, как постоянное удовольствие и такой предмет, к которому все люди без изъятия самопроизвольно стремятся, а несмотря на то весьма редкие из них им пользуются; и для того я здесь по приличеству показать должен к достижению его пристойные средства, ежели они сего имени достойными покажутся; а в противном случае ободряет меня то, что праводушные и благо-разумные люди намерение всегда почитают за самое действие.

Хотя господин Руссо¹²¹ доказывает, что человеческий род в прошествии многих веков отступил вовсе от натурального своего состояния, полезнейшего для него, навыв собственности имения и чрез то познал правость и неправость, добро и худо, выдумал много излишних нужд и чрез то научился взаимной зависимости и подверг себя многим несчастиям; но теперь уже то натуральное его благополучие невозвратно, и в нынешнем состоянии вселенной все опыты утверждают, что к достижению благополучия нет ближе и приличнее средств, как прямая добродетель и прямой разум; но как обоих сих качеств точное познание зависит от учения, то для того здесь от него и начать должно.

Господин Руссо думает*, что полезнее б было для человеческого рода, чтоб не знать ему наук и жить бы натурально, с которым мнением и я согласен в рассуждении того, что по истории видно, что до коих пор народы были простее, то до тех пор были они добродетельнее и потому благополучнее, и думаю, что неблагополучие челове-

---

* Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes.

ческого рода произошло от вкушения запрещенного плода, то есть от явственного познания, что есть добро и что худо; но следовать сему мнению тогда было хорошо, когда еще весь род человеческий был в натуральной простоте, а в нынешнем состоянии ученого света, ежели б какой народ вздумал не учиться, то другие ученые народы в краткое время и с великим аппетитом его скушают; и тогда-то уж он от сих просвещенных волков бессомненно убежден будет о вредности своей простоты в нынешние мудреные и развращенные времена. Америка служит сему ясным доказательством: как залетели туда ученые европейские коршуны и показали над тамошними цыпленками мастерство, проворство и удалство свое, то с того времени потеряла она натуральное свое благополучие, а остается ей только искать от искусства рождающегося благополучия, и то уж не наипаче, как посредством самого же искусства, которым бы можно было им отвадить от себя лакомых гостей.

Итак, когда род человеческий в непрерывном течении неизмеримого времени от разных (как думать можно) не испытанных человеческим умом перемен позабыл свое натуральное спокойное состояние, а вместо того навык общественному житию, то уж в таком случае по рассуждению подобных во многих людях нравов, подобных склонностей, подобных желаний и подобных житейских нужд необходимость заставила его искать удовольствия тех нужд, то есть своего искусного благополучия чрез искусство и науку, коим чаятельно он в первобытной своей блаженной и незлобной простоте пользовался без всякого труда и томной науки; и в таком нынешнем состоянии ученого света и невозможности, чтоб быть человеку натурально благополучным, надобно иметь для того прибежище к искусству и науке.

Но и при упражнении в науках надобно иметь некоторую осторожность. В учении бывает то же, что и в гражданских должностях: чем больше приставленные к тем должностям упражняются в мелких делах, тем меньше успевают в важных; а лучше бы в том, казалось, следовать натуральному порядку. Чаentially сперва выдуманно было столько знаний, сколько было нужд человеческих, а потом уж в продолжение времени начали выдумывать и такие знания, из которых в иных догадываться можно о могущей последовать разве чрез множество веков какой маловажной надобности, а в иных и совсем нет никакой нужды, а разве только одно удовольствие любопытства человеческого; но рассуждая необъятное множество находящихся вещей

на свете, не было еще никого, кто бы мог их узнать все и отличить полезные от неполезных, то и по любопытству лучше упражняться в большем числе наук с знанием одного в них нужного и полезного, нежели простираться в одной науке так далеко, чтоб знать и ненужное. Как господа Гютшед и Бавмейстер¹²² с знанием философии совокупили знание словесных наук, то оба они яснее других написали философию, также сколько сделали пользы ученому свету Белидор и Бугер¹²³, но не углублением в математике, а употреблением ее правил в практике. Ежели приглядеться хорошо, то найдется, что науки похожи на деньги: как бы ни богаты были в каком обществе два или три человека деньгами, не выпуская их в народ, то всегда такое общество несравненно убоже будет того, в котором сначала хотя и гораздо меньше было денег, нежели у первого, да они разделены были между гражданами; правда, сказать можно, что лучше знать одну науку основательно, нежели многие поверхно; это такая правда, против которой я ничего говорить не смею, а берусь только за истолкование одной речи, чтоб знать науку основательно, то есть в ее существе, то это хорошо; чтоб же и после получения основательного знания углубляться в ней так далеко, чтоб знать и ненужное к основательному знанию, то я не знаю, на какой конец человеку предпринимать такое дело. Я, рассуждая по наукам, в которых мне упражняться доводилось, нахожу, что большая часть из них доведены до такой степени, что уж в рассуждении натуральной и существенной их величины и пропорции, в рассуждении нужд человеческих и в рассуждении сил человеческого разума немного что важного изобретать можно; а хотя что и есть, то изобретается по большей части от коммерции разных наук, а от одной науки изобретаются по большей части одни маловажные дела, которые причиняют читателям скуку и отвращают их от упражнения и в полезных знаниях. Сему моему мнению многие люди говорят противно, хотя некоторые из них делают согласно.

Я начитал в сочинениях господина Бернулли¹²⁴, который был, впрочем, человек по своему пространному уму и глубокому знанию достоин великого уважения и почтения, такое предложение, которое представляет его читателям неосторожным в страсти к математике. Он пишет*, что говаривал-де несколько раз с искусными математиками об одной весьма важной следующей задаче: какого свойства бу-

---

* *I. Bernoulli. Opera Omnia.*

дет та кривая линия, когда привязать к двум гвоздям, вбитым в стену, веревку, но не удалось-де еще тогда ни другим математикам, ни ему решить ее; а потом он (пишет обрадовательным штилем), наконец, решил ее; чтение сего к жадности клонящего предложения разбудило мое внимание так, что я нетерпеливо желал дочитать до того, к чему будет служить употребление его в практике, но наконец увидел, что все дело кончилось одним решением о свойстве той линии, а не показанием пользы от нее в практике. Вот до чего довела страсть к математике такого великого человека в ученой республике, коему по его великому разуму следовало упражняться в полезнейшем каком деле.

Теперь я после изъяснения надобности пользы и осторожности в учении должен предложить о содержании и порядке находящейся в сей книге науки, а потом описать и пользу самой сей науки.

Что принадлежит до содержания сей книги, то в ней преподаются правила философии, которую разделил я на теоретическую, и практическую, или нравоучительную; теоретическую — на логику и метафизику, а нравоучительную — на юриспруденцию и политику, а нижние разделения увидит читатель при чтении самой материи.

Физики я не включил в философию потому, что она сама собою очень пространна, как то видеть можно из одной малой ее части, изданной мною в свет под именем «Механических предложений»¹²⁵.

Как мы о соответствии между душою и телом основательного и неоспоримого познания ни из опытов, ни от умствования вывести не можем, то для того я не вступаю в рассуждение о сем и дивлюсь тому, что другие авторы, и не разумея, писали о сей материи.

Философы рассуждают о свойствах и делах Божиих, а мне думается, что это они предпринимаят излишнее и не сходное с силами их разума дело. Священное Писание проповедует нам в Божестве непостижимую умом нашим премудрость, беспредельное всемогущество, вечность бытия, неприкосновенность, необъятность и правую волю, то есть склонность к благодеянию и правосудию и отвращение от всех неправостей, чего для нас и довольно, а более покушаться на непонятное умом нашим, кажется, нехстати.

Практическую философию вместо разделения ее на человеческие дела, натуральный закон, натуральное право, этику и политику разделил я по благопристойности, как кажется мне, на юриспруденцию, как содержащую в себе все права и праведные законы и дела, и на политику.

Хотя такое мое расположение философии, как несходное с расположениями других писателей, смело, однако я со всем тем без всякого колебания предаю его на верное исследование и правый суд всего ученого света. Пускай он строго разыскивает могущие быть в сем сочинении погрешности и пускай их докажет. От такого опровержения моих погрешностей духу моему, довольному равенством, а не жаждущему преимуществу, не будет стыдно, а паче полезно и радостно пользоваться явственною и ощущаемою истиною, нежели зевать на взнесенные в облака пустяки; только ж притом усердно прошу, чтоб при рассмотрении сего сочинения не позабыть исследовать и то, какая причина побудила меня к сему предприятию: зависть ли к оклеветанию достоинства и славы других писателей, коих прямым знанием много я пользовался и чрез погрешности их лучше испытал прямую истину, и в рассуждении того труды и усердие их много почитаю, или ревность моя к познанию прямой добродетели и к испытанию прямой истины и человеколюбие к показанию их другим людям.

Когда я принялся за чтение философии, то увидел там во многих местах полезные для человека истины, огражденные почти непродоходимыми лабиринтами мелочных и ненужных вещей, которые всяк сам собою разуместь может, и для того я, выбрав из них полезные для умаления труда и скуки читателю, предлагаю вкратце.

Из всех философов нашел я только четырех человек, а именно: господ Руссо, Монтескию, Гелвеция¹²⁶ и некоторого анонима, коего книга под титулом (*Philosophie morale reduite a ses principes*)¹²⁷, которые писали основательно о материях нравоучительной философии. Сии великие мужи первые вывели на приятное позорище всего света покрытую завесою темноты прекрасную и неоцененную истину и чрез то слабосилие мое к предприятию сего труда немало подкрепили, а особливо первый из них, бессмертия достойный муж, как высокопарный орел, превзошел всех бывших до него философов; он взирает на весь свет прямо философским оком и проповедует ему правоту и истину с прямою философскою вольностию. А материю теоретической философии заимствовал я от господ Готшеда, Бавмейстера и других некоторых; кратко сказать, я рассуждения мои почерп отчасти из источников природы, а отчасти у ее фаворитов, а у тех писателей, которые сияются вотще подвергнуть своим законам натуру, мало заимствовал.

Господин Даржан¹²⁸ издал в свет хорошее сочинение о философической материи; что же назвал его философиею здравого разума,

то это учинил неправо; правда, что он в том сочинении опровергает многие философские погрешности и опровергнул их правильным образом, но со всем тем, ежели кто прочтет его мнимо, а не правильно им названную философию с настоящим разумением хотя десять раз, то, однако ж, в той его философии не найдет и не узнает философии; он думал, что чрез опровержение философских погрешностей сочинил философию, но это еще не следует, чтоб в опровержении философских погрешностей состояли (как то приличествует философии) все нужные философические истины, коих там видно мало; и посему лучше ему следовало назвать то сочинение опровержением философских погрешностей, а не философиею здравого разума; да и то говорит он несправедливо, будто б из того его сочинения можно научиться человеку философии в восемь дней столько, сколько другие чрез сорок лет: в таких речах иные люди искусно скрывают хвастовство об обширности своего знания; а мне думается, что можно научиться философии еще меньше восьми, да не дней, а лет, что же некоторые влюбленники в философию учатся ей лет по сороку, то это чрезвычайно много и не пропорционально с нашею жизнью, чтоб попользоваться когда в ней знанием философии, а и он полагает на то времени чрезвычайно мало, так что не только философию, но и то его опровержение философских погрешностей и ученому человеку с настоящим разумением в восемь дней едва прочесть можно.

Теперь я, не ограничивая точного количества времени на обучение философии, объявлю по самой сущей справедливости, во сколько времени познал я из философии без предводительства учителя все то, что содержит в себе сия сочиненная мною книга. Я, не останавливая других дел, употребил на познание и сочинение содержащейся в сей книге материи год и думаю, что всякий упражнявшийся в науках скажет, что это на такое дело употреблено весьма немного времени, но как я не сомневаюсь, то потому и признаюсь, что упражнение мое до сего времени в других науках, в коих я уже препроводил много лет, может быть, немало облегчило мне понятие философии, или заменяя способность к понятию, приобретенную упражнением в науках, на лета не учившегося человека, то, может быть, оно к тому году придало еще три года.

Весьма чудны мне кажутся те люди, которые думают, будто бы можно так ясно и легко писать о науках, чтоб другие люди, не

учившись никакой науке, даже и малые дети, могли, читая те науки, разуместь их, а что касается до меня, то я этого не утверждаю и другим в том не верю потому, что я еще и по сие время близ сорока лет моей жизни не приметил такого человека, который бы, не научившись от учителя какой-либо науке, мог читая разуместь науки; а напротив того, хотя я теперь и книги сочиняю, однако помню еще в моих юношеских летах то время, когда я, читая историю, не мог разуместь ее достаточно; а в том я не спорю, что, научившись от учителя основательно какой науке, а наипаче математике, можно разуместь и учиться самому собою и без учителя другим наукам.

Многие философы непонятными материями, ненадобными делениями и заботливыми мелочных вещей толкованиями представляют философию в виде парадных посольских речей, в которых, не смотря на их пространство, мало находится содержания.

Я оставил все те мелочные описания, которые служить могут только для забавы молодым людям и коими напрасно силились философы украсить философию: такие румяны и белила отнимают у нее природную ее красоту и великолепие.

Философы говорят, что не можно и не должно определять всех вещей на свете. Я, основываясь на сем и наблюдая, как кажется мне, натуральный порядок науки и пристойное ее разделение, полагал в моих предложениях многие слова без определения их, которые по всегдашнему употреблению люди хотя не явственно, однако ж ясно разумеют, а после того определял их в пристойных местах, как требовала связь материи, и не сомневаюсь, чтоб читатели не выразумели лучше моей, нежели их философии, потому что они хотя и остерегаются ставить в своих предложениях такие слова, которых они не определили прежде, но со всем тем никак им от того устеречься не можно; а сверх того, чрез сию осторожность делают они другую несравненно важнейшую погрешность, то есть предлагают философию смешанным образом, так что прямых ее частей в книгах их познать трудно, да и определения их многим вещам для сей осторожности выходят трудны к понятию.

Примером к сему служить может расположение их нравоучительной философии. Они сперва пишут о делах человеческих, потом о натуральном законе, а после того о натуральном праве; а мне бы казалось, что надобно прежде писать о праве, как основании правых

законов, потом о правых законах, как основании добродетелей, а наконец о делах, как основываемых на законах и правах.

Философы определяют многие вещи и слова так, что для выразумения одной вещи или слова надобно читать и знать целую науку; правда, что они, может быть, делают так для соблюдения строгого порядка в учении, чтоб не поставить где такого слова, которое не определено наперед, только со всем тем это смешно; и посему их намерению надобно всем нам известные и преизвестные на свете слова определять, отчего происходить может в науках несказанное замешательство и беспорядок, и никакая наука не будет иметь пристойного себе разделения на натуральные и натурально одна за другою следующие части, как то и видно в некоторых сочинениях; а что касается до меня, то я им в том не следую, исключая такие слова, которые зависят от длинной связи предложений о какой науке и по новости изобретения своего и неупотребительности в простом народе иначе определяться не могут, как на основании той связи предложений науки; определяю все прочие вещи и слова так, чтоб их без знания всей науки разуместь было можно; а что принадлежит до порядка науки в разделении ее на части и в расположении предложений, то я, как кажется мне, разделяю ее на натуральные части и располагаю те части и содержащиеся в них предложения в пристойных местах, следуя одной натуральной связи науки, а о порядочной лестнице слов отнюдь не забочусь, ведая, что простые люди коммерцию имеют между собою без знания заботливой философской логики, и хотя мы многие слова и вещи из употребляемых, нами в коммерции знаем только ясно, а не явственно, однако то отнюдь не мешает понятию науки; впрочем, я нужным вещам и словам положил определения только в таких местах, где требовала связь материи науки, а не порядок к явственному выразумению слов. Я приложу здесь в пример моим речам определение совершенства. Философы определяют его так: совершенство есть согласие разных в одном. Мне кажется сие определение темным для такого человека, который мало обращался в науках.

Что есть одно, что есть разные и каково б то могло быть согласие, приписываемое разным, понять не легко; а мне думается, что мое определение совершенства будет яснее: я говорю, что совершенство вещи есть то ее состояние, когда все ее свойства будут в вышней степени. На том своем определении философы основывают нравоучительную философию; но как определение их темно, так и основание

на нем нравоучительных правил трудно и само себе противуречит; а мне бы думалось, что лучше основывать нравоучительные правила не на совершенстве, а на праве, как то следующий пример докажет: они говорят, что добро есть то, что приобретать нам и нашему состоянию совершенство, а совершенство называют согласие разных в одном; на сих определениях основавшись, заключают так, что в состоянии нашем прежнем и нынешнем делает согласие, то делает нас и состояние наше совершенными, а в совершенстве они полагают добро, следовательно, по их заключению, что делает в прежнем и нынешнем нашем состоянии согласие, то делает нас и наше состояние добрыми, и по сему их заключению, ежели какой человек прежде был и пребывает ныне обманщик, то он есть совершен и добродетелен, потому что в прежнем и нынешнем состоянии его находится согласие; правда, что они еще полагают в совершенстве вещей согласие разных в одном к достижению того конца, к которому они определены; но со всем тем такое их рассуждение, стремящееся к концу, не имеет и не будет иметь конца потому, что о том, на какой конец созданы вещи, мы только догадываемся и верим, а не точно знаем; а сверх всего сего, для меня еще и совершенство человека и его состояния непонятно; я его не вижу на свете, кроме приближения к совершенству, а думаю быть прямому совершенству в одном Божестве.

Я приметил, что философы для доказательства своих предложений делают в некоторых местах заключения, противные правилам, от самих их изданным, кои неприметно скрываются в великом пространстве их философии, как то доказать может следующий пример: философы говорят, что воля есть склонность к добру и отвращение от зла, происходящие от явственного разума нашего об них понятия, что никакое дело свободным назваться не может, ежели оно не предпринято будет от воли, совокупленной с разумом, и что некоторые свободные дела делают нас и наше состояние совершенными, а некоторые — несовершенными*. В сих рассуждениях нахожу я противоречие; поэтому надобно, чтоб или разум, ведая какое зло, мог желать его, или чтоб воля могла желать и отвращаться и без разума, — и я утверждаю сие последнее, потому что ежели держаться первого мнения, то следовать будет, что все непросвещенные люди не имеют воли и что все дела их несвободны.

---

* Christiani Baumeisteri Elementa philosophiae recentioris de act. hum.

Как я в прежней философии много оставил неизменным и много исключил из ее ненужного, а напротив того, не меньше в ней переменял и прибавил, смотря по случаю материи, то для сличения читателям моих определений и прочих предложений с определениями и предложениями других писателей, чтоб узнать им, которые из них вернее, писал я мои определения и предложения точно от моего имени, а изобретенные другими писал я вообще; как, например, когда я пишу определение права, то говорю так: право называю я основание всякого доброго или беспристрастного в рассуждении всех животных дела; а когда я пишу определение человека или любви, не от меня изобретенное, то говорю не от моего имени, а вообще, то есть человек есть разумное животное, также веселие о чьем благополучии называется любовью.

Я писал коротко так и там, как и где думал я, что без дальнего разбору речи мои разуметь можно будет, а как и где не чаял, чтоб выразумели другие, то в таких случаях писал пространнее и единственно имел при сем сочинении предметом моим читателю пользу.

Философы основали все хорошие качества, называемые от них добродетелями, на натуральном законе, хотя многие из них выше натуры, то есть выше сил человеческих; они, желая сделать род человеческий чересчур добродетельным, преподали ему на то толь много правил, утвержденных на невероятных основаниях, что он в рассуждении множества и трудности в понятии и исполнении их бегаёт чтения философских книг и не может сделаться и посредственно, то есть прямо по-человечески добродетельным, чего б для него по слабости его человечества довольно было, а ударился ко всем беззакониям, находя к тому легчайший путь.

Сии мои рассуждения, чаятельно, иные люди могут назвать противными добродетели, но благоразумный читатель может узнать, что такое мнение одних людей может быть непрозорливо, а других коварно; что касается до добродетели, то я ее люблю, почитаю выше всех других качеств, раболепствую пред нею и жертвую ей всем тем, что нахожу приятнейшего на свете, одним словом, я ее обожаю; итак, в сих моих рассуждениях не должно почитать противности добродетели, а напротив того, опровержение одних способов и средств к достижению добродетели, которые философы преподают, во всем несходно и противно сему намерению; правда, они писали о добродетели, и то неясно, а скрытых подлогов и коварств человеческих отнюдь не исследовали и не выводили наружу.

Я в моих правилах не утесняю человечества и не тревожу его чувствительности; показываю ему точно и определительно прямую добродетель, состоящую в одном строгом хранении справедливости в рассуждении всего человеческого рода, следовательно, и самого его; и чрез сие соединение пользы всего мира с пользою его больше, как кажется мне, приласкиваю его к добродетели, вместо того что другие писатели наперерыв силятся стоическим образом умертвить в человеке праведную волю, задушить неповинные его желания и довести его до бесчувственности, не изъясняют ему ни прямой добродетели, ни прямых стезей к достижению ее и чрез то сделали ему и самую добродетель ненавистною так, что он, не зная прямой добродетели и не находя в искании ее по их правилам никакой отрады, а, напротив того, неописанные страдания, с распущенною уздою прямо устремился на беззакония, находя в самом сем зле больше добра, нежели в добродетели их, приличной бесчувственному камню; и такое рода человеческого, незаслуженное им по слабости его провидения, несчастье почитаю я за некоторое счастье для того, что ежели б он следовал тем их бесчувственным правилам, то бы уже давно довелось пропеть об нем вечную память.

Хотя я и довольно знаю, что всякий автор, который издает в свете новые понятия, не может получить благоволения о том, как только от двух сортов людей — или от молодых, которые еще не утвердились в каких-либо мнениях и желают научиться, или от таких, которых разум любит правду и сходствует с разумом автора (каковых людей весьма мало), — и сия-то причина останавливает распространение разума человеческого (и отвращает людей от познания истины), однако писал мои предложения, основываясь на опытах, и не ласкал никому из других авторов, каков бы он велик ни был, потому что раболепствующий мнениям других людей равно глуп кажется в глазах мудрого человека, когда он защищает по ласкательству, а не по уверенности хоть истину, хоть ложь.

Я не прилагаю здесь алфавитного реестра моим предложениям. Мне чудно, что другие многие писатели, не щадя на такие бесполезные дела ни труда, ни времени, ни имения потребных на полезные дела, прилагают их при своих сочинениях, и у иного писателя реестр о материи, содержащейся в его книге, малым чем меньше содержания самой материи.

Я написал сие сочинение кратко для краткости остающегося мне на то времени, для недостатка в книгах и для других обстоятельств; но, может быть, читатель не меньше из него знает будет, как и из пространных сочинений.

Что касается до пользы философии, то она приводит человека от познания мудро устроенных тварей к познанию творца, учит его признавать бытие, величество, премудрость и всемогущество Божие, показывает ему должность его во всяком случае, наставляет его к прямой добродетели, на которую всемогущий Творец призывает больше, нежели на все приношения и жертвы, наполненные часто многими неправдами; она направляет в юношестве волнующиеся в них и кипящие страсти к общему добру, она утверждает мужество в постоянной добродетели, она утешает старость и заставляет ее смотреть на суету и преходимость вещей сего мира беспристрастными глазами, она в печальных приключениях неблагополучных людей утешает и подает отраду в надежде лучших времен, она благополучных людей научает пользоваться с разумом и умеренностию своим благоденствием; одним словом, она подает человеку всевозможные добрые средства к приобретению благополучия; но надлежит знать, что приобретение таких неоцененных преимуществ посредством философии зависит не от одного чтения философии, а от точного еще исполнения непорочных и святых ее правил.

Когда мои предложения, как во многих случаях не согласные с мнениями прежних писателей, покажутся вам, благосклонный читатель, ложными, то я по крайней мере буду иметь в таком случае ту отраду, что они послужат поощрением предбудущим писателям предлагать свои рассуждения яснее, нежели как то доньше делалось, чтоб и другие люди от таких их замысловатых предложений не впадали в погрешности; и как в таком случае мнения мои могут показаться отважными, то прежде порицания их прошу рассудить то, что мы часто самыми важными изобретениями одолжены бываем отважным покушениям.

Я в сем сочинении не защищаю ничего, кроме правоты моего сердца и намерения; а ежели вы, благосклонный читатель, найдете в нем какие-либо погрешности, то надеюсь, что извините меня в том для той причины, что я хотя сперва всеми силами старался об исправлении моего разума, однако, наконец, когда узнал, как несравненно больше должен человек почитать добродетель пред разумом, то с того времени обратил все мои силы на совершенное ее позна-

ние и ласкаю себя надеждою, что труд мой в том был не без успеху; я усмотрел в ней беспримерную красоту и неоцененную пользу и для того стараюсь всегда жертвовать ей всеми моими желаниями и без малейшего изъятия.

Сим желанием преимущества в добродетели, а не в разуме побуждаем будучи, обращаю речь мою к вам, любезные в искании прямой добродетели и прямого разума товарищи россияне! Промысл Божий благословил нас таким счастьем, что вы живете в нынешнем правосудием и кротостью ЕКАТЕРИНЫ ВЛИКОЙ преимуществующим пред прочими веке, что вы пользуетесь щедротами такой несравненной МОНАРХИНИ, которой великие дела удивляют вселенную; теперь изобильная жатва важных для вас дел, теперь время благоспешествующее вашему благополучию; Бог весть, будет ли когда для России такой златой век, чтобы она в другой раз пребывания своего могла иметь счастье видеть у себя такую ВЕЛИКУЮ МОНАРХИНЮ; потщитесь всеми силами умов ваших поднять должныя труды на приготовление сердец собратии нашей к явственнейшему познанию чувствуемого уже нами того попечения, которое предпринимает Российская МАТЬ Отечества, чтоб показать свету пример на России, что благополучие целых народов есть не невозможное дело, попечение достойное того, чтоб непрерывное время и неумирающая память, как праведные свидетели проповедовали об нем отдаленными веками и поздным потомкам, удостойте себя быть такого великого и бессмертия достойного намерения способным предметом под премудрым предводительством премудрой нашей законодательницы АВГУСТЕЙШЕЙ МОНАРХИНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, облегчите ей тяжкое бремя неусыпных ЕЯ трудов и попечений о всеобщем благополучии, тем для ЕЕ удовольствием, что б она рассудила об нас быть того достойными, и чтоб ОНА чрез совершение нашего благополучия увенчала цветущие дни своего государствования праведным исполнением того предвещания, что народы будут тогда благополучны, когда обладатели философствовать, или философы обладать станут¹²⁹.

В заключение сего прошу от вас, благосклонный читатель, праведным моим мнениям праведного защищения, а ложным — праведного же опровержения и пребуду

*Ваш доброжелатель
Яков Козельский*

ФИЛОСОФИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

1. Философия есть наука испытания причин истинам.

2. Как философия испытывает причины не только вещей, но и дел, а слово истина означает как вещь, так и дело, и для того я во всех тех случаях, где вещь и дело разуметь должно, употребляю одно слово истины.

3. Наукою называется основательное познание какой истины, или наукой называется способность человеческого разума неоспоримо доказывать все то, что он утверждает или отрицает.

4. Человеческое испытание, или познание, истин есть тройкое.

I. Когда мы познаем какую истину просто, то такое познание называется историческое.

II. Когда мы какой истины узнаем причины, то сие познание называется философическое.

III. Когда мы измеряем величину какой вещи, или количество дела, то такое познание есть математическое; например, когда мы видим, в каком народе мало добродетелей, то это будет познание историческое; когда мы усматриваем, что то происходит от излишнего своевольтва одной части того народа и от великого притеснения другой, то это будет познание философическое; а когда мы заключаем, что чем больше будет в том народе с одной стороны самовольства, а с другой утеснения, то тем меньше будет в нем добродетелей, а тем больше пороков, то это будет познание математическое.

5. Из сего следует, что те люди философствуют, которые испытывают неизвестных истин причины, и что испытатели причин всех случающихся истин называются философы.

6. Посему тот, кто не многих истин знает причины, не может назваться философом; а надобно ему чрез долговременное упражнение приобрести искусство рассуждать о причинах истин, равномерно как и тот не может назваться знающим иностранный язык, который немного слов из него знает.

7. Когда философы испытывают истин причины, то следует им во всем том, что они ни утверждают или отрицают, объявлять причины и все свои предложения выводить и доказывать из бесспорных и неоспоримых оснований; а такое расположение предложений на неоспоримых и бесспорных основаниях называется философический или математический порядок учения; а несомненные и неоспо-

римые основания называются верные опыты, определения и аксиомы, которые в следующем изъяснены будут.

8. Хотя философия (ежели сказать определительным образом) содержит в себе все науки, но, как многие из тех наук сами собою очень пространны, и для того и преподаются особо и вне философии, для которой оставлены одни только генеральные познания о вещах и делах человеческих.

9. Такая философия разделяется вообще на две части, то есть на теоретическую и практическую.

10. Та часть философии, которая способствует исправлению нашего разума в познании истин, служащих к познанию добронравия, называется теоретическая, а та часть философии, в которой преподаются правила, по которым человек дела свои и поступки располагать должен, называется практическая, или нравоучительная.

11. Теоретическая философия разделяется опять на две науки, то есть на логику и метафизику.

Логика

12. Логика есть наука ума и разделяется на две части; в первой предлагаются правила о трех силах человеческой души, а во второй показывается употребление тех сил к испытанию истины.

Глава первая. О трех силах человеческой души, то есть о чувствах, рассуждении и умствовании

Часть первая. О силе чувств

13. Чувствие, или понятие, какой вещи есть представление ее в мысли нашей; например, посредством видения отличаем мы камень от дерева, и такое отличие называется понятие.

14. Что мы чрез чувства понимаем вещи, то явствует из того, что, зажавши глаза, не видим, уши — не слышим и проч., а разве воображаем виденное, слышанное и прочая.

15. Чувств мы имеем пять: видение, слух, обоняние, вкус и осязание.

16. Понятия суть разные как в рассуждении качества, или степени представления в мысли вещей, потому что одну вещь понять можно хорошо, а другую лучше, так и в рассуждении самих понимаемых вещей, для того что о вещах можно рассуждать и порознь о каждой и вдруг о многих.

17. В рассуждении степени представления в мысли вещей понятие бывает ясное, темное, явственное, неявственное, полное, неполное.

18. Понятие ясное (*notio clara*) есть то, когда мы представленную вещь от других отличить можем; например, когда мы белый цвет от черного отличаем.

19. Понятие темное (*notio obscura*) есть то, когда мы представленной вещи от других отличить не можем; например, когда мы увидим вдали какую движущуюся вещь и сомневаемся, животное ли то или другая какая вещь, то это будет понятие темное.

20. Безразумные животные отличают некоторые вещи одни от других, из чего видеть можно, что и они о некоторых вещах имеют понятие ясное.

21. Когда мы представленную вещь так познаем, что и приметы, по которым она от других отличается, представить себе и одну от другой отличить можем, то такое понятие называется явственное (*notio distincta*); например, явственное понятие имеем мы о надежде, когда представляем ее в мысли удовольствием об ожидаемом благополучии. Приметы, по которым надежда отличается от других вещей, суть удовольствие и ожидаемое благополучие.

22. А ежели мы какую вещь хотя от других и отличаем, да примет, по которым отличается, в мыслях себе представить не можем, то такое понятие называется неявственное (*notio confusa*); например, хотя мы разные цветы один от другого отличить и можем, однако, почему отличаем, того сказать не можем.

23. К приобретению явственных понятий надобно употреблять прилежное внимание.

24. Когда мы какую вещь так понимаем, что примет тех, по которым она от других разнится, довольно будет к отличению ее везде и всегда от всех других вещей, то такое явственное понятие называется полное (*notio completa*); например, слова суть гласные знаки наших мыслей — понятие полное; а когда таких примет не довольно будет, то такое понятие будет неполное (*notio incompleta*); например, слова суть знаки наших мыслей, есть понятие неполное потому, что есть и другие знаки наших мыслей, кроме слов.

25. Другие писатели предлагают еще о понятиях, которые выше полных, но я рассудил их оставить: 1. Что весьма о редких вещах имеем мы такие понятия. 2. Что все науки основаны на одних явственных и полных понятиях.

26. Теперь, после предложения разных понятий в рассуждении степени представления вещей, приступим к предложению разных понятий, происходящих от самих понимаемых вещей.

27. Всякая вещь на свете, рассуждаемая одна, называется единственная вещь (*res individua, vel singularis*); например, та книга одна, которую читаешь; тот стул один, на котором сидишь, — суть единственные вещи.

28. Когда мы единственную вещь в мысли себе представляем, то такое понятие называется единственное.

29. Хотя единственные вещи для многих находящихся при них обстоятельств разнятся между собою и никогда одна другой во всем подобна быть не может, однако есть некоторые такие обстоятельства, в которых единственные вещи сходятся между собою; и такие обстоятельства, по которым единственные вещи суть подобны между собою, составляют вид, или образ (*species*), который есть не что иное, как подобие единственных вещей; например, Цицерон, Цесарь и Ливий¹³⁰ разнятся между собою летами, ростом, богатством, разумом и достоинством; а в том всегда сходятся, что имеют душу, одаренную разумом, и что потому человеки; итак, понятие человека составляет образ, потому что чрез слово человек выражается подобие многих единственных людей.

30. Когда мы вид, или образ, каких единственных вещей в мысли себе представляем, то такое понятие называется особенное, происходящее от особы или вида (*notio specialis*).

31. Когда мы при сличении образов находим некоторые из них, подобные между собою, то такое подобие образов называется род (*genus*); например, человек, лев, волк, лошадь и другие образы, хотя и во многом разнятся между собою, но в том сходны, что живут и чувствуют, и сие подобие их выражается одним словом животного; итак, понятие животного составляет понятие рода.

32. Посему понятие общее, или генеральное (*notio generalis, vel universalis*), есть то, когда мы представляем в мысли свойства, приличествующие многим образам.

33. Из сих предложений узнать можно:

а) Что в единственных вещах больше находится обстоятельств, нежели в образе; а в образе больше, нежели в роде; например, Петр и Павел многим разнятся между собою, как то летами, возрастом, достоинством и чинами; а ежели взять образ человека, то ему более ничего не приличествует, как только иметь душу разумную; также

ежели взять род животного, то в нем ничего более не находится, как только свойства чувствия и жизни.

б) Что от определенной единственной вещи к образу и от определенного образа к роду заключать не можно; например, от одного глухого человека к человеку генерально заключать нельзя, потому что другие люди не глухи, и от свойства человека, чтоб иметь разум, к свойству животного, — потому что другие животные не имеют разума, как то скоты, звери, дерева.

с) Не все то, что не приличествует образу, для того не приличествует роду, хотя то, что не приличествует роду, не приличествует и образу; например, образу человека не приличествует, чтоб иметь крылья, однако приличествует роду животного, потому что есть такие животные, которые имеют крылья; также когда неприлично роду животного жить на свете без чувствия, то не приличествует сие образу человека.

34. Чрез посредство сих предложений легко узнать можно, что мы получаем понятия о единственных вещах одними чувствами, а понятия об образах и родах — чрез искусство отделения (*artificio abstrahendi*); например, понятие о человеке получаем мы чрез отделение всех других обстоятельств, кроме души разумной, и понятие о животном — чрез отделение всех других обстоятельств, кроме чувствия и жизни.

35. По истолковании разных понятий надобно напомнить о правилах учения, которые учащимся людям наблюдать весьма полезно:

а) Надобно стараться о предлагаемых вещах иметь понятия явственные.

б) К приобретению явственного понятия должно употреблять сильное внимание.

с) Как человеческая сила ослабевает от подымания вдруг многих трудов, так равномерно и чувства его ослабевают от множества примечаемых вдруг истин; и для того надобно беречься, чтоб не отягощать своей мысли многими истинами в одно время, а стараться каждую из них примечать порознь и почаще, чтоб получить о ней лучшее понятие.

д) Из опытов известно, что когда мысль у человека обнята страстями, то он в такое время не всегда может явственно понимать предлагаемые истины, и для того учащимся людям надобно стараться о спокойствии духа и убегать страстей, пьянства, любви и прочая.

е) Ученым быть иначе нельзя, как только когда кто о предлагаемых истинах может иметь понятия явственные, а понятие явственное

об истинах имеет тот, кто может их рассказать или описать другому; итак, для получения явственных понятий весьма нужно, чтоб то, что ты слышал или видел, или читал, тотчас рассказать другому или написать, или пробовать самому себя, знаешь ли его.

36. Хотя то состоит в нашей воле, какое хотеть предлагаемой истине дать название и изображать ее произвольными словами, но понеже мы при описании истин имеем то намерение, чтоб другие наши речи разумели, то есть о предлагаемых нами истинах имели такое же, как и мы, понятие, то в таком случае надобно остерегаться от несвойственных слов или названий истин.

37. Надлежит беречься, чтоб не смешивать разумения вещи с догадкою о ней: разумение какой вещи от догадки о ней разнится так, что когда мы разумеем какую вещь, то думаем о ней так, какова она есть в своей натуре, а когда догадываемся о какой вещи, то может быть она та вещь, как мы об ней думаем, а может быть и другая.

38. Слова суть не что иное, как гласные знаки понятий наших о предлагаемых истинах, потому что мы чрез слова означаем или выражаем другим наши мысли.

39. Свойственное слово, или название какой вещи, есть такое, когда мы чрез его имеем о той вещи такое же понятие, какое и другие люди, а несвойственное, или метафорическое, то есть перенесенное, слово называется то, когда по подобию двух вещей имя одной из них употребляется к другой, хотя оно и имеет свойственное свое название; например, человек смотрит глазами, то здесь название глаза есть свойственное, а когда Цицерон называет город Коринф глазом Греции, то в сем случае название Коринфа глазом есть не свойственное, а метафорическое.

40. Обоюдное, или разнозначащее, слово (*vox ambigua*) есть то, которое служит к означению разных вещей; например, на российском языке слово мир значит множество людей какого общества и значит тишину, а однозначашие слова (*voces synonimae*) суть те, которые, произношением будучи разны, означают одну вещь; например, тишина и мир суть однозначашие слова, потому что оба они означают покой.

41. Обычай разговора (*usus loquendi*) есть свойственное означение вещи чрез слова, употребляемые во всем обществе.

42. Ежели совокупить несколько слов одни с другими, то от того происходит речь, которая есть не что иное, как связь слов.

43. После предложения о понятии вещей приступим к описанию их определений.

44. Определение вещи (*definitio*) есть явственное и полное ее понятие, выраженное речью. То слово или вещь, которую определяем, называется определенное или определенная вещь (*definitum*).

45. При сочинении определений надобно наблюдать следующие правила:

а) В определении должно вычислять приметы определяемой вещи, потому что требует того свойство явственного понятия.

б) В определении должно вычислять такие приметы, которых бы довольно было к отличению всегда и везде определяемой вещи от других, как то следует по свойству полного понятия.

в) Приметы, описываемые в определении, не должны приличествовать другим вещам, кроме определяемой, то есть определение не должно быть больше своего определенного; например, определение будет больше своего определенного, ежели сказать, что слова суть знаки мыслей, потому что есть и другие знаки мыслей, кроме слов.

г) В определении столько примет полагать должно, сколько определяемая вещь имеет в себе существенных свойств, или определение не должно быть меньше своего определенного; например, определение будет меньше своего определенного, ежели сказать, что любовь есть удовольствие о других благополучии, потому что здесь любовь к самому себе не содержится.

д) Посему определение должно быть так равно своему определенному, чтоб можно было употребить одно из них вместо другого без перемены их существа; например, ежели сказать, что Нума Помпилий¹³¹ всегда был благополучен, то также вместо того сказать можно, что Нума Помпилий имел всегдашнее удовольствие.

е) В определении таких примет, которые не всегда приличествуют определяемой вещи, или, как короче сказать, случайных примет употреблять не должно, а надобно полагать только одни существенные приметы; например, ежели сказать, что человек есть разумное и ученое животное, то это определение содержит в себе несущественную примету, потому что ученым быть есть случайная примета.

ж) Определения надобно сочинять ясно и вразумительно и не толковать то же чрез то же, что называют философы круг в определении; например, ежели определить закон чрез устав начальника, обязывающий подчиненного, а начальника чрез такого человека, который имеет власть устанавливать закон, то это будет круг в определении.

з) В определении надобно беречься, чтоб не употреблять без крайней нужды обоюдных и метафорических слов.

и) Определения должно делать утвердительным, а не отрицательным образом.

46. Надлежит знать, что определения делаются двояким образом, то есть либо вычисляются в них приметы определенных вещей, и такие определения называются словесные, или описываются причины и способы, по которым они делаются, и такие определения именуются вещественные.

47. Не надлежит думать, будто бы все вещи на свете определить можно и должно было.

48. Описания вещи не надлежит почитать за определение, потому что мы описываем только вещи, понимаемые нашими чувствами, а определяем, напротив того, понятия образов и родов; в описании вещи примет к отличению ее от других бывает иногда меньше, а иногда и больше надлежащего; а в определении вещи полагается столько примет, сколько к отличению ее всегда и везде от других быть должно.

Часть вторая. О силе рассуждения

49. Ежели мы понятия о каких вещах так сносим между ими, что можем узнать, сходствуют ли они или не сходствуют между собою, то это мы рассуждаем, так что рассуждение (*iudicium*) есть совокупление или разделение понятий; например, ежели мы понятие добродетели с понятием похвальный так снесем вместе, что узнаем, что добродетель есть похвальна, то это мы рассуждаем. Рассуждение, выраженное словами, называется предложением. Господин Гелвеций почитает рассуждения за те же понятия, но мне думается, что чрез отличение их от понятий лучше узнавать можно разные действия сил человеческой души*.

50. Та вещь, о которой мы рассуждаем, называется подлежащее (*subiectum*), а то, что мы о ней рассуждаем, — сказуемое (*praedicatum*), а глагол, которым совокупаются или разделяются понятия, называется связь (*copula*); например, кротость есть добродетель. В сем предложении подлежащее есть кротость, сказуемое — добродетель, а связь — слово есть; или — добродетельный человек не сделает ближнему обиды: добродетельный человек есть подлежащее, ближнему обиды — сказуемое, а не сделает — связь.

51. Разные образы предложений разделяют философы на три следующие вопроса: которое, какое и коликое. На вопрос которое пред-

* De l'esprit, t. 1, d. 1, c. 1.

ложение отвечается: простое или сложное; на вопрос какое предложение, отвечается: утвердительное или отрицательное, а на вопрос коликое предложение (хотя такой вопрос и неупотребителен), отвечается: генеральное или особенное.

52. Предложение простое есть то, которое состоит из одного подлежащего и одного сказуемого; например, Цицерон красноречив.

53. Предложение сложное есть то, в котором находится или несколько подлежащих, или несколько сказуемых; например: Божий и гражданский законы не дозволяют обижать ближнего.

54. В числе сложных предложений полагаются условные (*propositiones conditionales*), связные (*copulativae*) и раздельные (*disiunctivae*).

55. Условное предложение есть то, в котором сказуемое сообщается к подлежащему с некоторым условием; например, ежели Герман умен, то он избрет для себя лучшее.

56. Об условиях примечать надобно следующие правила: 1. Из условия ничего подлинного заключать не можно. 2. Условие невозможное заключает в себе силу отказа.

57. Связное предложение есть то, в котором употребляются слова: и, как, так; например, Филипп Македонский и Александр, сын его, поработили Грецию; так же как милость, так и ярость в человеке суть его слабости.

58. Раздельное предложение есть то, в котором находятся слова: или, либо; например, человек по своей натуре имеет свободу следовать добродетелям или порокам.

59. Такой разбор предложений иной почесть может за мелочное дело, но при нужных случаях бывает в них великая важность; а прочие сложные предложения оставил я для того, что в них нет дальней нужды.

60. Предложение утвердительное есть то, в котором сказуемое дозволяется подлежащему, а отрицательное есть то, в котором сказуемое не дозволяется подлежащему.

61. В отрицательных предложениях знак отрицания должен быть при связи, а не при подлежащем или сказуемом, для того что в противном случае будет такое предложение не отрицательное, а неопределенное; например, честный человек не делает своему ближнему обиды, — есть предложение отрицательное, потому что слово не стоит при связи, или глаголе, делает, а не при подлежащем честный человек или сказуемом обиды; а ежели сказать: честный человек делает не обиду, то это будет предложение неопределенное, потому что здесь разумеется, что он делает хотя не обиду, однако что-нибудь другое.

62. Предложение генеральное, или общее, называется то, когда причина, для которой сказуемое сообщается с подлежащим, находится в натуре самого подлежащего; а ежели причина, для которой сказуемое сообщается с подлежащим, находится вне подлежащего, то такое предложение будет особенное; например, всяк человек есть смертный — предложение генеральное, потому что умереть человеку зависит от его природы и всем людям общее, а ежели сказать: некоторый человек убит на воровстве, то это будет предложение особенное, для того что убиту быть не зависит от человеческой природы.

63. Слова: все, никто употребляются в предложениях генеральных, а слова: некто, некоторые — в особенных.

64. Кроме сих предложений есть еще некоторые, употребляемые по большей части в математике, как то: положения или вопросы, аксиомы, теоремы, задачи, следствия и примечания, которые в следующем пристойнейшем для них месте истолкованы быть имеют.

Часть третья. О силе умствования

65. Третье души нашей действие есть вывод следствий, или умствование (*ratiocinium*), которое состоит в том, когда мы из двух предложений выводим третье; например, добродетель есть полезна человеку, а кротость есть добродетель; из сих двух предложений третье следует, что кротость полезна человеку.

66. В умствованиях надобно поступать таким образом: ежели мы о какой вещи посылаемся на образ или род, то все то, что полагается об образе или роде, должно также полагать и о вещи, находящейся под тем образом или родом.

67. Умствование состоять должно из трех предложений, из коих первое называется большее предложение, другое — меньшее, а третье — заключительное предложение, или заключение. В прежнем примере большее предложение есть добродетель полезна человеку; меньшее — а кротость есть добродетель; заключительное — следовательно, кротость полезна человеку.

68. Все умствования надобно располагать таким образом, чтоб подлежащее большего предложения было сказуемым у меньшего и сказуемое большего предложения было бы сказуемым у заключительного предложения, также и подлежащее меньшего предложения было бы подлежащим и у заключительного, как то видеть можно из следующего умствования: все такие дела, которые неравно служат для

пользы целого какого общества, не могут назваться добродетелями; а как милость есть такое дело, которое служит в пользу одному помилованному, а другим по большей части бывает предосудительна, следовательно, не может назваться добродетелью.

69. Хотя господин Даржан и говорит*¹³², что силлогизмы, или умствования, выраженные словами, бесполезны, но он в том погрешил, потому что в математических доказательствах и других трудных материях обойтись без них никак не можно.

70. Кроме вышеписанного способа умствования есть еще многие другие, которые все, ежели мы только правильно и натурально заключать станем, можно привести к сему одному, как легчайшему всех способу заключения, но то весьма удивительно, что некоторые философы повыдумали столь много разных способов умствования, которым научиться так, чтоб их всегда знать и помнить, то почти столько требуется времени, как на иную целую науку, хотя, несмотря на такой в выдумывании и сочинении их великий труд, остаются они и останутся навсегда безнужны, бесполезны и совсем неупотребительны, а разве служить могут для шутки и обману; и в разборе тех силлогизмов делано не что иное, как только выдумывано, сколь многими образами можно рассуждать и заключать здраво человеку. Чего ради я вместо пространного описания тех силлогизмов представлю их свойство и качество в кратком сем силлогизме: тот человек, который, зная натуральный и легкий образец рассуждения и заключения об истинах, выдумывает к тому другие, несвойственные и трудные способы или, как не знающий прямых средств к исполнению своего намерения, грезит, или, как недоброжелательный другим людям, ищет обмануть их и уважить свое знание, а понеже некоторые писатели, имея легкий образец рассуждения и заключения об истинах, выдумали столь много трудных и странных силлогизмов, коих даже до сего времени никто еще ни в каком деле, ни науке, кроме здорных школьных споров, не употреблял на свете, то следует из сего, что те писатели или грезили, или недоброжелательствовали человеческому роду, и сим изыясняя я здорные те и бесполезные их силлогизмы.

71. До сего места говорил я о силах человеческой души, а теперь предлагать стану об употреблении тех сил к познанию истины.

---

* «La Philosophie du bon sens; ou, réflex», [d.] 2, §25.

Глава вторая. Об употреблении сил человеческой души к познанию истины

72. Из случающихся нам на свете истин иные можем мы понимать легко, а другие многие, напротив того, понимать трудно, так что к выражению их надобно употреблять особливый порядок и пристойные средства; и для того я разделю сию главу на две части и в первой предлагать стану об исследовании истины вообще и об отличении ее от лжи, а в другой — о порядке и средствах, служащих к легчайшему выражению разных истин и связи их между собою.

Часть первая. Об употреблении сил человеческой души в исследовании истины вообще

73. Истина есть троякая: естественная, или натуральная, нравоучительная и логическая.

74. Истина натуральная есть та, когда какая вещь имеет в себе все то, что к существу ее требуется. Например, ежели золото имеет в себе все то, что к существу его требуется, то оно называется истинное золото. Ежели мы говорим то, что думаем, то это будет нравоучительная истина, а когда мы какую вещь так себе в мыслях представляем, какова она есть в своей натуре, то это будет логическая истина. Во всех сих случаях противное истине есть ложь.

75. Истина логическая есть не что иное, как сходство мыслей наших с самою вещью. А ложь, напротив того, есть несходство мыслей наших с самою вещью.

76. Логическая истина или ложь может быть в понятии, рассуждении и умствованиях.

77. Ежели мы почитаем истинное предложение за ложное, или ложное за истинное, то это называется ошибка, или погрешность; и такая погрешность, учиненная в рассуждении, называется предрассуждение.

78. Предрассуждения получают наименования, смотря по причинам, от которых они происходят; например, предрассуждения малолетства, поспешности, доверенности, недовериванья, любви к отечеству и прочая, ежели они происходят от малолетства, поспешности, доверенности, недовериванья, любви к отечеству и прочая.

79. А ежели кто погрешает в умствованиях, то такую погрешность назвать можно ложным умствованием.

80. Философы разделяют ложные умствования на разные образы, смотря по разности причин, от которых они происходят; но ежели

рассудить о том здравым разумом, то это они делают не что иное, как детские игрушки, и мучили себя понапрасну в трудном выдумывании тем ложным умствованиям названий, потому что когда узнает кто, что какое умствование есть ложно, то и без названий тех узнать может, по какой причине оно ложно.

81. Когда мы какую вещь познаем по некоторым только, а не по всем к тому принадлежащим обстоятельствам, то такое познание называется правдоподобное или просто правдоподобие.

82. Смешно то, что философы разделяют правдоподобие на историческое, физическое, герменевтическое, политическое и практическое и все то описывают пространно. Я не знаю, какая б в том была нужда или польза; сносно б еще было, ежели б они заботились так о разделении истинного познания, а правдоподобие есть само собою мелочь, а ежели еще разделять его так, то это будет мелочь мелочей.

83. Как разум человеческий имеет тесные пределы и сами мы всего на свете ни опытами, ни умствованиями познать не можем, то для того надобно во многих случаях другим искусным людям верить, то есть по свидетельству их согласоваться с их речью; только при вере надобно примечать следующие обстоятельства, то есть качество свидетеля, качество предлагаемой материи и качество или способ самого предложения. Что касается до качества свидетеля, то надлежит рассуждать об нем по чувствам его, воле и разуму; что до качества предлагаемой материи, то сходствует ли она с естеством или вышеестественная, возможная ли или невозможная; а что принадлежит до способа самого предложения, то простым ли и историческим или риторским штилем предлагается, а прочего умный читатель сам собою и без пространного изъяснения всеконечно не пропустит.

84. Предложение, которое недовольно утверждено, называется мнение.

Часть вторая. О порядке и средствах, служащих к легчайшему выразумению разных истин и связи их между собою

85. Познание истины получаем мы двумя образами: или чрез опыт, или чрез умствование, или доказательство.

86. Опыт есть такое познание истины, которое получаем мы помощью наших чувств.

87. В рассуждении легкости в познании одной истины и трудности в познании другой опыт разделяется на простонародный и ученый; например, всяк опытом узнать может, что огонь греет, а то не всяк узнает, что воздух имеет тяжесть.

88. Чрез опыты узнаем мы только единственные вещи и предложения особенные.

89. Доказательство есть не что иное, как связь правильных умствований; или доказательство есть утверждение предложения на верных и бесспорных основаниях, как то: определениях, опытах, аксиомах и прочая.

90. В доказательствах надобно беречься, чтоб не учинить погрешности, называемой круг, которая состоит в том, когда из двух предложений каждое доказывается одно другим взаимнообразно; например, ежели доказывать, что человек есть разумное животное тем, что он рассуждать может, и что он рассуждать может — тем, что он есть разумное животное, то это будет круг в доказательстве.

91. Одни истины познаем мы чувствами, другие — рассуждениями, а иные, как, например, математические, — многими умствованиями; и сии последние истины, как весьма трудные, требуют к познанию их особого порядка, который бы доводил человека к довольному их познанию по некоторым содержащимся в том порядке и служащим к сему намерению правилам, как по степеням.

92. Во-первых, порядок сей требует разделения предлагаемой истины на ее части.

93. Разделение есть разрешение целого на части. Истина, которая разделяется на части, называется разделяемая истина, а части, на которые она разделяется, называются разделяющие члены.

94. Ежели части, на которые разделяется целая истина, опять разделяются, то такое разделение называется разделение нижнее.

95. При разделении предлагаемой материи надобно наблюдать следующие примечания:

а) Разделяющие члены должны содержать в себе ни больше, ни меньше, а сколько самая разделяемая материя.

б) Разделяющие члены не должны быть сходны между собою, и чтоб один из них не содержался в другом.

с) Разделяющие члены должно брать из самой природы разделяемой истины, и без нужды много их употреблять не должно, чтоб не отяготить памяти и вместо чаемой ясности не причинить бы больше

темноты читателю; и сего-то последнего примечания не наблюдают многие философы, хотя и пишут о нем в своих книгах.

96. Что касается до правил, или предложений, которые употребляются в сем порядке, то они разделяются вообще на теоретические и практические.

97. Теоретическое предложение есть то, в котором о подлежащем утверждается или отрицается сказуемое, а практическое есть то, которое утверждает или требует, чтоб что сделано было.

98. После разделения истины на части надобно расположить ее по нижеследующим правилам: во-первых, сделать определение предлагаемой истины, потом положить верные и бессомненные основания к яснейшему ее истолкованию, как то: положения, или вопросы, и аксиомы.

99. Положение, или вопрос (*postulatum*), есть практическое предложение, не требующее доказательства, и выведенное из одного определения.

100. Аксиома есть теоретическое предложение, которое для легкости в понятии его не требует доказательства.

101. Теоретическое предложение, для трудности в выражении его требующее доказательства, называется теорема.

102. Практическое предложение, требующее доказательства, называется задача.

103. Предложения, которые выводятся из определений, положений, аксиом, теорем и задач, называются следствия (*corollaria*).

104. Те предложения, в которых изъясняется что-либо или объявляются исторические дела, называются примечания.

105. Для изъяснения сих правил не располагал я по ним никакой материи, для того что о сих правилах то же сказать можно, что и о риторике, которой лучше научиться можно от чтения хороших риторских речей, нежели от чтения ее правил; таким же образом свойство и силу и вышепомянутых правил, а наипаче теорем и задач, кои приличествуют больше математике и физике, нежели философии, несравненно лучше узнать можно от чтения математических и физических книг, написанных такими правилами, нежели от чтения философского об них толкования; а без чтения таких книг, сколько ни толковать те правила, то читатели их не много поймут; а наипаче когда на сих правилах расположить такую материю, которая и без их вразумительна, то читатель такое по прави-

лам расположение той материи сочтет не за истолкование ее, а за настоящее затемнение.

106. Мы можем употреблять силы души нашей к выражению предлагаемой истины в разговорах или в науках.

107. Тот, кто учит кого какой науке, должен знать ее основательно и навыкнуть искусству ясно предлагать свои речи и доказывать их, то таким образом может он убедить своего слушателя, то есть уверить его об истине своих предложений; а ежели слушатель имел о предлагаемой учителем его материи ложное понятие, или рассуждение, или умствование, то он опровергнет его мнение в том, то есть изобличит его в погрешности, ежели только слушающий его употребит к тому надлежащее внимание; и для того всевозможным образом стараться должно, чтоб не приводить его в страсти, которые отвращают внимание.

108. Ежели о какой материи будут, с одной стороны, утвердительные, а с другой — отрицательные речи, то такой разговор называется спор.

109. Во время спора, ежели которая сторона не признает упрямо правильного убеждения или употребит при споре непристойные и противные речи, то в таких случаях, видя, что упрямо спорящий не к исследованию истины, но к защищению и уважению своего мнения или к удовольствию другой какой непристойной здесь страсти стремится, спор оставить должно.

110. Что касается до книг, то их есть два рода: одни из них содержат в себе правила, или генеральные предложения, и называются догматическими, а другие содержат в себе дела и происхождения и называются историческими. Первые из них утверждаются на бесспорных и неоспоримых основаниях, а другие основаны отчасти на истине, а отчасти и на правдоподобии.

111. Историю почести бы можно было за верную такого писателя, который бы был просвещенного разума, который бы имел дарование изобретательного, а не подражательного духа, который бы был самовидец описываемых им случаев, который бы не признавал для себя ни отечества, ни чужой земли, который бы умел писать хорошо, только бы не влюблялся так в свое красноречие, чтоб менять строгую правду на красоту своего слогу, который бы умел приводить свои страсти в согласие с законами справедливости, который бы не знал за правду ни какого страха, ни за ложь надежды. Но сколь трудно сыскать столько дарований, совокупленных в одном человеке, столь трудно найти точ-

но праведную историю; однако, несмотря на сие, можно в ней верить приключениям и переменам генерально, а не в подробностях, а наипаче тем, в которых многие из них, достовернейшие и оказывающие на себе по большей части вышеписанные, прямому историку пристойные качества согласны, и чтение истории полезно в рассуждении того, что она может исправлять в читателе нравы и разум.

112. История получает разные наименования в рассуждении разности предметов, которые она описывает. Когда она описывает происхождение и перемены натуральные, то называется натуральная история, когда церковные, то — церковная, когда гражданские, то — гражданская, когда ученые, то — ученая.

113. При чтении книг, а особливо догматических, надобно употреблять великое внимание и терпение, а без того не можно иметь успеху, да притом не надобно лениться прочитывать предисловия к книгам, потому что в них видеть можно расположение материи и намерение авторова.

Метафизика

114. Метафизика есть такая наука, в которой преподаются общие понятия.

115. Для лучшего выразумения сего определения надобно внять следующие рассуждения.

116. Все познание человеческое начинается от чувств, а чувствами понимаем мы только единственные вещи, которые имеют при себе многие обстоятельства и ограничения, как, например, по времени или по месту, по которым они разнятся между собою так, что никогда одна другой во всех тех обстоятельствах и ограничениях не могут быть подобны; однако, несмотря на то, бывают у них некоторые свойства и приметы, по которым они сходствуют между собою.

117. Когда мы во многих вещах находим некоторые свойства и приметы одинакие, то понятие таких свойств и примет называется генеральное, то есть общее или отделенное от понимаемых вещей.

118. Таким образом, наука, в которой преподаются такие общие понятия, называется метафизика.

119. Метафизика содержит в себе онтологию, то есть знание вещей вообще, и психологию, то есть науку о духе, или о душе.

Глава первая. Об онтологии

Онтология есть наука о вещи и ее принадлежностях.

Часть первая. О вещи

120. Вещь называется то, что есть возможное; например, всякая тварь на свете называется вещь.

121. Возможное есть то, что не заключает в себе противоречия, а невозможное называется то, что заключает в себе противоречие; например, ученым быть есть возможное дело, потому что хотя есть и неученые люди, однако другие есть ученые, а чтоб круг был в одно время квадратом, то невозможно.

122. Ежели что заключает в себе и своем естестве противоречие, то называется то совсем невозможное (*absolute impossibile*); например, чтоб треугольник мог быть вдруг четвероугольником и треугольником, то это совсем невозможное; а ежели что не может быть по некоторым обстоятельствам и кондициям, то это называется положительно невозможное (*hypothetice impossibile*); например, чтоб кто лгал и других обманывал, то это возможное, однако для честного человека невозможное, то есть положительно невозможное.

123. Бытие (*existentia*) есть состояние, способное к действию или страданию.

124. Посему выводить следствия от бытия к возможности и от невозможности к небытию можно, а от возможности к бытию и от небытия к невозможности — не можно.

125. Действие вещи есть перемена состояния ее, которой причина находится в самой переменной вещи; например, когда я пишу, то сие действие имеет в самом мне свою причину.

126. Страдание вещи есть перемена состояния ее, которой причина находится вне переменной вещи; например; ежели кто поражен будет молнией, то такого его страдания причина находится вне его самого.

127. Существо вещи (*essentia*) есть то, по чему ее от всех других отличить можно; например, ежели рассудить о твари, то она есть потому тварь, что ограничена и чрез ограничение как существо свое отличается от творца.

128. Из сего узнать можно, что всякая вещь должна иметь свое существо, что существо вещи есть необходимое, вечное, непременное и незаимствуемое, потому что ежели б оно хотя одно из противных сим качеств имело, то бы уже и самая вещь была не та, а другая.

129. Философы разделяют вещи на простые и сложные. Простыми называют те, которые не имеют ни величины, ни изображения, как, например, душа, а сложными — которые имеют величину и изображение, как, например, дерево, железо.

Часть вторая. О принадлежностях вещи

130. Все то, что приличествует вещи, называется ее принадлежность (*affectio*); например, теплота огня есть его принадлежность.

131. Принадлежности вещи или основание свое имеют в существе ее или находятся при ней, кроме ее существа, и потому они разделяются на свойства (*attribute vel propria*) и на случайности (*accidentia*).

132. Свойства вещи суть те, которых причина находится в самом существе вещи; например, свойство вольности, чтоб жить так, как хочется; а случайности вещи суть те, которые не зависят от ее существа; например, Сократ был человек ученый, то ученость Сократова есть случайность в рассуждении его человечества.

133. Из сего разуметь можно, что при положении существа вещи полагаются ее свойства, что свойства вещи от существа ее отделиться не могут, что они суть необходимые, вечные, непременные и незаимствуемые, а случайности вещи от существа ее отделиться могут.

134. Возможность вещи, чтоб иметь ей участие в случайных качествах, называется ее способность; например, Юлий Цезарь имел искусство в военных делах, и сие его искусство составляло его способность.

135. Перемена случайностей вещи есть ее устроение (*modificatio*).

136. Те же или одинакие вещи суть те, из которых в одной содержится все то, что и в другой. А разные вещи суть те, из которых одна содержит в себе то, чего нет в другой.

137. Которые вещи имеют одинакие приметы, то называются подобные, а которые разные, то неподобные.

138. Количество или величина есть все то, что увеличить или умалить можно.

139. Равные вещи называются те, которые имеют одинакие количества или величины, а которые имеют разные, то называются неравные.

140. Подобные вещи могут разниться количеством или величиной так, что, будучи подобны, могут быть неравны, а иные вещи, будучи равны величиной или количеством, могут быть неподобны.

141. Нет на свете таких вещей, которые б были между собою во всем подобны; например, ежели положить какие вещи во всем подобные, то они разниться будут по крайней мере временем или местом.

142. Необходимое есть то, без чего быть не можно или что иначе быть не может. А случайное есть то, что иначе быть может.

143. Вещество, или состав, или материя (*materia*) называю я то, из чего состоит какая вещь; например, человеческое тело составляющие жилы, мясо и кости суть его вещество.

144. Господин Волтер*¹³³ описывает мнение господина Нейтона¹³⁴ о материи, из коей свет создан, нижеследующее: элементы, или первые основания материи, суть из материи; и сие мнение господин Волтер изъясняет так: материя есть вещь протянутая и непроницабельная, коей внутреннюю натуру человеческий разум испытать не может. Мне как определение Нейтоново непонятно, так и толкование Волтерово темно; правда, что, может быть, сия темнота зависит от моего темного разума; что касается до последних слов толкования Волтерова, то я, разумея и почитая их за праведные, согласуюсь с ними и повторяю их, что человеческий разум внутренней природы материи испытать не может.

145. Подобие в расположении вещей называется порядок, а противное порядку называется замешательство.

146. Совершенство вещи полагаю я в том, когда у ней все свойства состоят в превосходной степени, а противное сему называю я несовершенством.

147. Философы разделяют еще порядок и совершенство на простые и сложные. Куды какая в сем важность!

148. Пригожее, или красивое, называю я то, что приятностию своею привлекает наши чувства, а непригожее, или безобразное, есть то, что скукою своею отвращает наши чувства.

149. Все приметы и существенные ограничения какой вещи составляют ее вид (*forma*); например, вид добродетели составляют такие дела, которые сходствуют с Божиим законом.

150. Границу, или предел, какой вещи называю я небытие дальнего ее вещества.

151. Протяжение называю я определение границ какой вещи.

---

* «La métaphysique de Newton» par m. de Voltaire.

152. Пространство, рассуждаемое отделительно от тел, есть прямое ничто, а рассуждаемое в телах, есть протяжение.

153. Место какой вещи есть особый способ сопребывания ее с другими.

154. Время называется продолжение в последовании одних вещей за другими.

155. Фигура есть не что иное, как граница протяжения.

156. Ежели между разными переменами какой вещи определить какую-либо из тех перемен, то это будет состояние той вещи.

157. Основание (*principium*) называется то, от чего зависит другое; например, основание дня есть сияние солнечное; а основанное (*principiatum*) есть то, что зависит от другого; например, день, происходящий от солнечного сияния, есть основанное.

158. Причиною называется то основание, от которого зависит бытие другого; например, причина Гракховой смерти¹³⁵ была доброжелательство его республике римской; а то, что зависит от причины, называется происхождение, или произвождение (*effectus*).

159. Философы разделяют причины на действительные и конечные, на свободные и необходимые, на натуральные и нравственные, на близкие и отдаленные; но это всякий разумный читатель сам собою знать может от качества из вышеписанных случаев.

160. Надлежит знать, что всякая причина может быть основанием, но не всякое основание причиною; например, благополучие общества зависит от его добронравия; в сем случае добронравие общества назвать можно и причиною и основанием благополучия его; а, напротив того, предисловие книги можно назвать основанием ее, но не причиною, потому что причина книги есть надобность в ней обучающихся людей.

161. То, для чего какая причина действует, называется намерение, или конец.

162. Средством называется то, что содержит в себе причину, для чего конец достигается, а противное средству называется препятствие; например, добродетель есть средство, а порок — препятствие к получению чести.

163. Всякая действующая причина имеет у себя нечто, во что она действует, и то называется ее предмет (*objectum*); например, предмет плотника — дерево.

164. Знаком называется та вещь, коей понятие производит понятие другой вещи, а означенное называется та вещь, коей понятие за-

висит от понятия другой вещи; например, знак печали — слезы; в сем случае означенное есть печаль.

165. Философы разделяют знаки и называют доказательный — от показания вещи, предзнаменательный — от предзнаменования предбудущей вещи, необходимый — от природы вещи, произвольный — от произволения человеческого; но это читатель и сам от себя знать может.

166. Содержание всех созданных вещей называется свет.

167. Когда мы рассуждаем о понимаемых нами вещах и делах на свете, то усматриваем, что одни из них производят других; и такая зависимость происходящих вещей или дел от производящих называется связь; например, король нумидийский Югурта¹³⁶ после убийства братьев своих и после побега от него некоторых генералов не мог никогда спать спокойно, а часто просыпался вдруг и хватался за оружие, — здесь видима между злодейством и недовериваньем, утрызением совести и бессонницею его связь.

168. Из сего следует: 1. Что в натуре не делается ничего скачком, или без причины (философы разделяют еще и скачок на совершенный и зависящий. Этакая важность стоила внесения в философию!). 2. Что ежели мы полагаем на свете связь между делами и вещьми, то чрез сие уничтожается судьба, что и за справедливо почесть можно, потому что хотя мы иных нечаянных происхождений причин вдруг и не узнаем, однако строгим исследованием можно испытать те причины.

169. Это странно, что философы, не утверждая точно самой судьбы бытия, разделяют еще ее на магометанскую, стоическую и астрологическую, кои все одно значат.

170. Составляющие свет вещи суть сложные и называются тела, а телом называю я всякую такую вещь, которую осязать можно.

171. О частицах, из которых состоят тела, по незнанию не писал я, а другие писатели хотя и пишут об них, однако не могут доказать, простые ли они или сложные вещи, а и умничать о сем вдаль, кажется, что нет дальней нужды.

172. Способность какой вещи к действию ее называется могущество, а действующее могущество какой вещи называется ее сила; например, лук, натянутый тетивою, когда им не действуют, имеет могущество, а когда пустит из него стрелу, то это будет его сила.

173. Та вещь, которая имеет в себе действующую силу, называется сама по себе состоящая вещь, или, короче, субстанция (*substantia*).

174. Натурую, или естеством, называется действующая сила всякой вещи, и потому натуральное называется то, что из силы и существа какой вещи разуметь и истолковать можно; например, натуральное дело огня — жечь; а чего из силы и существа вещи разуметь и изъяснить не можно, то называется вышенатуральное, вышеестественное, или чудо; например, вышеестественное дело, или чудо, было то, что пророк Моисей ударом жезла истощил воду из камня.

175. Надлежит беречься, чтоб не смешивать противоположного с вышеестественным и чудного с чудом, потому что как противоположного, так и чудного можем мы узнать причины, а вышеестественного и чуда причин узнать не можем; например, когда машиною поднимается вверх вода, то это (рассуждая о нем не по математике) назваться может противоположное дело, также когда на движение часов смотрит простой человек, то это для него чудо, однако обоих сих случаев причины узнать можно.

176. Философы рассуждают о совершенстве света, а что касается до меня, то, видя великую в том трудность, оставляю сие на рассуждение самому тому премудрому существу, которое его создало, и говорю с господином Волтером*: кто может рассуждать о качестве здания по одной наружности, не видав его внутренности, а всей внутренности натуры никоим образом испытать не можно.

Глава вторая. О психологии

177. Психология есть наука о душе.

178. Дух, или душу, разумеем мы такое существо, которое одарено волею и разумом.

179. Дух разделяется на конечный и бесконечный. Конечный дух полагается человеческая душа, а бесконечный — Бог.

180. Присутствие пределов называется конечность, а отсутствие их — бесконечность.

181. О бесконечности, равно как о пространстве и материи, от многих веков спорят между собою философы и подают о том разные мнения. Господин Гелвеций** дал сим вещам вернее всех определения, которые написал я в сем сочинении.

---

* «La métaphysique de Newton» par m. de Voltaire.

** «De l'esprit» par m. Helvetius.

Часть первая. О воле

182. Воля есть способность души нашей — желать того, что она почитает за доброе, и отвращаться от того, что ей кажется худое.

183. Как с желанием приятность и с отвращением скука нераздельно совокуплены, то для того здесь изъяснить должно, что есть приятность и скука.

184. Приятность (*voluptas*) от какой вещи есть не что иное, как представление себе ее совершенства.

185. О приятности примечать следующее:

а) Приятность бывает тем больше, чем точнее кто о совершенстве какой вещи рассуждать и чем яснее его узнать может.

б) Чем больше кто знает, что примеченное в какой вещи совершенство есть прямое совершенство.

с) Ежели же в какой вещи совершенство будет мнимое, то и приятность будет мнимая и переменяется в печаль и сожаление.

186. Скука (*taedium*) от какой вещи есть не что иное, как представление себе ее несовершенства.

187. Что говорено пред сим о приятности, то противное тому о скуке примечать должно.

188. Добро называется то, что поспешествует к нашему совершенству; а худо — что препятствует нашему совершенству.

189. Добро, которое поспешествует больше к нашему совершенству, называется большее, а которое меньше — меньшее. Меньшее добро в рассуждении большего почесть можно за худо, и меньшее худо в рассуждении большего почесть можно за добро.

190. Добро и худо разделяется на натуральное и нравственное: натуральное добро или худо есть то, которое полагают люди в действиях природы; а нравственное добро или худо есть то, которое находится в человеческих нравах.

191. Склонность к чему-либо, натуральная и зависящая от темперамента, называется нравом, а приобретенная от причин частого желания чего-либо или отвращения от него способность называется привычка или обычай.

192. Склонность к тому, что мы почитаем за добро, называется желание, а удаление от того, что мы почитаем за худо, называется отвращение.

193. Воля имеет в себе некоторые свойства, как то: желания или отвращения, которые философы называют страстями; а я, рас-

суждая, что чувствительности к добру и к худу у человека отнять без перемены его существа никак нельзя, называю их свойствами воли до тех пор, пока они пребывают в равновесии с чувствуемыми предметами, как то и сами те философы говорят, что страсть есть безмерное, а не умеренное желание или отвращение от чего-либо; а как выйдут они из пределов равенства между чувствительностью человеческою и чувствуемыми вещами, то тогда уж сделаются страстями; притом же страсти, сколько из опытов известно, можно умерить человеку, а свойств воли умалить никто не может, а кто бы и затеял притворить себя так, то притворит себя бесчувственным деревом, а не человеком; например, как можно любить то, что худо, и как можно ненавидеть то, что хорошо. Такие свойства воли за сим следуют.

194. Радость есть вышняя степень приятности.

195. Радости противопоставляется печаль, которая есть не что иное, как вышняя степень скуки.

196. Любовь есть не что иное, как желание благополучия.

197. Любовь к самому себе называется самолюбие.

198. От любви рождается сожаление, которое есть скука о чьем неблагополучии.

199. Ненависть есть желание неблагополучия.

200. От ненависти рождается зависть, которая есть не что иное, как скука о чьем благополучии.

201. Спокойствие духа есть радость об учиненном добре, а раскаяние есть не что иное, как печаль об учиненном зле.

202. Удовольствие, которое чувствуем мы от хорошего других о нас рассуждения, называется слава.

203. Стыд есть не что иное, как печаль о том, что мы почитаем вредящим нашу славу.

204. А как стыд происходит от того, когда мы почитаем в чем вред нашей славе, то следует из сего, что чем кто славолюбивее, тем стыдливее.

205. Надежда называется радость о предожидаемом добре.

206. Противная надежде боязнь называется печаль о предожидаемом зле.

207. Другие писатели определяют надежду радостью о предбудущем добре, и боязнь — печалью о предбудущем зле; но мы можем надеяться и бояться и того, что нам и не случится.

208. Печаль о причиненной досаде, соединенная с ненавистью к досаждающему, называется гнев.

209. Милость есть благодеяние, учиненное не заслужившему его человеку.

210. Надлежит отличать милосердие от милости, потому что оно есть помочь достойному человеку в его неблагополучии.

211. Все сии и другие свойства воли ежели выйдут из пределов равенства или равновесия между человеческою чувствительностию и чувствуемыми вещьми, то называются страсти.

212. Что касается до некоторых свойств воли, то, может быть, иной согласится почесть их за свойства воли; а что принадлежит до ненависти и гнева, что я их положил в числе свойств воли, то тут, думаю, скажет он, какие это свойства воли? Они суть прямые страсти; но я, не обинуясь, опять утверждаю, что ежели ненависть к кому равна будет причиненной от него досаде, также и гнев равен будет причиненному озлоблению, то они все еще будут свойства воли, а не страсти; а когда уже они выйдут из пределов такого равновесия, то тогда будут страсти.

213. Страсть (*affectus*) есть не что иное, как неумеренное желание какой-либо вещи или дела или такое же отвращение от них.

214. Все вышеписанные и некоторые другие свойства воли нашей чрез неумеренность свою переменяются в страсти, которые господин Картезий*¹³⁷ разделяет на первоначальные (коих полагает шесть: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль) и на производные, которые от вышеписанных происходят, как то: честолюбие, гордость, щедрость и прочая; но господин Гелвеций** разделил страсти лучше на натуральные и производные: в натуральных полагает он только приятность и скуку, а в производных — происходящие от сожitia человеческого зависть, гордость, скупость, честолюбие и прочая.

215. Философы говорят, что страсти происходят от неясственных понятий и воображений, а я думаю, что неясственные понятия происходят от страстей, а страсти происходят от сильного поражения чувств и души; подобно тому, как сильный свет вредит зрению и сильный гром — слух, так сильные поражения, причиненные душе, отнимают у нее силы.

* *Passiones animae per Renatum de Cartes*, art 69.

** «De l'esprit» par m. Helvetius, [t.] 2, d. 3, c. 9.

216. Во всякой страсти есть или приятность, или скука, или обе вместе, смотря по разности представления чувств.

217. Беспристрастие, или равнодушие (*indifferentia*), есть то, когда какой человек ни к совершенствам одной вещи, ни к несовершенствам другой не имеет великой чувствительности.

Часть вторая. О разуме

218. Разум есть способность человеческой души представлять себя явственно истины.

219. Действие то, когда душа представляет себе и понимает вещи, называется познание (*cognitio*).

220. Мы понимаем иные вещи темно, другие неявственно, а иные явственно; а познание вещи темное и неявственное общее есть человеку с другими животными, почему оно и называется нижнее познание; а познание вещи явственное, также рассуждение, заключение о ней и отделение понятий от предметов называется вышнее понятие, потому что оно примечено свойственным одному человеку.

221. Теперь я предлагать стану о нижнем познании, до коего принадлежат способности чувствования, воображения и памяти.

222. Мы можем присутствующие с нами вещи представлять себе, что называется чувствовать вещи; и сами те понятия, или представления, вещей называются чувствования (*sensationes*); например, когда мы видим сад, наполненный разными деревьями, тогда понимаем деревья присутствующие с нами, то есть чувствуем их.

223. Присутствующие нам вещи называются те, которые в чувственных наших орудиях производят перемену; а чувственные орудия, или просто чувства, суть видение, слух, обоняние, вкус и осязание.

224. О чувствовании надобно примечать следующее:

а) Не одно тело, не одна душа чувствует, но иную должность имеет тело, а иную душа, и действуют как бы соединенными силами, то есть тело при чувствовании принимает перемены, произведенные в чувственных орудиях наружными вещами; например, когда мы гром от выстрела пушки ушами понимаем, то это делается так, что колеблемый и дрожащий воздух стремится в уши и ударяет там орудие слуха (и сие касается до тела), а душа того ж времени представляет себе ту причиненную в ушах перемену.

б) Как большой свет затмевает меньшего, так и сильнейшее чувствование преодолевает слабшего; например, во время колокольного звона, стоя подле колоколни, трудно слышать речи, также во время солнечного сияния немного виден огонь зажженной свечи.

с) Когда наружные вещи действуют в чувственные орудия и производят в них перемены, то душа не может их не чувствовать; например, не можно не видеть вещи, когда она попадет в глаза, а можно, напротив того, воспрепятствовать наружным вещам ударять в чувства, как, например, зажавши уши, не слышать, нос — не нюхать и прочая.

д) То не в нашей состоит воле, чтоб иметь то чувствование, которое хочется; например, во время зубного боля не можно иметь того чувствования, которое в здоровьи и весельи.

е) Таким образом, можно почитать чувства за окна и двери души, сквозь которые от наружных вещей вид входит в душу.

225. Мы можем не только те вещи, которые присутствуют при нас, понимать, но еще и отсутствующих вещей, которые мы прежде поняли, возобновлять понятие в нашей мысли и оживлять их вид в души нашей; например, как Виргилий пишет о любви Дидоны к Энею¹³⁸, что она его отсутствующего от себя видит и слышит.

226. Способность души нашей, чтоб представлять себе отсутствующие вещи так, как присутствующие, называется воображение.

227. Надлежит примечать, что мы не можем того воображать себе, чего прежде не чувствовали, что воображение есть продолженное чувствование, что потому не состоит в нашей воле и что воображение сильнее бывает тогда, когда почти все чувства находятся в спокойстве, как то в темном, безмолвном и благорастворенным воздухом наполненном месте.

228. От способности воображения зависит способность выдумыванья, которое состоит в совокуплении разных воображенных вещей в одну, как то рисуют коня с крыльями.

229. Ежели при совокуплении воображенных вещей будут понятия их несходны, то такая выдумка называется химера; например, ежели сказать: ноги видят.

230. От воображений много зависят и сновидения, которые суть действия воображения, которые душа имеет во время покоя чувств.

231. Как посредством чувствования понимаем мы присутствующие вещи, так чрез воображение представляем себе и возобновляем вид прежде понятых вещей; а чрез память познаем, что понятия, ко-

торые снова производим чрез воображение, суть те, которые мы прежде имели.

232. О памяти надобно примечать следующее:

а) Узнав качество своей памяти, не должно обременять ее много, а смотря по силам.

б) Чтоб память о понятых вещах была сильнее, то надобно чаще о них думать.

с) Что мы явственно понимаем, то легче помнить можем, нежели что неявственно.

д) Великость памяти узнается из того, когда кто скоро, легко и много поймет и понятие долго помнит.

233. Часто случается, что понятие, которое начинает возобновляться от воображения, бывает темно и долгою времени или другими какими обстоятельствами почти истреблено из мысли; и мы такое темное понятие переменяем иногда в ясное посредством некоторых примет и знаков в рассуждении времени или места, что называется воспоминать; итак, воспоминание есть не что иное, как нескорая, или неполная, память, или способность души нашей признавать прежние понятия по некоторым обстоятельствам и переменять темные понятия в ясные.

234. Противное памяти забвение есть слабость души нашей к возобновлению и признанию понятия, то ли оно, которое мы прежде имели, или другое.

235. Безразумные животные имеют чувства, мысли, воображение и память. Что чувства имеют, то всякому и без изъяснения известно; например, когда хозяин кликнет собаку, то она бежит к нему, а когда ударит ее, то она кричит; что воображение и память имеют, то видно из того, что как только кошке показать плеть, то она тотчас бежит прочь, по воображению прежних побоев, и что собака ежели отлучена будет на несколько времени от своего хозяина, то, увидев его, опять ласкается к нему.

236. За сим следует предлагать о вышнем, или человеку принадлежащем, познании, то есть о внимании, разуме и уме.

237. Внимание (*attentio*) называется то, когда мы, примечая какую вещь, делаемся о ней сведомее, нежели о других, находящихся вместе с нею.

238. О внимании надлежит примечать следующее:

а) Внимание будет тем больше, чем более мы рассматриваем какую вещь и разбираем по ее частям.

б) Самое сильное внимание какой вещи будет то, когда человек между шумом и звуком так внимает ее, что о других вещах, сильно поражающих его чувства, не будет сведом, как то Архимед во время взятия римлянами города Сиракуз сильно внимал математические фигуры, потому что он в такой тревоге и смятении всего города убит был солдатом при разборе тех фигур.

с) Внимание увеличивается частым упражнением, то есть надобно приучать внимание к потребным вещам чрез отвращение чувств наших от ненадобных вещей, потому что внимание одной вещи умаляется чрез чувствование и воображение других.

239. Ежели мы рассматриваем внятно части какой истины, то такое внимание называется размышление (*reflexio*).

240. Разум есть (как и выше объявлено) способность души нашей, по которой мы можем представлять себе истины явственным образом.

241. О разуме примечать следующее:

а) Чем больше вещей может кто явственно себе представить, тем больше будет его разум.

б) Чем явственнее кто понимает вещи, тем больше его разум.

242. Когда мы вещи, находящиеся пред нами, понимаем только неявственно, то для того следует разуму изыскивать об них явственные, общие и отделенные от них понятия; например, чтоб узнать, когда кто сердится, то на это довольно одних чувств, а чтоб познать, что есть гнев, то на это надобно разума.

243. Действия разума суть явственное понятие, рассуждение и умствование.

244. Когда кто в какой вещи многие обстоятельства различать и в нескольких вещах подобия усматривать может, то такая способность человеческой души называется ум.

245. Из сего видеть можно, что к произведению явственных и отделенных понятий надобно ума.

246. Об уме примечать следующее:

а) Уму приписываются хорошие басни, выдумки, замыслы и речи, шутивно, коротко и остро сказанные.

б) Умом мы познаем связь генеральных истин, то есть умствуем. К сему примером служить может основательное знание науки, также знание искусного обхождения с людьми.

с) К уму принадлежит и проницание, то есть провидение в настоящих делах связи, и предвидение будущих и могущих быть происшествий.

d) При уме имеют люди остроумие, то есть такое качество ума, по которому он может скоро и много обстоятельств приметить в какой вещи; также и глубокоумие, по которому качеству человек может многие обстоятельства в какой вещи разобрать хотя не так скоро, однако явственно и тонко. И сии два дарования редко бывают совокуплены в одном человеке.

247. Ум от разума так отличается, как слово уметь от слова разуметь, то есть когда кто умеет какое дело, то это будет большая степень его знания, нежели как когда он только его разумеет; например, ежели кто разумеет какую задачу из математики, то еще не следует из того, чтоб он тот же час мог истолковать ее другому, а когда он ее умеет, то уж может тот же час и истолковать другому.

248. Согласно с разумом, или умом, называется то, что из известных общих истин чрез верные следствия вывести можно, а противное разуму или уму называется то, что не сходствует с известными общими истинами.

249. Чем больше примечает человек обстоятельств в какой истине и чем больше их рассуждениями и заключениями своими разбирает, тем ведомее она ему становится; и такое действие человеческого ума называется умствование (*ratio*), посредством коего приходит в приращение и силу всякая наука, которая есть не что иное, как способность человеческого ума доказывать и выводить свои предложения из верных и неоспоримых оснований.

ФИЛОСОФИЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

1. Философия нравоучительная есть наука искания благополучия.

2. Философию нравоучительную определяют некоторые писатели наукою благополучия; но сие определение кажется мне неверно для того, что иной философ со всею своею глубочайшею философиєю и строгим наблюдением ее правил, наставляющих к добродетели, пребывает неблагополучен, как то из кончины первого нравоучителя Сократа видеть можно. Надобно знать, что благополучным быть не всегда зависит от добродетели; а разве кто стоическим манером вздумает и в крайнем своем неблагополучии воображать себе, что он благополучен, так это будет по прямому разуму грезить, а не философствовать, потому что философы сами говорят, что благополучие есть постоянное веселие, а не воображение постоянного веселия; правда,

что добродетель может всегда облегчать тяжесть неблагополучия, но не всегда отвращать его может, и посему кажется мне лучше определять философию наукою искания благополучия (хотя оно иногда и не сыскивается), а не наукою благополучия; и такое их определение тогда будет справедливо, когда по крайней мере две трети вселенной будут добродетельны; но такое счастье, почти невозможное иметь когда-либо человеческому роду, весьма ненадежно, потому что весь свет согласно старается прежде и больше усилить себя в разуме, нежели в добродетели.

3. Из опытов известно, что воля наша желает того, что мы почитаем за доброе, и отвращаемся от того, что мы почитаем за худое; но мы часто ошибкою почитаем худое за доброе, а доброе за худое, или иное хотя и добро, но оно добро для нас по натуральному, а не по общему с людьми житию; и для того надобно здесь показать правила, по которым бы мы могли склонять нашу волю так, чтоб она желала прямого добра и отвращалась бы от прямого худа, которое б добро или худо признано было таковым по всем возможным правам.

4. И таким образом, права те и основываемые на них законы, которым воля наша следовать должна в желании прямого добра и в отвращении от прямого худа, содержит в себе философия нравоучительная.

5. Нравоучительную философию разделяю я на юриспруденцию и политику.

6. Я думаю, что иным читателям такое мое разделение нравоучительной философии покажется странным, и они чаятельно скажут: предложенная мною юриспруденция есть не юриспруденция и что юриспруденция имеет особые свои, отличные от моих правила; но я надеюсь уверить их, что в сем деле не преступил моего долгу и предлагаю им самую истину.

7. Юриспруденция есть знание всех возможных прав или правостей, и философы называют знание употребительных на свете законов юриспруденциею несправедливо, а лучше такое знание называть легиспруденциею, то есть знанием законов, а не юриспруденциею, то есть знанием прав. Законы разнятся от прав, потому что законы хотя по большей части основаны на справедливости, но иные из них случаются основанные на несправедливости; например, закон, который дозволяет пленника продать, купить, сделать рабом и содержать

его произвольным образом, есть закон, хотя и не основан ни на каком праве, ни справедливости; напротив того, право, какое бы оно ни было, только б право, а не криво, не может по существу своему иметь в себе никакой несправедливости.

Юриспруденция

8. Юриспруденция есть знание всех возможных прав или правостей.

Глава первая. О правах

9. Основание всякого доброго или беспристрастного, то есть ни худого, ни доброго в рассуждении всех чувствующих тварей дела называю я правом или правостию, или справедливостью; например, право есть человеку любить своего ближнего, для того чтоб быть и от него любиму, также право есть человеку питаться, потому что сие дело хотя не приносит ни пользы, ни вреда другим людям, однако ж оно нужно для соблюдения жизни человеку.

10. Сие право называю я Божественным, потому что оно произведено от самого Бога, вечным, что с ним пребывает и пребывать должно, необходимым, — что без него все чувствующие твари страдать должны, непременно, что не зависит от твари, а от Творца.

11. В рассуждении зависимости или намерения право, или общее право, разделяется на многие особенные, как то: на право натуральное, право всемирное, или право народов, право гражданское и прочая.

12. Правость, уноровленную в рассуждении человеческой природы и по мере слабости ее называю я натуральным правом (*ius naturae*); например, чтоб человеку разделять время своей жизни смотря по своей натуре, то есть по своим силам, на пищу, безвинную забаву и отдохновение есть натуральное право.

13. Правость, наблюдаемую от всех вселенной народов в обхождении между собою для взаимного их благополучия, называю я всемирным правом, или правом народов (*ius gentium*); например, поступать так с другими народами, как бы желательно было, чтоб и они с нами поступали, есть всемирное право.

14. Правость, уставленную в гражданах для спокойного их сожития и постоянного благополучия, или равновесие их, называю я граж-

данским правом (*ius civile*); например, всякому гражданину стараться по мере своих сил о пользе своего общества и обществу награждать своих граждан по мере их достоинства есть гражданское право.

15. Ненасытные самолюбцы, не зная, или не хотя знать, в чем состоит истинное право, выдумали еще некое военное право, которое никогда не было, ни есть и не будет правом; а ежели его, в укоризну и поношение истинного права, пребывающего под опекою самого всемогущего Божества, назвать правом, то определение ему полагаю я нижеследующее: бесчеловечное желание, сопряженное с могуществом и силою, чтоб причинять своему ближнему всевозможный вред, даже и самую смерть без страха казни, называю я военное право.

16. Некоторые писатели объявляют, что войну вести право имеют обладатели^{*139}, а мне думается, что никто на свете не имеет права к войне, кроме таких людей, которые так обижены, что обида их стоит по справедливости войны, и когда притом они к доставлению себе удовольствия не имеют другого средства, кроме войны.

17. Из вышеписанного следует, что сколько мы иметь можем добрых и праведных намерений, то столько и прав быть может.

Часть первая. О законах и основываемых на них добродетелях

18. От разных прав, как от корней ветви, происходить должны разные законы, как то: от божественного права — божественные, от натурального — натуральные, от всемирного — всемирные, а от гражданского — гражданские законы и прочая.

19. Как всех прав существо состоит в праведном и полезном для человеческого рода намерении, то потому они все без изъятия справедливы, следовательно, и законы, основанные на тех правах, суть справедливы; а ежели какие законы не на них основаны, то они не могут быть справедливы.

20. Теперь следует мне определить закон, но для лучшего познания его надобно прежде знать, что есть обязательство.

21. Обязательство называю я склонение по воле или понуждение по неволе к какому-либо доброду делу посредством воздаяния; и дело, по такому склонению или побуждению производимое, называется должностью.

---

* Guygens «Kriegsrecht».

22. Как человеческая воля склоняется к чему или отвращается от чего по причинам, то следует из сего, что при обязательстве к какому-либо делу надобно показывать причины, и потому:

а) Чем больше причин и чем они сильнее к учинению или к оставлению какого дела, тем больше растет обязательство.

б) Чем больше кто умен, тем большее для него обязательство, потому что больший умом человек больше усмотрит побудительных причин к учинению или к оставлению какого дела, нежели меньший умом.

в) На того не спадает обязательство, кто не имеет разума, и потому младенцев и лишенных разума людей обязывать не можно.

г) На невозможные дела, или которые не состоят в нашей силе, нет обязательства.

д) Не должно и непристойно обязывать к натуральным и к худым делам, а только к свободным и добрым.

е) Кто обязывается к чему, тот обязывается надеждою или страхом.

23. Закон называю я правило или повеление, по которому человек дела свои располагать обязывается страхом наказания или надеждою награждения. А то правило, которому следовать может человек с полною свободою, также без страха наказания и без надежды награждения, называю я советом.

24. Закон не может быть без обязательства, а обязываемся мы искать добра и бегать от зла, и потому следует описывать в законе пользу или вред от какого-либо дела; а из сего следует, что закон обязывает только того, кому он известен.

25. А как иные люди сыскаться могут, что не захотят знать закона, или хотя и будут знать, да станут извиняться притворным незнанием, то для того все граждане без изъятия обязываются к знанию законов; и в таком случае, чем меньше законов, тем легче их знать и исполнять; что же во многих обществах видимо многозаконие (плод человеческих неправостей) и как там незнание какого-либо закона может быть иногда справедливо, то потому и извинительно.

26. Законы разделяются на божественные, натуральные, всемирные, гражданские.

27. Божественный, как Создатель закон, промышляет благополучие вообще для всех его тварей и не подвержен никакой перемене; он содержит в себе известные истинным богочтителям десять заповедей, которые своим содержанием так обширны, что нет той добро-

детели, которая б не сходствовала с ними, и нет того порока, коего б они не запрещали.

28. Закон натуральный есть натуральное побуждение в человеке к тому, что он делать хочет или не хочет; например, законы натуральные суть следующие: есть, пить, гулять, забавляться, искать приятного, отвращаться от противного, беречь свой живот, защищаться силою от наносимого вреда, а ежели нет силы, то убежать, и прочая.

29. Философы называли все правила, ведущие нас к добродетели, даже и такие, которые выше сил человеческих, то есть выше человеческой природы, натуральными законами; и как я догадываюсь, то не в рассуждении приличества и сходства их с существом человеческой природы, как то и надлежало б, а в рассуждении количества твердости человеческой природы в терпении, то есть сколько она, хотя с крайнею нуждою, даже и с лишением самого живота, выдерживать может; но понеже божественные и гражданские законы даны человеку по сходству и приличеству с человечеством и с житием его в гражданстве, а не превосходящие сил его в обоих сих состояниях, то потому я и натуральными законами называю те законы, которые сходствуют с человеческою природою, а не превосходят ее.

30. Закон всемирный называю я тот, который служит к беспрепятственному всех вселенных народов обхождению между собою, как, например, посылать послов, содержать ненарушимо трактаты и прочая.

31. Закон гражданский называю я тот, который промышляет благополучие одним только своим гражданам, не заботясь о других, и подвержен в рассуждении времени или места перемене; например, законы гражданские суть приобретать имение без обиды ближнего, пользоваться своим, не трогать чужого, любить своего согражданина и прочая.

32. А как из человеческих дел некоторые основание свое имеют на всех сих законах, а другие основываются только на некоторых из сих законов, то я стану предлагать о делах человеческих вообще и упоминать буду при каждом, на каком оно законе или праве основано.

33. Что называю я здесь все те дела, которые человек предпринимать может, вообще человеческими, то не для того, чтоб в них и другие животные не имели участия, а для того, что человек пре-

имуществует пред другими животными; впрочем, дело называется человеческим то, которое сродно одному человеку, как, например, умствовать и заключать; а дело, которое приличествует как человеку, так и другим животным, называется дело животных, как, например, есть, пить, спать и прочая.

34. От сего правила разуметь можно, какие дела называть должно, например, королевскими или генеральскими, и какие дела — делами того короля или того генерала, то есть дела, сходственные с существом королевского или генеральского чина, называются королевские или генеральские, а не сходствующие называются дела того короля или того генерала.

35. Из опытов известно, что дела наши иные не зависят от нашей воли, а другие зависят; первые из них называются дела необходимые, или натуральные, а другие свободные, или нравственные; например, что душа думает и производит понятия, то это действие души есть необходимое, или натуральное, потому что оно не состоит в человеческой воле, чтоб ему думать или не думать; а ежели кто обижает своего ближнего, то это будет свободное дело, потому что он мог бы его и не обидеть, ежели б хотел.

36. Между делами необходимыми полагаются еще смешанные, которые суть таковы, что человек предпринимает их, крайнюю нуждою побужденный, без чего б он того никогда не сделал; например, когда больной антоновым огнем даст отрезать больной член, то это будет смешанное дело.

37. Всякое свободное дело есть таково, что от него происходят в человеке или в его состоянии некоторые перемены и следствия, и бывает доброе или худое.

38. Дело доброе называется то, которое клонится к чьему благополучию без обиды других, а худое есть то, которое способствует к чьему неблагополучию, или хотя и к благополучию, да с обидою других.

39. Кроме худых и добрых дел есть еще и беспристрастные (*actiones indifferentes*), которые не клонятся ни к благополучию, ни к злополучию как по намерению производящего их человека, так и по следствиям, происходящим от тех дел, хотя некоторые и не признают сей истины, выводя из них смешные следствия^{*140}; например,

---

* «Erste Gründe der gesamten Weltweisheit, praktischer Teil», § 20, von Gotsched.

ежели махнуть палкою по воздуху, то как такое дело никому и ничему ни вредно, ни полезно как по намерению, так и по следствиям его, то потому оно и есть беспристрастное.

40. Причину, для чего какое дело есть доброе или худое, надобно искать в его натуре и следствиях.

41. Распоряжение или учреждение дел по какому-либо предприятному порядку называю я поступкою.

42. Способность или склонность в человеке к наблюдению правости называю я добродетелью, а склонность к преступлению правости — пороком.

43. Одна есть добродетель и один порок; только по различию случаев употребления их получают они имена разных добродетелей и пороков, и такая добродетель и порок в своей натуре неприменны.

44. Склонность в человеке к таким делам, которые не причиняют ни пользы, ни вреда его ближнему, называю я качеством его; и ежели оно приятно кажется, то называю я его хорошим, а когда противно, то дурным. Таких качеств в человеке одобрение и оуждение подвержены переменам в рассуждении особы, времени и места.

45. Из сего следует, что такого человека, который всегда исполнял добродетель, а однажды попал в порок, порочным, и такого, который всегда находился в пороках, а однажды учинил добродетель, добродетельным называть не должно, потому что от [такой] одной добродетели или порока не можно еще заключить способности в человеке к добродетели или пороку.

46. Добродетельным и порочным делается человек не вдруг, а чрез частое упражнение в добродетели или пороке.

47. Средства к приобретению добродетели суть точное познание прямого добра и прямого худа, также подражание примерам других добродетельных людей.

48. Кто убегает худых дел в надежде награждения или для страха наказания, тот не добродетелен, потому что добродетель есть склонность и способность, а не понуждение к наблюдению правости.

49. То добро, которое воздает законодавец за хорошие дела, называется награждение, а зло, которое воздает он за худые дела, называется наказание.

50. Когда за какими делами следуют натуральным образом награждения или наказания, то они называются натуральные, а уставленные от законодателей называются положительные.

51. К добродетельным и порочным делам побуждают нас не больше законы, как и обычаи, под которыми разумею я долговременное употребление чего по собственной воле или по подражанию другим.

52. Как человек не вдруг делается добродетельным или порочным, а чрез долговременное упражнение или обычай, а обычай или привычку редко кто переменить может, как то из опытов известно, то для того всякому обществу для отвращения своих граждан от пороков полезно стараться (буде можно) прежде не допускать их к порокам, для того что тогда, как они навькнут к ним, и наказания уж мало пользуют и нескоро отвращают их от пороков.

53. Когда человек, предпринимая какое дело, рассуждает об его доброте или худобе, то такое рассуждение называется совесть.

54. Сожаление об учинении или неучинении какого дела называется угрызение совести, а когда мы не имеем никакого сожаления об учинении или неучинении какого дела, то это называется спокойство совести.

55. Философы разделяют еще и совесть на предыдущую и последующую, на правдоподобную и ложную и прочая; такое их изобретение стоит великого панегирика.

56. Вменять кому какое дело есть не что иное, как почитать его свободною причиною и начальником того дела по разуму и воле, так чтоб следующее за то награждение или наказание ему ж принадлежало.

57. Из вышеписанного следует, что нельзя вменять человеку натуральных невозможных, не в его власти и силе состоящих, также и в лишении ума и в непреборимом неведении и погрешении учиненных дел; а противные сим дела можно вменять человеку, хотя бы он сам их сделал или посредством другого, склонив его к тому советом, повелением, обещанием награждения или страхом наказания; а из сего уже без трудности разуметь можно, какое вменение называется основательное и какое неосновательное.

58. Ежели кто учинит какое злое дело или пропустит доброе по нерадению или неведению, которого убежать ему можно было, то в таком случае приписывается тому человеку погрешность, а когда он

учинит злое дело или пропустит доброе нарочно и по намерению, то тогда приписывается ему коварство.

59. Всякое такое дело, которого требует праведный закон, называется должностью.

60. Из должностей человеческих главнейшая есть приношение благодарности Богу за бесчисленные его к нему благодеяния, а прочие, которые человек в рассуждении самого себя и в рассуждении других имеет, суть три: 1 — в рассуждении души; 2 — в рассуждении тела; 3 — в рассуждении наружного состояния.

61. О всех сих должностях надобно стараться человеку, и ни одной пренебрегать не должно; но ежели будет такой случай, что всех должностей исполнить не можно, то тогда должно предпочитать должность к души должности к телу, а должность к телу — должности к наружному состоянию.

Часть вторая. О должности человека в рассуждении самого себя

62. Что касается до должности человека к души, то надобно ему возможным образом приводить познание свое в совершенство.

63. Человеку всего на свете познать не можно, и для того лучше ему знать меньше явственно, нежели больше неявственно, лучше знать необходимое, нежели полезное, и полезное лучше, нежели забавное.

64. Остроумие (*acumen*) есть способность души нашей, чтоб уметь различать в вещах многие приметы.

65. Глубокоумие (*profunditas intellectus*) есть такая способность души нашей, по которой можно узнавать приметы примет в вещах.

66. Разумение (*intelligentia*) есть искусство понимать правила какой науки.

67. Знание или наука (*scientia*) есть искусство предложения свои доказывать.

68. А как всякое искусство приобретается упражнением, то, следовательно, и наука приобретается чрез чтение догматических книг.

69. Основательность (*soliditas*) есть искусство уметь так связывать свои умствования, чтоб из одного предложения выходило другое.

70. Чрез прозорливость (*prudentia*) разумею я искусство, чтоб уметь известные на свете к достижению доброго намерения, добрые и пристойные средства скоро производить в действо.

71. Из сего следует, что прозорливый человек должен наблюдать все обстоятельства предпринимаемого дела, как то: время, место, персону и прочая, приноравливаться к склонностям других людей и не пропускать случая к исполнению своего намерения.

72. Для приобретения прозорливости надобно иметь всегдашнее упражнение и обращение в делах, чтоб узнавать их скоро причины, связь и происхождение.

73. История показывает нам дела и происхождения их благополучные и неблагополучные, также причины, средства и препятства их, и для того она много способствует к приобретению прозорливости.

74. Хитрость называю я искусство, чтоб уметь выдуманные уже другими к достижению худого намерения или хотя и доброго намерения, да худые средства скоро производить в действо.

75. Художество называю я искусство силами тела сделать то, чего по одной натуре не можно, как, например, уметь рисовать, танцевать и проч.

76. Мудрость есть искусство уметь выдумывать к достижению доброго намерения и производить в действо пристойные и притом добродетельные средства.

77. А как в ином намерении случаются препятства, то мудрый человек должен уметь отвращать такие препятства.

78. Иные препятства случаются таковы, что нимало не зависят от предпринимаемого намерения, и потому их предвидеть нельзя; то следует из сего, что погрешают те, которые требуют от мудрого человека, чтоб он предвидел всевозможные препятства; а надлежит требовать от него предвидения таких препятствий в делах, которые с ними связь имеют.

79. Мудрый должен знать жить и действительно жить по всем правам и непорочным законам.

80. Что касается до должности человека к телу, то надлежит ему беречь здравие и живот свой всевозможным образом.

81. Для соблюдения здравия должно беречься от излишества и недостатка в кушании, питии, сне и труде, когда будет можно, потому что воздержание от излишества всякому человеку возможно, а осторожность от недостатка не всякому возможна.

82. Качество в человеке, чтоб употреблять столько пищи и пития, сколько потребно для сохранения здравия, называется воздержание, а неумеренность в пище и питии — невоздержание.

83. Из сего следует, что надобно ни больше, ни меньше, а столько употреблять кушанья и питья, чтоб только возобновить, а не отягочить свои силы.

84. Не употреблять роскошного кушанья и питья, которые умножают к себе желание, потому что они нечувствительным образом ослабляют человеческие силы.

85. Воздержания плод есть веселый и спокойный дух, также и самое кушанье и питье воздержным людям приятнее, нежели невоздержным, не упоминая об убытке, в имении происходящем от невоздержания.

86. Часть невоздержания — лакомство состоит в неумеренной охоте к сластной пище.

87. Часть невоздержания — пьянство состоит в неумеренном употреблении питья, которое мучит голову и человека делает неспособным к должности.

88. Пьянство человека наконец ума лишает, и редко какого худого дела не предприимет он в пьянстве.

89. Противная пьянству трезвость есть умеренность в питии и столько полезна, сколь вредно пьянство человеку.

90. Целомудрие (*castitas*) есть качество в человеке, умеряющее любовное желание.

91. Сие качество сберегает человеку здравие и красоту тела.

92. Похоть (*libido*) есть качество, состоящее в неумеренности любовных желаний.

93. Похоть умаляет в человеке живость духа, отнимает здоровье и красоту тела, причиняет убытки в имении.

94. Для умерения похоти можно воздержатъ себя от побудительного к тому кушанья и питья, удаляться от слушания бесстыдных речей, не читать любовных книг и пребывать в трудах.

95. Когда какой человек трудится по должности своей столько, сколько здравие его без повреждения снести может, то такое качество называется прилежность, а противное ей качество — лень есть удаление от должных трудов; только ж праздности маловременной для отдохновения после трудов не надлежит смешивать с ленью.

96. Наружное состояние человека составляют имение, честь и счастье.

97. Что касается до имения, то должно его содержать так, чтоб одна часть его употреблялась на настоящие нужды, другая бы храни-

лась на предбудущие, а третья (ежели будет) служила бы для выгоды, забавы и украшения.

98. Где предписания нет человеческому содержанию, там навывают к роскоши люди так, что едва самые крепкие духом могут что соблюсть на предбудущее время; итак, исполнение сего правила зависит больше от начальников, нежели от подчиненных.

99. У кого есть больше имения, нежели сколько надобно на настоящие и будущие нужды, также на выгоду, забаву и украшение, тот называется богат; у кого есть столько имения, сколько надобно для настоящих и будущих нужд, также для выгоды, забавы и украшения, тот называется достаточный человек; у кого есть столько имения, сколько потребно на пищу и одяние, тот называется недостаточный человек; а у кого нет и столько имения, сколько надобно на пищу и одяние, тот называется убогий человек.

100. И посему нельзя еще называть того богатым, кто не убог, ни убогим, кто не богат.

101. В нашем российском народе вошло в обычай называть убогого человека бедным, а простой народ подлым; а мне думается, что бедным называть должно того, кто не может трудом своим сискать пропитания, а разве милостынею, а подлым того, кто упражняется в порочных делах.

102. Умеренное желание такого имения, которого б довольно было для житейских нужд и украшения, по моему мнению, назвать можно любостыжанием; и когда оно уже будет неумеренное, то бы я думал называть его жадностию к богатству или прелюбостыжанием (*avaritia*); а кто о приобретении имения не заботится, то такое качество назвать можно беспечностию.

103. Ежели кто расточает свое имение неумеренно, то сие качество называется мотовство, ежели кто столько издерживает имения, сколько законы разума, справедливости и благопристойности требуют, то такое качество называется бережливость; а ежели кто не издерживает столько имения, сколько по законам разума, справедливости и благопристойности потребно, то такое качество называется скупость, и когда она доходит до вышней степени в каком человеке, то называется он скряга.

104. Скупость и жадность человеческую не должно заключать в тесных пределах одного обыкновенного имения, она пребывает еще в чести, славе, хвале и любви; я удивляюсь тому, что философы истолковывают такие мелочи, которые всем понятны, а сего не вся-

кому известного не изъясняют; я не знаю, как думают о том другие люди, а что касается до меня, то мне скряга в сих человеческих удовольствиях кажется ненавистнее скряги в обыкновенном имении, потому что последний хотя по смерти, однако ж бывает полезен обществу, а первый, напротив того, всегда вреден для общества, он при жизни своей беспокоит и мучит своих ближних, а и по смерти своей оставляет по себе в наследие другим рассеянные им и возвращенные плевелы взаимной ненависти между жителями своего общества.

105. Трудолюбивые, или прилежные, люди называются те, которые трудятся по мере своих сил, не употребляют отдохновения, приближающегося к лености, предпринимают труды, пристойные своему состоянию, и они суть не прелюбостязательны, то есть не жадны к богатству.

106. Беспечные или нерадетельные люди поступают весьма глупо: они живут на свете, а о том, чем жить, не думают.

107. Бережливый или любостязательный человек ни расточает, ни влюбляется в свое имение, и хотя он его потеряет, то не предастся неутешной печали, напротив того, жадный к богатству или прелюбостязательный человек всегда претерпевает беспокойство и заботу об имении и ненависть от других.

108. Щедрость (*liberalitas*) есть качество, состоящее в раздаянии подарков и милостыни; и когда она делается несколько велика, то называется великолепие.

109. К щедрости и великолепию никто не обязан.

110. Такие вещи, которыми все люди без разбору пользоваться могут, называются общие или общественные, то есть принадлежащие обществу всего народа; например, вода, огонь, воздух и прочая; а те вещи, которыми какой человек пользуется один с исключением других, называются собственные его вещи или собственное имение; например, когда кто своим коштом состроит дом, то он будет его собственный.

111. Правило общее о собственном имении, что не должно беспокоить никого в его имении никаким образом.

112. Тремя образами можно кого беспокоить в его имении, а именно: чрез кражу, грабеж и обман.

113. Кража есть взятие чьей вещи без воли и знания хозяина ее и без намерения взявшего ее, чтоб отдать обратно.

114. Грабеж есть взятъе чьей вещи, хотя с знанием, однако против воли хозяина ее.

115. Обман есть взятъе чьей вещи либо с согласиём хозяина чрез приведение его на то ложными причинами или против воли хозяина чрез приведение судей на то ложными причинами.

116. Другие писатели не упоминают ничего о том, что равны ль сии пороки или неравны; а я, видя положенную законами разность в наказании их, приступлю к рассуждению об них; что касается до потеряния вещи, то все один убыток хозяину ее, каким бы образом он ни потерял ее, а дело идет о том, не теряет ли он при потерянии ее еще чего; и о том я здесь рассуждать стану: когда у хозяина пропадет какая вещь кражею, то при потерянии ее не теряет ничего ни на теле, ни на чести; когда потеряет грабежом вещь, то при потерянии ее теряет он нечто от равенства и вольности человеческой; когда потеряет вещь обманом, то при потерянии ее теряет имя умного человека.

117. Теперь остается рассудить, что тяжеле человеку терять при потерянии вещи: равенство ли и вольность человеческую или имя умного человека; ежели кража и грабеж делаются в таком обществе или у такого человека, где равенство и вольность человеческая почитаются выше имения, то там за грабеж следует наказывать больше, нежели за кражу; а ежели кража и грабеж делается в таком обществе или у такого человека, где имение почитается выше, нежели равенство и вольность человеческая, то там за кражу следует наказывать больше, нежели за грабеж; а за обман, в каком бы обществе ни сделался, то как чрез него человек лишается имени умного человека, кажется, следует наказывать больше, нежели за грабеж и кражу; для того, что теперь от часу становится великая мода в уме и почти все люди на свете так стали страстны к приобретению имени умных, что уж они даже и такой добродетели, которая выше человечества и разве одному Божеству пристойная, не только не почтут выше ума, но нижи поставят наряду с ним, и всякое беззаконие готовы делать, поощряемы будучи теми почти всемирными пословицами: хоть грех велик, да инвенция хороша, или: простота хуже воровства; и сия страсть к уму заразила людей так сильно, что и начальники за преступление одно и в одном деле, времени и месте наказывают из виноватых умного легче, а простого тяжеле, как бы нарочно стремясь чрез такую несправедную поступку заглушить и задушить глас

права божественного и глас права гражданского, из коих первое гласит: ему же дано будет много, много и взыщется от него; а другое: кто имеет больше ума, тот большее имеет обязательство к хранению добродетели. Не явственны ли оба сии права повелевают наказывать в одном преступлении умного больше, а простака меньше; да ежели рассудить о сем и просто, то умный по уму своему имеет больше способу прожить на свете одним добродетельным и благородным образом, а простак хотя б и рад, да иногда разум его сей трудности поднять не может, и для того он часто поневоле попадает в преступление; а ежели б люди не столько страстны были к уму, а больше б к добродетели (как то и следовало б), то бы в таком случае надлежало б за обман меньше наказывать, нежели за грабеж или кражу, да едва и следовало ль бы наказывать, потому что такой человек в добродетельном обществе сам бы своею поступкою наказал себя много. За сим следует рассудить о наказании за обман, хотя с знанием хозяина вещи, но против его воли, чрез приведение на то судей ложными причинами. За сей обман должно наказывать столько, сколько за прежде писанный обман и грабеж вместе, потому что он содержит оба сии преступления вместе, то есть обман против судей, а грабеж против хозяина.

118. То удивительно, что почти во всем свете, даже и в таких обществах, где честь равенства и вольности человеческой предпочитается имению, за кражу наказывают больше, нежели за грабеж; и я не нахожу другой тому причины как только, что порок сей и для самых законодателей был предосудительнее пороков грабежа и обмана, из которых они от первого своею силою, а от другого множеством окружающих их советников защищаемы были; а что за кражу положена везде смертная казнь, то я не знаю, на каком сей закон основан праве, и думаю, что везде бы следовало быть легчею наказанию, а такому быть по справедливости в том обществе, где окраденному человеку не остается средств жить на свете, или в таком случае, где доказать можно, что вор намерение имел либо посредственно, или непосредственно лишить живота хозяина.

119. А что касается до таких людей, которые крадут, побуждаемы будучи крайностию нужды и другими нестройностями, то в таком случае мало видно их виновности, а наипаче, когда крадущий не имеет в себе двух соединенных дарований: хорошего разума и крепости духа, а хотя и имеет, да только одно которое-нибудь из сих дарова-

ний, то все ему устоять трудно против обыкновенных на свете искушений и соблазнов.

120. По натуре можем мы приобретать имение двумя образами: или мы берем во владение ничьи или брошенные, или потерянные вещи, которые мы находим; только в сем последнем случае надобно прежде справиться довольно о прежнем той вещи хозяине, чтоб буде найдется, то б отдать ему, а ежели не найдется, то б тем спокойнее владеть ею. Имение нам размножать дозволительно, только б не с убытком ближнего, а ежели б кто несправедливым образом лишить его нас похотел, то всеми силами не допускать того должно.

121. Честь называется рассуждение о чьих совершенствах; например, ежели начать рассуждать о разуме и добродетелях Катона Великого¹⁴¹, то это значит почитать его.

122. И таким образом честь утверждается на совершенствах, как на основании.

123. Совершенства в человеке, о которых мы рассуждаем, могут быть прямые или мнимые; также и люди, которые рассуждают о прямых совершенствах, понимают их либо явственно, или неявственно, почему и честь будет в первом случае прямая, а в другом мнимая; а мнимая честь, как не имеющая своего основания, не может быть честь, а обман, который по непрямому уважению прямых в ком совершенств будет обман для почитающего, а по уважению мнимых в ком совершенств будет обман как для почитающего, так и для почитаемого.

124. Прямая честь ни от кого нам показана быть, не может, кроме тех людей, которые точно знать могут о наших совершенствах; и потому честь, приносимую от умных, только ж притом и справедливых людей, должно ставить больше, нежели приносимую от простых людей; и как чести насильно получить нельзя, то потому и говорится, что честь зависит от почитающего, а не от почитаемого, хотя иногда и несправедливо, потому что часто достойных людей не хотят почитать подлые завистники их достоинства, не могущие сносить их преимущества; но в таком случае достойный человек весьма умно сделает, когда презрит такую зависть и, не огорчаясь явно на нее, вместо того станет доказывать в пристойных случаях другим свои совершенства и приводить к уважению их тихим образом.

125. Не всякие совершенства приносят нам честь, а только те, которые суть собственно наши природные или приобретенные на-

шими силами; таким образом, знатность предков наших не должна служить нам в честь.

126. Из вышеписанного следует, что честный человек называется тот, который есть и кажет себя пред светом таким, коему по его совершенствам следует прямая честь; и вообще под именем честного человека почитается человек добродетельный, но не столько, чтоб мог променять свою честь на добродетель.

127. Честь есть уважение чьих совершенств, а совершенство всякой вещи состоит в достижении ее свойств до высшей степени, а свойства в нас могут быть хороши и худы; и таким образом, совершенство может быть как в доброте, так и в худобе, и посему честный или о приобретении чести пекущийся человек может иногда для получения чести приводить в совершенство иное худое в себе качество, чего добрый или добродетельный человек не сделает. Из сего видеть можно разность между добродетельным и честным человеком.

128. Противное чести презрение есть рассуждение о несовершенствах.

129. Ни для каких несовершенств не должно презирать человека, кроме тех, которым он сам был начальник; например, не надлежит презирать за безобразие лица, за недостаток какого чувства и прочая.

130. Презрение, означенное словом или делом, называется бесчестье.

131. Из всего вышеписанного следует, что всякий человек о приобретении чести и об отвращении презрения и бесчестья всеми силами стараться должен в рассуждении того, что честь основывается на совершенствах, а презрение и бесчестье — на несовершенствах.

132. Из всегдашних опытов известно, что никакие совершенства в человеке не могут быть так полезны для общества, как совершенство его в добродетели, как, например, совершенство ума, силы, красоты не может быть столько полезно для общества, как совершенство в добродетели, то следует из сего, что добродетельного человека должно почитать больше, нежели умного, сильного и красавца по божественному, натуральному и гражданскому правам, которые все дозволяют нам предпочитать лучшее добру, и что погрешают те, которые предпочитают умного человека добродетельному за весьма малое только его превосходство в уме, а не рассуждают того, что и к тому, чтоб быть совершенно добродетельным, надобно ума.

133. Разность между добродетельным и честным человеком есть еще и та, что добродетельный человек не променяет совершенства в добродетели ни на что; напротив того, честный человек на честь, чтоб слыть умным человеком, не пощадит променять совершенства в добродетели, несмотря на то, что самая сия поступка доказывает его несовершенство в уме, да только, что доказывает то одним прозорливым глазам.

134. Как мы стараемся об имении, принадлежащем к содержанию нашей жизни, так равномерно должно стараться о хвале, чести и славе, то есть о содержании честной жизни.

135. Когда кто предпринимает добрые дела, чтоб иметь честь, хвалу и славу, то такое качество называется любочестие или честолюбие (*modestia*), а ежели кто хочет иметь больше чести, хвалы и славы, нежели как его дела заслуживают, то этот порок называется жадность к чести или прелюбочестие (*ambitio*), а когда кто имеет такой слабый и низкий дух, что для него все равно, честь и бесчестие, хвала и хула, слава и стыд, то такой недостаток называется подлость.

136. Любочестные люди стараются украшать себя добродетельми и, где надобно, оказывают их пред другими и от них уважения своей добродетели ожидают, а не требуют, а когда им в том и отказ бывает, то сносят без дальнего огорчения.

137. Любочестный человек не ставит себя ни больше, ни меньше, а так, как он есть в самой вещи, и потому называется он смиренный; а кто ставит себя больше, нежели он есть в самой вещи, и то явно, тот называется гордый; а когда несколько скрытно, то — прелюбочестный.

138. Прелюбочестный, то есть амбиционный, человек хотя бы не имел никакой добродетели, однако хочет, чтоб другие люди о нем хорошо рассуждали, ищет насильно вырывать себе честь и принуждать других к почтению себя, хватается за тень славы и не так за добродетель, как за знаки добродетели, например, за титулы и высшее место, и выхваляет сам свои добродетели, и часто ложно.

139. Ежели случится исправлять амбиционного человека, то надобно ему показать, в чем состоит прямая добродетель, как тщетная, или, лучше сказать, никакая слава, которая состоит в богатстве, знатности фамилии и в пустых и пышных титулах. Подлого человека исправить трудно. Гордого исправлять должно (ежели можно) чрез искусное представление, что он не имеет столько достоинства, как о

себе думает, что как ненавистна его гордость и презрение к другим людям, из коих многие его достойнее.

140. Похвала есть не что иное, как рассказывание совершенств.

141. Можно желать себе похвалы по натуральному и гражданскому правам, только ж остерегаться от того, чтоб не искать похвалы с понижением других, также не завистловать тому и не ставить за ущерб своей хвалы, когда других хвалят без намерения отнять чрез то у нас похвалу.

142. Кто кого хвалить хочет, тот должен знать об его совершенствах.

143. Хула есть рассказывание несовершенств.

144. Надобно сносить хулу или (буде можно) поправить пороки, а чего поправить совершенно нельзя, то в таком случае можно по натуральному праву отплачивать хулу праведною, только меньшею хулою, в рассуждении неумеренности и слепоты человеческого самолюбия.

145. Приписание кому таких совершенств, которых он не имеет, называется ласкательство, а приписание кому таких несовершенств, которых он не имеет, называется клевета.

146. Ласкательство и клевету отвращать должно признанием и оправданием. Философы велят отвращать клевету больше делами, нежели словами, не знаю почему; а я, на опытах основываясь, думаю, что не худо уметь отвращать клевету столько ж словами, сколько и делами, только б те слова и дела сходились между собою, потому что на дела меньше случаев, нежели на слова. Самый добродетельнейший человек много может пострадать от клеветы. Приметить дела какого человека трудно и надобно к тому много времени и терпения; а выслушать его речи легко и несколько любопытно; известно ж из опытов, что многие люди в рассуждении других по большей части беспристрастны (как то и должно быть, да только не во всех случаях), и посему что их принудить может к такой тяжкой работе, чтоб они похотели испытывать оправдание оклеветанного человека в одних его делах; а ежели он к оправдательным делам умеет присовокупить оправдательные речи, то надежнее может спасти себя от такого неблагополучия, коему подвержен бывает оклеветанный добродетельный человек, а наипаче от таких и у таких людей, которые могут причинить ему вред; а ежели он оклеветан будет от таких и у таких людей, которые не мо-

гут причинить ему вреда, то в таком случае можно презреть клевету и изблечить ее одними делами.

147. Историки, а с ними и другие люди непрерывно ругают и проклинаят ласкательство; а мне бы думалось так поступать с причиною ласкательства, а не с самим ласкательством, потому что в ином случае правда без ласкательства станет не дешево.

148. Жребий, или счастье (*fortuna*), есть такое человеку приключение, коего он не мог предвидеть.

149. Из сего разуметь можно, что счастье не состоит в нашей власти, и для того добрых от его приключений в честь и хвалу, а худых в бесчестие и хулу ставить не должно. О полезных счастья приключениях можно радоваться человеку, а о худых советовал бы не печалиться; только признаюсь, что совет в таком случае подавать легко, а исполнять тяжело.

150. Многие люди почитают счастье и благополучие за однозначные слова, но они разнятся: 1, тем, что счастье может быть доброе и худое приключение, а под благополучием разумею мы одни добрые приключения; 2, что счастье, хотя доброе, однакож приключается без всякого старания и труда, а благополучие приобретается старанием и трудом.

151. В обыкновение вошло называть как тех людей, которые трудом и по заслуге получают какое добро, так и тех, коим без труда и достоинства их приключается какое добро, счастливыми; но это несправедливо; и которые люди называют получивших трудом и достоинством своим какое добро, то в сем слове одни из них погрешают по простоте, а другие скрывают искусно свою злобу и зависть к таким людям; а по-прямому надлежит называть человека, получившего трудом и достоинством какое добро, сходное с его достоинством, благополучным, а не счастливым, а получившего какое добро без труда и достоинства, — счастливым, а не благополучным; а ежели который человек хотя получит какое добро трудом и достоинством, да то добро будет ниже его достоинства, то такого человека называть должно неблагополучным; а который не трудится для получения добра и оно не приключается ему, то такого можно называть, и то по ласкательству, несчастливым.

152. Как многие люди о счастии больше надобного радуются и в несчастии больше надобного печалются, то для того здесь предложить должно о средствах против сих погрешностей.

153. Искусство, чтоб быть спокойну духом во время несчастья и не роптать на него, называется терпение.

154. Что касается до терпения, то советовать его другим людям хорошо, а заставлять к терпению разве себя, а других очень не полезно. Такая беспечность и нерадение одних людей об обиде других истребляет в них милое и безвинное качество незлобия и глубоко вкореняет в сердца человеческие порок взаимной ненависти. Сумнящиеся о сем могут поверить мои опыты.

155. К успокоению духа во время несчастья много способствуют следующие рассуждения: надобно рассудить, что несчастья нам ни проворством, ни силою отвратить не можно, а надобно возлагать надежду отрады на милосердие Божие и рассуждать, что часто после несчастья следует счастье, а лучше всего, ежели человек во время счастья приучивает свой дух к привычке, нужной во время несчастья.

156. Качество, чтоб умерять боязнь и печаль во время опасности и неблагополучия, называется великодушие или крепость духа, а в военных делах — смелость, храбрость (*fortitudo*), а противное сему качество называется малодушие.

157. Великодушный человек не может иметь в себе ни безрассудной дерзости, ни неосновательного страха, а ежели кто без всякой нужды и за неважное дело предаст живот свой опасности, тот называется дерзновенный человек, а в вышней степени — бешеный или неистовый.

158. Хотя боязливого человека и трудно сделать смелым, однакож много способствует к уменьшению его страха, ежели сказать ему, что опасность не так велика, как он себе ее представляет, и во время войны, что от победы неприятеля получит он много пользы, хвалы, чести и славы и, наконец, что он много предпринимать должен для общего благополучия.

159. Дерзновение в людях укрощать можно представлением, что такая поступка не принесет им ни пользы, ни чести, ни хвалы, ни славы и отнять может у них живот поносным образом.

160. Как в несчастьи не должно ослабевать, так и в счастьяи возноситься; и посему качество, чтоб поступать умеренно в своем счастьяи, называется умеренность духа.

161. К получению умеренности духа способствуют следующие рассуждения: что счастье может перемениться, что неумеренность в счастьяи ненавистна всем людям, что неумеренный в счастьяи, ежели

попадет в несчастье, то не имеет и той последней отрады, чтоб жалели об нем другие люди.

162. Что касается до таких людей, которым бывает или не бывает счастья, то первым можно радоваться, только не возноситься, а другим не нахожу я причины, о чем бы печалиться, для того что печалиться о том, чего кто не ожидает и ожидать не должен, ненатурально.

Часть третья. О должности человека к другим людям

163. Состояние человеческого общества, или сожития, требует от нас того, чтоб мы друг другу делали взаимную помощь и добро.

164. Должности человека к другим людям состоят в том, в чем должности его и к самому ему, то есть в рассуждении души, тела и наружного состояния других людей.

165. Что должен человек самому себе, то должен и другим людям, только хотя в некоторых случаях в равном, но в других в меньшем содержании, коего разнообразных свойств определение зависит от здравого ума, соединенного с строгою справедливостию, или как яснее выразить: правило должности человека к другим людям в таких случаях, в которых он им так, как и себе, служить не может, состоит в следующем: довольно такой любви к ближнему, когда кто нужду его предпочитает своей пользе и пользу его своей забаве; а кто обещает больше сей любви к ближнему, то он глуп или обманщик и не исполнит и сей любви ниже половины; пример к сим правилам: ежели приидет человеку такой случай, где он принужден довольствоваться одним животом, либо своим или своего ближнего, а оба они безвинны, то в таком случае должен он предпочесть живот свой животу ближнего по натуральному и гражданскому правам; а ежели он заслужит казнь, а требуется один кто-либо: он, виноватый, или ближний его, безвинный, на смерть, то тогда должен он предпочесть живот своего ближнего своему животу и идти на смерть по божественному праву.

166. Ежели кто требует от ближнего своего помочи в том, что он сам легко сделать может, то такому не должно делать помочи по гражданскому праву, потому что ежели кто почитает в такой помочи явную добродетель, тот не видит в ней скрытого порока, вредящего целое общество. Такой человек чрез сие баловство делается бесплодным ленивцем и вредным для всего народа тунеядцем.

167. Человек в обществе имеет из подобных себе трех разных образцов людей: беспристрастных, приятелей и неприятелей.

168. Неприятели могут быть человеку по причине незаслуженного ими от него огорчения или без всякой причины и огорчения; также неприятели без всякой причины и огорчения могут быть с умом или по малоумию.

169. Приятелей своих и человеколюбцев надлежит любить и удерживать везно в приязни, исправлять их разум и недостатки, защищать их живот, здравие, имение, честь и славу от вреда и все сие делать для них столько ж почти, как и для себя; беспристрастных людей и озлобившихся на нас по причине неприятелей надобно приводить к себе в приязнь благодеянием и удовольствием, а злоблящихся на нас без причины, по малоумию, неприятелей — истолкованием их ошибки и по мере их приязни делать им добро.

170. Теперь следует упомянуть о неприятелях без всякой причины и огорчения с умом, и что я ни буду говорить о неприятелях, то надобно разуметь под тем именем неприятелей без всякой причины и огорчения с умом.

171. Философы повелевают нам вообще благодетельствовать неприятелям, и это они учат людей летать по воздуху; а я бы думал, что неприятелей без причины и огорчения с умом надобно сперва добрым обхождением с ними приводить в приязнь; а ежели то не поможет и они одолжениями своими не престанут отягощать нас, то в таком случае я, рассуждая, что неприятели наши суть такие люди, которые, не имея от нас никакой обиды, подвергают имение, честь, славу, здравие и даже самый живот наш опасности, сердечно сожалею о бедном добродетельном человечестве, неповинно терзаемом острыми и страшными зубами коварной злости, и думаю, что для подкрепления божественного закона, который не терпит злодеяний, прилично такие долги, хотя не равную, а меньшую в рассуждении слепоты человеческого самолюбия ценою, однако ж уплачивать по гражданскому и натуральному правам, потому что такой злой человек, избаловавшись безбоязненностию воздаяния за свои беззакония и ободрившись к тому строптивостию своего сердца, устремляется, как алчный волк на овец, на кротких и добродетельных людей и ищет во всем их вреда; а право гражданское повелевает нам предпочитать благосостояние многих людей, обществу полезных, благосостоянию одного вредного человека; только ж надобно стараться уплачивать

такой долг неприятелю тогда, как он наложит на нас долг, а без долгу оставаться к нему в беспристрастии; и когда бы какой человек имел вышеестественные дарования в разуме, силе, красоте и в прочем, но притом бы был зол, то я в таком человеке не признаю человечества, и кажется, что всякому обществу право натуральное, чтоб не терпеть вредных для человека вещей, употребить при сем случае кстати, а о блистательных дарованиях вредной твари жалеть нет причины, место свято не будет пусто. Я думаю, что натурально всякому полезнее добродетельный простак злого хитреца, приятнее добродетельный слабый злого силача и любимее добродетельный безобразный злого красавца. Из опытов известно, что нет на свете такого человека, который бы мог так сносить злодеяния неприятельские, как принимает приятельские благодеяния, а ежели кто и покусился б утверждать сему противное, то надобно потребовать от него, чтоб он переменял свойства чувств человеческих.

172. Философы говорят, чтоб не воздавать за обиду неприятелям, и это правило похвальное; только ежели разобрать его в тонкость, то намерение его найдется странным и клонящимся больше к умножению пороков, нежели добродетелей. Математики говорят, да и натура то утверждает, что во всех телах действию равно есть сопротивление; а философы в людях, хотя они также суть тела, не хотят признавать действию равного сопротивления. Обиженный имеет некоторое право к равному воздаянию, а обидчик к обиде какое право? Волчее свое качество. Обидчики первые проклинаяют и называют возмездников своих злобными; они не злобны, да за что им и злобиться, не их, а они обижают добродетельных людей; а ежели б добросердечный человек вздумал обидеть такого человека, то он ему ту же минуту заплатит вдсятеро, и это называется у сих коварных сердец незлобие.

173. Добродетель, чтоб прощать причиненные себе собственно, а не другому кому неправости вечно и без всяких даже и в мысли скрываемых кондиций, называется кротость, или незлобие.

174. Кроткий человек не желает зла никому, прощает обиду, не ищет отмщения за причиненное зло, имеет благородный дух, то есть такой, который хотя и может мстить, однако не хочет, и то вечно и без всяких кондиций. Когда я подумаю, чтоб сыскать на ком пример исполнения сей добродетели, то остаюсь безгласен; правда, что многие есть такие люди, которые воздавать за обиды не хотят, но не вечно или не без кондиций, да и требовать всегда сей добродетели от

простого человечества можно ль, когда оно, и с святостию соединено будучи, не всегда трудность ее снести может*¹⁴². Возможность и сила, чтоб отвратить вред от себя тогда, когда хочется или когда надобно, сродна одному Божеству, а человечеству это не дано, так что иной человек с великим умом и самою мудростию иногда не в состоянии бывает отвратить от себя ни по каким обстоятельствам нечаянного удара злости коварного неприятеля, надеющего в случае своей прощипки прощения; и для того законная любовь человека к самому себе больше, нежели к другим, заставляет его заранее отвращать от себя вдали направленные от злости стрелы пристойными мерами, когда он имеет разум; да ежели подумать о сем и натурально, то правило, чтоб не обижать ближнего, и правило, чтоб прощать умышленную обиду обидчику, несколько противоречат между собою; первое из них ласкает человечество и нежит его чувствительность, а другое наказывает его без вины и преступления, или, как яснее сказать, учит его преступать первое правило о нечинении обиды, и по сему рассуждению видеть можно, сколь легче исполнять первое правило, нежели другое; но чудно, что противное тому делается на свете: одни люди с крюку, а другие, глядя на сих мудреных предводителей и начальников зла, с дубу ругают, поносят и проклинаят мстителей, а об обидчиках не говорят ни слова, как бы они не имели пристойного человечеству дарования, то есть здравого ума, чтоб рассудить, кто был начальник и родитель зла, мститель ли или обидчик, и что коварных людей жадность к обиде произвела на свет правило не воздавать за обиду, чтоб тем спокойнее было им ловить в мутной воде рыбу, и такие люди и без благодати из человеков делаются человеколовами.

175. Натурально, все вещи на свете старанием о возвращении их умножаются и усиливаются, также все вещи старанием об искоренении их со временем исчезают, и сие самое делается и с добродетелью; она от правила, чтоб не обижать ближнего, возрастает и приходит в силу, а от правила, чтоб не воздавать за обиду, умяется и, наконец, совсем погасает.

176. Иной сказать может, что с такими мыслями надобно быть крепко надежну на свою непорочность; но писатель сего, предприняв намерение непрерывно во всю свою жизнь стараться приводить себя в усыновление прямой добродетели и следовать постоянно священ-

---

* Посл. с. а. П. к Тимоф. гл. 4.

ным ее законам, не боится праведного отмщения, а разве обиды от наглых людей.

177. Я не нахожу причины, для чего б надлежало делать различие в воздаянии за злодеяния, причиненные целому обществу, и злодеяния, причиненные одному человеку. Общество при наказании вредных для себя граждан имеет намерение и надежду исправления их, а по крайней мере сбережения других, взирающих на такой пример граждан от пороков, в чем оно и не обманывается; итак, когда общество, будучи еще иногда само причиною и поводом чрез худые свои учреждения, законы и обычаи к преступлению своего гражданина, отплачивает ему за то без всякого угрызения совести и почитает себя бессумненно имеющим к тому право, то праведно ли будет отнимать у партикулярного человека свободу к воздаянию за зло, а наипаче в таких обидах, на которые нет закона, следовательно, и публичного наказания, потому что партикулярный человек при воздаянии за свою обиду имеет почти то же намерение и надежду, которые и общество, и что он к тому, чтоб обидеть его, не подал никакой причины. Правда, что издатели простительных правил имели намерение привести род человеческий к добродетели, но успех в том во все времена и веки никогда не соответствовал, не соответствует и не будет соответствовать их намерению; а лучше сказать можно, что столько от того люди исправляются, сколько то общество, в котором не наказывают за преступления и не награждают за добродетели, имеет благополучия. Я тому не спорю, что простительная поступка исправляет людей, да таких, которые никогда не обижают и никогда и не желают обидеть, кроме что по незнанию, а другие над простительною поступкою вместо почтения и прославления ее насмеваются и ругаются, как над каким безумием; и когда самый священный закон за порочные дела грозит отмщением, то как человеку сносить бесчувственно незаслуженные тяжкие обиды; это б еще не так чудно было, чтоб уступать за обиды, ежели б они очень редки были, а то этого чуда довольно на свете.

178. Я не сомневаюсь, чтоб правила мои о поступке с неприятелями без причины и оскорбления с умом не показались многим, а наипаче обидчикам вредными, но я добродетельным людям, напротив того, докажу великую в них пользу. Я хотя и говорю противиться неприятелям, когда они нас обижают, но со всем тем люди, следуя моим правилам, скорее могут быть добродетельны (потому что они, не делая принуждения своей натуре, не могут навязывать злобе, которая

натурально и необходимо рождается и укрепляется и в самом кротчайшем сердце от многого и долговременного терпения), нежели от последования противоестественным правилам некоторых философов. Ежели только вывести обидчиков, то отмстителей не только дело, но нижи имя будет когда известно на свете.

179. Философы велят нам стараться об исправлении разума в наших неприятелях, основываясь в сих преданиях на натуральном законе, и это они требуют от человека того, что не сходно с человеческою натурою, то есть с душевными и телесными его силами, и, следовательно, противно натуральному закону; одним словом, это значит помогать расслаживаться саранче, чтоб весь свет помер от ее с голоду; и эти их непостижимые правила иметь будут свою практику тогда, когда они могут превратить чувствительность человеческих тел в бесчувственность и конечность душ наших в бесконечность. Смешно слышать, как такие злые люди говорят с важным видом о не желающих учить их даром; раб, скрывший талант господа своего¹⁴³, — посылка от них на сии речи похожа на басню о лисице, которая называла висящие на дереве вишенные ягоды негодными, для того что не могла достать их; итак, рассудив то, что неприятели наши иногда и без науки досаждают нам довольно, а научившись от нас, еще и больше досаждают могут, не нахожу я, для чего б человеку мытарить к неприятелям своим знанием, которое ему не легко и не по наследию, а трудом досталось, а наипаче, смотря на то, что другие и наследных и легко приобретенных имений берегут сильно и стоят за них до крови. Правда, богатые люди скажут, что чрез раздачу имение умалывается, но недвижимое имение чрез раздачу получаемых с него доходов не умалывается; однако они даром давать таких доходов не только неприятелям, но и лучшим приятелям никогда не согласятся.

180. Философы простирают свою добродетель так далеко, что говорят, что ежели неприятель даже и разбойник нападет на какого человека с намерением убить его, то он не должен убивать разбойника, ежели можно ему спасти живот свой и без убивства его. На сие правило это мало, чтоб смеяться, а сказать только остается, что такие договоры делать нигде так некстати, как с разбойниками и злодеями, будучи в их когтях.

181. Философы сами говорят, что всякая способность как к добродетелям, так и к порокам приобретается частым упражнением, что и справедливо; и как они в сем правиле от такого преобыкшего к тер-

пенью человека могут требовать вдруг такого фехтмейстера, героя и храбреца, чтоб он и разбойника, буде может спасти живот свой без убивства, его не убивал, а только поранил; по этому правилу, как по скорохватному замыслу, что нет невозможного на свете, без сомнения, раздерет агнец волка и нежно и добронравно воспитанная девица изрубит сильного разбойника.

182. Философы велят нам стараться о чести и славе неприятелей наших; а я думаю, что как нам дозволительно искать праведной хвалы, то для того, когда нам случится рассказывать о качествах наших неприятелей, то должны мы описывать добрые и худые их качества праведно, и то не для них, а для нас, чтоб другие люди верили нашим речам, нежели чтоб, увидев ложь в оклеветании хороших их качеств, не сочли б и прямо худых за добрые.

183. Право природы и право гражданства велят нам предпочитать лучшее добру, а добро худу; то посему, кажется мне, сходнее человеку предпочитать приятелей своих беспристрастным к нему людям и неприятелям по малоумию, а сих людей предпочитать своим неприятелям без всякой причины и оскорбления с умом; а как человек есть тварь, ограниченная малыми пределами и маломочная и потому имеет при себе источник к благодению другим людям малый, то в таком случае довольно для него, чтоб всевозможным образом благодетельствовать приятелям, умеренно беспристрастным людям и неприятелям по малоумию; а для неприятелей без причины и оскорбления с умом довольно его беспристрастия; и такую поступку, ежели только кто ее прямо соблюсть в состоянии, почесть можно за высокую степень добродетели; а ежели кто всем людям без разбору захочет благодетельствовать и погонится за титулом, чтоб быть всемирным благодетелем, то не обойдется без того, чтоб он в иных случаях не сделал лучше неприятелю, нежели приятелю; а самая такая поступка, хотя она и без намерения, а по простоте, будет уже не добродетель, а нарушение добродетели; и не чудно, ежели ему доведется вместо незлобного голубя посадить в пазуху блистательную змею. На сие иной сказать может, что неприятеля трудно отличить от приятеля. Правда, что на сие различие в нынешних поврежденных и лукавых временах не нахожу я достаточных правил, а только говорю, что человеческое дело есть попадать в погрешность, а философское — в такую погрешность, в которой бы он не узнал себя к тому причиною.

184. Из тех правил, которые пишут философы о благодеянии неприятелям и прощении обид, заключать натурально следует, что выдумывали их те счастливые люди, которые всегда других людей обижали, а сами ни от кого не видали обиды.

185. Все сии рассуждения о поступке с неприятельми предлагаю я добродетельным людям в рассуждении великих и притом таких озлоблений, за которые законы и правительства не наказывают и которыми и самого глубочайшего философа со всем его стоическим беспристрастием и важностию привести можно без погрешения против гражданских законов в горячку и бешенство, а иногда и на тот свет с пашпортом отправить; а что касается до таких озлоблений от неприятелей, за которые могут наказывать законы и правительства, то в тех необходимо надобно искать правосудия и удовольствия от законов и правительств.

Часть четвертая. О должности человека в сношении с другими людьми

186. Для выгоды человеческой жизни надобно быть отчуждению имений, то есть даче вещей из-под владения одного человека под владение другого.

187. Такое отчуждение имения делается двумя образами, а именно: разменою и подарком.

188. Размена есть такое отчуждение, когда кто надобную ему вещь берет у другого за отдачу своей тому надобной.

189. Чтоб в размене вещей не было обмана, то для того устанавливается вещам цена, которая есть не что иное, как произвольная мера, по которой размениваются вещи.

190. Для способной размены вещей выдуманы знаки, сделанные из металлов, как то из золота, серебра и меди, определяющие цену всякой вещи, и называются деньги.

191. Ежели кто за некоторое число денег отдает по своей воле другому свою вещь во владение, то это называется продажа; а ежели кто за некоторое число денег берет какую вещь по воле хозяина ее в свое владение, то это называется купля.

192. Другой образ отчуждения имения есть подарок, который состоит в том, когда кто какую вещь отдает кому без принятия и без желания воздаяния.

193. Понеже собственное имение по большей части бывает такого свойства, что с трудом его доставать должно, то для того к подарку

никого принудить не можно; но когда кто богат и видит убогого, то для беспорядка обитателей вселенныя, зависящего не от того убогого, благопристойность и человеколюбие требует дать ему нечто от своего имения, и такой подарок называется милостыня.

194. Есть еще кроме сего подарка два образа подарков, из коих один называю я политичною разменою, а другой — политичною торговлею.

195. Подарок, называемый политичная размена, есть тот, когда кто кому дарит какую вещь в намерении получить от него другую или услугу, равную той вещи, хотя он того явно и не требует; и сей обычай подарка завелся от несправедливого презрения многих людей к обыкновенной размене и от почитания ее за подлюю, хотя она, несмотря на то, несравненно благороднее самого сего подарка, потому что не имеет в себе ни малейшего намерения прибыли и барыша, а под прикрашенным именем подарка часто кроются такие проценты.

196. Подарок, называемый политичная торговля, есть тот, когда кто дарит кому какую вещь с намерением, а иногда и с бесстыдным требованием, чтоб он служил другим воздаянием всегда и по самую смерть; а ежели он не делает так, то называется сие от кривотолков неблагодарность.

197. Из сего видеть можно, как предосудительны для людей такие, да и всякие подарки и что такое общество, где в обычае одна только простая размена, гораздо благополучнее того, где водятся подарки, потому что ежели положить и такие подарки, которые даются без принятия и желания воздаяния, то, однакож, и они предосудительны как в рассуждении дающих, так и в рассуждении принимающих подарки, которыми первые расточаются; и, может быть, еще того и не знают, как они отягощают своих рабов, а другие балуются и навывают лености; и посему нет лучше, полезнее и благороднее для всякого общества, как ежели никто не дает даром, да никто же и не берет даром, и в таком обществе червь мздоимства на судах не повредит правосудия.

198. Когда кто говорит речь сходную с его мыслию, то это называется правда, а ежели несходную, то ложь.

199. Во всех речах надобно наблюдать правду, а убежать от лжи, кроме таких случаев, где чрез объявление правды можно причинить себе или ближнему незаслуженный вред.

200. Некоторые люди для подания верности своим речам употребляют заклинание, или (как просто сказать) божбу; но сие должно делать

в нужном случае, когда уж простым речам никак не верят, чтоб чрез частое употребление заклинания не привести его в пренебрежение.

201. Когда мы при каком публичном случае призываем во свидетельство Бога, то это называется клятва, или присяга.

202. Как от заклинания, так и от клятвы должны мы беречься, чтоб не употреблять ее всуе, в рассуждении глубочайшего нашего почтения и уважения величества Божия.

203. Клятву должен делать всяк по своей вере, а иначе она не будет сильна.

204. Ежели кто принужден будет к клятве на вредное для себя или для других или на невозможное дело, то такая клятва не сильна, потому что не можно обязывать никого к делам вредным и невозможным.

205. Желание кому зла, выговоренное речью, называется проклятие.

206. Обещание есть речь, сказанная одним человеком по желанию другого, чтоб делать что или не делать.

207. Никто не должен обещать вредного для себя или для других, также и невозможного, а хотя б и принужден был обещаться, то, однако ж, исполнять не должен.

208. Договор есть взаимное обещание учинения или неучинения какого дела без всякого принуждения.

209. Никто не должен договариваться о вредном или невозможном, а ежели и договорится, то исполнять его не должен.

210. Когда договор заключается по общему согласию, то и решиться должен по общему же согласию; а ежели случится с которой стороны вред в договоре, то в таком случае чувствующая для себя вред сторона и одна договор нарушить может, потому что никого к вредному обязывать не можно.

211. В числе договоров по справедливости полагают философы и брачный союз, только правило о том пишут весьма странное. Они говорят, что людям, которые так убоги, что не имеют чем воспитать детей, не надлежит вступать в брак; и это правило очень хорошо, только не для людей, а разве для лошадей, которых там заводит надобно, где много хороших лугов, а на песчаных местах неспособно; а что касается до людей, то еще не было слышно такого примеру, чтоб они от множества с голоду помирали; и для того б я думал, что лучше и справедливее людям советовать располагать имения по бракам, нежели браки по имениям; а когда так не делается, то лучше молчать, нежели писать такое наставление. От сего-то чаятельно

неосторожного и бесполезного правила родился во многих народах подрывающий и колеблющий основания общества обычай, чтоб не вступать охотникам в брачное сочетание, между тем как другие вступают в супружество; а от сего различия состояний принуждены иные сомневаться о точной принадлежности детей, а другие, не пользовавшись до глубокой старости приятностию чадородия, умирать без потомства с сугубым прискорбием против тех людей, которые в своих потомках другую жизнь для себя основывают. Это такое состояние в обществе, которое особливое его внимание заслуживает; и как оно составляет первейшее и крепчайшее основание общества, то потому его и оставлять на произволение народное не следует, а полезнее подвергать закону, так чтоб никто его без натуральной причины преступить не отважился, а такое установление хотя бы сперва испорченным нравам и показалось тяжело, но со временем могло б быть всем приятно и мило, потому что оно обещает великую обществу пользу; а где сие дело оставляется на волю гражданам, там трудно требовать от них точного и верного отправления гражданских должностей, по причине бегания с одной стороны, и стережень¹⁴⁴ — с другой.

212. В супружестве для исполнения намерения его должна быть дружба, а на одну любовь полагаться ненадежно, потому что как скоро она начинается, то не меньше того скоро по получении любезного предмета и кончается.

213. Хотя ревнивость между супругами есть плод горячей любви, однако неверность между ими к прикрытию своему выдумала хорошее средство, то есть присоветовать людям, будто бы ревнивость есть нечто худое, чтоб помощью сего прожекта беспрепятственно можно было довольствоваться несправедливыми желаниями. Я никого не приметил из людей, надеющихся еще жить на свете, чтоб кто самую любимую для себя вещь уступал охотно другому, хотя и то правда, что неумеренность в ревности несколько досадна.

214. Ежели подумать о том, как при таком расположении супружеств иной человек натуральное свое побуждение, для коего многие животные стремятся на смерть, довольствоваться может, то в сем случае не видно, чтоб такой человек преимуществовал пред другими животными, а разве унижен пред ними, не упоминая о том, какая надежда происходящему от таких людей плоду. Правда, во многих местах имеют к таким отраслям призрение; но ежели кто разберет все при

сем случае обстоятельства, тот рассудит, что как не желать того, чтоб в таком призрении не было нужды.

215. В супружествах, чтоб они полезнее были, надобно внушать больше предмет и намерение чадородия, нежели удовольствие похоти.

216. Родителям пристойно любить своих детей и предостерегать их от неблагополучия, а паче всего добрым воспитанием; а дети должны иметь взаимную к родителям любовь, почтение и послушание.

Мне бы думалось, что при воспитании детей родителям должно прежде их усиливать в добродетели, а потом в разуме, но сей совет чаятельно, что еще чрез долгое время не будет иметь своих последователей.

217. Родителям всем без разбору дозволяется беспредельная власть над их детьми, и это хорошо в рассуждении таких родителей, которые любят детей своих по-родительски; а для родителей несправедливых в рассуждении детей их, думал бы я, чтоб по примеру афинейцев несколько ограничить сие правило^{*145}, а ежели кому сие мнение покажется странным, тому, не упоминая о других примерах, советую принять в рассуждение поступку Ирода, иудейского царя, с его детьми. Такого немилосердия и бесчеловечия и самый низкий в добродетели человек чужой к чужому никоим образом предпринять не может.

218. Когда родители разделяют детям наследие не по равным частям или и вовсе их лишают оного без правильных причин, то это тяжкая несправедливость; а несправедливость ни от кого и ни против кого на свете не извинима по всем правам, так что должно ее приводить в справедливость.

219. Бесспорно, что то будет опять несправедливо, чтоб отнять у родителей волю в имении их, нажитом собственными их трудами; но ежели какие родители похотят лишить наследия достойных детей (как то иногда случается), то какое они могут иметь право к требованию от них сыновнего послушания, повиновения и почтения; частые примеры худых поступков от родителей с добрыми детьми доказывают их недостойными носить на себе приятное имя родителей.

220. Иной сказать может, что для родителей в рассуждении горячей любви их к детям и соболезнавания об них таковы правила тяжелы; но на то отвечать можно, что они к ним горячи недаром, а или для надежды в них впредь неотговорочных послушников их воле, или

---

* «De l'esprit de loix» par m. de Montesquieu.

для желания распространить в должайшие времена свое потомство, а даром ничто не делается на свете.

221. Между договорами по справедливости философы полагают расположение общества на власть одних и на послушание других его членов.

222. Власть в обществе есть не что иное, как право повелительства над ним, основанное на праведном договоре, а сила в нем есть могущество производить все то в действие, что способствует его благополучию или неблагополучию.

223. Высочайшая власть, соединенная с силою, называется величеством.

224. Правление общества состоит в употреблении власти и силы на предводительство тому обществу.

225. Властвующим людям пристойно повелевать подчиненными их с любовью и правосудием и промышленять им благополучие, а подчиненные, напротив того, должны соответствовать им взаимною любовью, почтением и повинением, как попечение имеющим об их благополучии.

226. Философы говорят, что судьи должны ненавидеть пороки, а порочных людей любить, то есть ненавидеть зло, а злодеев любить; мне такое их красноречие кажется странным, и думалось бы, что лучше ненавидеть причину зла, а не зло, которое не может быть без причины. Я в сем их правиле нахожу доброго помощника многим человеческим несчастиям.

227. Ежели мы дозволяем кому употребление нашей вещи даром с намерением возвращения ее по некотором времени, то это называется заимствование.

228. Никого к заимствованию принудить нельзя, а разве он сам склонится на то по человеколюбию и в рассуждении правильной заемщика нужды.

229. Заимствовавший занятой вещи не должен ни продать, ни дать другому, а имеет отдать ее в целости ее хозяину, что должно разуметь и о вещах, порученных в сбережение.

230. Ежели мы уступаем кому нашу вещь в употребление на некоторое время за деньги, то это называется отдать внаймы, и кто платит деньги за такую вещь, тот называется наемщик.

231. Тот, кто дает другому деньги взаймы, называется заимодавец, а кто берет — должник.

232. При заимствовании денег надобно примечать два обстоятельства, то есть сможет ли или похочет ли заимствующий деньги отдать их.

233. Для безопасности в возвращении заимствуемых денег берутся письменные обязательства, заклады и поруки или поручители.

234. Письменное обязательство есть не что иное, как письменное обещание возвращения занятых денег в положенное время.

235. Заклад есть вещь, данная от должника заимодавцу для безопасности ему от убытку в случае, когда должник не отдаст денег.

236. Поручитель называется тот, кто обещается уплатить занятые деньги заимодавцу, когда должник их не уплатит.

237. Понеже заимствующий деньги исполняет ими свои потребности, то для того справедливость требует, чтоб он давал за то рост, который есть не что иное, как прибыль от заимствования денег.

238. Некоторые законодатцы положили тяжкие наказания на должников за неуплату долгов; а мне бы думалось, что для предупреждения сего лучше было им устроить свои общества так, чтоб никто не имел нужды наживать долги, и положить наказание строгое на заимодавцев и заимщиков, а не на должников. Правда, иной сказать может, как обойтись без долгу в крайней нужде? Но на то можно отвечать, что в так устроенном обществе люди не станут доводить себя до крайней нужды, а ежели доведены будут нечаянным несчастьем, то в таком случае должно подать им помощь правительство.

239. Страсти много способствуют как к благополучию, так и к неблагополучию человеческому, то для того здесь и об них упомянуть должно.

240. Одни из философов, почитая страсти во всем вредными, говорят об умерении их; а как они при том не изъясняют ни начала, ни излишества их, то, что есть в них умеренность, не всякий понять может. Другие, видя от них столько ж пользы, сколько и вреда^{*146}, учат приводить одни страсти в равновесие с противными им страстями, что также трудно, потому что для произведения сего правила в действо надобно, чтоб всякий человек имел в себе без изъятия все страсти, чему весьма трудно стать; например, как можно скряге предпринять страсть мотовства, чтоб сделаться ему щедрым, когда он, несмотря на приятность сего качества, которое только несколько несходно с

* Philosophie Morale réduite à ses principes..

страстью скряжства его, не склонится к нему, то как уж он согласится на мотовство, которое совсем противно его скряжству. Что касается до меня, то думал бы я, что надобно на управление страстей человеческих употребить другое правило, а именно соглашение их с законами справедливости, то есть когда какой человек почувствует в себе страсть приятности или скуки от какой вещи, то надобно только ему в таком случае как можно поспешить рассудить то, стоит ли та вещь такой приятности или скуки, какую он чувствует; и ежели не стоит, то должен он привести чувствительность свою в равенство с чувствуемою вещию; а ежели чувствуемая вещь стоит такой приятности или скуки, какую он от ее имеет, то должен он на том остановиться, потому что ежели он еще далее станет умалять свою чувствительность, то есть захочет уничтожить свойство своей воли, то это он будет делать не что иное, как претворять себя в бесчувственный камень; и ежели рассудить о сем правильно, то какая это нерассудность в человеке, чтоб силиться тщетно уподобиться Божеству и чрез сию странную, вышеестественную и противоестественную затею лишаться настоящего своего дарования, то есть человечества.

241. Хотя страсти нам много причиняют вреда, однакож не меньше и пользы. Опытами исследовано, что художества, науки и великие дела, которые приводят в удивление многие веки, изобретением своим одолжены страстям, да что больше — высокая добродетель, даже и самая мудрость есть плод страсти к сим качествам.

242. На осторожность от страстей, где они вредят нам, особенные правила подать почитаю я за трудное дело и для того удовольствуюсь предложить генеральное: во всех таких случаях, где какая-либо страсть наша может вредить обществу или ближнего, надобно беречься от ее, а где она пользует, то дать ей волю.

Политика

243. Политика есть наука производить праведные намерения самыми способнейшими и притом праведными средствами в действо.

244. Иные почитают искусство хитро и обманчиво поступать с людьми политикою, но в том есть погрешность, как из самого слова политики узнать можно; политика по разуму слова значит полировальную или выглаживательную науку, но хитрая и обманчивая поступка по своей натуре шероховата, следовательно, и не выполирована.

245. Как юриспруденция учит наблюдать добродетель, так политика наставляет хранить добродетель и благопристойность; или юриспруденция учит быть добродетельным, а политика быть и казаться добродетельным.

246. Как намерение каждого человека особо и всех народов вообще состоит в том, чтоб стремиться к своему благополучию, а средства, служащие к достижению сего намерения, по всем опытам, суть прямая добродетель и прямой разум, и потому я в рассуждении благополучия особенного каждого человека и общего всех народов разделяю общую политику на политику, касающуюся до каждого человека особо, и на политику, касающуюся до начальствующих особ; а как человек особенный с прямою добродетелью и прямым разумом редко попадает в несчастье, так, думается мне, и целое общество с прямою добродетелью и прямым разумом не скоро поколеблется; и сии две крепкие подпоры могут его поддерживать против всех бурь и неправедных наглостей каких-либо властолюбивых соседей.

Глава первая. О политике, касающейся до каждого человека особо

247. Под сею политикою разумею я такое искусство в человеке, когда он во всей своей жизни поступает безобидно, добродетельно, следовательно, и любезно в рассуждении других людей.

248. Такая праведная поступка необходимо должна вести человека к благополучию; и хотя, несмотря на сие, неправые фортунины затем принуждают иногда таких людей скончать живот свой прежде, нежели пользоваться заслуженным от них благополучием, однако со всем тем не должно унывать в следовании за добродетелью, а, напротив того, крепко держаться ее, по крайней мере для того, что она нам в других людях жает себя любезною и неоцененною.

249. Благополучие особенного человека есть не что иное, как постоянное его удовольствие.

250. Господин Даржан пишет, что к составлению полного благополучия требуется три обстоятельства. 1. Чтоб быть добродетельну. 2. Чтоб быть здорову. 3. Чтоб уметь промыслить себе всевозможные выгоды в том состоянии, в которое определит судьба; мне думается, да и всяк то видит, что здесь к составлению полного благополучия недостает четвертого обстоятельства, то есть фортунина благоприятства, которой обыкновенная несправедливость при всех вышепи-

санных обстоятельствах сделать может человека довольно неблагополучным.

251. Господин Мопертюи*¹⁴⁷ рассуждает о благополучии и неблагополучии человеческом по математически, смотря по величине добрых и худых для человека приключений и по количеству времени продолжения их, и потому уравнивает благополучия и неблагополучия, неравные величиною, чрез неравное продолжения их время в таком же, только обращенном содержании и полагает, что человек назваться может благополучным тот, которого сумма худых приключений меньше суммы добрых приключений, а из двух человек одного благополучнее почитает от другого не того, который имел больше добрых приключений, а того, у которого остаток добрых приключений по вычете из суммы их суммы худых приключений будет больше, нежели остаток добрых приключений по вычете из суммы их суммы худых приключений у другого. Всяк знающий математику разуметь может, что такие его рассуждения справедливы.

252. Хотя то не в нашей состоит воле, чтоб быть нам благополучными, однако, несмотря на сие, можно употреблять пристойные к достижению сего намерения средства, которые по большей части бывают благоуспешны.

253. К достижению всякому человеку своего благополучия особо не нахожу я ближе средств, как познание качеств своих и тех людей, с которыми он обходиться должен, так познание прямой добродетели и прямого разума и основание на том его поступок с другими людьми; и в рассуждении того политику, касающуюся до каждого человека особо, разделю я на две части.

Часть первая. О познании качеств человеческих

254. Разные качества в разных людях как по темпераментам, так и по другим обстоятельствам узнать хотя и не легко, однако ж, кажется, и не невозможно, ежели только доходить до того прилежными опытами.

255. Темпераментов в людях полагают философы четыре — сангвинический, холерический, меланхолический и флегматический.

256. Каждый из сих темпераментов, смотря по разности случаев, может быть полезным и неполезным; и хотя всякий человек все

---

* «Essai de philosophie morale» par m. de Maupertuis.

сии темпераменты в себе имеет, однако один бывает в нем господствующий.

257. Для познания в каждом человеке его темперамента предложу я здесь служащие к тому примечания.

а) Качества сангвиников суть следующие: они милостивы, благоклонны, услужливы, любители компании, скоропримирительны, нелукавы, неподозревающие, откровенны сердцем, забавны, полнотелесны, роскошны, робки, бегают от труда, любят праздность, нежны, расточительны, во всяком роде жизни переменчивы, о предбудущем непечительны, с первого разу много обещают, а мало исполняют, болтливы, на все согласны, по всякому мыгу оборотливы, легкомысленны, непостоянны, неверны и охотники наживать долги.

б) Холерики имеют следующие качества: они тверды и постоянны в своих намерениях, охотны к делам, только не к головоломным, неустрашимы в опасностях, праводушны, благородны духом, любители наук, благопристойности и чистоты, осторожны, скорорешительны, выдумщики прожектов, только редко приводят их в действие, сердиты, только незлобны, нетерпеливы, стремительны, грозны, справедливы, к противоречию и хвастовству склонны, честолюбивы и горды.

в) Качества меланхоликов суть следующие: они воздержны, неутомимы и в самых претрудных делах, глубокоумны, любители порядка и экономии, невероимчивы, в советах медлительны, строги, завистливы, ненавистливы, обманчивы и прелюбостязательны.

д) У флегматиков качества суть следующие: они смирны, незлобивы, тихи, весьма ленивы, во всем медлительны и ни о чем не пекущиеся.

258. Политика учит того, чтоб человек умерял худые качества своего темперамента.

259. Политика требует от нас познания качеств в добродетели других людей по темпераменту, по воспитанию, по качеству разума и по качеству духа.

а) По темпераменту флегматики кажутся мне всех способнее к добродетели, они во всем медлительны и потому не предприимчивы ни к чему во вред своим ближним; и как они по большей части бывают не очень скупы, не очень щедры, то потому живут с своими ближними праведною торговлею и нефальшивою разменою, что есть самый безгрешный, и как некорыстолюбивый, то потому и благородный способ жизни. После флегматиков полагаю я вто-

рых в добродетели холериков, только неумеренное их честолюбие и горячка к преимуществам несносны и самым справедливым людям. После холериков полагаю я других сангвиников, только они по своей страсти к роскоши опасны, так что, будучи сами всегдашние банкроты, способны и других приводить в банкротство, а во время нужды и торговать людьми для своего коммодитету¹⁴⁸; а меланхолики почитаются ниже всех в добродетели, потому что они не много кажут человеколюбия.

б) По воспитанию у таких ли кто был воспитателей, которые б старались больше привести в зрелость его добродетель, нежели разум и другие качества, и был ли он довольно от них наказыван за пороки, также от юности до возмужалости своей сам ли он промышлял себе содержание, чтоб, научившись сам нужде, тем склоннее был облегчать других нужды.

в) По качеству разума знает ли он, в чем состоит прямая добродетель и прямой порок, и разумеет ли он повадки и причины народных пороков и основания их добродетелей.

г) По качеству духа имеет ли он столько крепости духа, чтоб мог всегда противиться повадкам и прелестям пороков и, видя почти всех людей погруженных в несправедливости, не убоился б постоянно блюсти дружбу к справедливости.

д) Крепкого духа люди труднее ко вступлению в дружбу от людей слабого духа, и потому редкие дружатся с ними, несмотря на свойство их способнейшее свойства людей слабого духа к соблюдению постоянной и надежной дружбы.

260. Политика научает нас познавать качества людей в рассуждении отправления поручаемых должностей.

261. Я не стану пространно говорить о разных способностях в людях к разным должностям; то уже обстоятельно описано господином Мозером¹⁴⁹, что меланхолики способны к тяжелым и многого терпения и труда требующим делам, холерики — к дерзновенным предприятиям и скорорешительным важным делам, сангвиники и флегматики — к милосердным, нетрудным и таким делам, которые б похожи больше на забаву, нежели на должность; а предложу только генерально о прилежности и ревности к отправлению должности генерально по темпераменту, воспитанию, качеству разума и качеству духа.

а) К отправлению должностей генерально по темпераменту, кажется мне, самые прилежные и ревностные люди — меланхолики, а

по них холерики, а ниже сих гораздо флегматики, а сангвиники всегда готовы на счет чужого поту хвастать своим трудолюбием.

б) По воспитанию: воспитанные в нужном содержании люди прилежнее к должностям от людей, воспитанных в довольном содержании.

с) По качеству разума: большого разума люди, хотя, и прилежны сперва к должностям, но потом скучливы бывают, а меньшего разума гораздо прилежнее.

д) По качеству духа: крепкого духа люди гораздо прилежнее к должностям от людей слабого духа, пока не увидят какого-либо неудовольствия, а как только почувствуют неудовольствие, то уж делают ся наотрез ленивы.

е) Крепкого духа люди хотя и способнее к разным должностям, нежели люди слабого духа, но со всем тем почита[ю]т ся за неспособных к тому по единой крепости и упрямству их духа, а одни люди при испытании качеств других людей по большей части ленятся, а иногда и не могут входить во внутренность их натуры.

ф) Вообще чрезвычайно трудолюбивые люди в гражданских должностях требуют частых и притом великих награждений, или в противном случае и посредственно прилежны не будут, потому что натура, не подкрепленная каким-либо животворным духом, не может выдерживать долго такого напряжения, и для того нет лучше людей посредственного прилежания; они награждения за труды заменяют покоем и отдохновением, необходимым натуре.

262. Примечания, касающиеся до разума человеческого.

а) В рассуждении разума состояние людей часто зависит от общества, в котором они живут. Один человек, который в одном обществе кажется умным, в другом уже будет казаться глупым; и для того надлежит поступать осторожно в отличении человеческих умов, потому что то не вдруг узнать можно, который человек которого умнее.

б) Когда какой человек, внимая речь или вещь, не понимает ее, то он глуп; а ежели не понимает ее потому, что внимать ленится и действительно не внимает, то в таком случае нельзя еще его по справедливости назвать глупым.

с) Люди, обращающиеся по большей части в компаниях, ежедневными и часто вредными опытами узнают в других людях много лжи, обману и коварства, и сии невыгоды общественного жития и осторожность, чтоб не попадать в такие сети, принуждают их прилежно и крепко внимать других людей речи и дела, и такие люди посторон-

ним кажутся разумнее тех, кои, находясь в уединении и при чтении книг, бывают невнимательны, хотя они натуральным разумом нимало не преимуществуют пред ими, а преимуществуют только вниманием по долговременной к тому привычке.

д) Человек, упражняющийся долгое время в учении, навикает чрез то испытывать истину всякой вещи, дела и предложения и чрез сие упражнение достает себе привычку обо всем думать и говорить справедливо и, таким образом, и на обманчивый запрос, хотя и знает, что большая часть людей живут неправдою, однако, позабыв в скорости, отвечает праведно и чрез то подвергает себя смеху и представляется другим людям простаком и невежею, хотя он, может быть, в делах и намерениях человеческих не меньше, а может быть, и больше имеет прозорливости, нежели обманчивый человек, и чаятельно на обманчивые вопросы нетрудно б было давать ему обманчивые ответы, ежели б он в том упражнялся, но он с детства своего обратил свой разум в другую сторону.

е) Ежели из двух человек одинакого ума один был с малолетства строго наказыван за неприлежное внимание, а другой, напротив того, слабее был в том содержан, то первый, навикши сильнейшему вниманию, будет казаться умнее другого.

ф) Кто о делах и вещах рассуждает сумнительно, а другой, и не зная, да утвердительно, то хотя они равны разумом, однако другой умнее кажется.

г) Ежели положить четырех человек одинакого ума и первый будет нестыдлив и неробок, другой стыдлив, да неробок, третий робок, да нестыдлив, а четвертый и стыдлив и робок, то первый из них кажется втрое или вчетверо, а второй и третий вдвое умнее последнего.

h) Ежели будут два человека одинакого ума и один крепок, а другой слаб духом, то первый кажется гораздо умнее другого.

и) Ежели кто имеет несколько из следующих качеств, а кольми паче, когда все, то есть великий рост, страшные глаза, проразистый голос, важную походку, умеет кстати оказать некоторые поверхностные познания, не объявляет причин своим мнениям, на вопросы не скоро отвечает или и совсем умалчивает с пренебрегательным видом, то уж он при помощи таких ходатаев и предвозвестников его разума и с самыми слабыми дарованиями покажется героем на первый случай, а по предприятую наперед мнению люди людей почитают иногда вечно, потому что точно испытывать людей редкие имеют охоту или случай.

к) Которые люди скоро понимают доброту и недостаток каких-либо вещей, то имеют они сию способность не от натуры, а от привычки.

л) Как те люди, которые гоняются за малою честью, теряют большую, которая приобретается не усиленным старанием, а важным и благонадежным в рассуждении заслуги ожиданием, так и те люди, которые очень заботливы в малых делах, обыкновенно бывают неспособны к великим, и по большей части люди, имеющие дарование к управлению малых дел, не имеют дарования к великим.

м) Чтобы познать разность между дураком, глупым и разумным человеком, то надобно знать, что дурак хотя и понимает вещи, однако рассуждать об них ни сам собою, ни по примеру других не может, глупый может рассуждать о вещах по примеру других, а разумный может рассуждать по большей части сам собою, а иногда и по примеру других.

263. Примечания в рассуждении сердца человеческого.

а) Что касается до людей, озлобляющихся на своих ближних, то их разделить можно на три класса, то есть на сердитых, злобных и злых. Сердитые люди сердятся почти за всякую безделицу, но по большей части тотчас примираются; злобные люди рассерживаются не скоро и по большей части за важную досаду, но сердятся долго, а иногда случается, что и по самый конец жизни; а злые люди не только за какую безделицу, но и без всякой причины злятся на всех других людей всегда и вечно, да и самые их ласкания похожи на иудино лобызание.

б) Что касается до обхождения со всеми сими людьми, то неосторожным людям сходнее обходиться с сердитыми, потому что неосторожность одних достойна сердитости других, осторожным — с злобными, для того что одни по своей осторожности, а другие по презрению мелочных оскорблений могут пребыть без раздору, а со злыми — как неосторожным, так и осторожным, или, лучше сказать, всем людям обходиться несносно; и ежели, по несчастию какого общества, случится такому человеку иметь великий разум и чин, то уж он будет для него самый несносный бич, какой только вздумать можно, и блаженно то общество, коего правители не терпят таких извергов человеческого рода.

264. Теперь я намерен предложить здесь еще некоторые примечания вообще о качествах человеческих.

265. Которые люди много унижаются пред высшими себя и много угождают им, те по большей части ищут великого господствования над низшими себя и бывают им весьма отяготительны.

266. Злонравного и притом разумного человека качество лучше узнать могут равные ему, нежели высшие, а всего лучше низшие, только притом разумные люди.

267. Красивые люди по большей части бывают не так добродетельны, как некрасивые, потому что красивые по приятности своего тела имеют от всех на первый случай приятную встречу и чрез то много балуются, а некрасивые, лишаясь сей выгоды по неприятности своего тела, научаются больше знать нужду и сей свой недостаток стараются награждать добродетелью.

268. Из таких людей, которые, великими обидами утесняемы будучи от высших себя, умеют скрывать свою досаду пред ними, делаются некоторые при способном для них случае очень мстительны, как то и натурально рассудить можно, что река, плотиною долго удерживаемая, как найдет место к своему проходу, то тем с большим стремлением силится туда пройти и потому тем больше рвет плотину, чем доле той реки течение одерживано было; так равномерно и к долговременному терпению принужденные люди по долгом притворстве как только найдут удобный случай, то тем больше истощают наружу свою досаду, и такие люди иногда бывают сами и обидчики их, а иногда одни обидчики волнованию сердец их причиною, и в сем другом случае по справедливости почесть их можно почти за невинных.

269. Философы говорят, что прозорливый, то есть политичный, человек страсти свои, а особливо владеющую, скрывать пред другими должен, чтоб чрез открытие ее не дать неприятелям своим оружия; такое притворство в человеке (не упоминая о том, что иная страсть в ином случае может быть полезна обществу) кажется мне противно, но оно необходимо для убежания чрез сие беспокойство большего беспокойства.

270. Сии правила к познанию людей, по всем их различиям рассуждаемых, хотя и не могут быть всегда точны, однако при большей их части справедливость свою соблюсть в состоянии.

Часть вторая. О познании прямой добродетели и прямого разума для основывания на том наших поступок с другими людьми

271. Как философия ищет во всем прямой истины, то потому она также испытывает прямо добродетельных и прямо разумных людей и отличает их от добродетельных и разумных по народному вкусу.

272. Некоторые люди думают, будто бы добродетель есть мнимая, а не существенная вещь, потому что в одном народе или времени почитается за порок то, что в другом — за добродетель; из чего видно, что они смешивают качества, зависящие в своем существе от обычаев и потому подверженные переменам, с прямою добродетелью, которая в своем существе не зависит от обычаев и не подвержена переменам, потому что она есть постоянное хранение справедливости.

273. Хотя прямая добродетель есть не что иное, как строгое хранение справедливости, и прямой разум есть явственное понятие представляемых истин, однако, несмотря на сие, несравненно большая часть людей на свете полагают добродетель и разум не в прямом их существе, а в удачном выборе приятных им дел и понятий.

274. Прямо добродетельный человек есть тот, коего все дела клонятся к общей всех людей пользе; итак, чтоб быть добродетельным, то не довольно того, чтоб делать добро, а надобно еще делать справедливо.

275. Прямо разумный человек есть тот, который познает доброту или худобу какой вещи или дела не по моде и свидетельству других, а по точному уверению из генеральных оснований доброты или худобы вещей или дел.

276. Чтоб быть прямо добродетельным и прямо разумным, то не довольно к тому одной охоты, а надобно еще иметь и страсть.

277. Хотя как прямо добродетельные, так и прямо разумные люди редкие на свете, однако со всем тем прямо разумных гораздо больше, нежели прямо добродетельных.

278. Многие люди одни других называют добродетельными и почрочными, умными и глупыми не потому, чтоб те люди были по существу своему таковы, а потому, как они соответствуют их склонностям, страстям, вкусу и пользе.

279. Понятия всякого человека касаются или до состояния, или до страстей, или до мнений других людей, и потому одни люди называют других добродетельными не по строгости добродетели, а по мере приятности от их дел, также и разумными не столько по числу и точности, сколько по приятному выбору понятий; так что приятность или польза есть у многих людей единственный судия разума и добродетели.

280. На сих рассуждениях основавшись, разделяю я по примеру господина Гелвеция* добродетель и разум на прямые, или философские, или всемирные, и на приближительные к прямым, как то на народные, то есть целого какого народа, на общественные, то есть малого какого общества, и особенные, то есть каждого человека особо.

281. Здесь я намерен предложить о различии прямого разума и прямой добродетели от приближающихся к прямым некоторые краткие как других писателей, так и мои примечания.

282. Великость полагаю я в совершенстве справедливости и разума, и великий человек называется тот, кто очень справедлив и умен совокупно; таков был в Греции Аристид, а не Фемистокл¹⁵⁰, коего историки слепо предпочитают первому, не видя в нем к тому недостатка в таком великом качестве, каково есть праводушие.

283. Редкость великих людей в каком месте или времени зависит не от чего другого, как от нерадения народов о точном исполнении своих обязательств против таких людей.

284. Какие б кто ни оказал услуги своему отечеству, да потребует за то хотя временного великого награждения, то я не нахожу в нем прямого сына отечества; добрый сын не станет избыточествовать насчет изнеможения отца своего.

285. Хотя многие люди ласкают себя великими делами, однако сей плод часто больше родится от случаев, нежели от великих намерений.

286. Это не довольно человеку, чтоб иметь великие качества, а надобно еще иметь в них и экономию.

287. Есть некоторые добрые качества подобны чувствам, которых вовсе лишённые люди понимать не могут.

288. Человеческая добродетель не могла бы далеко простираться, ежели б суета не была с нею в компании.

289. Правосудие в иных умеренных судьях часто бывает не что иное, как любовь своего возвышения.

290. Многие люди бранят неправосудие не по отвращению, а по предосуждению от его.

291. Умеренность в счастье оказывают некоторые люди, часто опасаясь несчастья или стыда от неумеренности.

---

* «De l'esprit» par m. Helvetius.

292. Постоянство некоторых людей в несчастье есть не что иное, как искусство скрывать в сердце досаду.

293. Когда какие люди от долготы своего несчастья ослабевают, то чрез то они доказывают, что сносили его прежде больше от честолюбия, нежели от великодушия.

294. Счастье обращает все в пользу тем людям, которым благоприятствует.

295. Для снесения счастья надобно больше великих качеств, нежели для несчастья.

296. Надобно управлять своею фортунною подобно своему здравью, пользоваться ею, когда она хороша, сносить, когда худа, и не употреблять никогда чрезвычайных средств или лекарств без крайней нужды.

297. Какие бы кто ни имел дарования от природы, однако не одна она, а и счастье с нею делает некоторых людей героями.

298. Бесчестнее есть не доверять своим приятелям, нежели от них быть обмануту.

299. Что иные люди не открывают своего сердца другим людям, то делают они от недовериванья не столько тем людям, сколько самим себе.

300. Человеку так легко обмануть самому себя, что он того и не приметит, как трудно обмануть других, чтоб они того не приметили, так что человек никогда так легко не обманывается, как когда он думает, что других обманывает.

301. Некоторый автор говорит, что хитрости и обманы происходят от недостатка искусства.

302. Тот, кто думает, что может обойтись без других людей, обманывается много, а кто думает, что без него обойтись нельзя, обманывается еще больше.

303. Чистосердечие в иных людях бывает прямое, а в других притвор, для стяжания себе от прочих людей доверенности.

304. Правда не делает столько пользы на свете, сколько правдоподобие — вреда.

305. Мы обещаем, смотря по надежде, а устаиваем в обещании, смотря по боязни.

306. На гордых людей жалуются по большей части гордые люди.

307. Когда кто увещевает погрешившего в присутствии других людей, тот делает сие больше от гордости, нежели от добросерде-

чия, и увещевает погрешившего не столько для исправления его, как сколько для оказания себя непричастным к таким погрешностям.

308. Корыстолюбие представляет себя в разных видах, даже и в виде самого бескорыствования.

309. Презрение, оказываемое философами к богатству, есть не что иное, как потаенное желание отмстить за свое достоинство несправедливой фортуны, и это есть закрытый путь к достижению чести, который по недостатку богатства получить не можно.

310. Беспристрастие, которое оказывали древние философы ко всем вещам, было не что иное, как вкус неумеренного их самолюбия.

311. Нет дружбы без нужды, а иначе бы было происхождение сие без причины; какая может быть беспримерная дружба между двумя человеками, завезенными на дикий остров между лютых зверей, которые, может быть, не могли бы терпеть один другого взору, ежели бы были в человеческом обществе.

312. Не надлежит казать горячности в любви к кому-либо и не вступать скоро в дружбу, а друзей своих держать верно и постоянно, помогать им в нуждах; не надобно требовать от них таких одолжений, которые тяжелы для них, беречься, чтоб им не наскучить, малые погрешности их против нас не ставить за велико, а только напоминать им слегка, а ежели приятель начнет удаляться от пути добродетели, то употребить довольно увещания на исправление его, и ежели то не пособит, то должно разрешить, а не разорвать с ним дружбу, и поверенные от него во время дружбы тайны блюсти свято, и для того и в самой дружбе надобно быть осторожну и скупы в открытии тайны, а примиренному из неприятеля приятелю не должно слабо поверять себя, также и малейшего не презирать неприятеля.

313. В дружбе генерально надобно наблюдать равновесие, а как только равновесие кончится, то и дружба вместе с ним неминуемо кончится.

314. Как ни редко бывает прямая любовь, однако чаще, нежели прямая дружба.

315. Простой народ прямую набожность и прямую добродетель редко разумеет.

316. В том нет беды, когда одолжить неблагодарного человека, а в том великое несчастье, когда быть одолженным нечестному человеку.

317. Достоинство имеет свое время, равно как и земные плоды.

318. Легче казаться достойным тех чинов, которых кто не имеет, нежели тех, которые он имеет.

319. Некоторый автор советует стараться о чинах лучше, нежели о милости, которая приобретается с трудом, сохраняется с беспокойством, а теряется с отчаянием, а особливо, ежели нет надежды иметь отраду в друзьях.

320. Есть герои так в худых, как и в добрых делах.

321. Кто не принимает похвалы в похвальном деле, тот желает двойной похвалы.

322. Люди, не терпящие подозрения, по большей части достойны подозрения.

323. В худом обществе не столько пороки привлекают человеку ненависти и гонения, сколько добродетели.

324. Хотя бы самые порочнейшие люди были благополучны, то со всем тем не должно оставлять добродетели, чтоб не подумали другие люди, что мы больше досадуем на их благополучие, нежели на пороки.

325. При употреблении всякой добродетели надобно также наблюдать особу, место, время и другие обстоятельства, и где при учинении другому добродетели опасен для себя вред, то там лучше оставаться в беспристрастии.

326. Препятство, которое нас не допускает предаться совсем одному пороку, часто происходит от того, что мы имеем почасти многие пороки.

327. Что самые пренедостаточные в чем-либо люди склонны к насмешке, то причину тому господин Картезий полагает такую, что такие люди желают видеть других в равном с собою состоянии и веселятся, когда им случается какой от того вред, коего они почитают их за достойных*; я такое его мнение почитаю за весьма справедливое.

328. Тот больше других старается примечать чужие пороки, кто сам порочен.

329. Хотя некоторые люди от боязни наблюдают свою должность, однако приписывают им, будто бы они то делали от добродетели.

330. Раскаяние во многих людях бывает не столько от досады об учиненном зле, сколько от печали о предожидаемом зле.

331. Иные старики любят подавать хорошие правила в отраду свою, что не в состоянии подать уже худых примеров.

---

* «Passiones animae» per Renatum de Cartes.

332. Иные люди кажут великодушие в презрении всего для того, чтоб иметь все.

333. Некоторый автор говорит, что милость кажут люди одни к другим или от суеты, или от лености, или от робости, а иногда и по всем сим качествам вместе.

334. Философы учат нас говорить со всяким человеком так, как почитая его за неприятеля, и это правда; и ежели кто в нынешние времена противно сему правилу поступит, тот за свое простосердечие, без сумнения, получит худое награждение; а казалось бы, что надлежало б человеку с другим человеком говорить, как приятелю с приятелем, но теперь такое правило не в моде; какой это стыд для человечества, лишенного человеколюбия! Чрез такое недовериванье, которое есть презренный плод неправостей наших, не подаем ли мы другим людям оружия, или как бы некоторого права на обиду нашу, и не делаем ли их коварству и злости некоторого оправдания; вот здесь, видимо, исполнение того правила, чтоб любить своего ближнего, как самого себя.

335. Философы учат не говорить ни про кого худо, и в сей речи почитают они за худую речь как ту, которая описывает чьи-либо худые поступки, так и ту, когда кто хулит кого, и не находя в нем пороков. Такую нестройную смесь надлежало бы различить и сказать так: не говорить худо о том, кто хорошо поступает, а кто худо, то пристойнее и сноснее, кажется, ему удержаться от худых поступок, нежели удерживать других от праведных, или по застарелому обыкновению называемых худых об нем речей, которые одни остались для побуждения порочных людей к добродетели. Речи людские составляют всю их коммерцию и простираются они не далее, как только на людей и вещи с их произведениями, так сносное ли это дело, чтоб отнять у людей половину их коммерции; такие притворы, вселившись в людях разного состояния и неравных чинов, служат им к немалому мученью, однако со всем тем редко бывает вредно недоговорить, а почти всегда — переговорить.

336. Несносно то в человеке, когда он причиняет своему ближнему обиду, а то вдвое еще несноснее, ежели он не терпит, чтоб обиженный жаловался на обиду; таких человеческого общества неприятелей питает всякая земля великое множество; жаль, что натура, благодетельница человеческого рода, для таких людей не делается строгою мстительницею, и сей ее недостаток составляет истинный предмет

законов и правительств, но, по несчастью, большая часть людей почитают такой тонкий разбор за невозможное дело; а мне думается, что когда люди искусством своим во многих случаях преодолевают силу природы, то уж против беспристрастия ее в рассуждении добродетелей и пороков человеческих гораздо уноровить можно, только надобно к сему желания, прилежания и любви к общей, а не собственной пользе, но то беда, что сии качества редко в нас сыскиваются.

337. Философы говорят, чтоб при учиненной досаде не приходить в страсть гнева и не оплачивать за обиду; это правило хотя и тревожит справедливого человека, однако оно принято вообще за основательное, потому что основано на том непостижимом предании некоторых философов, будто бы страсти происходят от неясственных понятий; какая это преславная инвенция! на ней основавшись, можно несносно мучить своего ближнего, с тем условием что он будет дурак, ежели рассердится, а с другой стороны, произвели философы в людях такую сильную горячку к приобретению имени умных людей, что они для него всего другого лишиться готовы и сими двумя прожектами, как сетями, уловляя род человеческий, мучат без страха наказания.

338. Как уже беззакония в весьма многих людях возросли до такой степени великости, что уж добродетельных людей последняя подпора — самая святость непорочных законов — от угрызения коварных их зубов защищать не может, потому что они к озлоблению своих ближних избирают такие средства, которые укрылись и укрываются от сведения и суда изданных на свет законов, то я за благо рассудил подать сей совет любителям добродетели, чтоб они, увидев наглеца, обижающего безвинно другого, добродетельного, человека, употребляли сколько можно такие искусные обидчику досады, которые следствию законов не подвержены; такой поступки обидчик не может доказать по законам за защиту обиженного, следовательно, и привязаться, а между тем она довольно может мучить наглеца и доставить изрядное удовольствие обиженному.

339. Во всех случаях надобно стараться, и то искусно и справедливо, подавать другим людям хорошие о себе мысли; и для того высших себя надлежит почитать, только ж не подлым и рабским образом, против равных ни унижаться, ни возвышаться, а с низшими обходиться благосклонно и словохотно, только не дружески.

340. Многие люди желают почтения не для уверения себя о своем достоинстве, но для получения пользы, соединенной с почтением.

341. Смешное больше бесчестит, нежели бесчестное, и, как думается мне, для того, что мы спознались больше с бесчестными, нежели с смешными делами.

342. Во всяких речах и делах надобно поступать не нагло, а уступчиво, только и не робко и низко, и надобно в сем особливо наблюдать особу, время, место и другие обстоятельства, сведомые прозорливости.

343. В походке, сидении и лежании и во всех оборотах и движениях тела стараться наблюдать благопристойность и приятное положение тела, однако ж и излишний притвор в том, чего не дала натура, весьма противен.

344. В одеянии надобно следовать обычаю и наблюдать притом умеренность и благопристойность.

345. Люди награждают чаще вид заслуг, нежели прямые заслуги.

346. Некоторый автор говорит, что, к посрамлению наших времен, люди великих чинов одолжены титулами добрых приятелей, добрых родственников и благодетелей, которые им приписывает то общество, в котором они живут, ничему другому, как своим несправедливостям.

347. Есть такие люди, которые во многих праведных делах предводительствовать могут, а и в малейшей несправедливости сами требуют предводителя.

348. Всякий народ рассуждает о других так, как об их языках; но оба сии его рассуждения погрешительны: как языки могут быть избыльны и скудны, смотря по количеству сверхнатуральных нужд и знаний, так и народы могут быть добродетельны и порочны, смотря по качеству их законов и обычаев.

349. Нравы, мнения и понятия других людей почитаем мы не по точности их, а смотря по пользе их, и потому мы при почитении других людей больше себя, нежели их, почитаем.

350. Некоторый автор говорит, что люди не равны разумом от неравного внимания; внимание человека томит; он так клонится к лени и покою, как земные тела к центру земли.

351. Хорошо выслушивать чужие речи и хорошо отвечать на них есть самое большое совершенство в обхождении.

352. Искусство некоторых людей употреблять порядочно посредственные качества часто отнимает честь и славу у таких людей, которые имеют великие качества.

353. Часто желание, чтоб казаться искусным, препятствует делать искусным.

354. Ум усиливается не столько от прилежного внимания, сколь от благополучных случаев.

355. Ежели спросить у самых ученых людей, то они признают сию истину, что лучшими своими изобретениями одолжены они не усильному вниманию, а счастливому случаю некоторых предметов.

356. По прилежным опытам узнать можно, что слабость разума в некоторых людях происходит не столько от природы, сколько от лениности ко вниманию.

357. Что примечается у людей великая разность в разумах, то это, может быть, зависит от неравного их желания к научению себя; но скажет кто, что желание есть происхождение страсти; итак, когда мы большею или меньшею силою наших страстей одолжены натуре, то в сем рассуждении превосходство или недостаток в разуме почитать можно за дар природы.

358. Многие люди славою своего разума одолжены множеству дураков.

359. Человек в рассуждении разума может почитать себя достойным общего почтения, когда его хвалят уже хваленые люди, когда его почитают в сочинениях и публичных местах такие люди, которые оказали свету свои дарования.

360. Человек может незнанием или недостатком в учении, как бы недостатком пристойной разуму пищи, лишить его надлежащей зрелости, также может он и обременить и, следовательно, обессилить его пространном учением многих материй, как излишеством пристойной разуму пищи.

361. Философы говорят, что в молодых летах надобно учиться истории, географии и другим легким наукам, а в возмужалых летах — труднейшим, как то и надобно в рассуждении того, что когда память начинает ослабевать, то рассуждение начинает усиливаться; итак, из сего видно, что способности мысли нашей, смотря по нашим летам, переменяются, и в рассуждении сего правило их, чтоб стараться усиливать ту способность мысли, которая у нас сильнее других, кажется неосновательно; а думается мне, что лучше стараться равно об исправлении всех способностей.

362. Прозорливость требует того, чтоб не учиться вдруг многим наукам, а можно то делать последовательно, также при чтении труд-

ных материй не надобно скоро называть их бестолковыми, когда они нам не вдруг делаются понятны, а с терпением повторять чтение, пока вразумительно будет, и знать то, что для понятия высокой доброты надобно высокого ума, а малый ее почтет за худобу.

363. Я не могу довольно надивиться тому, что философы схватились за то, чтоб довести людей до совершенства, коего они и сами не имели, и основывали на том все их дела, хотя и сами редко следовали тем основаниям, а пропустили самонужнейшее для человека истолкование прямого разума и прямой добродетели и справедливости, которые составляют истинный предмет их должности и на которых, как на понятнейших человеку, основавшись гораздо легче достичь некоего благополучия, нежели на непостижимом для него и одну пышность их мыслей оказывающем совершенстве.

Глава вторая. О политике, касающейся до начальствующих особ

364. Политикою начальствующих особ называю я искусство их управлять своими подчиненными так, чтоб они их любили и почитали.

365. Что я пишу о сей политике, то, может быть, предпринимаю дело выше моей силы, потому что все говорят, что рассуждать о политических происхождениих одних министров дело, а другие-де люди не имеют к тому способности; итак, я, чтоб без политики начальствующих людей не сделать обрубком книги, по неспособности моей рассуждать буду о таких делах сумнительно, а не утвердительно и в тех моих рассуждениях посылаться стану на писателей или на опыты.

366. Один в нынешнее время славный автор, великий ревнитель и поборник по сей должности, досадует, что в Англии самый простой мещанин читает ведомости и рассуждает о политических делах и правлениях; но на это можно ему сказать: 1-е, что такой мелкий человек рассуждениями своими ничего в том подействовать не может. 2-е, что когда больной призовет лекаря, то хотя оба они видят болезнь, однако больной гораздо лучше разумеет ее силу и действие, нежели лекарь, правда, что сей пример к такому делу редко, однакож приличествует. Китайская область^{*151} прославляет великие

---

* «Description de l'empire de la Chine» par le p. du Halde.

дела государя своего Ива бессмертною памятью, из чего бессумненно всяк заключить может о мудром его правлении; а сей великий государь обыкновенно почитал за наилучшее для себя угождение, когда бывало кто из подданных его приходит к нему для подания совету в поступках его; и чрез сию редкую и от всего рода человеческого заслуживающую благодарность добродетель оказал он себя почти беспримерным государем и вместо того, что другие полагают понижение себя в такой поступке, он, напротив того, возвысил себя больше почти всех смертных; а сей автор, как бы привилегию доставши себе на политику, огорчается, что простые люди рассуждают о политических делах. Правда, сему дивиться не надобно: любовь сего несовершенного политика к высокоумию преодолела в нем любовь к человечеству, а в китайском бессмертия достойном государе любовь к человечеству умертвила в нем все противные тому желания.

367. Господин Руссо думает, что как собрались люди по фамилиям и начали выдумывать разные выгоды, то это было первое иго, которое наложил на себя род человеческий, а до того времени люди, пока исправляли свои нужды без помочи других, были вольны, здоровы, добросердечны и благополучны, а как настала зависимость, то равенство минуло, и вошла в обычай собственность имения.

368. Господин Руссо говорит*, что между людьми повеление одного и послушание другого сперва начало свое получили от силы, а потом, как они уже к тому привыкли, то для возможного благополучия человеческого рода остается правящим его судьбою по человеколюбию основывать сии человеческие действия на праведных и верно исполняемых договорах.

369. Человек при перемене натурального состояния в гражданское приобрел в поступке своей справедливости вместо побуждения, в делах своих — нравouchение, на место безразборной слепоты, и во всем своем житии — должность вместо натурального понуждения, и следует разуму, не слушая своей склонности; и хотя он чрез сию перемену лишается многих натуральных выгод, однако на место того приобретает другие великие качества, способности его беспрестанно возрастают, понятия распространяются, мысли делаются благороднее, и вся его душа возвышается до такой степени, что ежели б

---

* «Du contrat social» par m. Rousseau.

злоупотребление нового сего состояния не сводило его часто ниже натурального, то должен бы он беспрестанно благословить то время, которое его вывело из того состояния и сделало с безумного и ограниченного животного разумным и человеком.

370. Человек чрез договор с обществом теряет натуральную вольность и неограниченное право ко всему тому, что его искушает и что он постичь может, а приобретает гражданскую вольность и собственность имения. Натуральная вольность каждого человека не имеет других границ, как только его силы, а гражданская вольность ограничена общественною волею. Владение натуральное есть действие силы человеческой или право прежде завладевшего, а собственность имения основана на определении общественной воли.

371. В гражданском состоянии получает человек еще нравственную вольность, которая делает его господином над самим им, потому что побуждение желания есть рабство, а повиновение предписанным законам есть вольность.

372. Человек чрез гражданское состояние вместо потеряния натурального равенства приобретает равенство нравственное и законное и, будучи натурально не равен силою или разумом, другому делается равным по договору и по праву.

373. Из опытов довольно известно, что обычаи как особенные в одном человеке, так и общие в целом народе столь сильны, что составляют как в том, так и другом почти новую их натуру; итак, когда люди, оставя натуральную свою независимость, согласились жить в обществе, то в рассуждении сего право общественное, или гражданское, хотя и отменное несколько от натурального права, также и законы, уноровленные в рассуждении неразделяемой как одного человека, так и целого общества пользы, должно хранить свято, для того что по нынешнему состоянию всего мира как независимость натуральная есть невозможное дело, то потому право и законы натуральные по справедливости уступить должны место общественным, или гражданским.

374. Как отец какой фамилии не совсем сохранит свою должность, ежели он только на время своей жизни промыслит благосостояние своей фамилии, а о предбудущем после его состоянии не приложит старания, так равномерно и законодавец, который может почесться отцом принимающего от его закон народа, соблюдет свою должность, ежели он ко всем своим добрым законам присовокупит

то свойство и силу, которые б как законы те, так и народ, подверженный им, могли сохранить в целости на многие веки.

375. Средства к удержанию областей на долгое время в цветущем состоянии суть внутреннее их благосостояние и наружная безопасность, и на сих двух подпорах утверждается их благополучие.

376. Благополучие целого народа состоит в том, когда каждый из его членов теряет малую часть своих удовольствий, чтоб приобрести на место того несравненно большую, потому что все люди в обществе желают имения, чести, славы, покоя, веселья и прочее; и когда они все желать будут того беспредельно, то трудно кому-либо из них быть благополучным; а ежели каждый из них уступит одно какое-либо из своих или по малой части из всех желаний обществу, то чрез то они без изъятия все почти во всех своих желаниях будут удовлетворены и потому благополучны.

Часть первая. О попечении начальствующих политиков о внутреннем благосостоянии обществ

377. Внутреннее благосостояние обществ полагаю я в добронравии его и трудолюбии.

378. Прежде, нежели стану я писать предложения о введении в целые общества добронравия, должно мне упомянуть о разных формах правления, потому что важные писатели объявляют, что не во всяком правлении добронравие вместно.

379. Писатели полагают четыре формы правления: 1. Демократическую, в которой весь народ, будучи в полном собрании, устанавливает новые и уничтожает бесполезные законы, решает уголовные и другие важные дела. 2. Аристократическую, в которой сенат управляет всеми вышеписанными делами. 3. Монархическую, в которой один государь управляет народом на основании законов. 4. Деспотическую, в которой один же государь управляет всеми делами по одной своей воле.

380. Господин Монтескиу говорит, что республиканское, то есть демократическое или аристократическое, правление пристойно малым областям, а монархическое сходственнее пространным для убеждения медленности в исполнении повелений.

381. Господин Руссо предпочитает аристократическое правление демократическому, когда в нем начальствующие особы избираются народными голосами, потому что в таком случае добродетель, разум и искусство в людях предпочитают и другие области больше дове-

ряют почтенному сенату, нежели здорному множеству народа; а ежели они занимают чины по наследию, то в таком случае не находит он хуже сего никакого правления; а что касается до монархического и деспотического правления, то господин Билефельд склоняется к первому*¹⁵².

382. Господин Руссо говорит, что политический, то есть гражданский, корпус, или тело, равно как и человеческое тело, начинает умирать со времени своего рождения и носит в самом себе причины своего разрушения; но одно и другое из них может иметь сильнейшее или слабейшее расположение к своему должайшему или кратчайшему соблюдению; расположение человека есть дело натуры, а расположение целой области есть дело искусства; от людей не зависит, чтоб продолжить им свою жизнь, а области жизнь продолжить так долго, сколько можно чрез расположение ее по возможности самое лучшее, зависит от них.

383. Чтоб устоять какому обществу в целости чрез должайшие веки, то надобно, чтоб блюло его попечительное и премудрое око, да притом такое, которое бы при тех качествах могло еще жить должайшие веки; но кому сие возможно, кроме всемогущего Бога. Итак, хотя и делаются в обществах бесполезные для них перемены, однако на такое допущение Божие роптать не должно; он есть художник, а мы брание¹⁵³, из коего он по своему произволению делает в честь и не в честь сосуды; да кто еще и то знает, что, может быть, иное общество в самом начале вкушения своего благополучия начинает само собою усиливать средства к своему падению.

384. Но несмотря на сие, ежели расположить общество так, чтоб как обычаи помогали добрым законам, так и законы — добрым обычаям, то такое общество пребудет долго благополучным, и тем доле, чем доле согласие между добрыми обычаями и законами продолжится.

385. Господин Монтескиу говорит** что, смотря по разности форм правления, бывают разные у них основания, как то: республиканского правления основание есть добродетель, монархического — честь, а деспотического — страх; и с сими основаниями правлений советуется он и законы издавать согласные.

---

* Des Freiherrn von Bielfeld Lehrbegriff der Staatskunst, 1. Teil. 1.

** «Des l'esprit de loix» par m. de Montesquieu.

386. В республиканском правлении общая польза есть основание всех человеческих добродетелей и законодательств.

387. Господин Монтескиу говорит, что в республике законы созидательные (*les loix fondamentales*) суть: 1. Подавание голосов от граждан ее, с исключением иностранных, дабы от того не могли вкрасться какие-либо подлоги, и что там надобно точно определить, кому, как, чрез кого и на что подавать голоса. 2. Чтоб все чины в республике зависели от воли народа, и в рассуждении сего военначальников, судей и полицеймейстеров своих сам он выбирать должен, в чем он редко обмануться может; а для таких дел, которые не подвержены законам и требуют прозорливости в рассуждении времени, места, особы, дела и прочая, как то разделка с иностранными народами, выбор министров, должен он поручать выбранным от себя начальникам, как более сведущим в таком случае. 3. Устанавливать законы для республики сам народ должен.

388. В монархическом правлении почитал бы я за созидательные законы: 1. Различие в состояниях людей по мере достоинства и заслуги. 2. Установление от монарха новых и уничтожение старых законов по правильным причинам.

389. В монархическом правлении обыкновенно бывает неравенство состояний, что и необходимо, но притом весьма б полезно было, чтоб лучшее во всем состоянии определялось достойнейшему человеку; правда, иной сказать может, что в сем деле достичь прямой справедливости весьма трудно и почти не можно, однако со всем тем лучше добираться до того хотя по приближению, нежели оставить сие дело судьбе, и почасти и безуспешно исправлять генерально рождающиеся от того невыгоды.

390. Правда, что разбор и различие делать между достоинствами разных людей есть не легкое дело, но в том хотя до совершенной точности и нельзя, однако по крайней мере до мнимой достичь можно, ежели только при таких разборах люди погрешать будут разумом, а не совестью, а погрешать в совести, кажется, перестанет общество, как только отняты будут у него служащие к тому повадки и причины.

391. Кажется, не худо б располагать законы так, чтоб при всяком худом приключении одного гражданина чувствовало и участие принимало в том целое общество, как, например, ежели у кого по несчастью, а не от неосторожности его сгорит дом или он окраден будет,

то чтоб тот убыток наградило ему целое общество, или когда кто убит будет на улице, то чтоб в том отвечала целая улица граждан денежным или другим каким взысканием. Правда, что такие законы могут казаться несколько несправы, но со всем тем отвращать могут такие злодейства, и ни один член из всего общества под защищением их страдать не будет.

392. Господин Гельвеций пишет, что в рассуждении человеческих пороков надобно жаловаться не на злость человеческую, а на слабость законодатцев, которые всегда полагали особенную пользу в противность общей пользе.

393. Для чего по нынешнее время (говорит тот же господин Гельвеций) нравоучительная философия не может поправить нравов в народах; причину сему то, что пороки народные скрыты в самих законах; и ежели кто хочет истребить пороки в каком народе, не переменив производящих их законов, тот ищет невозможного и напрасно силится опровергнуть праведные следствия принятых оснований; а что касается до слабых законов, то я в дополнение к сему скажу, что причину их слабости может быть непристойный порядок нравоучения прежде бывших философов.

394. Никакого народа нельзя сделать иначе добродетельным, как чрез соединение особенной пользы каждого человека с общею пользою всех; и чтоб преподавать истинные правила и прямо ведущие к добронравию, то надобно иметь страсть ко всеобщему добру и не поступать в том по самолюбию.

395. Не худо б общество располагать так, чтоб ни один его член ему, ни оно ни одному своему члену не были в тягость.

396. Совокупить пользу членов общества каждого с пользою других и всех их с пользою обладателя, что много споспешествовать может твердости к благополучию правительства.

397. Как те законы, которые клонятся к умеренности, служат к общей всего народа между собою любви и удовольствию, так те, которые клонятся к пышности, служат к излишнему баловству одной части народа и к притеснению другой.

398. Хотя какое общество управляется и самодержавною властью, однако из подчиненных ей властей никоторой не пристойно располагать благополучием и животом подчиненных ей людей самой собою, а с советом своих сочленов, и это полезно наблюдать и в военном состоянии, исключая одно время баталии.

399. Некоторый автор пишет, что почтение обладателей к законам составляет их безопасность*¹⁵⁴.

400. Хорошо б разных народов, подверженных одной власти, приводить под одни законы, только не силою, а превосходною пользою и добротою законов и при уравниении законами уравниять права и преимущества тех народов.

401. Что поединки, вошедшие в обычай во многих областях, как ни вредны обществу, как ни предосудительны власти обладателей, и поныне искорениться не могут, то делается сие оттого, что поединщиков вешают одних убитых; да, правда, причина тому та, что живые уходят; знать, их достать трудно.

402. Как обычаи от подражания, так нравы от темпераментов зависяют; и потому казалось бы, что исправлять их трудно, однако ежели употребить пристойные к тому средства, то опыты уверяют, что успех в том будет благонадежный.

403. Что касается до добронравия, то ежели приниматься за введение его в общество, то надобно делать сие генеральным наблюдением совокупно всех добродетелей и генеральным совокупно недопущением всех пороков; в противном же случае будет успех такой, как в ходу того судна, на котором хотя и много гребцов, да все они гребут не вдруг, а порознь.

404. Как в механике малою силою можно подымать великую тяжесть, так и в управлении общества чрез уничтожение одного главного порока можно отвратить множество других, от него зависящих, как, например, чрез учреждение пропорционального каждого состоянию содержания можно отвратить воровство, плутовство и проч.

405. Некоторый автор пишет, что нельзя вывести совсем пороков из общества и что они служат вместо соли к сбережению его от повреждения, а надобно-де только стараться приводить пороки в слабость. Мне думается, что сие его правило в рассуждении великого несчастья человеческого, рождающегося от пороков, очень несправедливо, баловное и похоже на то, как иной человек чрез пьянство вредит свое здоровье, в таком случае надобно его лечить, потому что он не принимает главного для себя лекарства, то есть воздержания от пьянства, которое б несравненно больше продлило его жизнь, не-

---

* «Mes pensées».

жели те денежные лекарства, не дающие только чувствовать вреда, а скрытно удерживающие его при человеке, пока его задушат.

406. Таким образом, и господин Монтескиу пишет, что в самовластных правлениях трудно или и не можно быть добродетельным людям; мне думается, что о сем деле лучше только думать в своей мысли, а не говорить для знания всем, а публично лучше советовать, что в каком бы то ни было правлении можно быть народу добродетельным, ежели только он станет стараться о том и отвращаться от повадок к порокам с тем обнадеживанием, что чрез такое великодушное терпение со временем выведется из общества повадки к порокам. Оказание от господина Монтескиу сего и нескольких других предосудительных человеческой пользе знаний недостойно великого его духа и доказывает, что он когда не выше, то по крайней мере равно почитал в сравнении разум с добродетелью.

407. Я и сам при усильном моем внушении хранения справедливости и добродетели не думаю того, чтоб можно было всех людей сделать добродетельными, а только говорю, чтоб не ослабевать оттого, что всех нельзя сделать добродетельными, и стараться по возможности об умножении добродетельных людей, а когда число добродетельных людей превзойдет число порочных, то тогда уж порокам весьма трудно будет усилиться, и порочные люди принуждены будут поневоле стараться быть добродетельными; а ежели б они того не захотели, то в таком случае можно будет поступать с ними так, как иудеи с прокаженными.

408. Я не нахожу легче средства ко введению добронравия в общество, как чрез доброе воспитание детей, которые, возмужавши в добродетельных наставлениях; сами могут пребыть добродетельными и сверх того и детям своим подадут к тому руководство.

409. Господин Монтескиу советует употреблять воспитание детям, сходное с основанием правления.

410. При воспитании детей надобно, во-первых, толковать им должность их к самим им, должность их к ближним и должность ко всему обществу.

411. Философы говорят, что в молодых людях надобно прежде исправлять разум, а потом волю, для того-де что воля всегда следует советам разума; напротив того, я, основываясь на опытах, утверждаю и доказываю, что лучше прежде исправлять волю, а потом разум нижеследующими рассуждениями: во-первых, из опытов известно, что

качество человека от воспитания, определенного ему в его юности, так сильно, что потом уже в зрелых и возмужалых его летах переменить то качество в другое весьма трудно и почти невозможно; на сем опыте утвердившись, положим двух человек: одного, воспитанного в просвещении разума, без утверждения в добродетели, а другого, воспитанного в искании добродетели, без просвещения разума, то первый из них в удовольствии своих желаний следует разуму и основывается на нем, как на качестве своего воспитания, не заботясь о том, что праведные ль его желания и к удовольствию их употребляемые им средства, а другой в удовольствии своих желаний следует добродетели и основывается на ней, как на качестве своего воспитания, и в таком случае ежели доведется ему, обольстившись видом добра, сделать какое зло, и как только кто изобличит его в том, то он впредь такого зла не учинит по своему добродетельному воспитанию; напротив того, воспитанный в просвещении разума человек хотя сам и без рассказов знает, или хотя бы кто и напомянул ему о каком деле, что оно худо, однако он не отстанет от него по своему разумному воспитанию, прикрывая его видом добродетели и надеясь по своему разуму и других в том уверить; а от сих рассуждений вывести можно нижеследующие заключения: 1. Что воспитанный в просвещении разума человек исполняет свои желания почти всегда, потому что он не смотрит на то, праведны ль его желания и употребленные к удовольствию их средства, а воспитанный в искании добродетели человек не всегда исполняет свои желания, опасаясь, чтоб какие из них не были неправедны. 2. Что первый из них по просвещении разума не имеет нужды искать добродетели, а другой после упражнения в добродетели находит нужду искать разума, то есть надежнее из добродетельного человека сделаться умным, нежели из умного добродетельным; а из сего следует, что всеобщий тот обычай, чтоб усиливать молодых детей больше в науках, нежели в добродетели, имеет в себе великую погрешность и что надлежало бы молодых детей до определенного возраста прежде всех наук учить приятному, чистосердечному и безобидному с своими ближними обхождению, а потом, которые из них окажут хорошие опыты бессомненной их впредь твердости в добродетели, то таких допускать и до других наук, служащих к легчайшему отправлению должности в гражданском или другом каком состоянии; а которые до определенного возраста окажут себя к добродетели несклонными, или хотя и склонными, да притворно, то таких, какой бы они

ни имели природный разум, отнюдь не должно допускать к наукам для благополучия общества, коему и простой злодей вреден, а ученый уже не только будет несносен, но и совсем его погубить может.

412. Философы в том, что касается до воспитания детей, сами себе, как кажется, противоречат; они говорят, что надобно в человеке исправлять прежде разум, а потом волю; а то справедливое свое рассуждение позабыли, что знание добродетелей не принесло столько пользы человеку, сколько знание пороков причинило ему вреда, а сие их рассуждение с вышеписанным моим мнением согласно.

413. Кажется мне, что не худо б при определении к должностям людей по возможности смотреть на их темпераменты, воспитание, качество разума, качество духа и качество сердца.

414. Произведение в чины по времени службы, хотя и не точно справедливо, однако, как самое полезнейшее для общества, можно почесть за самое справедливое, а произведение по достоинству, несмотря на время службы, — как подверженное злоупотреблению по генеральному рассуждению, кажется, не так справедливо, и для того и права к такому произведению, как предпринимаемому для унорования точной справедливости, не следует иметь никому, кроме высочайшей власти.

415. Мне кажется, что весьма неполезны великие различия состояний человеческих в обществах, а лучше им быть посредственным так, чтоб одни люди не могли презирать и утеснять других, а другие не имели б причины много раболепствовать. Я думаю, что всяк видеть может в первом из сих случаев, в рассуждении зависимости человека от многих других, способ к порокам, а в другом, в рассуждении зависимости его от одного правительства и законов, способ к добродетелям.

416. В награждение за важные дела и заслуги кажется мне полезно, чтоб ввести в обыкновение списывать портреты достойных и заслуженных людей и ставить их в публичном здании; такое обыкновение может сберечь в целости публичные сокровища и не допустит людей впадать в роскошь и чрез то отвратит многие другие пороки.

417. Кажется мне полезно для общества, чтоб не позволять никакого другого заимствования, кроме равноценного, потому что кроющееся в недрах мнимого великодушия и щедрости семя рождает много пороков, предосудительных обществу, а особливо мздоприимству на судах служит некоторою завесою.

418. Жаль, что неумеренное любочестие, или прелюбочестие, введено во многих обществах обычаем и почти утверждено законом; прямое любочестие не столько пользует общество, сколько прелюбочестие несравненно больше вредит его; смешно, с одной стороны, по неприличеству, когда какой офицер предпримет генеральское любочестие, а с другой — и жалко, как он от того иногда постраждет. Мне кажется, что пристойно б его разграничить законом по степеням чинов, а без того во многих случаях нельзя узнать прямого различия между честолюбием и дурачеством; но притом и то кажется необходимо нужно для пользы общества, чтоб запретить законом начальствующим людям ругать поносными словами своих подчиненных за погрешности под видом тем, будто бы они так делают в намерений облегчения их наказания, но под сею краскою часто скрывается оказание могущества, сверх же того редко кто не согласится понести законное наказание вместо поносного ругательства.

419. Мнение тех людей, которые думают, будто бы порочного народа нельзя сделать добродетельным, кажется для меня весьма странно и обидчиво творцу от твари; я в возражение на то не скажу ничего более, как только что все народы на свете суть брение, а скудельники их правительства.

420. Многие люди беспрестанно говорят, что облегчение делать невыполированному народу в его трудностях предосудительно; и я думаю, что некоторые из них говорят сие по незнанию, что выполировать народ иначе нельзя, как чрез облегчение его трудностей, а другие по неумеренному самолюбию, что почитают в неумеренном господствовании над людьми лучшую для себя пользу.

421. Какую б кто ни имел в обществе должность, то надобно ему иметь еще трудолюбие, а наипаче для того, что оно не допускает заражаться порокам.

422. Должности человеческие в обществе разделяю я вообще на двое, то есть на должности, зависящие от души или от ума, или просто на умственные, как то: упражнение в науках и во всех других делах, зависящих единственно от ума, и на должности, зависящие от тела или рук человеческих, как то: всякие рукоделия.

423. Кажется не худо, чтоб требовать от людей, находящихся на своем содержании, хотя погодно такого в отправлении должностей отчета, каков требуется от людей, содержимых на публичном иждивении.

424. Кажется полезно для общества распределять всех без изъятия людей к должностям так, чтоб они теми должностями заняты были довольно и не употребляли бы остающегося от трудов времени на другое что, как только на отдохновение и на безвинную забаву.

425. Всякого человека труд уравненный думал бы я положить такой, чтоб он мог содержать себя, престарелых родителей и малолетних детей; а как еще и из родителей и детей некоторые могут работать, то в таком случае, ежели не допустить одних людей в небрежении держать, во зло употреблять или и нарочно трудом других выработанные вещи от роскоши портить, то общество может жить в довольствии и без нужды, так что предпочтенным людям будет довольно для богатого, а нижним для безнужного содержания, и сверх того может оставаться запас для нужды в предбудущее время, а больший сего одних людей труд может привести других в крайнюю лень, и общество уподобится тому полку, в котором командиры очень богато одеты, а солдаты ободраны.

426. Но надлежит знать, что хотя я и советую сметь трудолюбие, но не чрезвычайное, которое может укоротить жизнь человеку. Мне думается, что для труда человеку довольно восьми часов в сутки, другие восемь часов может он употребить на одеянье, кушанье и забаву, а третьи восемь часов на сон.

427. Начальникам пристойно смотреть за подчиненными их, чтоб они не были праздно, а находились бы в законном труде и чтоб вместо прямого труда не оказывали только его вида; но и тех людей поступка тяжела, которые от подчиненных своих требуют неусыпных трудов, хотя со всем тем от таких трудов натурально приходит меньше плода, нежели от умеренных; при такой поступке иные люди имеют ревность к общей пользе, но не по разуму, а другие под видом искания общей пользы искусно утесняют своих ближних и презирают в них подобное себе человечество, как бы они сами слабостям его не причастны были. Таким людям по их нраву наилучше, кажется, жить на небе.

428. Я бы думал, что не худо уноровить так, чтоб во всей области количество вещей ценою много превосходило количество денег ценою, потому что в противном случае народ впадает в лень и роскошь.

429. Надобно знать, что не золото и серебро, а трудолюбие составляет богатство народов, только ж притом я как не желаю, так и не советую, чтоб стараться им быть богатыми, а только довольными.

430. Это хорошо, что в некоторых обществах заведены публичные гульбища для отвращения людей от пьянства и других худых дел, но жаль, что не везде берут за то плату в публичные сокровища; подобные сему сборы, как непринужденные и потому нимало не тягостные для людей, составляют самый лучший, а притом законный доход правительств; и вообще нет лучше таких сборов, которые наполняют публичные сокровища с тем, что когда люди разумеют, что они платят не даром.

431. Люди, которые привыкли жить на счет чужого поту, обыкновенно говорят: «На что выводить роскошь, она-де в обществе нужна, и без нее-де могут пропасть науки и художества и многие люди страдать без пропитания». На сие я отвечаю, что не могу понять, как в благоустроенном обществе могут науки, художества и люди потерпеть какой-либо вред, и думаю, что когда кому в одном состоянии прожить будет трудно, тот может вступить в другое; а ежели б и так могло сделаться, как они неосновательно думают, то все лучше обществу быть меньше искусным в довольном и спокойном состоянии, нежели с великим искусством в ежедневной лихорадке, и крепко то держу, что лучше не щадить наук и художеств для людей, нежели людей для наук и художеств.

432. И для того казалось бы мне полезно для общества унравливать так, чтоб число в нем всякого образа художеств пропорционально было числу жителей.

433. Ежели б можно доводить в народе моды, а наипаче в таких вещах, которые сами собою без повреждения много лет пребывать могут, как, например, здание каменных храмов и домов, серебряные и золотые выработанные вещи, до такого состояния, чтоб они продолжались и упали наподобие крепкого каменного здания, которое по простоянии чрез долго лет разрушается само собою от ветхости, а не от рук человеческих, нежели допускать их быть в таком состоянии, как атакованная крепость, которую, с одной стороны, беспрестанно разбивают, а с другой, беспрестанно починивают.

434. Кажется, полезно для общества смотреть тем людям, от коих сие зависит, на приращение и умаление народов, на хранение и небрежение добронравия, на умножение и упадок наук, знать точные таких приключений причины и к поправлению худобы в том предпринимать пристойные средства.

435. Политичным начальникам пристойно стараться о воспитании в публичных училищах детей прежде в добронравии, а потом

в разуме; такие отрасли, будучи так воспитаны и рассеявшись по всей области, немало послужить могут к исправлению целого народа от пороков и к приведению к добродетели.

436. Некоторый автор пишет, что есть сочинения о политике многих философов, но они в рассуждении нынешнего состояния Европы не способны, а надобно-де в том смотреть на систему нынешних правлений; но на сие можно сказать ему, что как партикулярные люди, которые, на других смотря, поступают, мучатся в своей жизни, так и целые народы страдают по моде других, ежели не предположат себе постоянной, добродетельной и разумной поступки.

437. Слабая кажется мне та политика, чтоб искать своей пользы какому обществу, смотря по настоящему времени и расположению других народов, как то советует некоторый автор, несмотря на прошедшие веки и на причины возвышения и падения в них многих народов; правда, по такому его наставлению, смотря на настоящее время, можно получить пользу, да настоящую, а о будущей ручаться нельзя. Сей автор говорит, что область с другою по такому праву поступать должна, как один партикулярный человек с другим; это правда, и я с тем согласен, но из партикулярных людей кто умнее поступает, тот ли, кто смотрит на других, или тот, кто сам собою изберет для себя постоянную, разумную и добродетельную поступку; и в таком рассуждении и обществам, а наипаче великим, непристойно смотреть на образец других и чрез такую свою поступку маловременное свое приобретение покупать на предбудущую колеблемость, а иногда и на всеконечное падение.

438. Может быть, кто скажет, что такие мои предложения похожи на Платонову республику и что они невозможны в практике, то тому я в ответ скажу, что ежели б не было образцов сражения между многочисленными войсками, то это бы всякому показалось не только странно, но и совсем невозможно, чтоб такое великое множество людей, как то армия, состоящая из ста тысяч человек, могли драться с толиким же числом других и побеждать их по заведенному порядку и известным воинским правилам, а теперь, как уже в течение неизмеримого времени род человеческий, злоупотреблением страстей своих влекомый и неистовством беспредельного самолюбия восхищаемый, многократные сей истины показал опыты, то такого дела уж не называют Платоновую республикою; правда, что приведение великого общества в благополучное состояние есть такое

дело, которое не зависит от благодеяния природы, а, напротив того, от долговременного и тяжкого, однакож по крайней мере (как кажется) небезуспешного труда, все почти о том единодушно говорят, возможно ль привести такое множество людей в такую порядочную стройность; но когда мы рассудим о других делах человеческих, как то о редких и чувства наши пленяющих художествах, об умопитательных и украшающих род человеческий науках и о прочих делах человеческих, как они трудом и старанием человеческим приходят в зрелость и силу, а нерадением и пренебрежением в слабость и упадок, то казалось бы посему, что и приведение великого общества в благополучное состояние без великой зависимости от других есть не невозможное дело; когда люди к погублению других выдумали особый военный порядок, особливые военные правила и целую военную науку, то, кажется, то же бы они могли сделать и в рассуждении своего благополучия, но препятствует сему то, что благодетельные для человеческого рода изобретения не так блистательны, не так поражают человеческие чувства, не так понятны и прозорительны, и потому во все времена не так награждаемы были, как вредительные и обольщающие род человеческий мнимую его пользою. Есть еще и такие люди, которые думают, что люди по своей натуре, склонной к переменам, без различия перемен и подражания другим не могут себя почитать благополучными; но ложь сего мнения доказывается примером трудолюбивой и подобной сотоносной пчеле Голландии, которая, не прельщаясь блистательными роскошными обществ модами, пребывает в своей простоте и умеренности и почитает сама себя и почитается также и от всех других людей за благополучнейший народ из всей Европы; а уже нет несноснее того безбожного и зверского некоторых людей мнения, которые почитают свое удовольствие и благополучие в страдании и несчастьи своих ближних.

Часть вторая. О попечении начальствующих политиков о наружной безопасности обществ

439. Наружная безопасность общества главную свою силу заимствует от внутреннего его благосостояния.

440. Равным образом способствует к сему намерению и то, когда какое общество основывает свое состояние так, чтоб как можно меньше зависеть ему от других обществ, как то примером сему служить может Китайская область.

441. Однако как трудно сыскать такое общество, которое б пользовалось внутренним благосостоянием совершенно, а по большей части все они стараются о наружной безопасности, хотя они чрез сие обоих их лишаются, однако как число таких обществ немалое, то они по множеству своему могут лишить и такое общество благосостояния его, которое им действительно пользуется; и для того обществам быть без какой-либо зависимости почти не можно, в рассуждении чего здесь необходимо потребно предложить и о тех средствах, которые служат к сохранению наружной безопасности обществам.

442. Средства к сохранению наружной безопасности общества суть доброе и справедливое его обхождение с другими народами, нежелание попользоваться ему чем-либо со вредом их; а как сии добродетели мало трогают порочных людей, то и содержание каждому обществу себя в вооруженном состоянии необходимо.

443. Мне кажется, что как ни повреждены ныне нравы в народах, однако ежели какая область постоянно будет наблюдать добродетель чрез долгое время и присовокупит к тому разумную и осторожную поступку, то я не думаю, чтоб одни из ее соседей по первому качеству ее не почитали, а другие по другому не опасались.

444. Господин Билефельд говорит, что общества поступают между собою по натуральному праву прежде завладевшего, а еще сверх того сказать можно, что и по самолюбию сильнейшего, потому что во всем свете точной справедливости быть не можно, однако желательно бы, чтоб род человеческий одумался когда-либо остановить свои неправости в таком состоянии, в каком они найдутся, и начал бы с того времени эпоху постоянного последования справедливости, следовательно, и своего благополучия; но такое мое размышление, как не могущее обещать себе исполнения ни по каким обстоятельствам, почесть может за настоящее греженье.

445. Некоторый автор пишет, что министру для разделок с другими державами необходимо надобно кроме других знаний быть сильну и во французском языке, как вообще употребляемом во всей Европе, что в рассуждении обычая подражания одних людей другим почесть можно и за справедливо; я, читая сие место, привел себе на мысль некоторое примечание. Французы как хорошими и полезными своими сочинениями на своем языке и переводами книг с других языков на свой, так учтивым и приятным своим обхождением довели всех европейцев учиться своему языку и чрез то сделали его универ-

сальным, я не знаю для чего, ежели не для универсальной претензии*, и чрез сие учинение своего языка универсальным на место латинского причинили они учащимся людям немалый подрыв; а их примеру следуя, и другие народы каждый на своем языке начали писать науки, так что в нынешние времена для получения успеху в науках вместо одного латинского языка надобно учиться трем или четырем другим и нужное для изучения наук время напрасно в изучении их тратить; потому что кто на своем природном языке болван, тот на всех других языках будет такой же болван, ежели не исправит своего разума другими знаниями, не упоминая о том, что так называемые живые языки служат, как кажется мне, к упадку наук, потому что слова и штиль в таких языках беспрестанно переменяются, так что по прошествии многих лет иных слов и совсем разуместь нельзя, чего с латинским, как называемым мертвым или, лучше сказать, по его непременно прямо живым, последовать не может, для того что кто научится ему хотя не совершенно, однакож довольно, то как теперь, так и чрез тысячу лет вперед все равно писания его разуместь можно. Ежели, рассудив сие, другие области для сохранения своей амбиции вздумают в политических делах обходиться с французами каждая на своем языке, то такой случай может их привести в немалое затруднение. А что некоторые рассуждают о лучшей приятности французского языка пред другими, думая, будто бы она ему натуральна, то это делается от незнания свойства, происхождения и возвращения языков. Нет на свете такого языка, коего бы не можно было столько ж сделать приятным, как французский, ежели только ввесть в него столько наук, художеств, мод и страстей, как во французском.

446. Бывают, хотя и редко, такие люди, которые кроме приятного обхождения не имеют дружбы ни с кем, да, напротив того, не имеют они никогда и явной вражды ни с кем, исключая разве какой чрезвычайный случай; сей пример для целых обществ кажется мне весьма полезным; такому обществу не доведется быть принужденну против своей воли защищать несправедливости другого и для компании с ним претерпевать военные несчастья.

447. Обществам надобно беречься, чтоб не начинать без крайней нужды одному с другим ссоры, а наипаче войны. Когда кто за партикулярную обиду мстит другому в публичной должности, то

---

* «Mes pensées», supplément.

такого человека хулят; не худо, ежели б сей пример партикулярных людей послужил образцом и для целых обществ. Я начитал в книге господина Даржана, названной «Философия здравого разума», что король французский Франциск Первый¹⁵⁵ по совету адмирала Боннивета¹⁵⁶ перешел Альпийские горы с армиею и воевал в Италии для одного того, чтоб достать славную красавицу Кларису и для одного сего потерял множество солдат; так ежели кто для подобных сему причин разорвет дружбу и предпримет войну, то в таком случае не остается, как только с слезным вздыханием сказать: милосердый Боже! напояни ему при таком печальном и страшном деле святость закона твоего о любви к ближнему и святость гражданского договора.

448. Слабая кажется то политика, что инде отдается на жертву один или несколько человек будто бы для спасения множества; это не политика, а недостаток политики; надобно стараться предвидеть такие случаи, чтоб не допускать себя заранее до такой крайности; когда об армейском генерале говорят худо, ежели он при неудачном каком случае скажет, что он того не чаял, то уж о министре в таком случае по справедливости сказать можно и больше.

449. Слабая и недостаточная то политика, чтоб для приобретения богатых доходов погубить несколько людей; на место потерянных доходов можно с людьми приобрести новые доходы, а на место потерянных людей нельзя получить ни новых доходов, ни новых таких людей; и кто советует властям такие прожекты, тот им не желает прямой их пользы и славы; ежели рассудить прямо, то обладатели все по своей пропорции богаты, и им по состоянию их не остается чего другого искать, как только похвального имени в потомках.

450. Мы считаем себя богатыми и убогими не по количеству вещей, а по сравнению себя с другими людьми. Что в том пользы, когда из двух человек в первое время их жизни один имел сто рублей, а другой тысячу, а в другое время один — тысячу, а другой — десять тысяч? В обоих сих случаях они в сравнении один с другим почитают себя одинаково богатыми, а только прибавилось у каждого денег; итак, каждого из их удовольствие и неудовольствие пребывает после то же, что и прежде. Самое сие делается и между целыми народами: они все непрерывно сияются обогатиться, а в сравнении между собою имеют всегда одно удовольствие и неудовольствие; и как рассудить при сем случае о ненасытном желании богатства европейцев, то

в рассуждении их хвастовства в знании пред всем светом — какая это для них низкость, и какого они в таком своем взаимном мучении сожаления достойны! Ежели какая область имеет у себя хотя посредственно пространные пределы, наполненные довольным количеством одного или многих искусным правлением приведенных в один народов, и, будучи под властью полезных законов, соблюдет свое добронравие и честные обычаи непоколебимо, то я понять того не могу, чтоб она когда-либо от таких жадных к богатству коршунов какой вред потерпела; мне по истории и опытам кажется, что для целых обществ нет больше богатства, как в умеренности, нет больше храбрости, как в неповинности, и нет больше искусства, как в справедливости.

451. Некоторый писатель между предметами политики полагает и то, чтоб обладателям стараться обогащать свои народы; ежели подумать о сем осторожно, то какая надобность и польза в том, чтоб обогащать народ, когда он только имеет довольное свое содержание; ежели взять чрез множество веков в рассуждение Европу, которая больше всех мучит себя в поту и пене, чтоб обогатиться, и чахнет от изобретаемых на то бесчисленных прожектов и для того не только сама себя, но и другие части света тревожит и разоряет, и хотя она таким своим проворством, как магнитом, притягивает к себе сокровища всего света, да чем она сделалась благополучнее прежних веков, в кои не столько старались об обогащении? Каковы тогда были разорения городов и целых областей и убивства многих народов, таковы и ныне продолжаютя. А для чего? — Для обогащения. А ежели рассудить прямо, что есть обогащение, то хотя его и нельзя назвать химерою, однако ж горячкою, от неумеренности и воспламенения ничем необузданных наших прихотей происходяю, которой жадности сокровища всего света утолить не могут, потому что по обыкновенному разуму богатым быть есть не ограниченное, а зависящее от прихотей дело; а ежели б вместо обогащения народов постараться о поправлении их нравов, только, думаю, иные политики сочтут сие за невозможное дело, то бы, думаю, вышли от того полезнейшие плоды, как то примером сему служить может Китайское государство, управляемое мудрою властью попечительного отца о своих детях^{*157}.

* Dictionnaire philosophique portatif de la Chine.

452. Иной сказать может, что с таким распоряжением общество может потерять коммерцию; это правда, да есть ли о чем тужить? Для распространения коммерции надобно купцам иметь кредит у иностранных людей, а для того надобно им и свои товары отдавать в кредит своим одноземцам, которые от сего начнут свое состояние мотовством и окончат разорением; а мне бы думалось, что обогащение одних купцов не столь важно, чтоб оно стоило разорения и страдания весьма многих других членов общества.

453. Обществу надобно искать себе такого добра, которое бы и в следствиях своих было хорошо, например: как может назваться это добром, когда кто ограбит какого человека и попользуется его именем, а после суд с него взыщет все то с наказанием; так и общество: какой может ожидать себе пользы от великого своего старания о завоеваниях, о коммерции, об обогащении, когда самое сие кажущееся ему добро содержит в себе основание его повреждения.

454. Перемена состояния в человеке примечается по десяткам лет, а в обществе подобно тому — по векам или по нескольким векам, как то из истории видно; и как человек во время жизни своей много переменяется в нравах, обычаях и страстях, так думается мне, что и целые народы чрез многие веки переменяются в нравах, обычаях и страстях; и в рассуждении сего кажется мне, что все напряженные дела не могут быть прочны; таким образом, великая страсть к завоеваниям, к коммерции и другим стяжаниям со временем упасть должна; а ежели все сии упражнения основать на умеренности, то она, как не обременяющая и нескучная для всякого человека и общества и притом не подверженная зависти соседей, может быть благонадежнее.

455. Нынешние общества на свете по Махиавелеву правилу почитают то за член веры, чтоб не терпеть благополучия близкого подле себя соседа; я не знаю, ежели такому обществу случится сосед по всем обстоятельствам равносильный; ослабить его войском, происками или другим чем нельзя, потому что он во всем том равносильный; итак, что в таком случае доведется делать, как не остаться, по моему мнению, в своих пределах с добродетельною, разумною и в рассуждении своего благополучия осторожною, то есть мирною и к отражению несправедливого нападения готовою поступкою, не опасаясь в том никакого себе вреда, как то справедливость сего рассуждения доказывает Эпирский обладатель Скандерберг¹⁵⁸, за-

щищавший чрез долгов время малую свою область, окруженную отсюда неприятельскими владениями, против всей Оттоманской силы. Но шершавых политиков намерение состоит не в соблюдении обществ в целости, а в доведении их до такой обширности, чтоб они, устрашая одною своею великостию, без всех других качеств, тем спокойнее могли предаться лени и роскоши; но люди не так глупы, чтоб они пугались долго связанного, хотя бы и льва, как то истину сего мнения доказывает нам история в ассирийской, персидской и римской монархиях.

456. Но как мы уже привыкли стремиться за пышностью и высокоумием, гнушаемся умеренностию, покоем и непорочною добродетелью, то в таком случае печальных военных приключений миновать почти уже не можно.

457. Итак, когда наружная безопасность заключает в себе необходимо, в рассуждении торжества пороков человеческих над добродетельми, попечение и о военных делах, то для того я, не в намерении поспешествования совершенству сего искусства, но в рассуждении приличества материи предложу некоторые мои генеральные, а не подробные о том рассуждения, и потому справедливый читатель не может меня обвинить в отступлении от моего предмета человеколюбия, а рассудит, что я чрез сие, хотя, может быть, безуспешно, стараюсь поправить зло меньшим злом, или, как яснее сказать, силою облегчить тяжкое зло моей собратии.

458. А когда уж какому обществу все миролюбивые и добродетельные средства безуспешны будут, то в таком случае советовал бы я ему начинать войну предписанным от римского государя Великого Нумы Помпилия порядком; и в таком случае я того понять не могу, чтоб человеческий род столько мог гнушаться добродетелью, чтоб и такая непорочная поступка не могла кого подвигнуть и чтоб она не сыскала себе в такой нужде союзников и поборников, которые такому обществу, бесспорно, доставить могут совершенную победу, только ж после победы то общество должно удовольствоваться равномерным награждением равномерных убытков, а далее отнюдь не посягать.

459. Начальствующим политиков должность не допускать своего общества, превосходящего пред другим силою или победою, причинять тяжкие озлобления другому, слабейшему; такие раны в партикулярных фамилиях оставаться могут иногда чрез

измертвие их без возмездия, а в целых народах по рассуждению обширного времени статья тому трудно, выключая такой случай, когда кто примет безбожный к искоренению всего такого народа совет Махиавелев^{*159}; но такого политика, ежели закон Божий о любви к ближнему, ежели человеческой и в самом нем пребывающей природы томный и жалостный глас подвигнуть не могут, то по крайней мере желательно, чтоб побудил его к пощаде бедных людей хотя страх могущего и самому ему приключиться такого же несчастливого жребия, от коего стонутотягощенные войною народы.

460. Ежели в какой необходимой наступательной или оборонительной войне будет иметь какое общество вспомогательные войска, и как они часто имеют особливые тайные повеления от своего правительства, как то случилось шведскому администратору Густаву Вазе при атаке датского флота под командою адмирала Норби от любского генерала Стаммеля, то для того господин Юстий¹⁶⁰ хорошо советует, чтоб, немного полагаясь на такие войска, оставлять их действовать особо от своей армии^{**}.

461. Для наружной безопасности надобно ставить крепости на одних границах не в близком расстоянии, и то такие, чтоб тамошним жителям одним не отяготительно было их строить, в том намерении, что крепость должна только устоять хотя малое время до подания помочи, а не так, как некоторые в головах своих строят непобедимые крепости; такие прожекты доказывают больше непобедимое упрямство, а не непобедимую крепость, невозможную в натуре, и не [в] пользу обществу.

462. Неумеренное честолюбие тех генералов, которые с великим иждивением, беспощадным пролитием крови бедных солдат и потому с неописанным вредом своему обществу стремятся брать неприятельские крепости, заставляет человеколюбие к немалому на них роптанию; а мне бы казалось, что ежели б вместо отнимания у неприятеля крепости сделать на неприятельской земле новую теми же людьми, которые убиваемы бывають под неприятельскими крепостями, то в таком бы случае множество солдат при жизни соблюсть можно было; но иному покажется сие, хотя и не есть в самой вещи, не

* Antimachiavel ou examen du Prince de Machiave, с. 5.

** Johann Heinrich Gottlob von Justi Staatswirtschaft. 1. Teil.

так славно, как гром от взятой приступом и с пролитием неповинной крови бедных людей крепости.

463. Ежели б употребить то число людей, которые бывают в кампании против неприятеля к какому-либо другому делу, то, чаятельно, они не меньше бы принесли трудом своим пользы, как и победою своею, и то еще ежели удастся, а побиваемые бы на баталии люди живы остались.

464. Содержать столько войска, которое б пропорционально было пространству земли и количеству народа.

465. Чтоб солдаты были хороши, то брать в сие звание по охоте, а не поневоле; для сего полезно, чтоб солдаты все женаты были, то дети их могут быть лучшие солдаты.

466. Для наружной безопасности во всех, а наипаче в пограничных местах надобно приучивать всякого звания людей без изъятия уметь обходиться с оружием.

467. Надобно, чтоб солдат сносил труд всегдашний, только не чрезвычайный, также нужду, а не страдание, и исправлял бы свою должность, а не прихоти начальников.

468. Господин Юстий советует самим государям предводительствовать армиями, да и историки выхваляют военных обладателей; а мне бы думалось, что обладателю без крайней нужды лучше управлять дома, а ежели навалится на его дом нестройных мужиков банда, то на прогнание их может он употребить своих дворецких и служителей, а самому ему замешиваться туда некстати. Напрасно и смешно, иной сказать может, что иное дело в миниатюре, а другое в большом виде; многих обладателей неблагополучная жизнь и безвременная кончина, последовавшие от такой охоты, требуют сей от других осторожности.

469. Что я в части о наружной безопасности касаюсь рассуждениями моими и до военной науки, то думаю, иные скажут, что поступил я так не по приличеству места, но я им на то объявлю, что положил здесь только генеральные о том рассуждения, как приличествующие по случаю материи о политике, простирающей свое знание на все те дела, которые касаются до благосостояния общества, а о прочем той науки содержании, как не приличествующем к сему случаю, ничего не упоминаю.

470. При управлении обществ, а особливо великих, здравая политика, благопристойность и самая их великость требуют от прави-

телей их великого праводушия, стараться в них не об обогащении их, а о довольном содержании и находить к тому каналы, которые б были неприступны зависти, не направлены к предосуждению и обиде других обществ, не подвержены частым переменам, не засорились бы долгою времени; великому обществу завоевания новые и возвышение новое не нужны, а больше бедственны, а падение его несравненно чувствительнее малого. Опыты доказывают то, что и крепкого сложения люди, ежели без дальней нужды часто принимают лекарства, то вместо вылечения себя больше повреждают, так равномерно и великое общество малыми приобретениями снаружи чувствительно повреждает свою внутренность; в сем случае весьма кстати служит мнение императора римского Августа¹⁶¹, который в завоевании скифских народов не хотел ловить рыбы золотою удою; великому обществу для сохранения себя в целости надобно иметь великую строгость в хранении праведных законов, великое постоянство и твердость в соблюдении добрых обычаев, великую осторожность и важность в переменах и, несмотря ни на какие отсоветования, постоянно и неослабно стараться о своем добронравии, то чрез сии средства сохранит оно свою великость на многие веки непоколебимо.

471. Я пишу несогласно с системою нынешних европейских областей; правда, я ее, может быть, и не знаю, да и узнать ее не легко; она по несправедливости своей разновидна и не сходна с единообразием истины, она подобна скоробежной буре и стремительному вихрю. Нынешние общества располагают основание своей великости, смотря по другим, а другие — смотря по ним, так что нет в них никакого постоянного положения и надежных к долговременному в целости простоянию подпор, и физики напрасно мучатся в изобретении вечно движущейся машины, вот она и без их труда найдена.

472. Хотя я, рассуждая состояние нынешнего света, правильную причину имею думать, что предложения мои, как совсем противные нынешнему обычаю и вкусу народов, не только не получают от них никакого благоволения, но еще не убегут и посмеяния, и что, как говорит некоторый автор, «Махиабель¹⁶² не умрет, проклинать его будут очень громко, а подражать очень тихо, потому что беззакония учеников его посвящены великими примерами, облагородствованы великими опасностями, присоветованы великими нуждами, вдохн[ов]

енны великим душам, оправданы великими успехами, одним словом, все здесь велико». Однако, несмотря на то, писал я истину или по крайней мере то, что по слабости моего ума казалось мне истиною, и лучше желал справедливо или несправедливо быть осмеян, нежели терпеть подлым образом упрекание от совести в какой-либо моей неправости.

М. В. ЛОМОНОСОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНЕ ТЕПЛОТЫ И ХОЛОДА

§ 1

Очень хорошо известно, что теплота* возбуждается движением: от взаимного трения руки согреваются, дерево загорается пламенем; при ударе кремня об огниво появляются искры; железо накаливается от проковывания частыми и сильными ударами, а если их прекратить, то теплота уменьшается, и произведенный огонь в конце концов гаснет. Далее, восприняв теплоту, тела или превращаются в нечувствительные частицы и рассеиваются по воздуху, или распадаются в пепел, или в них настолько уменьшается сила сцепления, что они плавятся. Наконец, зарождение тел, жизнь, произрастание, брожение, гниение ускоряются теплотою, замедляются холодом. Из всего этого совершенно очевидно, что достаточное основание теплоты заключается в движении. А так как движение не может происходить без материи, то необходимо, чтобы достаточное основание теплоты заключалось в движении какой-то материи.

§ 2

И хотя в горячих телах большей частью на вид не заметно какого-либо движения, таковое все-таки очень часто обнаруживается по производимым действиям. Так, железо, нагретое почти до накаливания, кажется на глаз находящимся в покое; однако одни тела, придвинутые к нему, оно плавит, другие — превращает в пар; т. е., приводя частицы их в движение, оно тем самым показывает, что и в нем имеется движение какой-то материи. Ведь нельзя отрицать существование движения там, где его не видно: кто, в самом деле, будет отрицать, что когда через лес проносится сильный ветер, то листья и сучки деревьев колышутся, хотя при рассматривании издали и не видно движения. Точно так же, как здесь вследствие расстояния, так и в теплых телах вследствие малости частиц движущейся материи движение ускользает от взора; в обоих случаях угол зрения так остр, что нельзя видеть ни самых частиц, расположенных под этим углом, ни движения их. Но мы считаем, что никто — разве что он приверженец скрытых

---

* Под каковым именем мы понимаем и более напряженную ее силу, обычно называемую огнем.

качеств — не будет теплоту, источник стольких изменений, приписывать материи спокойной, лишенной всякого движения, а следовательно, и двигательной силы.

§ 3

Так как тела могут двигаться двояким движением — общим, при котором все тело непрерывно меняет свое место при покоящихся друг относительно друга частях, и внутренним, которое есть перемена места нечувствительных частиц материи, и так как при самом быстром общем движении часто не наблюдается теплоты, а при отсутствии такового движения наблюдается большая теплота, то очевидно, что теплота состоит во внутреннем движении материи.

§ 4

В телах материя двоякого рода: связанная, именно движущаяся и производящая напор вместе со всем телом, и протекающая, подобно реке, через поры первой. Спрашивается, которая из них, приведенная в движение, производит теплоту? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к главным явлениям, наблюдаемым для горячих тел. Рассматривающему их ясно, что 1) в телах имеется тем больше теплоты, чем плотнее их связанная материя, и наоборот. Так, рыхлая пакля загорается большим пламенем, но дающим гораздо меньше жару, чем она же, сжатая более плотно. Соломою, которая в обычных условиях горит легким пламенем, обитатели плодородных областей России, лишенных лесов, пользуются вместо дров, предварительно связав ее в плотные, толстые жгуты. Более пористые дрова при горении дают меньше жара, чем более плотные, а ископаемые угли, содержащие в своих порах каменистую материю, производят более сильный жар, чем древесные угли, имеющие, наподобие губок, пустые промежутки. Затем, воздух нижней атмосферы, который плотнее воздуха более высокой атмосферы, более чем последний согревает обтекаемые им тела, как свидетельствуют теплые долины, окруженные покрытыми вечным льдом горами; 2) более плотные тела в том же объеме содержат, конечно, больше связанной материи, чем протекающей. А так как из законов механики известно, что количество движения тем значительнее, чем большее количество материи находится в движении, и наоборот, то если бы достаточное основание теплоты заключалось во внутреннем

движении протекающей материи, более редкие тела, в порах коих находится больший запас протекающей материи, должны были бы обладать большей емкостью для теплоты, чем более плотные. Но так как, наоборот, количество теплоты скорее соответствует количеству связанной материи тел, то очевидно, что *достаточная причина теплоты заключается во внутреннем движении связанной материи тел.*

§ 5

Эта истина подтверждается действием небесного огня, направляемого на тела зажигательными приборами: по удалении из фокуса этот огонь в них сохраняется тем дольше, чем они плотнее, так что в самом разреженном из тел — воздухе — она не остается ни на малейшее осязаемое время. Сюда же присоединяется, что теплота оказывается различной в соответствии с различной тяжестью и твердостью тел, и опыт показывает, что интенсивность ее пропорциональна весу тела, соответствующему степени сцепления его частей, — очевидное указание на то, что связанная материя тел есть материя их теплоты. И хотя связанная материя двойка — собственная, из которой состоит тело, и посторонняя, находящаяся в пустотах, лишенная собственной материи, — однако так как обе движутся вместе с самим телом и сочетались в одну общую массу, то не может быть, чтобы при возбуждении собственной материи к теплотворному движению не приходила в такое же движение посторонняя материя, и наоборот, подобно тому как теплая губка нагревает проникающую в поры ее более холодную воду и, наоборот, более теплая вода согревает более холодную губку.

§ 6

Внутреннее движение мы представляем себе происходящим тройким образом: 1) нечувствительные частицы непрерывно изменяют место, или 2) вращаются, оставаясь на месте, или, наконец, 3) непрерывно колеблются взад и вперед на нечувствительном пространстве, в нечувствительные промежутки времени. Первое мы назовем *поступательным*, второе *вращательным*, третье *колебательным* внутренним движением. Теперь следует рассмотреть, которое же из этих движений производит теплоту. Чтобы это выяснить, мы примем за основу следующие положения. 1) *То внутреннее движение не есть причина теплоты, отсутствие которого будет доказано в горячих телах.* 2) *Не является при-*

чиной теплоты и то внутреннее движение, которое имеется у тела менее горячего, чем другое тело, лишенное этого движения.

§ 7

Частицы жидких тел связаны друг с другом так слабо, что растекаются, если не сдерживаются каким-либо твердым телом, и не требуется почти никакой внешней силы, чтобы уничтожить их сцепление, но они могут самопроизвольно расходиться, удаляться друг от друга и двигаться поступательно. Поэтому на жидкости нельзя запечатлеть постоянные знаки, но все они мгновенно исчезают. Имеется ли налицо в каждом жидком теле, даже более холодном, чем жизненный уровень тепла, внутреннее поступательное движение или нет — не будем здесь исследовать; мы не сомневаемся, что для нашей цели достаточно будет показать, что есть очень много случаев, в которых оно проявляется совершенно ясно. Для этого начнем прежде всего с растворов солей в воде. Неизменно наблюдается, что вода, на ощущение совершенно спокойная, сообщаящая руке ощутительный холод, растворяя помещенные на дно сосуда соли — морскую, селитру, нашатырь, — разносит их по всему своему объему. А так как это может происходить, лишь если частицы воды удаляют молекулы соли, оторванные от куска, то вполне очевидно, что сами водяные частицы движутся поступательно, когда растворяют какую-либо соль. То же — никто не станет отрицать этого — происходит и в ртути, когда она разъедает металлы и разносит их частицы; в винном спирте при извлечении им красящих веществ из растений.

§ 8

Наоборот, частицы твердых тел, особенно более твердых неорганических, оказываются соединенными такой тесной связью, что энергично сопротивляются внешней силе, стремящейся их разъединить. Вследствие этого им невозможно самопроизвольно, разрушив связь сцепления, отойти друг от друга и двигаться внутренним поступательным движением. Поэтому даже самые незначительные знаки, вырезанные на них, сохраняются веками и уничтожаются лишь от постоянного употребления, или от действия воздуха, или от перехода самого тела в жидкое состояние. В этом отношении хорошим доказательством служит пример золота, которое, будучи нанесено

на поверхность серебряных изделий, долгое время остается на ней и стирается только от частого пользования. Наоборот, оно мгновенно оставляет поверхность и распространяется по всей массе серебра, как только серебряная позолоченная вещь плавится на огне. Все это ясно показывает, что частицы твердых тел, особенно более твердых и неорганических, не имеют поступательного движения.

§ 9

Установив это, рассмотрим, во-первых, какой-нибудь серебряный сосуд или другой предмет из этого металла, покрытый золотом и снабженный самыми мелкими вырезанными знаками, нагретый до такой степени тепла, при которой кипит вода. Мы увидим, что золото на поверхности остается незатронутым и знаки нимало не изменившимися; самая твердость сосуда остается прежней, в этом совершенно исключена возможность отделения нечувствительных частиц. Отсюда совершенно очевидно, что тело может быть сильно нагрето без внутреннего поступательного движения. Во-вторых, сравним какой-нибудь очень твердый камень, например алмаз, нагретый до температуры плавления свинца (что мастера часто делают, собираясь его шлифовать, безо всякого вреда или изменения драгоценного камня), с довольно холодной водою, растворяющей соль и тем самым еще более охлаждающейся, или со ртутью, разъедающей серебро. Первый мы найдем очень горячим без внутреннего поступательного движения, а вода и ртуть, обладающие таким движением, показывают очень малую степень теплоты. Это самым наглядным образом свидетельствует, что весьма часто тела, обладающие внутренним поступательным движением, нагреты гораздо меньше, чем те, которые не обладают таковым движением. Отсюда, в силу положений, приведенных в § 6, следует, что *внутреннее поступательное движение связанной материи не есть причина теплоты.*

§ 10

Из определения внутреннего колебательного движения (§ 6) ясно видно, что при таком движении частицы тел не могут быть в сцеплении друг с другом. Хотя расстояния, в которых совершаются их крайне малые колебания, весьма незначительны, однако невозможно, чтобы при этом частицы не лишались взаимного касания и по большей части не оказывались вне его. Для ощутительного сцепления частиц тела требует-

ся непрерывное взаимное соприкосновение их; следовательно, частицы тела не могут находиться в ощутительном сцеплении, если они сотрясаются внутренним колебательным движением. Но так как большинство тел при нагревании до огненного каления сохраняет очень сильное сцепление частей, то очевидно, *что теплота тел не происходит от внутреннего колебательного движения связанной материи* (§ 6).

§ 11

Итак, после того как мы отвергли поступательное и колебательное внутренние движения, с необходимостью следует, что *теплота состоит во внутреннем вращательном движении* (§ 6) *связанной материи* (§ 4) — ведь ее необходимо приписать которому-нибудь из трех движений.

§ 12

Здесь можно, однако, задать вопрос: могут ли частицы твердых тел, находясь в непрерывном и совершенном сцеплении, вращаться одна около другой? Чтобы ответить на него, достаточно вспомнить, что два куска мрамора, сложенные полированными поверхностями, легко движутся по отношению друг к другу и этому нисколько не препятствует взаимное сильное сцепление; также стеклянные чечевицы при шлифовке столь плотно пристают к быстро вращающимся формам, что не могут быть сдвинуты по линии, перпендикулярной к плоскости касания, без порчи их. Приняв это во внимание, мы можем ясно представить себе, что мельчайшие частицы тел могут вращаться одна вокруг другой, несмотря на сцепление, тем легче, чем в меньшем отношении находятся их плоскости соприкосновения ко всей поверхности. Что касается жидкостей, то вполне очевидно, что их частицы, которые в большинстве двигаются внутренним поступательным движением, вследствие отсутствия сопротивления, производимого сцеплением, могут иметь и вращательное движение, сохраняя первое.

§ 13

Из этой нашей теории выводятся такие следствия: 1) Для нашего теплотворного движения самой подходящей является шарообразная форма корпускул материи, так как такие частицы могут взаимно

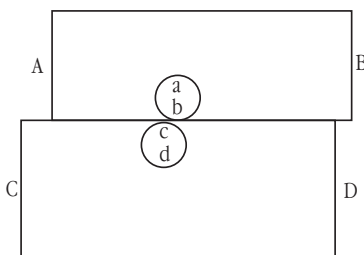
касаться только в одной точке и не производят по отношению друг к другу почти никакого трения. 2) Так как каждое движение, будучи величиной, может увеличиваться и уменьшаться, то надо то же предполагать и для теплотворного движения. Но чем больше это движение, тем значительнее будет его действие; отсюда, при увеличении теплотворного движения, т. е. при более быстром вращении частиц связанной материи, теплота должна увеличиваться, а при более медленном — уменьшаться. 3) Частицы горячих тел вращаются быстрее, более холодных — медленнее. 4) Горячие тела должны охлаждаться при соприкосновении с холодными, так как оно замедляет теплотворное движение частиц; наоборот, холодные тела должны нагреваться вследствие ускорения движения при соприкосновении. 5) Итак, когда рука ощущает теплоту в каком-либо теле, то частицы связанной материи руки приводятся в более быстрое вращательное движение, а при ощущении холода их вращательное движение замедляется.

§ 14

Нет более надежного способа доказательства, чем способ математиков, которые подтверждают выведенные а priori положения примерами и проверкой а posteriori. Поэтому мы, чтобы развить далее нашу теорию, по примеру математиков объясним важнейшие явления, наблюдаемые для огня и теплоты, к тем подтвердим полную правильность выдвинутого в § 11 положения.

§ 15

Явление 1. При взаимном трении твердых тел одно из них движется по другому и скребет его; отсюда следует, что частицы, расположенные на поверхностях трения, ударяются друг о друга. Итак, пусть тело AB [см. рисунок]

движется по телу CD из B в A ; частица ab частью своей поверхности b ударяет в часть c поверхности частицы cd , так что частица ab возбуждает к движению частицу cd и, наоборот, частица cd силою своего сопротивления возбуждает к обратному движению частицу ab . Так как и та и другая входят в состав твердого тела, то они не могут оставить своего места и двигаться поступательно; но движение тела AB не прекращается, следовательно, частица cd будет двигаться вокруг своего центра в том направлении, в каком ее толкает частица ab ; а частица ab — около своего центра в том направлении, в котором ее задерживает частица cd ; т. е. обе будут двигаться вращательно. Когда, таким образом, придут во вращательное движение отдельные частицы, которые расположены в плоскости трения, то вследствие распространения трения придут во вращательное движение и остальные частицы, составляющие тела AB и CD . Отсюда ясно, каким образом твердые тела нагреваются от взаимного трения. Далее, отсюда происходят такие следствия.

Явление 2. Чем сильнее при трении сжимаются поверхности тел AB и CD и чем скорее они двигаются друг возле друга, тем сильнее возбуждаются к вращательному движению частицы ab и cd , тем быстрее разогреваются тела.

Явление 3. Так как частицы жидких тел очень слабо сцеплены друг с другом и очень легко уходят со своего места, то частицы ab и cd , если они находятся на поверхностях жидких тел, уступая место друг другу, не могут воспринять то вращательное движение, которое получают частицы, входящие в состав твердого тела. Вследствие всего этого жидкие тела не только не нагреваются заметным образом от трения, возникающего между массами взбалтываемой жидкости, но не нагреваются заметным образом и твердые тела, если поверхность их смочена жидкостью.

§ 16

Явление 4. Если тереть гвоздь более длинным железным прутком, то отдельные частицы, расположенные на поверхности прута, ударяют во встречающиеся им частицы гвоздя. Но так как трущая поверхность прута больше, чем поверхность гвоздя, то в поверхность гвоздя ударяет большее число частиц, чем в поверхность прута; вследствие этого частицы гвоздя, возбуждаемые более частыми ударами, долж-

ны приходиться во вращательное движение скорее, чем частицы прута. Поэтому не удивительно, что гвоздь нагревается раньше, чем прут.

§ 17

Явление 5. Когда холодное железо расковывается молотами, в особенности если они ударяют под косыми углами, то часть железной массы уступает ударам молота, надвигается на соседнюю часть, не подвергаемую ударам, и трет ее, совершенно как тело, очень тесно приложенное к поверхности другого идвигающегося по нему с сильным трением. Под влиянием более частых ударов трение между возбуждаемыми частями железной массы увеличивается и вращательное движение частиц возрастает до того, что железо иногда накаливается докрасна.

Явление 6. Совершенно то же наблюдается в любой металлической палке, в особенности не упругой, при многократном перегибании: в самом деле, части массы ее, находящиеся на выгнутой стороне, расходятся в противоположных направлениях, проходят друг по другу скребущим движением, трутся, получают вращение и стиб палки нагревается.

§ 18

Явление 7. Если более теплое тело A находится в соприкосновении с другим телом B , менее теплым, то находящиеся в точках соприкосновения частицы тела A , вращаясь быстрее, чем соседние с ними частицы тела B (§ 13), более быстрым вращением ускоряют вращательное движение частиц тела B , т. е. передают им часть своего движения; столько же движения уходит от первых, сколько прибавляется у вторых; т. е. когда частицы тела A ускоряют вращательное движение частиц тела B , то замедляют свое собственное. Вследствие этого когда тело A при соприкосновении нагревает тело B , то само оно охлаждается.

§ 19

Явление 8. Далее, частицы тела B , расположенные в поверхности касания, входя в движение, соприкасаются с другими частицами того же тела, более отдаленными от поверхности касания; эти, ускорив свое движение от взаимного трения с первыми, приводят во вращение и другие соседние, и так внутреннее вращательное движение последователь-

но распространяется от плоскости касания до противоположной поверхности. Наоборот, частицы тела *A*, находящиеся в плоскости касания, замедляются в своем движении (§ 18), а от них замедление передается соседним с ними, затем последовательно все новым и новым вплоть до поверхности, противоположной касанию. Отсюда уясняется, почему находящаяся в соприкосновении поверхность менее нагретого тела, приложенного к более горячему, нагревается раньше, чем противоположная, а соприкасающаяся поверхность более горячего тела, придвинутого к более холодному, охлаждается раньше, чем противолежащая ей.

§ 20

Явление 9. Если к противоположным поверхностям менее тепло-го тела *A* придвинуты два более теплые тела *B* и *C*, то от каждой поверхности касания будет распространяться по направлению к другой внутреннее вращательное движение, а потому оно охватит все тело *A* быстрее, чем если бы это движение, начавшись с одной стороны, должно было распространиться до другой стороны, т. е. если бы было придвинуто только либо тело *B*, либо тело *C*. Точно так же, если тело *A* теплее придвинутых к нему с обеих сторон тел *B* и *C*, вращательное движение его частиц должно замедлиться скорее, чем если бы тело *A* было в соприкосновении с одним менее горячим телом *B* или *C* только одной стороной. Отсюда следует, что вращательное движение частиц увеличивается или замедляется тем быстрее, чем большая поверхность приходит в соприкосновение с приложенным более горячим или более холодным телом. А так как поверхности подобных тел находятся в двойном, а объемы — в тройном отношении диаметров, то выясняется также, почему теплые тела одного рода и одинаковой фигуры, но большего объема в одной и той же окружающей среде, напр[имер] в воздухе, медленнее охлаждаются, а холодные медленнее нагреваются, чем если бы были того же объема.

§ 21

Явление 10. Движущиеся и покоящиеся тела оказывают сопротивление в соответствии с инерцией, как известно, пропорциональной их весу; поэтому одной и той же силой более тяжелые частицы возбуждаются к теплотворному движению труднее или, находясь в движении, замедляют таковое труднее, чем более легкие. Отсюда опять-таки очевидно, почему

холодные тела, удельно более тяжелые, в одной и той же согревающей среде нагреваются медленнее, а теплые в одной и той же охлаждающей среде охлаждаются медленнее, чем удельно более легкие.

§ 22

Явление 11. Несомненно, что частицы более твердых тел сцеплены прочнее, чем частицы более мягких. Отсюда представляется уместным дальнейший вывод, что первые связываются друг с другом большими площадями соприкосновения. Соответственно площадям соприкосновения, как можно, рассуждая далее, предполагать, и самые частицы должны быть крупнее, т. е. частицы более твердых тел должны иметь большую массу, чем частицы более мягких. К тому же частицы более твердых тел по большей части на ощупь шероховаты и, таким образом, обнаруживают чувствам свою большую величину. Так как при прочих равных условиях тела большего объема труднее могут возбуждаться от покоя к движению и труднее замедляют и прекращают движение, чем тела меньшего объема, то более крупные частицы более твердых тел получают и отдают теплотворное движение не так легко, как более мелкие частицы тел более мягких. Отсюда ясна причина, отчего более твердые тела медленнее воспринимают и отдают теплоту, чем тела более мягкие.

§ 23

Явление 12. Так как частицы нагретых тел вращаются, то рассуждение требует принять, что своими движущимися поверхностями они действуют одна на другую, так что каждая отталкивает другую тем сильнее, чем энергичнее вращательное движение. Так как этому отталкиванию противодействует сцепление частиц, то одно уменьшает другое и при возрастающем вращательном движении должно уменьшаться сцепление частиц. Поэтому совсем не удивительно, что твердость твердых тел уменьшается силой теплоты, даже в конце концов ослабевает настолько, что уничтожается вообще сцепление частиц; первое мы наблюдаем, когда тела превращены в жидкость, второе — когда тела разошлись в виде паров.

§ 24

Отсюда следует, что 1) причина текучести и газообразности тел есть вращательное движение частиц и возбуждаемая им отталкива-

тельная сила достаточна для нарушения сцепления частиц в такой степени, что частицы могут или свободно скользить друг около друга и растекаться, или при полном уничтожении их связи рассеиваться в воздухе; 2) причина улетучивания и испарения состоит главным образом в том, что благодаря различному состоянию воздуха, а также тому, что ему содействует с различной силой теплотворное, или, что то же, центробежное движение, частицы тел, оторвавшись, рассеиваются; 3) тела газообразные и жидкие всегда имеют в себе теплоту, хотя бы и небольшую, какими бы холодными ни казались.

§ 25

Явление 13. Тело *A*, действуя на тело *B*, не может придать последнему большую скорость движения, чем какую имеет само. Поэтому если тело *B* холодно и погружено в теплое жидкое тело *A*, то тепловое движение частиц тела *A* приведет в тепловое движение частицы тела *B*; но в частицах тела *B* не может быть возбуждено более быстрое движение, чем какое имеется в частицах тела *A*, и поэтому холодное тело *B*, погруженное в тело *A*, очевидно, не может воспринять большую степень теплоты, чем какую имеет *A*.

Явление 14. А отсюда ясно, почему дно оловянного сосуда, наполненного водою, противостоит нагреванию очень сильным пламенем, которое иначе легко плавит этот металл. Действительно, хотя пламя приводит частицы олова в очень быстрое движение, но находящаяся поверх его вода не может приобрести ту скорость теплового движения, которая необходима для уничтожения сцепления частиц олова; поэтому вода замедляет вращательное движение их и не позволяет металлу расплавляться.

§ 26

Здесь представляется уместным указать и причину расширения тел, которые обыкновенно увеличиваются и уменьшаются соответственно их теплоте. Но так как расширение происходит не непосредственно от теплоты, но от упругого воздуха, включенного в поры тела, то мы оставляем рассмотрение этого явления до другого раза. Далее, нельзя назвать такую большую скорость движения, чтобы мысленно нельзя было представить себе другую, еще большую. Это по справедливости относится, конечно, и к теплотворному движению; поэтому невозмож-

на высшая и последняя степень теплоты как движения. Наоборот, то же самое движение может настолько уменьшиться, что тело достигает, наконец, состояния совершенного покоя и никакое дальнейшее уменьшение движения невозможно. Следовательно, по необходимости должна существовать наибольшая и последняя степень холода, которая должна состоять в полном прекращении вращательного движения частиц.

§ 27

Итак, хотя высшая степень холода возможна, однако нет недостатка в данных, говорящих о том, что таковая на земноводном шаре нигде не существует. Действительно, все, что нам кажется холодным, лишь менее тепло, чем наши органы чувств. Так, самая холодная вода еще тепла, так как лед, в который вода замерзает на более сильном морозе, холоднее ее, т. е. менее тепел.

Если плавящийся воск действительно горяч, то почему воде, которая кажется нам очень холодной, на самом деле не быть теплой — она ведь не что иное, как расплавленный лед. Не следует, однако, считать замерзание тел признаком наибольшего холода; ведь металлы, затвердевшие тотчас после плавления, представляют собою своего рода лед, но они настолько горячи, что зажигают приближенные к ним горячие тела. Впрочем, существуют жидкие тела, которые не замерзают ни при какой известной степени холода. Так как их жидкое состояние обусловлено теплотворным движением (§ 24), то ясно, что эти жидкие тела всегда в какой-то степени обладают теплотою. Далее, тела обыкновенно имеют степень теплоты, присущую среде, в которой они находятся значительное время. А так как воздух, всегда и везде наблюдаемый, жидок, т. е. (в силу показанного) тепел, то все тела, окруженные земной атмосферою, хотя бы и казались чувствам холодными, теплы; и поэтому высшей степени холода на нашем земноводном шаре не существует.

§ 28

Таким образом, мы доказали *a priori* и подтвердили *a posteriori*, что причиною теплоты является внутреннее вращательное движение связанной материи; теперь переходим к рассмотрению мнений, которые большинство современных ученых высказывают относительно теплоты. В наше время причина теплоты приписывается особой материи,

которую большинство называет теплотворной, другие — эфиром, а некоторые — элементарным огнем. Говорят, что тем большее количество ее находится в теле, чем большая степень теплоты в нем наблюдается, так что в соответствии со степенью теплоты данного тела количество теплотворной материи в нем увеличивается или уменьшается. И хотя иногда принимают, что теплота тела увеличивается силою движения этой вошедшей в нее материи, но чаще всего считают истинной причиною увеличения или уменьшения теплоты простой приход или уход разных количеств ее. Это мнение в умах многих пустило такие глубокие корни и настолько укрепилось, что повсюду приходится читать в физических сочинениях о внедрении в поры тел названной выше теплотворной материи, как бы привлекаемой каким-то приворотным зельем; или, наоборот, о бурном выходе ее из пор, как бы объятый ужасом. Поэтому мы считаем нашей обязанностью подвергнуть эту гипотезу проверке. Прежде всего надо осветить самые источники, из которых проистекло это мнение. Важнейшие из них четыре, которые следовало бы скорее обратить на истолкование других явлений природы.

§ 29

После того как ученые начали более внимательно изучать явления, связанные с нагреванием тел, они легко заметили, что при увеличении теплоты растет и объем каждого тела. И так как они точно знали, что к телам не прибавилось ничего, кроме теплоты, а в умах еще крепко держалось представление древних об элементарном огне, то они не поколебались заключить, что при накаливании в поры тел входит какая-то материя, свойственная огню, и расширяет их, а при выходе ее тела охлаждаются и сжимаются. Охотно согласились бы мы с ними, если бы было так же легко, как предположить это, и показать, чем именно теплотворная материя загоняется во внезапно нагревающиеся тела. Каким образом, спрашивается, в самую холодную зиму, когда все охвачено лютым морозом, или в самой холодной морской глубине^{*163}, где, согласно этой гипотезе, теплотворной материи почти совершенно нет, порох, зажженный малейшей внезапно зародившейся искрою, вспыхивает вдруг огромным пламенем? Откуда и в силу какой удивительной способности материя эта мгновенно стягивается в одно

* *Бургаве*. Элементы химии, часть 2, из Синклера «О тяжести», стр. 301.

место? Но пусть она слетается столь стремительно, по какой бы то ни было причине, из самых отдаленных мест и, зажигая, расширяет порох. Но ведь в этом случае необходимо или чтобы другие тела, окружающие порох, раньше его нагрелись от прилетевшего огня и расширились, или чтобы этот летучий огонь ничего, кроме пороха, не мог зажигать и расширять, то есть должен был бы позабыть свою природу. Первое, очевидно, противоречит опыту, а второе — здравому смыслу.

§ 30

Вообще природа вещей такова, что при возрастании причины растет и ее действие и, наоборот, при ее убывании уменьшается и действие. Поэтому когда одна и та же степень теплоты наблюдается в двух телах, то, при прочих равных условиях, должно было бы быть одно и то же увеличение или уменьшение протяжения каждого тела. Но какое разнообразие наблюдается в этом отношении! Умалчиваю о воздухе, который от градуса замерзания до градуса кипения воды расширяется на третью часть, тогда как вода в это время получает увеличение на одну двадцать шестую часть своего объема. Даже тела почти одинаково жидкие, как-то: ртуть, вода, винный спирт, разные масла, также и твердые тела, как металлы, стекло и т. д., показывают удивительное разнообразие в приращении протяженности, приобретенном от той же степени теплоты. Пусть, однако, не подумает кто-нибудь, что более значительное сцепление частей служит препятствием для расширения: сталь ведь обладает более крепким сцеплением частей, чем железо, как известно каждому; однако опыт показал, что сталь расширяется больше, железо — меньше. Также и бронза, тело более твердое, чем медь, расширяется от той же степени теплоты больше последней. Нельзя приписать и какое-либо замедление в накаливании большему весу тел или назвать какое-либо другое обстоятельство, которое в разных телах препятствовало бы расширению их, чтобы не представлялись противоположные примеры, говорящие против сделанных предположений, пока расширение нагретых тел приписывается входящей материи. Но это случай различных тел; а иногда одно и то же тело при увеличении теплоты сжимается — например вода, происшедшая от таяния льда, удельно тяжелее его, так что она даже при значительной степени нагревания не позволяет льду опускаться на дно. Так и железо и большинство других тел, будучи еще в твердом состоянии, плавают в этих самых телах,

находящихся в расплавленном состоянии, так как занимают больший объем, хотя и не обладают еще той степенью теплоты, при которой обычно плавятся. Из всего этого вполне очевидно, что расширением накаливаемых тел и их сжатием при охлаждении отнюдь нельзя доказать эти удивительные перемещения теплотворной материи.

§ 31

Однако этого бойца, уже поколебленного собственной своей громадностью, может быть воздвигнет другой, приходящий ему на помощь, и подавит нас большей тяжестью. Ведь ученым, а особенно химикам, представляется, что этот блуждающий огонь обнаруживает свое присутствие в телах не только увеличением объема их, но и увеличением веса. Первым, если не ошибаюсь, знаменитый Роберт Бойль показал на опыте, что тела увеличиваются в весе при обжигании*¹⁶⁴ и что можно сделать части огня и пламени стойкими и весомыми. Если бы это действительно могло быть показано для некоего элементарного огня, то опровергаемое нами мнение нашло бы себе здесь твердый оплот. Однако большая часть, почти что все опыты его над увеличением веса при действии огня сводятся к тому, что весом обладают либо части пламени, сожигающего тело, либо части воздуха, во время обжигания проходящего над прокаливаемым телом. Так, металлическая пластинка, обжигаемая в пламени горячей серы, действительно разбухает и увеличивается в весе: но здесь причиной увеличения веса является не что иное, как кислота серы, которую можно освободить от флогистона, собрать и заключить под колокол; она проникает в поры меди и серебра и, соединяясь с ними, производит увеличение веса. Так, когда свинец пережигается в сурик, мастера намеренно направляют на расплавленный металл дымящее, сильно коптящее пламя; именно оно украшает окалину свинца красным цветом и увеличивает вес ее с выгодой для мастеров. Остальные опыты прославленного автора в приложении к упомянутому сочинению кажутся, правда, более показательными, однако отнюдь не свободны от подозрения, так как сам автор при них не присутствовал, а их выполнение часто поручал какому-либо работнику. Но допустим, что, кроме частей зажженного тела или частиц, летающих вокруг в воздухе, который непрерывно обтекает обжигаемые тела,

---

* В трактате о весомости огня и пламени.

к металлу прибавляется во время обжигания какая-нибудь другая материя, увеличивающая вес окалины его. Но так как окалины, удаленные из огня, сохраняют приобретенный вес даже на самом лютом морозе и, однако, не обнаруживают в себе какого-либо избытка теплоты, то, следовательно, при процессе обжигания к телам присоединяется некоторая материя, только не та, которая приписывается собственно огню: ибо я не вижу, почему последняя в окалинах могла бы забыть о своей природе. Далее, металлические окалины, восстановленные до металлов, теряют приобретенный вес. А так как восстановление производится тем же, что и прокаливание, даже более сильным огнем, то нельзя привести никакого основания, почему один и тот же огонь то внедряется в тела, то из них уходит. Наконец, подобные же опыты делали известные Бургаве* и Дюкло**¹⁶⁵, по-видимому, с противоположными результатами. Первый взвесил до накаливания, а затем снова после накаливания и остывания пять фунтов и восемь унций железа, но не нашел какого-либо приращения или уменьшения веса. Второй же приписал увеличение веса минералов при прокаливании серным частицам, носящимся (как мы сказали выше) в воздухе, который непрерывно течет над минералами, подвергаемыми прокаливанию, и внедряет в последние при их распадении в огне упомянутые частицы. Это он показывает на опыте, а именно: он наблюдал, что из королька сурьмы, обожженного на открытом воздухе, извлекается при помощи винного спирта красная вытяжка, по отделении которой оставшаяся масса имеет тот вес, как и корольек до обжигания; 2)¹⁶⁶ что корольек сурьмы, обожженный иначе, именно без увеличения веса, не дает такой вытяжки. Итак, не убедительны и те доказательства, приводимые в защиту особенной, свойственной огню материи, которые основаны на увеличении веса обожженных тел.

§ 32

Солнечные лучи, уловленные и собранные стеклянным зажигательным зеркалом, дают весьма сильный жар, как и яркий свет; считают, что этим наглядно доказывается, — и само солнце тому свидетель, — что теплотворная материя или элементарный огонь, вышедший из солнца, сгущается в фокусе [зеркала] и этим усиливается жар и свет. Легко ви-

---

* Элементы химии, часть 2, об огне, опыт 20.

** Мемуары королевской Академии наук, год 1667.

деть, что здесь предполагается, будто материя света распространяется от солнца, как река из источника. Но эта гипотеза очень похожа на то, как если бы мы стали утверждать, что воздух от звучащего тела распространяется во все стороны со скоростью, равной скорости звука. Очевидно, при этом смешивают эфир и лучи, которые друг от друга отличаются так же, как различаются друг от друга движение и материя. И ясно, что следует отбросить уплотнение огненной материи в фокусе зеркала и заменить его сгущением теплотворного движения. По-моему, утверждающий, что в фокусе зажигательного стекла или зеркала ступается материя эфира, не иначе мыслит, как если бы говорил, что в фокусе эллиптического свода не звуковые лучи собираются, но сжимается самая материя воздуха. Что солнечный фокус весьма горяч не вследствие большей плотности эфирной материи, но вследствие ее теплотворного движения, достаточно доказывает фокус солнечных лучей, отраженных от луны. Так как он весьма ярок, то должен был бы быть и весьма горячим, если бы он сам и теплота происходили от уплотнения эфирной материи. Но теплоты в нем нет; итак, пусть светящийся фокус производится или уплотнением эфирной материи, или сгущением ее движения. Исключить уплотнение материи — значит идти против условия, отклонить сгущение движения — значит признать, что огненная материя может быть и холодной, т. е. что огонь — не огонь. Кто рассмотрит это без предвзятости, конечно, согласится с нами, что никак нельзя доказать существование теплотворной материи возникновением жара в фокусе зажигательного прибора.

§ 33

Смешением поваренной соли со снегом или толченым льдом физики получают материю, называемую по производимому ею действию холодильной, так как вода, поставленная в нее в каком-либо сосуде, превращается в лед. Пока это происходит, самый снег с солью ожигается. Отсюда обычно также заключают, что огненная материя из воды переселяется в окружающий снег и от присоединения ее последний плавится, а вода от ухода ее превращается в лед. Прекрасно! Но можно кое-что предпринять, прежде чем позволить вырвать у нас трофеи победы. Вставь, пожалуйста, снег термометр и склянку с водою; примешай к снегу соль, и ты увидишь, что в то время, как вода превращается в лед и холодильная смесь ожигается, спирт в термометре все-таки

опускается; ясный признак того, что одновременно с замерзанием воды холодильная смесь делается холоднее. Таким образом, никакой элементарный огонь не врывается в нее из воды; но скорее снег, растаявший от соприкосновения с более теплой водой, действует на соль, растворяет ее, охлаждается и приобретает меньшую степень теплоты, чем имеет вода, переходящая в лед; от этого чистая вода в сосуде замерзает, а самый снег вследствие поглощенной соли остается жидким. Кто, в самом деле, не знает, что чистая вода, помещенная в стеклянном сосуде в воду, насыщенную солью, превращается в лед при 26° термометра Фаренгейта, тогда как рассол остается жидким?

§ 34

На основании всего изложенного выше мы утверждаем, что нельзя приписывать теплоту тел сгущению какой-то тонкой, специально для того предназначенной материи, но что теплота состоит во внутреннем вращательном движении связанной материи нагретого тела. Тем самым мы не только говорим, что такое движение и теплота свойственны и той тончайшей материи эфира, которой заполнены все пространства, не содержащие чувствительных тел, но и утверждаем, что материя эфира может сообщать полученное от солнца теплотворное движение нашей земле и остальным телам мира и их нагревать, являясь той средой, при помощи которой тела, отдаленные друг от друга, сообщают теплоту без посредничества чего-либо осязаемого.

§ 35

Отвергнув материю, которую принимают иные авторы исключительно ради объяснения теплоты, можно было бы и окончить речь, если бы с противной стороны для нас не возникала новая задача. Ведь есть и такие, что наделили и холод особой субстанцией, усмотрев положительное основание этого в солях вследствие производимого при растворении их холода. Но так как те же соли нередко производят и теплоту (так, обыкновенная соль при приливании купоросного масла вскипает и нагревается), то мы с таким же правом могли бы приписать солям и причину теплоты, если бы не считали такой неразумный спор ниже нашего достоинства.

[ИЗ «ВОЛФИАНСКОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФИЗИКИ»]

Посвящение¹⁶⁷

Не токмо с того времени, когда Волфианская физика на свет вышла, но и после переведения мною на российский язык сея книжицы и вашему сиятельству в оказание моего истинного высокопочитания приписанный, знание естественных действий возымело великие успехи и физическое учение приобрело знатное приращение, так что читатели сего сокращения экспериментальной физики многого не найдут, что ныне в ученом свете известно. Однако славный автор сего и других многих сочинений всегда пребудет достоин чтения, а особливо ради внятного и порядочного расположения мыслей. Сверх того, недостаток описания новых физических изобретений здесь присовокупляется перечнем по мере сего сокращения, дабы тем удовольствовать натуральной науки любителей, которые ваше сиятельство по справедливости почитают своим милостивым покровителем. Новые изобретения в физике имеют разные степени важности. Иные только в поправлениях, иные в целых состоят основаниях, от коих вся система физического учения новый вид принять долженствует. Для краткости предлагаю здесь токмо самые важные, оставив другие, а особливо кои по большей части показывают поправление некоторых инструментов и способнейшее их употребление. Сии прибавления не токмо что служить будут к наставлению, но и вместо краткого показания целой моей физической системы, особливо ж в тех частях натуральной науки, кои должны изъяснять действия и перемены, зависящие от тончайших нечувствительных частиц, тела составляющих, каковы суть теплота и стужа, твердость и жидкость, химические перемены, вкусы, упругость, цветы и прочая. Изыскание причины цветов хотя мне всегда было приятнее всех физических исследований, особливо ж для того, что оно больше зависит от химии, моей главной профессии, однако возбудилось во мне большее желание к испытанию оныя, когда вашего сиятельства достохвальным любопытством, по окончании вашего дальнего по знатнейшим европейским государствам путешествия, привезены в Россию лучшие мозаичные изображения из Рима¹⁶⁸, где сие многотрудное искусство процветает и где знатнейшие

во всем свете огромные публичные строения им украшают, не щадя великого иждивения. Итак, сколько испытание физических причин, разные цветы производящих, столько ж, или еще больше, примеры римской мозаики и вашего сиятельства милостивое ободрение побудило меня предпринять снискание мозаичного художества. Каковы мои успехи в новой теории о цветах и в мозаичной практике, тому показаны опыты в моей речи¹⁶⁹, говоренной в Академическом собрании 1756 года июля 1 дня, и в некоторых изображениях, вышепомянутым мастерством составленных. О сем упоминаю токмо для моей должности, дабы показать, коль много вспомошествовать могут к приращению наук и художеств высокие благодетели упражняющимся в оных, которым ваше сиятельство достохвальный пример представляете. Между многими того свидетелями и благодарными ваших милостей и прочих добродетелей почитателями быть участником от давних лет за особое свое счастье почитаю.

Сентября 15 дня 1760 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы живем в такое время, в которое науки, после своего возобновления в Европе, возрастают и к совершенству приходят. Варварские веки, в которые купно с общим покоем рода человеческого и науки нарушались и почти совсем уничтожены были, уже прежде двухсот лет окончились. Сии наставляющие нас к благополучию предводительницы, а особливо философия, не меньше от слепого прилепления ко мнениям славного человека, нежели от тогдашних беспокойств претерпели. Все, которые в оной упражнялись, одному Аристотелю последовали и его мнения за неложные почитали. Я не презираю сего славного и в свое время отменитого от других философа, но тем не без сожаления удивляюсь, которые про смертного человека думали, будто бы он в своих мнениях не имел никакого погрешения, что было главным препятствием к приращению философии и прочих наук, которые от ней много зависят. Чрез сие отнято было благородное рвение, чтобы в науках упражняющиеся один перед другим старались о новых и полезных изобретениях. Славный и первый из новых философов Картезий осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу. Мы, кроме других его заслуг, особливо за то благодарны, что тем ученых людей

ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в правде спорить и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению. На сие взирая, коль много новых изобретений искусные мужи в Европе показали и полезных книг сочинили! Лейбниц, Кларк, Лок¹⁷⁰, премудрые рода человеческого учителя, предложением правил, рассуждение и нравы управляющих, Платона и Сократа превысили. Малпигий, Бойл, Герик, Чирнгаузен, Штурм¹⁷¹ и другие, которые в сей книжице упоминаются, любопытным и рачительным исследованием нечаянные в натуре действия открыли и теми свет привели в удивление. Едва понятно, коль великое приращение в астрономии неусыпными наблюдениями и глубокомысленными рассуждениями Кеплер, Галилей, Гугений, дела Гир и великий Невтон¹⁷² в краткое время учинили: ибо толь далече познание небесных тел открыли, что ежели бы ныне Иппарх и Птолемеи¹⁷³ читали их книги, то бы они тое же небо в них едва узнали, на которое в жизнь свою толь часто сматривали. Пифагор¹⁷⁴ за изобретение одного геометрического правила Зевесу принес на жертву сто волов. Но ежели бы за найденные в нынешние времена от остроумных математиков правила по суеверной его ревности поступать, то бы едва в целом свете столько рогатого скота сыскалось. Словом, в новейшие времена науки столько возросли, что не токмо за тысячу, но и за сто лет жившие едва могли того надеяться.

Сие больше от того происходит, что ныне ученые люди, а особливо испытатели натуральных вещей, мало взирают на родившиеся в одной голове вымыслы и пустые речи, но больше утверждают на достоверном искусстве. Главнейшая часть натуральной науки физика ныне уже только на одном оном свое основание имеет. Мысленные рассуждения произведены бывают из надежных и много раз повторенных опытов. Для того начинающим учиться физике наперед предлагаются ныне обыкновенно нужнейшие физические опыты купно с рассуждениями, которые из оных непосредственно и почти очевидно следуют. Сии опыты описаны от разных авторов на разных языках, то на всю физику, то на некоторые ее части.

В числе первых почитается сия книжица, в которой все опыты, к истолкованию главных натуральных действий нужнейшие, кратко описаны. Описатель оных есть господин барон Христиан Вольф, королевский прусский тайный советник, в Галлском университете канцлер и в оном старший профессор юриспруденции, здешней

императорской Академии наук, также и королевских Академий наук Парижской и Берлинской и королевского ж Лондонского ученого собрания член, который многими изданными от себя философскими и математическими книгами в свете славен. Сочиненная им экспериментальная физика на немецком языке состоит в трех книгах в четверть дести. Профессор Тиммиг¹⁷⁵, его ученик, сократил всю его философию на латинском языке и купно с нею, как оная часть, экспериментальную физику, которая вся содержится в сей книжице.

Я уповаю, что склонный читатель мне сего в вину не поставит, ежели ему некоторые описания опытов не будут довольно вразумительны: ибо сия книжица почти только для того сочинена и ныне переведена на российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты; и потому она на латинском языке весьма коротко и тесно писана, чтобы для удобнейшего употребления учащихся вместить в ней три книги немецких, как уже выше упомянуто. Притом же сократитель сих опытов в некоторых местах писал весьма неявственно, которые в российском переводе по силе моей старался я изобразить яснее. Сверх сего принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем чрез употребление знакомее будут.

Окончивая сие, от искреннего сердца желаю, чтобы по мере обширного сего государства высокие науки в нем распространились и чтобы в сынах российских к оным охота и ревность равномерно умножилась.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ

Е. И. В. ¹⁷⁶ Пресветлейшему Государю Великому Князю
Петру Феодоровичу,
Внуку Государя Императора Петра Великого
и Российский Империи Наследнику,
Милостивейшему Государю.

Пресветлейший Великий Князь, милостивейший Государь!

В Пресветлейшей В. И. В. особе не токмо верные российские подданные твердую надежду будущего своего благополучия благоговейно почитают, но и вся Европа удивляется высоким вашим добродетелям, еще в юности процветающим, как истинной отрасли Петрова священнейшего семени. Взвизают на них великим Вашим дедом в России основанные науки как на восходящее солнце и от пресветлых его лучей нового щедрот сияния в несомненном уповании ожидают. Благополучны возрастающие в России знания, в которых сам ожидаемый их расширитель, в. и. в., охотно упражняться изволит, равно как великий оных основатель. Благополучны в научении положенные труды сынов российских, которых щедрая вашего высочества рука ободряет к вящему приращению наук в наследной вашей империи. Толь прехвальными и Петрова внука достойными добродетельми ободренный, полагаю к дражайшим стопам в. и. в. сочиненное мною в пользу отечества Краткое руководство к риторике и, припадая подданнейше, прошу на сей низжайший мой труд воззреть милостивейшим оком. Крепкая всевышнего десница да покроет и укрепит неоцененное вашего высочества здравие и к вящей радости и благополучию всего российского народа чрез многие лета да соблюдет невредимо, чего от искреннего усердия подданнейше желаю

В. И. В. подданнейший раб

*Михайло Ломоносов.
Генваря дня 1744 года*

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ

§ 1

Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать, то есть оную избранными речьми представлять и пристойными словами изображать на такой конец, чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удостоверить. Кто в сей науке искусен, тот называется ритор.

§ 2

Материя риторическая есть все, о чем говорить и писать можно, то есть все известные вещи на свете, откуда ясно видеть можно, что ритор, который большее познание имеет настоящего и прошедшего света, то есть искусен во многих науках, тот избыльнее материи имеет к своему сладкоречию. И для того, кто желает быть совершенным ритором, тот должен обучиться всем знаниям и наукам, а особливо гистории и нравоучительной философии.

§ 3

Представленная от ритора материя словесно или письменно называется слово, которого считают три рода: указательный, советовательный, судебный. Указательный состоит в похвале или в охулении, советовательный в присоветовании или отсоветовании, судебный в оправдании или в обвинении. Сей последний род слова в нынешние веки больше не употребляется, для того и в правилах риторических об нем мало пишут, чему и я последую, а особливо для того, что он включен в двух первых родах.

§ 4

Предлагаемое слово может быть изображено прозою или поэмою. В прозе располагаются все слова обыкновенным порядком и части не имеют точно определенной меры и согласия складов. В поэме все части определены известною мерою и притом имеют согласие складов в силе и звоне. Первым образом сочиняются проповеди, гистории и учебные книги. Последним составляются оды и других родов стихи. Риторика учит сочинять слова прозаические, а о сложении поэм предлагает поэзия.

§ 5

Риторика разделяется на четыре части: первая есть изобретение, вторая — украшение, третья — расположение, четвертая — произношение.

Часть первая. ИЗОБРЕТЕНИЕ

§ 6

Изобретение есть собрание разных идей, пристойных к предложенной материи, о которой ритор говорить или писать хочет. Идеями называются представления вещей в уме нашем, например: мы имеем идею о часах, когда их самих или вид оных без них в уме представляем.

§ 7

Идея есть простая или сложенная: простая состоит из одного представления, сложенная — из двух или многих, между собою снесенных, например: ночи представление есть в уме простая идея. Но ежели к тому присовокуплено будет, что ночью люди после трудов дневных успоковаются, тогда она станет сложенною, для того что в ней уже заключатся пять идей, между собою снесенных, то есть идея о ночи, о людях, о трудах, о дне и о успокоении.

§ 8

Материя, ритору предложенная, всегда есть сложенная идея и называется тема. Простые идеи, из которых она составляется, называю я терминами, н. п.¹⁷⁷, сия тема: *неусыпный труд все препятства преодолевает* имеет в себе четыре термина: неусыпность, труд, препятства, преодоление. Предлоги, союзы и другие вспомогательные части слова за термины не почитаются.

§ 9

Простые идеи разделяю на первые и вторичные; первыми называю, которые от терминов темы непосредственно происходят, н. п.:

в теме, в § 8 предложенной, неусыпность есть термин, от которого рождаются непосредственно первые идеи: утро, в которое неусыпный человек рано встает; вечер и ночь, в которые он не спит и прилежно трудится. Вторичные идеи суть, которые от первых происходят, н. п.: от первой идеи вышепомянутого термина — ночи — происходят вторичные идеи: тьма, луна, звезды; от утра — денница, заря, звери, в норы свои убегающие.

§ 10

Сложенные идеи по-логически называются рассуждениями, по-риторически — периодами, которые разделяются на одночленные, двучленные, тричленные и четырехчленные периоды. Одночленный период имеет в себе только один глагол в извинительном или повелительном виде с другими частями слова, н. п.: *доброе начало есть половина всего дела*. Двучленный период состоит из двух, тричленный из трех, четырехчленный из четырех рассуждений, союзами между собою сопряженных, которым есть довольно число примеров во второй главе сея части, § [§ 41–43].

§ 11

Понеже ритор должен слушателей или читателей о справедливости предложенной темы удостоверить (§ 1), для того надлежит: 1) чтобы слово его было ясно, 2) чтобы тема была основательно доказана, 3) чтобы в слушателях или читателях страсть возбудилась, то есть в указательном роде любовь или ненависть, в советовательном желание или отчуждение. К первому служат распространения, ко второму доказательства, к третьему витиеватые рассуждения. Распространение есть совокупление многих рассуждений, к одной материи принадлежащих и оную яснее и важнее представляющих. Доказательство есть рассуждение, из природы самой вещи или из ее обстоятельств взятое, о ее справедливости уверяющее. Витиеватое рассуждение имеет в себе нечто нечаянное или ненатуральное, однако самой предложенной теме приличное и тем самым важное и приятное, что все ниже сего пространнее показано будет в главе второй, где правила для изобретения распространений, доказательств и витиеватых рассуждений предлагаются.

Глава первая. О изобретении простых идей

§ 12

Все сложенные идеи, о которых выше в § 8, 10, 11 показано, состоят из простых по § 7. Для того прежде надлежит изобрести простые, а потом из них составлять сложенные идеи.

§ 13

Оне изобретены бывают в так называемых местах риторических, которые суть: 1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные, 4) свойства жизненные, 5) имя, 6) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобные, 15) несходные и противные вещи, 16) сравнения.

§ 14

Родом называется общее подобие особенных вещей. Такое подобие видим мы Невы с Двиною, Днепром, Волгою, Вислою и с другими, в море протекающими великими водами, и оное называем одним словом — река, которое значит род, а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла суть виды.

§ 15

Целое есть все, что соединено из других вещей, а частями называются те вещи, которые целое составляют, н. п.: сад есть целое, а цветники, аллеи, фонтаны и беседки суть части, сад составляющие.

§ 16

Свойства материальные суть: величина, фигура, тягость, твердость, упругость, движение, звон, цвет, вкус, запах, внутренняя сила, тепло и стужа.

§ 17

Жизненные свойства принадлежат к одушевленным вещам, из которых: 1) Суть главные душевные: понятие, память, мечтание, рассуждение,

произволение. 2) Страсти: радость, печаль, удовольствие, раскаяние, величавость, стыд, надежда, боязнь, гнев, милосердие, любовь, ненависть, удивление, гнушательство, подражание, отчуждение, благодарность, зависть, мщение. 3) Мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, тщивость, великодушие, терпение, праводушие, простосердечие, искренность, кротость, постоянство, трудолюбие, послушание, вежливость. 4) Пороки: нечестие, роскошь, нечистота, бесстыдие, лютость, скупость, малодушие, нетерпеливость, лукавство, лицемерие, ласкательство, продерзливость, непостоянство, леность, сварливость, упрямство, самохвальство, грубость. 5) Приобретенные дарования: благородие, счастье, богатство, слава, власть, вольность и им противные. 6) Телесные дарования и свойства: возраст, пол, сила, красота, здоровье, проворность. 7) Чувства: зрение, слышание, обоняние, вкушение, осязание.

§ 18

Имя вещи есть собственное или приложенное. Собственное есть, которым обыкновенно что-нибудь называют, н. п.: Москва, Александр. Приложенное есть, которое вещь или персона особливо перед другими себе подобными имеет. Так, Александр, царь македонский, назывался великим; Атила, король гуннский — бичом Божиим. Отсюда рождаются первые идеи о терминах темы: 1) Когда имя с другого языка на свой переведено будет, н. п., Мелхиседек, с еврейского — царь правды; Андрей, с греческого — мужественный; Квинт, с латынского — пятый. 2) Когда чрез предложение литер имени дано будет другое знаменование, н. п., Рим чрез предложение литер будет мир, что обыкновенно анаграммою называют. 3) Когда слово взято будет в ином знаменовании ради согласного произношения, н. п., свет (вселенная) принят будет за свет, чрез который мы видим. 4) Когда к термину приложено будет первообразное слово, откуда оно происходит, и. п., сие слово: *богатый* происходит от слова Бог.

§ 19

Действие и страдание есть всякая перемена, которую одна вещь в другой производит. Перемену производящая вещь называется действующая, а та, в которой перемена делается, страждущая, н. п., в сем предложении *сильный ветер море волнует* сильный ветер есть действующая, море — страждущая вещь, а волнение есть действие в рассуждении ветра,

страдание — в рассуждении моря. Отсюда происходит о термине предложенный темы 6 идей: 1) о нем самом как о действующей вещи, 2) о той, в которой она действует, 3) о самом действии, 4) или, противным образом, об оном же термине как о страждущей вещи, 5) о той вещи, от которой он страждет, 6) о самом страдании. К действию можно при-совокупить идеи о инструментах, вспоможениях, воспященях, о удобности, возможности или о неудобности и невозможности, н. п.: *деревянный конь был инструмент и способ ко взятию города Трои.*

§ 20

Время есть указательное и количественное; указательное назначается чрез наречие когда, н. п., *плоды собираются в осень*; количественное время назначается чрез наречие сколь долго, н. п., *Август, царь римский, царствовал пятьдесят лет.*

§ 21

Место подает первые простые идеи: 1) чрез движение вещи по оному, н. п.: место молнии есть воздух, по которому она блещет; 2) чрез стояние, н. п.: место острова, на котором он стоит, есть море, река или озеро. Сюда принадлежат и содержащие вещи, в которых другие включены. Так, город есть содержащая, а люди, в нем живущие, — содержащая вещь. О терминах темы можно рассуждать как о содержащей или о содержимой вещи, н. п.: река в рассуждении животных, в ней живущих, есть содержащая, а в рассуждении берегов есть содержащая вещь.

§ 22

Происхождение есть начало, от которого что происходит и свое бытие имеет, н. п.: *металлы производятся от земли, мед от пчел, вино от винограда собирается*, в котором случае земля, пчелы, виноград суть производящие, а металлы, мед и вино — произведенные вещи.

§ 23

Причина есть конец, для которого всякая вещь есть или бывает, н. п.: *дождь землю кропит и солнце оную согревает для того, чтобы плоды произрастали.*

§ 24

Предыдущим называется все, что прежде, а последующее, что после предложенной вещи бывает, что разделяется одним временем или притом еще и местом, н. п.: *весна лету предходит, а осень оному последует* одним временем, но *луна в последней четверти солнцу предходит, а в первой ему последует* местом и временем.

§ 25

Признаком называют все, что другую вещь указывает, когда она сама нашим чувствам не представлена. Признаки показывают настоящую, прешедшую или будущую вещь, н. п.: *дым есть знак настоящего огня; трясение земли почитают в Сицилии за признак наступающего возгорания горы Этны; обагренная кровию Тициева шпага, бледное лице, отдаление от людей и бег от Семпрониева мертвого тела суть признаки учиненного убийства.*

§ 26

Обстоятельства суть вещи или действия, которые хотя к самой предложенной вещи не принадлежат, однако в то же время или на том же месте с нею бывают, как встречающиеся путнику звери, около пути лежащие жилые или пустые места, леса, луга, горы и пр. суть обстоятельства оною. На реках бегающие суда и плавающие птицы суть обстоятельства реки. Пчела и роса на розе — обстоятельства розы. Их можно сыскать довольно способом следующих предлогов и наречий: *у, за вне, против, под, над, около, до, без, далече, вплоть.*

§ 27

Подобные вещи называются те, что в частях, свойствах материальных или жизненных или в чем-нибудь другом между собою сходство имеют, н. п.: сердце возмущенного человека гневом имеет некоторое сходство с волнующимся морем, скорое течение острого ума — со спрелюю.

§ 28

Противные вещи суть, которые в то же время и на том же месте совокупно быть не могут, н. п.: день и ночь, жар и мороз, богатство

и убожество. Несходными называются те, которые в своих свойствах, частях или в другом чем ни есть несходство имеют, н. п.: *луна с солнцем несходна тем, что луна растет и убывает, мед с желчью вкусом разнится.*

§ 29

Сравнение есть снесение двух вещей, одну с другою сравнял либо одну перед другой повышая или понижая. Пример первого: *Иулий Цезарь завидовал славе Александра Великого, равно как Александр завидовал славе отца своего, Филиппа.* Пример второго: *Фридерик, цесарь немецкий, больше несчастлив был в реке Цидне, нежели Александр¹⁷⁸, ибо он только в ней разболелся, а сей живота своего лишился.*

§ 30

В числе показанных мест риторических не предлагаю я определения и так называемых внешних мест, следующих ради причин. Логическое определение состоит из рода и вида и его свойств и, следовательно, в них самих заключается. Определения риторические, которые составлены бывают из подобий, действий, места и прочая, надлежат также до самих сих мест, а произношение их чрез глагол существительный *есть* надлежит до 2-й части, что в § 98 показано будет. Внешние места надлежат до жизненных свойств, то есть свидетели до славы, признание до раскаяния, закон до послушания, обычаи до учтливости.

§ 31

Из всех показанных мест собирать надлежит простые идеи о предложенной теме следующим образом: 1) все термины, которые тема в себе имеет, написать особливо; 2) приписать к каждому из них под тем же родом содержащиеся знатные виды, главные части, приличные свойства, действия и страдания, перевод или анаграмму имени, время, место, производящую вещь, причину, предыдущее, последующее, признаки, обстоятельства, подобные, несходные и противные вещи, а что из мест терминам непристойно, того не приписывать; 3) ежели кто хочет свою тему пространнее представить, тот может к сим изобретенным первым идеям приписать вторичные простые идеи из тех же мест. Здесь надлежит примечать, что хотя и часто сим

образом приписанные к терминам простые идеи сперва кажутся быть неплодны, однако, когда они по правилам следующей главы соединяются, тогда рождают изрядные и самой теме пристойные рассуждения. И для того не надлежит их оставлять как негодных.

§ 32

К приисканным видам можно присовокупить оных части, действия и все, что из риторических мест взято и к ним приложено быть может. Подобным образом поступить можно и с частями, на которые разделены термины, тему составляющие.

§ 33

К каждому свойству можно приложить особливо действие его, страдание, происхождение, причину, предыдущее, последующее, признаки, обстоятельства, подобные, несходные, противные вещи, н. п.: к белости лилеи можно приписать увеселение очей как действие, переменение белости в блеклый цвет как последующее, к послушливому приложить повиновение гражданским законам, властям и родителям, к учтивому — наблюдение обычаев, к прилежному — исполнение должности как действия и страдания оных.

§ 34

Собственного или приложенного имени сысканное по § 18 повое знаменование либо слово, от которого оно происходит, можно себе представить как самое то, что оно значит, и к нему приписать, что из мест риторических прилично, н. п.: Петр, на российский язык будучи переведено, значит камень, то к похвале одного можно приложить его хорошие свойства, цену, место, действие и прочая. Здесь надлежит очень умеренно и осторожно поступать для того, что от собранных по сему правилу идей часто рождаются легкомысленные и смешные рассуждения.

§ 35

Части и свойства, к терминам темы приписанные, могут действовать: 1) одно в другом взаимно, н. п.: *прекрасный цвет розы покрывает свои колючие ветви, а ветви иглами своими обороняют их от*

того, чтобы они от животных пофраны не были; 2) в видах, под тем же родом стоящих, н. п.: приятный голос соловья рождает зависть в певцах; 3) с местом в предыдущем, последующем и в обстоятельствах. Сии взаимные действия можно приписать к оным частям и свойствам как вторичные идеи и, сверх того, самое действие разделить на части, то есть на начало, середину и конец.

§ 36

Время подает вторичные идеи: 1) от своего деления на части, н. п., *когда год будет разделен на месяцы, день на утро, полдень и вечер*; 2) от знаменования имени, н. п.: январь подаст идею о Яне, языческом боге времени, март о Марсе, боге войны, август о Августе, цесаре римском, от которых сии месяцы свои имена имеют; 3) от признаков и характеров астрономических: так, сентябрь месяц подаст о себе идею о весах, июль — идею о льве; 4) от предыдущего и последующего времени, н. п.: идея лета представляет с собою идею весны; 5) от обстоятельств и случаев, которые в то время обыкновенно бывают или приключиться могут, н. п.: *летом обыкновенно бывают громы, а необыкновенно и нечаянно могут кометы показаться.*

§ 37

К месту можно приписать: 1) его части, н. п.: к реке устье, вершину, посторонние речки, которые в нее впадают; 2) знатные оного свойства, н. п.: к реке жидкость, прозрачность и проч.; 3) действие или страдание, н. п.: что река содержимую на себе вещь колеблет, вид она в себе, как в зеркале, изображает; 4) случаи, которые на оном месте бывают: так, река иногда чрез свои берега переступает и пр., что все подаст вторичные идеи о самом термине, который на том месте действительно есть или быть может.

§ 38

Подобным образом довольно вторичных идей термины предложенной темы о себе подадут, ежели с их происхождением, причиною, предыдущим, последующим, признаками, обстоятельствами, подобными, несходными и противными вещьми поступлено будет, как с вышеписанными первыми идеями в § 32, 33, 34, 35, 36, 37.

§ 39

Если кто предложенную тему весьма пространно изображать желает, тот может тем же способом сыскать и третьи идеи, то есть идеи о вторичных идеях, из тех же риторических мест.

Глава вторая. О сложении простых идей

§ 40

Простые идеи сопрягаются в сложные чрез союзы или чрез какую-нибудь взаимную их принадлежность. Одночленные периоды составляются: 1) чрез союзы соединения *и, ни* и прочая, н. п.: *Иулий Цесарь был герой и ритор; желание богатства пустыни и леса проходит*; 2) чрез союзы разделения, н. п.: *старые люди не себе, но детям древа насаждают*; 3) чрез союзы избрания *или, либо*, п. п.: *злбный человек явно или тайно вредить желает*; 4) чрез союзы выключения *кроме, опричь*, н. п.: *ласкательство кроме вреда ничего не приносит*; 5) чрез взаимную простых идей пользу, нужду, приличность или вред, негодность, неприличность, н. п.: *румянец розы приличен ее благовонию; быстрое течение ветра плодам вредно; высокие Гельвецкие горы¹⁷⁹ закрывают жителей от набегов неприятельских*; б) чрез взаимное действие и страдание, н. п.: *корабль бегом своим волны разделяет*; 7) чрез уподобление, н. п.: *несклонное твое сердце камню подобно*; 8) чрез уравниение, н. п.: *приход Колумбов устрашил американских жителей больше, нежели гром и молния*.

§ 41

Двучленные периоды спрягаются из одночленных: 1) чрез союзы *понеже, того ради; хотя, однако; ежели, то; если, то* и чрез другие, сим подобные, н. п.: *понеже чрез добродетели честное имя заслужить можно, для того надлежит пороков удаляться; хотя четвертую света часть, Америку, пространньм океаном от нас натура отделила, однако человеческая отважность к оной путь отворила*; 2) чрез наречия *так, как; толь, коль; там, где*, н. п.: *как ржа снедает железо, так сердце человеческое печаль сокрушает*; 3) чрез местоимения, *кто, тот; чем, тем; кому, тому*, н. п.: *кто хочет большим быть, тот должен всем служить*.

§ 42

Тричленные периоды сопряжены бывают: 1) повторением того же союза, н. п.: *хотя бы небо было ясно, хотя бы море стояло тихо, искусный кормщик не спит*; 2) чрез приложение третьего одночленного рассуждения к двусложному периоду способом какого-нибудь союза, наречия или местоимения, н. п.: *ежели бы небо так соблаговолило, чтобы человек препровождал жизнь свою безбедно, то бы он своего счастья не мог чувствовать*.

§ 43

Четыречленные периоды спрягаются чрез смешение разных союзов, местоимений или наречий, н. п.: *кто благоденствия не помнит, тот не токмо оно не достоин, но так оставлен быть должен, как неплодная земля от земледельцев оставлена бывает*.

§ 44

Иногда периоды возрастают до 5 и до 6 членов чрез соединение, разными союзами учиненное, н. п., карфагенская королева Дидона по тайном отъезде троянского генерала Энея в отчаянии говорит: *если тому быть должно, чтобы злохитрый троянин доплыл до земли и до пристанища и если сего Зевесова судьба требует и переменить нельзя, то пусть хотя храброго народа оружием изобилен, от пределов изгнан, от Асканиева объятия отторжен, помощи просить будет и желаемого покоя не насладится, но да падет прежде времени и среди песку не погребен да пребудет*¹⁸⁰.

Глава третья. О изобретении распространении

§ 45

Распространения состоят из простых идей, изобретенных по правилам, в первой главе предложенным, и сопряженных между собою, как во второй главе показано.

§ 46

От рода и вида можно писать о терминах, в теме включенных, пространно: 1) Когда о роде вообще, а потом о виде особливо пред-

ставлено будет, н. п., кто хочет писать о Цицероне, тот может писать о риторе вообще. 2) Когда термин, в теме положенный, есть род, тогда можно предложить особливо о всяком его виде, н. п., ежели кто хвалит добродетель, тот может похвалить чистоту, воздержание, милость и прочие добродетели подробно.

§ 47

Подобным образом целое и части к распространению служат, когда целое прежде будет представлено с общими его свойствами и обстоятельствами, до всех частей надлежащими, а потом главные его части особливо, н. п., ежели кто хочет описать пространный и прекрасный город, тот может сперва изобразить его величину, красоту, положение места и множество народа, а после того части, то есть стены, публичные строения, церкви, площади и прочая.

§ 48

Обильнейшее всех мест к распространению есть материальных или жизненных свойств соединение, ибо, когда они к вещи или к какому лицу купно со своими действиями и страданиями приложены будут, то составить могут весьма пространное слово, н. п., к добродетельному и внешними свойствами украшенному человеку можно приписать добродетели и телесные дарования купно с тем, что от того другие люди пользы получают и какие в них чрез то страсти возбуждены бывают.

§ 49

Знаменованье имени подать может пространные идеи о самой вещи, когда чрез перевод или чрез преложение слов произведенная новая идея разделена будет на свои виды и части и купно ее свойства, действия или страдания, происхождения и обстоятельства к тому присовокуплены будут. Однако из сего места редко и с рассуждением распространения составлять надлежит.

§ 50

Чрез действие и страдание идеи распространяются: 1) Когда начало, середина, конец, также скорость, тихость, сила, слабость действующей вещи и сопротивление страждущей представлены будут, н. п.:

Высокий кедров верх внезапный юг нагнул,
 Отторгнул лист с плодом, коренья с мест свихнул.
 Склоняясь низко, кедр едва насильство сносит,
 То верх свой клонит вниз, то оный кверху взбросит.
 Однако ярый вихрь свою умножил власть,
 Принудил древа верх на землю с треском пасть¹⁸¹.

2) Когда одной вещи многие действия присовокуплены будут, н. п.: *добродетель от бед, как стена, защищает, разносит повсюду добрую славу, любовь и склонность в сердцах человеческих возбуждает.*

§ 51

Время подаст пространную идею о термине предложенной темы, когда его свойства, части, обстоятельства и действия соединены будут, н. п., о лете:

Уже врата отверзло лето;
 Натура ставит общий пир;
 Земля и сердце в нас нагрето;
 Колеблет ветви тих зефир;
 Объемлет мягкий луг крилами;
 Крутится чистый ток полями;
 Брега питает тучный ил;
 Трава и цвет покрылись медом;
 Ведет своим довольство следом
 Поспешно красный вождь светил¹⁸².

§ 52

Описание частей, свойств и обстоятельств места рождает также пространные идеи, н. п.: *земля, ровными полями распространяющаяся и пологими бугорочками украшенная, испускает листья древ плодоносных; по пригорам кипят чистые и жемчугу подобные источники, которые по лугам, во многие колена искрутившись, напаяют пестреющие везде цветы; по долинам класы желтеют и от теплых и тихих зефиров нежно колеблются.*

§ 53

Чрез намерение идею довольно можно распространить, если представлено будет, что оно возможно и удобно или невозможно

и неудобно, имеет препятствия или вспоможения, что можно взять из свойств места, времени и признаков самой вещи, на которую намерение положено, и того, кто оное предпринял, н. п.:

За холмы, где паляща хлябь,
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр своих, Стамбул, заграбь,
Что камни со берегов смывает.
Претить не могут огонь, вода,
Орлица как парит туда¹⁸³.

§ 54

Производящая вещь, признаки и обстоятельства, предыдущее и последующее также пространно могут быть предложены, ежели они соединены будут со идеями своих свойств, действий, подобий и противных вещей, н. п.:

Вливаясь в Понт, Дунай ревет,
Отзывкой плеску шум прибавил,
Сердясь волнами турка льет,
Что смелость, нрав, шатер оставил.
Агарян¹⁸⁴ ноги в выстрел всяк
Дрожат, себе являя знак,
Впоследни что бежа ступают.
Земля не хочет их носить,
От нас не знали, что покрыть.
Верхи свои древа качают¹⁸⁵.

§ 55

Уподобление рождает пространные и притом прекрасные идеи, ежели многие свойства, части или действия двух подобных вещей между собою прилично снесены будут.

Сходящей с поль златых Авроры
Рука багряна сыплет к нам
Брильянтов, искр, цветов узоры,
Дает румяный вид полям,
Светящей ризой мрак скрывает
И к сладким песням птиц возбуждает.
Чистейший луч доброт твоих

Украшил мой усердный стих,
От блеску твоя порфиры
Яснеет тон низжайшей лиры¹⁸⁶.

§ 56

От уравниения можно распространить идеи, ежели обоих вещей, которые между собою уравниются, части и свойства между собою снесены будут, н. п.:

Не так поля росы желают
И в зной цветы от жажды тают;
Не так способных ветров ждет
Корабль, что в тихий порт плывет,
Как сердце в нас к тебе пылало,
Чтоб к нам лице твое сияло¹⁸⁷.

§ 57

Чрез противные вещи распространяются идеи, когда оных много будет из прочих риторических мест приискано, а после того одна против другой рядом поставятся, н. п., о вступлении весны:

Светящий солнцев конь
Уже не в дальный юг
Из рта пустил огонь,
Но в наш полночный круг.
Уже несносный хлад
С полей не гонит стад,
Но трав зеленый цвет
К себе пастись зовет.
По твердым вод хребтам
Не вьется вихрем снег,
Но тщится судна бег
Успеть вослед волнам¹⁸⁸.

Глава четвертая. О изобретении доводов

§ 58

Доводы, равно как и распространения, сопряжены бывают из простых идей и одночленных рассуждений способом винословных со-

юзов и наречий *итак, оттого, потому, затем, следовательно, по-неже, того ради и прочая.*

§ 59

Ко изобретению оных служат из риторических мест происходящие следующие правила.

§ 60

Что говорится о всем роде, то можно сказать и о каждом виде, в том же роде включенном, и, напротив, того, что говорится о каждом виде, то можно сказать и о всем роде. Пример первому: *кто все добродетели любит, тот любит и воздержание.* Пример второму: *мы видим, что цари, князи, священники, военные, гражданские и сельские люди умирают, и оттуда заключаем, что все люди смертны.*

§ 61

Что сказать можно о всех частях, то и о целом, н. п.: *уже российские грады от Марсова шума не смущаются, села в глубоком мире почивают, пристани и крепости неприятельских набегов не страшатся, и так во всей России мир процветает.*

§ 62

От свойств должны последовать приличные им действия, и. п.: *Тизий Семпрония ненавидит, следовательно, ему добра не желает.*

§ 63

Если какая вещь страждет, т. е. в себе перемену имеет, то должна быть действующая вещь, которая оную перемену производит, н. п.: *море волнуется, следовательно, бурный ветер веет.* А когда две вещи такое состояние между собою имеют, что одна в другой перемену учинить может, то должно действию воспоследовать, н. п.: *сильный ветер по морю веет, следовательно, во оном волны подымает.*

§ 64

От места, времени и обстоятельств нередко следуют их свойства к той вещи, к которой они принадлежат, н. п.: *на высоких горах стоящие здания большее насилие от ветров и бурь претерпевают.*

§ 65

Ежели последующее есть, то должно было и предыдущему быть, н. п.: *плоды на деревьях выросли, следовательно, деревья прежде расцвели.* От предыдущего не всегда можно заключить последующее, н. п. *нельзя сказать: деревья расцветают, следовательно, плоды будут.*

§ 66

Все, что есть или бывает, имеет свою производящую вещь, н. п.: *дождь идет, следовательно, небо облачно.*

§ 67

Где есть признаки, всегда с вещью бывающие, тут есть и сама она вещь, н. п.: *отсюда дым встает, там должно быть огню.*

§ 68

Ежели из двух противных вещей одна есть, то, следовательно, другой нет, н. п.: *кто милостив, тот не жестокосерд; где добродетели господствуют, тут нет места порокам.*

§ 69

Подобные вещи должны иметь подобные действия и страдания, н. п.: *жизнь человеческая подобна непостоянному морю, следовательно, она от нападения противных случаев колеблется, подобно как океан от нападения бурных ветров.*

§ 70

Кто малого не может, тому и большее невозможно. И напротив того, кому великое возможно, тот может и малое. Пример первому:

кто слова утаить не может, тот не удержит великия тайны.
Пример второму: *кто пространного моря не боится, тому малая река не ужасна.*

Глава пятая. О изобретении витиеватых речей или замыслов

§ 71

Когда показанным правилам доказательств что-нибудь противное представлено будет, тогда рождаются витиеватые речи. К сему способствует уподобление, уравнивание и противоположение идей, что из следующих правил видеть можно.

§ 72

Соединение противных себе видов и разделение подобных производит витиеватые речи, н. п.:

*В златые дни со львом бессильный агнец спал,
И голубь с ястребом безбедно в лес летал.*

§ 73

От частей рождаются витиеватые речи: 1) Когда в животных вещах к каждой части приложено будет приличное жизненное свойство, н. п.: *лице светлое щедротою, уста сладкие утешением, грудь искренностию отверстая.* 2) Когда частям приличные действия присовокупятся, н. п.: *благочестивый монарх единою рукою бога, а другою подданных объемяет.* 3) Когда частям противные свойства или действия прилагаются, н. п.: *лукавый языком любит, а сердцем убивает.*

§ 74

От свойств замыслы происходят: 1) Когда одному свойству даны будут противные действия в разных вещах или персонах, н. п.: *глупость в бедном смешна, а в сильном слез достойна.* 2) Когда одно свойство другому как воспящающее представляется, н. п.: *злой и глупый богач одним путем ходят; оный хотя пользу учинить может, однако не*

хочет, а сей хотя и хочет, однако не умеет. 3) Когда противным свойствам сходные действия последуют, н. п.: *великодушный человек счастье свое умеренно правит, несчастье терпеливо сносит.* 4) Когда одна страсть в другую переменяется, н. п.: *праведный твой гнев есть милосердие.* 5) Когда одно свойство другому уподоблено будет, н. п.: *прекрасное твое лице небесному твоему уму подобно.*

§ 75

Знаменование имени подает витиеватые речи, когда оно уподоблено будет делам самой той персоны, которая оным называется, н. п.:

Цесарь, ты врагов сечешь удобно,
Имя в том делах твоим подобно¹⁸⁹.

Сюда ж надлежит, что сказали донские скифы великому Александру, который богом назывался: *ежели ты бог, то должен ты смертных миловать, а не грабить.*

§ 76

От действия и страдания произведены быть могут замыслы: 1) Когда вещи вымышленное действие или страдание приложено будет, н. п.: *он жалостным своим стенаньем древа, валы и горы движет.* 2) Когда от вещи противное действие производится, н. п.:

Чем ты дале прочь отходишь,
Грудь мою жжет больший зной.
Тем прохладу мне наводишь,
Если ближе пламень твой¹⁹⁰.

3) Через переменение действия на страдание, а страдания на действие, н. п.: *не Аякс сего ружья, но само ружье Аякса требует*¹⁹¹. 4) Когда действие вещи другим полезно, а самой вредно быть представляется. Так, говорит греческий король Уликс у Овидия: *вас прошу, о греки, чтобы мой разум мне не был вреден, который вам столько раз был полезен*¹⁹². 5) Через предложения невозможных действий, н. п.: *прежде агницы волков ловить, а зайцы львов терзать станут, нежели твое желание сбудется.* 6) Когда препятствия бессильными к вос-

пящению действия представляются, н. п.: *жадным победительским рукам не мог возбранить пламень, чтобы горящей Трои не расхищали.* 7) Когда действие на самую действующую вещь обращается, н. п.: *Гомер, когда стихами своими других избавлял от забвения, тогда себя вечной памяти предал.* 8) Когда действие тщетным представляется, н. п.: *он пращи и стрелы за гнилое дерево почитает.*

§ 77

От места витиеватые речи привести можно: 1) Чрез пренесение вещей на неприличное место, н. п.: *прежде рыбы в лесах, а овцы на дне морском пасться будут, нежели я твое благодаяние забуду.* 2) Когда к одному месту два разные свойства приписаны будут. Так, у Сенеки говорит Андромаха, сокрываячи сына своего от греков во гробе отца его, Гектора: *ежели судьбина бедным помогает, то вот тебе здесь защита, а если судьбина жить запрещает, то вот тебе и гроб.* 3) Когда на разных местах разные свойства одной вещи придаются, н. п.: *он в доме отца, в полках Гектор¹⁹³, на море Тифис¹⁹⁴.* 4) Когда место представляется как препятствие сильное или недействительное, н. п.: *хоть ныне я в волнах плову, но волны не гасят любви.*

§ 78

Время подает витиеватые речи: 1) Когда оно на другое, себе противное, переменено будет, н. п.: *твое к нам пришествие среди зимы весну приводит.* 2) Когда вещь из одного времени в другое перенесется, н. п.: Андромаха говорит женщинам троянским: *ваша Троя ныне, а моя уже тогда упала, когда бесчеловечный Ахиллес терзал мои члены (то есть Гектора)¹⁹⁵.* 3) Когда время против[ные] себе свойств[а] имеет, н. п.: *о весна, юность лета, прекрасная мати цветов, хотя ты возвращаешься, но кроме тоски ничего с собою не приводишь.*

§ 79

От причины рождаются замыслы: 1) Когда вместо прямой посторонняя и неприличная причина действию приложится, н. п., Александр говорит к своим солдатам: *мы погрешили, мои солдаты, ежели мы только для того Дария победили, чтобы рабу его отдать государство.* 2) Когда причина действия будет вымышлена, н. п.:

Вливаясь в Понт, Дунай ревет,
Отзывкой плеску шум прибавил,
Сердит волнами турка льет,
Что смелость, кровь, шатры оставил¹⁹⁶.

§ 80

От предыдущего и последующего производятся замысловатые речи: 1) Когда начало концу подобно представится, н. п.: *Медея с Язоном беззаконно совокупилась, беззаконно разлучилась, при браке брата, а при разлучении детей своих убила*¹⁹⁷. 2) Когда предыдущее время с последующим соединяется, н. п.:

Мне полдень с утром вдруг вступает,
Весна цветы и плод являет
В дражайшей всех душе твоей¹⁹⁸.

3) Когда из двух последующих последнее прежде первого предлагается, н. п.: *в моем нечаянно оскорбленном сердце после теплой весны лютая зима настает*.

§ 81

Обстоятельства рождают замыслы: 1) Когда оне за признаки какого-нибудь действия или вещи почтутся, н. п.: *сгоревший храм Дианы Ефесския предвозвестил имуций возгоретися в Азии военный пламень от великого Александра, которого в ту ночь Олимпиада родила*. 2) Когда обстоятельство самой вещи сравнено или уподоблено будет, н. п., о скупом:

Ты тверже, нежели тот металл,
Который в стену ты заклал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. О УКРАШЕНИИ

Глава первая. О словах риторических

§ 82

Риторические слова те называются, которые саму предложенную вещь точно и подлинно не значат, но перенесены от других вещей, ко-

торые со знаменуемою некоторое сходство или принадлежность имеют, однако притом большую силу подают в знаменовании, нежели сами свойственные слова, н. п.: о беспокойных ветрах лучше сказать, что они бунтуют, нежели *тянут* или *веют*, хотя глагол *бунтуют* не до ветров, но до людей надлежит. Сим образом перемененные слова называются с греческого языка тропы, то есть отвращения¹⁹⁹. Они имеют место в пяти частях слова — в имени, местоимении, глаголе, причастии и наречии.

§ 83

Вместо свойственных слов, которые вещь или действие точно значат, часто полагаются другие, от вещей или от действий, с оными некоторое подобие имеющих, взятые, что может быть чрез четыре способа: 1) Когда слово, к неживотной вещи принадлежащее, переносится к животной, н. п.: *твердый человек* вместо *скупого*; *полки текут на брань* вместо *идут*; *красно говорит* вместо *приятно*. 2) Когда слово, животной вещи свойственное, приложено будет к неживотной, н. п.: *угрюмое море* вместо *волнующегося*; *лице земли* вместо *поверхности*; луга смеются вместо *цветут*. 3) Когда слово от неживотной к неживотной вещи переносится, н. п.: *звезды кипящие* вместо *блещущиеся*. 4) Если от животной к животной слово переложено будет, н. п.: *лает* вместо *бранит*. Сие перенесение слов называется от риторов метафора, то есть перенос, и служит к пространному, важному, ясному, высокому и приятному идей представлению, причем наблюдать должно: 1) Чтобы метафора была не чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно в речь стесненные переносные слова дают больше оной темности, нежели ясности. 2) К вещам высоким непристойно слова переносить от низких, н. п.: вместо *дождь идет* непристойно сказать *небо плюет*. Однако некоторые слова, от нарочито низких вещей перенесенные, повышены могут быть прилагательными именами. Так, если бы *гром* назван был *трубою*, то бы метафора была низка, однако с прилагательным — *труба небесная* — будет уже много выше. 3) К низким вещам от высоких переносить имена также непристойно, разве только в шуточных и сатирических речах.

§ 84

Свойственные имена могут переменены быть на другие, которые значат с ними соединенные вещи, что бывает семью способами:

1) Когда положен будет род вместо вида, н. п.: *ветр* вместо *севера*, *цвет* вместо *розы*. 2) Вид вместо рода, н. п.: *сокол* вместо *птицы*, *Нил* вместо *реки*. Но здесь надлежит остерегаться, чтобы не поступить противу природы, н. п.: *из Кипра в Крит пособным западом ехать* вместо *ветром* и *на заре соколы запели* вместо *птиц*, ибо *запад* из Кипра в Крит едущим противен и соколы никогда не поют. 3) Целое вместо части, н. п.: *египтяна Нил пьют*, то есть *часть воды* из Нила. 4) Часть вместо целого, н. п.: *сто душ* вместо *ста человек*. 5) Один вместо многих, н. п.: *российский воин торжествует* вместо *российские воины*. 6) Многие вместо одного, н. п.: *он пишет краснее Демосфенов и Цицеронов* вместо *Демосфена и Цицерона*. 7) Материя вместо вещи, из оной материи сделанной, н. п., *прованзен железом* вместо *мечом*. Сия перемена имен называется синекдохе.

§ 85

Имена вещей, которые к себе взаимно принадлежат, могут одно вместо другого быть употреблены: 1) Когда действующая вещь вместо страждущий положена будет, н. п.: *читаю Virгилия* вместо *Virгилиевы стихи*. 2) Действие вместо действующия вещи, н. п., *убийство достойно казни* вместо *убийцы*. 3) Место или содержащая вещь вместо содержимой, н. п.: *Москва радуется* вместо *московских жителей*; *стакан выпил*, то есть *из стакана напиток*. 4) Причина вместо действия, н. п.: *разбойникам пример дать*, то есть *разбойника повесить*; *честь на алтарь возложить*, то есть *жертву*. 5) Признак вместо самая вещи, которую он значит, н. п.: *орел* вместо *Российской империи*; *луна* вместо *Турции*; *десять дымов*, т. е. *десять домов*. 6) Владелец или господин вместо оной вещи, которою он владеет, н. п.: *Укалегон²⁰⁰ горит*, то есть *Укалегонов двор*. Сей троп называют риторы метонимиею.

§ 86

Переменение имен собственных и нарицательных служит ко изобретению слов риторических: 1) Когда употреблено будет имя собственное вместо нарицательного, н. п.: *Крез* вместо *богатого*; *Геркулес* вместо *сильного*. 2) Наричательное вместо собственного, н. п.: *стихотворец* вместо *Virгилия* или *Гомера*; *ритор* вместо *Демосфена*. 3) Предки вместо потомков, н. п.: *Иуда* или *Иаков* вместо *жидов*.

4) Имя собственное вместо местоимения, Н. п.: Овидий часто говорит о себе *Назон* вместо *я*. Показанная перемена имен называется антономазия.

§ 87

Имена и глаголы могут быть переменены на другие, которые имеют знаменование, к ним очень близкое, ради напряжения или послабления вещи, н. п.: в первом случае *прибил* вместо *ударил*; *бежит* вместо *идет*; *бранит* вместо *журит*; *скуп* вместо *домовит*; *лукав* вместо *хитр*; во втором случае те же примеры противным образом, то есть *ударил* вместо *прибил*; *идет* вместо *бежит*; *домовит* вместо *скуп* и проч. Риторы называют сей троп катахрезис.

§ 88

Иногда перенесены бывают слова чрез два или три знаменования от своего собственного, что металеписис называется, н. п.:

Как десять жать прошло, сгорела горда Троя.

Здесь чрез жатву разумеется лето, чрез лето целый год.

Твой лавр достоин вечных хвал.

В сем примере чрез лавр победа, чрез победу мужество, чрез мужество ревность по отечестве разумеется.

§ 89

Предложенные шесть тропов состоят всегда в одном слове, а следующие четыре: аллегория, парафразис, ирония и гипербола — из двух или многих.

Аллегория есть совокупление подобных метафор, н. п.: *смертная коса цвет юности подсекла*. В сем примере коса и цвет суть две совокупленные метафоры. К аллегории принадлежат загадки, метафорические пословицы и притчи или басни, чему примеров довольно видеть можно в Езоповых притчах. Пример загадок о льде и воде:

Меня родила мать, котору я рождаю.

Пример аллегорической пословицы:

По сажу гладь, хоть бей,
Ты будешь черн от ней.

§ 90

Парафразис есть изображение одного или немногих слов чрез многие, н. п.: *разоритель Карфагена* вместо *Сципиона*; *Дафнис облака и звезды под ногами видит*, т. е. *Дафнис на небе*. Сей троп служит к распространению идей и оных важному и приятному представлению, а особливо когда действие или страдание коего-нибудь свойства или обстоятельства, части, вида или предыдущие и последующие, подобные либо противные вещи вместо самого действия или страдания положены будут, н. п.: вместо сего *Троя разорена* следующие парафразисы:

Троянских стен верхи уже во рвах лежат.
И где Приам судил, тут дики звери спят.
Лишь пепел капищ зрит на месте жертв Минерва;
Трава и лес растет, где были дома сперва.

§ 91

Гипербола, или превышение, есть когда представленная речь несколько натуральное понятие превосходит ради напряжения или ослабления страстей, н. п.: *бег скорейший вихря*; *звезд касающийся Атлас*; *из целых гор иссеченные храмы*.

§ 92

Ирония есть, когда предложенная идея значит противное, н. п.: *о волк! овец изрядный пастырь*. Сей троп изображен бывает часто чрез действия, в натуре невозможные, н. п.:

Единой цепью звезды свяжет
И вспячь итти луне прикажет²⁰¹.

Глава вторая. О умножении и перемене слов

§ 93

Слова умножаются повторением тех же или присовокуплением однознаменательных. Повторения знатнейшие виды суть четыре: 1) Когда одно слово в начале многих сложенных идей повторяется, н. п.:

Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой добротам мзду дарить²⁰².

2) Когда одно слово приложено будет двояжды в начале речи, н. п.: *избавь, избавь российский род*. 3) Когда в начале и в конце то же слово повторяется, н. п.: *скажите мне, леса, скажите*. 4) Когда следующая речь от того же слова начинается, которым первая окончилась, н. п.: *похвальнее богатства благородие, благородия похвальнее добродетель*.

§ 94

Однознаменательные слова те называются, которыми ту же вещь или бытие назвать можно, н. п.: *хорош, изряден* и проч. Такие слова часто присовокуплены бывают одно к другому ради сильнейшего и яснейшего представления речи, н. п.: Цицерон в начале слова своего против Катилины говорит: *Мы его, уже напоследи дерзостию бесящегося, беззаконием дышащего, на сенат и на все достатки наши пагубу воздвигающего, отпустили, извергли, истребили; отшел, отлучился, вырвался, бежал; ему возвратиться не дам, не поущу, не стерплю*.

§ 95

Слова переменены могут быть: 1) Чрез преложение глагола в имя существительное, н. п.: *леность вредна* вместо *лениться вредно*. 2) Чрез переменение имени в глагол, н. п.: *я вижу, что спорят* вместо *я вижу спор*. 3) Когда прилагательное имя в существительное переложено будет, н. п.: *ясность неба* вместо *ясное небо*. 4) Чрез переменение глагола в наречие, н. п.: *мне стыдно* вместо *я стыжусь*. 5) Имен

в наречие, н. п.: вместо *в сей час* — *теперь*. б) Действительный глагол на страдательный, н. п.: *трава от ветра колеблется* вместо *ветр траву колеблет*. 7) Причастие на глагол, н. п.: *шум слышен* вместо *шум слышат*.

§ 96

Переменные прилагательные имена изобретаются: 1) От величины, н. п.: *долгий путь, пространное море*. 2) От фигуры, н. п.: *острая стрела, кудрявая роща*. 3) От движения или покоя, н. п.: *быстрый орел, летящий зефир, спящие болота*. 4) От твердости, н. п.: *каменное сердце*. 5) От чувств, н. п.: *хладная Исландия, жаркая Абиссиния, красная роза, шумящие валы, горькая желчь, смрадный труп*. 6) От страстей, н. п.: *ярый Ахиллес, гордый фараон*. 7) От свойств и дарований телесных, н. п.: *сильный Гектор, прекрасный Авессалом*. 8) От места, н. п.: *воздушный орел, аравитское золото*. 9) От времени, н. п.: *зимний хлад, ночная тьма*. 10) От действия или страдания, н. п.: *молния, воздух терзающая, смущенное море*. 11) От обстоятельств, н. п.: *лесистая гора, пасмурные дни*. 12) От производящих вещи, н. п.: *плод земной*. 13) От уравнивания, н. п.: *сребра чистейший источник*. 14) От противных вещей, н. п.: *ласкательство есть сладкий яд; печальная отрада в несчастии — слезы*.

Глава третья. О изображении сложенных идей

§ 97

Сложенные идеи изображены бывают фигурами слова, из которых лучшие суть: определение, вопрошение, отвращение, указание, представление, одержание, сообщение, позволение, восклицание, вольность, оставление, зяятие, прекращение, разговор, вымысл.

§ 98

Определение риторическое есть изображение сложенных идей чрез глаголы *есть*, *называется*, *кажется* и другие сим подобные, н. п.: *наука есть воздь к познанию правды, просвещение разума, успокоение народов*. Примеров сея фигуры довольно видеть можно в икосах акафиста Пресвятей Богородице и в стихах Святому Кресту.

§ 99

Вопрошение риторическое бывает о какой-нибудь уже известной вещи для сильнейшего и важнейшего оныя представления, н. п., о Каине, убившем своего брата: *Нечестивый, куда бежишь? зачем один? где твой брат? что бледнеешь? что молчишь, беззаконный?* К вопрошению риторы нередко и ответ присовокупляют, н. п.: *кто к добродетелям путь отверзает? наука; кто от пороков? наука; кто рассеянные народы во общества собрал? наука; кто построил грады и открыл страны, отделенные морями? наука.*

§ 100

Отвращение есть отнесение речи от предложенной материи к другой вещи, животной или бездушной, во втором лице глагола, н. п., вместо, чтобы просто упомянуть о счастии Невы-реки, употреблено следующее отвращение:

О чистый ток Невы разливной,
Счастливейший всех вод земных
Российской что богини дивной,
Кропишь лице от струй твоих.
Стремись, шуми, теки обильно
И быстриной твоею сильно
Промчись к вечерним вплоть брегам,
И большой страх вложи врагам,
В сердца и в слухи им внушая,
Что здесь зимой весна златая²⁰³.

Чрез сию фигуру можно советовать, засвидетельствовать,, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, обещать, просить, возбуждать страсти, оплакивать, что-нибудь сказывать, поздравлять или прощаться с тем, к чему ритор от предложенной материи отвратится, н. п., угрозою:

Еще упрямова борет страсть?
Не хочешь ниц пред Анной пасть?
Не хочешь с нами в мир склониться?
Стамбул, Каир, Алеп сгорит,
Обставят росским флотом Крит,
Евфрат в твоей крови смутится²⁰⁴.

Запрещением:

Воинский звук покинь, Беллона,
И жажду крови, Марс, оставь²⁰⁵.

§ 101

Указание есть, когда на предлагаемую вещь указуем междометиями: се, вот, н. п.:

Смотрите, се трофей стоит
Плетутся се венцы Лавровы,
Надежда ваша вас не льстит!
В пределах ваших нам готовы.

Или:

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря²⁰⁶.

§ 102

Представление есть подобное, но весьма краткое деяния изображение важными словами. Так представлено божие сотворение света словом в книгах Бытия: *и рече Бог: да будет свет, и бысть свет*²⁰⁷, что несравненно великолепнее, нежели простая речь: *Бог свет сотворил словом*.

§ 103

Удержание фигура есть, когда ритор слушателей или читателей долго в сомнении удерживает, представляя что-либо меньшее или противное предлагаемой вещи, а потом уже оную предлагает, н. п.: *в древние времена ученых людей почитали не токмо щедрые государи, но и жестокосердые мучители; Платона принял в Сиракузы Дионисий-тиран, но с каким великолепием? с каким доказательством к нему своя склонности? Вы чаете, что ему были дороги цветами усыпаны или улицы зелеными ветвями украшены? вы надеетесь, что ему все знатные особы навстречу вышли? Никак, но Платона, сидящего в златой колеснице, сам Дионисий, коней управляя, во град вводит.*

§ 104

Сообщение есть, когда ритор предложенную материю тому на рассуждение отдает, кому онаю представляет, н. п.: *еще медлишь? еще сомневаешься, легкомысленный, и от роскоши к добродетели не возвращаешься? Пуцай же, ни во что почитай мои представления, но сам с собою посоветуй, сам себя послушай. Что бы ты учинил тогда, если бы тебя, с одной стороны, прекрасная, благородная и всеми дарованиями украшенная невеста ласково и благочинно приглашала, а с другой, — скверная блудница к себе бесстыдно призывала? К которой бы ты тогда обратился? Не к одной ли бы ты устремился всею мыслию и силами?*

§ 105

Уступление фигура есть, когда ритор уступает что-нибудь противное предлагаемой речи, н. п.: *воскресите, воскресите его от мертвых, если можете; смотрите ожившего стремление, которого и во гробе лежащего бешенство вам несносно. Или:*

Пускай земля, как Понт, трясет,
Пускай бурливы вихри стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут.
Но вам не может то вредить,
Вас рок желает сам покрыть²⁰⁸.

§ 106

Восклицание есть возвышение речи чрез наречия: *о, толь, толико* и сим подобные, н. п., о Енее и троянах: *прежде пришествия в Италию много лет по всем морям заблуждались; толь трудно основать было народ римский.*

§ 107

Вольностию называется смелое представление важной речи, н. п.:

Скажу без страху и без лести:
Твоей высокой славы, чести
Не может власть твоя закрыть.

§ 108

Оставление есть фигура, когда оратор, аки бы не хотя упоминать какой-нибудь вещи, тем самым важнее и сильнее оную представляет, н. п.: *беззаконные его дела упомянуть ужасаюсь и мерзкими его поступками не хочу осквернить ушей ваших.*

§ 109

Заятие есть фигура, чрез которую все, что с противной стороны вопреки приведено быть может, купно предложено и опровержено бывает, н. п.: *но вижу, что мне в спор сказано быть может, то есть с детьми строго поступать не должно, но надлежит снисходить их молодым летам; однако что воспоследует, когда, живучи необузданно, к порокам прилеятся и в беззакониях погрязнут?*

§ 110

Прекращение есть, ежели кто во изображении какой-нибудь страсти разума речи своя не окончит, н. п.: *которой казни ты достоин! уж я тебе!²⁰⁹ добро, молчи же.*

§ 111

Разговор есть фигура, чрез которую отсутствующим персонам, как присутствующим, усопшим, равно как живым, и бездушным вещам, как одушевленным, речь придается, н. п.:

Гласит, пред ней стоя, Россия,
Склонившись к ней верхом своим;
Тебе я дам плоды земные
И купно подданным твоим.
Тебе я оных кровь питаю,
Горячень в их сердца влагаю,
Чтоб ону за тебя пролить²¹⁰.

§ 112

Вымысл есть чрезвычайное изображение предлагаемой материи, что бывает следующими образы: 1) Когда какая вещь

представляется под другим видом. Так, у Овидия представлен северный ветер под видом старого, крылатого и на облаках летящего мужа. При сем наблюдать должно подобие вымышленного изображения с самою вещью, н. п., если кто хочет представить луну во образе человеческом, то не надлежит ее переменить в старую женщину, но в молодую девицу ради светлости ея. Также стараться должно, чтобы вымышленного изображения части, действия и обстоятельства имели некоторые свойства той вещи, которая под оным представляется, с вымышленными смешанные, н. п.:

Уже златой денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
С востока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том,
Он пламенным встряхнул верхом,
Преславному видя вещь, дивится²¹¹.

2) Когда предлагаемая персона или вещь представляется на чрезвычайном месте, н. п.:

Я деву в солнце зрю стоящу,
Рукою отрока держащу
И купно всю Россию с ним.
Украшена везде звездами.
Разит перуном вниз своим,
Гоня противности с бедами²¹².

3) Когда действие из одного времени в другое перенесено будет. Так говорит Андромаха о убиенном своем Гекторе у Сенеки: *Уже рукою меч заносит и в греческий флот бросает сильный пламень; греки, не зрите вы Гектора? или одна я вижу?*²¹³

4) Когда предлагаемая вещь чрезвычайно велика или мала представлена будет. Таким образом представил Лукреций суеверие древних поганских народов: *Жизнь человеческая бесчестно на земли лежала пофранна тяжким суеверием, которое, главу свою от небес показуя, ужасным взглядом на смертных взирало*²¹⁴.

Часть третья. РАСПОЛОЖЕНИЕ

Глава первая. О расположении вообще

§ 113

Расположение есть двояко: первое — простых, второе — сложенных идей.

Простые идеи или слова располагаются: 1) по их важности и низкости, то есть когда случится предложить несколько имен разного качества, то приличнее наперед положить важные, а потом и прочие, которые не столь высокие вещи значат, н. п.: *солнце, луна и звезды хвалят своего Зиждителя*; 2) по времени, то есть когда слова в рассуждении времени разнствуют, то должно их расположить так, как одно другому последует, н. п.: *он утро, день, вечер и ночь в роскошах препровождает*; 3) по произношению, в котором надлежит остерегаться стеснения подобных литер и непорядочного расположения ударений, к чему служат следующие правила. Первое, тех слов не надлежит друг подле друга ставить, из которых первое на много согласных литер кончится, а другое многими согласными литерами начинается, для того что ими в произношении язык весьма запинаятся, и речь падает негладко, н. п.: *всех чувств взор есть благороднее*. Второе, не надлежит стеснять гласных литер одного или подобного звона, н. п.: *слово о обновлении храма*. Третье, избегать должно соединения слов, теми же складами начинающихся или кончающихся, н. п.: *когда суда в пристанище приходят, тогда труда плователи избегают; мне мнится быть слово ваше важно*. Четвертое, слова по ударению неприлично так располагать, чтобы инде два или три склада с ударениями вместе стояли, а инде весьма много оных без ударения соединены были, для того что сие препятствует плавному и гладкому течению слова, н. п.: *твое мужественное великодушие дивит всех нас*. Периоды гладко падают, когда ударения, хотя не по строгим стихотворческим правилам расположены, однако друг от друга отстоят несколько пропорционально, а особливо когда начальное слово периода имеет ударение на втором складе, спереди считая, а последнего слова сила стоит на предкончаемом или пропредкончаемом слоге.

Вопросы и другие речи, которыми сильные и стремительные страсти изображаются, больше напряжения и важности в себе имеют, когда сила ударяет на кончаемом слоге последнего и на первом начального слова.

§ 114

Многие сложенные идеи об одной материи, в приличный порядок приведенные, составляют слово, которого главные части суть четыре: вступление, истолкование, утверждение и заключение. Некоторые риторы располагают свои слова чрез особливую форму, называемую хрию, которая разделяется на осмь частей, однако нет в ней ничего особенного и все ея части в помянутых четырех частях слова заключаются, для того об ней обстоятельно писать оставляю. Помянутые четыре части могут быть предложены сокращенно и пространно, как ритор о материи своей говорить или писать хочет, и, по рассуждению и свойству оной, можно одну или и две части оставить.

§ 115

Вступление есть часть слова, чрез которую ритор слушателей или читателей приуготовляет к прочему слову, чтобы они склонно, прилежно и понятно оное слушали или читали. Для первого должен ритор вежливо и склонно оным свое предприятие представить, для второго объявить, что он будет представлять о вещи важной, нужной и полезной, для третьего ясно сказать свою тему или самую материю, о которой он говорить или писать хочет.

§ 116

Вступление сочинить может ритор: 1) от места или времени, предлагая, что ему в рассуждении оных говорить должно, прилично, нужно, полезно, трудно и пр.; 2) от характера и свойств, которые слушатели имеют, похваляя их добродетели; 3) от своего лица, объявляя недостаток сил своих к тому слову, извиняя себя нуждою и пользою оною; 4) от самой темы, когда ритор оную пространно предложит; 5) от похвалы автора, то есть ежели тема есть сентенция святого или ученого человека, то можно в самом вступлении оною похвалить; 6) от примеров, девизов и пословиц; 7) от призывания в помощь свою Бога или святых его; 8) от внезапного приступления в самой вещи, то есть когда ритор начинает самую предлагаемую материю от какой-нибудь сильной и стремительной фигуры. Так начал Цицерон речь свою против Каталины: *Доколе будешь, Катилина, во зло употреблять терпение наше?* Всякое вступление должно быть украше-

но тропами и сильными фигурами, для того чтобы слушатели или читатели, оными усладившись, самой материи внимали и прилежно слушали. При сем должно остерегаться, чтобы вступление было не весьма долго, и всегда помнить, что оно чем короче, тем лучше.

§ 117

По вступлении предлагается тема кратко и ясно. А потом, если она нечто гисторическое или другое что, истолкования требующее, в себе заключает, присовокупляется истолкование, которое составлено бывает из распространенных идей по правилам третьей главы первые части. В истолковании надлежит наблюдать: 1) краткость речей, и для того должно стараться, чтобы периоды были коротки, однако притом ясны и удобопонятны; 2) ясность, и для того должно больше употреблять слов свойственных, нежели тропов; 3) вероятность, к чему служат свидетельства и самые обстоятельства предлагаемой вещи. Для сих трех должно опасаться: 1) чтобы не примешать мелких и слову непристойных обстоятельств; 2) чтобы не отступить от слова к другой посторонней материи; 3) чтобы речи не были безмерно закручены и идеи бы, вместе быть должны, не были одна от другой далече разметаны; 4) чтобы много разных вещей не стеснить в кучу и тем бы не отяготить понятие слушателей; 5) чтобы не представить, что слушателям невероятно, смешно и подло показаться могло; 6) чтобы истолкование не весьма просто и низко было и несвязными речью и весьма много раз повторенными теми же словами не скучно казалось.

§ 118

Истолкованию последует утверждение, в котором предлагаются вины или причины, о справедливости темы уверяющие, которые изобретены быть могут по правилам о изобретении доводов. Утверждение разделяется на две части. Первая есть доказание, которая содержит в себе самые доводы, чем предложенную тему доказать должно. Вторая называется возражение, которая опровергает все противные теме предложения и представляется: 1) презрением, когда предложения противные ритор ни во что почитает; 2) укоризною и грозою, когда противное теме предложение будет скверно и незаконно; 3) большим предложением, когда ритор, противного предложения не

разрешив, предлагает свое, того сильнейшее; 4) когда ритор покажет, что противные предложения неправдивы тем, что со здравым рассуждением несогласны. В доказании употреблены бывают стремительные фигуры, н. п.: вопрошение, отвращение, восклицание и проч.; в возражении: зяятие, уступление, троп, ирония и проч.

§ 119

Доводы предлагаются: 1) силлогизмом, 2) энтимемою, 3) дилеммою. Силлогизм составляют два предыдущие предложения и следствие, н. п.: *от всякого порока надлежит убежать* (первое предложение), *но лень есть порок* (второе предложение), *следовательно, от лени бегать надлежит* (следствие). Сии три части силлогизма располагать можно разным порядком, присовокупляя к ним причины и украшая их тропами и фигурами, для того чтобы они риторический, а не логический вид имели. Когда из предыдущих предложений первое или второе оставлено будет, тогда сей довод называется энтимема, н. п.: *лень есть порок, следовательно, оной убежать должно*. Дилемма есть довод, состоящий из двух противных частей, из которых ту или другую противной стороне принять должно, н. п.: *некоторая женщина советовала своему сыну, чтобы он никакого слова не говорил пред народом, для того что ежели он неправду говорить хочет, то прогневает бога, а буде правду, то люди ему будут неприятели, на что сын отвечал: Мне еще большая причина есть говорить публичные слова, ибо ежели я стану говорить правду, то буду богу любезен, а ежели неправду, то буду людям приятен*. Из доводов сильные и важные должно положить наперед, те, которые других слабее, в середине, а самые сильные — на конце утверждения, ибо слушатели и читатели больше началу и концу внимают и оных больше помнят.

§ 120

Последняя часть слова есть заключение, в которой доказанная тема представляется в указательном роде с похвалою или хулою, в советовательном — с присоветованием или отсоветованием, причем должно повторить положенные в третьей части доводы, но весьма кратко и замысловато, к чему служат правила, предложенные в пятой главе первой части.

Глава вторая. О расположении слов публичных

§ 121

Публичные слова, которые в нынешнее время больше употребительны, суть: проповедь, панегирик, надгробная и академическая речь. Проповедь есть слово священное, от духовной персоны народу предлагаемое, которого суть два рода — похвальный и увещательный. Похвальные проповеди предлагаются в прославление Божие и в похвалу святых его на господские праздники и на память нарочитых Божиих угодников. Увещательною проповедью учит духовный ритор, как должно христианину препровождать жизнь свою богоугодно.

§ 122

Все проповеди располагаются обыкновенно по ординарной форме, в § 114–120 показанной. Пред вступлением полагается приличный к самой предлагаемой материи текст из Священного Писания, который неправильно темою называют. Из сего сочиняют нередко проповедники вступления своих проповедей, ибо когда он в себе заключает что-нибудь историческое, то можно оное предложить пространно, присовокупив к нему причину, обстоятельства и пр. А когда текст есть сентенция, то есть краткая нравоучительная речь, то можно распространить от пристойных мест риторических.

§ 123

Штиль в духовном слове должен быть важен, великолепен, силен и, словом, материи, особе и месту приличен, ибо священному ритору, о котором народ высокое мнение имеет, в Божием храме, где должно стоять с благоговением и страхом, о материи, для святости своей весьма почитаемой, не пристало говорить подлыми и шуточными словами. Но притом проповеднику стараться должно, чтобы при важности и великолепии своем слово было каждому понятно и вразумительно. И для того надлежит убегать старых и неупотребительных славенских речений, которых народ не разумеет, но притом не оставлять оных, которые хотя в простых разговорах неупотребительны, однако знаменование их народу известно.

§ 124

Панегирик есть слово похвальное высокия особы, места или действия достохвального. В похвале высокия особы предлагаются похвальные жизненные свойства, которые она имеет, то есть: 1) главные душевные свойства; 2) похвальные страсти, н. п. любовь, милосердие; 3) добродетели; 4) похвальные телесные свойства, н. п. красота, сила; 5) приобретенные дарования, то есть науки, богатство, слава и пр., что все в § 17 показано. В похвале места представлены бывают: 1) оного материальные свойства, § 16; 2) примечания и похвалы, достойные действия, которые на нем были и бывают; 3) ежели оно не натуральное, по созданное, н. п. город или храм, то можно присовокупить похвалу самого основателя, то есть его труды, рачение и тщивость во иждивении; 4) обстоятельства, то есть лежащие другие около места, реки, горы, поля, моря. В похвале действия исчисляются все трудности и препятствия, от места и от времени происходящие; представляется великость, польза и необходимая нужда оного, и кратко все, что из мест риторических оному прилично, присовокупить можно.

§ 125

Располагаются панегирики по той же форме, которая выше сего предложена, и только ту разность с увещательною проповедию в рассуждении частей своих имеют, что в них почти одно истолкование предлагается. Вступление должно быть цветно и приятно, тропами, фигурами и витиеватыми речьми, как драгоценными камнями, украшено; взято быть может почти изо всех мест риторических, а особливо от времени, места, обстоятельств и от лица самого ритора. Тему в панегирике приличнее предложить не просто, как в советовательных словах бывает, но украшенно и витиевато, под какою-нибудь фигурою или смешанною аллегориею, н. п., если кто хочет похвалить славного владетеля, который для пользы и благополучия своих подданных сносил великие труды, тот может в теме своей предложить, что он похвалить хочет подданного монарха или орла, малых птиц хранителя и питателя. Истолкование предлагается в панегирике тремя образы: 1) когда прежде вообще показано будет, что похвалы достойная особа, место или действие иметь должны, а потом присовокупляется партикулярно, что похваляемая особа, место или действие все оное в себе имеют; 2) когда в похвале особы поступлено

будет натуральным порядком времени, исчисляя все добродетели, которые она имела в младенчестве, в юношеском возрасте, в мужестве и старости; 3) когда только самые знатнейшие свойства и добродетели похвалены бывают. Утверждения особливового как части слова панегирики не требуют, но вместо одного служат замысловато и странно предложенные дела, свойства и добродетели. Заключение должно в себе иметь побуждение к любви и почтению похваленный особы или места, к подражанию достохвального действия. Некоторые заключают панегирик желанием и молитвою о благополучии похваленный особы. Иные обнадеживают оную о любви и почтении, которое к ней народ имеет. Иные поздравляют тем, что она толикими добродетельми от бога одарованна.

§ 126

Штиль в панегирике, а особливо в заключении, не меньше как и в проповеди, должен быть важен и великолепен и притом уклонен и приятен. Слов подлых и невежливых надлежит удаляться, но такие употреблять, которые чести и достоинству похваляемая особы приличны. Во всем сложении слова должно употреблять замыслы, тропы, высокие и приятные фигуры, как отвращение, представление, разговор, вымысл. А сильных и устремительных фигур, н. п. сообщения, заятия, должно чужаться.

§ 127

Надгробное слово есть, которое в похвалу усопшего человека предлагается. Вступление бывает по большей части внезапное:

1) от жалобы, полной неудовольствия, на самую смерть, которая человека, толь всем любезного, нужного или полезного, рано нас лишила; 2) от восклицания жалостного о краткости жизни человеческой, о суетной и тщетной надежде; 3) от негодования на то, что было смерти усопшего причина; 4) от плачевных погребальных церемоний; 5) от обыкновения, у древних народов при погребении в употреблении бывшего. Истолкование и утверждение заключают в себе похвальные усопшего дела, почему надгробная речь не разнится от панегирика, кроме того, что в панегирике радость, а здесь печаль возбуждать должен ритор. Заключение содержит желание и молитву о упокоении и о вечной памяти усопшего или увещание к слушателям,

чтобы они его добродетелям последовали, к чему присовокупляется утешение сродников. Слова и мысли должен пригробный ритор употреблять плачевные и самой материи пристойные.

§ 128

Академические речи называются те, которые говорят ученые люди в академиях публично. Они бывают: 1) при вступлении в профессорство; 2) при принятии ректорства; 3) при отложении оногo; 4) при произведении в градусы; 5) при диспутах. В первом случае должно похвалить свою профессию, которую профессор на себя принимает, или избрать из оной науки, к которой он определен, некоторую трудную главу, которая еще недовольно протолкована, и, предложив в своей речи, протолковать. Во вступлении представить можно свое рачение о той же науке и оногo причину, общую пользу. Заключить можно обещанием всегдашнего старания в приращении наук. Во втором и третьем случае может ректор или президент похвалить академии основателя, или покровителя, или цветущее оная состояние. В заключении увещать академиков и ободрять к большему расширению наук. Четвертого рода речь не разнится от первой. При диспутах бывающие речи больше можно назвать комплиментами, для того что в них предлагается кратко: 1) содержание диспутов; 2) учтливое призывание оппонентов перед диспутами или благодарение за полезное и мирное словопрение по диспутах.

Глава третья. О расположении приватных речей и писем

§ 129

Приватные речи знатнейшие и употребительнейшие суть: поздравление, сожаление, прошение и благодарение равной или высшей особе, словесно или письменно предлагаемое. В составлении и расположении оных должно наблюдать три вещи: 1) состояние особы, к которой речь говорить или письмо писать должно; 2) материю, которая предлагается; 3) состояние самого себя.

§ 130

Поздравление бывает о каком-нибудь благополучии оная особы, которой приветствуем. Итак, по § 129 должно упомянуть: 1) радость,

от одного благополучия ей происшедшую, и что она того счастья ради своих заслуг и добродетелей (которые кратко упомянуть можно) достойна; 2) присовокупить, что оное счастье ей самой или обществу, или и тому, кто поздравляет, приятно, нужно и полезно; 3) заключить тем, что о благополучии оныя особы и сам поздравитель радуется и поздравляет, желая оным чрез свой век, долговременно, по желанию оныя и пр. наслаждаться.

§ 131

Сожаления имеют в себе все прежнему противно, ибо они прилагаются при каком-нибудь противном случае, где должно: 1) о печальной особе соболезновать, что не по заслугам и добродетелям ей оное приключилось; 2) упомянуть, что сего неблагополучия и сам тот участник, который сожалеет, к чему присовокупить можно благодеяния печальный особы, сожалетелю показанные, как причину общия с нею печали, к чему приложить можно (ежели состояние особы и несчастье требует), что от того обществу убыток учинился; 3) утешать печальную особу, что сие неблагополучие предвозвещает ей большее счастье и радость, или предложить непостоянство переменный фортуны, которая жизнь человеческую обыкновенно обращает, или укреплять в постоянстве, чтобы несчастье сносить терпеливо и великодушно и тем показать непоколебимую свою добродетель.

§ 132

В письме или речи просительной должно: 1) представить добродетели, а особливо милость и великодушие той особы, которую просить должно, к себе или другим показанное; 2) присовокупить свою нужду и требование с причиною оных; 3) предложить самое прошение с обещанием почтения, благодарности и обязательства.

§ 133

Благодарственное письмо или речь состоять должно: 1) из представлений о великости самого благодеяния; 2) из похвалы благодетеля; 3) из благодарения и обещания взаимных услуг или всегдашнего воспоминания и обязательства.

Часть четвертая. О ПРОИЗНОШЕНИИ

§ 134

Хотя предложенные правила в трех первых частях довольно служить могут к познанию изобретения, украшения и расположения слова, однако требуют они притом прилежного чтения славных и в красноречии искусных авторов и частого упражнения в сложении слов разного рода. Оным должно подражать в красном их сложении, а чрез сие привыкать к скорому изобретению, к пристойному украшению и порядочному расположению слова.

§ 135

Больше упражнения, нежели теории и предписанных правил, требует произношение, которое имеет великую силу в предложении слова, когда преизрядными замыслами наполненный ум на язык, очи, лице, руки и на весь стан ритор красота свою изливает и свое великолепие чувствам слушателей ясно представляет. Для того, кто подлинный ритор быть желает, тот в приличном слову произношении должен часто упражняться и наблюдать следующие правила.

§ 136

Слово произносить должно голосом чистым, непрерывным, не грубым, средним, то есть не очень кричным или весьма низким, равным, то есть не надлежит вскрикивать вдруг весьма громко и вдруг книзу опускаться, и, напротив того, неприлично произносить одним тоном, без всякого повышения или понижения, но, как произносимый разум требует, умеренно повышать и понижать должно и голос. В вопрошениях, в восклицаниях и в других сильных фигурах надлежит оный возносить с некоторым стремлением и отрывом. В истолковании и в нежных фигурах должно говорить равнее и несколько пониже; радостную материю веселым, печальную плачевным, просительную умильным, высокую великолепным и гордым, сердитую произносить гневным тоном. И словом, голос свой управлять должен ритор по состоянию и свойствам предлагаемой материи.

§ 137

Каждый период должно произносить отдельно от прочих, то есть, окончив оный, несколько остановиться; части его, разделенные двоеточиями и запятыми, отделять малою переменою голоса и едва чувствительною остановкою; каждое речение, склад и литеру выговаривать чисто и ясно и в один дух излишно не захватывать, ибо сие понуждает часто в непростойном месте остановиться или, несколько складов не договорив, пропустить. Ненадобно очень спешить или излишнюю протяжность употреблять, для того что от первого слова бывает слушателям невнятно, а от другого скучно.

§ 138

Что ж надлежит до положения частей тела, то во время обыкновенного слова, где не изображаются никакие страсти, стоят искусные риторы прямо и почти никаких движений не употребляют, а когда что сильными доводами доказывают и стремительными или нежными фигурами речь свою предлагают, тогда изображают оную купно руками, очами, головою и плечьми. Протяженными кверху обеими руками или одною приносят к Богу молитву или клянутся и присягают; отвращенную от себя ладонь протягая, увещевают и отсылают; приложив ладонь к устам, назначают молчание. Протяженною ж рукою указуют; усугубленным оныя тихим движением кверху и книзу показывают важность вещи; раскинув оные на обе стороны, сомневаются или отрицают; в грудь ударяют в печальной речи; кивая перстом, грозят и укоряют. Очи кверху возводят в молитве и восклицании, отвращают при отрицании и презрении, сжимают в иронии и посмеянии, затворяют, представляя печаль и слабость. Поднятием головы и лица кверху знаменуют вещь великолепную или гордость; голову опустивши, показывают печаль и унижение; ею тряхнувши, отрицают. Стиснувши плечи, боязнь, сомнение и отрицание изображают.

§ 139

Больше всего должно рассуждать обстоятельства и персону, пред которою слово представляется, ибо проповедник народу предлагает слово Божие со властиею, и для того имеет он больше вольности

употреблять в произношении голоса и тела движение. Но, напротив, того, кто читает речь похвальную пред высокою особою, тот в оных движениях должен поступать весьма умеренно и как самую речь, так управлением голоса показывать оной почтение, а особливо не должно много руками размахивать, но лучше стоять прямо, тихо и благочинно.

§ 140

А чтобы в произношении не запнуться или и совсем не стать, для того должен ритор свою речь твердо изусть выучить, к чему в некоторых риториках правила и способы предлагаются, однако, по моему мнению, не приносят они никакой пользы, кроме того, что по той тетраде, на которой речь сочинена, скорее оную вытвердить можно, нежели по переписанной. Тот скорее и больше изусть выучить может, кто часто свои и чужие слова изусть учит.

ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия Божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитаются, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов²¹⁵ и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианский церкви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового Завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых²¹⁶ и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При сем хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением российского языка с другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна в католическую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские по большей части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от

греческого приобретены. Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось и произошли искусные писатели. Напротив того, в католических областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различаются по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общепотребительны, например: *Бог, слава, рука, ныне, почитаю*.

Ко второму принадлежит, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене*²¹⁷ и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом

употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных. Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа.

Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма

много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует:

1) По важности освященного места церкви Божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.

2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.

3) Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго церковь российская славословием Божиим на славенском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древний язык ишпанский, галский, британский и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез преселения и войны разрушились. Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления, но все в глубоком неведении погрузились. Гораций говорит:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас²¹⁸.

Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами, ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством. Последовавшие поздние потомки, великою древностию и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину²¹⁹? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склоняясь духом к Меценату²²⁰, равно как бы он нынешним наукам был покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему отечеству от просвещения Петрова и действительно настало и основалось щедротою великия его дщери. Ею ободренные в России словесные науки не дадут никогда прийти в упадок российскому слову. Станут читать самые отдаленные веки великие дела Петрова и Елисаветина веку и, равно как мы, чувствовать сердечные движения. Как не быть ныне Virgiliям и Горациям? Царствует Августа Елисавета; имеем знатных и Меценату подобных предстателей, чрез которых ходатайство Ея отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств²²¹. Великая Москва, ободренная пением нового Парнаса, веселится своим сим украшением и показывает оное всем городам российским как вечный залог усердия к отечеству своего основателя, на которого бодрое попечение и усердное предстательство твердую надежду полагают российские музы о высочайшем покровительстве.

И. А. ТРЕТЬЯКОВ

**СЛОВО О ПРОИЗШЕСТВИИ И УЧРЕЖДЕНИИ
УНИВЕРСИТЕТОВ В ЭВРОПЕ
НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЖДИВЕНИЯХ,
в публичном собрании Императорского Мо-
сковскаго университета на Высочайший день
рождения ЕЯ Императорскаго Величества,
Всепресветлейшия Державнейшия Великия
Государыни Императрицы Екатерины
Алексеевны, Самодержицы Всероссийской,
Говоренное онаго ж Университета свободных
наук магистром и юриспруденции доктором
Иваном Третьяковым 1768 года апреля 22 дня**

Приятна есть, слушатели, отдаленных времен гистория, которая глубокой древности дела предает до днесь потомкам в пример и в научение. Сея посредством мы проникаем в бездну веков и в пределы вселенныя и видим там тьмы разных народов, из которых иных свирепый Марс в середине самого цветущего состояния мечом и пламенем истребил, иных внезапное стихий возмущение, от одра спящих восхитив, в преисподния расселины земли поглотило, и других премногих, которых неизбежная престарелость, алчный глад, тлетворный воздух и неисцелимые болезни от земли и от наших очес на вечность преселили. Видим, кроме сего, все света перемены или такие его по степеням восходящие и нисходящие обращения, от которых оный, как некоторые думали, наподобие смертного, иногда из своего отрочества в юность и в мужество, иногда обратно, из своея престарелости в первобытное отрочество преходящим казался.

Когда завидящая смертных толикому из протекающих веков источнику премудрости древность старалась вечностью и забвением прошедшее все от нашего знания сокрыть, тогда гистория достопамятных дел одним к себе человеческим люблением и любопытством без рукописания и печати сохраняема была; тогда трясущие седины праотцы наши не только такие ужасные в свете происхождения, но и самое начало света и живущих в нем тварей рожденным от себя от рода в род рассказывали. В нынешнем ученом свете наблюдаемая во всем строгость твердого и доказательного рассуждения, не позволяя в нас предыдущему пред рассудком, порывчивому воображения стремлению последовать, запрещает и гисторию представлять таким

приятным собеседником, каковым она у первенствующих народов на живом языке была. Однако с большею вероятности можно хоть непрямо утверждать, что в такие времена и у таких народов событие прошедшего всего от древности потомству во всем не иначе, как живым голосом и с показанием места и времени, предаваемо и приемлемо было. Тогда отец сыну с простертыми дланями возвещал: «На оном месте всеродный Праотец создан. Здесь под тенью древ густых Творец с ним разглагольствовал. В сем состоянии он почти ничем не умален был от вышних существ. И в таком времени толикому величественному его состоянию падение воспоследовало: на оных превыспренных местах остатки рода человеческого и всех тварей спаслись, когда небеса развергнув хляби и земля челюсти своя, стремились к разрушению обитающих на поверхности земли и здесь в долинах под горами, где ныне земледелец трудится и нимфы воспитывают блаженство свое. Тогда некий ужасный Левиафан²²², восшед из глубины морския на поглощенных водой кровавых трупах и на плоти и костях человеческих возлегал».

Таким приятным и подобным сему образом тогда вещание всякого достопамятного события исходило до конца земли. И что при том всякая гистория, пленяя таким услаждением первенствующих народов от предания свое ведет начало, тому неоспоримым доказательством суть выходящие в свете остатки такого древнего Предания, которого и язык уже не многим известен^{*223}. Слухом земля наполняется и человек с природы древнее слышать и новое возвещать до тех пор ненасытно желателен был, пока, наконец, чрез разные свои изобретения, такие к замечанию прошедшего изыскал средства, по которым ныне девицы и юноши в преотдаленных временах и местах могут в тонкости видеть и рассказать вселенной всей, с каким усердием и где какой великий защитник, за целость и святость прав отечественных свой пот и свою кровь проливал, и с каким сильным разрушением пали где, множеством веков на вечность готовленные здания и государства, которые отныне лежат повержены в развалинах и в прах обращены.

---

* В Англии недавно вышла книга, в которой содержится предание некоторого преддревнего героя Фингала (*Fingal's Epic Poem*). Сказывают, что сие предание продолжалось от рода в род чрез множество веков. И, наконец, один британец, которому галлический язык природный, собрав оное от читающих изустно на подлиннике стихами, перевел прозою на английской язык.

Разверзите и прочтите о сем, что грек и римлянин для нашего забвения нам оставили. Внемлите там, какую ревность возбуждает в потомстве и самой слух бьющегося воинства на марафонских полях: там оставлен вам живой почти призрак и тень терзаемых в крови и скрежещущих зубами Гекторов, или таких же героев, которые, препоясав чресла своя Габиновою броню*²²⁴ и приняв страшной шлем и оружие, живых себя на смерть и в жертву отечеству за честь и славу одного посвящали. И естли еще вдале поступите, вы найдете в сих древностях живого Демосфена²²⁵, который, препобедив природы недостаток искусством, и, истощив все свои дарования, с каким неподражаемым красноречием часто входил почти проломом в ожесточенные сердца слушателей и склонял своих сограждан к единомысленному ополчению против общего неприятеля и за общее всех благополучие, и с каким громом и воплем крепким противу восстает там Цицерон и осуждает по всем правам отечественным на тысячные смерти, когда некоторой дерзостной Катилина, растлив злостворством разум и поправ нагло святость прав, с оскверненными устами и языком в обман невежественной черни кричал вольность и заставлял своим ухищрением и задобрением обольщенных принять оружие и пламень против своего отечества.

От толь полезного роду человеческому изобретения, печати и рукописания гистория, получив приращение, хотя и бесчисленное множество вещей примечания достойных представляет, однако, оставляя прочие, торжествующему с нами купно собранию, приличную для сего дня предложить вознамерился гисторию, в которой мы, при нынешнем всерадостном рождении нашей общей Покровительницы будем доказывать рождение наук, с искренним и усерднейшим признанием Ее Матернего о сем месте попечения.

Итак, представьте, слушатели, тот златой и безмятежный учащихся век, в котором разные народы чрез разные свои изобретения и науки воздвигли себе общей славы храм. Взойдите во внутреннюю оною завесу, увидите, сколь достойную сей храм делает честь роду человеческому. Трудившиеся в оном сделались подражателями Богу, от оною, славы и сияния бессмертие получили древние и его великолепием красуются нынешние потомки. Сии времена и такое нерукотворное

---

* Броню Габинову, что по латински *Cinctus Gabinus* употребляли римские воины при самых опасных сражениях, в которых и умирать присягали.

славы соделание полагают такой совершенству наших преуспевающих дарований предел, к которому души человеческой напряжение не у многих еще народов доходило. Восточные азиатские народы, которые своим древнейшим многих народов началом возносятся за непрележание к такому бессмертному славы изваянию, и теперь с большею справедливостию отроками почестья могут перед европейцами, которым они и поныне были б известными, естли бы сии сами, проходя вселенную своим любопытством, и их не взыскали. В подобном закоснении и забвении остался бы и росс, естли б и он не имел таких рачительных монархов, которые, не щадя великих иждивений, благоволили утвердить сие и подобные сему места для нашего просвещения. Зиждитель Российской Империи Великий ПЕТР своим могуществом открыл нам путь, по которому во свете шествуем. Его достойной дщери сей есть славы храм, в котором воссылаем благодарение оной обновляющей нашей Всемиловивейшей МОНАРХИНЕ за Высочайшее продолжение любви к музам сего места и за Ее щедрое и благое намерение к привидению оного в желаемое совершенство²²⁶.

С таким признанием и чувствительностью в благоприятие сим родителям наук приносимую, мы приступаем теперь к рассуждению о происшествии и учреждении училищ в Европе на государственном содержании, в сем рассуждении мы будем доказывать:

1. Что у древних не было училищ на таком содержании, и что неимению таких учреждений для воспитания у древних причинами были: их наук необширность, оных удобность, с которой на природном языке преподавались, и их наук маловажная польза в рассуждении целого общества.

2. Сих причин действия мы будем изъяснять, показывая натуральное происшествие и содержание наук вообще и, сравнивая древних наук предмет с предметом нынешних наук.

3. К окончанию всего наша должность будет изыскать причины, для которых нынешние европейские державы и высокие области, не щадя великих иждевений, учредили свои училища на государственном содержании.

Удивительное было, слушатели, у древних юношества воспитание, странное их наук примечается в свете прехождение и чрезвычайным кажется оных соблюдение до наших времен. Мы видим из гистории, что оные, когда процветали в одном веке, тогда в упадок

приходили в другом, и, когда приведены были в мнимое совершенство одним народом, в то время совсем неизвестны были другим соседним государствам. И хотя оные единожды и повсеместно исчезли; однако в последующие времена пако воскресли, возобновились и размножились по всему свету. Но какое оным при всех таких временах подкрепление подавалось, и какая при цветущем состоянии их жизненная была пища, на то щедрот никаких, сколько нам известно, от государей и обществ, им подаваемых, не находим. Великой ПЕТР, возбуждая своих подданных к ревностному учению, в поощрение вельможам российским некогда предсказывал, «что науки, наподобие крови в человеке, проходя Европу и, возвращаясь воспать на свое древнее жилище в Грецию, по пути своем в Россию со временем зайдут»^{*227}.

Однако, сей государь и до прихода еще наук в Россию, не щадил своих сокровищ для приуготовления мест к их восприятию, а сверх сего и сам для них странствовал в Европе и, призывая их оттуда, рассыпанных по разным местам, приходящие к себе с объятием встречал. Что самое делали прежде сего и другие европейские державы при введении наук в свои государства, определяя научающим и наученным доходы, жалование, содержание и, награждая их честью, достоинством и разными привилегиями. Напротив того, у римлян, у греков и у подобных сим народов, мы не находим ни университетов, ни коллегий, ни медицинских училищ и ниже названных ими академий и школ на таком щедром основании, на каком оные у европейцев учреждены, то есть на иждивениях государственных. Все науки и художества, сколько бы славными не казались для тогдашних не великого значения людей, преподавались по изволению. Государи и высокие области никакого оным иждивения и ободрения издревле не подавали. Император Юстиниан²²⁸, можно сказать, был первый и последний у греков и римлян, который училищам юриспруденции некоторое уважение и призрение оказывал**. Для чего древние, по примеру нынешних, науки не имели себе столь великих покровителей и отечественного о себе попе-

---

* Voyes L'histoire de de Russie sous Pierre le Grand par Mr. de Voltaire. Tom. II. c. v. p. 72.

** Однако нам совсем не известно, на каком точно содержании и сии училища при Юстиниане учреждены были. Смотри *Historiam Juris Iustiniani digestorum proaemium de ratione et methodo juris docendi*.

чения. Удовлетворительнейшей тому причины изыскивать теперь не остается нам нигде, кроме как только в самом существе древних наук и в средстве, которым они тогда снискивались. Ибо науки в самом деле доказывают нечто другое, как только такие дарования души человеческой, из которых философ познается, сколько он потребен, редок и превосходителен пред прочими в отечестве. Следовательно, по мере такой редкости, потребности и превосходства философа и труды награждаются и во всем не иная, как и самые вещи по мере их доброты везде оцениются и науки, не смотря на то, что дарованиям душевным ни мерою, ни весом цены точной определить не возможно и не рассуждая, что в философе многие обманываются точно, так как иногда и он сам в поползновении принимает одну тучу за снисходящую в облаках Юнону. Чтоб доказать сие неоспоримо, мы должны здесь учинить такое испытание древних философов, в котором бы всяк мог видеть их науки начало, пользу, равномерно как и оную трудность, с которой в тогдашние времена премудрость снискивалась: при сем испытании, естли противное общему заключению о древности докажем, в том наше все будет состоять и намерение.

О натуральном происшествии наук и удобности, с которою оные у древних снискивались.

В глубокой древности, когда человек еще только начинал приходить в познание вещей и самого себя, одна долговременная жизнь и многочастный преткновения опыт были источники всей премудрости и всякого знания. Следовательно, люди в таком состоянии за неимением никакого другого средства к научению себя и других не могли иметь великого и понятия о вещах. От чего таковых людей знание и рассуждение обо всем должно быть надмеру недостаточное, краткое и простое. И если у первенствующих народов какое было понятие о науках, достойное примечания, оное, должно думать, всегда выражаемо было на природном языке живым голосом без печати и рукописания. И такое знание у них, по причине простоты, краткости и удобности языка вскоре за объявлением всем известно и разумительно было. Их изобретения и ремесленности были також чрезвычайно простые и немногие и потому всему обществу безызвестными и невразумительными быть не могли. Мы видим, что у гре-

ков и других народов издревле всякий почти обыватель знал всякое искусство и ремесло. Такое, однако, повсемственное знание нимало нам не должно казаться удивительным, поелику оно у древних равномерно, как и у нынешних непросвещенных народов, сначала всегда находилось чрезвычайно простым и в крайнем несовершенстве. Но как скоро знание человеческое о разных вещах начинает возрастать и умножаться до такой степени, в котором требуется ревностного старания, отменного дарования и долгого упражнения, тогда и самым опытом доказывается, что для такого повсемственного вещей знания не всякий бывает в обществе способен и рожден. Сверх сего, такого разделения в упражнениях требует и самая польза в обществе, ибо люди как скоро начинают возвышаться и в совершенство приходить, они опытом же узнают и то, что им дешевле и прочнее становится всякое нужное, когда оно в замену других потребностей мастерами нарочитыми доставляется*. Отсюда происходит разделение трудов в обществе с большим значением и действительнейшим успехом. От сего разделения трудов рождаются искусства, которых посредством начинают чувствовать обыватели облегчение в своем житии. Таким образом возвышаясь постепенно, смертные, увидев свою жизнь несравненно удобнейшею и приятнейшею паче прежней, употребляют еще большее старание, чтоб оную сделать еще способнейшею и соответствующею возвышающемуся своему состоянию. Одни желания рождают в них другие, а как первые, так и последние всегда клонятся в них к одному намереваемому прохладнейшему житию, то, наконец, по разделении трудов натурально происходит в обществе разделение и самих людей, как то: на хозяев и работников. Работные люди в таком состоянии принуждены искать себе пропитания у своих хозяев, охотно принимают всю прежнюю сих тяготу на себя, оставляя хозяем одно присмотрение за собою и повеление. Сим средством человек, исполнив свои желания, живет спокоен от забот и попечений прежних. Сию перемену и такое возобновление и облегчение в житии он долженствует единственно своему художественному со-

---

* Так, например, когда зажиточный обыватель видит, что он имеет у себя с излишеством хлеба, соли, мяса и подобных сему съестных припасов, такого человека и самый опыт учил тогда излишек отдавать взамену сапожнику за обувь, портному за одяние, механику за орудие и пр. Поелику сим посредством он не сомневается достать себе такие нужные вещи, от нарочитых людей дешевле, прочнее и без дальнего себе труда.

стоянию. И такое есть начало и успех художеств, которые по справедливости могут назваться таким орудием, посредством которого люди приобретают богатство, снискивают спокойнейшую жизнь и возвышение в житии. В следующем мы приступаем к рассуждению о происшествии натуральном и успехе самих наук, которые також великие перемены производят в человеческом состоянии.

Попечительная о блаженстве смертных натура конечное счастье человека утвердила в трудолюбивом его простирании к высшему и совершеннейшему преуспеванию. Низвержение из высшего в низшее состояние, равномерно как и закоснение в одном, есть такое злополучие смертных, что к претерпению оно и у самих стойков великодушия не достает*. А поелику сие счастье натурой утверждено на одном трудолюбивом простирании к высшему и лучшему состоянию или на такой ласкательной надежде к оному, которая с природы ни в ком не ограничена, то и не удивительно, что все люди к достижению до такого состояния, хотя не с равным успехом, с равномерным, однако, и бесконечным желанием не только сияются, но и равномерно все, от первого до последнего, оным наслаждаются, одною ласкательною своею надеждою в трудолюбивом своем простирании все подкрепляемы и ободряемы.

Итак, сходно с сим утверждением, мы видели уже из вышепоказанного, с каким напряжением и с каким успехом человек достигает к лучшему и высшему состоянию посредством единственного своего художества. Сим образом он, снискав богатство и все потребное к прохладному житию и удовлетворению своих прихотей, его следующие желания по предсказанному началу с природы клонятся к другому, высшему и удобнейшему упражнению. По сей причине мы видим из течения жития человеческого, что тот, который прежде отправлял подлое ремесло, и оным снискав довольный достаток, детей своих никогда, разве по принуждению, тому же самому не обучает. Он отдает их в училища и, не щадя и последних иждивений, старается и чрез приятелей и самим собою доставить их к месту и приевству в выгоднейшее и почтеннейшее состояние. В доказательство

---

* Во многих обществах от несправедливости рассуждений и от враждебно несогласия между людьми высшего и нижнего состояния происходят установления, препятствующие такому натуральному течению, однако оные действительными нигде не бывают, поелику они совсем противны самой натуре человеческой.

сего мы довольно имеем примеров у древних и нынешних народов. У древних Солон из купца сделался философом; Сократов отец, будучи сам каменщиком, сына воспитал философом; Демосфенов отец, сам лавочник, сына воспитал ритором. Что ж до нынешних ученых, оные все почти тако[го]ж происшествия и существа. Сии примеры не в предосуждение здесь ученому свету приводятся, но только в доказательство того, что наук началом было не что другое, как только одно людей, освобожденных от трудов, досужное и праздное время, чему не меньшим доводом есть и самое название, из греческого данное училищам (Σχολή), по-русски школа, которое до слова на подлиннике значит досуг или праздность. Выводить начало и происшествие наук от другой причины доказательнее невозможно и было бы излишне. Ибо действительно тогда только люди винословствовать и любопытствовать о вещах начинают, когда они, снискав все нужное к прохладнейшему житию, на досуге пребывают. А понеже сей образ жития никаким другим способом столь удобно не снискивается, как художественным промыслом, то отсюда мы свободно можем заключить, что искусства издревле и поныне во всех государствах всегда предваряют науки. Теперь, узнав, какое есть свойственное начало наук и искусств, остается ведать, какой свойственный должен быть предмет наук сначала у народов.

В начинающемся ученом веке, в котором еще не было ни училищ, ни учителей, натурально следует быть учителям самим отцам. Их дом был школа; их фамилия были их ученики, и их науки были наблюдения, основанные на опыте и долговременном житии. Такого начала наук мы довольно имеем примеров в священной гистории у древних праотцев. Ибо покамест рукописание изобретено и тиснение печати снискано, старых людей долговременная жизнь и их примечания, о свете учиненные, составляли их науку, в которой вся их первенствующая философия заключалась. А поелику всякому довольно известно, сколько непросвещенные народы суеверию и легкомыслию подвержены бывают, то следует, что у них натурально первым предметом должно быть их винословие²²⁹ и разглагольствие о многобожии* и нравоучении, соединенном с некоторым словопрением о прошедшем и будущем житии. Грубые, притом и невежественные народы с природы суть весьма неумеренны в своих словопрениях, поднимая

---

* *de Politheismo.*

обо всем неугомонные споры, от которых рождается изобилие слов* и несогласие в мнениях. Для прекращения и избежания таких междоусобных раздоров некоторые побуждены были к изысканию известных правил, посредством которых они уповали свои слова и рассуждения привести в некоторое *ergo*, аки бы в известный вес и точную меру. Что самое подало причину к изобретению логики и риторики. Сходно с сим утверждением мы видим, что логика и риторика были первые науки, которые древними прежде всех наук в совершенство приведены почти неподражаемое. И мы видим також из Иова, Си-раха, Екклезиаста и всех Соломоновых сочинений, равномерно как и из Горациевых писем и других премногих, что их писание все состоит в нравоучении и богословии, пословицами и заповеданиями преподаваемых. Сии, однако, начала наук сперва должны быть весьма не обширны, просты и почти всему обществу известны, поелику на природном и живом языке преподавались; и во всем не иначе, как и самые художества были сначала у народов, то есть без разделения их на части и без учрежденных ко всякой части учителей. Однако напоследок, когда разные мнения таких мудрецов умножились, тогда и на деле оказалось, что оные все изучить и затвердить тот только в состоянии был, который к ним особенное старание или природное дарование имел. Ибо невозможно тому стать, чтоб с самого начала люди в обществе были одинакого дарования и равномерного прилежания и склонности ко всему. По сей причине тот, кто чрез отменное дарование и труд несравненно превосходнейшим других в науке оказался, без сомнения, мог снискать себе довольно последователей, из которых иные учились у него из любопытства, другие от тщеславия, единственно с намерением, дабы чрез то прослыть учеными.

Отсюда произошло два рода учащихся людей: одни учились для испытания природы и оныя испытанием и сами питались; другие, не входя в такую глубину, для препровождения праздного времени подражать и последовать первым за украшение себе почитали. Люди притом с природы, чем меньше знающие и неискуснее в чем бывают, тем больше они тщеславнее и неискреннее в откровении своих таинств.

---

* Всяк, естли применится только к простолюдымым, услышит, что многие из них при вспльчивых спорах говорят Гомеровым и Виргилиевым стилем и такие иносказательные слова употребляют, которых иногда и с намерения выдумать нельзя.

Любопытство же ко всему таинственному с природы у всех бывает не меньшее, как и самая неискренность мудрецов; по сей причине одни, чтоб удовлетворить своему любопытству, старались награждать других за откровение. А как те, так и другие довольно праздного времени имели таким безмолвным образом забавляться; то, наконец, по разделении трудов и художеств, в обществе произошло разделение и учащихся. Так, например, один сыскался в обществе, который имел больше охоты, склонности и старания к замечанию всех тех мнений о нравоучении и о прочих знаниях, преподаваемых прежде в домах своими праотцами, и который сим средством столько успел пред прочими, что в состоянии был все оных мнения заметить известными себе только знаками, как то гиероглифами для памяти и для сообщения другим; то такой без сомнения был в первенствующем ученом веке первый мудрец и первый учитель, тайносказатель и письмоводитель. Что все непротивно сему заключению доказывается и самим именем древней философии и древних философов. Древняя философия в отличность от нынешней называлась предательною (*traditionalis Philosophia*). Философами издревле почитались волхвы, астрологи, алхимики, пророки* и учителя преданий, как Зороастер²³⁰ у персов и подобные ему премногие у халдеев и арабов.

Такой свойственный был предмет первенствующей философии, и такие были первенствующие философы. Художества в оные времена уповательно не в лучшем же были состоянии с науками.

В последующие времена, когда Греция и другие окрестные народы начали возвышаться и в большее совершенство приходить, рукописание изобретено, посредством которого баснословная прежних мудрецов философия напоследок получила столько разных себе любителей, сколько и ум человеческий тогда склонен был к разному мнению. Отсюда произошли стоики, скептики, академики, перипатетики, эпикуры, циники и подобные сим с той только отличностию перед прежними, что всяк из сих писал некоторым порядочным расположением и с некоторым основательным доказательством. Люди с природы ко всяким новостям жадны, и потому скоро и самые пустые

---

* В Ветхом Завете и многих местах поминается о лживых пророках, откуда видно, что в тогдашние времена держать пророков, астрологов и волхвов при дворах так в обыкновении было, как недавно в Европе было в обыкновении держать шутов.

мнения сих философов с уважением принимали. Философы, зная свой верный прибыток в сем случае и ведая, что тот только и ученейшим мог прославиться, который больше за собою последователей имел, наконец все, как художники свои товары, свои системы выхваляя в осуждение другого, столько между собою несогласными сделались, сколько и духовные при вселенских соборах. Предмет их философии столько многообразен был, сколько и самих сих философов наименования были. Иные утверждали бессмертие души, другие уничтожение оной с телом доказывали; иные полагали верховное счастье в роскошах, когда другие оное заключали в некоторой алчной добродетели; иные утверждали свет сей провидением Божиим управляемым, когда другие доказывали оный созданным и управляемым случаем и некоторым механическим манием; иные утверждали, что человек на сем жилище мог поступать и делать все по произволению, когда другие доказывали, что он все делает по принуждению здесь. Наконец, некоторые из них такие дерзкие утверждения вводили в свою философию, по которым неприличные и помышлению дела достойными философа доказывали. Впрочем, их *μετα τα θύσικα*²³¹ было одно собрание трудных слов. Они в своей политике наделали таких республик, которые нигде в свете, кроме как только в их голове, не обретались^{*232}. Логика их есть крайнее совершенство наук^{**}, без которой, однако, всяк может говорить и рассуждать столь изрядно, сколько и философ со всем его *ergo*²³³ глубоко заблуждать может. Римляне к греческим наукам никакого прибавления не сделали, как то видно из Люкреция и Цицероновых философических сочинений²³⁴, из двух только и философов известных у римлян. Сей народ, препровождая все свои веки в войне со всем светом, не имел и времени прилежать к наукам; что ж до художеств в те времена, оные, по моему мнению, выключая одну архитектуру, невеликую честь древним приносят, ежели их сравнить с нынешними. О европейских часах римляне и греки и понятия не имели. Телескопов у них и в помышлении не было. Наши ружья и пушки, если б они увидели,

* Желающие уверены быть о таком нашем о древних философах рассуждении, могут прочесть *Диогена Лаерция* Гисторию о древней философии, с которой *Геннекций* и *Брукер* свои книги сочинили.

** Многие и поныне принимаются писать свои логики, однако их труд бесполезен. *Аристотель* сей науки предмет так истощил, что нынешним прибавлять к оному в пользу ничего не остается.

Юпитером им показались бы. Их мореплавание, равномерно как и их морские экспедиции аргонавтические и карфагенские, и компаса не имели, от чего их Еней²³⁵ и в Средиземном море столько времени заблуждал. Их коммерция столько маловажна была, что в оной и упражнение за бесчестие почиталось. География им и в половинной части света неизвестна была. Однако их художества со всем таким недостатком еще в лучшем состоянии были, нежели их науки. Но понеже художества везде сами собою приносят довольно награждение человеку, по сей причине оные не требовали публичного иждивения для своего совершенства. Их науки со всем таким многообразием систем были весьма необширны и по причине природного языка, на котором преподавались, были скоро и удобно понимаемы, так, что оные и теперь ученик посредственного упражнения в греческом и латинском языке может удобно прочесть и сразуметь все в полгода. Ибо их систем не должно представлять такими обширными, какие ныне у нас преподаются. Их междоусобные несогласия, как выше доказано, были многие к делу чужие и во всем не иначе, как раздоры нынешние в церкви Великобританской^{*236}. Словом, большая часть их философов были несносные схоластики и поднимали обо всем неугомонные споры, не в пользу ни себе, ни отечеству, за что самое по справедливости им уже от многих сказано. «*Vix aegrotum somnare quidquam tam nefandum, quod non aliquis dixerit Philosophus*». «Едва кто и в горячке может такой вздор сгрезить, про который бы уже древний философ не врал». Полезные обществу у древних науки были: у египтян геометрия, у греков математика в большем совершенстве; у сих також красноречие нужным и полезным было в судах по причине их демократического правления. Юриспруденции у греков почти никакой не было. Сей народ больше застарелыми нравами, нежели предписываемыми законами, управляем был. Солон и Ликург, их столь славные законодавцы, в ученом свете больше неосновательного шума, нежели законов, наделали. У римлян математическое учение совсем оставлено. Юриспруденция у них сначала столь проста и коротка была, что она и с греческими переписанными законами и с своими вновь сделанными не занимала больше, как двенадцать

---

* В сем государстве во всяком почти городе до шести и больше вер исповедуемых найти можно. как то: Calvinists, Catholics, Lutherans, presbyterians, Quakers, Moravians, Dissenters, Seceders and the like.

досок*. Красноречие у римлян было в неподражаемом почти совершенстве; и по причине их подобного с начала греческому правлению к большей пользе служило отечеству в судах. Сии только и науки были у древних, то есть риторика, юриспруденция и математика, которые для своей пользы и великой надобности в отечестве должны б, кажется, на государственном иждивении преподаваемы быть. Однако и сии науки, поелику не обширны и на природном языке столько удобны, не могли по справедливости требовать от целого общества никакого себе ободрения. Прочие ж их сочинения, как то стихотворческое и гисторическое, будучи чрез себя одно дело и забава праздных людей, какого награждения государственного, кроме общенародной похвалы, ожидать могли**²³⁷? Отсюда явствует, что у древних не было училищ на государственном коште по причине их необширности, их удобности на природном языке и их невеликой пользы в рассуждении целого общества. Сколько природный язык удобности подает в науках и разных сочинениях, тому неоспоримым доказательством суть два римские стихотворцы. Виргилий, будучи малолетен, писал такие поэмы, каковых ныне на латинском писать и сорокалетний не отважится. Овидий и в отрочестве такой непринужденный навык в стихотворстве оказал, что оный, когда его и лозой секли, стихами изрядными говорил***²³⁸; впрочем сколько удобны их науки были по причине и своей необширности, сие сам Цицерон засвидетельствовал довольно, когда однажды в публичной речи перед сенатом сказал, что он без сомнения уповал сделаться наискуснейшим юриспрудентом в три дни. Сим самим доказывается, что в тогдашние времена люди повсемственное имели понятие обо всех науках и что тогда отделения и упражнения особенного ко всякой науке не требовалось. Такое у древних было учение и понятие о вещах короткое и удобное. У них не было столь обширной математики, которая и одна теперь у нас требует упражнения во всю жизнь. У них не было столько гисторических книг, которых множеством мы ныне в состоянии покрыть

---

* *Leges XII Tabularum*: на сих досках вся римская юриспруденция словами в воробья величиной вырезана для всенародного известия в середине города выставлена была, так что оную всяк, кто желал, мог, думаю, и в 12 часов как *Отче наш* наизусть затвердить.

** Похвала, оказанная при Олимпийских увеселениях Геродоту Галикарнасскому, побудила Туцидида писать Историю Пеллопонежскую.

*** *Iam iam non faciam versus Carissima Mater.*

и целые их государства, они и не слыхали про такую увеличенную медицину, для которой и одной ныне в Европе особенные коллегии учреждены. Натуральной философии у них почти только одно имя было, когда она у нас по своей обширности и в семи частях едва вмещается и имеет премножество книг, принадлежащих ко всякой части. Их законы, как мы уже и прежде доказывали, в 12 досках, как в 12 страницах, все содержались, когда в Британии и подобных сему государствах и одно сокращение законов в 25 книгах не вмещается. О богословии у них ни одной особенной книги не было, когда у нас есть таких уже почти неисчерпаемое море и об одних непримиримых несогласиях церковных, столько с политическими делами связанных, что без чтения сих мы не можем никакого основательного и понятия иметь о нынешней европейской истории. Сколько ж при сем у нас о метафизике, о нравоучительной философии, о юриспруденции, о коммерции, агрикультуре, о мануфактурах, о механике и о разных художествах для нашего чтения и разумения книг написанных есть, описать всех невозможно; а все такие книги не на природном, как у древних, но на разных и таких языках, которых и одни ó ú то il, elle, un; il, la, lo; a, an, the; der, die, das; hic, haec, hoc²³⁹, как употреблять свойственно, мы инак научиться не можем, пока наш язык к сим долговременным упражнением как механической некоторою силою приноровится. На что все у нас требуется издвигения, труда и столько времени, что многие в сих потеряли здоровье, жизнь и истощили богатство. Изрядно о сем изъясняется в предисловии на Квинтилиана один оксфордский профессор, который говорит*: «Что нынешним ученым по причине множества и трудности толиких языков времени почти недостает на другие вновь сочинения». Впрочем, что до пользы древних наук, выключая их красноречие и юриспруденцию, какую другие их науки пользу отечеству приносили, сего мы истинно не видим ни в действии, ни в сочинениях их писателей. Их натуральная философия состояла в рассуждении одних пустословных атомов и в взмышленных некоторых взаимных вещей состраданиях**, чрез которые существо вещей не может изъяснено быть. Она не была наподо-

---

* Romanis, inquit sese ultro latinus fermo paerbuir, graecum sermonem illi medieri industria perceperunt; quod temptus reliquum fuit id fere lucubrationibus dederunt. Nos vero infinita linquartum varietate obruiniur longaque rerum gestarum ferie detinemur, quarum studio esscitur, vt exiguum admodum vitae spatium nobis ad cogitandum supersit.

** Sympathia.

бие нынешней физики столько основана на математике, столько опыта-ми доказываема и столь к художествам и к механике прилагаема. Вся их математика заключалась в одних остроумных доказательствах, без всякого употребления в коммерции, в мореплавании, астрономии, артиллерии и в механике. Их медицина, может статься, больше умерщвляла, нежели исцеляла людей, и потому она у римлян рабы отправляли. Если бы их натуральная философия, математика и механика такое изобретение свету даровали, чтоб оною посредством мореплавателей на всякое время и на всяком месте в самой точности мог узнать, где он находится, и сколь далеко и сколь близко он от какого места и от какой опасности отстоит, их Архимеду²⁴⁰ все державы подписали бы 20 000 фунтов стерлингов за оно, за которое ныне, к бессмертной славе своего отечества, британец (Mr. Harrison²⁴¹) получает. Подобным образом, если б их медицина доказала себя столько нужною и полезною, чтоб оные могуществом миллионы народов от смертоносных язв, от тлетворных ветров и от различных недугов спаслись, непременно для такой науки и у древних государи не пощадили бы ни частного, ни публичного великого иждивения. «Венерина болезнь, — говорит один великобританский философ^{*242}, — и одна в состоянии теперь погубить столько народов, сколько и самые три оные главные Божеские наказания, то есть глад, война и моровая язва». И ежели б сия болезнь исцеляема не была нынешнею медициною, целые государства оною уже бы давно истреблены были. Таковы нынешней медицины плоды! не упоминая других ее полезных действий, чрез которые люди почти от мертвых встают. При сем великую пользу государствам приносят химия и минералогия, от которых ныне крепость, защищение и спасение государств зависит и которые своим заступлением оно полезное равновесие в свете произвели, что ныне и пигмей уже огромному гиганту в сражении неуступчивый отпор дать в состоянии находится. От сих наук зависят все ружейные заводы, морская и сухопутная артиллерия, мануфактуры и медицина, и потому сии науки у нынешних по достоинству требуют большего пред всеми прочими государственного иждивения, ободрения и награждения.

Итак, из вышедоказанного всяк видит, что причины, для которых нынешние державы в своих государствах науки и искусства на казенном утвердили содержании, были совсем противные причинам, для которых древние своих училищ не имели на подобном же основании.

---

* See David Hume's Essay on populousness of antient Nations.

То есть сему причинами были у нынешних держав, во-первых, трудность наук и художеств, по причине неприродных и разных языков, на которых оные у нас и поныне преподаются; следующая сему причиною была нынешних наук и художеств великая обширность и совершенство, и, наконец, усмотренная из сих явная польза и необходимая надобность в отечестве тому была причиною, большею всех других.

Однако сии причины не все совокупно и не во всяком государстве европейском действовали и были побуждением к такому училищ заведению. В России единственно для ожидаемой пользы и для народного просвещения оные заводятся. В других, напротив сему, государствах совсем другое начало и намерение было таких учреждений. Почему и историю учрежденных университетов в других государствах должно от других обстоятельств и причин выводить.

Когда западным государством римским овладели разные немецкие варварские народы, римляне, будучи не вскоре совсем искоренены, по разным областям, которые при сих переменах произошли, оставлены были жить чрез несколько времени на своих установлениях и правах. Однако, наконец, постепенно остатки римлян соединены были во единый народ с варварским. При котором соединении сделалось правление феодальное, подобное почти во всем польскому, состоящему из вельмож и имеющему над собою государя. По вкоренении сих варварских народов в Западной Римской империи остальные римляне, отчасу больше в упадок приходя, наконец, совсем покорены были своими победителями. При сем последнем римского народа уничтожении остатки римлян были еще монахи и церковные люди, которые держались римских установлений и сохраняли между прочими науками римские права. Варварские народы между тем, приняв христианскую веру и будучи в безмерном суеверии и невежестве, по большей части управляемы были тогда духовными, которым прибыль советовала держаться римских прав, не для того что к сим они привыкли, но с намерения, чтоб со временем, при тогдашних беспорядках и замешательствах в разных государствах, сохранить себе маестности и приобрести великие стяжания. При сем надобно знать, что в тогдашние времена, когда вся Европа в невежестве, суеверии и варварстве погрязла, одни духовные сохранили остатки некоторых древних наук. Они побуждены были к сему благому делу от своего звания и от обстоятельств, в которых они тогда находились. По особливому своему званию они принуждены были упражняться в богос-

ловии и диалектике и знать все оные церковные раздоры, которые тогда происходили на востоке и западе. По их священному чину они довольно в состоянии были удержать себе важность, достоинство и попечение, которое суеверные им всегда готовы отдавать даже до раболепства. Таким образом духовные, возвышаясь и усиливаясь нечувствительно, наконец сделались соперниками, во-первых, знатным фамилиям, а потом и самым державным особам. В тогдашние времена вельможи удерживали свое достоинство, будучи полководцами при армии и возвышаясь по военному чиноположению; напротив того, духовные, пользуясь благородных людей невежеством и суеверием, в большую отчасу приходили силу чрез свое учение и знание. На такой конец и с таким намерением духовные, дабы исполнить свои желания, особливые в разных европейских государствах учредили школы, в которых между прочими науками в юношество врождали такие замыслы, которые при встречающихся случаях могли бы их намерению соответствовать. Сии школы сначала при заведении своем учреждены были на иждивении духовных и на подаении светских. Но когда Папа Римский и весь его причет церковный, возшедши на трон своего владычества, такую власть и силу получил, что мог по своей благостыне и целые государства дарить, кому хотел, тогда и сии училища от него получили маетности, доходы и великие привилегии. Такое есть начало университетов нынешних в Европе, которых учреждения совсем неизвестны были прежде ни грекам, ни римлянам. Они сначала были private школы на содержании монашеском и церковном, в которых сперва обыкновенно преподавались грамматика, риторика и диалектика; от сих трех наук и их училища назывались *scholae triviales*²⁴³. Знатнейшие из всех такого основания школы, во-первых, появились в Италии, в городе Бононии²⁴⁴ и в Салерне. В 13 еще веке сии училища такие уже великие от папы получили привилегии, которые и поныне они имеют*. Около 1130 года часть уложения Юстинианова, называемая *Pandectae*²⁴⁵, сыскана была по случаю в городе Амалфе, в Италии**. Сию часть юриспруденции по той же причине, для которой они и школы свои учредили, монахи тотчас в свои училища приняли и с великою ревностью старались распространить учение гражданской и церковной юриспруденции по всей

---

* Смотри Vitriurii ius Germanicum. Tit vlt.

** Смотри *Historiam iuris Augustini de Balthasar* pag. 39.

Европе, что они вскоре не умедлили и в самое действие произвести, так что по просшествии меньше нежели десяти лет юриспруденцию римскую архиепископ Кантербургский²⁴⁶ приказал преподавать и в Оксфорде²⁴⁷. Чрез введение сего учения *scholae triviales* открыли духовным и четвертый путь к снисканию власти, то есть чрез сие учение они начали вступать в гражданские дела адвокатами, которые исходатайствовали себе некоторые выгоды церковные**, чрез которые они силились сделаться неподверженными ни в чем гражданской власти. Всякое приумножение наук умножило духовных власть и доходы. Они, зная свой верный прибыток в том, учили и юриспруденцию по своему вкусу, доказывая, что она с небес ниспослана была и что она училась и Богоматерь***. И, наконец, соплетая свои ко всему доказательству, они силились привести всю вселенную в замешательство, заставляя государей поднимать оружие и пламень за свой софизм и за честь своего силлогизма, сделанного на *Ferio*****²⁴⁸ или *Barbara*. Истинно удивления достойно, что Цицерон и Демосфен с неподражаемым красноречием не могли столько слушателей в свою сторону склонить, сколько гугнивый и косноязычный капуцин с безосновательным учением в своих школах успел.

Но когда злоупотребление толикой власти духовной за такой предел выходить начало, что многие державные особы лишились чрез них короны и наследства и знатные фамилии начали претерпевать от них повсеместно. Возобновление в Европе воспоследовало, при котором все монахи из школ и гражданского правления изгнаны были. При таких переменах европейские государи и высокие области приняли в милостивое свое покровительство сии училища, дозволяя оным на

---

* Смотри Blackstone's *Analysis* of the laws of England in the discourse on the study of the law.

** Выгоды церковные, называемые в Англии *the benefits of the clergy*, были издревле привилегии, по которым духовные исключались от смертной казни. Сими выгодами сперва пользовался один причет церковный, но, наконец, оны по предстательству монашескому дозволялись и тем, которые читать и писать знали. Почему и теперь в Англии, когда ого осуждают на смерть, придают и сие: *without benefit of th Clergy*; без выгоды церковной.

*** Vide Albertuum magnum Doctorem Dominicanum qu: 23 §5 "Item quod iura civilia et leges et decreta scivit in summo gradu; probatur hoc modo: sapientia Advocati manifestatur in tribus: unum quod obtineat omnia contra Iudicem iustum et sapientem. 2. quod contra aduersarium astutum et f(s?) agacem, 3/ quod in causa desperata. sed beatissima virgo hac omnia — et caet ergo — caet».

**** *Ferio* или *Barbara*.

тех же основаниях и привилегиях продолжаться, на которых оные у духовных сооружены были. В доказательство сего мы видим, что в Великобритании* и других государствах все почти университеты были того ж существа и происшества. А поелику духовных столь не обширные в науках училища сперва получили столь безмерные доходы, маетности и привилегии, государи по мере великих иждивений на столь малые училища заблагорассудили приумножить науки и учредить все факультеты: как то богословский, юридический, медицинский, и сверх сего приказали в оных преподавать все полезные и надобные отечеству науки. Наконец и другие державы, видя явную пользу из таких учреждений, по примеру прежних начали заводить и вновь университеты, каковой мы имеем счастье видеть в сем царствующем граде.

Такое было нынешних европейских училищ начало, из которого мы то примечать должны, что иногда и вредные обществу человеческие намерения преобразуются во благое всему свету, равномерно как иногда и самые изрядные установления в государствах к желаемому концу и намерению не клонятся; почему от поставленных в таких училищах предводителей требуется великого проицания к предвидению и отвращению вкрадывающихся нечувствительно в юность предосудительных мнений. От учащих здесь не меньшая великих дарований требуется и искренность к откровению истинного света. Их должность есть показывать ревностно, в чем святость прав, в чем целость и благосостояние отечества, в чем истинное и нековарное исповедание веры и в чем общее всех благополучие состоит. Сие теперь во всех училищах европейских поставляется за главное правило. И мы тогда только похвальными своей покровительнице наук покажемся, когда сие ж самое за главный рассуждения предмет в своей должности всегда поставлять будем. Всемилостивейшая МОНАРХИЯ, прими в благоприятие препровождаемой в таких рассуждениях сей день, который мы от искренности посвящаем благодарственным Богу.

---

* В разных университетах Великобританских имеются и поныне рукописные буллы, в которых папы своим архиепископам и директорам предписывали, какие меры предпринять к изысканию местностей и доходов государственных на содержание училищ, в которых также и привилегии их содержатся. По Реформации король принял всю власть прежних архиепископов и директоров в сих училищах на себя и жалует профессоров в оные своим патентом, от чего университеты Великобританские называются King's Colleges, то есть Королевскими.

А. М. БРЯНЦЕВ

**СЛОВО О СВЯЗИ ВЕЩЕЙ ВО ВСЕЛЕННОЙ.
На высокаторжественный и всерадостный
день восшествия на всероссийский престол
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ
ГОСУДАРЫНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ
АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССИЙСКИЯ, ПРЕМУДРЫЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНИЦЫ И ИСТИННЫЯ
МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА**

С радостью и благоговением празднует всерадостнейшее для всех восшествие на Всероссийский престол Всемилолюбивейшей нашей Обладательницы, подобающую ей, В. С.²⁴⁹, приносим жертву хваления, когда всевышнее существо, жезл правления над величайшею в свете империей ЕЙ вручившее, торжественно благодарим и с усердием и восхищением неисчислимыя ЕЕ деяния, воображая, прославляем, и кто сего не учинит. взирая на любезное наше отечество, толь многими ЕЕ благотворениями пользующееся, что все почти дни истекшего двадцатисемилетия преисполнены матерних ЕЕ о нас попечений, милостей и великие в важных предприятиях и счастливом успехе премудрости?

В день сей наипаче, в который промысл и благоволение Божие оправдало царствовать над нами Великою в свете Монархинию, представляя себе величество ЕЕ благодеяний, откуда начнем всеподданническое приношение нашего прославления? Естьли представим геройские подвиги ЕЕ благодеяний, откуда начнем всеподданническое приношение нашего прославления? Естьли представим геройские подвиги ЕЕ и доброты, то победительную ее десницу целый свет прославляет, и немолчными устами свидетельствуя, проповедует Северную нашу Героиню. Непокколебимо ЕЕ мужество, бесприкладная твердость духа, быстрая прозорливость все сопротивные злоумышления и наветы провидит и с великою удобностью отвращает и потому жестоковыйные враги Российской Империи за вероломное свое упорство и нравов неистовое буйство не укоснят получить достойную месть, на сражениях умножат ЕЕ победы и пред лицом воинства от треволнений военных нимало не ослабевающих, но мужеством ВЕЛИКИЯ ЕКАТЕРИНЫ движимых и укрепляемых со стыдом и горестью низложатся.

В Священнейшей ЕЕ Особе не меньшее сияет правосудие, растворимое милостью, почему для уничтожения неправд, продерзостей, обид и наглостей спасительными наследие свое оградила законами, и возделанными благоучреждениями к общему всех и каждого благу удобный путь предначертала.

Прославленная геройством, превознесенная мудрым законоположением коликое достояние свое возвеличила, просветив знаниями и обогатив науками, повсюду водворенными, имея сама проницание во всех родах учений, решительность в сомнительных и оспариваемых истинах! Любви ЕЕ и покровительства наук ясным суть доказательством по всей империи для вразумления и просвещения народного, насажденные и милостью ЕЕ орошаемые училища. Из сих наипаче славится матерним ЕЕ иждивением обновляемое и украшаемое наших муз святилище, которое в благодарность своей Высокой Покровительнице усердных и к службе способных готовит подданных.

Имеем убо, В. С. бесчисленные Божие благодарения, чрез Всемиловитивейшую нашу Государыню к нам ниспосланные и ниспосылаемые; имеем весь свет благоустроению и счастью нашему удивляющийся, а посему довольную имеем причину ЕЕ сами по себе велики и всякое благовещанных витий возвышение превосходят и за которыми слава шествует непосредственно.

Естьли, по мнению общему, государи, получившие от Бога величество, власть и силу, суть на земли изображением Божества, благодеяния свои человеческому роду священными их дланями подающего, то в таком случае все их действия нераздельным соединены союзом с пользой вверенных им народов, и, естьли от нападения внешних врагов преоружение мужеством и силой для безопасности от сограждан ограждение законами и правосудием, для изгнания невежества распространение знаний клонится к единой цели, т. е. к благосостоянию общества, то в делах государей, к единому концу стремящихся, не ясно ли усматриваем взаимную связь? Чего для всеподданнейше свидетельствуя нашу благодарность Августейшей Монархине, и мыслями нашими благоприменяясь к связи, в действиях ЕЕ находящейся, торжествующему ныне с нами собранию намерен я в посильном рассуждении предложить о связи вещей во вселенной.

Прежде нежели рассматривать будем всеобщую связь вещей во вселенной, за нужное почитаю предположить понятие об онай.

Чрез вселенную разумеем мы не планету какую-нибудь, не Землю, нами населяемую, не Солнечную систему, но все планеты, все солнца, кратко сказать, все ограниченные вещи, и не токмо самые существа, но также определенные сих содержания по времени и пространству; и потому вселенная, как определяют новейшие философы, есть чин всех вещей изменяющихся, как современных, так и одна за другую в бытии своем последующих и взаимное отношение имеющих^{*250}.

Естьли связью почитаем взаимное вещей отношение, по силе которого одна другой довольную в себе заключает причину, то в существах ограниченных ясно усматриваем сочетание, гармонию, или согласие. Вообразим ли мы себе многие изменяющихся вещей чины, в одно время существующие, то каждая из них в приличном себе и надлежащем чине, в определенном также порядке представится. И поелику вещь может и к другому чину относиться, к другому порядку принадлежать, в ином месте и в другое время случиться, то сия возможность неотменно имеет причину, для чего она в сем находится порядке, к сему принадлежит чину, на сем месте и в такое время существует. Причина же сия необходимо должна находиться или в самой вещи изменяющейся, или в других современных и предшествующих: если будет в самой вещи переменяющейся, то по ней самой можем судить, для чего в сем чине, порядке, в сие время и на таком месте находится, то есть сама собою определяется так существовать, а не иначе; и посему другой чин и прочие помянутые обстоятельства для той вещи невозможны. Но, может быть, иные производят причину от воли Всевышнего Существа, все так устроившего и расположившего, чтобы каждая вещь бытие свое имела в пристойном ей чине,

---

* Разбирая сочинения древних философов, многие о мире, или о вселенной, находим мнения, но мало определений. Пифагор, начальник философов, по объявлению Плутарха, *De placitis philosoph.* [О мнениях философов], lib. II, cap. 1, Opp. tom II, pag. 886, мир называет *ἡτωνόλων*, то есть *объятие всего*. Посидоний, по свидетельству Диогена Лаэртция, lib. VII, cap. 1, мир назвал состоящим из неба и земли и вещей содержимых, или который состоит из богов, людей и вещей, для них сотворенных. Справедливее сих, как кажется, в бессмертных своих сочинениях определяет Платон, а именно в разговоре Τιμαιος [Тимей] *ἡπερὶ φύσεως*, vol. IX, pag. 301, d. edit. Vironi, называя мир *τὸ γινόμενον μὲν, ὃ ἐοικέσσι, чиню вещей, одна за другую последующих, начало и причину своего бытия имеющих*. Новейшие философы почти все согласно чрез мир разумеют чины всех вещей современных и одна за другую последующих. Vid. Leibnit., in Theod. p. I, 1; Wolfius, in Institut. metaphys. germ., 544; Bilfingerus, in dilucid. philos. 139.

порядке, месте и в надлежащее время, то при сем случае смею во-просить: верховное оное существо находило ли подлежательную причину (*rationem objectivant*) все так благоустроить, как примечаем, или нет? Если той причины не находило, то расположение его последовало и произошло от необходимости, почему все вещи были бы неизменны и перемене не подвержены, или никакой бы не было довольной причины устройства. Но как последнее опыту не соответствует, то утверждаю, что существо оное, все так учредившее, причину находило в вещах, между собою современных и одна за другою последующих, или в отношении взаимном. Следовательно, довольная причина, по которой всякая переменяющаяся вещь показанными определяется обстоятельствами, должна находиться в других вещах, современных или предшествовавших. Но где одна содержит причину другой, там находим союз, и потому изменяющиеся существа, как современные, так и последующие одно за другим, взаимно относятся и, следовательно, находятся в союзе.

Как ничто не может быть без довольной причины, то начала сего* необходимым есть следствием соединение всего во вселенной непрерывною цепью. Итак, нет ничего в оной уединенного, нет взаимного разлучения, ибо если бы уединенное существо находилось, то какую бы могли мы довольную представить причину, бытие оно утверждающую? Но как Всевышнее Существо в творении вещей не благоволило так одну от другой отделить, чтобы взаимного отношения не имели, то бытие и частные определения каждого существа всегда зависят от бытия и определений существ, им соответствующих или ближних. И понеже все предметы в рассуждении пространства так между собою сопряжены, что никакой пустоты быть не может, и потому всякая вещь действие свое оказывает в рассуждении ближней, а сия зависит от другой; настоящее определяется прошедшим, последующее предыдущим, настоящее содержит в себе причину будущего, везде есть согласие существ, в одно время находящихся, везде одно преемлетя другим. Весьма малое несекомое имеет отношение к другим существам, а сии действие свое устремляют к прочим, и таким

---

* Начала довольной причины изобретатель Лейбниц принял оное без всякого доказательства. К изобретению же того подал случай Архимед, который на предложенный ему вопрос, для чего не бывает перевесу, когда на обеих весов чашках равная находится тяжесть, отвечивал: ибо перевесу нет довольной причины.

образом деятельность сия, постепенно возрастая, к совершеннейшим тварям простирается; и посему все части системы мира так тесно соединены, что каждая вещь имеет отношение к целой системе.

В таком согласии находящиеся вещи, из которых одна другую определяет, одна от другой зависит, одна из другой познается и постигается, суть или действительные вещи и перемены в природе, или токмо мысли и воображения. Когда одна мысль возбуждает другую или одна вещь производится от другой, то из сего двоякую связь заключаем. Сие различие полагаем мы не потому, что умоначертанием своим, соединяя и связывая некоторые вещи, действительную им связь присваиваем; напротив того, между самими вещами действительная находится связь, хотя бы ум наш оной и не изображал. Погода, например, действительное имеет влияние в прозябения и человеческое тело без наших о том воображений. И потому связь есть или вещественная, или идеальная. Вещественною называем ту, которая в природе между самими вещами, вне нашего представления, точно находится; а идеальная, или мысленная, имеет токмо место в нашем умообразовании, когда некоторые понятия по законам сопряжения (*associatio*) соединяются, невзирая на то, что самые вещи в очевидном находятся союзе.

Вещественную же связь утверждая, допускаем не токмо союз существ, но также и взаимную перемен зависимость. Если каждая перемен влечет за собою следствия, также между причиною и действием есть сопряжение, то по учинившейся в отдаленнейших причинах перемене необходимо и в последнем действии чему-нибудь надлежит измениться; и если неоспоримо есть, что происшествия зависят от вещей, неподалеку находящихся или предшествующих, то уступить, кажется, надобно и то, что какая-нибудь перемен, в одной части мира приключившаяся, некоторым образом и в других частях оного показывается. Правда, сколько в натуре бывает следствий от перемен, которых связь нам неизвестна и сокровенна! Многие причины производят чин следствий, нами непроницаемый и подобный реке Тигру, не в далеком от начала своего расстоянии течение свое скрывающему, потом опять на поверхности земной оное продолжающему^{*251}. Может

---

* Тигр, река в Месопотамии, прешедши озеро Аретузу и подтекши под гору Тавр, во рве погружается и из другого бока тоя горы истекает. Потом, прешедши озеро Тоспит, паки в подземные протоки скрывается и после, близ шести немецких миль претекши, паки произнищает (Варениуш в Географии генеральной, кн. 1, гл. 16, предлог 6, числ. 2, стр. 207).

быть, деятельность каждого существа имеет определенное влияние, совсем нами неприметное; может быть, нет ни одного даже и мало-важнейшего движения возможного, которое бы каких-нибудь следствий не производило; и то мнение философов кажется вероятным, по которому весьма тонкая и жидкая эластическая материя эфира, по всему пространству вселенной носясь, все тела проникает. Но как опыт утверждает, что перемена, где-нибудь учинившаяся, чем далее от своего начала находится, тем более ослабевает и уменьшается, так что едва и следы оной приметить можно, то не лучше ли из того заключить, что, наконец, никакого действия не будет? Возможности такого действия мы прямо не отрицаем; но где явной причины не видим, там, повидимому, лучше соглашаться на то, что с опытом сходно.

Многие из новых философов с Лейбницом и Волфом^{*252} утверждают такую связь во вселенной, по которой все предметы и перемены так между собою сопряжены, что по одной вещи и перемене все прочие вещи и их изменения узнать можно; и если бы одно существо в свете или также перемена и действие уничтожились, то весь бы свет, разрушившись, в ничто преобразился. Из сего выводят еще заключение, что каждое движение, каждая перемена и каждое действие необходимо в свете сем последовать должны, ибо основанием имеют связь всеобщую. Доказательства их, как говорит г. Вальх^{**253}, повидимому, убедительной силы не имеют; умозаключения же их суть следующие: «Целое с своими частями есть одинаково; следовательно, все и каждая часть содержит в себе некоторое основание целого, и потому все части с третьим или целым сопряжены. А посему и все части между собою соединены, чего для по каждой, даже и весьма мелкой части и по каждому внутреннему или внешнему определению одной части все определения и перемены довольно уразуметь можно. Но понеже все вещи и перемены сего мира суть части целого мира, то из каждой ограниченной вещи можно понимать все прочие со всеми их переменами и определениями. Следовательно, каждая вещь есть начертание и образ всех прочих вещей и перемен. И потому каждую действительную вещь и определение сего мира за зеркало вселенной

---

* Vid. Leibnitii Principia philosophiae [Лейбниц, Основания философии], 62. Opp., tom II, p. 27; Wolfii Metaphys. german. [Вольф, Принципы немецкой метафизики], 567 et seqq.

** Vid. J. G. Walchs Philosophisches Lexikon, II Teil, pag. 265 et seqq.

почитать должно». В сем доказательстве заключение первое неоспоримо есть: все части с целым сопряжены, поколику они целое составляют и существенные части суть целого; но когда, далее, утверждают, что по каждой сопряженной вещи познаются и прочие сопряженные вещи и перемены, следовательно, из каждой вещи сего мира постигаются и все прочие, с оною связь имеющие, то на сие ответствуем: 1) Из одного можем узнать другое, с ним сопряженное, ежели взаимную связь примечаем. Правда, все вещи соединены, поколику составляют целое, но из того не следует, чтобы мы, судя о какой-нибудь вещи, понимали и все прочие. 2) Все вещи и перемены во вселенной связаны по сосуществованию или современности* и по следованию одной за другою; и посему многие понимаем вещи, а не все. Из всеобщей связи выводят они еще следствие: будто бы уничтожение и гибель одной вещи в свете влечет за собою потерю и разрушение целого света, доказывая тем, что если одно звено цепи разрывается, то и прочие той же судьбе подвержены. Такое умозрение может быть справедливым, когда две вещи так между собою связаны, что одна без другой существовать не может или одна на другой основывается, или действием своим сохраняет другую; и в таком случае можем утверждать, что при разрушении одной вещи разрушается и другая.

Для утверждения истины нашего предложения и следующий вид доказательства имеет также свою силу. Существа вещей можем понимать с принадлежащими к ним свойствами, образами и случайностями; но сих без подлежащих их не разумеем и потому связь оную называем связью подчиненных (*nexum subordinatorum*), то есть когда понятие одного находим в понятии другого. Человечества, например, ясно не уразумеем, если чувствования способности не знаем; а где находятся подчиненные и соподчиненные, там и подчинившее, следовательно, и неразрешимая связь, составляющая прошедшее, настоящее и будущее целым неразрушимым. Если бы она в мире не существовала, то престал бы сей быть зеркалом Божией премудрости, и истины бы, которые мы снискиваем, от

---

* Здесь, может быть, иной спросит: если связь находится по современности, то какая будет существовать между животными американским и европейским? Между сими есть связь соподчиненных (*nexus coordinatorum*), которых причина находится в существе третьем, ибо оные животные одинаковыми движениями определяются, одинакое доказывают намерение Творца, тем же пользуются воздухом и проч.

одной к другой, делая заключение, места своего не имели, а посему и все бы знания были тщетны.

Обратим теперь наше внимание к опытам, какие только видеть можем. Везде, куда ни обратимся, куда нашего взора ни устремим, немедленно представится цепь вещей. Везде явны следы необъемлемой нами и разнообразной связи. Части соединяются с частями, а сии с целым. Здесь действие и причина, там намерения и средства; здесь знак, там означаемое; в одном месте подобное с подобным, а в другом противное с противным сопрягается. Если в телесный мир проникнем и станем примечать связь, которую философы называют физической, то есть когда одно явление (*phaenomenon*) изъясняется другим, яснейшим, или чувственное познается из чувственного ж, то ясно увидим зависимость и следствие вещей одной из другой. Стихии по законам природы взаимное имеют действие, как говорит г. Боннет*²⁵⁴, из содержаний оных проистекающим; сии содержания сопрягают их с ископываемыми телами, растениями, животными и человеком. Сей последний наподобие древа ветви свои распространяет по всему земному шару. Земля также, различные семена в себе заключившая, по прошествии определенного времени из недра своего производит бесчисленные роды растений в многообразных видах, которые зреют и спеют посредством греющих, оживляющих и животворящих солнечных сил и плодотворного влияния погоды. При воззрении также на животных бессловесных и человеческое тело не усматриваем ли чудной системы и стройного между материями чина? Все части и члены, жилы, мышцы и нервы для произведения различных и потребных действий между собою связаны и в теснейшем находятся союзе.

Такие же понятия о вселенной сообщает нам механизм, изъясняющий явления движением частей, положением, фигурою и проч., составляющими веществ определения, которые подробную явлений производят идею. Тщательный природы испытатель, взирая на бесчисленные планеты и кометы, в отдаленнейшем от Солнца нашего расстоянии кругодвижущиеся, неизреченное множество взаимно содействующих сил ясно понимает. Но в истине сей тем более уверится, когда уразумеет, что Солнце наше и тысячи других подобных сему светил, называемых звездами, около центрального тела кругообраща-

* См. Betrachtung ber die Natur vom Herrn Karl Bonnet. Band I, 7 Hauptstck, S. 36.

ются; сие силою, по всем частям творения Творцом распростертою, или по причине собственной величины и тяжести на все те солнца, со свитами планет и комет тяготит; в то же самое время приводится и само в движение от сильнейшего еще центрального тела, будучи сего спутником. Последнее центральное тело равномерно от другого сильнейшего побуждается к деятельности, сего паки действие зависит от другого, и сии миллионы комет, планет, солнцев и взаимно подчиненные и между собою связанные центральные тела, наконец, двигаются от наисильнейшего центрального тела, или средоточия, всего творения.

Итак, в нынешние времена удобнее понимаем, что мироздание в самой вещи есть неизмеримое тело, механически устроенное, и составлено из неисчислимых частей различной величины и твердости, которые посредством всеобщего закона взаимно сопряжены и которых непостижимая деятельность, все оные тела одушевляющая, проникая, преходит от одной системы до другой и распространяется чрез бесчисленные круги от одной громады до другой, от большей к меньшей, даже и до отдаленнейших пределов вселенной. Все же тела планет, все солнца, все те центральные шары, в которых усматриваем следы и сени красоты Создательевой, населены бесконечным множеством бесконечно различных существ, которые, славу зиждителя стройности своя неперестанно воспевая, премудрость его повсюду вещают.

Подобной сей связи не отрицаем никак в разумном и нравственном мире. Если в рассуждении главнейшей человека части, души, уверяемся, что она довольную своего воображения причину имеет в другом, а иногда и в чувствовании; и если одно рассуждение основывается на другом, притом хотения и отвращения души нашей зависят от предшествовавших представлений, то по определению связи, когда одно довольную свою причину имеет в другом, представления во всякой душе как между собою, так с хотениями и отвращениями суть сопряжены. Беспреданная же гармония души с телом, прямое согласие действий оной с переменою сего, участие и сообщение доказывают взаимную связь. О таком души и тела союзе философы утверждают три системы, или, лучше сказать, положения, ибо оные полного и точного доказательства не имеют. Древнее положение известно под именем влияния физического (*influxus physici*). Последователи Картезиевы, сего не принимая, утверждали положе-

ние случайных причин (*causarum occasionalium*), и, наконец, Лейбниц между телом и душою защищал предопределенную гармонию (*harmoniam praestabilitam*).

Приникнем теперь также в историю нашей жизни. Все случаи, происшествия и различные состояния даже до совершенного нашего возраста между собою союзны. От младенчества зависит детство, сие преемляется отрочеством, после сего наступает юношество и мужество. Каждая степень снисканных знаний и каждый шаг в совершенстве суть предуготовлением к следующему; каждое предшествующее состояние позволяет заключать о будущем. Прежде учиненные впечатления и сделанные примечания имеют влияние в последующее продолжение наук и во всю систему человеческого познания. Что человек теперь есть и что прежде был, от сего зависит будущее его состояние. Все, наконец, человеческие действия, все намерения и желания, во время возрастов бывающие, происходят или от вдохновения, нам неизвестного, или от побуждающего чувства, или от рассуждений, которые не что другое суть, как следствие движения в нашем мозге, потому что все наши идеи происходят от чувств. Движение сие в мозгу произошло от другого движения, которое также сопряжено с другими предшествовавшими. Порядок же всех сих движений и побуждений составляет цепь разумной жизни.

Сверх того мы между собою толикими связаны образами, что мнение, каждого человека во взаимную связь вмещающее, повидимому, к самому опыту ближе подходит, нежели отрицающее, ибо, во-первых, кроме союза, в сродстве примечаемого, не последнее место занимает и сострастие (*sympathia*), участвующее чувствование, или свойство души, состояние движения и чувствования других превращать в собственное чувствование, или собственную душу сообразовать оным. Но как сострастное сие чувствование основывается на любообщении (*sociabilitas*), в природе человеческой впечатленном, и потому один человек, следуя сему общеплезному натуре вдохновению, находит свое спокойствие в счастии другого, сей в благосостоянии третьего и т. д. Противное же содержание одной души к другой, по которому участие или прехождение чувствования из одного предмета в другой воспящается, есть токмо явление. Правда, есть такие, из которых один удовольствие получает от того, что другого оскорбляет. Но когда сострастие есть главным души свойством, то противострастие не определено натурою и по большей части зависит от случай-

ных содержаний, особых обстоятельств, собранных понятий, которые естественное то побуждение ограничивают и притесняют. Другая связь хотя не так есть общая, однако довольно обширная, которая производится сообщением идей, чтением сочинений и преподаванием наставлений в разных знаниях и науках.

Опыт также нам показывает, что часто от малых, совсем неприметных обстоятельств и случаев с продолжением времени производятся весьма важные следствия и достопамятнейшие в свете переменны; великие происшествия бывают от малых причин^{*255}. Г. Тителъ²⁵⁶ в своей Метафизике, приводя из Слейдана^{**257}, говорит: «М. Лутер от агнечего руна великое в церкви произвел превращение. Пустой также спор, происшедший из века схоластиков: всеобщие или отвлеченные понятия принадлежат ли к реальным или к номинальным? возвел Гусса на костер. Тогда Иоганн Герсон, защищая сторону номиналистов, тем ревностнее противоборствовал Гуссу, как реалисту».

Естьли, наконец, судить о вселенной, как о целом нравственном в отношении к свойствам благодати и премудрости Творца, то разум наш довольно уверяет в существовании союза вещей посредством конечных причин, то есть что все вещи взаимными суть средствами и намерениями. Между творениями трех владычеств природы не примечаем ли мы нравственной взаимной подчиненности? Не усматриваем ли оной между переменами натуры и благосостоянием жителей, земной наш шар населяющих? Происшествий, с нами приключающихся, не видим ли конечных причин? Но, может быть, последователи Пирроновы^{***258} здесь скажут, что существование кремня,

---

* Vid. «Essai sur les grands événements par les petites causes», Amster. 1758. «Quanta e quantillis iam sunt facta!» (Plautus).

** Номиналисты и реалисты были две философские секты, взаимно противоположенные. Причина сего несогласия основывается на следующем вопросе: всеобщие понятия вне разума человеческого точно ли существуют или нет? Первое утверждавшие назывались реалистами, а последнее номиналистами. История свидетельствует, что взаимная сих вражда примечаема была не токмо в сильных и горячих словопрениях, но также оканчивалась кровопролитием и убийством. См. Walchs Philosophisches Lexikon, II Teil, unter den Wörtern Nominales, Reales.

*** Пиррон был основателем секты септической, и сказывают, что вел жизнь весьма уединенную; он, почитая все неизвестным и сумнительным, никакими страданиями не тревожился и ничего не опасался: как думал, так и жил, ибо ни от чего не уклонялся, ни от колесниц, ни от псов, на все прямо шел; и таким образом вскоре бы лишился жизни, если бы последователя-

в земле находящегося, есть бесполезно, и мы не видим, какие из того произойти должны действия? На сие отвечаем: если стереть его мелко, то пройдет он в существо растения, а потом в существо животного или, может быть, попадет в кабинет любителя, который из оного подлинное начало камней откроет, что самое может быть руководством к другим важнейшим открытиям, ибо, как говорит Боннет, первый отломок янтаря, в котором приметили электрическую силу, первым был кольцом опытной цепи, показавшей в последнем своем кольце причину грома. В рассуждении других сильнейших возражений, сцепками предлагаемых, можем откровенно признаться, что горизонт связи во вселенной для нас, как ограниченных тварей, не обширен, и повсюду усматриваем прозраки (*prospectus*), пределами окруженные; однако взаимные вещей содержания и отношения так велики и пространны, что премудрого стройности Творца и Смотрителя не признавать не можем.

Но произведение человеческого воображения утверждаемую нами связь вещей, по-видимому, колеблет, и на пути, к сей истине ведущем, повергает камни преткновения. Когда всеобщая связь, возражают противоборствующие, существует в свете, то из сего следует допустить рок, или судьбу. Но если чрез сию понимать определенную происшествий необходимость, посредством которых все неотменно последовать должно, даже и самая свобода разумных тварей, не будучи в состоянии что-нибудь переменить или исправить, уступить оной принуждена, то такое о судьбе понятие для нравственности, добродетели и закона весьма есть предосудительно^{*259}. Если же под именем судьбы такое понимаем сопряжение обстоятельств, которые хотя необходимо случаются, однако по действию причин некоторая

ми своими и друзьями не был предохраняем (vid. Bruckeri Institutiones historiae philosophicae, pag. 276).

* Виды такой судьбы суть следующие: 1) *судьба слепая* (*fatum coesum, atheisticum*) есть противоборное истине мнение, которое утверждает, что мир сей произошел по необходимости, без предшествовавшей или управляющей разумной причины; 2) *судьба магометанская* (*fatum turcicum*), когда все в жизни человеческой внешними причинами так определяется, что никакими советами, никаким благоразумием или предосторожностью того избежать или отвратить не можно, и такую судьбу лучше назвать с Цицероном (*De fato*, cap. 12, 13) *ignava ratio*.; 3) *судьба астрологическая* (*fatum astrologicum seu chaldaeorum*), которою внешняя причина жизни, счастья и нравов человеческих поставляется в небесных светилах.

же оных часть управляется благоразумием людей, а все вообще зависит от верховной благоустроющей причины, то сие понятие с истиною согласно и обыкновенно называется разумною, или философскою, судьбою (*fatum rationale seu philosophicum*). К сему также виду можно причислить весьма многие определения стоиков. Впрочем, произведение слова рок не означает нужды и необходимости, как некоторые превратно истолковали, но премудрые и свободные Божие определения, ибо, как говорит *Минуций Феликс*²⁶⁰, что иное есть рок, как токмо то, что о каждом из нас бог изрек; и посему неотвратимая и неизбежная судьба первого знаменования над нами действия своего не имеет.

Другие, желая избежать Сциллы, руководимы незнанием точного судьбы знаменования, по неосторожности своей в противолежащую слепого случая (*casus purus*) Харибду низверглись; они, примечая тяготу и несовместность судьбы с происшествиями, решились связь вещей слепым случаем прервать. Но кратко сказать, они утверждают то, чего сами не понимают; случаю приписывают происшествия, которых причины существуют в сокровенности; возможно ли есть уклонение атомов без причины, рождение людей, как говорит Лукреций, наподобие грибов? И следовательно, случай слепой есть порождение невежества.

Мы видим, настоят еще противоборники, в свете чуда и дела, от известного нам течения природы уклоняющиеся, все также человеческие силы превышающие. Но мы, внимая чудесным Божиим действиям, разрушения порядка вещей не усматриваем. Нарушали бы те связь вселенная, если бы порядок судеб следовал, божеские намерения уничтожающий. Но хотя чудеса посредством бесчисленных следствий чин вещей, повидимому, и пременяют, однако с тем намерением производятся, дабы следствия преступлений разрушить, а заблуждающих тем паче побудить к повинению; и посему цепи вещей не прерывают, но пременяют на лучшее, исправляют и увеличивают, будучи соединены с миром вроде конечных причины, ибо для премудрых Божеских намерений производятся.

Итак, краткое сие разума и опытов свидетельство ясно доказывает, что во вселенной одно зависит от другого, одно служит средством к другому как к концу; все вещи, следуя естества уставам, суть в союзе, содержании, сочетании и точной связи. Нет в оной ничего такого, которое бы не было непосредственным действием чего-нибудь предшествующего или бы которое не определяло существования вещей

последующих. Если бы также и мыслящие существа все без изъятия добровольно стремились к концу, Творцем предписанному, то коль бы сие для оных было важно и величественно! Но человек, не будучи машиною и игрою посторонних сил, но свободно действующее существо, злоупотребляя преимущественную пред прочими животными способность свободы, нередко с подобными себе вместо вожделенного союза производит раздор, несогласие и в ров погибели оных низводит.

Для отвращения же таковых неустройств Всевышний Господь всех, устроивший связь во вселенной и смотряяй оную, ниспосылает владык земных и в залог благовоения своего к России даровал ЕКАТЕРИНУ ВТОРУЮ, действия и волю подданных мудрыми своими законоположениями к собственному каждого благосостоянию преклоняющую. ОНА, прияв державу Российския Империи, для блага общего необъятные подъемлет труды, и яко истинная Матерь Отечества, неутомимое имеет попечение о соблюдении жизни, чести и имений всякого; оказываемую храбрость и мужество высокими чинами и именитыми украшает титлами, прямое достоинство на высшие возводит степени, отменные дарования особенных удостаивает милостей, словом, всех и каждого верноподданного истинное устраивает благоденствие. Колико убо мы блаженны, проводя жизнь нашу под благотворным правлением ВЕЛИКИЯ ЕКАТЕРИНЫ, украшение Российския истории составляющая!

Но какое Виновнице и Совершительнице нашего блаженства достойное ЕЕ благотворений принесем благодарение? За все ЕЕ к нам благодеяния какими изъясним знаками нашу признательность? Оных поистине никакое изобилие слова, никакое пространство разума довольно изобразить не в состоянии. И тако останется присовокупить тем ревностнейшее сердце наших ко Всевышнему, ЕЕ и нашему Повровителю моление.

Боже Всемогущий, и делами человеческими управляющий! Исполни спасительные начинания тобою избранные над нами Обладательницы и благоуспешным оныя увенчай совершением; сохрани здравие ЕЕ долголетно, и прославленное чудными победами оружие Российское благослови неуконительным славнейшего еще мира восстановлением.

Утверди в мужестве и долголетней жизни дражайшего подданным ЕЕ наследника и возлюбленную ее супругу; продолжи нерушимо и укрепи вожделенное здравие благословенных ИХ отраслей к утешению России.

Слово о всеобщих и главных законах природы: На высокаторжественный день тезоименитства ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Благочестивейшаго, Самодержавнейшаго, ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА всея России ПАВЛА ПЕРВАГО: В торжественном Императорскаго Московскаго университета собрании июня 30 дня, 1799 года

Светло праздную всерадостный день тезоименитства Всемиловейшего Государя нашего ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО, достойное приносим ПП. СС²⁶¹ благодарение милосердому Всевышнему Промыслу, ниспославшему нам дар совершен и непреложный к нам благоволения своего залог нашего Самодержца, достойную также приносим жертву хваления Богом возлюбленному и препрославленному Монарху ЕГО к верноподданным щедрот, которые каждого пола, каждого возраста и каждого состояния желание и ожидание не токмо исполняют, но еще и превышают.

Внутренним делам Государственным в пространнейшей на свете Российской Империи Всеавгустейший монарх по высочайшей своей мудрости и дальвидной прозорливости успешное предписал течение, для истребления же злоупотреблений, бездействия и роскоши мудрыми благоучреждениями, в которых правда и истина милостию растворяются, для блага всех вообще и каждого в особливости надлежащий утвердил порядок, деятельность и умеренность. По сему правосудие, получив новый вид, к наивысшему всех благоденствию с вожделенным отправляется успехом.

Науки и художества, для просвещения рачителей их нужные, приметно и благоуспешно возрастают, ибо Августейшего ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительством будучи ободряемы, высочайшей степени цветущего их состояния достигают и в любезном нашем отечестве распространяются с приумножением надлежащих отраслей.

Посредь толиких дел внутри России Самодержавнейшим нашим Государем и купно чадолюбивым Отцом отечества предприемлемых, производимых и совершаемых для ограждения и утверждения на незыблемом основании спокойствия и тишины между своими верноподданными, обращает Он взор свой и на внешние государства. Там давно уже шумный

Марс свирепствует; всеоруженная неистовых сила, поправ веру и закон, угрожала падением почти всей Европе; превознесенная некогда держава повержена, другие государства мятутся, колеблются и потрясаются. Обладатели их, находясь в толикой опасности, прибегают к нашему Монарху, прося защищения своих областей и спасения народов, несчастием и крайними злоключениями обуреваемых. Человеколюбивейший наш Государь, сострадая человечеству в восстановлении веры и престолов, деятельное приемлет участие. Российский исполин, бодростью духа Великого ПАВЛА движим, с сонмом боев, распустив Российские победоносные знамена, неодолимо в полуденные страны неприятельски стремится сквозь речные устремления и огненные знои, не находя препятствием неприступных гор. Сему герою, мудростью ПАВЛА ПЕРВОГО предупреждаемому в прехождении чуждых пределов с храбрыми ратниками не токмо неприязненные преоружения нигде не воспящают, но и в приближении его к оным чающие своего спасения исходят в радостное сретение. Таким путем воин, Монарха своего мановением водимый и оживляемый, сражается и побеждает так, что всякое сражение умножает Его победы и всякая победа умножает Его завоевания.

Имеем убо к нам Божественные благодеяния чрез Боговенчанного монарха нашего ниспосланные и ниспосылаемые, бесчисленные; в НЕМ видим воскресающего Преобразителя России и Отца Отечества, ПЕТРА Великого, видим Государя беспримерно деятельного и о благе верноподданных своих неусыпно пекущегося; видим мудрого, благочестивого, человеколюбивого и твердого Защитника Отечества.

Но как все ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА нам оказанные и оказываемые благодеяния подробно исчислить и высокие геройские добродетели и действия их на всю Империю прославит, дело есть выше моих сил и дарований: то я предоставляю сие другим, превосходный витийства дар имеющим. Но дабы почтить совершаемое сие торжество в благодарность и хвалу ПАВЛУ ПЕРВОМУ, Высочайшему наук Покровителю, то с вашего ПП. СС. дозволения вкратце имею предположить о некоторых из метафизических предположений посильное рассуждение, а именно: *о всеобщих и главных законах природы.*

Всех, великих и вечных во вселенной законов, всемогущим повелителем природы уставленных, ясно и совершенно представить, изъяснить и определить ограниченный разум не в состоянии, а некоторые из них замечать и открывать покушается. И хотя оные законы, может быть, совершенно и не доказаны, однако посредством разумных на-

блюдений и начал могут быть признаны вероятными и для дальнейших размышлений подают обильную материю. Под именем всеобщих законов природы разумеем мы не логические и онтологические аксиомы, как то: всякое существо есть одно, истинное, доброе; под именем тем не разумеем также начала противоречия и начала виновности. Но под именем всеобщих законов понимаем те, которые по всем природы владычествам, по всем классам и порядкам существ наблюдаются и везде суть одинаковы; кратко сказать: которыми природа везде управляется и которым вещественные и невещественные существа повинуются. Сии самые уставы философы доказывают или из множества опытов и из созерцания сей вселенной, или из понятий о высочайшей премудрости Зиждителя и Творца всяческих, или, наконец, производят истину сию из способности человеческого представления. К сим законам, в космологии замечаемым, принадлежит главнейший из всех.

I. *Закон непрерывности*, которого наблюдение в природе учинил славный Лейбниц и назвал его законом непрерывности по причине сходства геометрии с физикою. Каким образом в геометрии всех линий и фигур ведения рождаются движением непрерывным и как в правильных линиях все так между собою соединяется, что одной причину можно вывести из другой, таким образом и в физических вещах все перемены и все превращения из одного состояния в другое совершаются непрерывным порядком.

В природе нет нигде прерывности (*Natura non facit saltum*)²⁶², нет никакого упущения, нет никакого внезапного прехождения от одной крайности к другой, нет ничего уединенного или отверженного. Одно зависит от другого, промежутки несовместны, и пустота неместима. Везде примечаем непрерывный союз, посредством которого одно зависит от другого. Все между собою ограничено непосредственно; везде ход постепенный. Каждое изменение, каждое в природе явление предуготовляется и в зрелость приводится последственно. Вот понятие сего закона! Если обратим взор наш на рождения в природе, на производения великих и малых перемен в свете и на собственное нашего тела образование, то ясно усмотрим всегдашнее продолжение и неприметно постепенное образование. Как неприметно природа образует свои произведения! Из малейшего ростка возникают стебли и класы, из земли и семени — высокое дерево. И кто может самыми тонкими чувствами понять природу по ее следам? Мы сами, как мы сделались тем, что теперь? Наше возрастание, нашего тела образование не приводила ли она в сие состояние

постепенным путем? Самый рассудок человеческий, так сказать, от времени до времени возвышается, и состояние последующее совершенно понимать можно из предыдущего, так как и предыдущее из последующего. — Сей также закон доказывается из свойства всякой системы, в которой как недостаток дополняется, так избыток исключается. И как устав сей наблюдается в вещах физических, то не подвержено сомнению, что оный имеет свою силу и во нравственности.

Однако противоборцы сделают нам возражение, что в природе бывает прехождение от одной крайности в другую. Сколько видим примеров как в политическом, так физическом и нравственном мире? Великие политики прехождение от безначалия к тирании почитают за дело весьма естественное. Как первое, так и другое суть крайности. Иной человек по сложению своего тела от крайней неповоротливости скоро преходит к сильному движению. Флегматик приходит иногда в сильный гнев и запальчивость. Не часто ли случается с человеком, что он из одной страсти повергается в противоположенную: сперва весьма весел, потом весьма печален. Не доводило ли иных суеврие до неверия? Не превращалось ли благочестие в нечестие? Все сии явления ничего не доказывают против закона непрерывности. Что кажется нам внезапным прехождением, то при точнейшем внимании и исследовании есть дело естественное, есть прехождение, посредством непрерывной связи естественных причин предуготовленное. Во время смятения и безначалия возбуждается способный дух для отважных предприятий; любоначальный и деятельный человек, пользуясь сим случаем для утеснения, вооружается, и, наконец, неблагоустроенная толпа принуждена подвергнуться воле тирана. Что касается до неспыльчивого гнева и человека тихого характера, то вспыльчивость производится или от таящегося в нем гнева и мало-помалу усиливающегося, или от посторонних обстоятельств, оную питающих, поддерживающих, укрепляющих и, наконец, воспламеняющих. Человек, восхищенный радостью неумеренною и весьма живую, часто подает повод к упрекам, а посему и подвергается следующим из оных беспокойствиям, виновникам печали; всякая неумеренность, даже и во время наслаждения, бывает естественною причиною противоположенных чувствований. Суеврие не что другое есть, как узы разума. Иногда, может быть, дух оживляется и ободряется. Сие приятное в человеке чувство, усиливаясь, расторгает тяготящие оковы. Человек, во всем том неверчивый, что для необузданности его кажется предосудительным и опасным, не

верит и самой истине, попирает лучшее с худшим, и как он прежде чему-нибудь верил, чему верить не надлежало, то не согласится также верить и тому, что здравый рассудок предписывает.

От прямого пути удаляющийся предпринимает сие в рассуждении сердца так, как суеверный в рассуждении разума. Правда, он чувствует, может быть, свою потерю, хочет вознаградить, но не знает как. Он, не будучи озарен правильными понятиями, делается, наконец, игралищем своего воображения. Чем больше желает он от себя болезни излечиться, тем неблагоассудительнее он в избрании лекарств и, будучи отчаян, следует советам всякого врача. — Вот естественная непрерываемая связь и ход вещей!

II. *Закон бережливости, кратчайшего пути или самомалейших средств (lex parsimoniae, minimitatis)*. Природа ничего не расточает, ни весьма истощает и ничего вотще не употребляет и ничего полезного не опускает, кратко сказать, малым великое производит. В ней нет недостатка и нет избытка. Что касается до ее действий, то она действует всегда со всевозможно малейшим употреблением силы и кратчайшим путем. Везде примечаем действия, соразмерные достижению цели. А посему сама природа есть великая для нас наставница, примером своим показывающая вверенных нам благ и сил в надлежащем порядке содержание для благоразумного употребления, а не расточения.

Но, может быть, кто сделает следующее возражение: в природе некоторые намерения не достигают своей цели; то не совершается, что должно совершиться: сколько тысяч цветов, которые никакого не приносят плода, и сколь бесчисленное множество семян не развивается и пропадает; сколько зачавшихся в утробе младенцев лишается жизни? Десять цветков нужно для одного плода, сто семян для произведения одного растения; итак, самая природа в рассуждении сих случаев не напрасно ли свои силы употребляет и расточает? Как неправильно заключает маловидящий человек! Ибо некоторые цветы должны были произвести плод, и потому все ли должны претвориться в плоды? Но можно сказать и обратно: многие должны были остаться только цветами, дабы несколько было плодов. Уменьшение существ по силе всеобщих законов было необходимо, и попечительная природа, не терпя излишности и не имея недостатка, все по расчетам своим в надлежащее приводит равновесие, ей известное. Она премудро печется, чтоб благотворная ее цель, для сохранения ее существ, не была уничтожаема. Может быть, также иной скажет: если природа

все полезное строит, то для каких выгод случаются бури, сильные ненастья, грады, знои и пр. ? Но сии самые перемены не по необходимым ли законам рождаются и действуют? Не споспешествуют ли высочайшим и всеобщим намерениям природы для достижения своей цели? Ограниченный человеческий разум всегда занимается какою-нибудь мелочью, не видя важнейшего, находит только неустройство вне себя; он, не вникая в большую и всеобщую связь, не усматривает целого сцепления бесчисленных и особливых целей. Противники также возражают, как выше сказано: «Сей цвет должен сделаться плодом, сие зачатие во утробе должно было быть совершенным человеком; но как следствий того часто не видим, то по их мечтанию и самая природа своей цели не достигает и свои силы расточает». Так мыслит человек, пред очами своими имеющий какой-нибудь особый предмет или одну какую-нибудь цель. Но пусть противники, представляющие нам, что сей увядший цвет не принес плода, зачавшийся во утробе младенец не учинился совершенным человеком, докажут нам не только сие, для чего сей цвет не оплодотворился, для чего зачатый младенец не возник на свет, но еще и то, чтобы из одного цвета большому множеству плодов следовать надлежало. Кто может определить, как далеко каждое существо в продолжении своего бытия проходить долженствует? Кто может предписать дальнейший ход, нежели какой был приличен? Кто измерит всех существ цель?

Между сими главными природы законами также счисляется III-й *Закон всеобщего сохранения*, который можно производить из закона предположенного и, как некоторым философам угодно, из закона непрерывности. Если рассудим мы о началах, на которых сей закон основание свое имеет, то для утверждения сего во всей вселенной наблюдаем мы опыты, показывающие нам везде только разрешения, а при разрешении везде опять новые соединения, но нигде не замечаем недостатка сил природы *в целом*. Если же вникнуть во внутренность уничтожения, то мы не имеем довольной причины все в свете уничтожать. Известные философы Картезий, Билфингер и Мендельзон²⁶³ основание доказательства в рассуждении сего закона заимствуют из свойства Божией неизменности.

В природе ничего не пропадает, ни одна пылинка не уничтожается. Все ее действующие силы целы. Всякое существо продолжает свое бытие. В новых образах токмо и бесчисленных смешениях и видах прежние существа паки возникают. Всякое по нашему понятию ветхое, ста-

реющееся и к падению клонящееся и истлевающее переходит в другой вид, лучший и совершеннейший. С одной стороны сколько вещество, по-видимому, уничтожается, столько с другой стороны оно преобразуется и обновляется. И посему Картезий утверждает, что одинаковое всегда во вселенной количество сил существует. Даже и остатки человеческого тела, самый прах, в который оно некогда превратится и разрешится, беспрестанно действующей природе подают случай к возрождению оных. Разрушение и восстановление суть вечный природы круг. Все рождения в природе основываются на разрушении. Смерть не другое что есть, как вид возрождения, восстановление новой стройности — переход к новой и совершеннейшей жизни, и исход в новое, обновленное тело. Но сущности вещей, первоначальные силы, из которых все сложения начало свое берут, никогда разрушиться не могут. Преобразование и превращение есть дело природы.

Во всей вселенной везде примечаямо определенное количество действующих сил. На сей же равности сил утверждается *закон вознаграждения (lex compensationis)*. Мы все после проливного и продолжительного дождя ожидаем ясности неба. Тишину погоды преемлют ветры, неурожай награждается плодоношением, избыток отмщевается недостатком. Океан иногда поглощает часть земли, а вместо сего из глубины морской возникают острова. Здесь иссякают источники, там новые отверзаются. Природа наблюдает свои расходы и приходы, имеет свои расчеты. Посему ее произведения действий должны быть произведениям и содержанию ее сил равны. Что, по-видимому (ибо мы причин соединений и намерений постигнуть не можем), в одной части мира и в одно и то же время представляется излишним, то в другом месте усматривается недостаточным. Она там много производит, где, как нам кажется, уменьшает и где мы видим недостатки, там она преизобилует. Силы ее никогда не умаляются, но и никогда выше своей сферы не восходят. Что касается до обращений ее, то они суть различны; но произведения ее всегда между собою равны. При сем и то может быть доказательством, что когда в одном месте восходит утренняя заря, то в другом появляется вечерняя. День и ночь, тьма и свет всегда в одно время существуют, но токмо в различных странах мира; кратко сказать, никогда солнце в одно время не озаряло всех народов одинаковым сиянием; никогда не было всеобщего дня на земле. Се законы природы всеобщие и главные! Есть также и другие, испытателями природы замечаемые, как то *закон разноо-*

бразности в единстве и единства в разнообразности, закон соразмерности и проч.; но мое намерение было представить только главные, которые Всемогущий Зиждитель и Промыслитель предначертал, дабы вся природа благоговейно его почитала и следовала премудрым и для нее спасительным уставам.

Сей премудрый Промыслитель не оставляет без особого своего попечения Россию, препоручив мудрое и прозорливое правление всообщнейшей империи ПАВЛУ ПЕРВОМУ.

Сей Богом дарованный законодатель во время мудрого своего правления непрестанно печется о целостности всех ЕМУ верноподанных; мы, имея ЕГО единого имеем все для благоденствия нашего ИМ устрояемое, ОН по Своему прозорливому благоусмотрению любезное наше отечество возводит наверх славы постепенно. Он мудростью Своею учредив суд и расправу дел, всячески отвращает предерзости и негодования, сохраняя легчайшими средствами спокойствие и безмятежность. Словом, ЕМУ обязано отечество изобилием, недостаток же ЕГО благоучреждением награждается. и от ЕГО промысла зависит всей империи честь и слава.

Бессмертные отечеству заслуги, милости к роду человеческому неизглаголаннные и сие высокопокровительствуемое ИМ училище озаряют. Просвещаемые в сем месте, не токмо пользуются воспитанием, но и почестями от него награждаются и ободряются. да благоговеем убо пред НИМ с искреннейшей верностью и горячайшею любовью, как пред истинным Отцом Отечества, которого все для поданных благоустроения в позднем потомстве навсегда будут незабвенны.

Небесный Отец светов, источник благости и Податель России толикого Возобновителя! Сохрани драгоценное для нас ЕГО здравие, увенчай благим и вожделенным успехом спасительные ЕГО начинания и продолжения, укрепи мышцу ЕГО на сопротивных. Сохрани здраву и невредиму Благочестивейшую Императрицу МАРИЮ ФЕДОРОВНУ, достойнейшую ЕГО Супругу; утверди в мужестве и жизни долголетно надежду России, возлюбленного его наследника АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА и дражайшую его супругу ЕЛИСАВЕТУ АЛЕКСЕЕВНУ к размножению и продолжению в Россах преславного племени Петрова. Осени весь Пресветлейший Императорский дом благословением, да пребудет Он всей северной нашей стране твердой навсегда надеждой и крепкой защитой.

П. И. СТРАХОВ

**СЛОВО О ВЛИЯНИИ НАУК В ОБЩЕЕ
И КАЖДАГО ЧЕЛОВЕКА БЛАГОДЕНСТВИЕ.
На высокаторжественный и всерадостный
день восшествия на престол ЕЯ
Императорскаго Величества,
Всепресветлейшия Великия Государыни,
Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ,
Самодержицы Всероссийския, Премудрыя
законодательницы и истинныя Матери
Отечества, говоренное в публичном
собрании Императорскаго Московскаго
университета июня 30 дня, 1788 года**

Торжественное воспоминание знаменитых происшествий тем живейшею радостью и усердием наполняет сердца празднующих, чем больше благ оные учинились причиною. С каким же чувством радости, усердия и благодарности ко Всевышнему долженствуют все сыны Отечества торжествовать благословенный день восшествия не всероссийский Престол Всеавгустейшей нашей Монархини, ибо коликих благ источником для России учинилось сие важное и вовеки незабвенное происшествие! Коль великие и неизреченные милости всещедрая десница Творца излила на нас, оправдав царствовать над нами Великую Екатерину!

Благополучною почитается Держава, которой Государь человеколюбивый законодатель; превозносится славою та страна, которой Скиптродержатель мужествен во бранех; завидуют участи того народа, который имеет Повелителя покровительствующего науки. Каждый из них хвалится своим Государем, каждый именует его Великим. Но мы как достойно напомним нашу Обладательницу? Какие похвалы составим, которые бы соответствовали Ее высоким качествам и великим делам? Ибо в Ее единой высокой Особе мы зрим и Героиню, и Законодательницу, и Покровительницу наук. Крепкую во бранех десницу Ее испытал уже с горестию и стыдом гордый Стамбул; и ныне не укоснит получить достойную месть вероломного своего упорства. Дарованная от Нее новые постановления судилищ, распределение прав и преимуществ каждого состояния, основанное на человеколюбию и кротости, суть вечные монументы мудрости Ее и Матернего попечения о благе своих подданных, которое с умножением лет бо-

лее и более будут чувствовать и прославлять позднейшие потомки. Покровительства и любви Ее к наукам не токмо внутри любезного нашего Отечества с веселием видим приятные доказательства, но и вне России упражняющиеся в учении, ободряемые щедротами Ее, суть неумолкные свидетели.

Хотя небесное светило на все твари изливает равно и благотворную теплоту, и свет, и живительную силу: но каждое существо, по особенному своему устройению, наслаждается более единым из сих действий, нежели прочими, хотя и все купно получает. Одному нужен более свет, нежели теплота и живительная сила; другое более в себя приемлет сея последняя, нежели перваго. Так и сей Музам посвященный храм хотя и всех упомянутых высоких качествах Великой Государыни веселится, от всех вкушает сладкие плоды: но последнее из оных наипаче себе присволяет, о нем наипаче радуется, видя неусыпные Ее попечения о насаждении наук в пространной Российской Империи, и оживлен быв и сам многократно высокими Ее милостями.

Итак, устремим наше внимание к сему единому качеству Великой Государыни; и дабы почтить сие, в благодарности и хвалу Ей совершаемое торжество, рассмотрим вкратце *Влияние наук в общее и каждого человека благоденствие*; а через сие рассмотрение уразумеем и явственно откроем, коль великое и действительное средство ко благу не токмо каждого из нас, но и всяя России дарует щедрая Мать Отечества чрез распространение, ободрение и покровительство полезных знаний. Хвала наук будет Ее хвала.

Обтекая мысленно всю подсолнечную и возводя ум чрез все прошедшие веки к отдаленнейшим временам, которых память могла достигнуть до наших дней, не можно вспомнить без живейшего чувствования благодарности ко Всевышнему, коль великие и неизреченные благодеяния получил от Него человеческий род чрез науки! Ибо рассмотрим ли рождение, укрепление и славу всех бывших и ныне существующих Государств; вникнем ли во внутренние их силы и орудия, которыми воздержится порядок, тишина и безопасность всякого народа; войдем ли в состояние каждого гражданина в особенности: увидим повсюду благотворное влияние наук, открывающих человеку неведомые до того ему силы, одевающих его новыми и бесчисленными удовольствиями и дарующих ему власть над всею почти натурою.

Древние стихотворцы, повествуя о начале и происхождении общежития людей, в прекрасных своих вымыслах представляют чудные действия человеческого разума баснею Орфея, «который, — говорят они, — сладостным звуком лиры своей привлекал к себе камни и леса; укрощал ярость лютейших зверей; и быстрину рек останавливал». Не леса, но суровых жителей лесов силою разума своего привлек он в сожительство; не камни, но каменные сердца диких людей умягчил; не зверей, но зверские нравы сладостию красноречия укротил; не быстрине рек, но стремлению страстей поставил препоны. Сим средством мудрый сей муж диких людей, скитающихся по пустыням, собрал во единое место, поставил им законы, основал судилища и применил звероподобную их жизнь в приятнейшую и приличную человеку.

Сие было рождение гражданских обществ и начало владычества царей. Ибо тот, кто превосходил всех разумом и опытами, и умел различать справедливое от несправедливого и полезное от вредного, и которой знал выгоды и вред своего общества, был тогда от всех высокопочитаем: к нему все прибегали просить совета о начатии войны, о заключении мира, или о другом каком предприятии, и приемля с покорностью наставления его, мало по малу привыкли исполнять волю его и ему повиноваться. Так основал в Греции свое владычество славный проницанием ума Нестор²⁶⁴, как повествуют древние, так Евандр²⁶⁵, Латинский Царь, привел в изумление грубых латинцев сладостию речей, привлек к себе, просветил и учредил свое Царство. Так Нума, основатель сильной Империи Римской, которая твердостью и могуществом своим более одолжена сему кроткому законодателю, нежели Ромулу, скопившуюся при Тибре толпу людей, не имеющих ни нравов, ни религии, укротил и покорил законам.

Из сих и других достоверных свидетельств истории, в исчислении которых краткость времени не позволяет распространяться, можем видеть, что и единый человек чрез просвещение разума силен был укротить тысячи суровых и диких людей, соединить их и покорить законам, в чем после храбрейшие полководцы с многочисленными войсками, со всем страшным своим ополчением не токмо не возмogli успеть, но вящую лютость вселяли в грубых народов и рассевали их паче по пустыням. Толикую силу имеет просвещенный разум над сердцами человеческими!

Но соединение в общежительство есть токмо начало тех благоденствий, которые после человеческого род получил от наук, ибо колико

возвысили они человека, извлекши его из пещеры, и удрученное зноем и мразом тело его одевя мягкой и покойною одеждою, влиявши в сердце его приятныя ощущения красоты природы, и возвысив разум его к созерцанию Творца тварей, толико превознесли они и целые общества одно перед другим.

Уподобляясь действием своим небесному светилу, оживляющему, согревающему и освещающему все твари, подобно ему и течение свое начав от востока и обтекая вселенную, везде по следам своим изливали они жизнь, славу и благоденствие. Египет, сия славная в древности страна, сколько известно, не имел в свое время равного себе в просвещении Государства. Прилежное испытание природы и исследование естества человеческого даровали ему крепкие орудия правления, и открыли обильные сокровища и силы. Слава его и ныне еще сквозь все развалины громко отзывается. Греция, сия малая частица земли, восприяв из Египта свет учения, в немногие лета учинилась соперницею пространных, и в обилии и богатстве утопающих азиатских областей. Еще мы и ныне с удивлением взираем на оставшиеся знаки бывшего ее великолепия и красоты. Не упомяну я о прочих древних и новейших просвещенных государствах. История наполнена свидетельствами, что куда только свет учения проникнет, там обилие, тишина и благоденствие царствуют.

Но, оставляя наружную славу их, вступим во внутренность.

Чистое и суеверием не потемненное понятие о Вышнем Существо и отношениях человека к Нему, и усердное повиновение верховной власти суть два столпа, на которых утверждается благосостояние каждой державы; напротив того, суеверие и злоупотребление законов суть лютейшие язвы человечества.

С ужасом читаем в Истории кровавые следствия суеверия, которое, думая побороть по Святой вере, поругало непорочное имя ее кровопролитием и представило ее зверскою и страшною самым диким народам. Европа в недавнем времени близка была пасть под свирепую его рукою, если бы благословением Божиим не воссияли науки и не заключили его в мрачное обиталище. Кому также не известно, коль многих погубило дерзкое нечестие? Еще свет не решил, суеверие или нечестие более вреда нанесло человеческому роду. Первое есть невежество, соединенное с малодушием; а последнее плод злоупотребления разума. Какая сила может укротить сих страшных чудовищ, а паче когда они подкреплены могуществом и богатством?

Чистое познание Творца, натуры и человека есть единое надежнейшее орудие, которым может человек сражаться с ними. Оно, показав права человечества и любви взаимной, укротит безумную и кровожаждущую суевера ревность. И уничтожить дерзкую гордость богохульника, обличив слабость и ограниченность богохульника, обличив слабость и ограниченность смысла его и развращенность сердца, которые суть единственное основание пагубных его мудрований. Ибо когда он с искренностью хотя мало рассмотреть свои отношения к ближнему, обозрит мудрое устройство вселенной, и вникнет в собственное свое заблуждение.

Озаренный светом истины гражданин, почерпнув из познания натуры твердые и основательные сведения о истинном происхождении общежития и гражданских законов и о Божественном начале верховной власти, свободно, охотно и с наилучшим успехом исполняет все их веления; проникая в мудрое сплетение общественных выгод, ясно видит, что благо общее есть благо каждого, и благо каждого составляет благо общее: и потому все свои дарования приносит в жертву обществу к приумножению общего блага.

Солнце хотя всегда лучами своими оживляет и согревает землю, но естли она не возделана и не засеяна, тщетно будет ожидание полезных плодов. Равным образом безуспешны бывают мудрые постановления и законы, когда в гражданах с младенчества не посеяны семена честности, правды, благодарности и любви к отечеству. Для сего древние персы, афиняне, спартанцы и прочие наставлениями в нравственной науке, учением философов, а паче преданием и прославлением великих дел предков своих, научали детей, какие добродетели и качества должно стараться снискивать и какими средствами учиниться полезными согражданами. Паче всего живо изображали им все благодеяния, которые получают они от общества, дабы тем воспламенять в них благодарность и любовь к оному.

Мы ныне с удивлением читаем повествования о великих их делах, которые были плод возбужденной с младенчества любви к своему отечеству: мужественно отражали они нападения сильных и многочисленных народов, преодолевали все трудности и самые опасности. Доколь сохранялось в почтении сие чувство, дотоль пребывали они в благоденствии и крепости, пока роскошь и родившееся от нее прилепление к частным выгодам не погасили сего священного чувства. Рим несколько раз был спасаем любовью к отечеству единого человека.

И так подробное и ясное познание своих должностей и неутомимое и постоянное стремление к исполнению оных дают имя гражданина; а истинное понятие о священных правах человечества и печальное признание бедности его, соединенное с горящим желанием подать в том ему помощь, даруют благородное титуло друга человечества.

Из всего вышесказанного довольно, мнится мне, явствует, сколь нужно и полезно учение к познанию и отправлению должностей, которые налагает Божеский и человеческий закон. Оно предохраняет от вредных заблуждений в Богопочитании, открывает, что хранение Божия закона не состоит в тщетном многоречии и спорах, что святая вера не потребует кровавых жертв к своему укреплению, но что она есть мироподательница и примирительница всякой вражды, и не мечем, но кротостью и любовью побеждает врагов своих; показывает также, что власти общественные суть охранители спокойствия каждого, что уставы суть не цепи рабства, но приятные узы, влекущие людей ближайшими путями к их блаженству. Утвержденный в сих истинах гражданин бывает верный сын отечества и просвещенный почитатель Творца.

Обратим теперь внимание на внутреннее состояние каждого человека, и рассмотрим кратко, сколько споспешествуют науки к его благоденствию.

Никто, думаю, не сомневается, что человек тогда только может почитаться блаженным в жизни сей, когда дух его спокоен, страсти не волнуют, и совесть не угрызает сердца. Не может он быть таким, если не имеет средства к предохранению себя от заблуждений, если рассудок его не владычествует над страстями, и если воля его зависит от власти чувств и воображения. Но кто из человеков только силен, чтобы мог покорить рассудку всех сих внутренних врагов без вспомоществования себе подобных? Человек рождается во мраке невежества и в немощах. Если бы благосостояние тела его зависело единственно от собственных его опытов, то может быть увял бы он в самом цвете лет своих. Услужливость других наполняет недостатки его младенчества и научает править членами тела: тем паче разум его не может без помощи других возвышаться и укрепляться. Науки суть хранилище всех опытов и открытий разума человеческого и указатели к дальнейшим. Из сего обильного источника почерпаем мы иногда видимым, иногда и нам неприметным образом основания нашим действиям. Науки с первых лет жизни наполняют ум наш чи-

стыми, ясными и основательными понятиями и том, что добро, честно, полезно и пристойно, дабы предупредить заблуждения, дурные навыки и обуздать воображение, которое часто заводит в опаснейшие предубеждения. Потом представляют правила к равнодушному разбиранию вещей и размышлению при начатии всякого дела, дабы тем укротить быстрый ум, которой часто производит удивительные и блестящие дела, но редко основательные и полезные. Тако устроив разум, возбуждают в сердце любовь к стройности, правосудию и истинной красоте, и тем самым приучают умерять страсти, разрушающие порядок, и направлять их благоразумно к полезным делам, равно как и силы свои размерять с сущностью каждой вещи.

Сии суть благоденствия, льющиеся от наук на душу искреннего их любителя. Коликими удовольствиями обогатили они внешнее состояние наше, сие представляет нам все окружающее нас. Но, чтоб почувствовать сие более, посмотрим, сколько состояние просвещенного человека превознесено пред состоянием грубого и дикого. Вообразим себе готтентота²⁶⁶, над которым не воссиял свет учения, — убежище его есть хижина, из хворастий и грязи слепленная; пища его суровые корни, или жесткая плоть зверей; одежда его сырая овчая кожа, украшение тела гнусная тина, сладчайшие его утехи суть скотское пресыщение и усыпление ленивых и мрачных чувств. И после воззрим на просвещенного европейца, живущего в великолепных зданиях, блистающих серебром и золотом, красящегося хитрым истканием драгоценных одежд, питающегося сладчайшими и вкусными пищаами, который для своего удовольствия иногда простое суровое полотно пременяет в прелестнейший и живой образ; иногда острием небольшого железа одушевляет мрамор и меди, кажется, влагает дыхание; иногда единым дуновением или легким движением перстов производит приятнейшие звуки, приводящие в восторг все чувства; иногда помощью небольшого стекла устремляет взоры свои в пространство небес, и там между невидимыми почти и едва светящимися пылинками открывает новые огромнейшие миры, предписывает законы небесным телам и начертывает им пути, измеряет всю землю, весит солнце; иногда быстротою разума своего возносится в превыспренние страны умственного мира и исследывает отношения вещей и чудное их согласие и стройность. И через сравнение разных совершенств их созерцает единым взглядом неизмеримую цепь существ, начиная от презренной пылинки, постепенно возносится умом в лу-

чезарные небесные обители... Но великое и превосходящее силы мои дело не токмо описать, но исчислить только все преимущества просвещенного человека пред грубым невеждою. Кто может сомневаться о великой пользе и силе наук при толь ощутительных и видимых их действиях?

Но как нет ни единой в мире вещи, которая бы избегла ядовитости языка человеческого; нет такого славного и полезного дела, которого б люди не осуждали: равной участи подвержены и науки. Хотя все наслаждаются приятными их плодами, и даже самые противники без помощи их не могут спокойно и с удовольствием проводить своей жизни: однако ж нашлись, которые почитали науки более вредными, нежели полезными, а многие самые основания знаний поставляли ложными и старались их опровергнуть.

Ежели беспристрастно разберем все возражения противоборников просвещения, то увидим, что всеми своими усилиями ничего они не доказали, как токмо то, что человеческий разум ограничен, и что развращенное человеческое сердце может лучшие вещи обращать во зло.

Ибо если Демокрит, славный в древности философ, сказал, что истина погружена в глубоком кладезе, которого до дна тщетно надеемся мы учением дойти, если Анаксагор²⁶⁷ воображал истину, окруженную густою мглою, которой сила ума нашего не может проникнуть. Если мудрый Сократ после долговременного учения сказал, что он познал только то, что он ничего не знает, если подобное сему утверждали и прочие великие мудрецы, на мнение и важности которых утверждались новейшие умственники, то чрез сие ничего более не доказывається, как то, что разум человеческий имеет границы, и что созерцать истину во всем ее сиянии человеку на земле сей не дано. Счастлив он, когда удостоился узреть некоторые токмо лучи ея!

Науки не что иное суть, как указатели пути к истине: они суть собрание опытов и изобретений мужей, потрудившихся в искании ее и средств к блаженству человечества. Ничто в природе не происходит прерывно, все постепенно восходит к совершенству. Так и целый человеческий род ведется к оному невидимую десницею; еще не может он похвалиться, что просвещение ума человеческого достигло последней границы совершенства. Следственно, если встречаются в науках некоторые сомнения и темноты, то не должно заключать из того, что они основаны на тщетных и неизвестных

положениях. Сомнение есть первый шаг к разысканию истины; оно есть первое действие ума нашего, начинающего различать истинное от ложного, доброе от злого. Как ноги наши в младенчестве укрепляются частым колебанием, а иногда паданием: так разум человеческий сомнениями напрягается к размышлению. Следственно не благоразумно было бы, увидя, что младенец, начиная ступать на ноги, часто падает, заключить, что они не доведут нас до истины и что потому они бесполезны.

Не можем умолчать, к стыду ученых, что сильное волнение страстей, народные или воспитанием вкорененные предрассудки, привязанность к системам, которые часто не натуры законам следуют, но натуру своим подчиняют; побуждение зависти, чтобы превзойти соперника своего: тщеславное старание отличиться от прочих новостью мнений, которое побуждает часто опровергать самые ясные истины для того только, что они старые и всем известные; горделивая отважность, которая мнит все знать и истолковывать; высокомерное желание владычествовать над умами других: все сии различные виды развратности человеческой столь много обезобразили и унизили науки, что некоторые, видя сие, не могли иначе заключить, как что все учение есть приятная мечта.

Но всяк здесь видит паки, что не науки, но людское злоупотребление и слабости должны быть осуждаемы. Должно ли почитать Архитектора неискусным, естли каменщик, следуя своему ложному воображению, а не данным ему начертаниям, обезобразил строение? Равномерно, видя между упражняющимися в науках развратные толки и странные мнения, несправедливо было бы заключить, что науки тому учат, и для того отвергать их пользу.

Сие краткое показание довольно объяснять, что все противоборствия, воздвигнутые против наук, должны быть устремлены противу тех, которые обезобразили их своими прилогами и вымыслами. Науки всегда остаются источником человеческого благоденствия: он суть дар Всевышнего, ниспосланный к утешению и отраде страждущего и в невежестве погруженного человечества. Они совокупили его сладчайшими узами дружбы; они укрепляют непрестанно сей узоль взаимной любви; они возвысили человека над прочими тварями, открыли истинное его существо и показали его самому себе, очистили ум его от грубого невежества и возвели до престола истины, научили наслаждаться природою во славу и благодарение Творца своего.

Тщетно возрастает против них суетность и невежество: они всегда будут торжествовать, доколе будут на земли существа мыслящие.

Чувствие благодарности долженствует быть соразмерно великости дара полученного. Видели вы, П. С., при сей краткости и слабости изречений моего слова, великое влияние наук в общее и каждого человека благоденствие. Следственно видели начертанную в оном великости благодеяния, изливаемого на всю Россию от прещедрой Матери Отечества, Великия Екатерины, через насаждение, распространение и покровительство наук.

Чем убо возблагодарим за толь великую и неизреченную сию единую Ее щедроту? Какими знаками изъявим ощущаемую нами во глубине сердца нашего живейшую признательность за сие и за все прочие к нам Ее благодеяния? Нет поистине действительнейшего способа к исполнению сея священныя должности, как усерднейшее и точнейшее благоприменение всех наших трудов и упражнений к мудрыми благим Ее намерениям. Все Ее подвиги единую цель имеют, — блаженство подданных. И так принимать даруемое благо с истинною благодарностью и споспешествовать всеми силами общему благу есть жертва, от нас требуемая.

Всесильный Царю Царей! сохрани драгоценное для нас Ее здравие, увенчай благим успехом спасительныя Ее начинания, укрепи мышцу Ее на сопротивных!

Ниспошли благословение на дражайшего Ее Сына и Его Супругу! Да цветут Чада Их в мудрости и силе. И да возрастают ко утешению и радости Россиян!

А. А. ПРОКОПОВИЧ-АНТОНСКИЙ

**СЛОВО О НАЧАЛЕ И УСПЕХАХ НАУК,
И В ОСОБЕННОСТИ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.
На высокаторжественный и всерадостный день
восшествия на престол Ея Императорскаго
величества всепресвятлейшия Великия
Государыни императрицы и Самодержицы
Всероссийския Екатерины II, говоренное
в торжественном собрании императорскаго
Московскаго университета июля 1 дня, 1791 года**

Достославная побудительная вина светлого и радостного нынешнего торжества ПП. СС.²⁶⁸ сильна возродить в каждом истинном сыне Отечества неизъяснимые чувствования сердечного восхищения, чувствования чистейшего благоговения к Зиждителю миров, наливающему на Россию обильные токи щедрот благодетельную десницею избранной им Помазанницы. Кто не восчувствует беспредельного величества Божиих к нам милостей, кто не ощутит в себе возвышающейся души при едином токмо воззрении на величайшее в свете государство, скипетром Самодержицы нашей возведенное до толикой степени славы, силы, благоустройства и благоденствия.

О естли бы Вы, коих драгоценныя имена не забвенны пребудут в памяти всех грядущих времен, венчанья главы, мудро управлявшие предками нашими, и вы сынове Российския, пламеневшие любовью к Отечеству своему, и оставившие по себе сладкое воспоминание правотворных и знаменитых деяний ваших, приникнули ныне на Россию: каким восторгом, каким удивлением вы бы поражены были, узрев чудное ее приображение, узрев лучи творческаго величества, блистающие в великости духа нашей Обладательницы!

Россия, бывшая некогда погруженная во тьму неведения, ныне под благословенною небесами державою Зиждительницы общего счастья и высокой Покровительницы муз, не уступает в преуспениях своих многим просвещенным странам; Россия, изнуренная некогда от внутренних неустойств, грабительств и междуусобных браней, ныне под правлением Премудрой своей Законодательницы наслаждается безмятежным благоденствием, и, преизобилуя дарами природы, и преизбыточествует в дарах счастья; Россия, стенавшая некогда под тяжким игом иноплеменников, извне и внутрь тяжко удручавших ее, ныне под крепким щитом славныя во бранех Ироини, простираю-

щей владычество свое даже до пределов отдаленных стран света, не токмо не страшится завистующих противников, но крепкою и победоносную мышцею со славою отражает и рассеивает все нападающие хищнически их полчища.

Моря и суша представляют многочисленные трофеи побед, одержанных Российским воинством. Еще свежи в памяти у всех народов поражения, нанесенные возмутителям нашего покоя на севере; воды Балтийские живо чувствуют победоносную десницу Российской МОНАРХИНИ; еще свежие раны носит изъязвленный во бранях юг; Черное море, обогрешенное пролитую кровью вероломных врагов наших, повсюду разносит страх и уныние между агарянами²⁶⁹. Стамбул, толико потрясенный могущественною десницею громоносной Российской Богини, едва дерзает уже подымать неисцельными ударами отягченную гордую свою выю.

Не одними победами славен престол Всероссийский Самодержицы; не одним страшным для врагов оружием превозносятся ЕЯ держава. Великая душа ЕЯ, возвышающаяся кротостию и миролюбием, не менее блистает, как мужеством. Кто мог мыслить, чтобы Готт, восставший на Россию, нарушив все права мирных постановлений и человечества, подвигнувший праведный на себя гнев Великой Всероссийской Самодержицы, восприял от благодетельной десницы Ее маслянистую ветвь, в то время, когда приближаясь к совершенному почти разрушению, ежеминутно ожидал праведного ЕЯ мщения. Юг, некогда носивший на себе знаки ЕЯ миротворных души, естли токмо приведет в должные пределы гордость свою, вскорь восчувствует новые ЕЕ мирные благоотверения.

Но колики благ Виновницей долженствуем мы премудрую нашу Самодержицу, по неусыпному ЕЕ попечению о просвещении России, посильному в предприятии и совершении великих дел могуществу, беспримерной в самодержавии кротости, великодушию и щедротам, утверждающую, и внешнюю с сопредельными народами тишину, и внутреннее подданных благоденствие! Блаженны те народы, кои под державою своих обладателей чувствуют о себе их попечение и свое благополучие! Но несравненно блаженнее Российский народ, управляемый мудрою Обладательницею, всю Свою славу и возношение своего престола поставляющей в вознесении России на верх благополучия, и паче всего веселящуюся о умножении общего блага.

Не должны суть изречения священных книг, изображающие благодеяния народов в избрании над ними Богом Государей. Следы Божиего благословения на Россию ясно видны в возведении на Всероссийский престол нашей Самодержицы. Милости благодеющего Творца в увенчании всех трудов и попечений Августейшей МОНАРХИНИ нашей о благоденствии России, превосходят всякое удивление.

Тогда, как другие государства, изнурясь междоусобными бранями, с неистовою яростью силятся свергнуть с себя власть законных своих обладателей, российский народ, с покорностью лобзая десницу чадолюбивой Матери Отечества и повинуюсь малейшим ЕЕ мановениям, безмятежно возвышается и укрепляется в силе; тогда как преждебывшая в великой славе страна, возжегши в недрах своих огонь непокорства, дыша варварством, превращает законы, разрушает общественный порядок и избегая единоначалия, подвергается ужасному безначалию или паче повсеместному деспотизму; Россия с благоговением приемля мудрые законы от своей Законодательницы, и коленопреклонно внимая всем благотворным ЕЯ велениям, пожинает сладкие плоды вожделенной внутренней тишины и благоденствия; тогда, как тьмочисленные народы, рассеянные по лицу земли, одни закосневают в грубом невежестве и бездействии, издревле обладавших ими, а другие, приобретши веками просвещение, от внутренних раздоров и мятежей вновь погружаются во тьму неведения. Россия, имея на престоле премудрую Минерву, час от часу озаряется большим светом наук и возносится на равную степень со всеми просвещенными народами.

Уже исполняются Великого ПЕТРА, Отца Отечества проречения о преселении из отдаленных пределов света наук в российскую страну²⁷⁰. Под премудрым правлением Великой ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ, в славе и величестве Первой, уже совершаются мудрые Его начинания о утверждение в России незыблемого благосостояния. Несчетные тысячи выгод и преимуществ возлюбленное отечество наше восприяло под благословенным скипетром Августейшей МОНАРХИНИ нашей; ни единое чинопачальство, ни единое состояние граждан, ни единый возраст и пол людей не оставлен без возвышения и особенного ободрения Матерними ЕЯ щедротами.

С каким убо и коликим восхищением каждый верный сын России должен вспоминать торжествуемое ныне всерадостное восшествие на Всероссийский престол царствующей Великой Государыни! Коли-

кими хвалами прославлять должны мы матернюю ЕЕ к нам любовь и неутомимое попечение о нашем благоденствии!

Не моему слабому гласу изображать величие доброт толь преславной в свете Монархини, славу и величество России превыше всех стран возведшая; для превознесения по достоинству великих, славных и многочисленных ЕЯ деяний бессильно витийство Цицерона, важность Демосфена и глубокомыслие Плиния²⁷¹.

Преисполнен будучи благоговения к Августейшей монархине, Виновнице нашего благоденствия и просвещения, предложу теперь рассуждения о начале и успехах наук и в особенности Естественной Истории; и дабы не обременять внимания вашего, ПП. СС., простран-ным и подробным исследованием сей материи, представлю я токмо краткое и главное понятие об ней, в соответствие званию, возложенному на меня досточтимыми здешних муз Меценатами.

Естьли нисходя с превознесенного в просвещении состояния, приникнуть в отдаленные времена и рассмотреть кажущееся низверженными пред нами, и как бы никогда не восстававшими народы; естьли мысленно представить себе величавого в своих искусствах галла, сокровиществующего богатством батава и пролетающего моря и земли британца, и сравнить сих толико возвысившихся в просвещении европейцев с камчадалами и многими другими отдаленнейших северных и южных стран земного шара обитателями, которым в наследие природа, кажется, оставила единый палящий зной, или гладь и стужу: то в какое удивление, в какое сильное движение должны быть приведены ум и сердце наше при наследовании различных успехов рода человеческого! Кто не изумится, сравнив жителя Канады с просвещенным европейцем, проникающим в недра земли, простирающим взоры свои в пространство обширных небес, усматривающим в едва приметно светящихся точках огромные миры, начертывающим законы небесным громадам, и объемлющим единым взором неизмеримую цепь существ? — Коликим изумлением должен быть исполнен ум наш, при рассматривании народов, возносившихся превыше всех своим величеством, ныне унизившихся до последней степени между людьми; возникших древле на верьх просвещения, ныне паки погружившихся в безмерную глубину невежества. Еллины, величавшие себя единых просвещенными, лишаются напоследок не токмо великих познаний своих но почти и наименования народа; Римляне, обладавшие всем тогдашним светом, покоряются

и истребляются грубыми и мало известными народами и оставляют едва приметные следы прежде бывшего повсеместного своего владычества.

Сии толь чудные перемены и отличия в человеческом роде, многих самых глубоких испытателей природы, и самых тонких умозрителей, нередко приводили в заблуждение и к нелепым умозаключениям. Одни думали вывести из того, будто бы существует в мире беспорядок, и тем старались утвердить систему свою о устрояющих все во вселенной атомах; другие побуждались испровергнуть предначертанные Творцом для каждого существа законы; а некоторые покушались отвергнуть самое бытие Верховного начала. Но естли обозреть с должным вниманием порядок вещей и вникнуть в их течение: то из случающегося изменения нельзя извлечь никаких подобных сим ложных умозаключений.

Все подвержено в натуре, по уставу Верховного Строителя, восходящим и нисходящим кругообращением. Куда не обратим взоры, на шествие ли великой природы в ея целом, или на каждое произведение оной в ее частях; на распространение ли целых народов, или на течение жизни и успехи частных людей: всюду обрящем первоначальное их происхождение, множасьее приращение, полный цвет, мужественную зрелость и конечное совершенство. Колыбель вселенной был безобразный хаос, устроенный потом вседействующим гласом Зиждителя, начиная от разделения света со тьмою до последнего творения, предпоставленного над всеми прочими. Частицы, составляющие с водами как бы единое существо, в недрах земли собираются наконец или в громады камней, и в блестящие различными цветами драгоценности, или в твердые металлы, толь полезные для общежития человеческого; растения и животные едва от приметных семян часто возрастают до удивительной огромности; словом, все в природе идет своими степенями к предположенной цели и совершенству.

Мыслящее существо в человеке покороно также всему всеобщему закону. Начиная новое свое течение тем, что едва ощущает свое телесное жилище и окружающие его предметы, и то от болезненных впечатлений и механически, до какой наконец невероятной степени просвещения возвышается с возвращением тела. Силы его укрепляются и оно распространяет круг своих понятий; переходит от единых познанных вещей к другим, и сравнивая известное с неизвестным,

шествуя всегда далее, так сказать, исполинскими шагами, объемлет наконец, как бы единым взором, целый шар земной; обозревает множество различных обитателей оною, наполняющих поверхность и недра земли, моря и воздуха; составляет из всех произведений природы стройную картину; проникает их свойства и существо, и не останавливаясь на предметах, поверженных пред ногами, воспаряет к высоте небес; созерцает в сверкающих точках миллионы миров, дивится премудрой связи вселенной, измеряет великой план ее, исчисляет силы, испытует законы и бесконечные круги звездные обретая тесными для себя, возноситься к Существом всех существ высочайшему; с благоговением приближаясь к сему беспредельному и чистейшему Океану вечного света, узнает, что оно есть малейшая капля сего бесконечного моря; и чрез сие ощущение своего ничтожества бесконечно возвышается достигая мудрости и блаженства.

Каждое творение, начиная от малейшего насекомого до огромного слона, от несмысленных скотов до разумного существа; каждое действие в натуре течет постепенно, или к возвращению или к разрушению, теряясь в одной части или месте, а в другой возрождаясь. По сим-то началам и самые искусства и науки, со втечением внешних обстоятельств, в одни веки процветали, а в другие упали; и хотя при переменах своих в одном народе исчезали, но в последовавших за ним других народах паки возникали, и размножались по всему почти свету. Следуя сим же началам, надлежит выводить историю, правление, законы и обычаи народов, и измерять их различные преуспеяния. По сим стечениям восхождения достигли Римляне до всеобщего владычества, и подобными сим достижениями превзошли Римлян некоторые нынешнее Европейские народы, на развалинах их империи утвердившие свои несравненно просвещеннейшие науками и обогащенные художествами державы.

Приемля всегда непреложными изречения Священного Писания, изображающая первозданного человека одаренным высокими и обширными познаниями, при самом сотворении свыше озаренного светом разумения, мы судим здесь об нем не как о первородном, но яко о утратившем первобытное блаженное свое состояние, и чрез то подпавшем влиянию всюду действующих на него в натуре законов, постепенно ум его в познании возвышающих.

Основываясь на сих началах, нельзя отвергнуть, что первые люди, не имея никаких устроенных обществ, и прелагая единственное по-

печение о продолжения жизни своей и размножения своего рода, походили бытием своим, по наружному образу жизни, более на животных, нежели на разумные существа; имели познания, ограниченные весьма тесными пределами, и с великой трудностью, со многими усилиями и противоборствами, достигали малейших сведений, подобно путешественнику, блуждающему без вожда по неизвестным дебрям и стремнинам.

Надлежало первым людям составить из себя общества, чтобы удобнее споспешествовать в просвещении друг другу; надлежало встретить им тысячи нужд, которые бы могли раскрыть способности их, научить употреблению органов, как бы вновь возродить их, и несравненно усугубить силы разума. Чрез единое общежитие человеку можно приобрести остроту разума, обширность понятий, глубокомыслие и прозорливость. Человек, уединенный от всех связей, не силен ни соединять своих мыслей, ни проникать отдаленных предметов, ни связующей их цепи.

По мере, как первоначальный род человеческий час от часу более размножился, так час от часу больше чувствовал и нужду подвергнуться общей воле, которая бы управляла волею не отдельных. Отсюда родилось правление, и человек, образовавший и устроивший общую всех волю, учинился Государем. Сие возникшее в первоначальных людях чувство нужды быть управляемому произвело преобразование в мыслях их и понятиях, и было первым шагом разума человеческого и первую эпохой его просвещения.

В сем младенческом возрасте, котором законы не могли быть действием разума, утвержденного на опытах, в котором основание политики казалось быть колеблющимся, невозможно было ожидать, чтоб разум человеческий сделал надлежащие усилия к преодолению внутреннего недействия. Надлежало произойти многим потрясениям в правлении, чтобы наконец из недра политических органов родилась общественная система; и сие было вторым шагом к просвещению, сделанной человеческим разумом.

Паче всего в последствии времени разум первоначальных людей стал приходить в более совершенство от распространившейся в обществах их нужды и умножившихся недостатков. Пока род человеческий, обитая в пустынях Азийских, и не чувствуя ни в чем нужды, питался одними плодами, которые сама собою земля могла приносить с избытком; то он погружался в глубокой лени, но когда люди

столько размножились, что для безбедственного прокормления себя принуждены были обрабатывать ту же самую землю и трудами вознаграждать оскудения в натуре; и когда каждый удобренную им землю как плод своих трудов стал считать собственной; то от сего возникшее право собственности несравненно больше возбудило и поощрило трудолюбие и искусства.

Весьма вероятно, что первоначальные люди как по внутренней склонности к общежитию, так и повстречавшим каждого человека, при самом рождении его нуждам, требовавшем внешних пособий, скоро учинились общественными существами. Приписуемое человеку натуральное состояние совершенно чуждо его натуре. Мысль сия несогласна ни с гоббезиевыми началами, ни с гельветиевыми, ни с руссовыми²⁷²; но сие мнимые мудрецы излишне предавались, кажется, действию воображения своего при изображении натурального состояния людей. Состояние природы, начертаваемое ими столько же умовообразительно, как и золотой век у Стихотворцев.

В начале большая часть писателей старается токмо чертить мысли, последующие же за ними силятся утверждать чертежи их в самом существовании. Как скоро свет разума стал появляться в Европе, то для противоположения общественному человеку выдумали естественного. В первом движении имели в виду составить из того критику на век свой, по примеру Тацита²⁷³, который, чтоб устыдить Римлян, изображал германцев; но впоследствии времени, из вообразительных картин естественного человека, составили особенную историю оного.

Весьма неестественно о естественном человеке изыясняются те пылкие и острые умы, которые в сочинениях своих, с толиким, впрочем, красноречием, произнося больше слов, нежели вещей, перевозят состояние природы. Человек едва открывает глаза, уже чувствует нужду в защищающем его отце и питающей матери; и естли сии благодеющия существа следуют внутренним побуждениям своего сердца, то дети их входят в общество, с самой минуты своего рождения, прибывают в оно до кончины дней своих.

Нет никакой эпохи, чтобы люди не были в общежительстве, все памятники удостоверяют в том, что общества повсюду существовали, и люди с тех пор, как существуют, походят на нас во всех главных чертах и характерах. Одними существами, имеющими некоторое

отношение с вымышленным натуральным человеком, могут быть почтены разве те лихие люди, которых некогда находили в лесах Ирландии и в некоторых других местах, лишенными дара речи, и в походке сходствовавшими с четвероногими; но сии несчастные, вероятно, суть дети порочной любви, и оставленные от своих распутных родителей, вскормленные бессмысленными животными и умершие без всякого потомства.

Многие лжемудрые желают даже, дабы общественный человек, удалившись от общества, обитал в делях. Желание их походит на Калигулово²⁷⁴, который хотел, чтоб Римский народ имел одну голову, дабы одним разом отсечь ее. Возможно ли требовать, чтобы художник, соорудивший храм Святого Петра, мог обитать в подземных пещерах, и чтобы глубокомысленный Локк престал мыслить? Да естли сие сновидение чуждающихся общежития таковых философов и исполнилось, то какие могло бы оно иметь успехи? Начало беспрестанно в нас движущееся, стремясь к совершенствованию себя, стремится вместе к общественному состоянию, подобно как земной шар к солнечному кругу.

Весьма ложно, будто бы натуральный человек может быть благополучнее общественного; не лишение нужд, а искусство управлять ими делает человека счастливым, подобно как не искоренение страстей, но хорошее употребление их образует Философа. Итак, сколь древни общества, сопрягающие с собой нужды и собственность, столь древне и начало преспеяния рода человеческого.

Сколь любопытное открылось бы зрелище, естли бы возможно было видеть действие разума, когда природа была ещё в цвете младости своей, но все памятники того исчезли, предоставив нам одни обширные и многоразличные догадки. История разума представляет некоторые гиероглифическая черты; но сие буквы заключают весьма темный смысл, непонятный для самих глубоких Философов.

Человек первый родился добрым, говорит добродушным, кажущийся мизантроп, оставивший нам по себе известную Эмилию²⁷⁵. — Человек рожден с едиными способностями быть добрым, нравственным, свет не может иметь на того никакого влияния, кто не может судить о отношениях своих к окружающим его существам. Сердце человека есть, так сказать, мягкая глина, которую не иначе можно обделывать, как посредством навыка. — Человек первоначальный родился злым, говорит суетмыслящий Гельвеций. Но зло есть движение сердца

развращенного и испорченного, и считать человека злым от природы, значило бы противоречить в словах и понятиях.

Человек получает навык к добру или злу от сообщества с теми, с коими обитает. Общественное состояние есть Прометей, одушевляющий и преображающий человека. По мере впечатлений, остающихся в человеке от действующих на него предметов, по мере споспешествующих средств к распространению общих сил, люди или остаются как бы низверженными, или восстают и возвышаются. Между первыми людьми Бакон и Невтон не могли бы явиться. Катон²⁷⁶, родясь сатрапом Персии, умер бы невеждою в толпе рабов; а Гренландец, воспитанный Невтоном, может быть, в состоянии был бы заступить его место.

Нет сомнения, что вначале изобретены грубые искусства, которые в течение времени вкус усовершенствовали, а разум, раздробив их, приобщил к познаниям. Что вкус предшествует разуму, собственным примером подтверждают то Расины и Молиеры²⁷⁷, появившиеся гораздо прежде, нежели Даламберты и Монтескю²⁷⁸.

Познания людей происходит большею частью от трех действующих в народе и донныне действующих причин: от нужд, удовольствия и суеверия. Астрология есть исчадие суеверия, Музыка и Поэзия произошли от удовольствия, а нужды произвели Историю, Геометрию и письменное искусство.

Изобретение письмен почтется может первым и главным средством к различным преуспеяниям, распространившимся в последствии до бесконечности. Вначале воспользовавшиеся сим искусством лишены были книгопечатания, толико обогащающего в наши времена книгохранилища; изображали свои письма на камнях, пальмовых листьях и древесных корах, и употребляя грубые, большей частью металлические орудия, для начертания их не имели той гибкости в пере, какую мы имеем; но тем не менее предшествовавших им народов, пользовавшихся единым изустным преданием, превзошли тысячными открытиями и познаниями.

Нет неоспоримых доказательств о начале сего славного открытия. Некоторые приписывают его Моисею, а многие самому Адаму. Весьма правдоподобно, что первые буквы письмен, по мнению Стуссия²⁷⁹, были Европейские и изобретены при переселении израильтян в страны Египетские Иосифом, от многих именуемых Гермесом. Бывший тогда в употреблении гиероглифический язык,

неложно приемлемый превоначальным, не будучи столь обилен и вразумителен, чтобы мог изъяснить все, особливо отвлеченные понятия, обратил все тщания Иосифа к отвращению таковых встретившихся затруднения. По известной же всем прозорливости он устремил внимание на изменение органов речи, и по изменению их составил письмена Европейских букв. Сие ясно доказывают самые начертания их, сохраняющие до сих пор, после толиких веков и преобразений, некоторые следы перемен, примечаемых во рту при произношении.

Открытию письмен, без сомнения, должноствовало предшествовать искусство живописи; оно некоторым образом может почтенно быть самым средством, споспешествовавшим изобретению их, не упоминая о том, что гораздо естественнее и удобнее изложить и представить на картин изобретению их, не упоминая о том, что гораздо естественнее и удобнее изложить и представить на картине изображение видимых нами приятных или поразительных предметов, нежели начертать письменами отвлеченные понятия. Истину мнения сего подтверждает самое обыкновение писать от правой руки к левой, бывшее в начале времен и до сих пор сохраняемое у восточных народов. Живописцы всегда проводят черты от правой руки к левой.

Торговля, жиждительница общественного благоденствия и размножения наук, была первою виною распространения письмен по всем странам света. Посредством ее первые Финикияне получили буквы от египтян, от них греки, от греков римляне, а от римлян германцы. Греки первые, как народ острый и изобретательный, нашед способнее проводить буквы от левой руки к правой, побудили всех западных народов следовать открытой ими счастливой перемене.

Таким образом, приняв в рассуждение, что письмена учинились не прежде известны, как со времен перехода израильтян во Египет, надлежит думать, что завещания XII Патриархов, книги Эноховы и Авраамовы подложны, как единственно для каких либо предлогов выданные под их именами. Не менее на оных догадках основывают мнение свое и те, которые доказывают бытие наук до потопа.

Нельзя отвергнуть, что в течении стольких лет до потопа сделаны были многие открытия, и многие сведения переходили по преданиям в потомство; но по недостатку верных доказательств, надлежит

считать их естли не несуществовавшими, по крайней мере потерянными. Самое течение натуры, постепенно возвышающей наш разум, сильно заставить думать, что тогдашние сведения не заслуживают имени знаний.

Со времени же Иосифа, а паче со времени Моисея, остались довольно ощутительные следы возникших в разных странах много-различных знаний. Египетские мудрецы, показавшие толико чудес при исходе Израильтян из Египта, долженствовали иметь глубокие сведенья в натуре. Жрецы Халдейские и Египетские оставили в народе многочисленные памятники своих сведений. Их учение, по новости скрываемое тогда в тайне, хотя и обезображено многими баснотворными вымыслами, и суеверными мечтаниями и много-различными обрядами, и в точном разуме не может быть названо философским знанием; но нельзя отвергнуть, чтоб они не имели многочисленных сведений, и не были основатели большей части просвещения.

Истинное учение начинается от греков. Народу сей, не менее по природе склонности, как по образу правления, первый оказал преимущественные успехи в науках, а паче в изящных. Вначале, путешествуя в разные страны, света греки тщились заимствовать отовсюду познания; но в последствии времени несравненно превзошли всех других чужих народов, именуемых ими варварами. Греки представляют нам беспримерные образцы витийства в рассудительном Демосфене, стихотворства в пылком Гомере, нравоучения в добродетельном Сократе²⁸⁰, любомудрия в глубокомысленном Пифагоре, а врачевания в бессмертном Гиппократе. Тысячи Меценатов, тысячи общественных учебных заведений, тысячи различных сект, особенно известных под именами эпикурейцев, академиков, аристотиликов, стоиков и платоников, воспламеняли в них огонь рачения, ободряли к преодолению к сопряженным с наукою трудностей и возбуждали к непрерывному и вящему преуспеянию. Афины обиловали толь многими знаменитыми мужами в чине, что Цицерон не усомнился город сей и назвать изобретателем всех наук, утверждая, что отсюда разлились они по всему свету.

Греки не токмо в недрах отечества своего питали граждан млеко учения и мудрости, но они распространили свет его и в другие страны, одних народов покоряя под свое иго, а другими сами покоряемы. Азия, подвергшись владению греков, восприяла от них многие познания, и сия ест главная вина, что некоторые досто-

примечательности греческие описаны и преданы не от Греков, а от иудеев, азиатцев и римлян. Римляне на бранях с греками наиболее выигрывали их просвещение; и не удивительно, что учинялись наконец победителями толико просвещенного народа, оставили по себе толь знаменитые памятники познаний и сомнение, греки ли преимуществовали, или Римляне в просвещении? Науки распространялись в Риме, распространились потом по всей Италии. Всюду под правлением римлян тщились предаваться учению и мудрости; всюду возрождались платоники, академики, аристотелики. Слава покровительствовавших науке Августов, Траянов²⁸¹; слава знаменитых в просвещении Цицеронов, Овидиев, приносит бессмертие Римскому народу.

В последствии времени обратили внимание к наукам и христиане. Они старались отвсюду почерпать познанию древнего учения; и в первых веках, по открытие Евангельския истины, многие из них явились мужи, знаменитые ученостью. Слава Александрийского училища²⁸², процветавшего тогда между христианами, служит незабвенным памятником их просвещения.

Но науки и самое учение Евангельское мудрости в сих первых веках недолго пребыли незапятнанными. Простую и святую мудрость Христову начали приноравливать к правилам философии; первую обезображали ложным суетумудрием древних философов, а вторую собственными ложными умозаключениями. К простому евангельскому умозаключению примешали халдейские символы, египетские обряды и Греческие баснотворства. Явились между христианами гностики, платоники, ариане, пелагеане и другие ересиархи, изуродовавшие божественную истину ложными учениями и погубившие прямой смысл и достоинство древних наук.

Различие народов, частью принявших Христианскую веру, а частью сближавшихся токмо из разных стран, было новым поводом к несогласиям в христианских понятиях и помрачению древнего просвещения. Напитавшись с младенчества разными началами, выводили разные заключения и вдалились в многие споры и противоречия; возбуждали брань между верой и разумом, между благочестием и рассудком, между религией и философией.

Таковы были в первых веках по Р. Х. первые следы падения наук, увядавших час от часу больше, при внутренних внедрявшихся неустройствах от ежечасных варварских набегов на Римскую Империю.

В четвертом веке хотя были видны еще повсюду оттенки просвещения, но по воспоследовавшим вскоре всеобщим страшным опустошениям от чуждых и непросвещенных народов науки подвергались совершенному почти разрушению. Все поставляли славу и силу во бранях, а науки и искусства оставляли в небрежении. Единому духовенству представлено было упражнение в них; но и духовные особы от встречающихся повсюду худых примеров, бедствий и браней, терял вкус к истинному учению, а обольщались единою тенью и привидением наук, так что при распространении Папского престола и при возродившимся повсюду от невежества суеверия, воспламенялись ненавистью к язычникам, они восчувствовали ненависть к самым наукам; отделяли языческие книги от священных, и философию, оставшуюся от древних просвещенных времен, нарекли языческой. Латинский язык тогда совершенно упал и оставил в наследие по себе единые исчадия: итальянский, французский и испанский.

В шестом и седьмом веке столь великий недостаток был в ученых людях, что едва двух мужей ученых можно было найти; и естли бы не имели в то время некоторого убежища между монахами, естли бы к храмам их именуемых ими кафедральными, не приобщены были школы: то бы они безвозвратно исчезли. Самый Карл Великий²⁸³ и Альфред Великий²⁸⁴ в Англии не мог найти в младых своих летах учителя, который учил бы его грамоте. Протекши времена в толь глубоком невежестве по справедливости могут именоваться мрачными.

Но отвратим взор от сих темных и мало известных веков; посмотрим, так сказать, на новое науки рождение. По силе действующего в человеке стремления, низвергающего его, а паче по устройению Провидения, девятый век восприял совсем новый ход. Христианство, распространяющее ныне повсюду в народе, где токмо прострет свет своего Евангельского учения, науки и просвещение, получив с времен девятого веку более блеску и силы, исторгнуло вместе и науки, погрязшие в глубине неведения. С сего времени начали раскрывать завесу, покрывающую невежество. Следы наук, оставшиеся едва приметными между духовенством, показались в большем сиянии. Фотий²⁸⁵ и Сильвестр Второй²⁸⁶, первые способствовали открытию их.

Преимущественно же споспешествовали возобновлению наук Мамон²⁸⁷, покровительствовавший в Аравии переводу Аристотелевых

книг. Арапы, следуя с великим стремлением в философии, астрологии и врачевстве Аристотелеву учению, хотя в философии были последователи Аристотелю²⁸⁸, а в астрологии безмерно суеверны, но, к стыду Христиан, преимуществу тогда над ними в учении, были сильною побудительною причиною к ревностному упражнению их в науках. Тысячи появились христианских схоластиков, сильных поборников Аристотелевой философии и искателей мудрости; ход учения их был беспорядочен и зыблущейся; ибо они, пренебрегая историю древности и знание языков, которых основательное познание есть первый шаг к просвещению, большую часть древней философии обращали в школьные умозрения, и заняв нечувствительно от восточных народов варварские суеверия, обезображали и потемняли многими гаданиями и мистерией свете наук; но нельзя отвергнуть возникших при том великих и многочисленных познаний.

В двенадцатом веке стали уже все явно предаваться не менее важным, как и приятным наукам; появилась на западе Парижская школа²⁸⁹, и от размножения в третьемнадцатом и четвертомнадцатом веках училищ и Академий явились многие знаменитые мужи, прославившиеся ученостью.

Турки, причинившие в пятомнадцатом веке опустошение Грекам и восточным народам, непосредственно также послужили к вящему распространению в Европе просвещения. Науки, оставив завоеванные Магометанами восточные страны, расселялись по всей Европе, и стократно умножили блеск своего сияния между Европейцами, начиная от Италии, Франции, Англии до Германии и всех северных Европейских государств. В сем веке весьма славился ученостью Петрарх²⁹⁰, бывший главною побудительною причиною к возбуждению в Италии ревностного упражнения в греческих и латинских сочинениях. Сей же самый век ознаменован открытием книгопечатания, не менее возвысившим славу германцев, как о распространившем просвещение. Тогда уже не одни духовные особы предались упражнению в науках; все, даже самые государи, стали заниматься ими, размеряя учение не по мнению других, но по весам здравого рассудка.

В течении шестогонадесять и седьмогонадесять веков, восстановлением красноречия, покровительством государей, ободрением знаменитых меценатов, основанием многоразличных училищ, а паче явным восстановлением свободы в мыслях и утверждением

естественной науки на опытах, посредством Баконов, Картезиус и Невтонов, науки несравненно более повсюду распространялись и возвысились.

Паче же всех текущей ныне осьмойнадесятый век прославлен распространением наук, открытием многочисленных искусств и множеством знаменитых писателей. Век наш по преимуществу может именоваться просвещенным. Потеря, последовавшая в средние мрачные времена, не токмо возвращена, но и вознаграждена стократно. Уже не о том осудят, сравнилось ли просвещение нынешних европейских народов с первыми просвещенными, но о том, как далеко возвысилось.

Есть некоторые противоречия, сильные возродить сомнение о превосходстве наших времен над древними; но сие сомнение может токмо относительно быть единой к какой либо части в науках или к одному какому либо предмету; ибо каждой человек по органическому строению и другим внутренним частям расположения тела, по поводу, случаю и выгоде жизни, а может быть и по высшему главному определению души, особливо преклонен употреблять из многочисленных одну какую либо способность познания, имея каждой особенной характер, особенно сложение, охоту, вкус и самые предрассудки; каждой народ также по различию климата, в котором обитает, религии, которой предан, образа правления, выгод, всеобщего царствующего между ими духа, склонностей, обычаев и даже предрассудков, обращает силы свои предпочтительно к тем или другим предметам.

Греки и Римляне по влиянию благообразного их климата, по царствовавшему между ими общественному духу и республиканскому правлению, оставили неподражаемые образцы в витийстве, стихотворстве и в некоторых статьях высокого нравоучения. Язык их возведен до толикой степени чистоты, правильности и величества, что со всем нынешним просвещением не может сравниться с ним ни один европейский. Многие следы видны глубоких познаний их в самых физических истинах. Стихийный огонь, признаваемый ими началом всех существ в натуре, мог служить им повсюду разумным ключом. Они могли шествовать с ним к открытию всех врат физического мира, к измерению рождения существ и видимого их разрушения. Из объяснений, начертанных Страбоном²⁹¹ о увеличивании видов от атмосферических паров наподобие труб,

можно думать, что употребление телескопов было известно в самой глубокой древности; одним словом, в некоторых частях наук, а паче в красноречии и стихотворстве, греки и римляне достигли высочайшей степени; но сравнив вообще все познания их с нынешними, они покажутся скудными и во многих случаях недостаточествующими.

Распространившиеся ныне повсюду многообразные искусства, многочисленныя открытия математических и физических истин, несравненно увеличившиеся познания природы, самое учение наук, основывающееся не на умозрительных, каких либо метафизических доводах, или на принятых мнениях другими, но на ясных опытах и непреложных математических началах, и уклонившейся повсюду методический дух, бесконечно возвышает и отличает ход нынешнего учения от древнего.

Правда, что вводимые ныне повсюду многообразные методы заводят иногда нас в великой лабиринт, и в место того, чтоб устроить наши мысли и познания, подвергают нас великим заблуждениям. Бесконечное множество систем, разделений и подразделений в науках нередко погружает понятия наши в толпе одних наименований и рассматриваний более умоначертания писателей, нежели в познании самых вещей и действий природы; но естли дух систем выходит за пределы; естли укоренившееся ныне методическое учение удаляет нас от прямой цели просвещения: то потребно токмо в первом умерить излишество, а в другом устроить беспорядок; потребны токмо новые Баконы, которые бы многочисленныя системы наши вновь преобразили и устроили так, дабы науки, распространяясь час от часу, более споспешествовали истинному просвещению народов, не отягощая ума ни обширностью, ниже запутывая его во многочисленных системах.

Весьма вероятно, что впоследствии времени, по мере познания природы, вкрадывающиеся в науки погрешности будут исправлены, а недостатки вознаграждены вящим распространением открытий и сведений. Свет, разливающейся от упражнения в естественной истории, озаряя разум наш, возвышает его над всеми предрассудками и открывает необъятное поле для просвещения. С тех пор, как начали углубляться в исследовании природы с большим рачением, тысячи фанатических, энтузиастических и школьных сумасбродств исторгнуты, и тысячныя познания вновь приобретены.

Позвольте мне ПП. СС. кинуть беглый взгляд на сию науку, занимающую ныне все почти народы, соединенную с большею частью других наук, составляющую между прочим и мои упражнения.

Предмет естественной истории целая природа. Поле ее толико пространно, как и самая натура. Описание небес, воздушных явлений, атмосферы, земли, морей, всех происшествий в мире и самого человека принадлежит к естественной истории. Но дабы не теряться в неизмеримом пространстве существ, заключающихся во вселенной, то углубляющиеся в изучении естественной истории устремляют взор и внимание большею частью на один токмо земной шар, и ограничивают учение свое царством животных, растений и ископаемых. Многие нередко посвящают целую жизнь для познания одного какого-либо из сих трех царств природы, или для уразумения одного их предмета. Поле природы не токмо не истощилось еще через познания его, но заключает в себе миллионы существ, не проникнутых и не исследованных. Глубокие недра земли до сих пор при всем усилии, тщании и великих издвигениях остаются скрытыми от проныцания самых остроумных мужей.

Проистекающая от естественной истории польза величественна, многочисленна и многообразна. Углубляющийся в отвлеченных истинах метафизик без познания существ природы, их строения и стройности, не силен будет составить правильных умозаключений ни о самых существующих вещах в мире, ни о связях их, ни о взаимном между ними отношении. В сей единой книге, для всех красноречивой, можно читать строение существ, стечение их, различие, отношение и взаимное соответствование их частей. В сей книге, как в зеркале, усмотреть можно, коль стройно и согласно произведение природы расположены в порядке, родах, видах и последних их делениях. Физик при помощи естественной истории возможет открыть в натуре многочисленные и важные явления, и с большим основанием проникнуть силы, действия и причины существ; Химик почерпнет из неё материалы, составляющие большую часть его произведений и способствующие ему во всех работах; художник и земледелец, искусившиеся в познании природы, умножат и исправят орудия, служащие в работах их и споспешествующие многочисленным выгодам в обществе. Через неё получают люди понятия о тех вещах, которые составляют нашу пищу и врачевство, и которые служат для строения жилищ наших, для одежды и украшения. Познание природы ведет на-

конец неложными шагами к познанию самого Верховного Существа, первоначальной вины всех существ.

Судя по толиким нуждам, выгодам и отношениям Естественной Истории, надлежало бы думать, что наука сия прежде всех распространилась и возвысилась; но к удивлению успехи ее до нынешнего столетия были весьма слабы и маловажны. Описания, которые находятся в древних сочинителях о естественных вещах, столь сбивчивы и недостаточны, что едва могут приносить малейшую выгоду; нет в них ни несомнительных открытий, ни порядка в расположении предметов, ни точных наименований, ни основательных объяснений вещам.

Вероятно, что по непрерывному и всеобщему влиянию природы в образе человеческой жизни, и по силе действующих на чувства каждого ежеминутно встречающихся предметов, естественная История восприяла начало свое в самой глубокой древности, но она шла толь медленными, нетвердыми и неправильными шагами, что в течение нескольких веков едва остались приметные ее следы.

Явным открытием естественной истории, как и всех почти познаний началом, мы обязаны древним египтянам. Памятники сведений, почерпнутых египетскими жрецами из природы, не изглажены. Великие истины и высокое учение мудрости, изображаемые ими под покровом естественных действий вещей, ясно доказывают сведение их в природе. Они не столь однако же важны и обширны, чтобы могли особую образовать науку. Знание не прежде приходит в силу, как по прошествии многих веков и многих преобразений.

Под именем знания первая эпоха естественной истории начинается со времен Аристотеля и Плиния. Их учение о натуре, хотя большей частью наполнено баснотворными преданиями и вымыслами, но судя по великому множеству открытых и описанных ими естественных предметов, судя по многочисленным сделанным об них примечаниям, нельзя отвергнуть, чтобы они не имели глубокого сведения о существах природы. Если бы со времен их познание природы не прерываясь восходило одинакими шагами, то бы до сих пор сделаны были в ней безмерные успехи.

Мрачные времена, постигшие прочие науки, вместе постигли и естественную историю; а воследовавшее тогда суеверие, корыстолюбие и лжеврачевство толико воздействовали над нею, что при восстановлении наук она последняя исторгнута из оков невежества. Преданные суевию, одни были столь помрачены и неведущи, что, с

изумлением взирая на все малейшие открытия в природе, страшились приближаться к ее святилищу. По сей то причине мрачные времена наполнены большею частью вымышленными чудесами природы, совсем чуждыми просвещенному нашему веку; по сей то причине простолюдины, нередко считая простые действия в природе чудом, имеют толикое множество пугалищ, чародеев и различных привидений. Другие суеверы были столь злоухищеренны, что все познания природы вмменяли за чародейства, а испытующих действия ее почитая безбожными и подвергая ложным и вымышленным подозрениям ереси, каждого отвращали от познания вещей естественных. Слово натуралист до сих пор еще в просторечии больше знаменует отшельника веру, нежели испытующего природу.

Зараза мрачного суеверия уменьшила наконец силу свою; но сила лжеврачества, обольщавшего народ доставлением всеобщего лекарства от болезней, и власть распространившаяся повсюду корыстолобивой жадностью к снисканию золота, повергли естественную историю в новые узы. Все познания природы устремляли к тому, дабы изобрести всюду из всего золото и всеобщее врачевство, а с сею ложною мечтою ввели в науку природы ложные системы и ложное учение. Неоспоримо, что во время сей мрачной эпохи при изыскании отвсюду золота и всеобщей целебной силы, многие сделаны полезные и важные открытия в природе; но они сделаны токмо в частях ея, и ложными умозаключениями столь обезображены, что из тысячи гаданий едва одно походить может на правду.

В целом круге и в надлежащем виде естественная история в нынешнем веке токмо стала приходить в цвет, силу и крепость. В нынешнем веке явились мужи, расторгнувшие мрачную завесу гадания, лжеврачества, суеверия и корыстолобия, и открывшие прелести природы в простом и обнаженном виде. Явились Линней²⁹², представившие царство растений в полном цвете; Валлериус²⁹³, открывшие во всем блеске царство минералов, и исторгнувшие из самых недр земли миллионы веществ, возвышающих наши художества и земледелия; показались Бюфоны²⁹⁴, хотя во многом, а особливо в исследовании сотворения земли, преданные суемудрым умоначертаниям, но изобразившие природу во всей ея красоте и величестве.

Естественная история, бывши некогда наукой мрачною и сбивчивою, ныне не токмо утверждается на основательных системах и ясных доказательствах; но введением технических наименований

и отличительных характеров каждого существа, час от часу распространяясь, распространяет свет свой и на прочие науки. Возвышение ее должно почитать главным началом и успехом опытный физики, истиной эпохой, испровергнувшей варварский и непонятный школьный язык, мечты гадательной астрологии и многие бредни Алхимии, представлявшие собою несбыточные приведения без всяких доказательств, или смешное накопление опытов, ничего не утверждающих. Врачевство, заимствуя от нее из всех трёх царств несчетное множество веществ, способствующих к сохранению или восстановлению сил человеческих, распространяется и совершенствуется по мере распространения естественной истории.

Нет сомнения, что открывающейся повсюду почти в Европе вкус к познанию натуры с течением времени несравненно усугубит успехи в всей науке. В наши просвещенные времена возвышению ее наиболее споспешествуют сооружаемые хранилища существ, рассеянных по разным странам обитаемого нами шара, известные под именем кабинетов естественной истории. Кто не обретет ощутительной выгоды высокой науки и не восчувствует восхищения и благоговения к Премудрому Зиждителю вселенной при воззрении на кабинеты существ натуры, единым взглядом объемлемой во всей стройности, красоте и величестве?

Великий ПЕТР, Отец, Отечества, новый Август России, первый воздвиг в Отечестве нашем таковые хранилища произведений натуры²⁹⁵; первый открыв поле наук, собственным примером возбудил стремление и вкус к естественной истории, в сынах России, изобилующей неисчерпаемыми источниками богатств природы, разливающимися потоки свои в самые отдаленные чуждые страны.

Свершительница мудрых и благотворных начинаний ПЕТРА Великого Великая ЕКАТЕРИНА, возвышая в народе просвещение, возвышает вкус к познанию богатств, красоты и действий самой Натуры. Под благоденственным скипетром ЕЕ Россия, торжествуя славные победы над сопротивниками, торжествует повсечасно победы над рассеваемым мраком невежества.

Двадцатидевятилетнее преславное царствование Великой Государыни нашей ознаменовано несчетными ЕЕ подвигами, споспешествующими блаженству нашему, беспримерным покровительством наук, насаждением их и распространением во всей обширнейшей во свете Российской империи.

Осьмьйнадесять век для всех грядущих времен в ЕКАТЕРИНЕ II будет иметь новую эпоху славы и просвещения России и славы целой Европы. На неизгладимых скрижалях величественных деяний своих прибудет Она у всех последующих народов Великой и Милосердной между самодержцами, Премудрой между законодателями, Ироинею во бранех, Минервою среди муз, Матерью Отечества и верховной Зиждительницей величия и благоденствия России между государями и благодетелями своего народа.

Коль великое счастье быть под благословенным скипетром толь Великой Монархини! Коль славно для святилища Муз наших быть под верховным покровом толь Мудрой Государыни!

Благословим Провидение, оправдавшее царствовать над нами Августейшую ИМПЕРАТРИЦУ Екатерину II; вознесем из глубины сердец наших мольбы к Зиждителю миров, да блюдет нерушимо драгоценное здравие ЕЕ, и купно да почит благословение Его на Пресветлейшем Наследнике Всероссийского престола и Благоверной Его Супруги и на всех Высоких Отраслях Их; да Их благосостоянием зиждиться, возвышается и процветает неувядаемо благоденствие всей России и всех ее верных сынов!

Ф. Г. ПОЛИТКОВСКИЙ

**СЛОВО О СВЯЗИ ИСТОРИИ НАТУРАЛЬНОЙ
С ФИЗИКОЮ, ХИМИЕЮ И ВРАЧЕБНЫМ
ИСКУССТВОМ: На высокаторжественный
и всерадостный день восшествия
на всероссийский престол ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА,
БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ ГОСУДАРЫНИ,
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ,
Премудрая законодательницы и истинныя
Матери Отечества, Говоренное в публичном
собрании Императорскаго Московскаго
университета, июня 30 дня 1796 года**

Торжественное нынешнее празднество, почтеннейшие слушатели, составляется нами в честь и в воспоминание одного достопамятнейшего в Российском Государстве происшествии, когда руководимая провидением небес ЕКАТЕРИНА II, Всеавгустейшая монархиня наша, приняла скипетр правления над многочисленным российским народом. Тридесять пятое лето ныне началось, как любезное отечество наше благословляет небо, имея счастье видеть ее Матерью своей, несусыпно пекущейся о его благах. Во все сие время державствования ЕЕ, ознаменованного мудростью, мужеством, кротостью, милосердием и человеколюбием, сколькими Россия обогащена внешними и внутренними выгодами и преимуществами, сие не только известно всем истинным и здравомыслящим сынам отечества, кои с благоговением и признательностью о всех сих повествуют и будут повествовать позднейшим потомкам. Но и самые завистливые иноплеменники, за пределами России живущие, отрицать то устыдятся.

Оставляя искусным, благонамеренным и любящим истину деесписателям приобретать имени своему бессмертную славу подробным описанием многочисленных, беспримерных и бессмертных деяний Великой Государыни нашей и ее величайших царских свойств и дарований и влечком будучи стремлением моих наипризнательнейших чувств, не могу я при сем случае не упомянуть, что ОНА в благополучное свое царствование достигла двух величайших и важнейших предметов, необходимо нужных для благосостояния государства.

Первым предметом поставляю ограждение государства от козней и устремлений на Россию внешних врагов России, дышавших всегда

к ней ненавистью непримиримой и готовых при всяком маловажном случае разрушить связь соседственного мирного согласия. Сия Великая Монархиня, при помощи Божьей, к вечной своей славе и пользе своей империи, произвела благополучно в действо. Ибо иные народы победоносным ее оружием, суровым, по-видимому, но необходимым средством, обузданы и приведены в подданство и в доброе послушание. Некоторые же, завидуя благоденствию ее подданных, управляемых кротостью, милосердием и правосудием, преклонились добровольно в ее подданство и составляют ныне с нами вместе единое государственное российское тело, управляемое единою верховною главой, так, что с сей стороны, Россия ограждена почтительнейшим видом от замыслов на Россию всех соседственных держав. Враги ее трепещут. Дружественные державы находят в ней сильную и надежную помощь и подпору и сей предмет тем более долженствовал занимать ее в пользу России благорасположенную душу, чем ощутительнее видны были врагов российских наветы, козни и усилия, на вред России устремляющиеся.

С успехом в сем первом предмете и другой предмет предпринимался успешно. Внутреннее государственное состояние рассматриваемо было во всей его обширности. Будучи уверена совершенно о прочности тех оснований, на которых ПЕТР ПЕРВЫЙ, во всех своих намерениях, начинаниях, деяниях и успехах великий государь, старался воздвигнуть благоденствие Российского государства, и, уважая все труды и подвиги сего основателя Российской империи, ЕКАТЕРИНА II видела, однако, что царствование ее сопряжено с бесчисленными трудами. Ибо из дел сего Великого Монарха многие были не окончены, иные только начаты, а некоторым не сделано еще и начала. Все сие дополнить и совершить, поставляя себе священнейшим долгом, притом же ведая, что государство подобно хитро устроенной машине, которой пружины и управляемые оной части подвержены повреждению, происходящему от влияния времени, любящая труд монархиня приняла на себя неудобноносимый труд, обозреть своей особой весь состав внутреннего государственного правления. В этом обозрении, сколько ни встречалось много различных трудностей, все оные мудростью и прозорливостью своей преодолела. И начатое с геройской твердостью и постоянством продолжая, все обветшалое временами, недостаточное или испорченное заменила новым, прочным и непосредственно действующим на благосостояние своих под-

данных. И Российское государство под ЕЕ державою, более и более утверждаясь, на своих основаниях, от трудов и бдительности Великой Государыни непрестанно получало новые и многочисленные благотворения, доставляющие ей то уважение, которое ныне имеют к ней не только все прочие европейские державы, но и весь пространнейший мир.

Сравнив нынешнее состояние России с состоянием прошедшего столетия и, представив себе, с одной стороны, нынешнее ее величие, мужество и славу, а с другой, внутреннее учреждение, порядок, благоустройство, просвещение, законоположение, кто из верных сынов отечества не признает, особливо, в России Божеского благоговения, и не возблагодарит провидение за ниспослание им таких государей, которые жертвуют всем своим покоем благу управляемого им царства и их подданных? ПЕТР ПЕРВЫЙ И ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, без всякого противоречия, суть такие государи. Сим-то государям правильно принадлежат и останутся навеки неотъемлемы, священнейшие и обожания достойные имена Отца Отечества и Матери Отечества в российском государстве. А любовь их и попечительные старания о благоденствии своего народа навсегда запечатлены, пребудут в сердцах добродетельных верноподданных и их потомков. Ибо чего еще, россияне, не сделано сими великодушными монархами для вашей пользы? Вижу их просветивших наш разум всеми полезными знаниями. Вижу их показавших нам многочисленные способы к достижению всего нужного и полезного. Вижу следы попечения их о сохранении нашей собственности. Вижу их подвиги в доставлении нам спасительных законов. Словом, что вся их жизнь, труды, бдения и заботы к тому клонятся, чтобы сделать нас благополучными. И, ежели, найдутся из нас не вкушающие сего благополучия, то сим благодетельным особам, по собственному своему небрежению оноо приписать должны. Престанем ходить в волях сердец наших, примем твердую и святую решимость исполнять волю Монархов наших, сообразуя все наши склонности и поступки их спасительным узаконением. Иногда благополучие наше все сердечно почувствуем и от избытка сердца велегласное исповедовать будем.

Благоговей пред всем тем, что проистекает от престола великих монархов наших, и с достождным почитанием и благодарностью уважая все их спасительные для подданных свои труды и попечения, почитая законы их скрижалями завета, самим Богом через них на-

чертанными, в пользу возлюбленного им народа, Богом, управляющим сердца царей, при случае сего высоко торжественного праздника, вместо хвалебных им песен предложу краткое мое слово о связи истории натуральной с физикой, химией и врачебной наукой, испрашивая у вас, почтеннейшие слушатели, терпеливого и благо-склонного внимания.

Не нужно доказывать, что все науки имеют связь между собой больше или меньше тесную. Истории натуральной пределы непосредственно соединены с пределами физики, химии и врачебной науки, чего для желания показать вам, почтеннейшие слушатели, сию связь за нужное почитаю, прежде всего, предложить вкратце о сих науках, как они начинались и в чем состоит каждой из них в нынешние времена главнейшее упражнение, или, как говорится, их предмет. Я начну от истории натуральной, как от такой точки, которая первая, кажется, в человеческих познаниях долженствует быть поставлена. Я не надеюсь обидеть таким первенством ни физика, ни химика, ни врача, которые первобытность своим наукам приписывают. Намерение мое и не в том состоит, чтобы между сими полезными людьми произвести не согласие или их разделить, приписать первоначалие которой-нибудь из сих наук. Но паче в том, что бы показать происхождение и родство сих наук и тем соединить их теснейшим союзом между собой, так как и сущность их упражнений того требует. Ибо, по моему мнению, история натуральная долженствует быть повествовательницей всего того, что в первобытном человека состоянии, населявших сей земноводный шар, открыто или замечено было примечательными людьми для общей естественной пользы человечества. Мне кажется, что она в сем состоянии не была наукой, но как бы ученым магазином или кладовой всех человеческих замечаний или знаний в природе или ученым хаосом, в котором начала или стихии всех наук находились смешаны. Хотя начало ее сокрыто в мрачности прошедших первых веков и нам не осталось о ней никаких верных преданий, так что мы о начальных ее успехах ничего достоверного сказать не можем. Можно, однако, предполагать с некоторой вероятностью, что она началась прежде всех наук. Ибо все то, в чем человек первейшую находит необходимость, касательно пищи, одежды и сему подобных, суть предмет натуральной истории; а нужда обыкновенно на необходимых вещах останавливает человеческое внимание, рассудок и память, которые суть изобретатели наук.

Первые, сколько известно, из писателей естественной или натуральной истории были Аристотель и Плиний, которые доставили нам о ней сведения предшествовавших им и своих времен. В сочинениях их она уже представляется наукой и именно естественной историей. Однако же описываемые в ней познания не к единой только теперь истории натуральной принадлежащей находятся, но есть и такие, которые принадлежат к физике, химии и врачебной науке. По сему, я заключаю, что все сии науки начались, шествовали и усовершенствовались вместе, хотя и названы просто естественной историей. По крайней мере, таковые сведения оставлены нам сими писателями. А сии сведения, сделавшись основанием последовавшим им писателям, мало-помалу доводили и довели оную до нынешнего состояния.

Итак, история натуральная, как из вышеупомянутых писателей видеть можно, сначала принималась в обширном означении за знание всей природы. Не один земноводный шар со всеми своими произведениями подлежал ее испытанию. Все небесные светила, планеты, атмосфера и примечаемые в сей явления, к ней причислялись, в оной описываемы были и объяснимы по тогдашним их понятиям. Но как человеческие познания от размножившихся наблюдений начали возвышаться и принимать обширнейший круг и разум человеческий, изощренный оными, получил способность лучше вникать в связь вещей и таинства природы понимать и объяснять лучшим образом. Тогда предмет истории натуральной, который столько же был обширен, как и сама природа, для пользы науки и для способнейшего в оных упражнения разделен на разные части, сделавшиеся потом особливими науками, из которых каждая занималась своим предметом. Отсюда произошли науки: нынешняя история натуральная, физика, химия и врачебное искусство, о связях, которых с натуральной историей говорить должно.

История натуральная получил удельную себе часть, сей населяемый нами водоземный шар со всеми в нем и на нем находящимися сокровищами, производимыми природой. К ней принадлежит рассмотнительное описание существ, обитающих на земле, возвышающихся на воздухе и плавающих в глубинах вод, которые имеют состав одушевленный, чувствующий и движущийся возможным им образом по своему произволению, каковы, по сути, все роды животных четвероногих, все птицы, земноводные, рыбы, насекомые и черви; из всех веществ, поверхность земли покрывающих, одаренных приличной

им жизнью, без всяких признаков чувствительности и без способности переменять добровольно свое место положение, каковы, по сути все существа растущие: деревья, кусты, кустарники, травы, грибы, порости и мхи. Она также присвоила себе рассматривание и описание даже и тех разнообразных существ, которые в недрах земли пребывают и там скрытно растут, откуда их человеческие руки для много различных своих выгод не без великого труда получают, каковы по сути многообразные камни, руды разных металлов и полуметаллов, соли, серы и другие искапываемые вещи, в землю, в камень, или в руду преобразенные. Да и сам человек, сей поставленный властелин или царь земных тварей, яко житель земного шара, имеющий внутреннее строение, подобное другим животным, подвержен ее рассмотрению, и она назначает ему свое место между животными, отличая его, однако, от прочих животных, яко животное мыслящее, разумное и имеющее способность познавать самого себя.

Итак, история натуральная есть наука, занимающаяся в особенности познанием и описанием всех и каждого из натуральных тел по их каждого природным и наружным признакам, замечающих при том и пользу или вред оных в обще жительстве. Три владычества или царства природы, по сути три ее обширные части, в которых каждому из сих тел, смотря по их признакам, дает приличное место и делает такое описание, по которому они одно от другого без труда отличаются. Все животные помещаются в царстве животных, растений, в царстве растительном, а минералы и другие искапываемые вещи полагаются в царстве минеральном, которое также и искапываемыми именуется. Во всех сих царствах сколь ни многочисленны предметы находятся, но любопытство человеческое ежедневно число оных умножает. А желание употребить оные в свою пользу ищет и находит в них много различные полезные свойства. Все же вместе, как известные, так и которые впредь открыты, будут, по сути, и будут предметами истории натуральной.

Физика занимается познанием натуральных тел. Все, что не подвержено нашим чувствам, к ней принадлежит, и она не знает других границ, кроме тех, кои окружают вещественную вселенную. Сия наука, будучи любопытна со способностью примечать и подражать натуре далее распространяет сферу своих упражнений. Объемля все вещества натуральные, она ищет способ определить их свойства. Так же законы, по которым оные действуют. Замечает все производимые

ими явления и старается показать причину оных. Заимствуя многие познания от истории натуральной, химии и врачебной науки, которые приняв сначала в сотоварищество, сделали потом из них три первейшие свои части. Она столь обогатилась их трудами, что разум физиков, можно сказать, обольстясь своими познаниями, возгордился, ибо вообразил себе, что нет ничего такого в натуре, чего бы он изъяснить не мог, и, поджигаем будучи учением перипатетиков, все хотел привести в одну систему, от чего вошли в физику такие нелепости, которые не только обезобразили оную и не доставили ей никаких выгод, но и совершенно воспрепятствовали ее успехам. И как в последствии времени пред судилищем хладнокровного и искреннего испытания явились оные нелепые предположения в настоящем своем виде, то и жар систематический простыл, и гордость все изъяснить унизилась. Физики опомнились, сделались осторожнее и не стали, по пословице, хвататься за облака вместо Юноны. Но, презрев мечты, принялись за настоящее дело и начали заниматься собираньем большего числа примечаний и опытов природы, оные сближать между собой и искать возможного приноравливания или приличного употребления. От сего физика начала в совершенство приходить и сделалась наукой, имеющей известные основания. Счастливая сия для физики эпоха началась в пятнадцатом столетии. А последовавшие физики, посредством опытов, исследований и наблюдений, вознаграждены от природы открытием таких таинств, которые она в прежние века весьма бережливо открывала.

В самом деле, единственные средства пользоваться благосклонностью природы, чтобы людям искательным быть допускаемыми к сокровенным ее таинствам и получать ее дары, суть наблюдения, опыты и возможное ей подражание. Следуя сему пути Невтон, Гравезанд, Мущемброк, Франклин, Ноллет, Пристлей, Бриссон, Саж, Лавузиер²⁹⁶ и другие многие, оказали физике великие услуги и сами сделались великими и славными в ученом свете. Да и в предыдущие времена физикам, терпеливо шествующим сими путями, богатая природа сокровенные свои работы открывать не откажется. Из всего мною сказанного ясно понимать можно и ее упражнения, и ее предмет.

Химия, которой изобретение приписывается Фовелу, восьмому после Адама человеку, знавшему вырабатывать медь и железо для хозяйственных нужд, до соединения своего с физикою ни что иное была, как художество и ремесло, занимающееся различными хими-

ческими делопроизводствами. Она, получив начало свое в Азии, где занимались плавильными работами, перешла к египтянам, которым столь была по мыслям, что по упражнениям их в оной некоторые заключали, будто весь Египет сделался Химией. Наипаче же она понравилась египетским жрецам, которые сделали из нее таинственную науку и в оной упражняясь никому ее не сообщали до тех пор пока напоследок греки путешествовавшие в Египет для приобретения познаний, научаясь оной, перенесли ее в Грецию, свое отечество, откуда она перешла к аравлянам и к прочим народам, которых художествам великую делала пользу. В сем состоянии она руководствовалась только одним натуральным разумом и навыком к работам, которые уже были многочисленны, не имея, впрочем, ни вида, ни связи умственной науки.

Некоторые из упражнявшихся в ней художников, ободряясь счастливыми успехами, которые они имели в приготовлении, очищении и смешении металлов и разных составов, и видя при работах своих любопытные явления, возомнили, что посредством химического смешения, растопления, пережигания, растворения, варения, перегонки, гноения, закисания и других химических делопроизводств можно составлять разные металлы, даже золото, и серебро, и самые драгоценные камни. А некоторые за возможное почли найти универсальное лекарство от всех болезней. Обольстясь сей химерой, и те и другие принялись за труды и не оставляли ни единого известного натурального тела, которого бы не подвергли своему испытанию. Даже самые презрительные вещества не отвращали их от себя смрадом своим, ни своей заразительностью. Желание делать драгоценные камни и металлы у одних, а у других сократить врачебную науку изобретением одного действительного лекарства от всех болезней, превозмогло всякие возражения, на здравом рассудке основанные. А воображение, представляя живо возможность сего предприятия и разные в фортунах будущие лестные перемены, как тех, так и других на все отваживало. Но все сие делалось наискрытнейшим образом, некоторые похвалялись, что получили желаемое и назвались адептами. Однако же кончили жизнь прежде времени и в убогом состоянии, чем, кажется, ясно доказали противное тому, чем хвалялись.

Но хотя они в сем не успели, нельзя, однако сказать, чтобы труды их были бесплодны. Встречающиеся при работах их разные произведения, сделались драгоценны для разных художеств: отсюда стеклян-

ные заводы, литейное искусство, красильные художества и многие другие обогатились разными составами и сделались совершеннее, даже и само врачебное искусство действительными снабдилось лекарствами, хотя бессмертия не обещающими.

В таком состоянии находилась химия, когда мужи, трудившиеся в исследовании природы, начали ее соединять с учениями физики и через сие соединение заблуждения в химии истреблять, свергнув с нее таинственный оный покров.

Химия ныне есть наука, показывающая свойства простых тел или начал, также свойства сложных тел из сих начал и свойства, которые сии тела получают или теряют при новом их между собой соединении. Она предлагает о средствах, употребляемых природой для соединения или отделения сих тел и открывает способы, которыми рука человеческая заставляет природу по произволению человека производить сии перемены, описывая при том и бесчисленные пользы, доставляемые роду человеческому сими познаниями, или химия есть теперь наука, имеющая предметом познание природы и свойств всех тел через расширение и составление, как определяет Г. Маккер²⁹⁷, происходящая от нее польза в нынешние времена в физике, медицине и разных художествах столь велика и столь известна, что упоминать здесь об оной ни время, ни случай не позволяют. И для того, оставив описание оной, перейдем к врачебной науке.

Врачебная наука в начале своем была познание некоторых растений и других вещей, внутри или снаружи употребляемых в приключаящихся с человеком болезнях. Памятование о средствах с пользой прежде в таком случае употребленных и подобных признаков и обстоятельств болезни были долгое время единственным ее основанием. Больные тогда выходили или выносились на распутье и народные площади и просили мимо проходящих останавливаться, рассматривать их болезни и присоветовать, что знают могущее быть полезным к их излечению. Сим образом узнаны многие полезные средства к исцелению многих и разных недугов. Жрецы потом приглашали больных к своим храмам, как таким местам, где стечение народа большее бывает, где присоветованные лекарства и болезни подробнее замечаемы и описываемы были и сии описания во храмах сохранялись. От умножившихся таких замечаний врачебное искусство возрастало, и первыми врачами были жрецы, из коих иные пользовались всякие недуги, другие же занимались пользованием одной

какой-нибудь болезни. По сем спасительное сие знание сделалось наследственным и принадлежащим некоторым только фамилиям.

В сем состоянии Иппократ²⁹⁸ нашел врачебную науку, который, обогатив свой ум сведениями, какие тогда из примечаний таковых почерпнуть можно было и присоединяя к ним свои собственные примечания, соединил все во едино и положил первые основания догматическому врачеванию, которое и поныне у врачей, равно, как и он сам, в великом уважении. Подражая сему отцу науки целения, многие из тогдашних врачей выдали свои сочинения и тем умножили знание целебной науки.

Потом последовал Гален²⁹⁹, который, не довольствуясь одним собранием примечаний, по примеру своих предшественников, начал объяснять находящиеся в сочинениях их темные места. Но, будучи ревнительный последователь учению Перипатетикова, желал на правилах их основать врачебное умозрение или теорию. Но, как многие не без причины мнят, сделал оную обманчивой и недостаточной, которую тогда же врачи практически отвергли.

В таком положении находилось врачебное искусство в начале седьмого века, во время нашествия варваров, которые, истребив все науки, художества и книги, погрузили людей в глубокое и долго временное невежество. В девятом, однако, веке появилась опять в свете наука врачевания между аравами, которые одни упражнялись в оной в Азии, Африке и Испании до тринадцатого века. Многие из сих ученых врачей, переселяясь в Европу, завели училища и в оных долговременно обучали. Но учение их было весьма неосновательно и наполнено многими странностями и несообразными понятиями. Ибо они более надеялись на свои многочисленные лекарства, нежели старались вникать в причину болезней. А от сего врачебное искусство в их руках не великие оказывало успехи. В пятнадцатом же веке, когда знание греческого языка распространилось, то учение Иппократа и других греческих врачей стало быть известно и вразумительно и столь поправилось, что многие из тогдашних врачей, оставив аравийское учение, приняли учение Гиппократова и начали следовать оному, примечая ходы болезней, их признаки, причины и действия природы, делая ей возможное вспоможение. От сего времени наука целения начала возвышаться и приходить в совершенство. В сии времена химики: Раймунд Люллий, Василий Валентин и Парацельс³⁰⁰ начали было вводить во врачебное искусство свои теории, но оные

не многими приняты и учение Иппократа одержало верх и осталось учением господствующим. В то же время анатомия, освободясь от препятствий, полагаемых ей до того предрассудками и суевериями в исследовании состава частей тела человеческого, начала с успехом делать новые открытия, которому анатомики врачебному искусству не малую сделали услугу. Славнейшая же для него была та эпоха, когда Гарвей открыл и объяснил кровообращение в человеческом теле. Сделанные им примечания озарили новым светом врачебную науку и основали новую и ясную теорию, которая, присоединяясь к учению Иппократа, сделала врачебное искусство основательной наукой, всеми нынешними врачами уважаемой и преползною страждущему человечеству.

Врачебное искусство есть ныне наукой, на разуме и опыте основанной, содержащей правила, здоровое человеческого тела состояние сохранять и поврежденное, сколько возможно исправлять и восстанавливать посредством правильной диеты и опытом утвержденных полезных лекарств и орудий. Я сказал, сколько возможно, ибо не всегда состоит во власти самого искусного, благонамеренного и усердного врача, чтобы все его болящие исцелялись.

Предложив о начале, упражнениях и предметах истории натуральной, физики, химии и врачебного искусства, намерен теперь я показать вам, почтеннейшие слушатели, связь их между собой.

Видели вы, почтеннейшие слушатели, что все сии науки начались вместе, шествовали и приходили в совершенство, и что ныне разделены они одна от другой ради необъятной почти обширности, до которой вообще знание природы возросло через многочисленные открытия, коими и ныне не перестают оно обогащать тщательные природы испытателей. Целой жизни человека не довольно на едино только обозрение всех сокровищ сего знания, обретенных до сего времени. Обилие сие было причиной разделения их.

Итак, первую связь между ними делает человек, который по смертному своему существу превышает всех земных тварей, но по смертному существу или по телу одинаковые с ними или еще большие должен был бы терпеть недостатки и бедствия, если бы подстрекаемый, нуждой не прибегнул к изысканию в натуре себе пособия. Ибо кроме нужды поддерживать свое тело пищей и питием, подобно прочим животным, должен еще охранять оное от наглости стихии, лютои зверей, а иногда и от злобы себе подобных, устрем-

ляющихся на разрушение его состава телесного. Не снабженный от природы одеждой, какой все животные покрыты для отражения вредных действий зноя и холода, должен сам изобретать оную. Руководимый историей натуральной повелевать недрами земли, готовить основу для сплетения мягкой ткани, покрывающей его тело, примет в дань волну от животных четвероногих и даже червь по его велению готовит ему нити для исткания одежды, не только защищающей от суровости непогоды, но и украшающей его. Руководимый историей натуральной, собирает вещества, из которых составляет оплоты, непреодолимые ни лютостью зверей, ни свирепством себе подобных. Руководимый химией составляет орудия, удобные к уязвлению и истреблению стремящихся к его погублению. Составляет пищу и питье вкусные, приятные и здоровье поддерживающие. Руководимый физикой извлекает себе из явлений в природе сведения как употреблять силы и свойства тел, самые действия природы к пользе своей и благоденствию. Наконец, врачебная наука, охраняя его здравие или имея в виду отвратить повреждение оного, подкрепляет и ослабляет силы тела его веществами, заимствованными из истории натуральной, обработанными химией, сообразуясь с наблюдениями и опытами физики.

Вторую связь делает натура, которой исследованием историк натуральный, физик, химик и врач занимаются, ибо из выше сказанного явствует, что история натуральная есть повествовательница о свойствах, действиях и явлениях, усматриваемых в натуральных телах. Физика исследует причины оных действий и явлений. Химия чрез раздробление на начала тщится еще глубже проникнуть в союз натуральных тел, врачебная наука, собирая замечания из истории натуральной, физики и химии, извлекает из оных средства для поправления испорченного состояния тела человеческого. И так, физика, химия и врачебная наука над одним и тем же предметом трудятся, то есть над натуральными телами, но только разным образом.

Наконец, третью связь делает взаимная их польза, от взаимного наблюдений сообщения доставляемая, посредством которых с большой легкостью и скорее приходит в совершенство. Словом, история натуральная есть хранилище тех открытий, которые сии науки сделали в природе, или такой ученый архив, в котором о нужных для своих работ вещах ищут и получают сведения физики, химики и врачи, и какую связь или отношение имеют физические предметы к чувствам

нашим, а чувства к нашему разуму, разум к его открытиям, а открытия к человеческим пользам, таковую связь имеет история натуральная с физикой, химией и врачебным искусством, ибо всем, желающим получить успех в сих науках, история натуральная столь необходима, что как незнание оной бывает в упражнениях немалым препятствием, так напротив знание оной доставляет им способность шествовать в лабиринт природы твердо и надежно, не опасаясь заблудиться.

Сию взаимную связь истории натуральной с физикой, химией и врачебным искусством усмотрев, основатели и покровители ученых обществ сохраняли оную тщательно, в чаянии, которое в событии и нетщитным явилось, тем большие сокровища открыть в натуре к пользе и благоденствию человеческого рода, чем удобнее сообщение учреждено будет между упражняющимися в сих науках. В установлении всех европейских известнейших так называемых Академии наук, союз сей положен в основание. При учреждении сего высокого училища, при учреждении прочих училищ, по изволению просвещеннейшей нашей Монархини устроенных, сия связь не была упущена из виду, пользу же от сего проистекающую любо ученые сыны отечества ясно видят.

Россияне, почитавшие прежде великолепную храмину, составленную из глины от огня отяжеленной или из белеющего камня, видят ныне чертоги, сооруженные из мрамора, подобно зеркалу сглаженного, извлеченного из недр земли российской, видят гранитные оплоты многоводной реки, на несколько стадий простирающейся, видят блестящие камни и металлы, своими соотечественниками с надлежащим искусством искапываемые из недр земли своего отечества и обрабатываемые, видят сады, насажденные целебными растениями, на земле российской прозябающими, которые российскими сынами обретыены полезными к целению недугов.

Все сие есть плод попечения о благе общем благотворительных монархов, наших, наипаче же премудрой и несравненной ныне царствующей ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ, которой всерадостнейшее восшествие на Всероссийский престол ныне благоговейно празднуем и вспоминая оказываем в течении тридцати четырехлетнего времени царствования ее многочисленные щедроты ее и благотворения всему российскому народу, воссылаем усердные молитвы благодарения и прошения к Богу, милующего россиян в особе благодетельствующей их Монархини, да продлит лета жизни Ее, сохраняя дражайшее

здравие, да будет с Нею неразлучно во всех Ее намерениях и подвигах, к славе отечества, к пользе ее подданных, к преуспеянию наук, художеств и искусств и ко благу всего человечества.

Да ниспошлет благословение свое и на все любезнейшего сына Ее, Наследника Всероссийского престола, Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, купно с супругой Его благоверной Государыней Великой Княгиней Марией Федоровной и со всеми их вожделеннейшими высочайшими отроками к утешению и радости российского народа.

М. И. ПАНКЕВИЧ

СЛОВО О ПОДЛИННОЙ ЦЕЛИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК И О СООБРАЗНОМ ЕЙ РАСПОЛОЖЕНИИ УПРАЖНЕНИЙ В ТАКОВЫХ, произнесено 30 июня 1792 года

В настоящее время, приводя на память тот самый достопамятный день, который угодно было Всеблагому Промыслу ознаменовать вручением Всероссийского скипетра человеколюбивейшей, истинная Матери чувствами преисполненной и Премудрой Монархини, и чрез то учинив оной изобильнейшим источником всеобщего России благоденствия, удивить на ней милости своя. Тем живейшей радостью наполняет сердца истинных сынов Отечества, чем ощутительнее со дня на день возрастают и умножаются неоцененные плоды неусыпных попечений Чадолубивой Матери об устройении на незыблемых основаниях блага Богом врученного Ей достояния. Бесчисленные преднамерения великия души Ее, зиждущие блаженства всех и каждого в особенности, внушаемые деятельною любовью к вверенному Ей Провидением народу, сопровождаемой прозорливым предусмотрением полезных следствий, производимые беспрепятственно в действо премудро изобретенными средствами, увенчиваемые вожделенными успехами, суть столько же несомненных восхитительных знаков непрерывного к нам благоволения Творца, изливающего обильные щедроты на Россию благодетельной рукой Возлюбленные Ему, Возлюбленные Его и Ея народу Помазанницы. Во всех частях обширнейшего в свете государства мановением скипетра, Ея управляемого, везде запечатлены следы мудрого Ея правления. Во всех состояниях каждый снабден будучи способами личными его званию, ободрен матерними щедротами, подкрепляем несомнительной надеждой в продолжении своего благоденствия, с бодрым неослабным и благоуспешным рвением, поставляя отменным счастьем украшаться лестным титулом полезного члена Отечества, и благоговя к Виновнице всеобщего порядка, радостно проходит долг звания своего.

Воин, воспитанный в верности и любви к Государю и Отечеству, и совершенно обнадеженный премудро предназначенными ему путями, несет против вероломных врагов Отечества не отчаяние и страх неизбежной смерти, но мужественную неустрашимость и твердое упование, под всеотразительным щитом прозорливых расположе-

ний великой во бранех ироини³⁰¹, воздать достойную месть дерзким возмутителям общего спокойствия. Едва он ополчится, как наносит уже неприятелю всюду страшные поражения, и увенчиваясь лаврами побед, ощущает новые к продолжению знаменитых подвигов силы; преследует его в его убежищах, разрушает гордящиеся огромностью, твёрдостью и неприступным положением их стены; рассеивает низлагающей рукой уныние и ужас на врагов мира и, принудив их почувствовать непреодолимую силу победоносного оружия народа, издревле храбростью прославленного, ныне под правлением мудрья Монархини непобедимого, вселяет раскаяние о разрыве союза с державой, миролюбием Монархини своя дышащею, но всегда готовой, по мановению Ея, ищущих вероломно корысти неистовому стремлению положив преграду, показав во всем величии беспримерную мудрость своя Паллады и силу Россов, могущую защитить честь своего происхождения и утвердить общую безопасность.

Побуждаемый беспредельным усердием Обладательнице своей и Отечеству, и раздраженный несправедливым покушением на разрушение устраиваемого попечением Ея благоденствия, он бы не укоснил³⁰² нанести конечное истребление врагам христианского имени, но, внимая миролюбивому гласу кроткой своей Повелительницы, прилагает и сам гнев на великодушное снисхождение, приемлет раскаяние побежденных, дарит им именем Самодержицы своя отвергнутую прежде, ныне радостную и вожделенную для них маслячную ветвь, и, пременив вражду на взаимное согласие, восстанавливает отрадный для побежденных, славный для победителей мир, соединяющий взаимные пользы с великодушным снисхождением, яко несомнительным залогом миролюбивой души кроткия своя Ироини. Свершив подвиг свой, покрытый славой и честью, возвращается торжествующими стопами к своей Повелительнице, и полагая благоговейно пред троном Ея победоносные лавры и знаки мира, Ей единой, яко виновнице вожделенных и блистательных его успехов, принадлежащие, целует с благодарным сердцем десницу, возложившую на него знаменитый долг служить орудием произведения в действо преславных и спасительных для его соотечественников предприятий.

Так ПП. СС. ³⁰³ ограждается безопасностью и тишиной извне любезное наше Отечество попечительным промыслом Всеавгустейшея наша Монархини!

Бескорыстные и немздоимные служители правды Ея, имея в руках премудрую законодательницу предначертанные законы, кротко и милосердо вещающие правосудие, имеют неоцененное средство вкушать ежеминутно чистейшее удовольствие благотворного сердца и спокойной совести. Изрекая силою оных нелицемерный суд, изрекают милость. Маломощный и сильный под защитой их спокойно пользуется единой безопасностью, не страшась ни один буйственным, или дерзким насилием другого лишиться по праву ему принадлежащего. Повсеместное благоустройство и исполнение взаимных обязанностей, беззатруднительно и благоспешно ими поддерживаемое, соединяя приятными узами доброжелательства и дружбы сердца граждан, и возводя тем их благоденствие со дня на день до высшей степени, рождает в них к неусыпным блюстителям законов, главного источника их счастья, сладкое чувство приверженности, сию лестную попечений их награду, сильную возбудить и ободрить их к неослабному содействию человеколюбивым намерениям своея Монархини.

Купечество, ободренное милостиво дарованными ему правами, чрез утверждаемое вновь с сопредельными и отдаленными государствами союзы, видя открываемые, предусмотрительными средствами от малейших опасностей охраненные, для распространения своего промысла пути, спешит, пользуясь новыми отраслями цветущей уже торговли, изобилующее внутренними полезными дарами природы свое Отечество снабдить произведениями других стран, служащими к умножению выгод, приятностей и удовольствия жизни.

Земледелец, обеспеченный извне совершенной безопасностью, свободен внутри от малейшего притеснения, охотно исходит на дело свое, и удоблив ниву, сеет с надеждой, пожинает с радостью. Будучи вознагражден щедрой природой обильными плодами за подъятые труды, и спокойно наслаждаясь оными сам, избытками обогащает прочие состояния, и таким образом служа им твердой опорой, подкрепляет и свое благосостояние. Не всегда способен будучи проникать взаимные отношения всех состояний между собой, и необходимые потребности каждого, не чувствует однако же он побуждения роптать на свое состояние, низкое по наружности пред прочими, в самом деле любви и уважения достойное, и столько же, как и другие, полезное и необходимое для общего блага. Чувствует только, что он также есть член общества, по силам и своему званию содействующий

благосостоянию оного; и вкушая приятности спокойной и безмятежной жизни, благодарит Провидение, благоустроившее состояние, в котором жить ему предопределило, человеколюбивыми попечениями обожаемой им Царицы, Матери его.

Науки, бесценный дар благодетельных небес, сей несомнительный залог благоволения Божия к превосходнейшей из своих тварей, сей чистейший и спасительнейший луч Божьей премудрости, под управлением щедрой их Покровительницы спокойно и благоуспешно возрастая, приближается уже к высочайшей степени цветущего их состояния. Россия, погруженная некогда во тьму неведения и едва слабым светом лучей назидательной истины, проникающих в ее недра из других пределов света, тогда уже славой преуспевания в оной знаменитых озаряемая, тягостная себе самой по внутренним раздорам и неустройствам, плоду неочищенных нравов, и неуважаемая соседними народами, ныне будучи приближена столько же, сколько и другие полезными познаниями и искусствами славящиеся народы к спасительному свету истины, преуспевающая в просвещении, насажденном Великим Петром, с удивительными успехами произрастанием и распространением попечениями достойной Его преемницы несравненной Екатерины, и возвышаясь в образовании умов, преуспевает и возвышается в очищении склонностей и в образовании сердец. Становясь от часу любезнее себе самой, обращает на себя исполненное удивления внимание окрестных и отдаленных народов, в недоумении, как кажется, вопрошающих себя: каким чудным устройением судеб семени наук в сих закопавших в грубости душах, на сей земле, предопределенной, как они думали, для произведения терния и волчцов³⁰⁴, могли прозябнуть и принести столь обильные и приятные плоды! Нет больше места буйственным волнениям, свирепым смутителям вождельного спокойствия. Все уже не только старые и возрастные, но и малолетние понимают, что есть в человеке чувства достойнее благородного его происхождения и несравненно для него полезнее; что они родились в свете для наслаждения чистым удовольствием, рождаемым сими, а не для изнурения себя мучительными беспокойствами враждебного духа. Наслаждаясь в тишине выгодами и приятностями общежития, с сожалением смотрят на участь, подобную участи диких зверей, скитающихся в рассеянии народов. Доброжелательствуя усердно одни другим и любя себя взаимно, как прилично благовоспитываемым чадам единой Матери, различным

по летам, способностям, опытности и званию, сходным в праве на благоденствие, для всех их без изъятия попечениями Ее устрояемое, каждый постыдным и презрения достойным пороком почитает недейтельность в споспешествовании оному по своим силам и обязанности.

Сладкие сии плоды распространяющегося в любезном нашем Отечестве просвещения не ограничиваются пределами оного. В варварстве закосневшие, скитающиеся в пустынях одними ими проходимых, достойных жилищах сурового и дикого их нрава, начинают уже чувствовать приятность оных. Уже благотворные лучи сего очистительного огня сквозь всю густоту мрака их окружающего проникают и в сии едва бытие свое ощущающие души, и животворной теплотой неплодные их умы, к неопisanному их утешению, делают плодоносными. Внушая произносимые устами юных питомцев просвещения седидами покрытым из них неведомые отрадные истины, чувствуют неиспытанные еще ими, преображающие их натуру сладостные движения сердца и в радостном умилении един по единому простирают чающие помощи руки к сему тихому свету, но, по необманчивому уверению внутренних чувств, сильному освободить их от ужасных привидений ночи, их окружающей.

Вот ПП. СС. краткое и притом слабое только начертание некоторых из неисчетных благоденствий, какими Бог благословил Россию, вручив жезл правления ею человеколюбивой, кроткой и премудрой Самодержице, истинной Матери отечества, Великой Екатерине! О, если бы возможно было искусною рукою управляемою кистью представить взору совокупно и живо начертанные все Ея великие и спасительные дела: какое восхитительное зрелище открылось бы тогда для чувствительных сердец, усердием и любовью к Виновнице их блаженства пылающих!

Какими убо знаками Зиждительнице нашего счастья, достойными беспримерных Ее благотворений, изъясним чувствительнейшую нашу признательность? Какие хвалы воздадим Ей в знак нелицемерного и благоговейного нашего к Ней усердия? Чувство благодарности, как естественное следствие благотворений, не может не быть сообразно своей причине; так как и знаки, обнаруживающие оное, должны быть его образы.

Сему святилищу Муз, милосердным покровительством прозорливой их Минервы приосеняемому, и беспримерными матерними Ея

щедротами красящемуся, даны способности, участвуя в общем благоденствии, способствовать подкреплению оного распространением наук, как путей надежно ведущих к истине, с познанием которой неразрывным союзом сопряжено общее благо.

В таком народе, где всеобщий образ мыслей был бы помрачен зловредным и нередко бедственные заблуждения за собой влекущим суеверием и нелепыми предрассудками; где вообще не имели бы правильных понятий о взаимных отношениях одного к другому, к обществу и к правительству, где натурой данные способности были бы не очищены и не приуготовлены к надлежащему отправлению общественных достижений, необходимому для поддержания благоустройства; где, по грубости нравов, сопутствующей не озаренному познаниями и не приведенному полезными упражнениями в действие рассудку, обязанность наблюдать порядок могла бы казаться тягостными узами, лишаящими их, по невежественному их мнению, неотъемлемо принадлежащей им свободы, хотя в самом деле обуздывающими наглые склонности и буйственное своенравие, с состоянием благоустроенного общества несовместное; в таком народе могло ли бы учреждено быть совершенное благоустройство? Весьма сомнительно. Если бы и найдены были для устройства его благоденствия меры, то не ведая цены своего счастья непросвещенные сии находили бы в нем, или меньше, или по крайней мере, столько же удовольствия, сколько в прежней своей случайно приятной, и случайно несносной жизни, и благосостояние их по сему самому было бы зыблемо и непрочно. Тогда человек истинно и благонадежно счастлив, когда понимает и чувствует свое счастье.

И сия-то, чаятельно, есть одна из главных причин, побудивших истинную Матерь отечества, объемлющую мыслями, подвижными единою любовью к усердно приверженному Ей народу, все средства общественного благосостояния, обратить милостивое внимание и на сию надежную подпору и украшение зиждемого народного блага, и, при учреждении повсеместного воспитания, матерними щедротами ободрять и час от часу приводить в лучшее цветущее состояние и сие место, посвященное умножению и распространению наук.

Благоугоднейшия убо принесем Ей жертвы, в радостном торжестве знаменитого дня сего, изъявив усердие наше в споспешествовании неусыпным Ея попечениям о насаждении и распространении полезных знаний.

Подробное понятие о цели, достижение которой зависит от упражнения в особливости в какой-либо науке, и познание путей незатруднительно и беспрепятственно к оной ведущих суть лучшие средства для распространения желаемых в оной успехов. Первое, улавляя в приятнейшие узы разумной свободы воображение, особливо благоразумным воспитанием предварительно приобученное искать для себя пищи во всем с немечтательной пользой, истинным благородством человека и прямой честью сопряженном, устремляет всю силу оногo на обращение склонностей к лестному для него предмету, а последнее, вселяя сладкую надежду об удобном, и по большей части, приятностями облегчаемом достижении одобренной уже склонностями цели, рождает непреложную и жадную решимость удовлетворить на разуме основанным и похвальным таковым желанием.

Посему не без основания, как кажется, заключая, что исследование истин сего рода не неприлично будет ныне празднуемому всерадостному торжеству, я намерен в честь оному, по возложенному ревностными попечителями об исполнении благих намерений Августейших наук Покровительнице на меня долгу, предложить вам ПП. СС. посильное рассуждение *о существенной цели математических наук и сообразном ей расположении упражнений в оных.*

Вся природа открыта человеку. Будучи поставлен как бы в центре бесчисленнообразных, расположенных в стройный порядок и чудными силами одаренных ее произведений, он волен, как полномостный владыка, всем располагать, из всего, по своему благоусмотрению, составлять выгоды, удовольствия и счастье жизни.

Представим, однакож, сего царя неисчетных и бесценных ее даров едва слабым только чувством зрения, обоняния, слуха, вкуса и осязания пользующегося и почти никакого понятия о внутренних своих способностях не имеющего: что ж были бы для него все прелести прекрасного его наследия? Пленяющая лепота стройности всей природы приносила бы ему столько же удовольствия, сколько искусно и живо написанная картина здоровым глазам, в темноте на нее обращенным. Сокрытые силы во всех царствах природы, предуготовленные к его благу, не только не существовали бы для него в сем разуме; но паче, представляя себя его произвольному употреблению, по большей части обращались бы во вред ему. Все, находясь в готовности служить сему владыке, вооружалось бы против его. Будучи полномостный обладатель всего рожденного природою, был бы он

всего жалости и соболезнования достойный узник. Тело его было бы для него мучительной темницей, и воздух ежеминутно его оживотворяющий поддерживал бы бедственную жизнь для вящего умножения изнурительных горестей.

Науки, образуя как наружные его чувства, так и внутренние способности, выводят его помалу их сего меньше, нежели ничтожного состояния, и, показывая подлинное употребление принадлежащего ему права, возвышают его природу, обнаруживают прямое его достоинство и делают от часу более торжествующим обладателем всего окружающего его и покоренного под ноги его. Представляя созерцанию его в сообразном действиям души порядке все, что целых веков наблюдения, опыты и постепенно в зрелость преходящие силы ума произвести могли лучшего и способнейшего к доставлению ему возможного совершенства, раскрывают его способности и научают правильному их употреблению, возбуждают любопытство, и непрерывно питая и умножая оное, сообщают вниманию ту удобообращательность, с которой он на все бросает искательный взор. Обогащая память, утончают рассудок и нередко делают его до такой степени пронизательным, что наподобие магнитной силы, никакой преградой в действовании на известный металл неостанавливаемой, несмотря на непроницаемые, по-видимому, особливо для наружных чувств, стены и неудобьвообразимые пути лабиринта, в котором природа, как будто нарочно, тщательно запечатлев вход в оной, скрывает от его сведения тайнства своих действий, проходит, не рушив часто ее печати, в самые почти внутренние ее святилища, обозревает и начертывает ход к оным, наблюдает ее приемы, вникает в законы, по которым она действует, и составив из того для себя несомнительные правила, поступая с ее произведениями подражательно, обращает оные многоразличными образами в свою пользу.

Не все, однако же, науки одинакими средствами доставляют совершенство человеку и его состоянию. Из различных и превосходных способностей, дарованных ему той же испытываемой им природой, от единого с ним Зиждителя всяческих в своих действиях зависящей, иные, представляя в наилучшем порядке производимые ею вещи и показывая их приметы, имена, начальные свойства, главнейшие употребления и как ежедневно, так и иногда только, как будто случайно бывающие в натуре происшествия, обогащают его память. Иные, сообщая ему от всего того, о чем понятия снискать способен он по-

мощью наружных чувств, отвлеченные положения, тем самым дают надежное и необманчивое средство собственными силами поступать к открытию сокровеннейших от его сведения и столько же для жизни необходимых истин. Иные, обращая внимание его на самого себя, обрабатывают его склонности, главные пружины всех его намерений и предприятий. Иные, наконец, обращают всю силу своего влияния в образовании человека на превосходнейшую, так сказать, часть души его — рассудок.

И сей-то есть удел между прочими и математических учений; сия есть одна из главнейших их целей. Они, соединя свои усилия с усилиями здравой логики, сообразуясь точным и никакому сомнению не подлежащим ее правилам, и заимствуя от преизобилующего полезными истинами своего предмета, как из неисчерпаемого оных источника, положения, приводят оные в такой порядок, в каком данной человеку от природы и никакими еще познаниями неподкрепленный рассудок мог бы, как усматривать оные одни за другими, так и уверяться в их справедливости: если бы возможно было содержать оной непрерывно в одинакой степени напряжения, и если бы, при рассматривании связи между идеями, составляющими предмет его действия, присоединяющиеся к ним по некоему сродству другие понятия частью не развлекали сил его, и частью, по недостаточной и неосторожной еще его опытности не уклоняли его в сторону и не заводили к воображениям весьма мало, или и совсем уже к исследуемому предмету не относящимися. Следуя строго предписаниям логики, математические науки сами составляют практическую логику. Такого порядка может ли что быть естественнее и для приведения в зрелые силы рассудка действеннее, легко судить можно.

Есть в натуре души нечто сходное со свойствами обитаемого ею тела. Как бы ни получил основательное кто понятие о разных степенях звона и о их согласии, и сколько бы тонок ни был в познании правил музыки, однако, если бы его руки не приучены были свободно и без замешательства, согласно с его воображением, действовать музыкальным каким-либо инструментом, и если бы, не смотря на то, заставлен он был показать на нем опыт своего знания, то без сомнения, вместо приятной гармонии произвел бы он противное слуху, нескладное и часто смешное несогласие тонов.

Знать и производить на самом деле суть две различные вещи. Первое есть дело душевных способностей, а второе нередко требует

и телесных навыков. Подобной сей участи подлежит и человеческий рассудок. Как бы он от природы к различению истинного и полезного от ложного и вредного способен, и пронизателен ни был, и как бы твердо не внушены ему были сверх того правила искусственной логики, однако, часто углубившись весь в рассматриваемый им, особливо многосложный и сбивчивый, предмет, легко может, не будучи еще усилен в размышлении навыком, в то самое время, когда ему кажется, что приближаешься к искомой истине, удалится от нее и вместо оной постигнуть нелепую ложь, которой он сам своими ошибочными умозаключениями спомоществовал украсить наружностью вожделенной истины. Математические науки, представляя подражательному рассудку нашего созерцанию лучшие образцы в сем роде, сообщают ему чрез то самое навык действовать подобным образом при рассматривании как предметов и других наук, так и происшествий, встречающихся ежедневно в общежитии, которой получив, неробкими уже, но твердыми и безопасными, по крайней мере, от частых поползновений, шагами надежно поступаем в исследовании истин от часу более распространяющих сферу нашего просвещения, и руководствующих к достижению возможного и совершенства, до какого мы восходить способны. Правда, приписывать одним сим наукам силу приводить человеческий рассудок в зрелость, исключая из того все прочие, было бы столько же неестественно и несогласно с их сущностью, сколько сие противоречит следствиям влияния их в поправление природы человека. Все науки в том участвуют, особенно те, которые более других способны принять методический и доказательный порядок, каковы суть прочие части философских познаний. Все, оживляя его способности, приводя их в деятельность и воспитывая, действуют вместо и на рассудок, возбуждают оный и подкрепляют соединенными силами. По малой мере, справедливо то, что сей порядок, которым рассудок руководствуется к навыку из приобретенных понятий выводить правильно истинные заключения, преимущественно пред прочими науками, находится во всем своем совершенстве в математических. Если бы оные для достижения и сей, только превосходной, цели были удовлетворительны, то и одно сие довольно бы уже было сильно обратить к ним и привлечь внимание всякого чувствующего цену своего превосходства пред прочими населяющими земной шар одушевленными тварями, состоящую единственно в рассудке; и притом уверенного, что с недостатками оно

неразрывно сопряжено вредное, так как напротив с совершенствами полезное употребление всего для него произведенного, возрастающее не иначе, как с возвышением оных. Но одним таковым действием на человеческий рассудок не ограничивается цель математических познаний. Главным правилом, притом как везде, так особливо здесь поставляется с упомянутой пользой соединять всегда и другие, не менее для человека важные, каких только доставление с раздробляемым ими предметом совместно быть может. Соответственно сему положению, при точном наблюдении между предлагаемыми истинами надлежащей связи, действиям души сообразного и совершеннейшего порядка, неупустительно наблюдается то, чтоб в нем были возбуждаемы понятия, имеющие, сколько можно, ближайшие отношения к вещам необходимым, к случаям жизни ежедневно почти оные возражающим. Чрез сие благоразумно принятое средство способности человека бывають всегда занимаемы не мечтательной некоей игрушкой, но существующими предметами и истинами ежедневно об удовлетворительном их употреблении в жизни не без особенного удовольствия напоминающими, и следственно тем более для него привлекательными, что, утончая разум, имеют влияние и на образование воли, сообщая таким образом ей навык искать всегда приятнейшей для себя пищи не в пустых мечтах испорченного и к вящему впредь еще вреду худоиграющего воображения, но в вещах истинным украшениям ему служащих, в вещах, способных возвысить цену его талантов и его благоденствие.

Все благо человека состоит в обогащении его познанием вещей, надлежащего их употреблению, и в образовании склонностей. Прочее уже все доставит произвольно природа. Имея всегда в виду истинную пользу человека, науки сии руководствуют его к рассмотрению своего предмета из такой точки зрения, к которой он обращен блистательнейшей, выгоднейшей и потому прелестнейшей стороной. Делая старательно и сообразно здравому рассудку разбор между истинами, вперяют в него познания, имеющие тесную связь с вещами чувствам подлежащей природы, составляющей предмет и физических изысканий, и притом таким образом, что не только приуготовляют его к приобретению успехов в сей науке; но сделавшись некоторым образом сами ее частью, вводят в оную, изъясняя удобопонятно и доказательствами все и самые малейшие сомнения искореняющими и рассеивающими, утверждая ощутительно все то,

что в ней находится самого тонкого, и чего причины сколько для наружных чувств, столько же и для ума ими необработанного и невспомоществованного могли бы казаться сокрытыми и непостижимыми. Присоединясь к сей науке, не сливаясь однако ж с оною, и преследуя во всех вещах ее изысканию подлежащих влияние в оные своего предмета, часто открывают удивлением пораженному уму чудеса там, где он ежедневной привычкой ослепленный и заглушенный не находил ничего высокого и привлекательного. Нередко также напротив того, искусно развязывая необыкновенные случаи, где он в исступлении чаял видеть нечто сверхъестественное и чудесное, показывают ему, что тут нет ничего от обыкновенного хода природы отменно. Словом сказать, математические науки столь тесным союзом сопряжены с физическими, что чем в большее совершенство приходят и распространяются первые, тем несомнительнее надеяться можно о распространении в последних успехов и о приведении их от часу в больше цветущее состояние. Что физика, руководствуемая опытами, счастливо в наш век принятым средством открывать завесу природы, вспомоществуемая по большей части, как в способах делать и сии самые, так и в том, чтобы правильно выводимы были оттуда умозаключения, математическими познаниями, усматривает в ее таинствах, то сии, раздробляя и представляя уму в удобопонятнейшем виде, доводят до высочайшей степени ясности и чрез то самое нередко подают первый повод к новым догадкам, опытам, открытиям.

Посему, конечно, удивительно покажется, что сомнение о том, должно ли желающему упражняться в физике, с намерением отличиться успехами в оной, быть много прилепленну к математическими науками, могло поколебать мысли одного из славных писателей нашего века, которому любители просвещения много одолжены распространением физических познаний, против собственного его уверения о превосходной пользе соединения с ними математических наук. Но сие сомнение есть, во-первых, следствие предубеждения его в том, что так, как земля одна способнее бывает к произведению одного, а другая — другого рода плодов, и люди получают от природы не одинакие способности так, что каждый родится способным достигнуть превосходства в особенной определенного рода науке или искусстве; что однако же не менее подлежит сомнению. Когда человек получил от природы хорошие способности, то он может сделаться, по мере степени их, сведущим в той части познаний или искусств, к

которой обращены будут его склонности и внимание. Возможно ли предполагать, что одного только рода понятия могут быть возрождены в одном, другого — в другом человеке и т. д. ? Утверждать сие, значило бы тоже, что приписывать человеку врожденные понятия, таким притом образом, что природа, как будто бы разделив на классы заготовленные для людей прежде понятия, каждому при зачатии, или рождении его дарит в наследие класс оных, соответствующий роду жизни или вообще участи, к какой она его по своему благорассмотрению предопределила. Такое или подобное мнение столько же уповательно сходно с ходом природы, сколько согласно с тем, что ежедневно примечаем в человеке. Во всяком обыкновенными способностями от природы одаренном человеке, могут быть производимы понятия о вещах всякого рода, если только наблюден будет притом надлежащий порядок. И весьма вероятно, что преимущественный успех в одной части познаний пред другими есть следствие склонности, зависящей в своем роде большей частью от физического и нравственного воспитания, рода жизни, случаев, какие по большей части обращали на себя его внимание и проч.

Положим даже, что каждый, по своему темпераменту, особенному внутреннему устройству нервов и соответственному ему движению жизненных духов, свободнее и удобнее получает впечатления понятий одного рода, нежели другого. Если бы и сие было справедливо, то что однако же препятствовало бы чувствовать одинакую склонность и быть равномерно, или по крайней мере, с неприметно малым перевесом способну как к одной, так и к другой из наук особливо таких, каковы суть физические и математические, столь близкое между собой отношение имеющие, что некоторые причисляют их к одному классу физических познаний.

Во-вторых, сомнению сему подали случай многие примеры таких, которые, почувствовав успехи в математических науках и пленясь частью представлением пользы, какие они присоединяют с доведением успехов сколько можно до высшей степени, частью удовольствием рождаемым точностью сих наук и удовлетворительными истинами, как встречающимися в них при каждом шаге, так и теми, к изобретению которых собственными силами нечувствительно доводит внимательное оных раздробление, столько прилепляются к сим познаниям, что занимаясь по большей части ими, мало уже думают о других и о пользах, от них произойти могущих. Посему, не чувствуя

к ним побуждения и на упражнение в оных требующее вообще, особенно для приобретения соразмерного нынешнему их состоянию в оных сведения, немалого времени, как такое, которое могло бы их остановить в скорейшем удовлетворении главному своему намерению, употребляют время не иначе, как с осторожной бережливостью. Однако же, из того не следует, что такие родились только для математических наук, и неспособны к другим. Решительного их прилепления к сему роду познаний, кроме помянутых побудительных причин, могут часто быть и другие, как-то: степень душевных способностей, при посредственности которых чем большим числом предметов оные были бы развлечены, тем менее для приобретения о каждом подробного познания были бы достаточны, состояние здоровья, звание и похвальное стремление неупустительно соответствовать оному, и тому подобные. Впрочем, весьма вероятно, что, кто может быть тонким математиком, тот может быть вместе проникателен в физических и других, особливо к ним относящимся, познаниях, если только к ним обратит внимание. Неоспоримо подтверждают сие мнение в обоим роде совокупно прославившихся мужей именитые примеры, которые обыкновенно кажутся редкими и неудобподражаемыми, несмотря на то, что при благоучрежденном воспитании, при благоразумном возбуждении склонностей ко всему, что может делать человека от часу совершеннее, и при наблюдении надлежащего порядка в упражнениях, они могут сделаться весьма обыкновенными. Что были Картезий, Невтон, Лейбниц, Мушенброк и им подобные от природы? То же, что и премногие другие. Счастливо только возбужденная склонность доставила им венцы славы для того, что, по единственному недостатку оной, другие неспособны были спорить с первыми о преимущественном праве на оные. Как бы то ни было, они заслуживают всю нашу признательность, но при всем том, считать их неудобподражаемыми, есть, уничтожая чрез то правильное и полезное на себя надеяние, самопроизвольно к собственному вреду лишать себя лучшего побуждения, а с оным и сил к удобному прохождению показанного и уравненного уже пути. Удивительно, что человек в ином случае выше, а в ином гораздо ниже и слабее, нежели каков он есть в самом деле, самому себе представляется!

Сколько физические науки увеселительны и полезны, ясно то доказывает всеобщий к оным вкус, распространившийся и весьма ощутительно возрастающий во всей просвещенной Европе. Привлекая

любопытство, удовлетворяя оному самыми приятными и заманчивыми средствами, и таким образом, помощью сего каждому от природы премудрым устроением высочайшего Промысла к его счастью врожденного побуждения, действуя на склонности человека, возбуждают охоту к неослабному продолжению внимания к их внушениям, тем постоянное и благоуспешнее не только подкрепляемую, но и постепенно умножающуюся, что плод сего любопытства не без особенного удовольствия вспомоществует в разрешении к собственной пользе почти ежедневных, и таких по больше части случаев, относительно к которым, по тесной их связи с необходимостями и выгодами жизни, никто не может быть равнодушен. Если принять притом в рассуждение, что не только многие науки, от приведения оных в совершенство, ожидают своего приращения, но и все почти без изъятия художества, рукоделия, промыслы, хлебопашество и домостроительство, каждое, по своему свойству, имея нужду в их пособии, не иначе, как ими вспомоществуемы, могут быть распространены и доведены до желаемого совершенства: то уже нельзя не чувствовать пользы, от них произойти могущих, и не желать, чтобы счастливо родившийся вкус к оным столько же возрастал и размножался, сколько поле их изысканий пространно, и сколько сии исследования великое и много-различное влияние могут иметь в общее благо.

Математические науки, поощряя с не меньшей приятностью к приобретению в своих изысканиях успехов, и руководствуя к основательному познанию физики, ощутительно споспешествуют вящему приращению и распространению всех помянутых наук, искусств и художеств. Правда, представляя себе предмет, каким сия наука занимается, сначала легко можно подумать, что, то, из чего она с удивительным искусством старается соплетать цепь, есть одна только игра воображения и обманчивый плод оною, также существующий в натуре, как существуют представляющиеся во сне мечты, несмотря на то, что во время их представления часто человек о подлинном бытии их чувствует себя совершенно уверенным, или лучше сказать, что оно есть сущее ничто. Невещественное протяжение, существующее в одном только воображении, не имеющее никаких свойств, кроме умственного увеличения и уменьшения, фигуры и бесчисленных, правда, изменений и видов, но все таких, каким его воображение подвергнуть, и в какие одеть заблагорассудит. Вот подлинно привлекательный и сильный очаровать разум предмет изысканий так на-

зывается чистой математики! Но если его считать ничем, то что уже должно сказать о большей части метафизических понятий, которые, однако ж, при всей их отвличенности, тем самым, что они представляют истины в знаменовании обширнейшем, простом и неслитном с нераздельными вещами, с которых бесчисленнообразными частными свойствами соединяясь и действуя совокупно на разум, могли бы его развлечь и заставить потеряться во множестве собственных вместепроизводимых и неразрешимосплетенных между собою заключений, служат надежным и удобным средством к беспреткновенному приближению, к подробному познанию причин того, что уже есть вещественно, что происходит на самом деле и подвержено чувствам. Ничто не имеет никакого отношения к вещам, никаких свойств, так что оно и в умовоображении никогда существовать не может. Напротив того, протяжение их имеет помянутые, и хотя можно сказать, что оно не находится отделенно от вещей, однако, зная, что есть пространство телами в движение, напр[имер], приведенными описываемое, или покоящимися занимаемое, легко можно оное представить и без вещей, которые подали к тому случай, и, имея способность, по натуре умовоображения, из бывающих на самом деле происшествий составлять возможные, рассматривать применительно к явлениями природы, каким возможным переменам оно подлежать может. Сверх сего и сама чистая математика, исследуя свойства отвличенного количества, держится притом, сколько можно, порядка соответствующего ходу происшествий чаще случающихся в общежитии так, что если бы, при изъяснении предлагаемых истин, как то обыкновенно как для удобнейшего и лучшего их впечатления, так и для показания ощутительнее пользы и употребления их делается, и не было упоминаемо о случаях, в каких оные с пользой могут быть употреблены, то помощью их изощренный уже хотя несколько рассудок и сам собою легко мог бы оные усматривать. А когда потом чистая математика, переходя от отвличенных умозрений к самым вещам, и превратясь в смешанную, руководствуемому собою разуму, показывает тоже самое количество, одетое в материю, и соответственно бесчисленным ее свойствам и переменам и само являющееся в столькообразных же видах и состоянии, не теряя, однако ж, нимало главного своего свойства: то тут, уже удивленный, он ясно видит, что то, что ему могло казаться ничем, есть всеобщее и необходимое свойство не только самих вещей, но, по большей части, и их свойств, действий на дру-

гие подобные, или несходственные, расположений между собою и других их состояний. Так усматривает он его в возможных родах движения, как твердых, так и жидких тел, и в силах, коими как бы одушевлены к оному побуждаются, в расстояниях тел небесных, их расположении, путях, взаимном притяжении и проч. В свете и действиях как на него других тел, так и его на другие, и явлениях от того происходящих, в воздухе, звуке, времени и во всем, в чем только могут быть примечены степени увеличения или уменьшения. Находя, притом, что сие всеобщее свойство столь тесным союзом сопряжено с вещами и частными их физическими свойствами, что чрез исследование измерения онога открываются следы к познанию, хотя не сущности вещей, в которых находятся рассматриваемые количества, однако из оной проистекающих, непременных свойств, зная натуру коих, надежно и необманчиво часто можно заключать по действиям о роде причины, и обратно от причины о следствиях, какие она, смотря по степени и роду как ее, так и страждущей вещи, произвести может, не без ощущения особенного удовольствия видит и уверяется в том самым опытом, что часто нужно только знать, какие переменны должны быть произведены в количестве, дабы смотря по натуре вещи, произведши и в ней те же самые, обратить ее в пользу, соответственную намерению.

Словом сказать, мнимое математическое ничто есть нечто такое, из чего и помощью чего неутомимо и беспрестанно, наподобие некоего вечнодвижимого, действующий человеческий разум творит познание не только окружающих его вещей, исследуя законы их рождения, приращения, разрушения и возможных изменений, но и целых миров, проникая в предписанные Высочайшим Существом и им законы, и обращая потом все во всеобщую и частную пользу. Руководствуя к познанию количества, сии науки дают силы к приобретению познания всего того, что только не закрыто от человека непроницаемой завесой.

Посему не без основания можно заключать, что, при их руководстве, исполнятся, может быть, некогда другими намерения и надежда великого Невтона, который чаял с течением времени и с помощью опытов иметь успех в подробнейшем изыскании свойств тончайшего некоего, все на чувства действующие и грубые тела проникающего и в них кроющегося духа, коего силой и действием малейшие частицы тел, при взаимном и тесном их сближении, одне другие при-

влекают, и пришедши в смежность, сцепляются: тела электрические в больших расстояниях оказывают свое действие на другие, привлекая их и мгновенно потом отталкивая; свет отражается, наклоняется, преломляется и производит теплоту; в животных возбуждается всякое чувство, и члены, чрез распространение движения сего духа по тонким волокнам чувственных жил от наружных органов чувств до мозга и от одного до мышц, по произволению души приводятся в движение, и от природы коего зависят многие другие удивительные, но, по недостаточному об оном понятию, неудоборешимые явления в природе.

Положим, что сия и подобные ей цели слишком отдаленны, и что для достижения оных не всякий может иметь силы и время. Нельзя, конечно, как требовать, так, по причине различия склонностей и просвещеннейшей части какого бы то ни было народа и званий, нужных для общего порядка, и ожидать, чтоб всякий решился состариваться частью в математических выкладках и умозрениях, частью в упражнении в соединенных с ними познаниях, однако ж, нельзя не желать при всем том, чтоб посредственная, по крайней мере, степень успехов как в тех, так и в других, то-есть доказательное и надлежащим порядком приобретенное познание начальных оснований главнейших и употребительнейших в общежитии истин, предлагаемых в сих науках, было общее, особливо для составляющих часть общества высшейшую и более прочих требующую просвещения. Доведение в математических науках успехов и до сей уже степени вознаграждается весьма полезными и удовлетворительными следствиями.

Кто может быть таким хладнокровным философом, в мыслях бы которого все состояния не имели никакого различия, и в котором бы общественные звания, сопряженные с преимущественными выгодами и честью, однако ж потому, конечно, что они требуют и больших способностей, сведения, опытности и неусыпного бдения о точном их исполнении, не делали никакого впечатления, совсем не были привлекательны и не возбуждали бы к приведению себя по мере сил своих в состояние с отменой перед прочими служить своему Государю и Отечеству? Такое философствование было бы или следствие из должных пределов вышедшего умозрения, или безобразный и несходный с натурой человеческих неповрежденных чувствований плод подлинного скудоумия. Чтоб так мыслить, надобно не иметь понятия об истинной чести, не знать различия потребностей об-

щежития, не чувствовать не к чему ни склонности, ни отвращения, и словом сказать, не знаю, быть выше или ниже человека. Но как тем более требуется от члена общества, чем занимаемое им место возвышеннее и блистательнее, то, сколько лестные знаки отличия утешают его и ободряют, служа ему истинным украшением тогда, когда к понесению сопряженных с ними трудов силы его достаточны; столько в противном случае могли бы они быть тягостны, и, вместо утешения, наносить ему изнурительную скуку, если только сердце его было бы благовоспитанно и к напоминаниям неусыпленной совести не нечувствительно. Доставка способности отправлять разные звания в обществе не только с пользой одного и собственной, но и беззатруднительно и с тем внутренним удовольствием, которому совершенно противоположны предосудительные удовольствия бездейственной праздности, есть также одна из главных целей математических наук, несомненно и удобно достигаемая, если только упражнения в оной надлежащим образом к ней направляемы будут. Сообщая навык мыслить и притом всегда о вещах, с пользами общежития сопряженных, возбуждают и питают склонности, при которых, не имея звания, не иметь с ним пищи для разума и чувствований, то есть быть осуждену к праздной жизни, было бы для образованного ими состояний столько же неясное, сколько тягостное и неудобносимое иго составляют полезные и требующие бодрственного внимания упражнения для необработанных и оставленных в недействии умов. Если пройдем мысленно все состояния: то ясно увидим, что немного есть таких званий, для которых бы пособие сих наук было ненужно, и в которых бы нельзя было тем более ожидать от человека, чем пространнее сведения его в оных.

Чувствует ли кто склонность служить своему Государю и Отечеству в воинском состоянии: к которому бы роду одного себя такой не предопределял: рассудив здраво, найдёт, что тем несомнительнее может он надеяться оказать с пользой и честью своё усердие, чем выше степень познания его в науках сего рода. И весьма посредственное понятие о тактике, как сухопутной, так и морской, об артиллерии, инженерном искусстве и кораблестроении довольно сильно уверит совершенно в неложности сего. Премногих гражданских должностей согласное с намерениями Государя, общей пользой и частными выгодами исполнение сопряжено с познанием тех же наук. В статском состоянии есть, конечно, звания, мало, по-видимому, требующие сих сведений;

однако ж и в оных, для надлежащего и удовлетворительного соответствия при рассматривании разного рода тяжеб и других дел обязанности благоразумного и усердного блюстителя общего порядка и истинно полезного члена общества, рассудок, сими науками очищенный, гораздо способнее того, которому они совсем неизвестны. Словом, нельзя себе представить звание, в которое определяясь, можно было бы раскаиваться об употребленном на упражнение в оных времени. Частью посредством метода, как уже о сем выше упомянуто, приводя разум в состояние правильно рассуждать о случаях и вещах всякого рода, частью обогащая оный познанием по себе полезных истин, возвышают с ним вместе все действия души до такой степени, что они делаются не только готовыми к удобному разумению открытых другими сведений, но и способными к изобретению собственными силами нужных и удовлетворительных истин, относящихся как к наружному состоянию человека, в каком бы то звании и роде жизни ни было, так и к внутреннему.

Посему распространение математических и сопряженных с ними наук есть распространение надежных путей к истине и самой истине, столько вожделенной для человека, по внутреннему стремлению к благу, а потому и к оной, что и в то время, когда он ещё находится в глубочайшем неведении, оказывается уже всегда в нем любопытство, обнаруживающее желание его искать сего источника блага.

Единожды обретенная истина не может быть долго сокрываема мраком неизвестности. Действуя во все стороны, наподобие упругого некоего огня, с такой неопределимой силой, которой никакие преграды противустоять не могут, она разрывает обдержавшие ее узы и темницу, и, разливая быстротечный благотворный свет во все пределы мира, населенного мыслящими существами, оживляет их и питает, подобно теплоте солнечных лучей, дающих жизнь видимой природе и все в ней питающих. Честь обретения принадлежит тому, кто столько был счастлив, что первый мог усмотреть оную, но сама она принадлежит всему свету; и потому, сделавшись немногим сначала известной, вскоре потом распространяется между всеми, и во всех производит, по мере способности земли, на которой падают добрые семена ее, себя достойные плоды.

Итак, если справедливо то, что математические науки, вперяя познание полезных вещей, руководствуют приятными, удобными и кратчайшими путями к истине, то от вящего распространения

оных непременно должно следовать ощутильнейшему их влиянию во всеобщее просвещение и неразрывно ему сопутствующее образование склонностей, во всеобщие выгоды жизни, и следовательно от часу большому приближению к отдаленнейшей, общей сим наукам с прочими и самой главнейшей цели, состоящей в споспешествовании умножению и незыблемой подпоре общего благоденствия.

Сие есть естественное следствие как всех прочих, так и математических наук; к сему клонились намерения и труды как всех тех, которые до наших времен прилагали всевозможное старание о приведении их в совершенство, так и подражающих в наши времена похвальным их примерам. Надобно только, дабы тем надежнее можно было ожидать оногo, при упражнении в оных, иметь всегда в виду ту же самую цель, то есть общую пользу и общее благо, и тщательно стараться, чтоб по мере приобретаемого сведения от часу более к ней быть приближенным. Сие есть главная должность благонамеренного и усердного члена общества и надежнейшее средство отдалить предосудительное злоупотребление, какому, без сомнения, и сии познания, так как и прочие, подвержены быть могут.

Итак, рассмотрим теперь вкратце, какие правила упражняющиеся в математических науках заимствовать должен от себя и предмета своих трудов, дабы, располагая сообразно им упражнения, мог он надеяться, что с приращением успехов и сведения в сих науках кратчайшими путями приближается к помянутой цели.

Предмет математических исследований, как известно, есть величина. Будучи представляема еще отвлеченно, может уже она подлежать бесчисленным переменам, являться в различных до бесконечности случаях, происходящих от различных ее родов, взаимных отношений, изгибов, фигуры, положений и проч. Посему и число истин, какие усматриваемы быть могут в сем предмете, границ не имеет. Можно без сомнения сказать, что сия часть, несмотря на то, что все математические науки, при первом взгляде, кажутся доведенными до высочайшей степени совершенства, весьма еще удалена от той, до которой доведена быть может. Есть еще многие, и близкое отношение имеющие к общей пользе, истины, подлежащие изысканиям чистой математики, требующие острых и проницательных умов, которые бы могли вывести их наружу, дать им степень ясности, какой еще не имеют, и показать надлежащее их употребление. Что уже можно сказать о тех, которые, будучи почерпнуты в ее все еще отвлечен-

но только раздробляемом предмете, могли бы пленить воображение пристрастного к отвлеченным умозрениям удивительной тонкостью и точностью, весьма мало, впрочем, будучи способны иметь влияние в общую пользу? Их число бесконечно. Но сии истины, требующие глубокомыслия, навывком усиленного и опытного рассудка для их открытия, не подлежат изысканиям не только начинающего еще упражняться в математических науках, но и такого, который уже приобрел некоторые в оных успехи. Он все внимание должен обращать к истинам, открытым уже, приведенным в порядок и для него приуроченным. Сии предлежат его созерцанию.

Можно, конечно, делать иногда покушения собственными силами стараться изобретать подобные им, а особливо, если случай и надобность того потребуют. Такие усилия могут быть весьма часто сопровождаемы удачей, и, хотя бы изобретения сии были и не новые, они будут иметь всегда ту пользу, что и родят исполненную удовольствия и ободрительную надежду о том, что силы рассудка не будут недостаточны для приобретения преднамеренного сведения предлагаемых обработанных истин, и поощряя притом к новым таким же покушениям, постепенно будут усиливать изобретательный навык, достижение которого, по крайней мере, вознаградится способностью во всяком данном случае легко усматривать приобретенного познания удобнейшее, точнейшее и полезнейшее употребление. Посему небесполезно уделять некоторую часть времени и на таковые размышления. Но главное упражнение, особливо сначала, должно состоять в рассматривании того, что опытными стараниями других произведено в нашу пользу.

Поле и чистой математики столько пространно, что для точного и подробного обозрения всего плодovitыми умами на нем произращенного едва ли бы достало и большей части жизни. Бесчисленные истины, многообразные их расположения и различные способы, ведущие к познанию оных, все естественные, все достойны внимания, но притом требуют и немалого времени. Однако ж, несмотря на сию обширность чистой математики, весьма полезно и нужно иметь твердую решимость не останавливаться на ее одной умозрениях. Отведенный от природы отвлеченными умозрениями, обольстившийся ими до такой степени, что забавляясь оными, не думал бы уже больше о самых вещах, к рассматриванию коих первые должны быть путями и средством, подобен был бы тому, кто, заставлен будучи необходи-

мостью удалиться на время из своего Отечества в другие пределы, столько бы занялся встречающимися ежедневно на пути взор и воображение обольщающими предметами, что, предаваясь весь чувствительным увеселениям, не помышлял бы больше о возвращении в оное, забывши, что тут его ожидают несравненно большие, чистейшие и постояннейшие удовольствия.

Нет в натуре ничего отвлеченного, все в ней слито, все держится одно другого и составляет одну неразрывную цепь. Человек сам есть часть сея цепи, тем более оную украшающая, чем теснее звенья ее связаны с прочими и чем тверже держатся других и между собой. Отторгнувшись от всеобщей цепи, выходить как бы из границ природы и примыкаться к связи, составленной из метафизических отвлеченных идей, есть необходимое следствие тесными пределами ограниченного человеческого разума и нужное зло, тогда только способное родить благо, когда разум, по причине преграды, положенной ему на кратчайшем пути, перешедши сии изгибы, возвращается опять в свое место и берет настоящее свое положение.

Увеселительны истины чистой математики; но несравненно еще приятнее и увеселительнее становятся они, когда с удивительным искусством приноравливаются к объяснению хода природы, когда открывается, что они есть в вещах те же самые, одетые только в материю и по различию ее различно образованные. Тут уже изрядство их, соединяясь с истинной пользой, не может не пленять разума, ищущего везде пользы человека.

Чистая математика есть теория, которой объяснение, близкое к практическому употреблению, содержит смешенная. Конечная причина всякой теории есть, без сомнения, практика и вещественная от оной происходящая польза. Посему какого бы рода теория ни была, и как бы ни искусно казалась вымышленной, но без употребления по справедливости могла бы она сочтена быть средством к бесполезному потереанию времени, тем опаснейшим, чем была бы заманчивее. К чему, например, были бы пригодны все тонкие исследования вышней геометрии, если бы они были единственно плод воображения, рождающийся в мыслях и тут же исчезающий? Начальные основания геометрические с познанием употребления их в общежитии были бы в сем случае гораздо полезнее и достойнее внимания. Но будучи употребляемы для объяснения законов различного рода сложных движений, как на поверхности земного шара находящихся тел, так и не-

бесных, и, способствуя таким образом к приведению в совершенство различного рода машин, воинского искусства, архитектуры, мореплавания, точного измерения и исчисления времени, и руководствуя к объяснению как математических, так и других родов многих истин, являются уже они в гораздо совершеннейшем и привлекательнейшем виде. И к сему-то употреблению математических исследований надобно обратить внимание, чтоб почувствовать к сим наукам с истинной пользой согласную и потому правильную склонность. Всякого польза сопряжена с общею. Надобно любить сию, чтобы родилась помянутая склонность; надобно, чтоб она родилась для приобретения надлежащего сведения в математических науках. В таком случае сие возрастая, превратит и самую склонность в похвальную к оным привязанность, постоянную потому, что она вознаградится немечтательными плодами.

При самом упражнении в математических науках старательно должно вникать во взаимную зависимость и связь истин, то нисходя мысленно по порядку от оснований к истинам, из оных и одной из другой выводимым, то обратно восходя постепенно от последних к самым первым их источникам. Такое внимание сколько нужно, столько и полезно. Нет, кажется, познаний, которые бы столько трудно было содержать в памяти, как математические, если они сообщены будут без наблюдения порядка, сообразного отношению одних истин к другим, так что если о каких других науках, то о сих подлинно можно сказать, что не столько нужно, чтоб разум был обогащен познанием великого множества предложений, сколько то, чтоб они были ему вперены в надлежащем порядке и с показанием, как одно из них, рождая другое, все составляют едину цепь. Внимательное рассмотрение связи между предложениями покажет между ими то различие, по которому одни служат основанием и главным источником других, так очевидно из них проистекающих, что надобно только вникнуть в основания, сущность и свойства первых, их подробно и с надлежащей точностью выразуметь и затвердить, дабы потом, обозревая следующие с меньшим напряжением внимания, как бы мимоходом и дав рассудку свободу, пользуясь некоторого рода отдохновением, возобновить свои силы, можно было и оные не только ясно и основательно понять, но притом, если бы и вышли после из памяти, легко помощью первых, как скоро надобность потребует, опять припомнить. Через сие средство истины, будучи приведены к гораздо

меньшему числу таких, которые памяти должны быть вверены в надлежащей связи для сбережения, не обременят ее множеством, а при облегчении оные получит вместе облегчение и рассудок.

Чем многочисленнее предлежал бы созерцанию рассудка порядок истин, между собой связанных, тем большее потребно бы было для обозрения их самих и взаимной их связи оною напряжением. Поступая от одних к другим, он, конечно, изоощрялся бы и становился от часу пронизательнее; но, действуя непрерывно и без малейшей слабости, мог бы прийти в усталость; что самое, несмотря на всю пользу, от такой деятельности происходящую, родило бы опасную скуку и вредное отвращение. Но когда занимаясь рассматриванием главнейших представляемых ему памятью и их отношений, для заимствования от оных нужного пособия в дальнейших исследованиях, мало смотря на сопряженные с ними, как бы отрасли первых менее главные, и не разделяя себя на множество их без нужды, будучи всегда уверен, что собственные его силы не будут недостаточны для возрождения последних при случае надобности в памяти, испытывает, что и без сильного напряжения становится он чрез сие способен приобретать искомое познание; то, будучи облегчен выгодами сего средства, ежедневно ободряем удачей в своих изысканиях и оживляем изящностью истин, не останавливающую скуку, но поощрительное удовольствие находить в предлежащем ему пути. Обогащая память, и помогая ей, получает взаимно от нее нужное вспоможение; и таким образом вместе безостановочно возвышаются в способности приобретать познания и в приобретении самих познаний.

Самые математические доказательства часто могут, имея наружность совершенно уверительных и неоспоримых, быть неправильны и погрешительны. Доказательства сего рода маловредны быть могут в таком случае, когда предложение само по себе истинно, или, по крайней мере, когда из оногo не выводятся другие. Но когда и оно ложно и притом состоит в классе составляющих главный и первоначальный порядок: то, по причине той же самой зависимости, по которой из каждого из них самым естественным и необходимым образом проистекает следующее, и в которой состоит точность и совершенство математических наук, сделается оно непременно источником вредных для успехов следствий. Истина не может родить лжи, ни ложь истины. Будучи между собой в совершенном противоположении, они сходятствуют только в способности одна обнаруживать

другую, и по сей только причине часто ложные предложения известным образом нарочно могут быть употребляемы, так как средства для уверения в истинах, или для открытия оных. Но когда по неосторожности ложное предложение сочтено будет истинным, то весь уже порядок правильно из одного следующих будет состоять из таких же, так что если и сделан будет опять переход от оных к истинным; то по большей части не иначе, как помощью такого же неправильного и погрешительного доказательства. Редко может сия погрешность учинена быть в чистой, но часто и легко в смешанной математике. А от сего уже может произойти не только бесполезная потеря трудов и времени, но притом нередко с великими убытками сопряженное и вредное употребление на самой практике несогласных с оною правил, основывающихся на помянутых положениях. Для избежания таких и подобных следствий, весьма нужно с упражнением в математике соединять учение искусственной логики и соображая математические доказательства с ее правилами, смотреть, точно ли они соответствуют законам умствования, и следовательно, совершенно ли уверительны и не кажутся ли только такими. Презирать сие средство, полагаясь на силы собственные рассудка, значило бы не знать сущности и настоящей цены оногo. Опыт показывает, что часто и очищенные сими правилами умы не могли иметь довольно осторожности, чтобы не погрешить против правильности в умствовании, и не делать ложных умозаключений. Что же касается до тех, которым они совсем неизвестны, то тем же опытом легко увериться можно, что такие иногда весьма скоро могут быть уверяемы, особливо в математических истинах, неправильно сделанными и надлежащей силы заключения не имеющими доказательствами, так как иногда напротив того, и помощью предложений, самым естественным образом расположенных и имеющих надлежащую связь правильного доказательства, особливо если число их будет несколько велико, не без затруднения производится в таких желаемое уверение.

Известно, что человек рождается с способностью понимать и производить умствования. Искусственная логика не дает ее, но поправляет. Положим даже, что сия естественная способность всегда достаточна для усмотрения, что в доказательстве нет уверительной силы; но какая тому причина, в чем именно состоит сей недостаток, так ли он важен, что и самое предложение по оному должно быть сочтено ложным, или он только производит сомнение с поправлением

сего недостатка уничтожиться могущее, и есть ли возможность оной поправить, все сие вспомоществуемый искусственной логикой усмотреть может гораздо скорее и легче того, кому она неизвестна.

Самые правильные доказательства при познании ее сугубое производят уверение, с которым вся опасность быть подвержену ошибке совершенно исчезает. И сие сколько нужно для благоуспешного упражнения в математических науках, опыт при каждом почти шаге упражняющемуся показать может.

Могут кроме того математические доказательства быть совершенно уверительны, не представляя однако ж умовоображению вещи ясно и со всеми ее подробностями; могут также быть и такие, которые, будучи удовлетворительны для несомненного уверения, производят притом оное, представляя созерцанию ума, как бы на картине, вещь со всем тем, что для уверения в изъясняемом предложении в ней видимо быть должно, так что воображение находит и ясно видит в изображении самой вещи то, о чем для уверения в предлагаемой истине разума упоминается в доказательстве. Те и другие или суть такого свойства, что могут только рождают одно уверение; или не ограничиваясь сими пределами, сверх того способны подать повод и к некоторым другим умозаключениям. К первым двум классам отнести можно великую часть аналитических, употребляемых новейшими, а к последним почти все так называемые синтетические, как у древних геометров, каковы суть Евклид, Архимед³⁰⁵ и прочие, бывшие в великом употреблении, так и новыми по справедливости многопочитаемые. Последние кроме сего имеют пред первыми и то преимущество, что будучи сообразнее общим законам действий души и единосвойственны с умствованиями, производимыми при рассмотрении всех вообще предметов, какого бы они рода ни были, более удобны приводить рассудок в состояние, кроме математических, раздроблять с такой же удобностью и прочие предметы, судить об оных столь же основательно и правильно, и в награду своих усилий надеяться полезных изобретений. Но аналитические, не отходя, правда, от тех же общих правил логики, однако же будучи более и особливим некоторым образом приноровлены к одним математическим предметам, с удивительной удобностью руководствуют к приобретению математических познаний, но не столько сильны и действительны в сообщении навыка с такой же удачей искать уверения и в истинах к прочим вещам относящихся. По сей причине не по всему похвальны

намерения тех, которые для сей удобности и самую чистую математику стараются, сколько можно, изъяснить алгебраическими доказательствами. Как одни, так и другие, подвержены тому недостатку, что не везде одни вместо других употребляемы быть могут. И в особенности есть великое множество таких случаев, для разрешения которых синтетические доказательства или недостаточны, или, по крайней мере, не могут быть употреблены без крайнего и непреодолимого почти затруднения: но которые напротив того аналитическими решаться весьма кратко и удобно. И сия-то самая есть причина, что древние, которым неизвестен был последний способ разрешать математические случаи, не могли сих наук довести до такой степени совершенства, до какой они доведены в наши времена. Есть много и таких, для объяснения которых аналитические совсем неспособны. Есть, наконец, и такие, которые и тем и другим образом, с некоторым только различием в удобопонятности, доказываемы быть могут. Какому правилу следовать должно, относительно к первым, само по себе явствует; что же касается до последних, то из всего сказанного легко заключить можно, что упражняющийся в математике должен стараться быть в них уверен синтетическими доказательствами. По крайней мере, таких доказательств искать он должен непременно для первоначальных истин, то есть тех, которые служат основанием и источником множеству других. Доказательства первого рода, конечно, по большей части сокращеннее и удобнее, но последние натуральнее и плодovitее. Надобно, правда, особливо сначала, вооружиться терпением, чтобы снискать навык удобно преодолевать встречающиеся при них некоторые затруднения и могущую от того произойти скуку, но сие усилие, рождая от часу обильнейшие плоды желаемых успехов, мало по малу превратит скуку в растворяемое удовольствием побуждение продолжать победу над затруднениями до тех пор, пока они не только сделаются нечувствительными, но и превратятся в приятную и полезную для ума забаву.

Как доказательства, принадлежа к одному которому-нибудь из помянутых классов, могут опять сходствовать, или различествовать между собой и в рассуждении как начал, из которых предложения выводятся, так порядка и способов, которыми выводятся, то не бесполезно также быть внимательну и к сему единообразно, или различно. В чем бы ни состояло сходство, оно всегда подаст некоторое общее правило, помощью которого удобно можно будет содержать в памя-

ти предложения, при которых оно в доказательствах находится. Если оно состоит в способах употребляемых для приведения начал в связь и порядок способный для уверения, то нужно только будет стараться затвердить начала доказательства составляющие; если в основаниях, то соединение их и разные средства к оному приноровленные преимущественно примечаемы быть должны. Внимание к различию одного или другого рода, или если бы и состояло оно как в том, так и в другом, хотя, особливо в последнем случае, и будет иногда соединено с немалым напряжением сил; однако произведет ту пользу, что рассудок, рассматривая различную связь оснований и различные средства для объяснения и внушения оной искусно вымышленные, нечувствительно будет приобретать навык и продолжать такое полезное упражнение без ощущения отяготительного затруднения, и подражать в некоторых случаях сему искусству.

А дабы способность подражания от часу возрастала, то надлежит часто смотреть, не может ли изъясненное и доказанное уже предложение выведено быть из других оснований или другим образом; и также несколько предложений, особый класс истин составляющих, не могут ли быть расположены и другим образом: и как одно от другого, так и от своих оснований получить иную зависимость, и таким образом составить небольшую систему отменную от прежней, однако столько же математическому методу сообразную. Такое упражнение может иметь и другие полезные следствия. Часто небольшая перемена в расположении истин и оборот доказательства, будучи согласнее с прежде полученными и заготовленными понятиями и с частным образом мыслей могут представить те же самые истины в гораздо удобопонятнейшем виде и сделать их для содержания в памяти и для удобнейшего выразумения других от них зависящих, более способными и притом более плодovitыми.

Кроме классов, на которые в каждой части смешенной математики истины разделяются по правилам того же метода, какой употребляется в чистой, есть еще между ними различие, которое также примечать нужно для получения правильного об оных понятия, и для избежания погрешностей при их употреблении. Иные из них выводятся из *предположений* (hypothesis), согласных с природой, а иные предлагаются с условиями ей чуждыми и несвойственными, и доказываются также, как и прочие. К первым из оных обращать должно все внимание и тщательно рассматривать, в каких возможных случаях и какое, если

можно, более удобное, точное и полезное могут они иметь употребление; вторых также не должно оставлять без внимания. Ибо оные, во-первых, могут быть употреблены, как средства, или приуготовляющие разум к понятию других часто из них проистекающих и с самою природою уже согласных, или, по крайней мере, предоставляющие умозрению остроумно вымышленные искусные образцы изобретения, изошряющие разум и могущие иметь великое употребление при исследовании вещей. Во-вторых, могут они быть употребляемы как такие, помощью коих первые доводятся до универсального смысла, с которым получают высочайшую степень ясности, вероятия и делаются способными подать случай ко многим, часто весьма полезным, умозаклучениям. Нередко, наконец, истины последнего рода употребляются на практике вместо первых, как по той причине, что их условия с сообразными природе не так великое имеют несходство, чтоб от того могла произойти чувствительная погрешность, так и для того, что первые, по великой их многосложности, подлежа иногда не малому затруднению, для практики, особливо, в таких случаях, в которых от неприметного упущения точности никакой, а от медлительности мог бы произойти великий вред, бывают малоспособны. Так, в баллистике, несмотря на то, что линии, по которым брошенное тело привлекается беспрестанно силой тяжести к центру Земли, сближаются так, что, наконец, все стекаются в оном, принимается без чувствительной от того погрешности параллельное их положение; несмотря также на то, что помянутая сила слабее действует на брошенное тело по мере увеличения квадрата расстояния его от центра Земли, по причине весьма малой разности сих расстояний, могущей быть на практике при бросании, полагается, что она одинаково действует в обоих случаях; наконец, несмотря на то, что атмосфера, делая беспрестанно сопротивление брошенному телу, правильности движения, какое имело бы оно по первым двум причинам в пустом пространстве, причиняет перемену: поелику происходящая от того неправильность тем меньше чем *удельная* тяжесть бросаемого тела больше, то при бросании тел, которых *удельная* тяжесть (*gravitas specífica*) состоит в весьма великом содержании к удельной тяжести воздуха, сопротивление сие не уважается тем паче, что и погрешность от того происходящая по малости не заслуживает того, чтоб об ней много заботиться, и притом, хотя бы оно и принимаемо было в рассуждение, то по причине всегда переменяющагося от разных причин

состояния атмосферы, такая же почти малая ошибка, какая и без того случается, была бы неизбежна, и выкладки только без всякой пользы гораздо бы сделались затруднительнее и для употребления неудобнее. По причинам сим подобным и другим, многие и последнего рода истины не менее достойны внимания, как и первые.

Успехи в математических науках могут быть разделены на три степени: из коих первая состоит в историческом познании математических истин; вторая — в приобретении философского познания оных; а третья — в достижении способности изобретать неизвестные еще, к каким найденные уже и объясненные другими руководствовать способны. Из всего выше предложенного легко заключить можно, что упражняющийся в математике одним историческим познанием истин сея науки никак довольствоваться не может и не должен. Одно такое познание математическим наукам совершенно несвойственно. Можно оное употреблять сначала, особливо, в таких летах, когда память способна уже принимать и содержать сообщаемые понятия, но силы рассудка настолько еще незрелы, что помогать памяти и понимая истины и в то же время проникая в связь их было бы оным или совсем несоразмерно, или, по причине крайнего напряжения, для рассудка обременительно. Но ограничивать всегда успехи сими пределами значило бы для того затверживать многие предложения, чтоб после весьма легко забыть их, потеряв без всякой пользы труды и время. Наукам сим приписывается обыкновенно превосходное действие на рассудок, но сила образовать оный не столько свойственна самим математическим истинам, сколько основательному методу, в который они приведены быть способны. Следовательно с одним историческим их познанием полезное сие влияние почти совершенно уничтожается. От того же самого основательного внушения оных зависит и удобность содержать их твердо в памяти. Истины возрождают в ней основания, из которых выведены, а основания припоминают истины, которым служат непоколебимой подпорой, по сей самой связи с ними.

Кто или полагаясь на данные от природы силы рассудка, или будучи уверен, что он уже другими познаниями столько очищен, что нет для него нужды в сем пособии математическим наук, или для единственного сокращения времени в достижении своего намерения, или по другим причинам, имел бы только в виду приобретение познания одного практического их употребления: тот, хотя бы и был в сниска-

нии оного, по его мнению, небезуспешен; однако, при всем на себя надеянии был бы он предруководствованным к практике теорией и знающим оную основательно то же, что лучший из работников перед искусным архитектором, знающим в тонкость все правила сей науки, под смотрением которого все они могут построить прочное, выгодное и великолепное здание. Нередко малейшее несходство при той же практике, которой одной столько он искал, с случаями, помощью коих она вперена ему, или было бы сильно привести его в замешательство и нерешимость и заставить со стыдом признаться в своем невежестве или, решаась наудачу, произвести в действие ошибочными и ложными причинами поддерживаемые заключения, предоставить самому делу обнаружить то же самое незнание с убыточными при том следствиями.

Практик безосновательного познания теории в математике есть почти то же, что и в медицине. Различие, кажется, состоит только в том, что беспечная доверенность к последнему стит часто потеряния здоровья, а иногда и лишения жизни; а препоручение произведений в действие своих намерений первому бывает сопровождаемо бесполезным расточением имения.

Мнения в пользу практики и во вред теории весьма общи. Часто с немалой запальчивостью говорят о первой, презируя последнюю, как такую, которая может забавлять в школах, будучи бесполезна для жизни. И такие умствования при всей их неосновательности с одной, весьма натуральны с другой стороны для тех, которые их держатся. Сколько механические работы, не смотря на, то, что они кажутся не таковыми, часто легче, не же ли те, которые требуют напряжения душевных сил. Столько опять приобретение исторического познания, каково есть и практическое, как требующее одной памяти и иногда навыка, основательного, требующего при том неослабного и бодрственного внимания к связи внушаемых истин, по крайней мере, кажется удобнее, особливо для непривыкших находить столько же удовольствия в познании причин, сколько оного может приносить познание самих вещей, если только последнее без первого познанием назвать можно. Сверх сего воображение, будучи занято одной сей удобностью и мнимыми от того пользами, дабы ослепить разум и заставить себя следовать, живыми красками расписывает причины, вид правдоподобия мнению дать способные. А сии уже несмотря на то, что столько же как и самое мнение, удалены от истины, одерживают

над разумом победу потому единственно, что отвращение к трудам, склонность к забавам, праздности на него так же нередко сильно действующие и желание казаться знающими, не будучи таковыми, оно уже одобрили. Не только извинительно желать приобрести меньшими трудами то, что вообще стоит великих, но и похвально в таком случае, когда сие желание ограничивается усилием для достижения непреднамеренной цели изобрести пути кратчайшие, но столько же или более нежели обыкновенные с натурой вещей сходные. Но простирать желание до такой степени, чтобы не применяясь к натуре вещей, искать повиновения от природы своим произвольным и неосновательным мнением, было бы крайне непростительно. Человек мнения должен соотносить ходу природы. А природа никогда в угодность неправильным его желаниям не применит своих уставов.

Справедливо, что теория есть плод практики, но практика нескольких веков родила оную и родивши заключается в ней так, как большое дерево в маленьком зерне, которое должно посадить в земле надлежащим образом возделанной, чтоб из него могло произойти подобное растение. Ищущий получить точное познание практического математики употребления и помощью практики, не касаясь теории, подобен тому, кто желал бы получить обстоятельное сведение о виде Земного шара странствуя самолично по всем странам оною, а не помощью карт трудами многих для того нарочно приуготовленных.

Нужно, непременно, как во всех прочих науках, так и в математических и для отвращения затруднений и для предупреждения вредных следствий от трудов и времени неправильно употребленных, с историческим познанием истин сих наук и практическим их употреблением соединять философское их познание. Или теорию и не иначе, как от исторического познания поступать к ней, а от нее уже к самой практике.

Такой порядок упражнения нечувствительно и без попечения о том упражняющегося будет его вести к приобретению третьей степени успехов или способности изобретать новые истины не меньше полезной, как одобрительной и лестной. Надобно, однако ж, присоединять к влиянию порядка и собственные старания, дабы тем надежнее можно было ласкать себя достижением сей способности. В сем намерении должно быть внимательну ко всему тому, что другими в математике сделано, так чтоб ясно увидеть, каким образом, то сделано, какие средства и как употреблены. И что подало повод к тому,

чтоб приняты были усматриваемые меры. Часто должно, не довольствуясь ясными понятиями о началах, каковы суть на прим.: определения и им подобные, как при доказательствах, употребляемых, так и нужных для изобретений, иметь внимание ко всякой порознь из идей их составляющих, которыми они объясняются и которые при них могут быть представляемы, дабы понятие о том же основании доведено было, сколько можно, до большей подробности. Ибо чем подробнее основание выразумлено, тем способнее оно подать повод к умозаключениям. Как всякая теорема может быть превращена в задачу, то небесполезно так же для упражнения в изобретении делать часто сие превращение. И не думая как бы о данном уже доказательстве, представлять задачу такой, которой решение неизвестно и смотреть, каким образом оно может быть найдено.

При рассматривании предложений, приведенных в порядок и доказанных другими, часто надобно, не касаясь данного доказательства или решения, прежде стараться собственными силами сделать то или другое, а потом уже свое сравнивать с сочинительным и смотреть, в чем они сходствуют или различествуют. Итак ли правильно и плодovито первое, как и последнее, или оно имеет какие недостатки. Каждый сочинитель приводит математические истины в порядок соответственный его намерению. И из главных выводит служащие к оному, не упоминая о прочих. По сему полезно также для упражнения смотреть, какие, кроме выведенных, могут еще следовать из главных и какое они или в математике, или в других частях познания могут иметь употребление. Сии и подобные упражнения, если и не будут сопровождаемы открытием по всему новых истин в математике, то, по крайней мере, награждаются часто изобретением удовлетворительнейшего образа изъяснением оных или способов употребления их в определенных случаях преимущественных пред другими досель известными. Нередко так же плод сего упражнения будут истины найденные уже другими, но или предложенные в других видах и отношениях или такие, которые не без великого труда могли бы быть найдены в их сочинениях. Словом, приобретение сей способности столько полезно, что при первых двух степенях познания нельзя уже не желать оной. Чем до большего совершенства доведена сия, тем надежнее полезных плодов от оных ожидать можно.

Способность изобретения, до какой бы степени она доведена не была, есть в человеке такая действующая сила, которая тем слабее

себя обнаруживает, чем менее находит пищи, тем более возрастает, тем многочисленнее и более полезные производит следствия, чем с большим старанием и успешнее размножаются способные предметы и распространяются пределы для ее деятельности. Она есть некоторого рода искра, могущая тогда только, когда коснется существа сгораемого, превратиться в пламень соразмерный количеству оною. Весьма неестественно было бы думать, что для оной нужны только какие-то врожденные или небольшое число вперенных отвлеченных и общих понятий, дабы через разнообразные их сравнения между собой, смешения, соединения, разделения, многообразные преложения и выводимые оттуда следствия можно было делать всякого рода открытия. Из всех отвлеченных идей каждая представляет малейшую часть того, что сродни вещи, которой она есть образ. Тем самым, что они общи, совершенно уже доказывает и то, что умовоображение, сравнивая их без сличения с вещами от которых взяты, легко могло бы им приписать частные различия, в соединении которых не находило бы оно противоречия и таким образом произвести плод возможной, правда в метафизическом смысле, но с свойствами существующих вещей совсем не совместной.

Нельзя ожидать многих полезных открытий от способности изобретения, вспомоществуемой одними такими понятиями. Надобно, кроме того, искать старательно природы и ее познания в самой природе. Надобно с возможной точностью следовать за нею по ее стопам. Надобно самую ее благоразумно и осторожно предпринимаемыми средствами и приличным образом спрашивать о порядке и причинах ее действий, чтоб подлинно узнать нечто из ее таинств и подражательно ей сделать изобретения сущности ее произведений непротивные и для общежития полезные.

Везде твердят, что натура в своих действиях проста, все удивляются превосходным дарованием человека, его тонкому и проницательному уму, но при сей простоте с одной, при сей проницательности с другой стороны до сих пор весьма малое число есть таких ее действий, к познанию которых найдены прямые и кратчайшие пути. Не известно, потому ли что человек полагаясь больше, нежели должно, на ее простоту и свою проницательность, по большей части, остается в недействии или употребляет для знания ее слишком уж простые свойства. Или потому что ход к простым путям весьма запутан и затруднителен или по другим каким причинам. Вероятно, что недоста-

ток приличных к тому средств, о которых можно заботиться, часто почитает он излишними, препятствует ему в намерении и лишает удовольствия усматривать иногда подлинные пути природы, и в простоте обретая премудрость восхищаться ее величеством.

Чем обширнее историческое познание произведений природы и явлений происходящих в оной, тем пространнее, быть может, философское или познание причин. Должно существовать вещи, чтоб можно было подозревать, что есть или была ее причина доискиваться и находить оную. Чем пространнее то и другое, тем обильнейшие плоды способность изобретения обещать будет и действительно произведет, если только приличными случаями и средствами побуждаема будет к деятельности. Посему дабы способность изобретения, возбужденная и образованная математическими науками, не ограничивалась одними их пределами и была плодотворнее, то кроме рассматривания и сравнения истин в них предлагаемых, при наблюдении того, о чем вышеупомянуто, весьма нужно, не считая себя рожденными к приобретению одного определенного рода понятий, упражняться и в других, по крайней мере, тех, которые к математическим ближайшее имеют отношение. Такова есть, во-первых физика. Во-вторых, плод ее и математических изысканий, технология или познание искусств и художеств. Сюда принадлежат все способы вещественно удовлетворяющие нуждам человека и физическое влияние, имеющие в споспешествовании общему благу. Надобно только иметь любопытство, чтоб охотно наведываться о средствах употребляемых в последних, то есть рукоделиях и художествах для различных намерений. Историческое оных познание побудит вникнуть в причины употребления их. А исследование сих, сопровождается, будучи счастливой удачей, ободрит разум и подаст силы, при обогащении себя познанием наук и искусств содействовать взаимно полезными изобретениями приращению их благоуспешному распространению и ощутительному непрерывному влиянию во всех и каждого благоденствия. Вот ПП. СС. краткое начертание цели математических наук и путей благонадежно ведущих к оной! Сие и сим подобные правила должны руководствовать упражняющегося к приобретению полезных успехов. Сии намерения должны оживлять в нем сообразные себе чувствования, а сии должны сопутствовать ему в трудах его.

Науки, распространяемые в любезном нашем отечестве благонамеренными попечениями прозорливия и чадолюбивейшия нашея

Монархини, премудрыя Екатерины, ободряемая ежечасно и приводимая день ото дня в более цветущее состояние высокими и бесприкладными Ея щедротами, должны приносить всегда плоды, достойные милосердых и спасительных Ея намерений. Покоясь в тишине под сенью благодати истинныя своя покровительницы и напояемы будучи милосердою рукою ежедневно изливаемыми на них обильными щедротами, должны оне возрастать и умножаться к распространению познания произведенных природой на пользу человека вещей и подлинного их употребления, к образованию умов, к конечному истреблению грубого невежества, к очищению чувств и склонностей и насаждению в сердцах благих и кротких нравов, изображающих благотворное влияние во всех богоподобной души повелительницы нашей. В сем истинно величественном состоянии служить великолепным украшением и незыблимой подпорой общего благоденствия, благо намерениями и прозорливостью движимого скипетра мановением повсеместно с Богом врученном Ей, достоянии устрояемого и споспешествовать неизгладимой в памяти грядущего потомства и вечной славе кроткого и премудрого ее царствования.

Сия единая жертва, самим Богом, вдохнувшим в человека сладкое чувство благодарности, от нас требуемая и могущая быть благоугодна и возлюбленной его Помазаннице, образ его величества, премудрости, правосудия, милосердия и благодати на земле представляющей. Сия единая жертва с благоговением по мере сил должна быть приносима всеми, как посвятившими себя приобретению познания в науках и распространению оных, так и пользующимися плодами сего неоцененного дара чадолюбивой оного подательнице. С несомненным упованием, что при слабости сил наших сие пламенное усердие способствовать по возможности неусыпным Ея попечениям об умножении общего блага, будет принят материнскими Ея чувствами, хотя некоторым воздаянием за совершенное пожертвование Ею собственного покоя устроений общего России блаженства.

Всесильный царю царей и источнике всего блага, Ты вливал в нас желания и любовь благоденственной жизни. Ты сам увенчал оные, ниспослав свыше приседящую престолу величества твоего премудрость и с ней подав силы истинной Матери отечества нашего благоуспешно устроить наше блаженство. Сотвори и ныне благоугодны пред тобой и полезные желания наши! И сохрани драгоценное для нас Ея здравие неврединно до поздних лет. Да царствуя долговременно,

утвердит паче блаженство врученного Ей Тобою народа. И да подражая, ей земные владыки по всей земли зиждут благовозлюбленного твоего создания! Благослови долготой дней дражайшего российско-го наследника, возлюбленную ее супругу и вождельные их отрасли, общую России надежду! И благоволи, да некогда, с наследием скипетра и благотворных свойств великия души их и Отечества матери, наследуют и всю приверженность сердец, и умножая общее блаженство, созиждут свою и умножат Ея славу! Ниспошли и верным сынам Отечества святую помощь Твою, излей и на них от духа Твоего и всели в сердца всех единое стремление сообразоваться мудрым ее намерениям. Да возвеселится мать о чадах и да чада, в радостных ликах воспевая все благий помысл твой, с благоговейной благодарностью к образу твоему на земли наслаждаются присно устроенным ею общим благоденствием!

**СЛОВО ОБ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ,
ИСТОЧНИКАХ И СРЕДСТВАХ ПРОСВЕЩЕНИЯ:
На всерадостный день тезоименитства
великаго государя, императора и самодержца
всёя России Павла Перваго, В торжественном
собрании Императорскаго Московскаго
университета июня 30 дня 1800 года
говоренное коллежским ассесором,
философом и св. наук магистром и математики
профессором Михайлом Панкевичем**

Неизгладимо без сомнения пребудет, Пп. Сс. ³⁰⁶, в памяти родов грядущих веков истекающие столетие. Погружаясь в океан вечности, увлекая в сие неизмеримое всех бытий вместилище последние струи свои, остается оно, к чести человечества, к незбылемому нашему и потомков блаженству, в подлунной, в бесчисленных памятниках, возникших всюду по следам течения его благотворных небес влиянием. В памятниках, украсивших более, нежели во все вместе прошедшие века обитаемую нами планету. В памятниках, на которые воззрев и строптивый, безжалостно все истребляющий Сатурн, в изумлении опустит всеразрушающую косу свою, не смея коснуться произведения, по твердости способным притупить острие ее, по изящности беспримерным во всех прошедших веках. Не восходя до глубокой древности, в которой состояние всех общепользных знаний, от попечения человека о бытии своем, от единой деятельности разумной души его существование получивших, нам не известно. Бросим беглый взгляд на малочисленный ряд веков, предшествовавших эпохе нашего летоисчисления, и на все от оной протекшие.

По достоверным, дошедшим до наших времен историческим источникам, не более как за пять с лишком веков до оной появились первые основания наук в Греции, переселены, будучи туда из Египта, по достоверным преданиям более прочих стран света изобретениями ума славившегося в древности. Обитатели страны, по высокой степени совершенства науки, искусства, художеств — общепользных знаний, всех прочих ныне счастлившей, озарены будучи сими первыми лучами истины, ощутив от них бодрость и новую жизнь, обратили на оное все свое внимание, устремились всеми силами к изысканию источников животворного сего света, и блистательными, по

всем человека отношениям, подвигами вскоре себя и других уверили, что ум есть надежный вождь к истине и блаженству, бесценный дар небес, искра божества, в брени обитающая! Богослужительная, политическая, семейственная все прочие части соотношений в краткое время произведены до высокой степени благотворной и неутомимой его попечительностью.

Двадцать три века разделяют сии времена от наших. Какие пути к блаженству не были бы уже открыты пронизательностью ума, если бы они, вступив в сие достойное себе поприще, проходил оное с одинаковой ревностью и безпреткновенно! Басни о золотых веках о сию пору не заслуживали бы никакого внимания — исчезли бы пред немечтательными благами жизни. Но видно, по предъявлению не постижимому, надлежало, чтоб стремящийся к блаженству человек до некоторого времени призраками оною, как будто блудящими огнями, томим был для приобретения, может быть нужной опытности. Для уверения, что на путях к истине и счастью без осторожности и самые чувства и внутренние побуждения, сии вожатые и советники, природой нам данные, могут завести в лабиринт бедственных заблуждений. Чего не испытал он? В самые первые из известных нам времена плаванья своего по океану истин к искомому счастью, приразясь³⁰⁷ пагубным скалам самолюбия и окружающих его пристрастий, сокрушился, раздробился, ко вреду человечества, на секты! В сем болезненном состоянии, вместо искания истины, сражался он постыдно сам с собой. И не смотря на оказанные иногда усилия помочь себе то синкретизмом, то еклектицизмом³⁰⁸, то другими мнимыми врачествами, пострадал, раздирая бедственно сам себя, почти до седьмого века. В последующие времена, около пяти веков, скитался он без пристанища, и часто, от совершенного о себе небрежения, доходил опять до крайнего бессилия. Потом, по испытании возможных, казалось, искушений, появился он у схоластиков. И тут оказал он свою деятельность, но жаль! Занимаем был во всех тогдашних училищах почти одними бесплодными тонкостями, расположением и созерцанием понятий отвлеченных, в одном воображении существовать способных, и никакой пользы для общежития не обещающих — сими и враждебными об них словопрениями. Память *именинников* и *вещественников*³⁰⁹ сохранена будет навсегда в летописях ума не менее в предосторожность, как и в доказательство тогдашнего злоупотребления сего высокого дара.

День ото дня человеческий рассудок, более углубляясь в отвлечения, более удаляясь от природы, от часу более обременял себя производимыми непрерывно творительной своей силой воображительными существами до того, что, наконец, не будучи в состоянии согласить необъятного множества оных, впал в жалостный скептицизм. Уже близок он был к совершенному изнеможению, как провидение, жалея над человеком, возвратило ему животворным неким дуновением силы и крепости. Пришедши в себя, устыдился он от потери почти восьми столетий, но пересматривая не менее века свои работы, не нашел он в них путей к истине, сей первой цели его стремлений. Научившись многими, оскорбительными для человечества опытами, изнуряясь многообразными бесполезными покушениями, ощущает наконец он, что во многом гоняется за привидениями, возвращается вспять, входит — в недоумении, что начать — внутрь себя, ищет во всех своих деяниях, ощущениях, побуждениях источника всех прочих поползновений, всех претерпленных злключений, и усматривает оной в пристрастиях, и особливо в отдалении от законов правды. Усматривает и тут же, в награду за осмотрительность, вспомоществованный свыше, к неизъяснимому своему обрадованию, обретает путь, прямо ведущий к истине — единственному источнику человеческого блаженства!

Возрадовался он, как исполин, тещи путь сей! И ознаменовывает окончание пятого на десять века вступлением в оной, а начало шестого на десять истинным уже еклектическим своим состоянием. Таков был ход разума, а с ним и всего общепользнего, до начала шестого на десять столетия! С сего времени все познания приняли лучший вид и умы, посвятившие себя распространению оных, придерживаясь обретенного счастливого пути, наконец доказали свету самим делом пользу истинного любомудрия. Но надлежало идти по огромным хаосным развалинам древних умозданий. Отделить везде тьму от света. Сразиться с привычками, предрассудками, пристрастиями, победить и истребить их. Низвергнуть идолов сект и разорить их капища до гипотетических оснований. Трудный перелом! Везде однако же торжествует здравый рассудок, и полезные сведения все, хотя медленно, приближаются к своей зрелости.

Два особливо нашему предшествовавших века отличились значительными приращениями многих полезных знаний, но вечными судьбами представлено было истекающему столетию превзойти несо-

мненно все прежние обогащением и украшением ума человеческого бесценными изобретениями и правильными о вещах понятиями, обещающими несомнительное руководство ко множащим и к возможному направлению природы к благу человечества. Преизящные плоды еклектического состояния ума превзошли всякое чаяние. Там пишут восхитительную картину всех произведений природы. Там новые Прометеи похищают огонь у неба, и чудесно освещая им стези природы, усматривают непримеченные по наш век ее богатства. Там постигают и шар, обитаемый нами, и купно сии несчетные, ему подобные, вероятно так же и населенные, всемогуществом по бездне рассыпанные, непреткновенно в беспредельном пространстве плавающие светила по стезям, волею Всевышнего каждому предписанные и хранящие стройность и порядок в их движениях. Там — в лаборатории подлунной — присматриваются к приемам природы, и им представляются новые вещей начала, и стихии аристотелические кажутся пред ними исчезающими. Там — в самом жилище бессмертной души... но возможно ли исчислить все блистательные подвиги ума, отличающее наше столетие? То истина — и не довольно ли сего, что все протекшие тысячи лет существования мира меньше произвели к пользе и чести человека, нежели одно достославное истекающее столетие?

И твое, в державах, препрославленная Россия, могущество, просвещение, истинное величие не в сем ли веке попечительным промыслом свыше ниспосланных, мудрых и в деятельной любви к тебе все свое утешение и славу полагавших помазанников Божиих возведено на степень совершенства, на которой с завистью зрят и ужасаются тебя твои и общего благоденствия враги. Удивляются все и царства дружественные от тебя единой чают спасительной помощи и утверждения своего благосостояния. В пятом на десять веке единомушние влияло в тебе крепость и ободрило природное твое мужество. В шестом на десять счастливо распространенным владычеством вообще возросла ты в силах. В седьмом на десять возвращается в недра твои знатная часть отторженного в бедственные времена, хотя и свергнутого иго, но долго безнадежного покровительства пребывавшего не малочисленного народа, соименного тебе и чтящего тебя матерью своей, просиявают лучи просвещения, начертываются Монархом попечительным спасительные законы, и ими предохраняется благоустройство твое. Достопамятен, для тебя и сей ныне! Приближается восьмой на десять, и все благое провидение дарует тебе в истинном Отце отече-

ства, Петре I, бесценный залог своего благоволения, несомненную надежду скорого возвышения и утверждения твоего благоденствия. На сем камне основано блаженство твое, и злость завистников твоих не одолеет крепости твоей!³¹⁰ Восходит на трон России сей беспримерный во владыках земных монарх, и дух владычий, опочивший на нем со дня рождения, и нередко чудесным образом охранявший от опасностей жизнь, вдохновенную в бренное жилище для счастья миллионов, льется чрез Помазанника Божьего на Россию в дарах благоданных, бесчисленных! Движимый истинной отеческой любовью к подданным, он обретает покой в непрерывных трудах, в едином попечении о благе чад своих. Озаренный мудростью, видит все средства благоденствия, странствуешь сам для доставления их своему народу, возвратясь обогащает ими, украшает и преобразует Россию, к удивлению всего света. Воинство является в новом образе, оружии и устройстве. Преследуются злонамеренные мятежные замыслы в самых сокровенных убежищах и все конечно истребляются. На зыбях, казалось, всей природой забытых, возникает град великий, многолюдством и великолепием гордящийся пред знаменитыми, издревле в Европе. Моря изумляются, видя новых повелителей! Россией, едва державший прежде в верившей себя сей непостоянной стихии, научается попечительным Отцом и Героем искусству владычествовать и ею, и нравами с другими державами ступает небоязненно по хребтам влаги, красующимися ныне новыми своими, давно уже на суть по мужеству славными обитателями! С народами, едва по имени прежде знаемыми, ныне входит в союзы взаимных выгод. Присовокуплять чуждых стран произведения к своим, рассматривать нравы, обычаи, законы, изобретения, заведения, средства просвещения и вскоре из всего того лучшее видеть и у себя. Зиждуются храмы наук и общепользных искусств, распространяется и процветает коммерция, одобряются рукоделие и промыслы и при совместном внутреннем устройстве и правосудии, при мужественном отражении внешних неприятелей, чада России, принесенные ангелом — хранителем своим, спокойно наслаждаются и обилием внутренних плодов, и произведениями дружественных держав, получаемые на избытки собственных.

В прошедшем столетии положены первые основания благоденствия России, а ныне истекающего едва проходит пятая часть, как все державы изумленными глазами видят ее облеченную в силу, выделение и славу — возведенную на степень блаженства, какой достигнуть

просвещеннейшие из них едва надеяться смели. Провидение, по неиспытанным судьбам, погружает Россию в мрачное сетование безвременным лишением попечительного, мудрого и по любви к ней, несравненного ее преобразителя, но вскоре, милосердовав о возлюбленном народе, ниспосылает ему утешение в преемниках петровых. Видит в них Россия усердие к общему благу, любовь и благоговение к мудрому своему предшественнику, и ревностное попечение о сохранении его учреждений, уставов и о произведении в действо великих великого монарха начинаний; видит и утешается. Общепользные учреждения приумножаются; ее законы все идут к большему совершенству, ее силы на суше и на море соблюдают совершенный порядок; благоустройство и возрастают, владычество ее распространяется частью возвращением древних, несправедливо некогда отторгнутых от нее достижений, частью произвольным благопрозорливых Царей препоручением себя и своих народов России, несомненно, чаявших обрести и действительно обретших под сенью могущества ее, мудрых законов и доброй веры невозмутимый покой и общее всем ее чадам благоденствие.

Уже окрестные державы поставляют честь, славу и надежную поддержку в дружественном с Россией союзе, а дерзающие нарушить спокойствие ее покушением на беззакония притязания бегут со стыдом, вспять лишаясь, вместо приобретения собственных земель, бывших свидетелями геройских подвигов росса, отражающего несправедные на права его покушения и вознаграждая ими труды победителя. Словом, в течении незабвенного исходящего века, возрастает Россия, к удивлению Вселенной, в обилии, благоустройении, пространстве, крепости, силы и славы!

Не меньше возрастает она и в просвещении. Занимающие важные, не менее познаний и образования, как в природных способностях требующие государственные знания личными достоинствами то свидетельствуют. Свидетельствуют многие храмы, посвященные воспитанию, по ходатайству усердного сына Отечества, высоко матерными щедротами несравненной Великого Петра дочери в сем же столетии воздвигнутое. И как того же мецената, запечатлевшего имя свое в благодарных сердцах признательных соотечественников, так и других, вверяемых воли монаршей исполнителей ревностью в краткое время существования его благоустроенное, распространенное и постепенно доведенное до нынешнего по истине цветущего его состояния.

Свидетельствуют, говорю, священные храмы сии образования умов и назидания сердец юных чад России! Вас призываю в утверждение моих чувствований, вас, приосененные милосердием и щедротами высоко монаршими юноши. Вы имеете просвещенных, сведущих точно прежнее и нынешнее состояние всех царств земных, откровенных к вам и усердных наставников! Скажите, слышали ли вы от них, чтобы в какой, из просвещеннейших держав, прилагаемо было в числе средств общего благоденствия столько попечений о просвещении, сколько в сие столетие приложено у на благодетельными нашими монархами? Тысячи и ныне ведутся единой монаршей рукой по стезям просвещения, куда? К украшению, чести и славе России — к собственному их благоденствию! Тысячи последуют высокому сему образу, имеющие к тому от щедрот монарших же средства! Тысячи и тех и других достигли уже сей цели! Взирали некогда некоторые окрестные с пренебрежением на Россию, как на народ, получивший от природы в удел одну отважность, обращающуюся часто без образования во вредную дерзость. Как на народе, сообразные суровости климата чувства, имеющие и единственно физические трудности переносить способный: нынешний век истребил укоризненное сие мнение. Теперь все чтут в ней дарования и самое просвещение, благоустройство во всех частях, мудрыми уставами и законами охраненное. Видят всем изобилующую, уважают великость духа, истинную храбрость, могущество — теперь завидуют ее блаженству! Что, однако же, было бы в нашем понятии и сердце все наше счастье, если бы, при наслаждении оным, могла в нас родиться мрачная мысль: «На свете все превратно!» нет ПП. СС. ! Унылое сие чувство не может более коснуться души здравомыслящего россиянина и возмутить успокоенное надеждою его сердце! Блаженство наше никогда не уподобится сну восстающего. Сам Господь благодатью утверждает державу России! На престол ее взошедший со скипетром Павел Первый, купно с троном и все высокие царственные добродетели от незабвенных, великих своих прародителей наследовавший! В немногие годы благополучного царствования, прозорливой мудростью объемя все части сколь высокого, столь и многотрудного своего сана. Вникая во все подробности государственного правления, дополняя везде недостатки, искореняя злоупотребления, поощряя способности, отличая истинное усердие к общественной службе, прилагая неусыпное попечение о благе своего народа, утвердил уже, несомненно, всю Россию в вере,

что сердце его в руке Божией, что сила Всевышнего приосеняет Его, хранит, подкрепляет и руководствует во всех начинаниях. Уже Россия благоговеет в неутомимом своем монархе к подобию, бессмертного своего образователя. Видим, что дух, который был в незабвенном Отце отечества, Петре, истинно Великом, обретает и в нем, Петра великого проницательность, Петра Великого решимость, та же твердость духа, та же правосудие, та же, не только в пространной своей империи, но в других державах, по преднамерениям и связям, клонящимся к благу своего народа, всегда и везде присущность! А сии природные чада Павловы, сии знаменитые потомки Петровы, крепостью тела и силами духа щедро свыше одаренные, столь ревностно в трудах, для нашего блага подъемлемых, высоким своим родителям споспешествующие и в благодарной науке хранить и возвышать народное счастье теперь уже благовременном преуспевающие!

Чего еще можем пожелать мы для уверения в нашем истинном блаженстве для совершенного нашего успокоения? Петр I ознаменовал окончание седьмого на десять и начало истекающего века, положив твердые основания могущества, славы и блаженства России устройением внутреннего порядка, учреждением флота и сухопутных войск, начертанием военных и многих гражданских законов, распространением торговли, насаждением наук и попечением во все времена вечно достопамятного своего царствования о ее образовании: Павел Первый, бодрственно текущий по следам великого своего прародителя, ознаменовал уже достославно окончание истекающего века блистательным обновлением внутреннего и внешнего состояния России. Восходит попечительный монарх наш на прародительский трон, и воинство преобразуется, получает новые уставы, истинное усердие поощряется несомненным уверением в принадлежащей себе награде и леньность в едином пронырстве, часто деятельная, изгоняется вон из сообщества защитников Отечества. Пред проницательным взором Павла Первого нельзя казаться и не быть, быть и не казаться! Утверждается на царстве священным помазанием и высочайшим корованием Павел Первый. И Россия слышит из уст помазанника божья, приемлет из рук его незабвенное законоположение о наследствовании трона, утверждающее непоколебимо и вечно благоденствие России! Разорительная роскошь, дочь праздности и слабоумия, скрывавшаяся под маской поощрения помыслов, со всеми ветреными вымыслами бежит от грозных взоров монарха, любящего

видеть в своих поданных скромную умеренность и утеху, с здравым смыслом, с частным и общественным благом совместные. Открываются попечительной рукой монарха для расстроенных необходимостью, непредвиденными случаями или неосторожным поползновением, спасительные средства выставления своего благосостояния; одобряются все полезные прежние заведения, созидаются новые храмы наук и несчетные другие меры возвышения и обновления России. В краткое время оканчивающего века пронизательностью Павла Первого предусматриваются и производятся в действо! Каких же средств, благоденствия может не ожидать блаженствующая ныне уже Россия в следующем столетии от мудрого и попечительного монарха? Сухопутное и морское ополчение, правительства, законы, науки, искусства, художества, рукоделия, хлебопашество, внутренние промыслы, торговля внутренняя и внешняя, и все прочие части, или средства народного благоденствия в наступающем столетии вскоре без сомнения достигнут возможной степени совершенства. И блаженствующая Россия плодами усердной преданности и повиновения монархам своим уверит все царства земные в той великой истине, что вседушная и постоянная любовь к монарху своему и Отечеству есть обильный и не иссякающий источник народного счастья.

Празднуя П. П. СС., день Тезоименинства промышляющего столь попечительно, мудро и благо успешно о нашем благе всемилостивейшего нашего монарха, Всепресветлейшего Государя Императора Павла Первого, можем ли мы не възыграть сердцем и не излить торжественно чувствований всеподданнейшей, усерднейшей радости, проистекающей из чистейшей благодарности ко всевышнему за хранение дражайших дней нашего государя и всей его августейшей фамилии? Светло торжествует знаменитый день сей российская церковь, красующаяся благочестивейшим, венценосным, великим пастырем начальником своим, возлюбившим ее и облекшим в новое благолепие. По стогнам градов российских раздаются звуки радостных восклицаний народа, веселящегося о Царе своем. И в сем ли храме, посвященном распространению просвещения, основанном усердною к намерениям Петра Великого, бессмертной его дочерью Елизаветой I, и щедротами Павла Первого украшенном и распространенном, ни слышатся радостные исповедования благодарных сердец — шумы празднующих! Стены даже сии безмолвно вещают уже об излитых и на сие общепользных знаний святилище обильных высочайших

щедротах! И мы ли будем нечувствительны к монаршим и о нас печениям? Нет! Горя усердием к благодетельному своему монарху, участвуя в зиждимом им всей ныне торжествующей России благоденствии, и мы не можем быть безгласны! И мы изыдем пред ним верно усердные сердца наши! Что же принесем из сокровищ их? Блистательно отличается истекающий век от всех прошедших обращением во благо России великих в роде человеческого происшествий. В сем достолавном возвышении ее замечательно, что блаженство и просвещение ее не иначе, как вместе шли к своему совершенству. Давно уже пресветлейшими нашего монарха предками сеяны были семена полезных знаний, но, по неведомым судьбам, не получая животительной влаги, иссыхали. Петру Великому провидением predetermined было счастливо насадить и произрастить их. Почтительные к памяти Отца отечества преемники возделывали и доводили их до цветущего состояния. Павел Первый оживляет вновь и одобряет их монаршим вниманием, вкореняет их глубже и надежнее, распространяет и вящше украшает ими любезное Отечество. Не Россия одна, свет весь то видит, что Павел Первый любит просвещение и по любви к усердным подданным и по чистейшим удовольствиям, какие вливает и ныне в чувствительное ко всему полезному, изящному и великому его сердце и ум, от природы тонкой и сущностью из всех человеческих познаний налитый! В столь величественном уверении, и не менее в истинном чувствовании о высоко просвещеннейшем нашем монархе, можем ли мы благо угоднее изъявить все подданическую радость нашу, как исследованием истинны, соответственной месту, веку, знаменитому по просвещению России, и высоко монаршему к наукам вниманию? В сем благонадежном чаянии, с позволения Гг начальствующих и согласия ученого сословия, намерен я предложить вам, ПП., СС., посильное мое рассуждение *об отличительных свойствах, источниках и средствах общепользного просвещения.*

Истинная ваша любовь к просвещению и усердие способствовать благодетельным высоко монаршим видам в распространении оногo и возведении наук на высочайшую степень цветущего их состояния несомненно обещают мне благосклонность вашу и одобрительное внимание.

Нет во Вселенной, утверждают метафизики, двух вещей совершенно подобных между собой³¹. Им предоставляя распространять неложность мнения сего до двух капель воды, мы не можем сомне-

ваться в нем, по крайней мере, касательно просвещения и неведения. Никто не поверит, чтобы состояние народа, украшенного полезными сведениями, обогащенного всеми его плодами, не различествовало от состояния необразованных скитающихся полчищ диких. Так, как различествуют красные и благорастворенные майские дни от самых мрачных и холодной сыростью по всему составу нашего тела до души оскорбительные чувства разливающихся осенних ночей. Как чистое и острое зрение от глаз потемненных, едва видящих человека, яко древа ходящие. Посему всякий может удобно распознать их! Так для чего же с потерей времени тщательно исследовать сие различие? Есть тут степени, подобные примеченным испытателями природы в ее царствах от земли бесплодной, неспособной приводить себя в определенный образ, до кораллов, от кораллов до полипа, от сего до человека. есть в наши времена разногласие о том в чем полагать должно просвещение. Есть, по установленному самой натурой разнообразию природных склонностей, от посредственности до крайностей добра и зла едва приметными степенями разнодействующих, содействием воспитания и несчетных случаев жизни, превращающихся, наконец, в непреодолимый характер — есть и тут, как по другим отношениям человека, и неблагоприятные, более по частным своим видам, нежели сообразно общественной пользе умствующие и неискусившихся в заблуждения вводящие. В чем и когда не было наружности и личин обманчивых? Самые средства, употребляемые иногда и в наши еще времена, кажется напоминают о том, что не бесполезно обращать и на сей предмет осторожное внимание и рассматривать оной из возможных точек, дабы открыть приметы, по которым бы можно было надежно не только тень от самого сего света различать, но и определять степень оногo. Поищем их. И не обращая особенного внимания на все предметы и встречающиеся случаи, нельзя не заметить, что даже обыкновенные искусства до рукоделий ощутительно действуют на человека так, что по мере входящих в художество веществ и их приготовления, по мере способов и приемов остроумно вымышленных для произведения работ в каждом и по мере многообразных употреблений сих изделий, образуют ум его и делают оный удобообращательнее, внимательнее, тоньше и ко всему примирительнее того, которой, будучи от природы такой же доброты, не был бы употреблен ни к чему, кроме дел ежедневных и обыкновенных. Что же должно думать о множестве необъятном

тех истин, которые по различию предметов и рода их, будучи разделены на разные классы и приведены в соответственный натуре ума человеческого? Сколько он до наших времен сам себя понял, порядок составляют различные науки? Ум человеческий возбужденный, оживленный, напитанный, обогащенный, ими остается, конечно, тем же умом, но не иначе как мрамор остается мрамором и после искусного резца. Столько же чувств, как и прежде, те же органы служат ему. Так же как и всякий другой, осязает, вкушает, обоняет, слышит, смотрит, но его сии и все прочие чувства, при каждом на них действии, производят в душе многочисленные в гармоническом порядке, в наилучнейшем и совершенном с оригиналами сходстве представляющие образы. Все чувства благовоспитанного пред неочищенными и неизощренными образованием ума то же, что вооруженный глаз лучшим микроскопом или зрительной трубой пред невооруженным простым. Тот видит ясно, а сему кажется, что видит. Истины сии, прошедшие, на подобие всеразрушительного вещества, сквозь невестественную натуру ума, превращаются сами в ум и ум в них. Природа видимая вся, если они таковы, с невидимыми силами, с пружинами от глаз обыкновенных сокрытыми, со всеми чудесными переменами, явлениями, сокровищами существует в нем и он в ней, чудным образом, не слишком и нераздельно. Он даже, иногда беспредельно, всей природой неместимого, со всеми бесконечными совершенствами, из неодолимого стремления к высочайшему блаженству в себе вместить покушается! Любезное он дитя природы, если истины сии в ней почерпнуты и не обезображены, дитя, которым она любит, созерцающая в нем, как в чистейшем зеркале, исполнение своих благодетельных намерений, истинный свой образ: бремя он ей оскорбительное, укоризненное и ненавистное порождением; если, удаляясь от мудрой и щедрой, но вечно в правилах своих постоянной, и немалейше попорочить не могущей своей матери, родит из себя, не сущая, творит из них нелепое и невозможная!

Вечная истина, что древо познается от плодов. Плоды воли суть намерения, предприятия, средства — образ всех действий. Возделана ли она, и озарена ли светом истины? Намерения души чисты, предприятия непорочны, средства верны и справедливы, пути правы. Она тут не высказывается, ни кроется и всеми видима. Испорчена ли воля и развращена: никакая хитрость не достаточна для того, чтобы закрыть позорное состояние души от глаз внимательных и искушен-

ных. Она изливается чрез все. Движения, взоры и сии тонкие изменения, сии оттенки лица, которых и самая искусная кисть представить не может, — все, все изображает ее, даже до выражений и голоса, какими произносятся и который часто, отнимая у них обыкновенное значение, помещает их в число действий, запечатлевающим на сердце нашем и совершенно сходно и неизгладимо характер человека, для внимательного взора не закрывает нас и самое искусное подражание другим. Выйдет чрез то чужой портрет, но все прозрачный, за которым будем видны мы. Неразлучно действуют, по большей части, ум и сердце и вместе так же обнаруживают степень чистоты и доброты своей.

Сколько бы пространно и многолюдно государство ни было, сколь ни различные народы по происхождению, по родам и первоначальным обычаям составляли бы оно, сколь ни многие различные состояния по разным общественным обязанностям, упражнениям, предметам промыслов и рукоделий и другим средствам законного и честного пропитания, выгод и удовольствий жизни, развлекали всеобщее внимание и раздробляли оно, по различным при том каждого склонностям и видам. При всем при том, как каждый есть не ничтожный член в своем круге, так все состояния суть члены одного государственного великого тела, так все они вместе составляют один политический корпус. Есть и здесь всеобщий дух разума, есть непременно господствующие склонности и навыки, показывающие едино знаменательными и верными признаками воспитание и саму породу. Родятся во всех частях света с понятием и стремлением к блаженству. Устроение тела и при том с самого младенчества, поощрения, внушения и привычки направляют силы душевные к предметам определенного рода или свойства преимущественно пред другими. А небрежение о сих способностях и склонностях или рачительное оных воздвигание бывают причиной или неведения, заблуждений и пороков или просвещения и добродетели. Вкоренен ли обычай в народе примечать за способностями и склонностями юных своих отраслей, видят ли новые жители земного шара в старейшинах, в испытывавших уже часть большую случаев жизни, поведение, дела, речи, с натурой изведываемых и ими происшествий, со здравым рассудком и неповрежденными чувствованиями согласные. Примеры благоразумия, благонравия, осторожности встречают ли везде на стезях, для них еще новых. Произведения ума человеческого, по пробуждени-

ям необходимостей жизни, изобретенные и веками доведенные до постепенно до настоящего их удовлетворительного совершенства. Видят ли повсюду остроумно изобретенные способы покорять на служение человеку животные, растения, безжизненные произведения природы, во внутренности земли обретаемые и самые стихии. Удовлетворяются ли младенческое их любопытство, при взгляде на обыкновенные перемены и явления в природе истинными и благо-разумно приноровленными к нежным их чувствованиям, незрелому еще и убогому понятию объяснениями. Все сие действует на их умы и сердца, все возбуждает их, обогащает, изощряет, возвышает и утверждает в подобной деятельности. Все сие готовит в них обществу внутреннее украшение, приращение благоустройства, блистательную внешность и подпору его благоденствия. Блаженна страна, в которой так тщательно руководствуется юношеский возраст, в которой на сей нежной, все удобно приемлющей и произрастающей земле, сеются семена сии, обещающие обильные и сладчайшие плоды просвещения и добродетели! Если существует во всех состояниях и повсеместно в народе сия заботливая внимательность к юным отраслям. Сия нежная, усердная, поощряемая истинною к отечеству любовью попечительство о возможном предохранении телесных и душевных сил молодых сих и неопытных еще сограждан от предметов даже безвредных, но и пользы не обещающих, о влиянии в сердца их назидательных правил, о предании от рода в роды издавна известных, и вновь обретенных средств и семейственного и общественного счастья, и о утверждении любезнейшего своего потомства в сем неоцененном наследии. То сердечные сии стремления не могут быть сокрыты от внимательного взора и составляют уже несомненный знак народа, если в невысокой степени просвещенного, то, по крайней мере, уверительно почувствовавшего цену просвещения и на путях надежно к оному ведущих обретающегося. Желательно знать степень просвещения? Обратим только внимательный взор на все встречающиеся предметы и везде найдем объяснения удовлетворительные для любопытства. Состояния, число их, число склонных к каждому в особенности ищущих в нем своего счастья, мнения каждого состояния о других, взаимность, существующая между ними, образ жизни, чувствование своего бытия большей частью составляющих каждое. Чувствование всем действиям, дающее жизнь и вид, — все в ясных и выразительных терминах скажет степень образования

народного. Что сказал бы европеец, взглянув на скитающиеся орды, где бы он, кроме слабых луков, стрел и копий, не видал никаких других орудий, кроме ущелий гор, никаких других оград и укреплений, для защиты себя от неприятеля, где бы одна звериная кожа и та переменами только погод выделанная, служила одром, покровом и единственной одеждой для всех времен года, где бы или норы подобные звериным или шалаши и слабые хижины, едва дыханию воздуха противостоять могущие, на берлоги более, нежели на жилища разумной твари похожие, были единственные убежища от стужи, зноя и непогоды, единственные чертоги, вмещающие по несколько семейств, от привычки ко всем тесноты беспокойство и имени тесноты не знающих, где бы единственное прибежище в горестях от притеснений, непредвиденных несчастий, болезней и часто даже от недостатка ежедневного пропитания по причине скудных средств к тому, без сомнения, нередко претерпеваемого, было солнце, луна, растения или чурбаны безобразного дерева, к которым, простирая отчаянные руки, надеялись бы бедные сии от них облегчения участи своей, где бы единственное и ремесло, и знание, и предмет воспитания, и состояние ограничивалось ловлей зверей, птиц, рыб и разбойническими нападениями на подобные себе толпы, всегда между страхом и надеждой разорить их или подвергнуться бедственному поражению. Зритель наш, видя тут жалостную картину скудоумной и беззащитной простоты, своенравного и бедственного равенства, беззаконной независимости, повсеместного неустройства, бессмыслия, чувствований зверским подобных, суровой жизни и нищеты, простирающейся до ненадежности в дневном пропитании, бедном и по несродности с устройством тела, едва сносом, но и тут от одного случая зависящем, и всех прочих горестных следствий пренебреженного ума и не возделываемых душевных способностей. Видя все сие, не назвал бы, с сердечным умилением, наполненных страждущим человечеством, гнусных логовищ и их смиренными хижинами, убежищами чистейшего благонравия, добросердечия, взаимного усердия и истинного блаженства вечными обиталищами и благоговейного почтения достойными добродетелей храмами. Какое различие между скорбным единообразием сих полчищ, погруженных во мрак неведения, чувствующих конечно бедственное свое бытие, но способности мыслить о средствах лучшей жизни ощутить и возбудить в себе — открыть сей источник счастья недоумевающих,

и между благо учрежденными селениями, и великолепными градами страны просвещенной!

Здесь, если бы, при первом на нее взгляде, представились взору и земледельческие жилища, то и сии, пред мрачными норами и шалашами диких, по стройному расположению, показались бы несравнено приятнее. Прочностью родили бы то истинное мнение, что они основаны для постоянного и долго временного пребывания, что следственно, жители сии уверены в предохранении благоприобретенной собственности их от несправедливого насилия и разграбления, а учреждением, все выгоды для спокойной семейственной жизни, по состоянию сельскому, заключающим показали бы очевидно, что жилища сии служат благо надежным пристанищем, где мыслящие и попечительные о благоденствии своем существа спокойно наслаждаются плодами трудов своих, согласиём и благоразумием поспешествуемых. Какие же мысли способны возбудить сии обширные грады, сии бесчисленные горящиеся одни пред другими огромностью, величественными видами и кажется все усилия мудрости человеческой истощившей красотой, более храмам божеским, нежели человеческим жилищам, подобящиеся здания — сии, златом, серебром и произведениями ума человеческого и вкуса, знаниями и искусствами утонченного — произведениями очаровательными, блеск серебра и злата помрачающие, великолепно убранные чертоги! Сия жизнь, от пресыщения разве чувством неудовольствия иногда смущаемая — от того разве, что притушены чувства непрерывными и непомерными им удовлетворениями всем тем, что только природа и искусство для услаждения их могли произвести приятнейшего и привлекательнейшего! Возможно, ли подумать, чтобы сия наружность не показывала ясно, что в стране сей обитает просвещение? Там, скажет кто-нибудь, просвещение, где постоянное удовольствие, а в сих великолепных чертогах обитают часто и болезни и горести сердечные, раздаются такие же стоны и вопли, так же становится часто в тягость и сама жизнь, как и в убогих шалашах и пустынных пещерах! И никогда, может быть, человек не достигнет толь просвещенного, толь блаженного состояния, чтоб все несчастья предвидеть и отворотить. Многих всегда и самое наружное счастье поведет прямо к злополучиям. К тому же сие великолепие, сии средства блаженной жизни, если они принадлежат малой части жителей страны, конечно, не могут служить верным отличительным знаком просвещения.

Однако же не только сии чертоги, но и посредственные городские жилища все уже не смиренные хижины. Кто когда видал, чтобы обладатели великого имения, приобвыкшие видеть все потребное для удоволственной жизни в надлежащем благоучреждении, оставив все существа воле их покоренные — единого манования ожидающие для удовлетворения необходимостям, для доставления сладкого по трудам приятным успокоения и по успокоении различного рода забав и утех, вздумали искать постоянного спокойствия и златых дней в пастырских скудных жилищах, где засохший хлеб и вода служили бы для поддержания жизни, где несколько бессловесных составляли бы и все их владения и всегдашние заботы, где одни безмолвные деревья и дикие произрастания невозделанных полей были бы почти единственные и товарищи их и собеседники. Таковые желания в наши времена были бы сочтены знаком расстроенного и несчастно воспаленного воображения, противоборствующего природе, вливавшей в человека побуждения внутренние и им сообразно устроившей наружные чувства, для руководства нас к удовольствиям жизни. Прекрасны и сии предметы и они способны возвышать наши чувства и быть источниками истинных наших удовольствий, но когда? — При возделанных душевных способностях, при других дарах природы, пронизательностью опытами руководствованного и сведениями утонченного ума в ней открытых и обращенных в пособие жизни и в удовольствия, при благонадежном обладании ими. Тогда и они привлекают наши взоры, и они восхищают сладостными восторгами нашу душу, а иначе то, что в них есть привлекательнейшего, будучи сосредоточено, расположено игривым воображением в прелестные виды и оживленно чувствованиями нежными, и в самые блаженнейшие минуты умом и сердцем познанными и испытанными, может пригодится для идиллии, еклоги³¹² и сим подобных забав воображения. А для действительного благополучия — для него надо боле! Нельзя, конечно, сказать, чтобы обширность градов, великолепие зданий и множество жителей были верными указателями до соразмерной всему тому степени возвышенного и народного просвещения; напротив, сие великолепие, сия нега может проистекать и не от праведного избытка, и из коварного злоупотребления полезных знаний и самого человечества. По крайней мере, все сии произведения не единой беспомощной природы ясно показывают, что тут есть следы человеческие.

Пойдем по сим следам, и мы найдем другие признаки просвещения, если оно не мимоходом приходило в сию страну, и постоянно тут обитает. В ней без сомнения увидим мы разделение народа на разные классы, по разным общественным потребностям на разные звания, имеющие предметом своей деятельности совершенно различные вещи, но все отчасти всеобщих чувствовании и побуждений человеческих пружиною, отчасти благопрозорливой дальновидностью ума так распоряженные, что все и не мысля о том, взаимно поддерживают бытие свое, и подкрепляют себя в деятельности, и поощряют в возвышении себя приведением от часу к большему совершенству своих произведений. Обратим только на них внимание, и мы без затруднения найдем самую выгодную точку зрения для заключения по ним о существовании и степени просвещения.

Трудно представить себе государство благоустроенное и цветущее, которого бы жители не бесплодным одним созерцанием собственных не поврежденным склонностям удовольствий и истинно счастливой жизни тщетно силились успокоить естественные стремления души. Но в обилии вещественном, в удобном приобретении пособий приятного существования, в спокойном наслаждении всеми средствами, натурой и искусством для удовлетворения чувствам и сердцу произведенными, действительно вкушали бы истинные удовольствия, и прямое счастье, и которое бы при всем том не было составлено из многих и различных состояний. Богатства природы, способные спешествовать благоденствию человека, по всей вселенной рассыпаны, неисчерпаемы и многообразны, а множество состояний есть одно из необходимых средств удобнее и открывать их, и пользоваться всеми познанными. С первого взгляду, нет, кажется, проще так, как без сомнения нет полезнее и необходимее состояния земледельческого. Однако ж если представить себе и земледельца всеми, по своему быту, потребностями достаточно удовлетворенного, и совершенно обеспеченного и успокоенного, то легко увидим, что и оно, без других состояний, часто претерпевало бы непреодолимые, тягостные, а иногда разорительные и бедственные затруднения. Чтобы иметь все выгоды жизни, каких достоин сей смиренный, искреннего нашего уважения и сердечной любви достойный член Отечества, нужны для него так, как и для всякого другого ко временам года и переменам погоды приносившаяся одежда; нужно выгодное жилище, где бы мог он спокойно помещаться и со своим семейством и со всеми

его званию соответственными заведениями, припасами и избытками; нужны ему и орудия для обыкновенных работ, и средства для приготовления плодов, которыми награждает ежегодно природа труды его, к употреблению способному и удовлетворенному, а для всего сего нужны и металлы, и камни, и машины, и руки, хотя посредственно искусного художника, с состоянием простого земледельца неудобно совместного. Сверх того может ли земледелец быть вместе и воин, охранитель внешней безопасности, и судья, неусыпный блюститель внутреннего устройства и нерушимости прав каждому принадлежащих, и рачительный распространитель полезных сведений, необходимых для приведения в совершенство как всех прочих, так и сего состояния? Его звание так же сопряжено со многими трудами. Для восстановления исчерпанных ими сил нужно ему успокоение; нужно так же, чтобы труды его растворяемые были забавами и увеселениями, дабы он мог иметь любовь к самим трудам и сию привязанность к своему состоянию, которой одушевляем, бодрственно, с сердечным удовольствием и с благодарными к провидению чувствами проходил бы он предлежащее ему поприще. А все сие наполнит время, деятельность — всю душу его так, что даже истинное разумение его работ и приумножение изобретений, для облегчения трудов его, становится делом его попечительности; что другие предметы, вне круга его звания находящиеся, будут и вне его внимания и понятия.

Из всех других состояний одно другого, по их предметам, по образу понятий об оных, по усмотрению своему, пособиям, ходу, много сложнее. В каждом из них также легко усмотреть можно ту от других зависимость, по которой оказалось бы оно без них или не надобным или не способным не только составить счастье человека, но даже поддержать свое существование. Необходимы многие состояния для возможного облегчения человека в трудах с жизнью неразлучных взаимными пособиями, для учинения оной приятной. Но вот еще отличие благо учрежденной и просвещенной страны от народа или не познавшего путей к истинному счастью, или небрежением с оных со- вратившегося и заблуждающегося! В просвещенном государстве все жители разделены на звания, по упражнению и частным целям различные, но такие, которые, стремясь в разные стороны, стекаются все в центр общего блага. Нет в нем недостатка в состояниях, общественному благоденствию споспешествующих, нет, однако же, состояний и промыслов излишних и бесполезных.

Благотворное действие просвещения на мысли и склонности не останавливается, относительно состояний, на том, что содержит все их и каждое в границах соответственных благу общему. Оно входит во внутренность каждого состояния, сливается со всеми намерениями, предприятиями, делами и соразмерно своей степени, обнаруживается в каждом полезностью для других, привязанностью к нему членов его составляющих, благо успешностью трудов и совершенством произведений или плодов, отечеством от каждого ожидаемых. Где истинными познаниями образованные умы направляют внутренними побуждениями, там каждый почитает обязанность по своему званию делом Божиим, каждый разумеет ее, и по лучшему разумению, из одной доброй совести, исполняет с удовлетворительнейшей точностью. Распространители благочестия и сами там ходят во свете, и паству свою соделываться истинными сынами света усердно и здраво-мысленно поучают. Имея ум, озаренный святейшими истинами, дух, подкрепленный благодатью божьею, мудрствуя в простоте сердца чистого, они поучают так, как живут и живут так, как поучать должно. Иго сие и для них благо. Ибо проповедуют истинные добродетели, спасительные правила не иначе, как вкушая сами, и видя, сколь благ в промысле о нас Господь! Бремя сие легко и для получаемых, ибо, исполняя волю Божию, вкушают они сладкую за то награду и в сердечном удовольствии, за добрыми делами неразлучно следующем, и во взаимной любви и благотворениях ближнего.

В храмах, посвященных воспитанию молодых сынов Отечества, чистейшая и благоугоднейшая приносится оному жертва образованием юных сердец их. Тут нежными чувствам и умам сих будущих хранителей отечественного благоденствия внедряются с усердным чистосердечием, с неослабленным рачением истины, в природе и откровении почерпаемые. Истина пища ума, живительная для него, растящая и укрепляющая его. Вкушая те и другие, питаясь обоими, ощущает он приращение в крепости от обоих и для обеих. Приходя в силу, от часу становится пронизательнее, и от часу в первых вернее различает истинное от вероятного и ложного, а во вторых усматривает от часу явственнее благодать божескую. А при сем соединении от юности в душах естественного и таинственного Божеского света, ни какие ухищрения поработанного страстями сердца, никакое вольнодумство не может коснуться чистоты Богом данных и хранимых истин, и остановить их спасительное на сердце действие. Ни одно

богопочитание получает украшение и подпору из сих рассадников благоучрежденного государства. Сюда стекаются всех ожидания, отсюда, по достижении определенной степени зрелости в уме, сведениях, нравственных навыках и возрасте, по различию предопределений, склонностей, способностей и заимствованных пособий действовать ими, выходя, присоединяются воспитанные к разным общественным отделениям. И там уже употреблением действительным почерпнутых в молодые лета сведений утверждаются в навыках, избранному роду жизни свойственных. При таком ходе вещей, все состояния или постепенно принимают, или действительно имеют и внутреннее устройство, и наружность соответственную искусству и рачению делателей сего отечественного винограда.

Сия в весели играющая, кипящая чувствованиями удовольствия, о том одном, чем бы удовлетворить стремящемуся к утехам сердцу, и в полной мере излить приятные ощущения своего существования, заботящаяся юность. Сей здоровый подобящийся юношескому цвет лица в возмужалых летах. Сей бодрый зрелый возраст, охотно занимающийся общепользными трудами, как пищей для благовоспитанной души приятной и удовлетворяющей деятельному стремлению с крепостью сил, по большей части, неразлучному, сия благоразумная веселость нравов, сия скромная, непринужденная, любезная, ко всем случаям и характерам благоприменительность; никакой едкостью во взорах, словах, движениях не обезображенная едкостью, сколько несвойственной благовоспитанным сердцам, столько для них и несносною — по большей части, кажется, из души расстроеным телом теснимой, и соками испорченными почти беспрестанно беспоконной на все ее действия изливающиеся. Сия, везде встречаемая, сединою украшенная маститая старость, бременем целого столетия не согбенная, не только не стонущая под ним, но паче красящаяся им, бодрственно, весело, с сердечным утешением, с благодарными к творцу чувством. Поприще жизни оканчивающая, не есть ли знак верный, не менее нравственного, как и физического, с естественным устройством человека мудро соображенного и в народе распространенного воспитания, а следственно и общепользного просвещения?

Если внутри Отечества вся природа, осмысленным трудолюбием в готовности служить человеку вспомоществуемая, при посредственных попечениях, обогащает жителей нужными для удовольственной жизни произведениями, если при внутреннем обилии приобретают-

ся и извне или непосредственно возвысит благоденствие способные вещи, или для приведения в цветущее состояние разных знаний, заведений, мастерства, промыслов необходимые, то все сии отличия не могут быть признаны следствиями знаний жидущихся и хранящих благо общественное, плодами свойственными одному просвещению и попечений о нем не ложными знаками. Сии много численные стада пасущихся на тучных лугах животных, презираемых человеком и взаимно облегчающих труды его, сии струящиеся волны на золотой поверхности пажитей, покрывающих необозримые пространства ухоженных нив, сии от масти и тука³¹³ преклоненные долу, едва густыми стеблями поддерживаемые класы³¹⁴, которыми гордится земля ими украшенная и их питающая, которыми, кажется, играет и любитесь сам воздух и лелея их осторожным дыханием приводит в колебание, пленяющее взоры, и неизъяснимыми восторгами наполняющее душу земледельца; сии, окружающие во множестве и сельские жилища, благосеннолиственные деревья, убежище от зноя подающие и обильными, вкусными и здоровыми плодами отягченные — согласиться должно — обязаны очаровательным своим состоянием неутомимости простодушного поселянина, попечениям не знающего ни каких теорий земледельца. Но, представляя человека в простом, естественном, необразованном его состоянии, нельзя, кажется, иначе думать, как, что многим векам надлежало пройти прежде, нежели многие животные, растения, минералы обращены были на пользу человека. Прежде, следственно, нежели навык и сей, счастливый ныне, поселянин удобрять свою ниву, возделывать ее, сеять семена, помогать природе в их возвращении, собирать плоды, сбергать их и обращать в надежные и приятные средства хранить бытие свое. Надлежит также беспрекословно признаться, что и состояние земледельца получило свое бытие и идет к совершенству вместе с полезными сведениями и что степень своего благоденствия, верно, показывает он степень и народного просвещения! Сии суть главнейшие приметы, отличающие страну просвещенную от народов, заблуждающихся во мраке неведения, не познавших путей к истине и счастью, не образованных. Впрочем уповаю, что источники и средства просвещения, о которых мне говорить еще предлежит, множайшие из оных представят созерцанию вашему, ПП. СС.

Из всех одушевленных тварей, населяющих шар земной, не было бы действительно бедственнее человека. Без возбуждения и изо-

щрения полезными сведениями мыслящей его части, от одного правильного просвещения получающей истинно полезную благоподвижность и способность открывать между внешними вещами и собой связи, предусматривать вред от оных или возможную пользу, и находить способы поддерживать ими свое существование. Наг, безоружен, слаб от природы, имеющий, по своему усмотрению, необходимость в особенных средствах пропитания, без просвещения вел бы он непрестанную и горькую войну со всеми стихиями. Был бы игралищем всех прочих животных до последнего презренного — ничтожного насекомого, был бы жалостный — бесподобный во вселенной пример мучимого безотрадно всем окружающим и страдания свои чувствующего существа. Вместо того он царь над всеми прочими. Все они покорены под ноги его! Как? Посредством ума, но ума просвещенного, образованного. Столько-то полезно, необходимо для него просвещение! Где же искать его? Главный оно-го источник, всегда, везде, всем и каждому от юности открытый, неисчерпаемый, обильнейший, достойный беспредельной благодати всемогущего и премудрого строителя вселенной, есть природа. Сей чудно испещренный, величественный, и извне уже неизреченным великолепием блистающий, приукрашенный божественной славой, священный храм везде сущего, премудрого, все благого! Сие необъятное множество в беспредельном пространстве стесненных сонмов огромностью и премудрым устройением благоговейный ужас и удивление возбуждающих громад, населенных без сомнения несчетными много различных пород и видов чувственными тварями, поставленными там среди различных до бесконечности произведений, среди средств нужных для их существований. Одаренными по родам и положению их во Вселенной и склонностями, побуждающими их промыслять о себе и органами, нужными для обращения всего обилия их окружающего в удовлетворительное побуждениям, сохранению себя и намерениям высочайшего промысла соответственное употребление! Не сия одна в столь безмерном, отовсюду бездне сопредельном пространстве вращающихся миров, исчезающая облачаемая нами пылинка, едва может быть, и воображение человека в последствии времен достаточно наполнить способная — не сия одна красуется свидетелями славы Зиждителя их! Она одна не довольна упражнять всегда непрерывно деятельное его всемогущество, премудрость, благодать? Нет! Конечно все устроено

для нашего блаженства, но и мы также для всего! И мы часть сей беспредельной машины, часть, наравне с прочими содействующая ей в совершении своего чина, служащая также, как и каждая из прочих, к совершенству целого! Беспредельная благодать! Беспредельно без сомнения и множество вкушающих оную! Нельзя не чувствовать, что вне природы нет путей к истинному просвещению, что без руководства ее и в ней самой обрести их не возможно! Пока одушевленные твари существовать будут, единственный предмет их усилий будет удовольствие — счастье. Быть в связях и взаимных содействиях с бесчисленными существами, ощущать все то, мыслить и не делать выбор, не стремиться к тому, что приятнее — льзя ли? А стремясь к удовольствиям, нельзя также не желать, чтобы оные были постоянны. Нет счастья без постоянства удовольствий истинных, несопряженных и непоследуемых ни малейшим огорчениями. А число средств к оным и удобность пользоваться ими составляют степень его. Где же сии средства? Вне природы? Там одно ничто не могущее быть ни вредным, ни полезным — не способное ни служить к счастью, ни грозить несчастьем. Посему они в природе, три ее обширнейшие и до сих пор не довольно еще обозранные подлунные царства суть три обильнейшие хранилища существ едва не до бесконечности различных, взаимными действиями несчетные перемены производящих, рождающихся, возрастающих, разрушающихся, и разрушением вещам новым бытие дающих так, как и в самое продолжение своего существования взаимными полезными влияниями и себя взаимно хранящих, и вместе производящих, удивительную смесь явлений неизвестными еще, может быть и вовсе непостижимые нам, содействиями споспешествующих стройному течению всей природы. Человек наш внутренний поставлен провидением на земном шаре. Между всеми богатствами царств сих, между всеми сими существами их силами и переменами, обложен вещественным составом от них же заимствованным, сим телом, особенным устройством, пропорцией составляющих оное начало, а может быть и числом их, разнствующим от подобных жилищ прочих тварей бытие свое ощущающих; соединен с ним тончайшим для одного понятия вещественными, но при всем том, весьма крепкими узами.

Все вещи составляющие Вселенную подвержены перемене, но первоначальные существа, разными совокуплениями воедино их произведшие, не изменяются. Все во Вселенной в своих основани-

ях так же, как и в превратности вечно постоянно. Но как чрез соединение стихии происходят различные тела по различию и числа, и количества стихий, составляющих каждое, и как сии тела приводимы, будучи в многоразличные смешения, производят опять другие с первыми и между собой несходные, так и от соединения мыслящего начала с веществом, вмещающем силы, жизнь ему сродную, надлежало произойти третьему от их обоих порознь различному, обоих все свойства вмещающему, обоих силами вместе действовать, страдать и противодействовать способному. Тут страдает ум и воля! Во всяком смешении, конечно, несколько сил частных обращается на взаимное некоторое одной другою удовлетворение. И в человеке тело и обитающая в нем мысль, действуя на себя взаимно друг другу, как бы удовлетворить силятся. Но при всем том, кто когда из испытателей природы находил какую-нибудь причину усомниться, чтоб тело наше лишено было, хотя от части, какого-нибудь из свойств всем вообще, по их различиям, от души независимых, принадлежащих? Оно даже и растет так, как и все растения, и различествует от них тем только, что имеет внутри себя корень свой, сосущий из пищи влаги нужные для его растительной жизни и притом особенным устройением, приуроченным к натуре живущего в нем существа. А не приобретая ничего, кроме связи с мыслящим существом, и не лишаясь также ничего, не отнимает без сомнения, и у мыслящего существа свойственной ему силы, по крайней мере, до того, чтобы унижить его отнятием воли, покорением себе во вредное для оною, в бесполезное для себя рабство.

Может статься, что рассуждающая сила несколько сими узами ослаблена; быть может, что и воля от побуждений телесных теряет несколько своей свободы, но при всем том и ум все остается умом, все способен различать совершенно достаточно для блага человечества добро от зла усматривает и предписывает воле истинно полезные для употребления вещей и вообще для жизни правила и воля, выключая побуждения, целость связи мыслящего существа с телом хранить определенные, всегда властна поступать с прочими и решить их представления по правилам и законам здравым разумом ей предписываемым. Тело есть жилище лишь невещественного ума, орудие лишь, посредством которого испытывает он все окружающие вещи и получает понятия об их свойствах. Есть ходатай между обитающим в нем духом и видимой Вселенной, без помощи которого, не в со-

стоянии, вероятно, был бы он познакомиться с такими великими для себя выгодами, с несчетными произведениями природы. Кто знает, могла ли сия живящая, неразрушимая, лучшая часть нас самих ощущать сладостные восторги, какими часто упивается теперь, взирая на красоты произведения подсолнечной ото всюду ее окружающие, и утешать себя, подражая оным и своей хитростью? Была ли бы восхищаема удовольствиями различными, часто неизъяснимыми, какие непрерывно почти льются в нее теперь чрез органы вкуса, обоняния, слуха и другие, наименьше непознанные, без нашего об них радения и внимания, по естественному своему устройению, черпающие в природе и доставляющие в душе приятные ощущения? Что чувствовали мы до переселения нас в сие жилище? Для чего не понимаем того и не знаем! Разумели ли мы тогда хоть себя и взаимно друг друга? Не нужно ли и для того, чтобы духи могли взаимно действовать на себя, разуметь себя, взаимно любить себя, ненавидеть, утешать, огорчать — не нужно ли им некоторое вещественное посредство? Как бы о сих вопросах думать ни надлежало, в сем состоянии соединения мыслящего начала с материей существует неоспоримо та между ними взаимность, что тело от всех произведений природы, между которыми человек поставлен, принимает впечатления и доводит их до души. А сия, ощущая оные, по приятности их в разных степенях, и следственно по сродству с ее натурой. Или по противным, отвратительным для нее действиям и следственно по сходству с нею так, как и по последствиям одних явлений за другими, от первых зависящими, и сим подобным признакам составляет об их устройении, способностях, употреблениих — словом, об их натуре и всех свойствах мнения, и по оным, как по решительным определениям, взаимно правит и собственным телом, и по средством сего располагать ими, сколько может, так, чтобы все сие служило к постоянным ее удовольствиям. Так, представляя себя человека, естественно необходимо заключить должно, что три царства окружающей нас природы суть три хранилища, сколько многообразных, столько и многообразные способных производить влияние на тело и чрез оное на душу и наполнять оную столько же многообразными приятными или противными ей ощущениями. И следственно суть три ее обширные владычества, преизобилующие неисчерпаемыми средствами к истинному нашему блаженству, а по сему суть три неиссякающие источника истинной мудрости, лишь бы только мы, следуя руководству ее самой, поста-

рались найти способы обращать их во благо общее и собственное. Все познания, все смешения идей и мыслей, или, как их называют, умствования, при величайшем навыке творить их, должны быть названы бесполезным ума буйством паче, нежели мудростью, если не клонятся к истинному счастью человечества. Что пользы и подлинно в том, если бы мы приобрели, вмещали в своем понятии мир весь, со всеми его бесчисленными системами, со всеми видимыми и невидимыми существами, и если бы при всем том, тщетою неизбежною, неуврачуемою изнуряема была душа наша, если бы во всем том, не усматривали мы способов к приятным ощущениям. Сие обилие понятий было бы для нас тягостным бременем, богатство сие было бы несносной скудостью, а невозможность исчезнуть была бы одним из горестных мучений. Счастье есть важнейшая цель всех наших усилий, смею сказать — и самого нашего существования! Не входя в подобное исследование, в чем бы оно полагать, надлежало, можно, кажется, не подвергаясь опасности возражений, утверждать, что оно состоит в приятном, сладостном, утешительном ощущении бытия своего, в возможном, согласном с чистотой богоподобной души и с доброй совестью, всеобщем, непрерывном и притом надежном, ни в чем и ни кем, кроме Всемогущего, по судьбам не постижимым, неотъемлемом удовольствии. А такового удовольствия можем мы представить три источника: возможные совершенства нашего духа, совершенства обитаемого им тела и состояние человека в отношении к подобным себе и всем прочим одушевленным и неодушевленным существам. Прилежно поучающийся в делах рук Божьих, тщательно испытующий все происшествия во Вселенной обретает в них для открытия всех сих источников великие пособия. Сей, обращая всюду любопытные взоры, рассматривает внимательно владычество природы все от огромнейших до малейших предметы, все произведения, обогащает себя несчетными понятиями, не вымышленными, не из чего сотворенными истинными образами самих вещей, составляющих вселенную, которой и он часть, в которой и он со всеми ими столь тесным, неразрывным союзом связан. Его творительная внутренняя сила тем, как искра горючими веществами возбуждается к свойственной себе деятельности. Он шествует и, подобно огню, на самом ходу возрастает, усиливается, очищается, тончает, возвышается в способностях, в самом существе и бытии своем до такой почти степени чистоты, смысла и блаженства, какую люди приписывают гадательно небес-

ным жителям. В сих подвигах, блаженство самих составляющих, он сын природы и всех ее несчетных сокровищ полномочный обладатель. Все в ней принадлежит ему и он взаимно радостно предается ей со всей его властью. Все в ней с его намерениями, желаниями, предприятими, согласно, ибо исследует он, испытывает все под ее руководством, употребляет все сообразно ее законам. Так осмысленно правя собой в созерцании природы, не забывает он и собственного жилища мыслящей себя части, назирает оное от самого его начала до разрушения, входит и в оное, в себя самого, рассматривает там все, соображает все и между собой и с вещами прочей природы. Благонамеренные исследования сии награждаются многими полезными открытиями. Жилище души и так многосложно и во многих частях так нежно устроено, что нередко малейшей неосторожностью может человек подвергнуть себя болезненному состоянию, при котором никакие средства счастья не веселят его и не услаждают душевной горести. А исследования устроения тела человеческого, источников и причин всех перемен в нем бывающих, средств, предохранять оное от вредных влияний и в случае повреждений и болезни помогать природе в восстановлении прежних сил и возвращении здоровой души и телесной крепости, награждаются плодом, усугубляющим все прочие удовольствия, какие только обогащенный познаниями вещей природы ум души многообразным их употреблением посредством органов телесных, доставлять, вливать в нее может. Благорастворенная кровь и все прочие бальзамические влаги тела, кругообращаясь в своих каналах беспрепятственно, спокойно, подобно тихо текущей реке, сами не волнуясь, не раздражая нервов, не расстраивая едкостью других частей, не теснят, не смущают и духа, а сей, обитая в нем в совершенной тишине и не чувствуя бремени тела, ни уз его так почти, как будто бы он был вне оногo. Взаимно не тревожит и не обуревает крови ни пожеланиями и стремлениями, ни делами противными силам ее движущим и действует силами собственными свободно и во всем осмотрительно, согласно с устроением и естественным ходом всей телесной машины. В сем употреблении своих способностей, человек, чувствуя, и относительно к здоровью благосостояние свое, оживляем будучи совершенно успокоительной и об оном надеждой вкушает все удовольствия жизни всем существом своим. Новое совершенство! Новая подпора блаженства! Новый источник удовольствий! Изящная отрасль истинного просвещения!

Второй источник возбуждения душевных способностей, изощрения умов и образования нравов представляют нам собой все открытия, тщательными испытателями природы, чувствовавшими истинные достоинства человека и усердно возвышению оных содействовавшие учиненные, помощью бдительных наблюдений за действиями природы, опытов и неутомимого рассматривания оных, много различно приуроченные к удовлетворению необходимостей и к выгодам жизни все истины, постигнутые размышлением не о предметах только чрез чувства душ себя показывающих, но и о сокрытых от оных, о вещах единому уму ощутительных, столько же тонких и чистых, как он, но не менее первых, а иногда и сильнее способных действовать на него, питать его, укреплять, руководствовать к другим и чрез все к постепенному возвышению, к истинному просвещению, к возможному блаженству; все даже случайные, или лучше сказать без намерений человеческих в пользу общую, действием особенным Провидения, представившиеся людям, замеченные ими и обращенные в свою пользу изобретения. Правда источник сей не есть первоначальный, самостоятельно существующий в природе, но ею же рожденный и от нее самой в продолжении бытия своего зависящий так, как родники, реки, потоки, до малейшего ручейка, существуют и возобновляются в своем обилии водами океана, общего отца их. Сие, однако же не препятствует представлять мысленно распространившееся между людьми употребление вещей и понятия об оных особым источником просвещения так же, как реки, несмотря на свое происхождение, обыкновенно считаются водами особенными от океана. Как сии, совершив прежде воздушное, а потом, по большей части и подземное путешествие, выникая в разных местах наружу и струясь, бесчисленными извилиями по земной поверхности, везде орошают ее, напояют землю и делают способной к питанию и оплодотворению растений, служа притом и всем животным существенным пособием жизни: так и все полезные сведения были почерпнуты в природе и родясь в душах по ее побуждениям и под ее руководством переходя от народа к народу и в каждом разливаясь посредством чувств, слов, действий, какими только люди способны себе взаимно сообщать свои открытия, познания и навыки, обогащают умы понятиями и производят в них род особой подвижности, которую сближают оные. Как между собой, так и с явлениями самой природы и усматривая сих с оными сходство не менее, как и сами пути и усилия, какие подобным испытанием

вещей, наблюдением, исследованием причин явлений, к подобным соображениям оных и умозаключениям к изобретениям полезных, способных руководствовать к тончайшему познанию природы, истин. Таким образом, вспомоществованные сими примерами удобно делаются плодоносными и способными споспешествовать приращению и размножению просвещения в пользу всего человечества.

Природа есть неисчерпаемый океан истин, и умы в отношении к оному, кажется, тоже, что атмосферный воздух в рассуждении всех морей земноводного шара. Как сей, так и они всасывая, так сказать, истины природы, сколько которой, соразмерно чистоте своей и положению, может, разносят потом оные по всему человечеству и нередко по прочим областям натуры. Часто служат сведения их к укрощению и определенному некоторому образованию других животных. Часто растения приводятся оными в плодоносное и совершеннейшее состояние и нередко бездушные вещи волшебных оных действиями получают, кажется свою душу. Менее, обилен, источник сей, нежели первый. От начала поселения мыслящих существ на земном шаре он все еще прибывает и вероятно никогда не сравнится с обилием и одного подсолнечного ее владычества, с сей малой ее частицей. Зато удобнее он обозрен быть может в своих изгибах и влияниях. Не так многочисленны вещества, обретаемые в нем и не так многосложны, как в самой природе — там нет вещи без неисчетных свойств, все сцеплено и каждая частица в связи со всей ею, зато влага сия и прозрачнее и на первый случай более сродна слабым, нежным, не возмужалым силам возрождающейся еще познаниями души и не имеющей довольной крепости ходить самую собою по излучистым путям природы и там искать подобной пищи — более способна питать ее в младенчестве. Это млеко природы! Как желательно, чтобы для юного человечества было оно отделяемо здоровыми органами его воспитывающих! Это искусственное введение в природу! Что до того? Лишь бы оно вело прямо к ней. И что искусство, особливо вспомоществующее природе, как не та же природа, действующая орудиями и средствами ею самой произведенными. Рассматривая внимательнее сие искусственное пособие поучаться в законах ее нельзя, кажется, не признать, что оно много сокращает пути к святилищам, хранящим тайны ее, и делает их удобно проходимее и приятнее, что оно знакомит с ней идущих по стезям, по его предписаниям проложенным, несравненно скорее, показывая при том все красоты ее из самых выгоднейших точек зре-

ния в точнейшем, привлекательнейшем виде. Что по сему оно наравне с прочими пособиями просвещения достойно нашего внимания и попечений о приведении его от часу в большую чистоту, краткость, удобность и об украшении его теми самыми прелестями, какие пленяют везде в природе им к ней руководимых. Истинно то, что несравненно легче понимать, нежели самому собою усматривать в природе, открывать, изобретать, вымышлять и производить в действо. Не только руководствованные другими к познаниям и приобвыкшие следовать потом собственными силами за природой в ее действиях не усомнятся в истине сего, но и всякий другой убедится в том, помыслив только, какие из множества тех вещей, которыми в жизни почти ежедневно пользуется и от которых получает удовольствие, сделать или хотя разуметь он в состоянии. Невозделанный ум человеческий в исследование природы на всяком шагу встретил бы великие затруднения. В ней все слито. Свойства и силы вещей неразлучны с самими вещами; вещи полезные часто, разумея сие и в отношении к нам, соединены, смешаны с ненадобными, а иногда и с вредными. Нередко в сладостях кроется противная горечь и в удовольствиях величайших часто поглощаемы, бывают семена несносных горестей и истинных бедствий. Где кажется действие зависящим от одной причины, там часто рождается оно от многих взаимно себе в произведении оного вспомоществовавших в такие неудобные разрешимые узлы между собой сплетшиеся, так глубоко погруженных в материи, что надлежало человечеству претерпеть тысячи заблуждений для того, дабы проникнуть к ним, извести их из тьмы чуждой, развить и освободив от взаимных уз, рассмотреть порознь и подробно. Мыслящая часть человека, к сему способная и сама погружена в материи, сращена с ней так тесно, что не иначе, как с оной может изыскивать первоначальные истины, открывать пути ко всему тому, что в окружающих вещах происходит и существует. Сколько же вещей, при действовании на каждое из наших чувств каждого в природе явления, вспомоществуют себе взаимно для произведения в нас соединенными силами каждого ощущения? Сами органы для сего нам данные так многосложны, так хитро устроены, так излучистыми, скрытными путями доставляют нам принимаемые ими впечатления, что и поныне, в отношении у одним им, в собственном нашем устройении не все еще постигнуто и различено быть могло. Долго еще и с просвещением наших времен, с любовью к оному и с познанием истинных к нему путей, надобно

будет сражаться с привидениями, везде человека обольстить готовы, пока люди точно узнают состав свой и все в природе для блаженства их нужное.

Вообразим себе человека в стране всем изобилующей, но безлюдной, необразованного ни какими сведениями и открытиями, учиненными по наши времена, предоставленного руководству одних естественных побуждений и способностей, и помыслим, что вышло бы из него. Бедный дикарь, которому все те же чувства и побуждения едва могли бы доставить способы, нужные для сохранения себя, он покорялся бы слепо впечатлениям чувств. И тысячи лет, может быть, прошли бы, пока, удовлетворив своим потребностям, ощутил бы он в себе некую небесную силу и начал бы мало-помалу помышлять о возвышении себя образованием душевных способностей. Возросший между людьми наших времен и без особенного о воспитании его попечения, при взгляде на него, изумился бы, видя, что может подобный ему унижен быть до такой степени несмыслия и неспособности помышлять о бытии своем. В благодарных чувствах ко всему благому о нас промыслу, судившему быть нам здесь во времена от мрачных на столь великое расстояние отдаленные, убеждаемы скудостью сил, человека, лишенного пособия подобных себе, признаем, что своекорыстная любовь к одному себе есть чувство разорительное для общества, пагубное для человечества, чувство противприродное, едва ли и зверским сердцам сродное! Невозможно не любить себя, но возможно ли не любить и тех, без которых и сама любовь к себе в сотую долю удовлетворена быть не могла? Не от того ли столь велика в нас любовь к Отечеству, что быть с младенчества в нем облагодетельствованы по естественным побуждениям, не только к соотечественникам, но даже и к самим местам, к вещам неодушевленным, чувствуем обыкновенно ничем неизгладимую привязанность? Признаем, что любовь к ближнему, ко всему человечеству есть источник возможного блаженства! Не могут существовать без нее общественные истины добродетели и возрастать просвещение, а по сему и блаженство. Худо однако же разумели бы мы любовь к человечеству, если бы ограничили оную благотворениями одним близким к нам или вообще нам сосуществующим. Истинная любовь распространяется на все человечество, следовательно, кроме настоящего, прошедшему в нас нет нужды, и на будущее. Не для того ли, не бесполезно бы подумать, вложила в нас природа и желание оставить по себе добрую славу, во всех

состояниях человеку сродное и часто к самым трудным предприятиям сильнее всех прочих побудительных причин его поощряющее. Желание жить и по смерти в памяти потомства, по крайней мере, долговременно, не для того ли, чтобы тем заставить каждого по своим силам промышлять не об одном себе и столько, сколько бы могло казаться нужным для продовольствия себя по жизни, но и стараться о том, чтобы и для потомства предуготовить что-нибудь полезное. Нет в природе ничего излишнего и бесполезного для вечных ее уставов; нет, следовательно, как во всех прочих животных, так и в человеке ни одного ощущения, ни одной склонности и побуждения врожденного ему без благо намерения. Нет несчастий или препон к счастью, которых бы сами люди не были творцы пренебрежением истинных своих достоинств, удалением от природы! Нельзя пренебрегать всеобщее природное побуждение и не быть преступником, злоумышляющим против самого себя и человечества, против благо намерений природы, все клонящей к возвышению блаженства для удовольствий существующего духа! Из таких, достойных нашего уважения, побуждений есть без сомнения и всеобщее желание заслужить благодарные чувствования потомства, побуждающее нас к сему не иначе, как будто бы мы предчувствовали, что и после сей жизни будем ощущать от того чистейшее утешение. Сколь многих лишился бы каждый народ истинно усердных своему отечеству сынов, защитников оною, героев, патриотов, если бы люди одной здешней жизнью ограничивали все свои удовольствия! По крайней мере, весьма вероятно, что не праздное чувство сие в отношении к истинам, оживляющим и изоощряющим ум, назидаящим и украшающим сердце, питающим всю душу, в рассуждении общепользных открытий и изобретений споспешествования просвещению. И поистине, представляя себе познания человеческие в возможном совершенстве, нельзя думать иначе, как, что они состояли бы в легчайших средствах переселять в понятие человека всю природу со всеми ее богатствами, нужными для высочайшего его благоденствия, и так же в правилах совершеннейших, употреблять оные, дабы оно было притом и незыблемо. Но они еще не доведены до сего вожделенного совершенства! Так для чего же не стараться приближать их к нему, если подлинно оно вожделенно? А между тем нельзя не признать, что и при настоящей их степени, обогащены уже они столь великим обилием изящных и столь великих, веками изобретенных и приведенных в чистоту истин, способных

изоощрять ум и руководствовать его к удовольственному, восхитительному рассматриванию собственными силами природы, предлагают оные нам в таком естественном порядке и виде, столь ясно и удобопонятно, что часто в несколько часов можно приобретать удовлетворительнейшие, основательнейшие, такие знания, для открытия которых собственными силами и приведения в надлежащую подробность не довольно было бы нескольких жизней и проникательнейшим умом одаренного человека. Они представляют нашему рассмотрению и выбору сокровища всеми нам подобными, от начала мира существовавшими, обретенные и приуготовленные к полезному и удовлетворительному употреблению, к обращению в приятности и удовольствия жизни. И сими богатствами, так, как наследованным именем, обладать и располагать по-своему благорассмотрению гораздо легче нежели собственными трудами приобретать оные. Многие, правда, из дошедших до нас истин и открытий подобно минерам³¹⁵ не очень богатым, требующим довольных трудов для получения из них чистого металла. Но и тут затруднений гораздо меньше, нежели, сколько надлежало бы часто преодолеть при искании тех же открытий в глубине самой природы. Испытай, кто сомневается в сем различии изыскивать собственными силами истины, относительные к какому то ни было знанию, положив предварительно основания оному. И таковой, после весьма немногих открытий, в пользу трудов сего рода, предшественниками вместо нас понесенных, убедиться опытом. Самые погрешности предшественников и следствия оных ими претерпенные суть уже для нас драгоценные приобретения, представляя нам собою такие предостерегательные средства, без которых во многих случаях не смели бы мы и приступить к искушению природы, не подвергая себя опасности заблуждений, или бедственного ею наказания за неосмотрительную дерзость. Ход познаний физических содержит многие тому примеры. Родясь и возрастая между понятиями, образованными в душах всем бывшим человечеством, мы приобретаем оные чувствительно так, что даже сомневаемся, не врожденны ли они нам, не существовали ли они в нас до нынешнего нашего пришествия. Несчетное почти множество открытий познаем, без наималейшего труда, и пользуемся ими, будучи тем без нашего попечения приготавлиемы к вящему размножению оных. В наши времена, говоря о просвещенном народе, только что не рождаются люди со всеми теми средствами благоденственного препровождения здешней

жизни, какие изобретены, обдуманы и приновлены предшественниками нашими к натуре человека. Воображая удобность, с какой может обогащать себя каждое потомство всеми сведениями, старанием предков для него предуготовленными, надлежало бы, кажется, думать, что люди каждого времени могут иметь познания, состоящие из всех, какие имели предшественники, и из истины и открытий, собственными усилиями приобретенные. Возможно и здесь кругообращение, хотя, судя по привязанности человека ко всему тому, в чем находит он истинные и постоянные удовольствия, весьма сие сомнительно.

Часть сего столь полезного, столь обильными и благотворными струями по всему человеческому роду разливающегося источника составляют все механические искусства, художества, рукоделия, до самых обыкновенных работ, не требующих особенного руководства и долговременного упражнения для приобретения в них навыка между людьми существующие, со всеми, при произведении оных в действо, употребляемыми веществами, орудиями, приемами. Все принадлежит к оной, что от них происходит и между людьми употребительно. Все они представляемые вместе уподобятся особенно некоему миру человеком, дел Божиих подражателем, к своему благу из небытия в бытие приведенному, и со всеми своими системами около него, как своего средоточия вращающемуся — миру столько же к его понятию приближенному и способному возбуждать в нем любопытство и удовлетворять оному образованием и обогащением душевных его способностей полезными сведениями, сколько близок он к удовольствиям и нуждам человека, сколько тесными связями соединен с сохранением бытия нашего.

Каждое искусство, мастерство, рукоделие есть в сем человеком заданном мире особая система, содействующая всем прочим к нашему благосостоянию и счастью. Внимание ко всему употребительному в искусствах и рукоделиях, к средствам для облегчения ежедневных трудов изобретенным — ко всему, чем разные состояния в общежитии занимаются, обогатив ум понятий множеством, возбудить в нем естественную деятельность, которой восходя до источников каждой вещи, каждого действия, постигнет он множество и вещей и действий, и самых мнений истинные — весьма наставительные причины.

Другую часть сего источника, в познаниях, открытиях и изобретениях состоящего, заключает в себе изобретение же сомнения превосходное, в течении немногих веков полезность свою самым

опытом доказавшее. Я разумею изобретение письма и особливо вымышленное книгопечатания. Бессмертие вечной жизни в благодарных сердцах людей достоин изобретатель сего неocenенного, с большей частью до сих пор учиненных изобретений несравненного средства сохранять верно как оные, так и все прочие истины, все человеческие познания, удобно распространять их между людьми и соединенными силами всего человеческого рода приводить в совершенство. Провидение, дав человеку преимущественно пред прочими животными, кроме разума, еще и употребление языка, средства, необходимого для возбуждения сил душевных, кажется, и тут предоставило собственным человека усилиям подражать его творческому могуществу, дабы он, сею подражательною способностью открывая верные и кратчайшие пути к блаженству всего рода, видел в ней истинное свое величие и, поощряясь тем к неослабному, о возвышении даров своих радению, вкушал в оных с благодарными чувствованиями беспредельную к себе благодать Высочайшего существа, способствующего ему открывать в себе подобие зиждательных свойств его, премудро устроивших блаженство всех чувствующих тварей. Дар слова, одному человеку свойственный, есть без сомнения один из величайших, достойный всеблагото промысла и его одной всесильной премудрости возможный. Надлежало иметь совершенное познание натур всех веществ и духов, дабы предвидеть все из возможных их соединений, имевшие произойти существа, беспредельную мудрость, дабы из возможных избрать было превосходные, неограниченную силу все приводить в соответственное воле распоряжение, дабы из возможных совершеннейшие существа получили действительное бытие. Без сих свойств не возможно было произвести столько множество существ, так различно устроенных. А органы так же, служащие нам, кроме других потребностей, для употребления слова, не так ли устроены, что надлежало действовать совершенной премудрости и силе, мощной располагать силами веществ и духов, дабы привести материю в столь удивительное расположение и подчинить оную владычеству души столь могущественному и столь для нее удовлетворительному. Заключенные, по судьбам закрытым от нас, в материи души из неосязаемых, невещественных, неприкосновенных делаются ощутительными, сем посредством, живописуют себя в понятии взаимно, склоняют, отвергают, направляют к многообразным намерениям и предприятиям.

Движут собою взаимно так, как будто бы они составляли невидимый мир, подобный видимому. Чудо истинное, однако же для нас ни мало не удивительное! Почему? Потому только, что оно обыкновенно. Мы больше удивляемся, когда видим бедного немого. В том наше великое несовершенство, что мы можем пресыщаться благами до того, что не чувствуем больше истинной цены оных. Суцая безделица или недостаток удивляет нас часто, по одной только необычайности, более истинно удивительных и способных вразумлять нас происшествий. Велик Творец в даре слова влиянном человеку, но не менее велик и в даровании ему же способности возвышать все дары свои! В оном сияют открыто премудрость и благодать Его, в сем те же премудрость и благодать сокрыты под покровом собственности человека и видимы одним душам признательным, одним чувствующим, что вся наша Его суть.

Способность сообщать взаимно друг другу свои мысли и чувства изустно не стоит никаких наших трудов, ни малейших иждивений, скоропостижно исполнит в каждом случае волю нашу, всегда при нас так, что нередко ни на минуту не оставляет нас до последнего мгновения нашей жизни, и конечно необходимее, нежели письмо и книга. Зато не столько она способна для распространения и сбережения для потомства полезных открытий и сведений, как письмо или особливо книгопечатание. Многие истины до сего изобретения умирали, конечно, вместе с родившими их или потому, что не успели другим сообщить их или потому, что не были ясно понимаемы. Многие, переходя по преданию от одних к другим, переливаемы, будучи тысячекратно из душ в души и смешиваясь в каждой действием воображения с другими себе чуждыми, доходили до потомства измененными так, что первые их изобретатели изумились бы, услышав, что они их. Притом, какие сведения по изустному преданию могли переходить от рода в роды? Одни исторические происшествия — такие, то есть, которые во все времена редко появлялись, расцвечены красками воображению каждого повествователя приятными или свойственными. А истины глубокие, отвлеченные или и самые полезнейшие исследования природы и соображения ее от действий, будучи мало способны забавлять предающееся охотнее чувствам воображение и требуя более напряжения сил душевных, не могли не быть удалены столько же от попечения о предании их потомству, сколько далеки были от понятия его предшественников. Тысячекратно могли они рождаться

в некоторых отделениях людей, возрастать, умножаться и опять от небрежения увядать, разрушаться, приходиться в прежнее невежество.

Письмо и книгопечатание сопряжено с некоторыми затруднениями. Многие руки должны быть употреблены и заниматься беспрепятственно, дабы припасать все для него нужное, не так скоро и легко можем мы сим средством сообщать другим наши мысли и чувствования и может быть во многих случаях, не так живо возбуждать в душе понятия, не так глубоко проникать ими внутрь сердца, не так вразумительно и верно так впечатлять их. Некоторая часть людей должна, так же употреблена быть на то, дабы истины и изобретения облекать сим средством в бессмертие и облеченные рассылать по свету и дружить их с человечеством к его благоденствию; зато один человек в то же время, с помощью сего средства, может говорить внятно к тысячам, к миллионам и вливать в души их свои сведения и чувствования; зато каждая вновь усмотренная истина, каждое полезное открытие и изобретение в несколько дней может распространенно быть по всему земному шару, во всех народах, рассматриваемо несчетными умами разных степеней, разно образованными с разных сторон, и следовательно, может приведено быть в ясность, размножено сравнением с другими и приспособлено к возможным полезным употреблениям, словом, приводимо в совершенство столько же успешнее и вернее, сколько сильнее неоспоримо, дальновиднее, пронизательнее многие к одному предмету устремленные уму, нежели один. И в ходе просвещения, как в прочих случаях, все препятствия преодолеваются тем удобнее и скорее, чем усерднее, единокласснее, многочисленнее силы обращаются на оные. Слово произнесенное рождается и исчезает в одно мгновение, даже понятие, душа его, с течением времени исчезнуть может в мыслях слышащих так, как и самого произносящего и нет средства воспрепятствовать маловременности его жизни. Сень души бытие его: не так маловременны мысли и чувства, вверенные материи, не жидкой и удободвижимой, подобно воздуху, но более постоянной, способной, по истечению тысячи лет, вещать к потомству устами предков. Есть также вещи, которых речью устной и изъяснить невозможно. А письмом и книгопечатанием, особливо с присовокуплением к нему сродных изобретений, рисовального и гравировального искусства, многое одними словами неизобразимое, может, представлено быть понятию нашему так вразумительно и живо, как будто мы то на самом деле видели. Малейшую часть, однако же важ-

ную в просвещении, из всего, что здесь разуместь можно, составляет изъяснение подробное поверхности земного шара, и однако же служит сему удивительным доказательством. Без употребления сего средства, расположения земель, рек, морей, островов и других достопримечательных на земле предметов, кажется, столько же понятно изъяснено быть могло бы, сколько ясно могли бы мы представить от рождения глухому приятность гармонии или возбуждать и умирять его страсти силой витейства, слепому цветы, или кому бы то ни было вкусы ему неизвестные. Кроме неизъяснимых вещей до сих пор, все можно представить сим средством и надежно ему вверить. Все ему вверенное, с малейшим радением, без повреждения можно хранить вечно и доставлять в целости потомству. Посредством сего всеобщего, несравненного и при том удобно приобретаемого телеграфа, каждый, не оставляя своего Отечества и даже не меняя своего местопребывания без малейшего замешательства в делах своих, может странствовать по всему свету, видеть, кроме своих соотечественников, разные народы, степень их просвещения, нравы, обычаи, законы, общественное и частное изобилие, рассматривать каждый народ по всем отношениям, со всеми переменами происходившими в нем в течении многих веков, быть очевидцем и судьей познаний, склонностей, предприятий, дел всего мира, всего и везде человеку свойственного видеть и умудрятся. Пространное поле, представляющее мысленным очам души необъятное множество разных предметов! Стоит лишь обозреть оные внимательнее, заимствовать, что одобрить естественный рассудок и великая часть просвещения и способностей быть полезным себе и ближнему уже снискана! Каждый может надежно, прямо и благоуспешно с пособием сим идти путем просвещения к благоденствию. Ибо в сем спасительном средстве руку помощи простирает ему все настоящее и даже за несколько времени до открытия оно существовавшее человечество! Книгопечатание особливо неисполнимыми еще своего употребления четырьмя столетиями, велико ли сие время, всему сказанному служит неоспоримым, убедительнейшим доказательством. Что были сведения и произведения ума человеческого до сего изобретения? Как! А сии величественные остатки развалин просвещенной Греции! Сии неподражаемые памятники высоких умов древнего Рима! Они велики для того, что составляли малый и весьма несоразмерный силам и деятельности ума человеческого предмет, к которому сверх того духом тех времен

устремляемы были все душевные способности. О если бы, при тогдашних побудительных причинах к сему роду удовольствий, известно уже было книгопечатание! Сие ли бы наследия получили мы от них? Они велики потому, что показывают великость — не римлянина и грека, а человеческого ума. Так ли однако ж направлен он был бы к блаженству человека: если тогда уже люди имели сие удобнейшее средство пересужать соединенными силами свои мнения и познания? Легко ли было, для обозрения, часто обыкновенных и мыслей и чувствований списывать величайшие свитки? Взглянем только, с помощью сего же самого изобретения, на ход просвещения — на произведение ума; сравним со времен книгопечатания познанное с тем, что дошло до нас от всех предтекших веков; и мы в глубине сердца нашего, поблагодаря древних за великое, в наши веки беспримерное терпение, с которым они посредством письма сберегали и по возможности приумножали доходившие до них сведения, из всего того уверимся только, сколь сродни человеку любить просвещение; а из произведении последних трех веков, несравненно множась, из открытий без сомнения вернейших и полезнейших заключим, что книги, особливо по изобретении тиснения, учинились одним из лучших, частью орудий приближения к совершенству, частью источников просвещения.

Наконец, совершеннейший обоих оных, и всех, если еще какие возможны, источников — источник всякие истины, высочайшего просвещения, премудрости и блаженства, есть самая беспредельная сила, истина, благодать, Зиждитель Вселенная всемогущие, премудрый, всеблагий, вездесущий, все объемлющий, содержащий, хранящий вседеятельным своим промыслом, вся в них и в нас самих, предоставляя нам свободу, благоустраивающий, всех сущих вина первая, начало и конец всяческих! Мыслящая часть человека, возвышаясь к сему неограниченному совершенству, всевозможные совершенства в себе вмещающему, созерцая оные и постигая соответственно своим силам и оным образованию, несомненно, по естественному своему сродству со всем тем, в чем обретает истинно благотворные свойства, ощутить соразмерное понятие об оных чистое удовольствие, возбудиться тем к подробнейшему их рассмотрению и вяще от часу приспевать будет в столь удовольственных познаниях. Усматривая с приращением оных в нем, как в чистейшем всех вещей зеркале и свое подобие, и хотя ограниченные, несравненные с бесконечными со-

вершенствами сего существа, великие однако же, богоподные свои достоинства, обратить и на себя часть усилий и стремлений своего к благу; ощутить утешительное влияние на себя и собственных лучей, отраженных и обратно текущих от сего источника всеживотворящего света; сольет любовь к себе с любовью к нему, свою волю с его святейшей волей и в сем чистейшем соединении обретет и вечно вкушать будет истинное, высочайшее, незыблемое, вечно возрастать имеющее, чуждое пресыщения и ничем не возмутимое блаженство! Углубляясь в сем святейшем океане премудрости, устремляя все силы ума к сему, всему Невместимому Существо, не возможно, представляя себе его вездесущее и всемогущество, не убедиться, что и мы со всеми нашими делами всегда пред ним; что сей совершеннейший ум есть вместе и полно мощный наш Обладатель, властный располагать нами, как ему благоугодно. Созерцая все видение чистейшего и тончайшего сего сквозь все духи проходящего духа, нельзя не увериться, что как вся Вселенная до пылинки, так и мы со всеми нашими внутренними побуждениями, помыслами желаниями, сокровеннейшими намерениями всегда им видимы; что все наши способности, все истины, силам нашим соразмерные, все пути к познанию оных, вот степени блаженства, по которым и до коих мы восходить способны, ему известны. Нельзя, усматривая в себе его подобие и понимая беспредельную благость его, не понять, что все мы его дети, не утешатся душевно зависимостью от столь могущественного и благоутробного Отца, не ощутить совершенной надежды на его промысел о себе, на готовность его явить себя любящим его с сыновней преданностью, им в себе мощным содействием, во всем показать прямые кратчайшие пути к истинной мудрости, к настоящему и будущему блаженству! Таковые и сим подобные понятия и чувствования о Существо всех существ, о вечном источнике сил и всего в них совершающего, не могут не возбудить желания искать его, приблизиться к нему, соединиться с ним истиной и духом — всемысленной любовью. Одушевленные сими чувствованиями поищут его, и как не обрести его? Он везде. Но он невидим, неприкосновен! Его и узреть можно. Где? В Откровении, в себе, во всей природе! Он душа всего мира. Ему и прикоснуться можно. Как? Сердцем чистым и духом правым — силой разума, воскрыленного любовью к нему. И удивительно, и жаль, что человек, вышедши как и все одушевленные твари, из рук творческих со всеми без сомнения дарами, нужными для его благоденствия — совершен-

ным в своем роде, мог до того вознерадеть о высоких способностях души своей, до того заблудиться от путей истины и удалиться от всеблаготца отца своего, что все окружающие его чудеса более уже на него не действовали, что нужно было Высочайшему Существо, изменяя порядок природы, приводить его в чувство, возвращать его самому себе — сделаться даже ему подобообразным, чтобы воззвать его, возвратить в первое достояние и привлечь к себе. Для непостигающего никаких действия природы нужны были происшествия, столько же ему неизвестные, но только необычные, для чего? Для того, чтобы разбудить уснувшую сном смертную душу, чтобы оттрясла она тину от очей разумных и воззрела опять, правда, не на Отца уже только, но вместе на избавителя и утешителя и возвратилась в его объятья! Жалостное было падение, однако же, благодарение всеблаготцу промыслу, не гибельное. Вместо пагубы, человечество приобрело им несомненный, вечный залог беспредельной и несмыслием человека непобедимой творческой любви к нему. Блаженство потерянное возвращено ему и для предохранения его навсегда от подобных заблуждений, дано ему в Откровении надежнейшее вернейшее руководство. Сам невещественный, облакаясь для нас вещественную ризу, беседует в нем с нами лицом к лицу. Делами ограниченные силы превышающими, единственно для человека произведенными, убеждает нас в своем всемогуществе. Непостижимыми никакому уму средствами, искони преднамеренными и употребленными для восстановления человека же падшего, открывает нам свою премудрость. Высокими и назидательными истинами, благодатной силой одушевленными, вкореняющими семена всех добродетелей, воспитывающими оные и способными родить в душе постоянное стремление к исканию истинной мудрости, указывая кратчайшие пути приближения к оной, оной к себе, к высочайшему блаженству, являет свою беспредельную благость. Все его бесконечные совершенства, все основания спасительных познаний блистают величественно в сем даре и каждым из нас могут быть видимы и постигаемы, по мере очищения чувств усердным сообразованием себя святейшей воле его, сим же сладчайшим гласом удобовразумительнейше проповеданной. Коль блаженно было бы человечество, если бы, внемя кротким и спасительным сим вечной истины и благости заповедям или паче отеческим наставлениям, не менее с натурой человека и самим разумом, как и с благими намерениями высочайшего промысла согласным, единодушно сооб-

разовало оным свои мысли, чувства и дела, если бы пристрастиям на терзание себя предающие своенравные души мрачными и злонамеренными толками не обезображали святейших истин, не раздирали оных к собственному своему вреду, своекорыстие так, как оным раздирают самих себя взаимно! Жаль, что при столь высоких преимуществах человека, нет ничего для него столь святого и неприкосновенного, чего бы он своими пристрастиями обезобразить злоупотребить не был в состоянии!

Обращаясь к себе самому, особливо человек, благодатным откровения гласом возбужденный, войдя внутрь себя, следуя там по всем изгибам своих понятий, мыслей, склонностей и созерцая способность и свободу владеть собой по всем отношениям, узрит он и здесь во всем все те же бесконечные совершенства Существа всемогущего, всеблагого.

Воззрит на прочую природу и тут представится взору его неслучное множество существ, из которых устройство каждого найдет он весьма чудесным, как и устройство себя самого. Ни в одном, как и в себе, не приметит он ни малейшей части, которая была бы для него не нужна и бесполезна, которая не служила бы к его совершенству, к сохранению себя и своего рода. Нога, крыло, перья, чешуя — все органы и части животных; листья, цветы, корень, кора — все части растений, все несомненно уверят, что в произведении каждого участвовала глубочайшая премудрость и руководствована была непостижимо великой изобретательной силой, премудрыми намерениями и всеблагими. Везде увидит он следы явные всемогущества и всех прочих совершенств, единому Высочайшему Существо свойственных! Небеса поведают ему слава сего Верховного Существа, а на земле и малейшая былинка возвестит о величии его! Везде узреть можно вездесущего и везде с помощью все сильного можно обрести истину! Человек, возгордись высоким твоим происхождением, сродством всех прочих достоинств, превосходнейшим достоинством, подобием твоим сему чистейшему, всепроницательному, благоподвижнейшему духу! Ты частица Божества! Познай себя, ощути притягательную силу к твоему целому и повинись ее действию! Воспламенись желанием подражать всеведению отца твоего; пойди за сим надежнейшим наставником по всей твари, сквозь все вещи — везде, куда только ему последовать силы твои и его беспредельный разум тебе позволять! Поучись везде прилежно его премудрым учреждениям; примечай во

всем его благие намерения, и ты, водимый Всеведущим, почерпнешь в нем и с ним во всем высочайшие истины! Ты не достигнешь никогда степени Божества, однако же будешь вечно постепенно возвышаться в познании вещей и Творца всяческих. Будешь от часу более приближаться истиной к твоему Отцу и от часу более участвовать будешь в высочайшем блаженстве — награде истинного прилепления к Существованию Всеблагому!

Исследовав отличительные свойства просвещения, рассмотрев по возможности источники или хранилища общепользных знаний, не бесполезно также помыслить и о средствах удобнейших почерпнуть из них — обогащаться, украшаться и возвышать природные достоинства сокровищами, высочайшим промыслом и всей натурой для человека предуготовленными. Порядок совершенный, царствующий во всех вещах, достойный подражания ему и нашими размышлениями. Необходимость, проистекающая из союза между ощущениями, побуждениями, стремлениями человека и способностью несчетных вещей удовлетворять оными, многообразие путей или средств, могущих вселить надежду удобнейшего обретения назидательной и к блаженству прямо ведущей истины и естественное побуждение из множества средств избирать лучшие и надежнейшие, кажется, на сей раз от нас того требуют. Какая польза была бы для томимого жаждой знать, что вода нужна для утоления оной, видеть ее с крутизны и не быть в состоянии к ней приблизиться, или быть изнуряемому горестной нищетой, знать место, где сокрыты великие богатства и не иметь способов воспользоваться оными? Что пользы было бы и в познаниях сокровищ природы, если бы побуждения наши влекли нас к оным непреодолимо, а натура не дала бы нам верных способов приобретать их? Лучше не существовать благу или не иметь способности желать, нежели желая не быть в состоянии достигнуть оного. Лучше не существовать благу, нежели быть во всю жизнь страдающим Танталом³¹⁶! Истинное зло было бы то благо, для достижения которого не имели бы люди надежных и безвредных для себя средств. Не такова сущность, благодарение промыслу, общепользных познаний. Средства почерпнуть оные во всех возможных источниках, распространять по всем состояниям каждого народа, споспешествовать везде образованию умов и сердец, доводить во всех частях просвещение от часу до большого совершенства, хранить все произведения ума и полезные изобретения и предавать оные в возможной чистоте потом-

ству, представляются нам сами собой *в натуре мыслящего существа в учрежденном природой ходе нашей жизни и в натуре вещей для нас постижимых*. Три сии предмета действуют все во всем человеческом роде. Всеобщее для оных понятие и чувствование взаимных между ними соотношений, ежечасно в душе рождаемое и непрестанно с течением жизни образуемое впечатлениями, какие мы ощущаем при каждом происшествии, при каждом следствии сего союза, связующего человека со всеми прочими существами, — чувствование, возрастающее до определенной степени и, наконец, кажется, с совершеннолетием приходящее в совершенство, движет не чувствительно всеми нашими склонностями и есть одна из первых пружин всех человеческих намерений и предприятий. Употребим единую минуту на обозрение каждого и, надеюсь, в них и в зависимости между ними представятся нам ясно причины, ослабляющие естественное стремление разумной души путями истины к блаженству, для которого чувствует себя существующего и в здешней жизни, усыпляющие оную часто сном отчаянного о себе небрежения и поручения себя слепому случаю; увидим причины сего постыдного, унылого забвения, так, как и причины, способные оживить увядшие, питать и содержать в непрерывном напряжении силы нашего духа и устремлять всю его деятельность на приращение полезных сведений, на распространение просвещения, способного вести человека путем всесовершенного благоденствия к вечности, — просвещения единого истинного. Здесь представляется во первых нашему рассуждению самый рассудок: душа, испытующая все, да испытает прежде себя! как можно, скажут, приниматься еще судить о ней? Для сего надобны достоверные многих веков наблюдения за нею и опыты! Да разве их еще мало? Разве не по ним ведут себя в наши времена? Что же люди делали до сих пор? Все одни других обманывали? Все говорено было по намерениям, а не по сущей истине. Несообразно ни с чувствами, ни с происшествиями? А люди, ведь, всегда будут люди, посему прочных исторических истин многих веков, для сего достаточных, дожидаться едва ли возможно. Да, полно, и нужны ли они? Кто и когда доказал, чтобы от растений могли родиться насекомые, от сих птиц рыбы или звери, чтобы хотя в том же классе, одни животные или растения переменались, даже с помощью искусства, в другие? А натура без пособий или препятствий человеческих еще и того постояннее в своем ходе. Ежедневно в глазах совершаемые предприятия другими, оных

следствия, совершенное самого себя с другими сходство и ощущение в себе самом побуждений к достижению таких же и намерений своим чувствованиям сообразными путями, способны явить, очевидно, каждому и не знающему подробно деяний всех прошедших времен, побудительную причину неусыпных попечений и забот, посредством самого себя и во всех других и уверить убедительнейше, что она есть не другое что, как стремление к благу, толико сродное душе человеческой, что все свои способности, усилия, всю деятельность свою к тому всегда и единственно устремляет, дабы изобрести средства удовольственной жизни, обеспечить их и успокоить себя постоянством оных. Есть так же и тут степени. Тем более душа ощущает неприятности в бытии своем, чем подробнее, совершеннее понимаешь истинное счастье, право на оное, возможность достигать оно и чем более тому встречаешь препятствий. Кажется, самая сущность души нашей состоит в стремлении к удовольствиям ее достойных, жизнь в приятном ощущении бытия своего; болезнь страшная для нее — в неприятном чувствовании, смерть в совершенном хладнокровии. Во всем она ищет первого, во всем страшится и бежит от последних.

Правда, не в одной чувственности находит она приятные ощущения. И тогда, когда все в теле происходит с такой тишиной, что она не мыслит и о бытии сего своего жилища, по большей части, не бывает она бездейственна. Почему? Есть еще в ней способность, с ее сущностью, неразлучная, почерпать приятнейшие ощущения в существах Вселенной, не касаясь их, без наималейшего на оные влияния, так как бы для них ее не было. Ощущения, в которых, кажется, сливаются все прелести всех чувствований, телесными органами извне доставляемых, но которые чистотой, много различием, степенью удовольствия, душе ими доставляемых, несравненно сих превосходнее. Обретает в них душа и красоту, и величие, и некую гармоническую стройность, и особый род сладостного вкуса, и радостные восторги при постижении их, обладание ими, и все, все похожее на удовольствия, почерпаемые в натуре с помощью орудий вещественных ею нам данных; но все сие от вещества совершенно различествующее, теснее, вечно с душой соединенное, вечно ей любезное и никогда и малых следов неудовольствия возбудить в ней не могущее; и все сие есть познание вещей, постижение истин, созерцание оных. Так сродни они душе, с такими условиями устремляется она к ним, так блаженной себя ощущает, предаваясь им, такой великой себя нахо-

дит, когда углубляется в них, что, кажется, совершенным блаженством еще в здешней жизни наслаждался бы человек, если бы потребности тела не препятствовали ему везде в обширнейшем владычестве природы поучаться в законах Вседержителя, читать в сей поучительной книге утешительные и удовлетворительнейшие истины вечной премудрости, перстом начертанные. Столь естественно человеку искать приятнейших ощущений в созерцании истин, что оных еще не испытывший не может представить себе благодатного состояния души, вкушающей чистейшие удовольствия, ни самих сих удовольствий. Не имеет понятия о самом себе, об истинном достоинстве, величии, о высоком предопределении человека. Но к истинам надобно привыкнуть и при том ощутив уже силу рассудка. А чувственные удовольствия от самого младенчества беспрестанно почти занимают нас, и для того с течением лет овладевают нами до того, что необходимо первые пути к полезным познаниям должно усыпать цветами, соединять полезное с приятным и для самих чувств до тех пор, пока истины собственными благотворными на душу влияниями возьмут верх над чувственностью и привлекут ее к себе. Натура, говорят, везде сама себе подобна. И подлинно, как удовольствия чувственные тогда имеют надлежащую свою цену, когда все им сопутствующие, предшествовавшее и последующее, не сопряжено даже и с опасением неприятностей: так и в ходе в полезных знаниях от одних истин к другим и приобвыкшие преодолевать препятствия и не разлучные с ними досады много паче утехами чувственными до расслабления и самой души с младенчества изнеженные и по приобретении довольного навыка соображать истины, во всем почти охотнее прилепляются к тому, что более приманчиво, менее затруднительно, проще, удобнее и притом сопровождается приятными впечатлениями и на сами чувства, — по крайней мере, что хотя и сопряжено с некоторыми неудобствами и трудами, но обещает, очевидно, великие выгоды и приобретение постоянных удовольствий жизни. То уже редкий героизм и в посвятивших себя общеплезному любомудрию, когда кто, не смотря на невнимание к себе, по одним удовольственным ощущениям, самой деятельностью ума в нем производимым и по любви к полезности их для ближнего, то считает приятнейшим для себя долгом, в том полагает истинную честь — жизнь, достойную человека, чтобы с постоянным неутомимым напряжением проникать в связи многосложнейших истин, если только несомненно усматривает, что его исследования принесут ис-

тинную пользу его отечеству и вообще его ближнему. И в отношении к истинам, как в употреблении чувственных органов, располагает собой душа, смотря по тому, сколь приятного и постоянного ощущения своего бытия усилиями своими достигнуть надеется. Надежда и опасение, любовь и отвращение суть главные пружины ее движущей.

В одном юношеском возрасте, когда еще нежная родительская заботливость предупреждает почти все желания будущей подпоры своей старости, младенчеству члена общества; когда еще небо и земля, все предметы для человека новы; когда каждое деревцо, каждая травка, цветок, каждое действие, происшествие привлекают его любопытство и наполняют все его воображение; когда человек в таком еще состоянии, все пред ним и в нем играет; что, кажется, для того вкушает пищу, пьет воду, дышит воздухом, дабы всем сим приводимому быть в восхищение, наполняющим всю его душу так, что нет уже остальной ее части для помышления о каких-то суетах житейских, о которых она понятия не имеет и иметь не хочет, заботы о себе не смущают ее. Но коль скоро начинает он понимать прилагаемые о нем попечения; коль скоро впервые помыслит, что ему надобно будет некогда подобным образом помышлять самому о себе, а может и о таких же, как и он, а может быть, еще и о самих промышленяющих о нем, то еще до запросов: «Чем быть мне?»; «Какой избрать род жизни?»; «Как себя к нему подготовить?», — входит в предметы соображения и самая жизнь. Какою же находит он ее? При первом об ней помышлении он слышит раздающийся по всей душе, потрясающий всем телесным составом отголосок столь общей столь часто проповедуемой истины: «Жизнь наша кратка, скоротечна!» А приведя на память несколько происшествий и виденных им и самим испытанных, несколько необычных и нечаянных приключений, он, сверх того, находит ее и много болезненной, ломкой, ненадежной им по видимому управляемой, а от его власти и столь не зависящей, чтобы он мог наверное сказать, что завтра он будет также здоров и весел, как и сегодня. Даже и самый рассудок, единственная, казалось бы, надежная, неотъемлемая у человека его собственность, не в нашей власти! Побуждения внутренние, не оставляющие нас ни на минуту, заставляют нас о всем заботиться. Нам предоставлено всеми нашими способностями и всеми около себя пользоваться, но из всех вещей ни на одной постоянство не дано, совершенное право. «Старайся о себе и надейся!» — вот все наши привилегии для всей здешней жиз-

ни! Незнание, однако ж, продолжения жизни умеряется понятием об обыкновенном ее ходе. Нечаянные приключения, которым бы люди не находили причины и не надеялись их избежать, всегда были, а с приращением основательнейших познаний об устройении человека, вероятно, и более от часу становиться, будут редкими и необычайными. По сложению, крепости тела, цвету лица, по тому, как кто себя чувствует и по многим другим приметам обыкновенно привыкают люди судить себя и других, со стороны неизвестности жизни, не только в здоровом состоянии, но и в болезненном совершенно, успокоительно, так, что каждый почти надеется достигнуть глубокой старости и там уже с духом спокойным покориться всеобщему уставу. Меньше заботит нас неизвестность жизни, нежели неизвестность здоровья. Однако же сия, вместо того, чтобы ослаблять усилия наши, по большей части, поощряет к ревностнейшему о своих намерениях попечению. Одна обыкновенная краткость жизни, один известнейший и необходимый предел никогда не теряется из вида. Понятие о нем есть вместе и сильное чувство, участвующее во всех предприятиях, преднамеряемых для всей остальной жизни и, можно сказать, более к ущербу просвещения и общественного блага ослабляет напряжение сил душевных, нежели, как надлежало бы, служит к пробуждению совести и улучшению нравов, если любовь к ближнему, вседушная и усерднейшая привязанность к своему Отечеству одна не располагает до последнего мгновения жизни склонностями. Если бы и все люди достигали глубокой старости, если бы в стремлении к чести быть полезным своему Отечеству не препятствовали многие, частью неизбежные, частью непредвидимые приключения, то все еще много есть причин помышлять об изобретении средств благоуспешного хода полезных знаний. Человек, по своему устройению, во многом имеет нужду, так, что и при множестве разных состояний не может он не развлекаться разными и многими предметами. Многие получают от природы крепкое тело, но слабую душу и обратно, так что одни к трудам, требующим проницательного, твердого и постоянного деятельного ума, бывают мало способны, а другие оных не много переносить могут. Нередко теряются превосходные способности небрежением о воспитании. Многие также ограничиваются навыками в промысле или в механических работах, довольствуясь тем одним, что посредством оных могут снискивать хлеб насущный. Многие не по низкости способностей или по нерадению о себе и отвращению

от трудов, но по недостатку средств снискивать даже пропитание от одного уныния и помыслить о полезных знаниях не в состоянии. Какая там утеха возможна от глубокомысленного разыскания теорий высоких и необычайных, где душа скучает и бытием своим? Великие богатства совершенно, правда, противны скудости и бедственной нищете. Но при всем том, относительно к просвещению, не лучшие производят следствия. Великое во всем изобилие часто несовместно и с малым трудолюбием. Трудно также представить себе такое устроение народа, при котором бы не было нужно, чтобы целые состояния занимались одним исполнением возлагаемого на них законами Отечества и властью звания. А отсего необходимо многие великие умы останутся в неизвестности и посторонним только образом, несоизмерным себе, содействовать будут ходу полезных знаний. Собирая сии и другие неудобисчислимые обстоятельства человеческой жизни, нельзя не заключить, что немногие жители и просвещенней страны, какую же часть составят они всего рода человеческого, могут себя посвятить приобретению и распространению полезных знаний. И сие весьма ограниченное число составляющие сколь малую часть жизни могут употребить единственно на споспешествование истинному просвещению!

Посмотрим еще и на предмет познаний человеческих. Вся Вселенная есть предмет сей. Что почувствовать должен каждый при первом представлении сей истины? Надобно познать самого себя и подобных себе физически и нравственно. Сказать легко! Надобно, кроме того, познать все окружающие вещи, могущие от каждой произойти общие и частные пользы, обозреть средства, какими каждая порознь и в соединении с другими обращена быть может на удовлетворение потребностям, на доставление человеку выгод и удовольствий жизни. А в сих размышлениях, при взгляде на множество существ, на одной земной поверхности обретающихся, всякий заключит, что предметы познания по множеству несчетны, по слабости данных нам чувственных орудий, в своих действиях неисследимы; по ограниченности нашего понятия, в нем неместимы, по краткости жизни и по причине малой части времени на рассмотрение их уделяемого, подробно познаны и точно соображены быть не могут. Такового заключения следствие что? Унылое ощущение своей бедности! Как же все покорено под ноги нам? Чтобы сие истинно было надобно непременно человеку, несмотря на множество вещей в натуре, при первом

взгляде изумляющее, одарену быть и органами, и пронизательностью — душевными и телесными силами, достаточными для уразумения всех вещей, способных лучшим оных употреблением возвысить бытие человеческого рода. Надобно, чтобы и сама жизнь, при всей мнимой ее краткости, для сего была достаточна.

Статься не может, чтобы в дарованиях человека было опущено что-нибудь из всего нужного ему достижения в сей еще жизни возможного совершенства и счастья! Всех человеческих горестей, бедствий и страданий источники суть нерадение о своем роде, невнимание к своим достоинствам, недостаток согласия, единства, всеобщего взаимного доброжелательства. Правда, можно подумать, что предметы познаний многочисленнее и самых вещей составляющих Вселенную; однако же, отчаиваться притом, чтобы возможно было человеку приобретать все нужные для его блаженства сведения, было бы заблуждение не менее предосудительное, как и вредное для человечества. Существа творения и подлинно бесчисленны: кто, однако же, доказал нам, что для счастья нашего необходимо нужно знать все оные? Не уверяет ли, напротив того, ежедневный опыт, что число необходимых потребностей жизни весьма ограничено? Небольшая полоса земли при трудолюбии, согласии и весьма немногих познаниях довольна для доставления многочисленным семействам большей части вещей необходимых. И то правда, что одни необходимые вещи не составляют счастливой жизни. От оных до совершенного счастья весьма много степеней. Для сего нужны уже в народе многие познания, в понятии одного человека и лучших дарований неместимых. По крайней мере, они вместины во многих. Для чего же и общества, если не для того, чтобы радеть соединенными силами о средствах общего счастья, о том, что превыше способностей одного или немногих? При том же в наши времена стыдно, кажется, сомневаться, что возможны способы познавать необъятное, по первому взгляду, множество вещей с их употреблениями. Нужно знать азбуку с некоторыми замечаниями о ее употреблении, чтобы читать книги, чтобы читать и самые идеи, в словах заключающиеся, нужно так же знать особый только род азбуки, к их разумлению приуроченный.

Не так необъятно множество знаний и истин ко всем и каждому относящихся, как бывают иногда огромны библиотеки. Все сии творения ума человеческого содержат различную только и при том по большей части, удобно понятную комбинацию или сопряжение опре-

деленного числа понятий, служащих каждому основанием, и, вообще, при надлежащем ходе воспитания, удобно приобретаемых. Из всех также вещей и самой Вселенной премногие, правда, могут обращены быть на пользу человека так, что, если бы для познания употреблений каждой потребен был особенный способ исследования, то и столетней жизни не довольно было бы для одного обозрения оных. Однако же в наши времена пути к познаниям столько уже сокращены, что сие ужасающее множество существ, их свойств, употреблений и истин не есть уже так велико в отношении к уму человеческому, как оно сначала показаться может. Раздумье сие о вещах для жизни необходимых, истинно полезных и к утехам с разумом согласным служить могущих. Как все вещи во Вселенной, зависящие от них явления, их влияние на человека и возможные следствия их взаимных действий, так и понятия об оных, сколь не многочисленны и различны. Однако же, по каким-нибудь свойствам, связям, соотношениям или человеческим намерениям, не могут не быть между собой подобны или по различию их, соответственны разным видам. А сии самые и другие причины и подали средства составлять из всех понятий о вещах разные отделения, по расположениям и целям, различные и при том число гораздо уже меньшее составляющие. Сии отделения, по подобным причинам, приводятся еще в меньшее число, с последними опять поступают, как с первыми; и сей способ подчинять понятия, истины и изобретения одни другим продолжают обыкновенно до того, что, наконец, приводят их бесчисленное множество в определенное, весьма невеликое число классов, названных *науками, искусствами, художествами*, получающими особенные имена по их предметам, намерениям, пользам и прочему. Самые сии части располагают по тому же сходству, сближая в каждой истине, соответственно существующей действительно между ними и усматриваемой взаимной зависимости, посредством такого распоряжения. Неограниченное почти число понятий и истин может вмещаться в душе человека в образе ограниченного и способностям ума, совершенно соразмерного. Пусть справедливо, что при всех сих и подобных средствах, облегчающих или сокращающих пути к истине все еще число вещей, исследованию ума принадлежащих, будет так велико, что для совершенного оных познаний, достаточны быть не могут силы одного человека.

По крайней мере, весьма обидно для человечества и вредно было бы думать, что люди и разделяясь на несколько классов, сколько раз-

личных, по различию предметов, знаний и заимствуя в каждый от других нужное для своих упражнений — и тут недостаточны были бы для достижения порознь совершенного познания своих, а потом уже отчасти и всех предметов. Такие мнения, кажется, свойственны только быть могут или ухищренно ищущим высоких мыслей о себе и о роде своего звания и упражнений, или праздноумствующим изобретателям парадоксов, нередко к сему низким душам сродному искусству прибегающим, для закрытия правдоподобием истинного собственного позора. Напротив того, весьма вероятно, что, если бы из всех классов, занимающихся в особенности разными всех человеческих познаний частями, каждый, преимущественно углубляясь в своем предмете, обращал часто внимание и на прочие, и, очищая свою часть от всех излишних, никакой пользы не обещающих и с вредною только потерей времени и развлечением ума сопряженных правил; доводя ее до возможной простоты и удобности, помышлял усердно и о споспешествовании другим, по крайней мере, близко к своей относящимся: то все человеческие познания могли бы доведены быть до такой степени простоты и ясности, при которой главнейшие из них, истинно полезные, каждым легко приобретаемы быть могли бы. В сем состоянии человеческие познания, может быть, немногие из всей природы предметы, представляли бы исследованию ума; но такие, в произведении которых, устройении, сопряжении взаимными зависимостями, размножении и сохранении узнавая приемы природы, тем самым получали бы люди ключ разумения всех ее деяний, сокровищ и их употреблений.

Все вещи во Вселенной без сомнения состоят из немногих стихий, в разной пропорции и разным образом соединенных и беспрестанно в своем расположении изменяемых так, что, сколько существ, столько различных образов существования весьма ограниченного числа все тех же стихий. Если бы мы их узнали совершенно, то вероятно, что в каждом классе подобных произведений природы нужно бы только открыть пропорцию начал, образ соединения и происходящие от того свойства целой вещи, дабы потом, при первом взгляде на каждую, по наружности ее и первым ощутительным свойствам, в точности можно было разуметь ее, и наверное предвидеть все полезные, или вредные следствия возможных ее употреблений. Кто же доказал неоспоримо, что сие для человека не возможно? Будто бы довольно сказать, что натура непостижима для человека потому, что

все в ней устроено соразмерно беспредельной Премудрости, и чтоб от сего и надлежало нам совершенно охладеть к самим себе и ближнему! А все познания человеческие, разумея их в совершенстве, суть изображение натуры человеком и для человека приготовляемое. Для чего же невозможно быть и им доведенным до стихийной чистоты, дабы, в сем состоянии, служить человеку совершеннейшим для созерцания всего мира телескопом?

Сии и подобные им понятия о стремлениях души человеческой, из самой сущности ее проистекающих, всем везде общих и постоянно сродных; о свойствах самой жизни нашей и обстоятельствах с ходом ее неразлучных; и о вещах Вселенной, ближайше к человеку относящихся, а по сему самому и подлежащих его исследованию — понятия не вымышленные, и, кажется, с тем, каково действительно есть все сие, согласные, наисвободнейше, без глубокомысленного их разыскания, сами собой способны родить в той же душе следующие мнения о средствах насаждения и распространения в народе общепольного — и истинного просвещения. Самое первое, всем прочим основанием служащее средство насадить и размножить общепольные знания, состоит в том, чтобы обратить всеобщее на них внимание, показывая их всем повсеместно из выгоднейшей точки зрения, в их естественной, привлекательной красоте, чтобы возбудить во всех везде должное уважение к полезным наукам, искусствам и художествам, чувствование необходимости или, по крайней мере, полезных следствий образования умов и сердец ими, почтительное об них мнение и любовь к ним повсеместную. От века было и впредь будет сродно человеку желать добра ближайшему своему потомству, рожденным от себя и стараться возможными образами устроить их благо. Нельзя, чтобы человек не считал того благом истинным, что душевно любит и к чему любовь постоянно одобряет и здравый рассудок. Итак, по естественному побуждению, сие к наукам и искусствам, ко всем полезным знаниям уважение, сия любовь переливаться будет из чувствования родителей в души детей, от сих внедрена будет непременно следующему потомству и, таким образом, переходя от рода к роду по преданию и будучи наследуемая каждым потомством от своих предков, удерживающих и по смерти любовь к себе и уважение к образу мыслей своих, вкореняться будет в сердцах от времени ко времени глубочае и надежнее и производить отчасу обильнейшие плоды общественного и частного благоденствия. Счастливые сии

следствия, по существу истинного просвещения, сопутствовать ему должноствующие, исполнятся неотменно. Ибо любовь и сердечное прилепление к предмету, по суду здравого смысла, оной достойному, постоянна и более деятельна, заботлива и попечительная, нежели отвращение, ненависть и прочие сим сосвойственные страсти. Последние, при утешении первых волнений, оставляя неприятные следы своего бытия, болезненные для души впечатления, располагают ее к отдалению от одного и с течением временно исчезают в понятии и чувствах, будучи, по натуре своей, для души столько же ненавистны и отвратительны, как и самый предмет, их причинивший. А любовь напротив, будучи приятна и полезна сама себе не менее любимого предмета, ищет в нем непрестанно себя и своей жизни, и для продолжения драгоценного для души своего бытия, тщательно изыскивать возможные средства о приведении одного в совершенство. Посему любовь к наукам, искусствам и художествам — вообще ко всем полезным знаниям и навыкам, непременно для себя, для самих знаний, для любезного себе потомства, всегда попечительна будет о том, чтобы юные отрасли человечества с первого мгновения своего бытия чувствованиями и движениями крови матерней располагаемы были к удобоприятию семян образования нравов и просвещения умов, чтобы всасывали оные с материнским молоком, возрастали с ним и домашним воспитанием, от самой колыбели, были бы руководствованы к разумению и своих истинных достоинств, и вещей окружающих с их употреблением — к наследованию и средств, приобретать и возвышать счастье и самого счастья, и к преданию одного таким же образом и своему потомству. Кажется, в насаждении в юных сердцах и укоренении сего ко всем полезным знаниям уважения, сей к ним любви и привязанности состоит все таинство правильного воспитания. Случайно только и разве по особым необыкновенным дарованиям и сильной природной склонности ко всему изящному может выйти. Особенно по части общественного служения, где преимущественно потребны добродетель и просвещенный разум — истинно полезный член Отечества из такого, кому не были с младенчества вперяемы правила благонравия, и почтительная любовь ко всему, что может возвысить истинные достоинства человека. О подобных сему рассуждениях говорят: «Легко судить!» — присловье одно из тех, которые часто машинально, без участия в том рассудка, приставляются к суждениям, клонящимся к исполнению их на самом деле, коль скоро

кажутся они по лености, или закоренелым предрассудкам, сопряжены с некоторыми заботами. Спросим у самих родителей — опытных, просвещенных, на самом деле многожды сие исполнявших; трудно ли им было удовлетворять побуждениям своего сердца, покоряться в том влечению любви родительской и патриотическим чувствованиям, чтобы от самого рождения примечать за всеми душевными дитяти движениями, его улыбками, гневливостью, склонностями и отвращениями. Заключать из всего об основаниях его характера и способностях. И применительно к оным ласками, обещаниями, угрозами, угождениями, наградами, отказами, похвалами, осуждениями и сим подобными средствами, при каждом способном к тому случае, отводить их внимание от вещей бесполезных, обращать к полезным, приучать к благонравию, заохочивать к трудолюбию; возбуждать и питать уважение и любовь ко всему, что для благоденствия всей будущей их жизни считают необходимым; без чего оно ни приобретено, ни возвышено, ни сохранено быть не может, и, следовательно, в числе прочих средств, и ко всем полезным сведениям? Смею, входя в чувствования, в естественные побуждения добрых родителей, устами их отвечать, что родителям благовоспитанным, добродетельным, просвещенным, к детям и к благу общественному равно усердным, труднее не радеть о том, нежели исполнить! Сия любовь к просвещению от часу возрастает, вкореняется надежнее и становится деятельнее, если юные соотечественники, кроме почтительного мнения о полезных знаниях и привязанности к оным родителей; примечают и во всех прочих старейших, опытных, достоинствами личными, прямыми всеобщее внутреннее уважение снискавших членах Отечества те же о знаниях мысли и чувствования; если везде слышат, что все, или, по крайней мере, многие необходимые потребности, обилие во всем к выгодам, постоянным удовольствиям, и даже наружно блистательной жизни относящиеся. Все, чем отличаются благоучрежденные и блаженствующие державы от слепотствующих и бедствующих народов, получало свое бытие и идет к совершенству с помощью прилежного возделания сердец, изощрения и обогащения ума разными науками, искусствами и от них зависящими общепользными упражнениями. Высочайшей степени достигает уважение и любовь к общепользным сведениям и делается всеобщей добродетелью: если юношество, с достижением совершенного смысла, поверяя все внушенное им от старейших, находит тому очевидное доказательство и во всех степе-

нях властей; если видит и здесь тоже к ним уважение и принимаемые меры для поддержания и распространения оных; если находит, что и самые законы дышат любовью к ним и от них ожидают своей поддержки, совершенства и споспешествования народному благу — главной цели, для которой существуют. Мудрость, добродетель и благоденствие общее водворяется там, где не словами только твердят, что истинное достоинство, благородство прямое состоит в природных дарованиях душевных и телесных, в уме и сердце, воспитанием возвышенных и утвержденных, в усердии к своему государю и Отечеству, в способности служить им и в постоянной душевной готовности жертвовать общему благу всеми своими силами, но где утверждают почтение к истинным достоинствам и самым делом! Там все верят проповедуемым правилам благонравия и добродетели, и по силам стараются исполнять их: ибо видят, что все идет им соответственно, и, видя то, не сомневаются в истине оных!

Одно также из самых действительных средств споспешествовать возбуждению и распространению любви к истинному просвещению, кажется, состоит в неусыпном наблюдении и возможной осторожности, дабы от природы ленивые, или закосневшие в празднолюбии, также не имеющие природных дарований и невоспитанные, не смотря на длинные списки предков, не могли занимать почтительных общественных должностей, требующих действительно хорошей породы возделанной воспитанием, и знаний, могущих служить для прямых, душевных достоинств поощрением, а для пожертвовавших Отечеству великой частью жизни и здоровьем, отрадным доверием и утешительной наградой. Не менее для распространения просвещения, как и для утверждения всех в добродушии полезно, если законы, отчуждающие бездейственную жизнь от выгод и преимуществ разуму, добродетели и общепольному трудолюбию предназначенных, хранятся свято и нерушимо. Все ищут счастья в жизни, и притом невозможно, чтоб в многочисленном народе не было многих действительно худородных. Таковые, не будучи в состоянии прямыми путями идти к желаемому всеми предмету, ищут обыкновенно своего спасения в подлых пронырствах. Многие из них, если бы только приметили, что возможно им укрыться от бдительности правосудия, ухищренными презрительными ползаниями неминуемо достигли бы отличий и прав, принадлежащих собственно просвещению и добродетели. Порок тем ободрился бы, изнеженные, расслабленные духом

и телом, неспособные ни к размышлениям, соединенным с напряжением сил душевных, ни к перенесению трудов телесных удвоили бы свои усилия и, размножаясь наподобие зловредных плевел, подавляли бы повсеместно в душах и самые семена склонностей к благонаравию и просвещению. Юношество, при первых ощущениях способности верить собственным рассудком все советы и наставления, внушенные прежде и беспрестанно себе вперяемые, видя совершенно противные уважению к разуму и любви к истинному просвещению примеры, усомнилось бы в похвалах сим качествам им слышанных и сочло бы оные злоупотреблением своим легковерием, ребяческой неопытностью, свойственного вредным и своекорыстным оболещением, лукавым, предательским обманом или, по крайней мере, глупостью, зрелому уму непростительной, а возрастные, видя себя обманутыми по причине чистосердечия, в своих правильных надеждах, охладели бы также в любви к истине и, потужив о неосторожной потере времени, простясь с правилами строгими разума и совести, принужденно покорились бы тоже общему ходу вещей. Какая любовь к просвещению возможна там, где всем, что только может быть лестно для человека в жизни, обладали бы и немыслящие о том, что за просвещение и к чему оно пригодно? Нередко едва общий смысл имеющие и столько же для отечества полезные, сколько волчец³¹⁷ для дерева; которого соками тучнеет, сколько махровые цветы для размножения растений своего рода? Они красивы, но существуют против надлежащего хода природы, злоупотреблением сил ее. Пагубный для дарований душевных — истинных достоинств человека соблазн!

Надобно, кажется быть только человеком, чтобы знать, что он имеет необходимость в потребностях жизни множайших, нежели все прочие животные; надобно сделать несколько наблюдений в каждом возрасте, чтобы увериться, что в соразмерной нуждам его степени он и понятен, и любопытен, и заботлив, и любит переносить всякие труды, преодолевать затруднения даже до того, что величайшие препятствия вместо устрашения его, часто подстрекают его любочестие; а от любочестия шаг до решимости, ничем уже, что только сил человеческих не превышает, неодолимой, если и предмет лестен, и надежда достигнуть его не сомнительна. Причины тому во всех возрастах многочисленны и общи. А сие уже, естественно, ведет к заключению, что, если общепользные знания и так привлекательны, что удобно можно возбудить к ним повсеместную любовь, и действительны к

достижению счастья, то не невозможно, чтобы в самой обширной стране, в многочисленном народе все, исключая обиженных природой, поврежденных по неосторожности и неразумению, были просвещены, по крайней мере, до такой степени, чтобы в знаниях иметь средства безбедной жизни. И действительно, возможно такое распространение общепользных сведений; но для сего не довольно возбудить к ним во всех любовь. Надобно при том, чтобы жителям доставлены были средства навязать как рукоделиям и искусствам, или механическим искусствам, так и свободным знаниям, и упражняться в разных науках с удобством, с малыми сколько можно изживаниями, с нечувствительным трудом, беспрепятственно, без огорчений, без скуки — так, чтобы везде, где только совместно с лучшим порядком упражнений и с натурой предмета, встречали ищущие познаний и ведомые к оным приятность и удовольствия, дабы любовь к полезным знаниям везде находила пищу себе, укреплялась и все бы склоняема была в их пользу, к их распространению.

В числе сих средств во-первых представляются нам публичные школы — средство для насаждения в юношестве полезных знаний лучшее и едва ли не необходимое. Неоспоримо, что с минутой рождения должно начаться образование ума и сердца. Можно и частным воспитанием руководствовать к общепользным сведениям и добродетели; но, и при великом имении, точное удовлетворение всем обязанностям воспитания, особенно относительно к просвещению, бывает без сомнения сопряжено с препятствиями непреодолимыми; не говоря уже о том, что при скудости и вовсе это невозможно. Каждое семейство, не иначе, как и каждый человек имеет свои добродетели и особенные недостатки; каждое развлекается особенными по своему состоянию отношениями, отдаляющими от забот о руководствовании или о наблюдении нужном за своими руководствующими юных к просвещению. Невозможно, чтобы те же и другие многие добродетели не были вперемы юношеству и в публичных училищах. А недостатки и пороки, и неусыпностью принявших на себя долг воспитания, и всеобщим вниманием родителей, всей публики и самого правительства к возделанию молодых отраслей человечества далеко уже прогоняются от храмов сих, посвященных истинной общественной пользе. Достаточнее тут средства воспитания, беспрепятственнее ход оно, и не может почти не быть применен совершенно к пользе и частной и общей. К тому ж как средства исправления, так

одобрительные похвалы и другие поощрения, получаемые по внутреннему уверению одобряемых, от беспристрастных судей их способностей и успехов, примеры различных дарований и склонностей, ежедневные случаи соревнования, и само всегдашнее обращение с наставниками и сверстниками — все сие сколь полезно для преуспевания и в полезных знаниях, и в самой добродетели, столь несомненно с приватным воспитанием. В публичном воспитании и сами недостатки и пороки сотоварищей обращаются, по большей части, в нравоучительные правила, в пользу для других. Но дабы публичные школы принести могли возможную пользу, нужно, чтобы число их было соразмерно обширности и многолюдству страны. Чтобы они учреждены были в местах выгоднейших и так распределены по всей области, дабы все жители ими удобно пользоваться могли; наконец, чтобы сколько возможно, были совершенно устроены и снабжены всем нужным для беспрепятственного хода просвещения. Нужно, чтоб, по крайней мере, главнейшие из них содержали весть круг человеческих познаний, так однако же, чтобы каждое было в границах самой натурой предмета назначаемых! чтобы не было, по непомерной краткости, темно, сухо и бесплодно, или, по излишней и более хвастливой, нежели нужной обширности, необъятно и отнятием времени ненужным не полагало бы преграды успехам в других науках юношеству. Число их должно быть полное, но не заключать в себе излишних, содержащихся уже в других, под особенными именами особое существование получающих, как будто нарочно для устрашения умов и отражения их от истины. Желательно, чтоб каждое из таких училищ было совершеннейшая, ни недостаточествующая, ни излишествующая ни в чем общепользном, удобопонятнейшая и живая энциклопедия.

Как в сих училищах, так и во всех прочих, нужно чтоб юношество ведомо было от предмета к предмету, от правила к правилу, натуре понятия сообразно; чтоб в преподавании знаний не было занимаемо многократными изъяснениями одной и той же вещи, никакими бесполезными выдумками, играми умов или отвлечениями; но обогащалось бы познаниями вещественными, очевидно клонящимися к существенным частным выгодам и к пользе Отечества.

Великое также и едва ли не главное совершенство училища состоит в самих учащихся. При самом лучшем расположении наук и искусств, там только можно ожидать благо успешного руководствования

ния к оним, где важное сие знание поручается не одного пристанища и пропитания в нем ищущим, но истинной чести и удовольствий, достойных благовоспитанного сердца, оказывать усердно одну из важнейших услуг своему Отечеству образованием юных умов и сердец, — испытанным в знании и способностях сообщать оное, известным по благонравию, образу жизни, прилежанию и совести, любящим душевно принимаемое на себя звание и почитающим удовлетворение оному священным долгом. Таковые соображаться будут и между собою, дабы разногласием не терять у руководствуемых нужной к себе доверенности, и будут вести юношество к знаниям путями кратчайшими, вспооществуя в том друг другу, наблюдая в изъяснениях метод естественный и совершеннейший, применяясь по возможности во всем к понятию и сердцу юношества, так чтобы оно ни в чем не чувствовало трудности, чтобы все казалось ему ясно, везде бы встречало приятность и поощрялось бы ко всему вперяемому, даже к преодолению неизбежных затруднений, благородно-честолюбивым надеждам на свои дарования, привязанностью к своим упражнениям и любовью к самому руководствующему — обстоятельства при насаждении просвещения весьма важные! Сколько высоких дарований теряется без пользы от того единственно, что по окончании учебного курса часто бывает больно сердцу и вспомнить о школе! Так не редко мало помышляют о важности первых впечатлений!

Школы суть удобнейшие и лучшие средства насаждать просвещение в юношестве, но состояние в оных каждой науки и искусства должно быть ограничено основаниями, достаточными только к тому, чтобы с оными каждой потом собственным трудом любимую или избранному роду жизни более соответственную науку мог доводить в понятии без затруднительно до совершенства; для возрастных же, предоставленных уже самим себе, одно из лучших средств, какие отечество может им доставить для вящего преуспевания в просвещении, суть публичные библиотеки. А дабы можно было надежно ожидать от них истинной пользы для науки и искусств, то нужно, чтоб они также как и школы в достаточном числе расположены были по всему государству, и учреждены так, чтобы все любители общепользных знаний могли ими удобно пользоваться; чтобы они состояли из отборнейших, лучших во всяком роде, целым просвещенным светом одобренных и постоянно уважение удерживающих книг, как иностранных, так и писанных на отечественном языке. Пусть справедливо, что кни-

ги для умов то же, что цветы для пчел; и то однако же истинно, что доброта сотов зависит от доброты цветов. К тому ж не всякий может безошибочно делать выбор во множестве книг. Сей выбор, кроме вредной потери времени, нередко также производим был бы на счет и хорошего вкуса, и истины, и благонравия. Весьма важная, кажется услуга оказана была бы ищущим просвещения, если бы судом ученых корпусов, существующих во всех благоустроенных государствах, все до наших времен произведения ума в сем роде беспристрастно оценены были так, чтобы для каждой науки, искусства и художества, для каждой всех познаний ветви определены были сочинения лучшие, с означением отличительных каждого свойства, составляющих особенное его достоинство. Сим способом, при удобности пользоваться посредством публичных библиотек, во всяком роде превосходнейшими творениями, посредственные, содержащие материи, в лучших уже, в лучшем порядке и вкусе предложенные, а тем паче сочинения, в больших томах заключающие одни празднословные мелочи или очевидные заблуждения и вымыслы, злоупотреблением изящности и часто высоких и прекрасных умов весьма искусно и хитро в развращение воображения, и тем самым, к порче способностей, к вреду истинного просвещения и человечества приноровленные, лишаясь внимания к себе, теряли бы мало по малу и бытие, и исчезали бы вместе с заблуждениями и пагубными их следствиями. Чрез то во всех состояниях дарования и великие и посредственные — всех степеней способности, одни других поощряя, содействовали бы себе взаимно в распространении и возвышении полезных знаний. Посему все состояния могут быть учеными! А для чего ж не так? Сие удивительно потому только, что необычайно. Нигде и никакое состояние не имеет на ум исключительного права. Бог присудил его вообще человеку, и природа каждому дает его без различия состояний, так что в каждом государстве, во всех классах людей едва ли не в одинаковой пропорции о сию пору число высоких умов к посредственным и низким! Везде существует ум и сердце; везде следственно существует и обязанность образованности и то и другое. Невозможно конечно чтоб во всех состояниях все могли делаться в одинаковой степени просвещенными; по крайней мере все могут до того доведены быть, чтоб способны были, посредством чтения и письма, заимствовать от полезных познаний столько, сколько каждому позволит от упражнений его состоянию свойственных остальное время.

Много также способствовали бы к познанию полезных изобретений и к образованию ими умов как государственные, так и private разного рода заводы, фабрики и вообще все к механическим искусствам относительные учреждения, если бы возможно, чтобы оные расположены были также по всему государству во многих местах, дабы все любопытные и способные любители общепользных изобретений могли беспрепятственно посещать их, видеть машины, материалы, образ производства работ, каждому искусству свойственных, и узнавать все то, частью внимательным рассмотрением, частью разговорами с искуснейшими в каждом деле и другими средствами. Таким образом, нередко в несколько минут с великою удобностью приобретаемы были бы о многих полезных вещах такие сведения, какие не всегда и долговременное чтение, с такою при том ясностью, подать способно. Умы жителей с раннего младенчества изощрялись бы живыми сими понятиями, и лучшие из них делались бы способными к новым открытиям. Самая физическая и математическая науки получили бы от часу большую ясность, сопрягались бы теснее с искусствами и художествами, от них во-первых, своего совершенства ожидающими; ими оживляясь, взаимно имели бы на них и чрез них на воображение и умы ощутительнейшее влияние, если бы посвятившие себя физическим знаниям часто могли иметь случаи приглядываться к практическому производству всего, к механическим общепользным заведениям, искусствам и художествам относящегося, даже до работы хлебопашества и вообще в домоводстве употребительных. Многие теории о сею пору в одних школах предлагаемые и одним ученым, как будто по особенной привилегии присвоенные, становились бы и в иных школах знакомы, и с практикой сливаясь, являясь и пред самим умозрителем вместе с вещами, служившими к ним поводом, с вещами, для обращения которых в пользу человека вымышлены, часто руководствовали бы его самого к очищению их от недостатков, вкравшихся по невозможности без самих вещей сообразить в кабинете все, основанием правильных о них умозрений служить долженствующее. Бесполезны идеи несходные с вещами, вещи не понимаемые не приносят всей возможной пользы.

В настоящем ходе просвещения знание иностранных языков есть без сомнения одно из лучших — необходимых средств приобретения и распространения оногo. Если, однако же, рассмотреть внимательнее, сколь дорого каждому народу обходиться сие средство, сколь

много замедляет оно ход знаний, то нельзя, кажется, не помыслить, что заботы человеческие о просвещении чрезвычайным подвержены затруднениям. Возраст самый нежный, гибкий, свободный, в котором все чисто, ничем еще не занято и только что изготовлено премудро к восприятию нужных для следующей жизни впечатлений; возраст, в котором душа с обновленными силами только что вступает в подвиг себе предназначенный, в котором воображение жаждет неизъяснимо понятий из которых бы начинающее только мыслить умное существо могло составить приятнейшее для себя и впредь полезное времяпрепровождение, в котором однажды в памяти впечатленное остается, по большей части, навсегда с нами. Сей возраст, самой натурой, кажется, для приобретения вещественных познаний наилучше устроенный, обыкновенно издерживается — на что? На то, чтобы дитя, приучившееся уже предварительно, в нежных объятиях отца и матери, утопая в удовольствиях, изъясняется о всех обыкновенных предметах, о главнейших своих чувствований, нуждах и желаниях. Чтобы дитя сие, не испытывавшее до тех пор скуки, затверживало с беспрестанным отвращением от нового рода противуестественных упражнений, по пяти или шести разных звуков для означения одной и той же вещи; чтобы силилось понять, как различно разные народы неизвестными никем причинами заставлены были изменять сии звуки для извлечения другим своих мыслей и чувствований, все таких же, какие ему уже известны и какие оно изображать уже умеет языком отечественным! От того ли, что изучение языков сопряжено с неизбежными затруднениями, или от того, что и до сих пор неизвестен еще возможный легчайший способ навикать им, обыкновенно издерживается важная часть лучших лет на сообщение сего знания — приуготовленного только к просвещению, так при том, что нередко и хорошие умы в сем предхрамьи изнемогают и теряют совершенно и надежду достигнуть и охоту достигать самого просвещения! Посему полезнее было бы изъяснять науки и искусства и учиться им на одном отечественном языке? Сего утверждать не смею. Кажется, и теперь уже много просвещение от того терпит, что вошло в Европе в обычай употреблять преимущественно отечественные языки для распространения знаний. В том, кажется, больше самолюбия, нежели истинно усердного намерения возвысить в роде человеческом просвещение. Если державы наперерыв сияются одна других превзойти приятными, полезными, превосходными, отечественными сочинениями, не забо-

тясь много о заимствовании пособий от других или помощи в том им, то не та ли, полно, тут главная цель, чтобы возбудить посредством своих дарований и к языку уважение в окрестных или отдаленных государствах; заставить всех полюбить себя и оной; сим посредством внедриться везде, везде все действовать по своим интересным видам, и таким образом воспользоваться другими и их собственностью, как будто бы люди, особливо просвещаясь, могли быть так просты, чтобы жертвовать всем за малые и ненадежные дары мудрости? Цель сия, истинному просвещению неприличная не достигается; а между тем сколь много чрез то затрудняется насаждением, и распространение оного легко видеть можно. Касательно сего необходимого средства приобретать и распространять полезные сведения, кажется, весьма полезно было бы, если бы из всех поныне известных языков избран был единодушным всех просвещенных держав и всего ученого света согласиём один для сочинения на оном систематических о каждой науке и искусстве книг, для описания всякого рода изобретений и для рассуждения об оных, для всех работ относящихся к распространению истинно полезных знаний. Сей язык должен быть всех других, сколько возможно, простейший, удобнейший, обильнейший, ко всякому роду, порядку, соотношению идей удобно применительнейший и в совершенной степени гибкий, достаточный для изображения всех тонов, всех возможных изменений звука, употребительных в произношении слов и могущих войти в употребление, приятный и привлекательный или грубый и противный, смотря по цели и намерениям на нем изъясняющегося, словом все достоинства совершенного по всем отношениям, языка вмещающий и при том мертвый для одного сочинения книг или сверх того, одним еще учащим для объяснения их предметов служащий. В противном случае нельзя надеяться, чтобы не был он подвержен разным переменам и не раздробился бы когда-нибудь ко вреду просвещения на части, целому едва приметно подобные. Так человек своенравен, своеприхотлив во всем до ничтожных мелочей! Нет еще такого? Мы имеем несколько мертвых языков, из которых некоторые веками обработаны. Если они в чем еще недостаточны, то для чего, избрав из них лучший, не вредя его свойству и красотам, не сделать в нем некоторых нужных перемен к его совершенству; для чего не прибавить (например) недостающих литер, не вводить применительно к его натуре новых слов, как скоро новые открытия того требуют подчиняя сих новых членов его зако-

нам? Всякое слово, все слово, его цель достигается, как скоро при-
выкают к его значению, а сие всегда было и будет удобно. Но дабы
в каждом государстве каждый мог пользоваться плодами наук и ис-
кусств, то нужно, чтобы из удобопонятнейших лучшие сочинения
с такого универсального переведены были на отечественный язык.
Для руководства к изящным или словесным наукам надлежало
бы, кажется, употреблять частью оный универсальный, частью отече-
ственный язык, так, чтобы юношество преимущественно вводимо
было во вкус, приобучаемо красотам своего языка и навыкало бы о
всякой вразумной и известной материи изъяснять оным свои мыс-
ли правильно, выразительно, чисто, красиво и приятно. Тогда ино-
странные языки остались бы для охотников или для предназначае-
мых к роду службы и званию, для которого оные необходимы. Для
чего при том не научиться одному или двум из иностранных живых
языков? Тогда не терялись бы нигде ни на что бесполезные даро-
вания. Все народы могли бы спорить, как теперь некоторые, между
собой о природных способностях. И в каждом были бы герои его
вспомоществуемы всеми другими народами. Тот народ одерживал бы
победу и предпочтение, который успел бы быстрее и лучше к пользе
всего человечества употребить свои истинные достоинства. Но сей
победы, достославной впрочем, не торжествовал бы он на счет вы-
год какого-нибудь из прочих. Сия победа вместо вреда и для других
была бы полезна поощрением их к тому, чтобы с силами собравшись,
доказать, что и они люди. Сделался ли бы какой народ опасен для дру-
гих по злоухищрениям и развратам? Другие затворили бы совершен-
но ему вход к себе и просвещение, не как при употреблении чужих
языков то сбыточно, ни мало бы от того не страдало и все прочие, все
соединенными силами как прежде, радели бы о полезных знаниях.
Пользы сего средства несчетны!

А дабы благоуспешный ход иметь могли все сии и другие возмож-
ные средства насаждения, вкоренения и распространения в каждой
стране просвещения, то нужно, чтобы содержимы были душевные да-
рования и склонности к разным состояниям и родам отечественной
службы, к разным частям общественного образования, к наукам, ис-
кусствам, художествам, рукоделиям, промыслам и всем в государстве
принятым и одобренным общепользовными средствами жизни в совер-
шенном равновесии благоразумными со всевозможной рассматри-
тельностью принимаемыми побудительными мерами; чтоб знания

и искусства, от злоупотребления способностей бытие получившие, празднолюбивыми душами вымышленные, ни к чему не служащие — единственно, по неопытности, неведению и легкомыслию многих, в многочисленном народе неизбежному, своим изобретателям и другим для избежания трудов общепользных, ими промышлять покушающимся пропитание доставлять способные, превращаемы и всячески искореняемы были, чтобы никакие врачебные, экономические и другие секреты и чудесности не находили к ущербу доверенности и уважения к полезным знаниям, для себя в обществе подпоры.

Сколько таковые, прибегающие к ничтожным промыслам для своего пропитания, заслуживают по справедливости, чтобы их презирать, лишать всеобщей доверенности и всконечно уничтожать в обществе их существование, столько, напротив, полезные состояния и склонные к ним так, как и к разным знаниям, достойны всеобщего внимания и попечений о том, чтобы все, соразмерно пользе трудов, усердию и способности к ним, одобрительным уважением, наградами, преимуществами, доставлением выгод жизни, надеждой несомненной достигать или по истинной справедливости и всякого рода привлекательными поощрениями подкрепляемы были в привязанности и любви к каждому состоянию и ко всем полезным, к их совершенству клонящимся сведениям так, чтобы каждое состояние, каждая наука, искусство и художество имело достаточное число своих любителей или охотников, поставляющих удовольствием и честью отличиться успехами в оном, чтоб каждый, прилепляясь к избранному предмету, уважал и прочие состояния и честные промыслы и воздавал бы всем принадлежащее беспринужденно внутренне и наружно. Весьма важно то, чтобы мудрым распределением по состояниям преимуществ, прав, обязанностей и выгод жизни предотвращена была между ними зависть и вражда; чтоб не попускаемо было, дабы одно или некоторые состояния могли непомерно возвыситься пред другими, унижить их и подавить собой, к своему собственному неминуемому подрыву и разорению, не менее, как и во вред просвещению и Отечеству. Для твердого и истинного общего благосостояния, необходимо, чтобы все полезные сведения, все состояния и классы народа взаимно себя любили, взаимно одни другим споспешествовать старались. Все науки, искусства, навыки, нравы и всего того следствия соединены неразрывным союзом, так что образование всеобщее, истинное просвещение там невозможно, где упражняющиеся в разных

частях человеческих познаний, посвятившие себя разным знаниям, словом, где все состояния не были бы соединены взаимным усердием и дружбой, готовой всегда к взаимным пособиям.

Надлежащее, однако ж, применение всех сих и других возможных средств, в пособии общепользующего просвещения ко всем состояниям и вообще к образованию народа, сколько удалено от подробного познания частных членов Отечества, столько и несовместно было бы с его пользой, если бы им принадлежало право располагать оными. Наш долг каждого состоит в том, чтобы посильным об оных понятием поощряться к усердному содействию общепользующим учреждениям, распространению благонравия и просвещения, а средствами всеми к тому располагать по благорассмотрению, право полное и Провидением и здравым разумом постоянно присуждается все источники и средства общественного благоденствия удобней объемлющей верховной Власти.

К верховной власти, ПП. СС., да будут устремлены все мысли, благоговейно преданы благодарные сердца и наши и всего любезного нашего Отечества, распространенного, благоустроенного, образованного и просвещенного, обогащенного, возвеличенного и огражденного во всех пределах твердой, совершенно успокоительной безопасностью попечительным и прозорливым промыслом сего благодетельного посредника между людьми, Проведением ему вверенными, Богом и натурой, между своим народом и другими державами, к справедливой взаимности и к возвышению дружелюбием общественного счастья благорасположенными! Верховной власти воля да будет и наша общая воля, да движет желаньями, намерениями и предприятиями всех истинных сынов России!

Все мы со сладостным и восхитительным чувствованием часто повторяем, и то истина, что Россия преизбытствует сокровищами природы, не только существенными для жизни, но и достаточными для благоденствия. Знаем, что ныне она ими и наслаждается в обилии, кто же помог открыть их? Любовь монархов России руководствовала к ним народ свой, указала ему их наставительным перстом своим!

Ни одной державе не уступает Россия ныне в душевных и телесных дарованиях, служащих основанием и просвещению и всем прочим пособиям общественного благосостояния. Все то признают ныне. Те же природные дарования были и прежде, но относительно к общепользующим знаниям бездейственны. Кто же очистил сей драгоценный,

но дикий некогда бывший камень и явил блеск его глазам всего света? Попечительность о верноусердных чадах своих истинных Отцов Отечества, Монархов российских!

И сей зиждительный свет, все общественные и частные добродетели животворящий, свет истинного благочестия, нистек свыше на Россию, разогнал чуждую тьму, ее покрывавшую, разлился в душах предков наших, сделался наследственным очистительным огнем, благодатным состоянием для всего их и нашего потомства чрез кого? Чрез обретших пред Богом благодать монархов российских! Все источники открыты, все средства истинного просвещения и блаженства даны тебе, благоденствующая ныне Россия! Богом чрез возлюбленных помазанников его! Се изящные плоды твоего единства! Се награда, достойная сыновей твоей преданности и усердного повиновения верховной власти — сих благоприятных вседержателю добродетелей!

Преходя мысленно все подвиги, особливо в сие дославное для России столетие, поднятые вечно преславными самодержцами нашими для образования ее и обогащения всеми средствами незыблемого благоденствия, нельзя с живейшим, неизъяснимым восхищением не ощутить убедительнейше, что единая истинная любовь к ним и совершенная преданность могла родить и в них любовь только попечительную о благе себе душевно преданных — отвержение, так сказать, себя и совершенное посвящение всех своих сил благу своих верноподданных. Что благодать Божия озаряла их, укрепляла в непрерывных попечениях и преисполняла утехами чистейшими сердца их, в награду им и народу за хранение взаимное спасительнейшего сего союза, благоуднейшего его святой воле.

Не достоверный ли, не утешительнейший ли залог благоволения Божиего мы имеем и ныне в мудром, прозорливом, неутомимо деятельном, неусыпно бдительном о благе усердно подданных своих Павле Первом и всей его Августейшей Фамилии? Кажется, всеблагое Существо — беспредельная любовь, наградить усердие России к ниспосланным ей свыше монархам возвеличением ее в течении нынешнего столетия, положило в Павле Первом и в знаменитом, высоком его Семействе — сем благонадежнейшем утверждении российского трона, завет между собой и Россией вящего ее в наступающем столетии возвышения! Да будет вседушная любовь к монархам своим — сия богоудная, верховная добродетель и всегда отлич-

тельной добродетелью россиянина — твердым основанием и крепчайшей подпорой счастья миллионов под кротким и мудрым правлением самодержавнейших Российских Государей блаженствующих!

Безначальный и бесконечный Творче веков, неисчерпаемый Источник премудрости и всех благ Подателю! Благодарим тебя за все излитые на Россию в сие незабвенное столетие неизреченные щедроты и милости Твоя! Ты увенчал и век истекающий и надежды наши, даровать во всемилостивейшем государе императоре нашем Павле Первом наследника мудрости, добродетелей и отеческой любви к нам великого, беспримерного его прародителя. Благослови сей блистательный, бесценный для всей, о том же ныне молящей тебя, Россия, конец века благости твоя! Сотвори да зиждительный дух Твой, дух мудрости и любви, почивающий на нем, сохранить всевожденное здравие его до поздней, но всегда маститой старости! Соблуди купно и дражайшие дни Августейшей, все любезной супруги его, Всемиловитивейшей ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ нашей, тобой данной ему помощницы в трудах, для нашего покоя подъемлемых! Дажь да и Высокие Чада Их, всегдашнее утешение России, узреть Чада Чад своих, да и они сотворят, еже видят Отца творяща — наслаждаться утехами, руководствуя юных своих к хранению благоденствия Твоего достояния!

Утверди и нас — всю приосеяемую благодатью твоей Россию в благоговейной любви к тебе, к помазаным твоим и в любви взаимной, да она — Твоим святым и мощным содействием — удостоит нас и впредь благоговения твоего! Удиви на нас милости Твоя, да и не познавшие еще Тебя, воззрев на нас воскликнут: велик бог России! — воскликнут и с нами купно взыщут лица твоего, поучаться в делах руку Твоя, в святейших заповедех Твоих и вкусят сладчайшие плоды истинного просвещения!

И. Д. ЕРТОВ

НАЧЕРТАНИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ

Предуведомление

В продолжение минувшего времени беспокойное любопытство земнородных, приняв намерение узнать законы всемирного происхождения, для чего и постановило себя должностью наблюдать явления природы, рассматривать действие оных, изыскивать причины и на конец предлагать системы вероятностей. Начало сего упражнения надобно думать, что родилось вместе с бытием первосозданного человека, когда оный любопытством побужден был свободные минуты провести на покато́й вершине зеленого холма и там, в царствовании глубокой тишины, мерцающего света, возведя быстрые взоры свои на усеянное алмазными цветами лазурное поле, в мрачном горизонте теряющее свои пределы; а после на лучезарного, румяного Исполина, гордо выступающего из светлых областей Священного Востока и по разбросанным палевым облакам с поспешностью протекшие небесные равнины, погружающегося в зыблемое недра вечно шумящего океана; — тогда оный человек ощутил в себе и желание столь разительную красоту изменений дня и ночи назидать внимательным оком, чем и заложил первый камень под основание великолепного храма, сохраняющего на драгоценном жертвеннике своем чистейшие плоды раскрытых тайн природы, возлагаемые на оный питомцами мудрого разума.

Вот открывшийся источник ума человеческого, который с тихим журчанием извиваясь на гранитных хребтах Азии и Африки, на конец, стремительностью течения своего прорвав невежеством поставленные оплоты, вторично излился на обширные долины европейские; и который будет Нильскими водами своими напоить, на лице земли семенем разума засеяны нивы, доколь звездами изукрашенный мир не распустится в бездну все местности, и безначальная пучина вечности пока не поглотит мгновения, собою же рожденного времени!

Из сего — питательного источника намерен я почерпнуть идеи для следующего сочинения, и наполнить собственными своими мыслями хотя малую часть того, множества, в изобретении непрерывной цели законов происхождения оставшихся перемежен, которые еще не были постигнуты разумом моих предшественников.

Шестнадцать небольших частей, в четырех посредственных томах, составят полное начертание. Первый том будет содержать в себе обозрение звездного мира; а прочие, если судьбе будет позволит, естественные законы происхождения и образования оного.

Успеет ли автор в столь чрезвычайном предприятии, или узнает на себе ясно-печальную Истину о незавидном преимуществе талантов разумного племени, о том ничего наперед предсказать нельзя, пока не будет написано всего сочинения.

Автор обязывается употребить к тому все свои силы, чтобы трудность усовершенствования не замедлила изданием прочих частей; но если, что чего предвидеть не можно, встретиться противное намерению сочинителя, в таком случае он почтет единственную, несравненно себе наградою, если бы благосклонность Российской публики, справедливостью суждения своего нисходя к слабостям человечества, оставила причины к неудовольствию на тихую расторопность собою обязанного Автора.

Иван Ертов

Санкт-Петербург
Виюля 1798

Первый том. НАЧЕРТАНИЯ

Часть первая

Глава первая. О солнечной Системе

В эфирных полостях необозримой тверди небесной, не на самой середине плоскости млечного пути, но несколько ближе к созвездиям Орла и Лебеда, нежели большого Пса и Ориона, находится пространство солнечной Системы. В средоточии оного покоится неподвижная звезда, Солнцем именуемая, с наклоением оси к вышеупомянутой плоскости более, нежели на шестьдесят степеней. Зенит арктического полюса оной звезды простирается к той Цефеевой ноге, которая протянулась к Малой Медведице; а надир или зенит антарктического полюса к созвездию Большого облака, что у Столовой горы³¹⁸, так нареченной Аббатом де ла Кальем³¹⁹. Экватор Солнца пересекает линию первоклассных звезд, находящихся в созвездиях Эклиптики, и относит Альдебарана, Регулуса и Антареса³²⁰ к Южному полушарию.

На плоскости Эклиптики, с возвышением от оной до восьми степеней, обтекают вокруг Солнца семь известных нам планет, которые имеют при себе одно из двух составленное кольцо и четырнадцать триклассных планет или спутников. Над сей и под сей плоскостью обтекают кометы тоже вокруг Солнца.

Сколь много их количество, того с точностью показать нельзя; так же неизвестны нам и времена их периодических возвращений к Солнцу, составляющих из себя так называемые годы; впрочем с 837 года по сие время говорят, что найдены течения 73 комет. Есть ли бы мы имели совершенное понятие о числе планет, обращающихся почти на одной плоскости, то, по сравнению пространств, может и нашли бы средство к познанию настоящего количества и этих непостоянных обитателей; но как и первых точное количество неизвестно, по чему и того менее остается надежды о последних сделать себе истинное понятие: здесь надобно заметить, что кометы, так же как и планеты, обходят Солнце не в собственных полушариях своих, разделенных эклиптикой, или и солнечным экватором, но как северные нисходят в южное, точно таким же маневром южные кометы восходят в Северное полушарие, чем представляют вид солнечной Системы шароподобным.

Не переменяемое местоположение Солнца происходит от великого количества находящейся в оном притягательной силы, которой оно, сквозь эфиром наполненное пространство, действует на все планеты и кометы своей области с притяжением в обратном содержании квадратов расстояния; а сие, несколько привлекая одна другую, вообще тяготеют к Солнцу; ибо притягательная сила в каждом только находится равномерною с количеством вещества оного. Солнце же, рассуждая по огромности его, имеет в себе тело в 566 крат более, нежели все, взятые вместе второклассные планеты; да спутники оных, с кольцом Сатурна, если положить, что имеют в себе вещества в 400 крат больше, нежели в одном Меркурии; то и с оными вместе вещество всех видимых планет более не составит, как только одну 560 часть против Солнца.

Столь малое количество вещества в планетах, а по сему и притягательная оных сила, не может возмутить солнечного спокойствия; и хотя бы все планеты, собравшись на одну сторону, соединенною силою вздумали бы освободить себя от повиновения солнечному притяжению, или по крайней мере сдвинуть оное с места; однако

сила их — есть ли соберутся на пути Меркурьева течения — даже и к последнему произведению намерения своего в действо была бы не достаточна.

Также как и кометы, смотря на малость их телесной огромности, надобно думать, что не могут содержать в себе вещества очень большого количества, по чему и сие, кроме малого колебания, не препятствуют Солнцу покоиться на одном месте. К тому же известно, что кометы и планеты течением своим рассеяны по всему нижнему пространству Солнечной системы; то хотя бы и случилось иногда некоторому количеству их обтекать Солнце на одной, к оной протянутой линии, чем и ослабить немного притягательной силы его; но равным образом и в противоположной стороне найдется несколько планет или комет, которые с избытком могут наградить недостаток солнечного притяжения, и сие, как бы ухватясь за оные тела, сильные и противоположные к себе привлекать будет.

Но есть ли бы Солнце, обращением в круг самого себя, не отражало собою же произведенного в телах тяготения; то без сомнения все планеты, с подчиненными себе спутниками, и кометы, по наблюдениям без оных, давно бы одна за другою попадали на Солнце и, тяжестью рассыпавшись по поверхности оною, составили бы одно круглое, кубическое тело величиною равное частям, взятым вместе, но сие — то самое обращение не допускает маловидным планетам, низвергнувшись с настоящих мест, разрушится на поверхности солнечной; оно было единственною причиною первого планет движения, и по сие время, неукоснительным продолжением действия своего, уравнивает оные на пути их течений. Таким образом, в отношении к законам всемирного движения, здесь не примитивно развязывается узел, глубокомысленными Невтоном оставленный потомству*. Скорость течения планет по орбитам сообразуются с

---

* Г. Невтон, открывши законы всеобщего тяготения, из следствия которых оставил по себе вопрос, состоящий из того — каким образом сообщена планетам сила удара, которою они обтекают во круге Солнца? Она ясна, что не могла произойти от настоящего удара; ибо для сего потребно будет стороннее тело, которого нам и еще в 7 тысяч лет не отыскать во Вселенной. Вследствие сего Начертания мы совершенно уверимся, что планеты и кометы получили себе движение единственно, как и выше замечено, от суточного обращения Солнца, когда оно, по образованию тяжестью своего вида, в первый раз обернулось во круге себя, чем и все тела, произошедшие в пространстве окрестностей своих, понудило в противную себе сторону; но как справедли-

течением вокруг себя солнечной поверхности, исчисляя тяготение в обратном содержании квадратов с тою только отменой, что планетам, есть ли не ошибаюсь, должно обходить Солнце в противность течения оною.

Равным образом и годовые времена планетных обращений так же соответствуют суточному времени Солнца, состоящему в моих выкладках из 25 дней и 14 часов земных.

Для лучшего же изображения сих сравнений должно представить себе такое пространство, на котором воображением поставленная планета, чтобы текла по орбите своей со скоростью, равномерною течению под экватором солнечной поверхности; тогда откроется нам, не только соответственная связь скорости течений и манований времени между Солнцем и планетами, но даже и правила, в летописи успехов разума незабвенных мужей, Кеплера и Невтона, приобретут себе новую силу — кроме противоположных первых приемов, доказывающих собою те же самые истины, состоящую в том, что основанием своим перенесутся на Солнце. Ныне же сие правило находят только между планетами сравнительные времена и распознавания, а для чего Меркурий, на обращение вокруг Солнца, не больше настоящего употребляет времени, того, без открытия причины движений, показать оные были не в состоянии.

Итак мы видим, наконец, знаменитым Кеплером оставленную в непроницаемом мраке идею, о солнечном обращении, по прошествии двухсот лет явившеюся во всей славе своего достоинства, и которая чрезвычайным влиянием своим в изъяснение законов естества, может быть послужит в водворении на землю счастливого времени истинного обо всем понятия. Разум человека едва успеет приблизиться к священному храму небесных произведений, и с почтительным благоговением приподнять опущенную завесу, закрывающую тайны природы, в нужную секунду изумляется множеству новых предметов,

---

вость такого открытия требовала бы себе поместить сравнения соразмерных течений планет с солнечной поверхностью и взаимную связь времен между ими... Почтенные читатели, по благосклонности своей, думаю, мне поверят, что оные давно уже найдены и приготовлены, только план сочинения моего все нужные перечни из выкладок с надлежащими к оным изъяснениями относит в последнюю половину четвертого тома, которая любопытным покажет на сие и доказательство. Впрочем, кому угодно в ожидании сего быть нетерпеливым, то и сам, имевши понятие о свободных науках, по ниже показанному в тексте правилу, может найти оные сравнения.

светильником происхождения своего возжигающих любопытственное пламя в его сердце. Так, во время покоящихся на лоне беспечности разумных сынов земли, родились Баконы и Декарты — родились и предложением любопытной публики до того неизвестных понятий возбудили потомство от глубокого сна к восшествию на степень ныне царствующего просвещения.

* * *

Здесь не будем говорить ни о расстоянии планет ни о чем ином кроме того, как только покажем сравнительную толщину оных против Меркурия, самой меньшей из планет второго класса. Например, если сего взять за единицу, то Марс составит из себя 3, Венера 14, Земля 15, Уран 1281, Сатурн 15720, Юпитер 22499, и наконец Солнце 22. 397831, или в обратном содержании, сравнивая против Солнца, которое, принявши в целом количестве, Юпитер будет в 982 раза меньше оно, Сатурн в 1405, Уран в 17244, Земля в 1. 448325, Венера в 1. 529659, Марс в 6. 441681, а Меркурий, как и прежде был, в 22. 397831 раз меньше Солнца. Настоящим же количеством вещества в последнем находится с прибавкою 58 тысяч миллионов кубических верст.

Видимая с планет величина солнечной площади кажется различно, и возрастает на квадрат прямого приближения планет к Солнцу. Например, если бы заменить солнечную величину, видимую с Урана, и потом перейти на Сатурна, то отсюда покажется она в $34/5$ больше, нежели с первого; с Юпитера больше с лишком в 12 раз, с Марса 149, с Земли в 346, с Венеры в 661, и наконец с Меркурия в 2304 раза больше. Или в обратном положении начнем из Меркурия переходить на отдаленнейшие планеты. На первом заметив исполинскую величину его пламенного повелителя, на Венере покажется она в $3\frac{1}{2}$ меньше, на Земле в $6\frac{2}{3}$, на Марсе в 15, на Юпитере в 180, на Сатурне в 607, и в эфирных пустынях на медленно текущем Уране в 2304 раза меньше.

Из планет третьего класса известен нам диаметр только одной Луны, которая по исчислению выходит в 50 крат меньше Земли, следовательно в 72 миллиона крат менее Солнца; а настоящим количеством вещества в ней более 17 тысяч миллионов кубических верст. Есть ли мы перенесемся на Луну, то земная обитель покажется нам в $13\frac{2}{3}$ раз

более, нежели будет казаться величина лунной, опустившись опять на землю; а Солнце как той так и другой планеты, представляет себя величины почти одинаковой.

О прочих спутниках думают, что некоторые из них величиною равняются с Землею, в самом же деле, по причине далекого отстояния от Земли, кажутся столь малыми светящимися точками, что величины диаметров их по сие время измерять было не можно. Сии небольшие планетки, в течении сопутствующие Юпитеру, Сатурну и Урану, чрезвычайно способны для делания из них наблюдений. Первый спутник обходит Юпитер почти на одинаковом с Луною расстоянием, и есть ли для сравнения видимый диаметр последней длиной положить в пол-аршина; то представьте, сколь приятно жить на сем первом спутнике Юпитеров, и видеть пред собою круглый щит семи сажен в диаметре! А с ближнего спутника Сатурнова, по тому же сравнению, диаметр планеты покажется зрителю длиной в 13 сажен, площадь в 6084 раза обширнее, все частные предметы в четыре с половиною раза будут казаться явственнее лунных. Если же на сей, как уверяют, при случившемся одном солнечном затмении, будто бы приметили молнию; то на сатурновой поверхности, с рассуждаемого спутника, не трудно было бы Г. Гершелю³²¹ в телескопе своем различить зеленые равнины с голыми хребтами гранитных возвышений.

Что касается до величины комет, то многие из них гораздо меньше Земли, есть против её и больше, а другая и гораздо больше нашей планеты, только еще не выдвали такой, которая величиною равнялась бы с Юпитером или Сатурном, а что некоторые из сих комет иногда казались нам боле и самого Солнца: например, комета в 837 году, проходя между Землей и Солнцем, заслонило собой последнее, и сим необычайным затмением так испугала в расстроенных обстоятельствах французского императора Людовика Первого, названного доброзачным³²², что он по прошествии двух лет, переселением на вечное спокойствие, оставил превратности счастья подверженную жизнь свою; или светозарная комета, видная при рождении Митридата³²³, неустрашимого Царя Понтийского; так же явившаяся около 146 лет прежде исчисления христианского, при кончине Сирийского Царя Димитрия Сотера³²⁴, — то сия величественная фигура оных комет произошла от близкого течения их мимо Земли, чем натурально. В точке нашего зрения и распространили площади тел своих.

Впрочем, знание наше о сем предмете весьма еще несовершенно. Большая часть планет, при переходе перигелия³²⁵, течением своим опускается под горизонт зрени европейцев; а другая таким же маневром, поднимаясь из-под оногo, уходят в необходимые пустыни к пределу своего афелия³²⁶, по чему и нельзя делать над ними продолжительных наблюдений. Г. Галлей³²⁷ и другие астрономы, хотя старались исчислять криволинейные пути течений и сделали таблицы, по которым в последующих явлениях, что бы можно было признавать прежде виденные кометы; однако, по вышепоказанной неспособности, неисправность наблюдений кроме известнейших узнавать не позволяет.

Итак, для совершенного исследования этих не постоянных тел солнечного мира, осталось ожидать такого времени, в которое бы отважнейшее племя Афетово³²⁸, упразднив излишность обсерватории на родине своей, и на счет издержек соорудило бы хотя одну, но всеми исправную, на другом полушарии; тогда питомцы скромной Урании³²⁹ начали бы зрительными трубами следовать за кометами, крившимися под северным горизонтом, чем и продолжать наблюдение европейцев; и сверх того, кроме множества других полезных сведений, могли бы прислать известия о кометах, текущих из южного в северное полушарии... Блистательная умом, славою и богатством Великобритания, для произведения сего в действительное исполнение, имеет преимущественную способность, естли бы только в будущий век немилость судьбы не переменяла её состояния. Она преступниками умножает селение в Ботани-Бее³³⁰, где и построена уже обсерватория; пред нею же в последней половине 1795 года, без прекословия преклонил буйную главу свою и плодородием гордящийся мыс Доброй Надежды, который лежит почти на одной широте с Ботаническим заливом, и сверх того, для лучшей удобности наблюдений, находится с Европою под одним Меридианом... Итак естли Англия, при заключении для благоденствия народов вожделенного мира, удержит за собой последний; то к большему еще уважению своей нации может быть которое-нибудь из сих мест и сделает, не только изобильной припасами пристанью для мореходцев, но и столицею будущего просвещения иноплеменных.

Вот общее, в течений многих тысячелетий постигнутое понятие о нашей солнечной Системе! Сколь было мало оно ни было, но все требовало чрезвычайного напряжения ума и утомительных наблюдений, по которым расположение тел Солнечного мира привели в таковое

совершенство. Впрочем знания наши не ограничиваются пределами Солнечной области, и хотя превыспренных³³¹ стран можем ныне описать совершенно, но по крайней мере, вместе с мановением следующих веков, не отказано и нам подаваться вперед, и лучом небесного разума разгонять мрачные тучи над землей носящегося заблуждения, а там, когда бы ни было, достигнуть и до настоящего предела человеческих знаний природы, чрез который переступить иначе не позволено, как только за цену жизни. Теперь же известно нам следующее:

Глава вторая

О звездах, видимых в открытом небе в ясную ночь, когда шумящие бури не смеют возмутить безмолвной тишины, раскрывается над нами лазурный свод с несчетным множеством блистающих светил небесных, которые кажутся, без симметрического порядка, по всему пространству раскиданы с небрежением; ибо в одной стороне видим обширные пустоты, в которых кое где мелькают только небольшие звездочки, напротив того, в другой многие группы, стеснившись вместе и разительным сиянием своим как бы издевающимися над первыми: на пример, естли в зимний вечер из Петербурга возвести взоры свои к юго-востоку; то представится на горизонте оногo с распростертыми руками восходящий Орион, прекраснейшее из всех созвездий, огражденным блестящими звездами — Сирием, Альдебараном и всем собранием светил разных классов; но, оборотясь к северу, усмотрим только угрюмую Медведицу, гуляющую в чистом поле, и на оном возникающие изредка алмазные цветочки*. Из всех же, на голубом небе

---

* Здесь хотелось мне вывести противоположности, по чему с намерение и впал в сию погрешность. Во всяком месте небесного свода является звезд довольно количество, только на горизонте обыкновенно кажется их не так много, как в окрестностях Зенита; но когда те же самые созвездия около полуночи, подойдут ближе к последнему, тогда в их полостях открывается мелких звезд не меньшее количество. Таким образом есть ли, не очень поздно вечером — разумеется зимою — посмотришь на лиру, то она покажется в мрачной пустыне севера, играющею наедине своим блистанием; но в глубокую полночь, вышедши под открытое небо, увидишь совсем другое явление, и в первую изумленную минуту почтешь оное за видение лиры Орфеевой. Тогда представится окрест небесной лиры стечение бесчисленного мелких звездочек, и как бы забывшихся светить в присутствии её поражающего сияния. Впрочем обширные пустоты Ориокова и других, в смежности оногo созвездий гораздо более, нежели прочих частей неба, наполнены звездами.

покоящихся предметов, более прочих заслуживает примечание слабая белизна или, так называемый млечный путь, состоящий, сказывают из несметного множества мелких звездочек, которые, осветив тесное между собою пространство, произвели в оном светящий сумрак или приметную бледность, с известным наклоном препоясующую шар всего звездного мира. Таковые же белизны примечены в Орионе и в других некоторых созвездиях, только положение сих последних не показывает чувствуемого нами порядка.

Естьли поверить мнению некоторых систематиков, то не трудно было бы здесь описать и причину, от чего млечный путь кажется нам в таком положении. Стоило бы только сказать, что звезды оного бесчисленными рядами, углубляясь в неизмеримую все местность, расположились лежать на одной сферической плоскости, чем и окружили со всех сторон пространство нашего звездного мира; или, приняв за истину замысловатое воображение Г. Ламберта³³², можно бы фигуру Млечного пути изъяснить и следующим образом: он из всех явственно блистающих звезд, хотя бы они и были шестого класса, составили одну, от оного пути, и других примеченных бледностей со всеми отдаленную область, средоточии которой определил покоиться темному, столь огромному телу, чтобы все над планетами владычествующие звезды, следственно и наше Солнце, могли обращаться вокруг оного, не производя тяготением своим друг ко другу ни малейших в общем движении помешательств. И еще наделал множество подобных областей, с такими же внутри огромными телами, лежащих одна от другой в соответственных величинах их общего состава расстояниях — что превосходит уже способность человеческих понятий: *в сравнении с такими ужасными пустотами, не только пространство между Солнцем и другою, ближайшею неподвижною звездою, в котором на протянутую линию по меньшей мере соберется длины до 30 миллиардов верст; но даже и вся наша сияющая твердь поднебесная, содержащая в себе таковых пространств может быть миллионы, есть ли малостью своей не затеряется в области целого творения, то не больше может казаться, как только в вихре окруженного эфира крутящегося пылинкой.*

Наконец, у беспредельной все местности заняв нужное пространство, и большую часть из воображаемых систем, постановив в оном на одну плоскость как планеты на эклиптику, принудил вращаться вокруг одного светлого, в центре сего пространства покоящегося тела,

по деспотическому владычеству над всеми сказанными системами справедливо нареченного Солнцем звезд; а прочие, на сию плоскость не помещенные области, заставил обходить тоже по кругу одного Солнца, только с различным наклоном путей своих.

И таким образом, из простых солнечных устроив множество сложенных, в целости же неразделимых систем и, подвергнув их владычеству одного действующего тела, изъясняет причину млечного пути и других известных бледностью тем, что наш миллионами звезд наполненный мир, приткнувшись к сказанной плоскости, обтекает оно Солнце в самом ближайшем расстоянии, по чему и не удивительно, что мириады прочих блистающих миров есть ли не всегда, то по крайней мере в эпоху ныне парящих тысячелетий. Собравшись на одну плоскость, со всех сторон окружили нашу звездную систему и, сквозь эфирное пространство, произвели на темном небе препоющую белизну своего стесненного сияния; обтекающие же с различными наклонами путей своих остальные области ниспосылают на Землю всеобщий свет, который мы примечаем под именем в разных созвездиях рассеянных бледностей. А как известно, что Млечный путь не везде представляется нам одинакового образа, но сквозь Орла и Лебедя кажется гораздо шире и светлее, нежели на противоположной стороне у стоящих в смежности большого Пса и Ориона; почему и заключил, что сказанному Солнцу звезд должно лежать от Земли на одной стороне с последними; в рассуждении же темного тела своей звездной системы, подозревал быть оным тот бледный свет в Орионе, где почтенный Дергам³³³, естественными глазами, мечтал видеть эмпирейское небо.

Вот слабая, сокращенная копия с того прекрасного умозрения, которое угодно было сделать Г. Ламберту. Положим, что она не везде соответствует подлиннику — причиной чего были в беспорядке разбросанные идеи самого сочинителя — однако может о сем подать хотя некоторое понятие.

Оставляя разумнейшим меня судить о справедливости таковых изъяснений, я осмелюсь только заметить, впрочем не из наклонности к противоречию, что положения наши, обособливо об отвлеченных материях, непременно должны соотнобразяться более с общими известными, нежели частными законами природы; в противном случае сколь бы оные на взгляд блестящи ни были.

Но в отношении к истине, к несчастью, будут показывать собою подцвеченную монету. Я не знаю, какая была нужда Г. Ламберту столь

превосходные мысли, которые сами собою могли бы постановить за себя довольно высокую цену, отнести к изъяснению Млечного пути, который на свой счет принять оных не может? Не понимаю и того, как можно было столь ученому остроумному автору допустить свой рассудок к положению явных противоречий? Он знал, да по видимому это и чувствовал, что целость Вселенной, разделив на многие части, должно было придать оным и соответственное пространство, в котором каждая область чтобы беспрепятственно могла совершать непостижимой меры, миллионами лет считаемыми, пути свои; оставив же их на столь ужасные от земли расстояния, нельзя было ему запомнить, что диаметры сих областей, на превосходящем тысячами себе подобной длины расстоянии, будут казаться в точке нашего зрения в несколько секунд величиною; — то как же выдумать, что бы такими крошечными пятнами сумрачного света можно было объять весь небесный свод, и при том в некоторых местах шириною на 25 и более степеней? Я оставляю уже без замечаний, кроме некоторых, одно другим совершенно опровергаемых постановлений, направление лучей света, которые не только из за пределов нашей звездной области, но даже и внутри оных от находящихся в близости звезд, не могут дойти на Землю по прямой линии, но смотря по фигуре поднебесного мира и положению места, где находится Земля — планета.

* * *

Кроме описанного, полости выпяченного пространства наполнены непонятными для нас явлениями, которыми причины показать, думаю не возможно, по крайней мере в ныне текущие годы. Были времена, в которые наши предки простым глазом рассматривали в некоторых частях неба блистательные светила; но мы теперь и со всеми способствующими орудиями, не находим там ничего, кроме мрачной пустоты, каковую и без напряжения взоров везде можно приметить; напротив того, и мы ныне наблюдаем такие звезды, которых по тому сравнению, напрасно будет искать наше потомство. К сему же классу непостижимых явлений должно причислить и непостоянные с облачными звездами. На последние, как уверяют, если посмотреть натуральными глазами; то покажутся они на подобие белых туманных пятен; но сквозь хорошие зрительные трубы, вместо оных увидим в каждом по несколько бледных лучей, которые к средоточию стано-

вятся яснее; а некоторые из туманных звезд представляются нам светловатыми облачками овальной фигуры. Первые же являются только по временам и потом скрываются опять на неизвестное продолжение оною, так, что некоторые из них иногда целые века бывают невидимы. Этих непостоянных звезд в одной Лебеди примечено три, из которых первая гораздо любопытнее, нежели две другие. Наблюдения показали, когда не повстречается с нею физическое препятствие, то период блистательного сияния ее повторяется через каждые 405 земных суток. Есть ли кто из любопытства вникает иногда в характер человеческого разума и, по мере собственных способностей, рассматривает почти неприметные оттенки оною, тот без сомнения, между прочим, приметил в нем и непреодолимую склонность, влекущую к обозрению всех предметов, произведенных постоянной деятельностью природы; склонность. Недовольную поверхностным знанием, но стремящуюся на сквозь проникнуть обозреваемые вещи, чтобы рассмотреть оные совершенно. Но как временная природа всякое тело покрывает поверхностью, и никому внутренности не показывает иначе, как только по соображению постепенного действия своих законов; то человек и позволил разуму своему стараться открывать оные. Пусть будет сие до времени источником заблуждения. Легкомыслие разума, желающего прежде времени узнать во мраке неизвестностей сокрытия тайны, которые по предоставленному закону, должны открываться только в постепенном возрасте природы и человека, завсегда было, есть и будет причиной пагубных следствий. Но по счастью здесь несправедливые изъяснения физической природы не столько бедственны для человека, сколько ложные понятия его о духовном своем совершенстве... Однако же и на сем пути мимо неизъяснимых предметов лучше проходить в скромном молчании, нежели, указывая на оные пальцем, терять время в изыскании окрест их не разбросанных догадок, чтобы оными изъяснить качество на пьедестал поставленного истукана.

Г. де Мопертюй³³⁴, приняв намерение показать истинную причину непостоянного на звездах сияния, воображал некоторую часть из оных чрезвычайно плоскими, и когда величайшие кометы, приближаясь к ним, силою притяжения своего повертывают оные звезды к нам ребрами, тогда, говорил он, будто мы их и не видим. Сего извлечения довольно, что бы приметить несправедливость положений Г. де Мопертюя. Природа требовала бы размыслить пообстоятельнее, что

звезды могут ли от суточного обращения так много сплюснуться? Но положим на время, что обращение хотя бы и произвело в них таковую фигуру, однако сего иначе произвести не может, как с соответственным уменьшением в них притягательной силы — чем же таковым звездам останется действовать на кометы, чтобы притяжением заставить оные обращаться вокруг себя? Кому довольно известны действие тех законов, на которых сему славному автору угодно было утвердить свои положения, тот, без сомнения здесь в происхождении с причиною найдет не воображимые противоположности. Так же и о кометах понятия наши говорят, что оные по недостатку вещества находятся в числе страдательных тел, а Солнце будто бы занимает должность действующих, следственно малость первых не может на последние оказывать столь сильного притяжения, чтобы заставить оные вертеться соответственно направлению пути своего. Есть ли же комету вообразить веществом равным Солнцу, то и центр равновесия выйдет на середину расстояния между ними; в таком случае Солнце не будет уже привлекать к себе кометы, ни даже покоиться на одном месте, но в противостоянии оной всегда будет ходить по орбите ее, одним словом, что бы избежать противоречий, в соображении сего с нашей Солнечной системой, должно выдумать особливые законы, или по крайней мере на других положениях утвердить владычество оных солнцев, чего благопристойностью ни кому, думаю, позволено не будет.

Равным образом и отец Рикчиоли³³⁵ нельзя сказать, чтобы о сем предмете рассуждал справедливее первого. Положим, что на шее Кита³³⁶ находящаяся звезда, которая на 8 или на 9 месяцев скрывается, потом 3 или 4 бывает видима; или о которой замечено выше, что в Лебеде — сии звезды хотя бы изъяснились таким обращением, какое полагал отец Рикчиоли: он воображал, будто бы звезды с одной стороны покрыты бесцветными материками, а с другой — огненным океаном, и когда он медленным обращением вокруг себя показывают нам темную сторону свою, тогда и разумеется, что они видимы быть нами не могут. Здесь довольно бы было показать отцу Рикчиоли, что возвышение материков из океана не может подняться на одной стороне, не вышедши из оного и на противоположной; но как знание сие в его время были неизвестны, по чему и упрекать ими было бы не справедливо. Но он знал, что есть такие звезды, которые по 50 и более годов бывают не видимы; что же можно сказать о той, которую видят в стуле Кассиопеи и уверяют, что она будто бы иногда слишком

на триста лет скрывается от нашего взора? Сии звезды показывают, что не в обращении поверхностей должно искать изменения света; ибо столь медлительные сутки, ни по каким причинам, нельзя признать вероятными.

Здесь не трудно приметить, что один столь славный, а другой трудолюбивый авторы, имели совершенно противоположные мысли. Если мнения их отнести к настоящему действию природы, то медленное обращение последнего все планеты и кометы непременно заставит попадать на Солнце, на против того, чрезвычайная скорость первого, может разбросать оные тела во все стороны так, что после ни чем не притянешь их в свою Систему.

Не плоская фигура звезд и не медленность суточных обращений оных производят описанные здесь явления; но планеты или кометы, обтекая пространные области оных звезд, показывают нам при переходе той части пути, которая примыкает к пространству нашего Солнца, и вместе с течением к противоположной стороне пути своего исчезают в глазах наших как ночные приведения. — Вот мнение третьих, и кто не доволен двумя первыми, тот может заняться последним; но к несчастью при сем беспокойное сомнение, следуя по стопам нашим, не позволяет совершенно увериться. Мы знаем, что планеты и кометы по существу своему суть тела темные, освещающие себя посредством в средоточии систем находящихся солнцев. Следовательно всякое тело при переходе пути, примкнувшегося к Солнечной системе, должно показывать нам не светлую сторону свою, но покрытую собственной тенью; ибо Земля не может от Солнца отойти так далеко, что бы увидеть, хотя четверть освещенного полушария оного тела; к тому же мы и своих комет не можем усмотреть выше пределов Уранова течения, то, я не знаю какая чужестранная комета может быть столь дерзкою, что бы из так далекого расстояния осмелилась земнородным показать бледное лицо свое. Почему и сие мнение не подает нам Ариадной нити, что бы конец оный прикрепивши у входа, а с клубком можно бы было пуститься во внутренность излучистого лабиринта, хранящую в себе изъяснения действий природы.

* * *

Наконец уверяют нас и в том, будто бы в некоторых звездах приметили тихое движение, и приписали оному две следующие причи-

ны, из которых последняя, кажется не меньше вероятна, а может быть и больше справедлива; По мнению Г. Ламберта все собрание лучезарных звезд — в том числе и наше Солнце — со всеми тенистыми телами, плавающими в эфирных окрестностях будто бы обходит, как и выше показано, вокруг ужасно огромного тела, которое лежит в самом средоточии нашей вселенной; на против того Г. Г. Гершель и Превос³³⁷ догадывались, что не Солнце ли, со всеми подчиненными себе планетами, мало по малу подается к созвездию Геркулеса, чем натурально показывает, будто бы звезды неприметно от нас удаляются; и таким образом, из полного количества примеченных 29 звезд, без труда изъясняли течение 22, впрочем течения сии подлежат более к догадке, нежели к вероятности, но зато справедливости следующего не подвергает себя ни каким суждениям.

Примечено, что все звезды кажутся нам отступающими в каждый год по 50 секунд к востоку и таким движением от наблюдений Иппарха³³⁸, жившего за 128 лет прежде нашего летоисчисления, до 1750 года перешли они по эклиптике 26 градусов и 21 минуту, по чему надобно пройти 25792 годам прежде, нежели обойдут по кругу всего неба, чем совершат целый год солнечного времени. В самом же деле не они причиной сего движения, но Земля, в каждое обращение вокруг Солнца, предупреждает совершить равноденствие свое не дошедши 50" до того места, где совершала оное в предыдущем году, чем и производит видимое в звездах отступление.

Сие предварение равноденствий на земном шаре, кажется, иметь тесную связь с исправлением оси оною, которая, как известно, продолжает подниматься от эклиптики в каждые в каждые сто лет на одну минуту. Каждая же из причин оных явлений кроме некоторых, собственно на поверхности Земли производимых изменений, которые могут быть описаны в приличном достоинству своему месту, заключает в себе по одной важнейшей тайне для всего человеческого рода: Первая докажет потомству, что наша планета, неприметным сокращением годового пути своего, мало по малу приближается к Солнцу, или к тому пределу, до которого природа доведет ее в совершенном возрасте, и после, до самой кончины не позволит ей переступить через оный, а вторая, хотя сопряжена и с великими трудностями, однако мановению будущих тысячелетий, по сравнению места широты величайшего на земле возвышения, на сколько оное опустилось на эклиптику, может показать, без посредства священной

хронологии, время бытия нашего солнечного, а может быть и всего звездного мира.

Теперь мог бы я сокращенными выписками, углубляясь в сведения астрономов, наполнить несколько новых глав в сей первой части, мог бы представить, как от различных положений нашей планеты изменяются звезды в своих явлениях, но как в плане моем совершенно излишние подробности и повторения скорее могут затмить настоящий смысл, нежели способствовать к явственнейшему объяснению оною; то не почитаю за нужное выписывать сюда более, как только следующие известия.

Весь объемлющий нашу планету свод, что бы легче находить положение места, разделяют обыкновенно на многие части, составляющие около ста созвездий, известных под различными наименованиями, и из которых зимою Петербургским жителям кажутся приметнее прочих — Орион, Плеяды, Кассиопея, большая Медведица, Беотес³³⁹ и Возничий, держащий на себе козу и первоклассную звезду ее имени.

Все видимые звезды разделяют на семь классов, самые крупные полагая в первый, а к последнему причисляют столь мелкие, что без помощи зрительных труб и усмотреть оных нельзя.

Звезды первого класса, кроме двух в Орионе, наречены собственными именами, которые суть следующая: прекраснейшая из всех Сириус, Ригель, Альдебаран, Коза, Лира, Арктурус, Антарес, Колос Девы, Регулус, Процион, Фомаган, две невидимые из Европы, кроме южных конечностей, Кокон и Ахарнар. Следующих двух классов по большей части означаются только известными литерами, а прочих за малостью оставят без замечаний.

Количество звезд первого класса найдено вчетверо меньше, нежели второго, а сего в трое меньше, нежели третьего, а наконец, в четвертом вдвое больше, нежели в третьем, ибо в первом классе считают от 15 до 18 звезд, во втором 64, в третьем 209, а в четвертом 453. Таковая соразмерность могла бы в себе представить умозрению долгий ряд любопытных предметов, естли бы при сем не оставалось сомнения в точности разделений; но здесь всякой имеет право сказать, что может быть многие из второклассных звезд причислены к третьему, и напротив из третьего ко второму.

Полному же собранию звезд, блистающих в небесной тверди, никакими средствами точной сметы сделать не можно. Никейский Астроном Иппарх, процветающий в царствование Птолемея Фило-

метора, оставил по себе роспись 1022 звездами; но из новейших один де ла Калье без малого 10,000 звезд умножил Европейские списки, когда он за 46 лет пред сим, с мыса Доброй Надежды, обозревал южное небо; а Г. Галлей в созвездии Ориона, между мечем и поясом оного, на площади только 10 градусов, насчитал их до 400.

Итак, если целое небо представить себе шарообразной плоскостью, имеющей обширности 41253 квадратные градуса, и полагая на каждый из оных по 40 звезд, то на целом небе соберется сих блестящих светил до 1. 650120. И естли пространство Вселенной можно представить себе сферического образа, по крайней мере фигура сия более прочих согласна с известными законами природы, и положить в центр оного одно светило, а на первом расстоянии 6, на втором 24, на третьем 54 и так далее, умножая число квадратом расстояния, что будет составлять, как 1, 3, 5, 7 и проч., то от самого центра, до пределов небесного свода, должно лежать звездам в 93 ряда, или с небольшим прибавкою, однако не в 94; ибо в последнем случае 40 тысяч звезд будет лишниих, напротив того, в первом недостает только 15,000, и естли, наконец, наши физико-геометры, выключая Гутения³⁴⁰, не могли расстояния от Солнца до ближайшей звезды измерять линияй, содержащей в себе длины до 30 биллионов верст; то пускай на досуге размыслят любопытные, сколь обширен должен быть тот чертог, в котором всемогущий Творец определил царствовать человеку.

Глава третья. О физическом и нравственном качестве вселенной

Что же такое звезды, которые мы описали? На сей вопрос вероятнейшей из догадок отмечают, что оным веществом и образованием своим должны уподобиться нашему Солнцу. А что они кажутся на земле очень малыми, то причиною сего чрезмерная отдаленность их от нашей планеты; ибо и нам, вознесшись на оные светила, Солнце покажется не более как, только посредственною звездой; а свою малую обитель не могли бы оттуда усмотреть, хотя бы нарочно для этого запаслись и лучшими, Доллондова³⁴¹ искусства архоматическими зрительными трубами, без радужного цвета, ясно представляющими предметы. Сия вероятность выводить за собой множество не меньше справедливых следствий, из которых первое состоит в том, что окрестности каждой неподвижной звезды должны быть наполнены темными, в пучине прозрачного эфира планетами и кометами,

освещающими себе посредством оных светозарных звезд или, по имени нашей, солнцев; а прочие, выходя одно из другого и наконец собравшись в довольном количестве подают нам такое мнение, что каждая планета и комета составляет собою мир, в общем образовании подобный земноводному шару, то есть, изобилующий всем тем, что потребно для продовольствия существ, населяющих его поверхность; и что каждое Солнце, в области своей, владычествует над сими мирами; способствует к облегчению в прелестный цвет растительной природы; управляет путями безостановочно продолжающихся течений и содержит на себе источник времени проистекающий на все окрестные тела в различных изменениях.

Таковых цветущих миров в одной солнечной области, по меньшей смете плавает не менее сотни; правда я чрез меру ограничиваюсь сим количеством. Г. Ламберт в сей же самой области насчитал их миллионы, однако положение его, из которого он вывел такие следствия, никем беспристрастным за справедливое принято быть не может. Есть ли к разъяснению над сим предметом сгустившегося тумана потребны лучи, из самой природы взятых догадок; то гораздо вероятнее, о настоящем количестве миров в солнечной области, можно увериться нам не исчислением Г. Ламберта воображаемых путей, сколько может уместиться их во всей Системе, не пересекая один другого — но измерением пространства, сколь много оное могло составить вещества в себе, для произведения тела при всеобщем творении.

И так, когда одни лучезарные светила миллионами толпятся в земной тени, чтобы представить себя нашему взору, но и то только блистающие не в дальних расстояниях; а другие, которые освещают пределы небесного свода, может быть и не надеются лучами своими достигнуть нашей планеты; то посудите, сколь много за отдаленностью, в окрестностях каждой из оных звезд, теряется миловидных обитателей, с переменяющимися на них испещренными кровами природы? Здесь и самый превосходнейший разум, который хотя бы посвящен был и необычным вдохновением, едва ли не смешивается в исчислении; рассматривая же мыслями в горных странах лазоревые полости прозрачного эфира, и великолепное убранство в оном плавающих чертогов смертного, не находит и слов к изъяснению непостижимого достоинства таких огромных зданий.

И в самом деле, одна Земля, сия, как бы ничтожная былинка, возникшая на цветущих полянах Вселенной, не представляет ли нам в пере-

мене времени своих тысячи предметов, показывающих удивительное украшение? И может ли на ней царствующий человек быть столько равнодушным, что бы не почувствовать восхитительного удовольствия при обозрении прелестных картин природы, которые на обширном лице земли и неба начертаны живыми красками, и которые не только каждый день, но почти всякую минуту изменяются в лице своем!

Подобное сему украшение можно отнести и на все, не только в Солнечной, но даже и в прочих звездных областях плавающие планеты. Отличность же в них между собою должна быть хотя и чрезвычайно разнообразна, но при всем том отнесется она только на счет украшения поверхностей, и производных сил в существах, находящихся под атмосферою каждой планеты. Например, пусть будут на всех телах звездного мира находится одни классы животных и прозябений, но естли оные тела, не равны плотностью или количеством вещества своего, то вот уже и открывается во всем чувствительная разница. Но положим, что множеству планет, хотя бы и случилось произойти величины одинаковой, по чему и природа должна бы цвести на них без всяких оттенков, но в таком случае им не трудно будет различить себя первым местом проставления или, так называемой, разнособственностью климатов небесного свода: планета произошедшая по близости солнца, будет уже не такова, как та, которая составила в отдалении; так же, возникшая на пределе звездного мира будет иметь более сходства с противоположною, на другом конце произошедшей, нежели с той, которая родилась в центре оного; сверх сего и влияние солнцев, в рассуждении истекающих времен на планеты, может иметь некоторое влияние и в самое качество цветущей природы. Все сии случаи и множество других, нам неизвестных, довольно сильны к произведению в небесных телах отличной между ними организации; и хотя бы на всей вещественной тверди находились одни роды и подобию произведений — чему и верить есть справедливые причины — но каждый одного класса предмет, в целом миллион миров будет разделять себя на столько же видов; а сие, в общем основании будут сходствовать между собой, как существа одного рода.

В пример сему окинем взором на земле род человеческий, произошедший от одного отца как умом, так и телосложением; но сколько найдем различия и приметных оттенков в лице образовании оного! Соберем на одну площадь мадагаскарского квимоса и, на берегах Магелланова пролива живущего Патагона, который в огромности сво-

ей содержит вещества, может быть, на полдюжины первых, грузинскую красавицу, обработанную искусством итальянского художника и большеголовую лапонку, обрубленную наугад галицким плотником; мохнатого курильца, плавающего на хребтах стремительных течений Тихого океана. И чистотелого жителя Счастливых берегов, Брамую освященного Ганга, из племени могольцев; статного сенегальского негра, с кучерявыми наподобие овечьей волны волосами, и одного из белых косоглазых арабов, естли в самом деле оные существуют. Но к чему собирать людей из разных климатов? К тому же новый Вольтер может поддержать старую идею, которая с давнего времени уверяет, будто бы люди не переселением расселились по земле, но произошли везде в одно время, наподобие из болота возникающих грибов после дождливой погоды, и таким образом опрокинет наше постановление. Итак посмотрим лучше в одном селении на целый миллион человек и, без сомнения в выигрыше, можно держать руку, что не выберем из одного и двух, один на другого совершенно похожих.

Теперь, есть ли бы мы нашли средство облететь внутренность небесного свода и собственными глазами своими обозреть в оной все крутящиеся планеты; то ничего бы, может быть, к описанию их не нашлось пристойнее того, как сделать сравнение каждой, тенистыми мирами наполненной звездной области, с одним человеческим селением; а всех оных вообще с племенами народов, рассеянных по лицу земли в разных климатах, но я думаю известно и читателям, что безумная плоть наша не больше имеет в себе способности, как только с трудом подняться от земли и всего на одну третью часть своего роста; почему и должны оставаться довольными при одном разумном, хотя и не совершенно надежном уверении, которое однако же, в общем смысле подает нам о Вселенной следующее понятие.

Мы уже видели неизмеримое пространство, не имеющего основания, везде круглого, небесного свода, наполненным миллионами лучезарных солнцев, которые, первым обращением своим, разогнав бесцветный мрак эфирных полостей, произвели понятие о вещественном свете; так же в окрестности каждого из оных Солнцев собравшееся множество темных тел, от периодических изменений времени, перемежающих цветущее украшение поверхностей. А теперь еще заметим, что все частные законы, нужные для произведения в сих телах некоторых отличий, сходятся в одни общие; а сии, собравшись один в другом, и наконец все вместе входят в одно всеобщее нача-

ло, получившее себе действующую силу от изречения Непостижимой Премудрости, которой угодно было оным некогда воззвать из ничтожества к бытию, сию прекрасно устроенную твердь поднебесную. Полагая же единственный закон происхождению, следственно и теснейшую связь между всеми телами звездного мира, непременно должно населить оные разумным творением, которое, чтобы умело владычествовать над бесчувственными и безумными существами.

В противном случае, отвергая бытие, сего последнего, все прелестные миры представляли бы собою одни пустые, великолепно убранные чертоги, воздвигнутые без причины. Всякая комета только бы приблизилась к Солнцу, спеша опять удалиться, а планеты с небольшим эксцентриситетом³⁴² непрестанно обтекая вокруг оно, не понимали бы следствия трудов своих; природа, не успев расцвести, искала бы путей к разрушению, и потом снова принуждена бы была приниматься за прежнюю деятельность; и самые веки, пролетая путь жизни для погружения себя в бездонную пропасть вечности, не нашли бы тогда ни единого существа, которое имело бы разум записать по порядку их парение, одним словом, Вселенная со всем украшением, лишившись соответственного достоинству своему предопределения, не показала бы Ангелу Хранителю своему ничего более, как только безмолвную запустевшую обитель, оставленную на истребление не сокрушающего времени.

Что же бы такое препятствовало нам. В понятии своем, сими разумными существами оживотворить Вселенную?... Самолюбие! — оно не хочет, что бы существа в других, подобных нашему мирах, были одарены небесным разумом. Этот бедственный источник, даже и при открытии своем, был столько пагубен, что возмечтал равняться в достоинстве с виновником бытия своего; и с той самой минуты, непрестанно изливая мутные воды свои, произвел столь быструю реку злополучия, что оная тогда же совратила с настоящего пути все чистые потоки разумных понятий: например, кто теперь нам покажет, до какой степени мрака погасили мы в себе светильник истины, или то благодетельное чувство, которое нежнейшим гласом убеждает нас наблюдать во всем правосудие; так же не вселившимися ли предрассудками должно весить не свойственную нам тяжесть того заблуждения, которая ныне столь несносно обременяет племя земнородное? Но я имею столько счастья, что подобно Невтону, рассекающему лучи света, разобрать по частям лучи истины, и таким образом показать, до чего померкли оные в человечестве.

Кто же причиной их затмения? — Мы видим, что во всей физической и моральной природе нет ни одного действия без причины; а здесь столь ужасное бедствие не уже ли могло родиться само собой? — нет!... но увы! При самом еще начале из бездны все местности возникающего звездного мира, противодействуемый враг истины, завидуя нам над прахом оказываемой премудрости Всесоздавшего, и в злобном ухищрении предпринял лестью изливать гнев свой на превосходнейшее из творений, чем и поколебал волю первосозданных; открыв ужасную завесу, покрывающую бурей страстей волнуемое любопытство, поработил их к выслушиванию пагубных наставлений; и, наконец, подвергнул к отступлению от закона, содержащего в себе искушение невинности, чем и разрушил царство благополучия на самом его основании. А что всего чуднее, столь ужасный по своим следствиям переворот всей природы, произвел почти ничтожную причину — чтобы воспламенить воображение нашей неопытной, нежной праматери, довольно было ему только забросить искру самолюбия в ее сердце.

Таким образом, прервалась нить того блаженного времени, которое было некогда уделом наших прародителей... Ах! Какого Рафаэля³⁴³ искусственная кисть может изобразить нам тогдашнюю картину их жизни: будучи одарены превосходным разумом, коего пределы были положены к собственному их благу — свободным желанием и чувственными способностями только и делали, что искали удовольствие в обозрении повсечасно изменяющихся картин природы; сопряженные союзом любви, непрестанно вкушали наслаждение приятных чувствований безмолвно-изъясняющей симпатии; и в восхищении благополучного бытия своего, приносили непорочные жертвы справедливой благодарности, с радостью повиновались воле Всесоздавшего и в восторге проливали слезы умиления. Тогда веселая невинность царствовала в водворенном спокойствии, и юное племя животных, не видя гнева на лице повелителей, не могло ощутить в себе ярости. Напротив того ныне, Боже мой! какая лютая спираль пороков и заблуждений собралась свирепствовать на земном шаре! И давно бы она в ужасном бешенстве своем, истребив превосходнейшие чувствования в разуме злополучного человека, загнала б его в Лабиринт блудящего сумасшествия, есть ли бы только праведное небо, говоря словами умного Иорика³⁴⁴, не подавало ему сил, соразмерных с тем бременем, которое на него налагает.

Для уверения в этой справедливости, можно пробежать глазами от Нимврода до Октавиана³⁴⁵, а от сего до нынешней точки парящего времени, честолюбивую историю человека, и рассмотреть его царствование, изглаженные косою всесокрушающего Сатурна³⁴⁶; его незабвенные памятники истинной славы и посрамления; его фанатического предприятия, при которых миллионы народа не воспользовались рассудком подумать — к чему оставили мирные хижины, в которые потоками истекало тихое благоденствие, и пошли покорять области, земли иноплеменных? О, в замену сего непопозволенного своенравия, наткнувшись расставленные кинжалы смерти, не получили по себе даже и сострадания, которое бы взялось тени умерших, возглашением надгробной песни препроводить в воздушные чертоги предков сына Фингалова³⁴⁷. Или, не занимаясь деянием времен минувших, довольно будет окинуть взором все обширные долины и цветущие холмы лица земного, населенные этим несчастным племенем, и посмотреть как оно в дикой природе пресмыкается почти наравне с животными, а в искусственной, хотя и обнаруживает иногда достоинство, но по большей части крутится в вихре совсем не нужных предприимчивостей, которые, обуяв человека, не оставили ему свободной минуты вспомнить, что он такое. Но может быть равнодушные на сей труд воображения почтут за тягостное бремя, почему и не захотят в оном видеть тысячи представившихся уверений. Итак, посмотрим ближе, на самих себя, с каким стремлением быстро парящее время несет нас в пучину вечности — и с каким беспокойством мы стараемся на пути жизни произвести в действие предприимчивые планы свои, заключающие в себе приобретение какой-нибудь тленности из вещей подсолнечных, которую однако же не можем унести с собой, но в преддверии вечного покоя принуждены бываем оставлять с сожалением. И после скажите, ощутительно ли заблуждение человека?

Положим, что сия пагубная зараза не могла проникнуть во внутренности всего человеческого рода, и что между множеством, надменных, лукавых, корыстолюбивых, довольно рождается и превосходных умов, одаренных патриотизмом к справедливости и чувствованием истинной славы; но в такой многочисленной партии, посудите, что могут сделать сии последние? — почти большая часть из них, по рассмотрении суетной ничтожности всего подлунного, с растерзанным чрезвычайными опытами сердцем, повергается в горестную бесчувственность! Другие, достигая к желаемой цели, к не-

счастью истощили средства в преодолении препятствий, и таким образом, в печальном рассеянии мыслей, потеряли конец нити рассуждения; прочие светозарные умы, которые спаслись от сего злополучия, хотя и стараются всеми мерами изливать пламенное чувство в усыпленный род человеческий — но едвали успевают изгнать мрак заблуждения, даже из малейшей части своих несчастных собратьев!

Посему, как бы кто ни старался защищать благополучие человека, но когда вникнет пообстоятельнее в положение почти бесполезных трудов его, тогда и уверится не только о небытии, но даже и возможности водворить на земле разумом постигаемое блаженство. И в самом деле, неужели в том должно было состоять нашему благополучию, что бы за дражайшую цену жизни насилу снискивать только нужное пропитание? И так озаботиться сею необходимостью, что для получения оной не только жертвовать бы спокойствием своего сердца, но даже и против нежнейших убеждений чувствительной совести, к собственному мучению своему, оставаться непреклонным!

Итак, естли бы ныне вдруг рассеялся густой туман бесчувственности, скрывающий от нас лучезарное солнце чистых понятий, и в разительном великолепии явилось истинное достоинство человека; то я не знаю, нашлось ли бы в эту минуту обнаруженной наготы состояния нашего хотя одно, столь хладнокровное сердце, которое не пожелало бы опять накрыться тучами заблуждений, и таким образом потушить несносный пламень того мучительного стыда, которым принужденно было бы сгореть при сем трогательном явлении. Вот существенное качество той спасительной одежды, которою беспредельной благодати Премудрого Творца угодно было накрыть падшего человека! И сия же самая бесчувственность, впоследствии времени, послужила как бы некоторым покровом или сенью, в которой совершен важнейший противоположенный переворот духовной природы, или неизъяснимая тайна искупления, сокрушившая оковы надменного супостата, наступлением пятою на главу его.

Но ведь я, под именем нравственного качества Вселенной, разумел совсем иное, нежели то, о чем теперь трактовали. Я хотел предложить мысли свои о должности человека, в отношении к созданной для него природе, и соображении постепенной зрелости последней с успехом наших познаний, и таким образом показать определенный век общего творения; но нечаянно, при возбуждившейся идеи о самолюбии, сошел с представленной себе тропы и заблудился в прохладных рощах отдо-

хновения. Не смею ласкаться извинением за такие самовольные прогулки; впрочем непременно буду стараться, чтобы когда-нибудь взойти на высокие, неприступные горы обещанных умозрений, лишь бы только способности не уклонились от исполнения принятых намерений.

Глава четвертая. О атмосферах вообще

Итак мы уже предложили некоторое понятие о том несчетном множестве лучезарных солнцев, которые в окрестностях своих должны содержать темных планет и комет и того еще большее количество. Чрезмерные же пустоты между сими телами занимает тончайший упругий эфир, способствующий планетам освещать обращенные к свету поверхности, и поддерживающий владычество тяжести во всем пространстве звездного мира. Оный эфир тяготеет к каждой звезде, надобно думать, что в обратном содержании квадратов расстояния, или тоже действие, называя иными словами — сгущается по мере квадратов приближения к поверхности, почему и бывает на оных в несколько миллионов крат гуще, нежели у междузвездных пределов равновесия. Сии пределы по новости своей, может быть, читателям неизвестны; то мне должно заметить, что оные находятся там, где эфир начинает тяготеть к двум звездам в противные стороны; и естьли оные звезды равны плотностью и количеством вещества своего; то и равновесие между ними занимает место на середине, в противном случае подвигается к той звезде, которая меньше.

Подобное сему тяготение эфира можно отнести и ко всем прочим, как в солнечной, так и в других звездных областях, плавающим телам различных наименований; ибо ни одному из сих нельзя приписать такого свойства, которое бы не имело в себе притягательной силы и не подвергалось законам всеобщего движения, по чему и должно заключить, что всякое небесное тело окружается сферою упругого эфира, соответственно владычеству своего притяжения.

Например Земля, по исчислению, содержит в себе вещества только одну 1. 448,325-ю часть против Солнца; расстояния между ними с прибавком 145 миллионов верст. И положим, что сия планета, из какого бы ни было расстояния, привлекает на себя от Солнца оно-го эфира всегда на равную часть количеству вещества своего — $1/1.448,325$, часть расстояния, что составляет 100 верст, в настоящем положении планеты. Из сего расстояния эфир, со всеми прочими стихий находящимися в себе элементами, тяготеет к земной поверхно-

сти, умножая тяжесть в себе, то же может быть, на квадрат приближения или, по крайней мере, несколько сообразуясь с этим законом.

Здесь мы показываем высоту атмосферы только против Солнца; сколь же она должна быть высока по сторонам и назади планеты, того я теперь показать не умею. Может вероятно, что атмосфера на противоположной Солнцу стороне имеет остроконечную фигуру, подобную планетной тени, да и высоту равная длине последней*; только вероятность сия по несовершенству знания моего природы, не имеет надежных причин к уверению.

Но не говоря о сем, может быть и на всеобщее тяготение эфира потребуют сюда справедливейших доказательств, почему оный мог пристать или окружить все планеты. Доказательства сии иначе предложить не можно, как сделав наперед небольшое отступление о влиянии притягательной силы Земли на тела ее поверхности; и хотя на практике оных тел, в разных положениях весить не можно, однако и теория довольно убедит нас в справедливости.

На пример, поставленный человек на земную поверхность имеет на себе притяжение 180 фунтов, и притягивается, в сем положении, целым диаметром планеты, ибо весь оный лежит под ногами его. Есть ли же сего человека опустить к центру земли на третью часть целого диаметра и свесить на поддерживающем теле; то он лишится половины своей тяжести, следственно потянет только 90 фунтов: здесь и ниже сего вес разумеется уменьшенным во всех телах, ибо и гири на противоположном конце сделаются в половину первого легче. Сие уменьшение тяжести произойдет от того, что в этом месте всякое тело притягивается к центру только двумя частями диаметра, а третьей к первой поверхности, которая и поддержит его половиною тяжести. Но есть ли наконец опустить человека в самый центр земли, то в оном не потянет и одного лота, почему и надобности в подставке под ноги иметь не будет. В сем положении он тяжести лишается от того, что притягательная сила от всех мест поверхности действует на него равносильно.

Точно таким же образом весится и антипод с противоположной поверхности, только в обратном действии притягательной силы; ибо оный притягивается нашей поверхностью, а нас напротив привлекает своею: не трудно из сего приметить, что есть ли бы в средоточие пла-

---

* В восьмой главе смотри перечень длины планетных теней.

неты в самом деле, с обоих концов земли, было опущено по человеку; то каждый из них мог бы стоять на ногах своего антипода, не чувствуя друг ко другу тяготения. Почему как бы они ни становились, но всякое положение было бы им естественно — одним словом, представим себе со всех сторон круглую комнату, в которой всякое то место принуждено будет служить низом или полом, где оные люди пожелают встать своими ногами, хотя бы случилось им сойтись головами вместе. Сие явление произойдет, как мы прежде и сказали, от равносильного притяжения планеты, ко всем местам своей поверхности.

Но есть ли из центра начнем поднимать тело, в которую бы ни было сторону; то противоположная до поверхности линия или радиус делается дольше. Почему и начнет поднимаемое тело одерживать понемногу, и чем выше к поверхности будем поднимать оное, тем сильнее противоположная притяжением к себе будет препятствовать нашему действию, следственно и в теле умножат тяжесть, соразмерно возвышению к первой поверхности. Таким образом, человек, поднятый на самый верх планеты, притягивается всем диаметром оная, и куда бы не пошел по лицу земли, но везде противоположным концом будет к ней прижиматься; таким образом и все люди. Рассеянные по земному шару, не могут подняться от одного, ибо каждый из них придерживается всей планетою; таким же образом и всякое место поверхности притягивает к себе противоположное, и сим взаимно привлекается; и, наконец, таким образом все поверхностные тела, полученную от толщи земли в себя тяжестью, сжимают планету, чтобы оная не рассыпалась. Вот справедливейшее изъяснение о тех слепившихся атомах, которые тяжестью производя в себе шароподобный образ, и под именем различных названий крутятся и плавают в пучине воздушной стихии, не распадаясь!

Итак. Когда видим и даже ощущаем от планеты сильное на все поверхностные тела притяжение; то конечно и выше сего не можем отвергать владычества оного, только с ослаблением действия, как видим в Солнце, в обратном содержании квадратов расстояния. Но мы и здесь, для пользы или забавы, в такой же процессии поднимаем человека к солнечной стороне до наружного центра или междупланетного предела равновесия. Например, чем выше будем поднимать человека к оному равновесию или пределу земной атмосферы, тем более будет ослабевать земное на него притяжение; а на самом пределе так же лишиться в себе тяжести, как и в центре планеты; ибо в сем

положении Солнце и Земля будут привлекать его равными силами, есть ли же сего человека хотя на одну сажень поднять выше оногo предела, в таком случае солнечное притяжение будет действовать несколько с большей силою, нежели земное; почему и человек, получив на себя перевес силы первого, и должен тогда упасть на солнечную уже поверхность.

Сей закон притягательной силы без сомнения существует и во всех солнцах, планетах, спутниках и кометах, как в таких телах, которые все произошли из одного источника. И в самом деле мы видим, в области своей, все огромные шары вещества повинующимися владычеству одного Солнца; а сие, может быть, так же иметь теснейшую связь со звездами, своими товарищами, которые все вместе зависят от одного в средоточии пространства крутящегося мира. Следовательно всякое тело может привлекать воздух на свою поверхность, на пространство до междупланетного центра и действием тяжести сгущать оный по мере к себе приближения; почему и должно полагать в каждой области одну звездную, всеобщую атмосферу, и в оной несколько частных, отделившихся на прочие планеты.

Наконец, припишем сюда и то, что оные всеобщие атмосферы, упругостью своею, содержат в равновесии все трактуемые звезды, и не допускают ни одной из них притяжением привлечь к себе другую, ни самой тяготением упасть на третью. Ибо каждая звезда, от погружения себя в центр воздушной сферы и уменьшения притягательной силы, соразмерно расстоянию от поверхности, столь слабое на пределе области своей имеет владычество, что оно лишается уже способности производить уже чувствительное влияние на окружающие светила. Упругость же эфира известно, чем более притяжением у поверхностей стесняется в гораздо меньшее пространство, тем сильнее имеет способность стремиться в такие места, где находит себя освобожденною от сжимаемости, противной естеству своему; а сии места и есть самые те пределы, о которых мы говорили. Там находятся столь пространные пустоты, что эфир не только может уместиться в них естественной жидкостью, но даже принужден будет распустить себя более настоящего.

Вот еще встретилось новое понятие о малом и почти нечувствительном сближении звезд, которое должно продолжаться до самого того времени, пока эфир на пределах равновесия не приведет себя в настоящую первобытную плотность, что должно случится в совер-

шенном возрасте природы. Например, когда при наступившей, происхождению Вселенной, решительной минуты все в эфире возникшие элементы, тяжестью собравшись вместе, составили вещественные шары, величиною соразмерные пространству и своему количеству; тогда и эфир, тою же тяжестью, сгустился на поверхности каждого тела, смотря по мере существующих в оных притягательной силы. От сего и натурально показывает, что дальнейшие места, между оными телами, должны сделаться как бы пустыми; ибо эфир из них собрался ближе к поверхностям. Но как чрезвычайная распространяемость упругого эфира ни где совершенной пустоты оставить не может, следовательно и сии места заняты оным, только с жидкостью гораздо меньшею той, какова была первобытная. А сия-то самая неестественная жидкость и побуждает звезды стесниться в такое пространство, что бы на пределах атмосфер своих привести эфир в густоту, соответственную первобытной его плотности. И самое притяжение звезд думаю не простирается далее сей точки владычества; ибо сила оно-го не может иметь в себе способности более того, как только сжать эфир на пределах до сей трактуемой плотности.

После чего конечности звездных атмосфер, упругостью своею опираясь на показанных пределах, будут как бы отталкивать себя друг от друга; а тем самым и обеспечат настоящие тела от тех забот, которые нас не редко беспокоят: мы любомудрием своим дошли до справедливой причины опасаться, чтобы установленные законы равновесия, покривясь от непредвиденных обстоятельств, не обрушили звезд одну на другую, и таким образом, вместо приятностью украшения очарованных миров, не сделали бы величайшей груды безобразной смеси!

Конец первой части

Часть вторая

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

С благоговением приемля ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Высочайшее воззрение на сочиненную мною книгу, ИМЕНИ ВАШЕМУ посвященную, и исполняя Всеавгустейшую волю ВАШУ, по-вергаю ко Священнейшим стопам ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА вторую из следующих частей того сочинения.

Прими, Всемилостивейший Государь, сию чистейшую жертву верноподданнической ревности; удостой оную обычным ТВОИМ благоволением, и тем ободри молодого сочинителя, поставляющего в том единственное свое благополучие.

*ВСЕАВГУСТЕЙШИЙ МОНАРХ !
Всемилостивейший Государь!
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
верноподданнейший
С. Петербургской купец
Иван Ертов*

*Первого тома Начертания часть вторая. Глава пятая.
Описание Солнца*

Лучезарнейшая звезда или планета первого класса, Солнцем именуемая, о которой мы в первой части имели случай предложить несколько мыслей, и которая в каждый Божий день с разительным сиянием обтекает землю накрывающий свод лазурью покрытого неба, не беспокоясь настоящим движением, искони века пребывает на одном месте; ибо притяжение в окружающем эфире плавающих планет и комет, как и в первой главе было сказано, не может оную сдвинуть слабостью силы своей. Она только поворачивается вокруг самое себя в 36840 минут, на земле считаемого времени, чем и производит на себя, из каждого сих мановений, так называемые сутки. Будучи покрытая светлою стихией, ни с которой стороны не имеет известной на планетах тени, почему и должен — под черным золотыми звездами унизанным кровом, и под пламенем огня в воздушной стихии плавающих облаков — белый непрерывный день царствовать на всей поверхности: по крайней мере нам неизвестны такие причины, которые развивающуюся нить солнечного времени могли бы перепятнать разноцветными красками.

Окружность сего огромного светила, на обтянутой линии, занимает длины почти $4 \frac{1}{4}$ миллиона российских пятисотных верст; а поверхность составляет обширности без малого $5 \frac{3}{4}$ билионов, следственно в 12800 раз обширнее, нежели поверхность нашей планеты. Все оное пространство, выключая самую малую часть, покрыто огненным текучим веществом на подобие по Земле разливающегося океана; малейшая же часть оставшихся мест состоит из твердого

вещества, составляющего материю Земли, которая рассеяна по всей поверхности солнечной, представляют на одной мелкие острова или небольшие материки, разбросанные поодиночке. Правда есть некоторые из сих материков гораздо обширнее, нежели полушарная площадь нашей планеты; но при всем том, в сравнении с тамошними целым пространством и с притяжением земных возвышений — в первые полусутки начавшегося времени вышедших из под влажного океана — не смотря на сию довольно обширность, более посредственных островов не могут оные заслужить превосходнейшего названия. Материки сии возвышение от горизонтальной плоскости тамошнего океана должны иметь самое низкое, и протянутые на оных цепи гор, в сравнении с надменными горами небольших планет, не могут иначе назваться, как только холмистыми хребтами не высоких обширностей — чему будут показаны и причины, когда начнем описывать происхождение поднявшихся материков на всех планетах. Вот все то, что позволено сказать справедливого и вероятного при настоящем, не вымышленном описании Солнца. Да разве еще к сему прибавить, что из солнечного океана исходящие огненные пары, распространяясь в окружающем воздухе, производят белесоватую светлость тамошней атмосферы, которая суточным обращением Солнца чрезвычайно возвышена на экватор одного, и напротив очень сплюснута у полюсов — чему должно произойти и на других планетах, от скорости под экваторами обращения поверхностей, например, накрытый поясом замерзания, предел теплоты на земном шаре — в области которого природа смешивает воздух с почерпнутым веществом из поверхности, и тем питает цветущее царство прозябений; оный предел между тропиками простирается на высоту 2225 перпендикулярных сажень, на против того, у полюсов спускается почти на самую поверхность. Теперь следовало бы спросить: какие ковры подстилает природа под ноги солнечного человека, и какие существа на тамошних холмистых полях живут? На этот вопрос мы не более можем себе отвечать, как только возбудив понятие о неперменном царствовании во Вселенной несметного множества отличительных видов, собирающихся в определенные всеобщие роды; почему и здесь, то есть на Солнце, могут производиться все существа известных царств природы — животные, прозябения, ископаемые или минералы. А что пылающий вид сего светила не подает нам лучшего понятия, как только сокрушение веществ в горящем пламени; то причины одного должно

искать не в настоящем действии природы, но в заблуждении рассудка человека, которые давно уже привыкли все существа, следственно и самих себя, одевать в чужое платье. И в самом деле не без вероятности можно догадываться, что огненное вещество служит вместо воды солнечным жителям, и что оно столь же способно под тяжестью тамошних кораблей изгибать хребты свои, как и наши перекастистые волны бурею ветров разъяренного океана; да еще гораздо и способнее, по причине чрезвычайной текучести огненной стихии. Впрочем слишком глубоко опускаться в бездну сего предмета будет тоже, что искать в ужасном множестве пустых почти ничтожную часть надписанных билетов; почему и должно заранее обратиться к показанию начал выше предложенного описания.

* * *

Под именем белесоватой светлости солнечной атмосферы разумею я то бледное сияние, которое называем мы зодиачным светом³⁴⁸; а солнечными из твердого вещества состоящими материками называю примеченные на оном черные пятна, которые, как уверяют, в первый раз были усмотрены в марте 1611 года. Первое из сих явлений, в 1659 году, открыл в Англии доктор Шилдре; а последнее, по большей части, приписывают отцу Шейнеру³⁴⁹, не смотря на то, что Галилей присваивал было себе эту, зоркими глазами с помощью зрительных труб, приобретенную славу, уверяя публику в том, что он, а не Шейнер, наперед завидел на Солнце оные пятна. Когда весною, с северного полушария земли, смотришь на сии, кем бы ни было открытые пятна, то они кажутся по прямой линии идущими от севера к югу; на против того осенью возвращаются с юга на север, а по круговым линиям текут во времена поворотов или попросту летом и зимою. В изъяснении природы нет ничего легче, как показывать истинные причины сему подобным явлениям, обособливо для тех естествословов, которые одарены живым, проницательным воображением, способным звездные области представлять в существенном виде: на пример, естли в продолжение весны на северном полушарии земном солнечные пятна кажутся поднимающимися снизу в верх, то уже и натурально осенью должно им опускаться свержа вниз; ибо в последнем положении земли приводится нам смотреть на солнце с противоположной стороны, в рассуждении первой. Также и во време-

на поворотов, естли летом принуждены бываем смотреть на пятна с левого бока, прокладывая восхождение планеты путь в северном полушарии солнечном; то зимою уже планете, течением своим, надобно будет опуститься в южное полушарие, следственно и нас, для наблюдения пятен, перенести на правую сторону; почему и дуги, описанные течением солнечных материков, должны представляться нам в противном положении. Из сего ясно можно приметить, что показание причин оному явлению не заключает в себе ни малой трудности; но при открытии солнечных пятен явилось другое, гораздо важнейшее явление, которого изъяснить ни кто еще по сие время был не в состоянии. Я под сим разумею периодическое явление оных солнечных пятен, и по временам уменьшения дневного света. С 1611 года, в который сказанные пятна были открыты, 1650-й видно было оных довольно количество, так, что отец Шейнер в одно время насчитал их до 50-ти. После сего начали они скрываться от наших взоров, и до самого 1670 года, кроме одного или двух приметить было не можно, да и те показывались только на короткое время; а с 1695 по 1700-й год говорят, что ни одного было не видно. Не знаю, нужно ли продолжать далее выписку сим явлениям. Кажется и предложенной для нас будет довольно; впрочем для любопытнейших можно внести сюда и то, что в течение нашего столетия, кроме 1711 и 12 годов, почти никогда не видывали Солнца без сказанных пятен, только в количестве их примечалась всегда такая же различность, как и в прошлом столетии. Посему наверное можно заключить, что солнечные пятна почти беспрестанно изменяются в явлении своем, а что причину таковых изменений, о том конечно позволено человеку предлагать различные мнения, из которых бы после можно было вывести единственность справедливого; следственно и мне осталось право к помещению здесь моих догадок. Я представляю себе, что огненный океан, разливающийся на поверхности солнечной, производит испарение, подобное испарению воды на земном шаре, и наполняет оным немалое пространство воздуха выше поверхности; в чем уверяет нас сияние солнечной атмосферы, известной, как и прежде было сказано, под названием зодиакального света. Так же воображаю, что оные пары, вознесшись на возможную высоту, собираются в облака, носятся над материками и на подобие дождя разноцветными каплями падают на поверхность; ибо мы не редко видим солнечные пятна окруженными сими облаками и разумеем оные под именем белесоватых туманов,

которые обстоятельнее описать не нашлось давечь пристойного случая. Теперь не трудно вывести такие следствия, что на Солнце бывают неодинаковые времена испарению и когда стоит время, на пример, подобное нашей осени, в которое сиятельными парами наполненная, атмосфера отсвечивает черные материки поверхности, тогда и удивительно нам не видеть солнечных пятен, или по крайней мере над местом оных наблюдений тусклое сияние. Напротив того, в летнее солнечное время, в которое атмосфера не может быть довольно сгущена испарением, освещению планет; должно производиться только из одного светлого океана, следственно из пространства гораздо меньшего, нежели в бурную осень; почему и должно разуметь, что в сие время, сквозь пустую атмосферу, все пятна изображаются гораздо явственнее; и может быть при сем только времени случается уменьшение света, поелику оный в последнем обстоятельстве стесняется в меньшее пространство, нежели прежде описанном.

Естьли же кому угодно будет войти в подозрение о том, что продолжение солнечных времен положены мною чрезвычайно медлительными, того не трудно вывести из оного тем, что мы на этот случай и права не имеем планетных времен сравнивать со своим коротким годом. Когда и в Петербурге случается иногда недели по две не видать Солнца, то в 14 облаками накрытых дней на оном совершится годовое обращение земли; или на Уране каждое возвратное время должно придти слишком в 80 раз позже нашего, не смотря на то, что и сей не может почесться предельной планетой в солнечной области; следственно можно вообразить в существе и такую планету, которая текла бы по орбите своей вдвое тише оного. Сия планета, по известным законам, должна находиться от Солнца на расстоянии в четверо большем той, которую берем для сравнения, и на годовое обращение в 8 раз больше употребить времени, что будет составлять около 650 годов земных. Теперь естьли отсюда делать наблюдения над переменою погоды в солнечной атмосфере, то — по обыкновенному свойству человеческого разума, все представляющиеся предметы прикидывать на свою меру — мановение тамошних времен не только не казалось бы медлительным, но даже чрезвычайно скоротечным; и когда бы оттуда взглянуть на нашу планету, — разумеется, что можно ее увидеть — то обращение оной показалось бы зрителю вдвое скорее, нежели кажется нам обращение первого спутника Юпитера, который на сие время занимает и всего только 42 часа с половиною.

Впрочем, не говоря о рассудке, человека, почитая мнение свое справедливым, может явления природы до времени изъяснять как ему угодно; и есть ли он не осторожен, то без сомнения дарования свои имеет право записать в общей книге деяний размышляющего разума, по прочтении которой потомками беспристрастное правосудие взвесит все, что чего достойно. — Но что такое рассудок? Что потомство, и что наконец правосудие?.. Не есть ли сие такие слова, которые не означают настоящего предмета? Или по крайней мере не проясняются ли они вместе со светом разверзающегося разума?.. Мы и сами кажется довольно поздние потомки, в рассуждении своих предков, но кто из нас осмелится дать истинный вес их понятиям? И можем ли ныне делать что лучшее, кроме того, как только переменять заблуждения? Будьте уверены, что здравый рассудок есть непроницаемая тайна для человека; и если бы благодать судьбы не объяснить оную земнородным, то на все течение жизни останется она сокровенною: на пример, мы уверены в правосудии вечного Промысла, но кто из смертных разберет, или по крайней мере оправдает, все темные пути его? — Я осмеливаюсь предложить на суд просвещенных читателей некоторую часть из моих мыслей.

* * *

Премудрый Творец природы, пред началом в безмолвной вечности образующегося времени, силою всемогущества своего, единым божественным изречением воззвал из бездны всеместности необозримое пространство тверди небесной, устроив в оном миллионы блистающих миров и, между множеством плавающих в пучине воздушной стихии, наш земноводный шар; одним словом, сотворив Вселенную, воспринял оживотворить прах, создав из одного человека, а чтоб увенчать благодать трудов своих, произвел любезнейшее из всех творений, придав оному пламенное чувство с прелестною красотою зрение поражающим образом и нечаянно, представив ее взору первосозданного, возбудил в них взаимную друг ко другу привлекательность; потом, ниспосылая на сей первейший союз небесное благословение, повелел оным населить лице земного шара. — Вот известие о начале бытия земнородных... В первой части, между прочими, нарисована слабая картина их непорочной жизни; а здесь представим еще слабейший рисунок их определения, да и то только в отношении

к своему предмету. Всеобщие удовольствия в жизни непринужденная благодарность, воссылаемая к Виновнику оных, сколь бы восхитительны ни были для человека, но при всем том непрерывное повторение одинаковых наслаждений могло бы со временем наскучить; почему и предоставлено было ему свободные минуты бытия занять познанием естественных причин, которыми приводится в движение повсечасно изменяющаяся природа.

Перенесемся мысленно в седую древность юного мира — посмотрим на мановение ныне парящих веков, и мы увидим, что человек, не смотря на все несчастные перевороты, еще не лишился побуждения продолжать сию тройственную должность; и самые порывы сильнейших страстей его кажется имеют склонение к тому, что бы занести ногу на приятный путь сказанного предопределения. Не знаю, легкомыслие ли младенческого разума, изобилие ли спелых плодов везде цветущей природы или что иное было причиной того, что человек по самой нерассудительной логике принялся за свое дело. Все века уверяют что он почти всеми чувствами и помышлениями предался первой должности земных наслаждений, уклоняясь от двух последних; за что и получил в награждение свирепствующий пламень лютых болезней, которые, по известным таблицам о смертных случаях, прежде двухлетнего возраста пожирают целую треть человеческого рода. Впрочем невоздержанность сия относится на счет одной глупости человеческой,.....³⁵⁰

..... но неблагодарность, по известным законам природы, прощена быть не может. Нет сомнения в том, что человек, взятый без отношения к Богу, ни чем более быть не может, как только прахом на время одушевленной персти; и как непостижимой малости первобытные элементы тяжестью составили вещество, а движением образовали прелестное украшение оною; так и человек происхождением получил начало, а сношением с небом должен преобразиться в бытие нетленности. В противном случае, к чему бы послужило такое огромное и прекраснейшее творение, какова, на пример, Вселенная, которое в определении своем не имеет ни действия, ни причины? Так человек, поставленный царствовать в прелестном мире, обогащенный сокровищами неистощимой природы, одушевленный лучом небесного разума, одним словом, ничем неодоленный самому себе, но всем обязанный благодати Провидения; и сей человек, не смотря на свою ничтожность, на щедрое изливание пред собою даров изобиль-

ной природы и на мудрую попечительность о себе вечного Промысла, захотел отвергнуть такие законы, которые прокладывали новый и несравненно приятнейший путь для вечного ему блаженства.

Оставим исследование, над чем он в первый раз оказал такую неблагодарность, а будем довольствоваться только следствием жизни его, в которой примечается ясное доказательство, что она существует: здесь еще нужно заметить, что никакое действие, как мне кажется, не может быть без причины, следственно и в падении человека причиною была не одна его воля; к тому же, я не знаю, для чего мы отвергаем иногда противодействующего врага нашему счастью. . . . . .

. . . . .? Итак, как говорит русская пословица: у всякой беды и дети родятся подобные матери; равным образом и за сим преступлением последовало в мир множество не меньше вредных крайностей . . . . .

. . .? Самые, так называемые, добродетели наши, в отношении к естественному правосудию, могут ли равняться хотя с той ценою, чего стоит бумага таких ассигнаций, которые не опустили своего курса? Так же и пороки не происходят ли иногда от таких причин, которые по несчастью человека, сделались извинительны? Например, здравый рассудок не терпит ни тени пристрастия; а совершенное правосудие не позволяет иметь даже и помыслов к своекорыстию. Но где мы найдем человека, который бы честным образом мог расплатиться хотя за одно попечение, одоляющие его от рождения до самой смерти? Приобретенного капитала для сего не довольно. К тому же надобно подумать и о том, что мы наживаем его трудами себе подобных, следственно изобилие наше есть удержанная часть работников. Если же взять для примера одного из сих последних, то равным образом и сей не может оправдаться не имуществом. Он извинителен только

потому, что не имеет способов сбросить с себя тягостного бремени; но введите его в чертог наслаждения, тогда и уверитесь, что он делается более неблагодарным, нежели тот, который воспитан избытком счастья... Правда, добродетельнейшие поступки простодушного народа могут мне в этом противоречить, однако же и сии происходят от радостного упования в будущей жизни получить возмездие . . . . .

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Итак, ...
.....
.....
.....
.....

..... здесь ясно открывается, единственно милосердием Всевышнего Творца, ниспосланное к нам Искупление... Одно оно может смягчить жестокою участь человека и, подобно отважнейшему Александру, рассечь клубок протекшей жизни; чем и освободит его от всех тех обязанностей, которыми, в падении своем задолжал он Богу, природе и самому себе. В противном случае нужно будет уничтожить бытие наше; так же и весь звездами изукрашенный, прелестный мир возвратит в первобытную ничтожность; следственно и самый день Творения понадобилось бы тогда заглазить на скрижалях вечности, что бы оный более не поминался в славословии Небесных Чиноначалий.

Вот я предлагаю на суд просвещенных читателей такой отрывок, которого нельзя купить ни за все сокровища Корделиеров³⁵¹, ни за все драгоценные камни холмистой Бразилии. Я откладываю до другого времени говорить о естественном подражании человека, из которого происходит большая часть обыкновенных явлений, и почти все нужные и пустые фанатизмы неразмышляющего народа. Теперь осталось вывести сюда следствия для предстоящей цели. Следствия сии вывести очень нетрудно. Довольно будет сказать, что естли бы мы принуждены были рассудок свой продать на вес совершенного правосудия, то без сомнения не получили бы за него более одной

гривны; а равным образом и за свои, так называемые, открытия естественных тайн, познанием которых одолжены подражанию самой природе, однако несмотря на то сомнительно, что бы выручили за них хотя бы один голландский червонец. И в самом деле, говоря рассудком выше предложенного предмета, чего стоят все знаменитые изобретения Невтонов, Лейбницей и де Картов, или познания ученых обществ, когда и из всех понятий рода человеческого нельзя написать сколько-нибудь связной истории происхождений, даже и в несколько страниц величиною?

Итак, судите сами, сколь тяжел должен быть истинный вес той мудрости, которою столь много гордится рассудок земнородного, что в безумии своем топырится иногда замечать недостатки в плане, превосходно устроенной природы!

Глава шестая. Описание планет, комет и спутников вообще

О Меркурии ничего, принадлежащего к описанию его поверхности, за близостью к Солнцу нам неизвестно, ибо он, по большей части, скрывается в лучах оною. Время суточного обращения его не открыто по тому, что по сию пору не можно было приметить на нем никаких постоянных пятен. Цвет его кажется с Земли несколько искрасна белым и очень ясным, а величина равняется против первоклассных звезд; настоящая же величина Меркурия из планет есть самая меньшая.

Из примеченных на Венере пятен открыто суточное обращение ее в 1400 минут. Поверхность сей планеты препоясана чрезвычайно высокими горами, которые превосходят высоту гор земного шара, и которые, отражением от себя солнечных лучей, говорят будто бы умножают Венерину светлость. А как известно, что планеты, не имея собственного света, получают его только от Солнца; почему в освещении Венеры примечены подобные лунным изменения. Сверх сего уверяют, будто бы от ней происходят иногда на земле хотя слабые, однако приметные тени. Видимая величина Венеры превосходит все, не только первоклассные звезды, но даже и самого Юпитера; а настоящая немного поменьше нашего земноводного шара.

Сия планета по виду своему есть прекраснейшая из всех звезд, какие только по ночам гуляют на ясном небе. Она, чрезвычайно яркого сияния, белым и самым чистым цветом своим отличается в собрании

звезд, как гордая лебедь между стаями диких гусыней. Одним словом, есть ли богиня любви была столько прекрасна, как из почтения к ней нареченная именем ее планета, то и неудивительно было ей поставить свой жертвенник в сердцах всех людей на свете — умных и глупых, красивых и непригожих.

Земля, на которой мы обитаем, должна быть известною не только каждому из читателей, но даже и всем разумным творениям, населяющим оную; впрочем из третьего тома — в котором должно изъясняться образованию планетных поверхностей — можно будет узнать обстоятельное описание земли, вместе с причинами происхождений. Ее сутки содержат в себе времени 1440 минут, а каждое из обращений вокруг Солнца по одному году. В первый день земного времени, от уклонения северного полушария от Солнца, и материки большею частью произошли на оном. Возвышения сих материков должны соответствовать понижению дна в Океане, по чему и надобно между тропиками быть оному глубже, нежели за полярными кругами; Атлантическому морю глубже и тихого, и вообще Океану северного полушария должно быть большей глубины, нежели южного. Величайшее же углубление на земном шаре находится, есть ли не ошибаюсь, на пространстве между Азорскими островами и Гвинею, островами Зеленого мыса и Бермудскими.

Марс обращается вокруг самого себя в 1480 минут. О наклонении оси его ни чего верного сказать не можно. На нем примечены такие же пятна, как и на прочих планетах. Горы его в вышине не только земным не уступают, но даже и превосходят оные. Настоящая величина сей планеты в 5 крат меньше земли и в трое больше Меркурия; а видимая, ясного и довольно красноватого цвета, равняется с первоклассными звездами. Здесь нужно заметить, что мы говорили, также и в последствии говорить будем о высоте планетных гор, не принимая оной в известных мерах; но всегда будем понимать только такую вышину, которая находится по сравнению планетарного диаметра. Например, лунные горы в вышине превосходят французскую милю³⁵², а земные известно, что и немецкой не уступают; но мы не смотря на то, что первые ниже последних, будем разуметь лунные горы в два раза с половиною выше, нежели земные, ибо сии в 2000 раз меньше земного диаметра, на против того первые только в 800 раз меньше лунного. — причина, вместо обыкновенных, брать естественные меры состоит в том, что последними доказывается иногда почти невероят-

ная справедливость. Короткие сутки Юпитера имеют в себе времени и всего только 596 минут. Ось его, говорят, что наклонена к площади годового течения будто бы на 3 степени; а шар его почитают столько сплюснутым, что в диаметре полюсов, против экватора, не находят длины целой 14-й доли. На сей планете примечено немало светлых и темных полос, лежащих параллельно с экватором. Сии полосы часто пропадают, потом является их иногда больше, иногда меньше прежнего; временем они кажутся прямы, в иное наклоняются, то на одну, то на другую сторону.

Не имевши удовольствия собственными глазами рассматривать сего предмета, нельзя выдумывать и причины; а порываться к изъяснению всех, иногда и не обстоятельно описанных явлений, будет столько же не осторожно, как и Гассендию³⁵³, совместнику в славе известного де Карта, случилось однажды показать естественные причины явившемуся ночью светлomu приведению, которым со скуки Графини де Але вздумалось нарочно обмануть его.

Юпитер кажется нам, изжелта белого и весьма ясного цвета, величиною более и самых первоклассных звезд, выключая Венеру; настоящая же величина его почти в полторы тысячи крат больше земли, нашей планеты. О поверхности Сатурновой, за отдаленностью от Солнца, ничего теперь сказать не можно. Настоящая величина его без мала в 1000 крат превосходит земную, а видимая равняется с второклассными звездами. Сия, для населения живых существ, слишком просторная планета является на землю в бледном, тихом, впрочем довольно ясном сиянии. Не знаю, могут ли поверить, чтобы планете, находящейся в ближайшем расстоянии по крайней мере на 1200 миллионов верст, и которая величиною кажется только против небольшой звездочки; могут ли поверить, что такой планете, и при том не выдавши на ней известных пятен, нетрудно человеку определить время на суточное обращение? Однако это совершенная истина. И если справедливо показаны расстояния сатурновых спутников, то, временем обращения оных, без ошибки можно уверить, что суточное обращение самой планеты имеет времени не много поменьше 10 часов. Я удивляюсь, что знаменитый Невтон, столь близко подошедший к сей истине, не мог ступить еще однажды, без чего и лишился удовольствия получить оную в свои объятия.

Наконец Уран есть последняя в солнечной области планета. Она, чрезвычайно отдаленностью от Солнца, не позволяет нам описать

своей поверхности. Настоящая величина ее равняется против 85 планет, огромностью равных с землей; а видимая приметна лишь только сквозь хорошие телескопы и зрительные трубы. Открытием сей планеты одолжены мы Г. Гертелю в делании сложенных оптических орудий превосходнейшему художнику в Лондоне. Он в первый раз имел счастье усмотреть оную 2/13 Марта 1781 года. К сему же классу планет должно причислить и, так называемые, кометы. По сие время собранные на земле известия хотя и недостаточны, однако же уверяют, что и сии тела, по большей части, имеют шарообразную фигуру, не говоря о тех, которые сплюсцились более, нежели Юпитер. Так же видят на них все признаки планет обыкновенных, только в освещении на редких примечены фазисы или изменения, чему думаются, найдутся и причины, естли удастся изъяснить происхождение хвостов кометных. Кометы, от малости ли вещества в себе других или неизвестных физических причин, кажутся нам несколько бледными, иные желтоватыми, а некоторые цветом своим похожи, из утренних паров зимою, на восходящее Солнце или, как говорят, подобны темно-горящему уголю. Удивительнее всего кометы занимают наше любопытство распространением хвостов своих. Они, подходя к Солнцу, увеличивают оные хвосты по мере приближения и даже не умаляют их прошедши перигелий; отступая же далее от Солнца, теряют их вместе с течением своим в пределы дальних расстояний.

* * *

Из планет третьего класса более всех известна Луна, единственный земной спутник. Обширные материи ее угнетаются чрезвычайно высокими горами, из которых многие увенчивают вершины свои огнедышущим пламенем и курением черного дыма. Так же примечены на ней, всем известные, темные пятна, которые по слабому отражению солнечного света почитаются лунными морями. В этих глубоких морях местами приметили светлые крапины; из чего и заключили, что испод лунного океана содержит на себе множество грядами рассеянных холмов, которые поднявшимися от поверхности морской вершинами представляют на луне группами лежащие острова или, так называемые, архипелаги. По темным пятнам, каковы на примере Гримальди³⁵⁴, Критское море и проч. Примечено колебание луны на 7 степеней, которое совершается в 14 дней на каждую сторону. — от

сего-то колебания, из обращенной к нам поверхности, видимы бываю-ют верхи высочайших гор ее. Луна суточного обращения не имеет, но стоит завсегда обратясь к земле одною поверхностью, почему и бывает кругом освещена Солнцем в каждый месяц только по одному разу. Сия планета, находясь в противостоянии Солнцу, освещается только одним полушарием; когда проходит между оным и нашей планетою. В последнем положении обращенное к нам темное полушарие ее освещается, тоже солнечным, Землею отраженным светом, который мы примечаем на ней под названием пепельного. В отстоянии же Луны от Солнца на 90 степеней, видима бывает с Земли только четверть освещенной поверхности, ибо другая в сих, два раза в месяц случающихся положениях, закрывается от нас первою. Давно уже догадываются, что сии четырехкратные изменения Луны послужили на Земле к установлению семидневного счисления времени. Рассеянные по горам и долинам дикие племена рода человеческого, каждое имея нужду в свидании с другими, не находили лучшего средства назначить время собраний, как только по сим изменениям. Отсего и произошел у всех почти народов день недельный, означающий на русском языке отдохновение от работы, следственно такой день, в который, позволено человеку покинуть бремя трудов своих, и идти, куда ему угодно. — Но, так называемый, праздник должно принимать совсем в другом смысле, нежели сие ныне царствующее воскресенье. Под именем последнего, кажется, разумелись необыкновенные дни и такие торжества, которые иногда продолжались сряду целые недели, и которые совершались в год или и в несколько лет по одному разу: на пример пятидневные Олимпийские игры в Греции установлено было праздновать летом один раз в четыре года. Напротив того, Россияне в каждую зиму возобновляли святочные вечера свои. Меркурий, Венера и Марс спутников при себе не имеют — по крайней мере никто еще по сие время оных не видывал. Правда многие уверяли, будто бы у Венеры приметили молодую лунку, и даже г. Шорт³⁵⁵ носил на печати своей вырезанный девиз, приличный сему открытию; но, к несчастью, предсказание г. Ламберга нагнало на сию планету новые тучи, которые еще неизвестно кому судьба определит развеять: он нашел по своим выкладкам, что спутник Венеры 1 Июня 1777 будет казаться в Солнце, и расславил оное в таком тоне, которого в шутку обратить было не можно. Но когда настал желаемый день и все звездословы земли, обратив лицо свое к единственному предмету общего

внимания, с нетерпением ожидали, чей взор предупредит усмотреть проходящую мету; тогда замысловатая Венера, прокравшись стороною, не рассудила представить им своего спутника. И так г. Ламберт, умерший 18 Августа того же года, успел получить ясное доказательство, сколь опасно нам без верных наставлений быть пророками.

Состояние поверхностей четырех спутников Юпитеровых нам неизвестно. Мы только видим, как они по части проходят сквозь тень своей планеты, чем способствуют нам узнавать долготу земного места, ибо показывают истинный час, в который бывает полдень. Равным образом и семи спутниках Сатурновых ничего теперь сказать не можно, кроме того, что они, выключая последнего, один другого больше.

Восьмое его кольцо более всего заслуживает наше удивление тем, что состоит не из воздуха или чего, сему подобного; но из твердого вещества, производящего тень на сатурновой поверхности. На сем кольце примечены светлые и темные пятна, какие и на планетах; и есть ли справедливо, что в окружности его находится около 37 тысяч верст, то целая огромность оного будет в 110 крат более, нежели нашей планеты. Некоторые же из новейших наблюдателей уверяют, будто бы Сатурн окружен двумя, параллельно лежащими кольцами, так, что между оными видны звезды. При Уране мы видим и всего два спутника, но в самом деле оных надобно быть у него больше, ибо в таком далеком расстоянии нельзя стать, чтоб составилось их столь малое количество; слабость же, в присутствии большей планеты, солнечного притяжения не могла заставить их обращаться прямо во круги оного, почему они, тяжестью приставши к Урану, и должны следовать по сторонам его течения. Здесь я предлагаю точные слова прошлогодного манускрипта моего; но как в половине июля нынешнего 1798 года, г. Гершель открыл у сей планеты еще четырех спутников, по чему и должно считать оных теперь полдюжины. Когда будет время сему, девять новых миров, в области солнечного царства, открывшему мужу определить расстояния и времена обращений оных спутников; тогда, может быть, найдутся вероятные причины и к открытию времени суточного обращения Уранова.

Глава седьмая. О затмениях

Известно, что все теперь вообще описанные планеты, спутники и кометы, не имея собственного света, заимствуются оным единственно, в средоточии пространства их, от находящегося Солнца,

которое, по причине шарообразности сих тел, освещает на них только по одному полушарию; от чего противоположные всегда накрываются тенью, подобной остроконечному шпигу, имеющему основание на планете. И когда поверхность оная, суточным обращением своим, проходит солнечную сторону, тогда бывает на ней известный белый день, со всеми повсечасно изменяющимися временами; напротив того из собственной планетной тени производит на себя мрак глубокой ночи, когда уклоняется на противоположную сторону. Ни одна, какая бы ни была планета или комета не освобождена от происхождения за собою тени; так же и от явлений на себе дня и ночи, а разность между ними состоит только в продолжении времени суток. Но бывают тени и на солнечных сторонах планет, и притом являются иногда в таких ужасных видах, что среди белого дня водворяют на земле минутное царствование глубочайшего мрака, сквозь который не смеют проглянуть не только светила ночи, но даже и лучезарнейший Исполин небес обливается тогда багровым цветом. Но сии затмения иначе не являются как на такие планеты, которые имеют при себе спутников. Например, когда Луне случится проходить через линию между Землей и Солнцем, в таком случае она, заслонивши последней, бросает от себя тень на поверхность земную, чем и затмевает на оной небольшую часть целой обширности; но равным образом и сама затмевается нашей планетою, когда по этой же линии обходит противную сторону. Впрочем сия планета, имея за собою тень длиной только в 356 тысяч верст, и в надлежащем положении не всегда может нам затенять Солнце; и когда случается ей проходить мимо одного на расстоянии от Земли несколько далее сего предела, в таком случае, тенью не касаясь земли, представляет себя окруженною солнечными краями, которые в эти минуты наподобие кольца из-за Луны освещают нашу планету. Есть ли бы путь Луны не наклонялся к течению Земли с прибавком на 5 степеней, то мы в каждый месяц времени видели бы одно солнечное затмение, и сами Землею столь же часто для Луны застенияли бы оное; но как Луне приводится стоять прямо против Земли только в таких случаях, когда она течением своим пересекает эклиптику. А сии узлы или нодусы³⁵⁶ известно, что связываются очень редко на одной линии между ими и Солнцем, почему и тени, по большей части, раскидываются на стороны; чем и освобождают планеты от ежемесячных затмений. Однако, лунные затмения случаются гораздо чаще, нежели земные, по

той причине, что полудиаметр тени последней, на пути лунного течения, занимает вышины 47 минут, когда первый кажется только в 17. Следственно Луна, хотя в противостоянии проходила и 45 минутами выше эклиптики, то и в таком случае, нижним краем своим, может на 2' погрузиться в тень Земли.

Предсказание лунных затмений есть одно из древнейших преданий рода человеческого. Оно соединяется в период 223 лунных месяцев, так, что по происшествии сего времени начинаются опять те же самые затмения, которые были за 18 лет с 10 днями прежде — сей период или, так называемая, халдейская сара³⁵⁷ известная была на земле еще во времена патриаршества. По оной Фалес за 2400 лет перед сим, а после его и другие философы Греции предсказывали некоторые из сих затмений. Удивительно, что оная сара еще и по сие время не описана в нашем Отечестве со всеми подробностями, какие в течении 18 лет случаются в лунном виде. Объяснение сему подобным периодов могло бы рассеять некоторые облака предрассудков, сокрывающие от нас разум истинной философии.

Таким же образом и Юпитер по удалению себя от Солнца бросает тень на чрезвычайное расстояние, и в редкой земной день не помрачнеет, которого-нибудь, из своих спутников; так же и сам, частью светлой поверхности, иногда от них помрачается. Причина столь частых затмений состоит в скорости обращения оных спутников, и в небольшом наклонении путей их к орбите Юпитера. Впрочем, спутники эти не всегда обходят планету с одинаковым наклонением путей своих, почему и случается им, особливо четвертому, затмеваться иногда в каждое обращение; напротив того, в другое время, проходя выше тени Юпитера, освобождают себя от оной. Сии почти ежедневные затмения служат нам вернейшим знаком к открытию на земле долготы места, даже и на самом волнении текучего моря — где не видим никаких знакомых местоположений, по коим могли бы справиться, в котором часу известного места бывает полдень или, что сему подобное. Спутники же Юпитера исчислено наперед, когда должны бывают проходить сквозь тень повелевающей планеты, то мореплаватели, пользуясь этим известием, берут с собой ведомость прохождения их, исчисленную по времени. положим С. Петербургского меридиана. Потом, приплывши на пространные плеса не обозримого моря, наблюдают час затмения по месту пребывания свое-

го, и разность времени показывает им расстояние места, которого содержится по 15 градусов на каждом часе и по 4 минуты в каждом градусе.

На пример, естли по ведомости затемнению должно случится в 12 часов по полудни или, что все равно, в самую полночь, а путешественники усмотрят оное за 4 часа прежде назначенного времени или только в 8 часов по полудни; то и будут разуметь, что находятся от С. Петербургского меридиана на 60 градусов западной долготы; следственно корабль их плавает в окрестностях Азорских островов на Атлантическом океане. Здесь не говорится о широте места, потому, что найти оную находится множество способов. Например, по высоте южных звезд, которые опускаются на горизонт по мере удаления корабля от экватора; напротив того и северные в таком же содержании поднимаются к зениту, чем ближе находишься к полюсу. Тоже самое должно разуметь о плавании корабля и в южном полушарии, только в обратном представлении небесных видов.

Сатурн и Уран тою же причиной и таким же манером, как и две первые планеты, производят затмение на свои спутники, и по временам сами от них помрачаются, так же частью своих поверхностей. А кольцо первого когда стоит на меридиане планеты, в таком случае препоясует оную своей тенью. Впрочем, сии планеты находятся от нас так далеко, что мы едва ли можем от их затмений получить себе какую пользу.

Вот истинные причины происхождения случающихся затмений. Они столь уже известны, в так называемом, ученном свете, что мне почти не нужно бы здесь и говорить об них, есть ли бы мог быть уверен, что Читатели «Начертания» не требуют таковых предложений. Но как сомнение не позволяет иногда пропускать и давно известных понятий, то для спокойствия оного должно еще заметить, что сверх предложенных случаются иногда затмения совсем другого рода, которые производятся кометами, когда оные поблизости к Земле проходят мимо Солнца.

Наконец, заметим еще и то, две нижние планеты, Венера и Меркурий, пересекают иногда линию, от Земли протянутую к Солнцу, почему и кажутся нам в таких случаях наподобие круглого пятна проходящими через оное. Вышние планеты в сих представлениях имеют пред нами немалое преимущество. Они все планеты, которые лежат ближе к Солнцу, и большую часть комет заключают внутри своих те-

чений; почему и явления оных тел на солнце, в понятии тамошних жителей, не могут производить удивления.

Глава восьмая. Измерение планетных теней

Удивительно, что мы, столь совершенно вызнавши планетные тени, и по сие время не позволяем себе измерять долготы оных! Неужели сей труд не стоит внимания, даже посредственного геометра, или по крайней мере ученика его, которой нередко ставит себе в удовольствие, исчислять, сколько может поместиться духов на площади острия одной иголки, и почитает за непременную надобность выучивать иногда такие приемы, которые не только ему, но даже и его внучатам в общежитии ничем послужить не могут? И так, для соблюдения непрерывной связи всеобщего обозрения, осталось мне предложить, измерение длины тенями занимаемого пространства. Сии тени длиною всегда равняются одной части расстояния планеты до Солнца, полагая оную соответственно малости, в сравнении с солнечным, пламенного диаметра. Например, есть ли сей в 10 раз короче солнечного, то и тень за планетою будет равняться одной десятой части расстояния; и планета, куда бы не проложила течение пути своего, тень ее везде будет сопутствовать с нею в одинаковой длине переменяемого измерения. Таким образом, приемля солнечный диаметр за единицу с двумя нолями, которые прибавлены для большей точности, диаметры тенистых планет выходят в следующих числах:

Солнца — 1. 00,
Юпитера — 9. 93,
Сатурна — 11. 20,
Урана — 25. 83,
Земли — 113. 14,
Венеры — 115. 21,
Марса — 186. 83
Меркурия. — 279. 03.

Теперь расстояние каждой планеты должно разделить, в перечне на соответственные числа: например, меркуриев диаметр в 279 раз короче солнечного, следственно и тень его имеет длины одну 279 часть расстояния. Соображаясь с этим правилом, длина теней в Российских верстах, когда планеты бывают в средних расстояниях, выходит следующая:

ть Меркурия — 201186 (верст),
Венеры — 910433,
Марса — 1. 182713,
Земли — 1. 281769,
Юпитера — 75. 982618,
Урана — 104. 441392,
Сатурна — 123. 534318.

Мы и давече заметили, что сии тени изменяются в длине своей, вместе с переменою расстояния так, что в отступлении планет становятся короче, когда оные подходят к Солнцу. Теперь естли, вместо Российских верст, поставить оную длину в планетных диаметрах, то она в меркурьевой тени будет составлять 41, в венериной 77, в земной 107, в марсовой 163, в юпитеревой 558, в сатурновой 1023, и, наконец, в урановой 19995. Но равным образом естли расстояния планет измерять солнечным диаметром, то сии производят совершеннейшую параллель тех самых чисел: 41 — 77 — 107 — 163 — 558 — 1023 — 1995. Вот точное измерение длины планетных теней и оказавшееся из одного следствие. Кажется не нужно на сие предлагать более уверений; впрочем кому не угодно будет почесть одного справедливым, того осталось еще средство уверить такими доказательствами, которые могут быть взяты из одних наблюдений. Например, мы знаем, что полудиаметр земной тени на пути лунного течения занимает вышины 47 минут, когда сей кажется только в 17; также видели, что длина оной тени содержит в себе 107 земных диаметров, из которых в каждом находится по 11948 верст с половиною или, точнее, с 4825 десятыми частями; и, наконец, положим, что Луна от конца тени проходит сквозь оную на 78 расстоянии, следовательно в таком месте, где диаметр окружности оной тени составляет 8687 верст и 9130 десятых. Теперь, естли угодно лунный диаметр, в котом находится длины 3232 версты и 1375 десятых, взять за 17 минут, то земная тень на принятом расстоянии составит вышины 45' — 41", следовательно против наблюдений 18' — 19" меньше. Впрочем, тень Земли не всегда бывает в 47", так же и в лунном диаметре, может быть, найдется несколько секунд разницы; но как бы то ни было, однако, не смотря на справедливость измерения, приметна здесь довольно чувствительная неправильность, которая происходит от следующей причины. Давно уже известно, что силь-

ное притяжение земли, изгибая направление солнечных лучей, становится их перпендикулярно к поверхности; от чего и представляет нам солнце, на 50-й степени широты, 32-мя минутами выше надлежащего местоположения. Далее же сего предела преломление лучей становится почти нечувствительно, ибо от сей широты до полярных кругов, а может быть и до самых полюсов, прибавляется оно только половину минуты.

Из сего следует, что солнечный луч, проходя мимо Земли, нечувствительно к оной нагибается, а по мере наклона известно, что за нею должен произвести соответственный угол отражения, следовательно и для тени оставить несколько большее пространство, нежели чего требовало измерение. Таким образом и выходит, что полутень Земли, на пути лунного течения, занимает вышины около одной минуты более настоящего. Также и лунная тень, по измерению должна составлять длины только 345 тысяч верст; но в самом деле протягивается на одну версту далее. Здесь открывается новый луч для просвещения нашего, во мрак неизвестностей, погруженного разума... Выше было показано, что полутень земли по измерению выходит только 45" — 41", следовательно против наблюдений не доставало в ней вышины 1 с 1/3 минуты. Сей недостаток остался для преломления, которое нужно бы исчислить — может ли оно в самом деле на столько поднять полутень планеты. Есть ли же оное произвести сего будет не в состоянии, в таком случае, или солнечную величину ошибкой показали мы более настоящего; или планеты очень близко, в понятии своем, придвинули к Солнцу. Теперь всякий может увериться, что измерение теней стоило бы труда, даже и самого де Ламберта; ибо следствием оно исправит величину планет, или расстояние оных, есть должность, в области Астрономических знаний, немаловажная.

Конец второй части

Часть третья. Первый том Начертания

О просвещении россиян (отрывок)

Давно уже замечено, что в государствах, начинающихся просвещаться учением, *Век поэзии* бывает предшественником *Веку философии*: так, милые музы, избрав любимое племя, ниспускаются на

землю для просвещения оного, и сладким голосом песнопения своего, размягчив жестокие сердца грубой природы, убеждают их к принятию здравого разума.

По стечению обстоятельств, надобно думать, то же самое произойдет и в нашем Отечестве, как в таком государстве, которое полезными знаниями одолжено опыту иноплеменных народов. Мы и теперь, между множеством русских стихотворений, без сомнения можем найти и такие, которые, в живописи к поэзии относящихся картин, не стыдно взять за пример возможного совершенства; напротив того, не написали еще ни одной такой философической книги, которая могла бы обратить на себя внимание иностранных — правда не тех, что населяют берега Ганга и Оренока; но которые славились некогда на цветущих покатостях Сены, Рейна и Темзы.

Впрочем, сие и не удивительно. Человек, непосредственно вышедший из матери природы, не может пробудить в себе чувства размышления о таких предметах, которых он, по связи тесных понятий своих, еще и изображать не научился. Все предприимчивые виды его не простираются далее тех пределов, в которых он, с помощью грубых телодвижений или по случаю изобретенных слов, удовлетворяет одной необходимости. К сожалению, должен заметить, что род человеческий, рассеянный по земноводному шару, в этом незавидном положении проводит почти большую часть времени бытия своего; и естли бы вера, или признание светом управляющего Бога, не возбуждала в нем новых отвлеченных понятий, то, конечно, состояние превосходнейшего из творений, не многим бы превзошло состояние похожих на него обезьян или, так называемых орангутангов.

Мы ничего не можем сказать, каковы были россияне в первобытном состоянии. Памятники их младенчества, к несчастью сокрушены прикосновением времен минувших; и деяния человека назидательная история, пришла к ним столь уже поздно, что не могла открыть и следов прошедшей жизни, состоящей может быть из целых тысячелетий, и в забвении погрузившейся в пучину бесконечности; прочее, что могла бы она узнать из преданий, истреблено переменою религии. Новый образ жизни произвел новые и чувствования; и теперь для размышления Философа не осталось иной пищи кроме, того, что они с древнейших времен славились отличностью мужества и щедротою гостеприимства.

Сии счастливые расположения необразованного народа, без сомнения, означают природное свойство разума, и служат как бы некоторым термометром скрытых склонностей человеческого сердца. Всем известно неподражаемое мужество древних греков, которым они, ревнуя соблюсти независимость, отражали грозные полчища персидских государей — и те же самые руки воздвигнули незабвенный памятник художеств, вкуса и мудрости. Так и сподвижники Ромуловы, в потомстве своем, покорили единодержавие Октавиана почти все благоустроенные государства — они же были не последние участники в возведении разума на степень высочайшего просвещения... Не нужно напоминать о природной храбрости британцев, галлов и, так называемых, древних Германов, Белгов, ограничивших честолюбие величайшего из римских политиков и полководцев — и кто не восхищается блеском просвещения, который озарял ныне едва ли не померкающую Европу? Ежели обстоятельства не перестанут способствовать успехам нашего просвещения, то будущему веку останется доказать: могут ли россияне превзойти тех в усовершенствовании разума, кому ни чем не уступали в отличности героических подвигов.

И, конечно, одним счастливым обстоятельствам должно приписать, как раскрытие народных дарований, так и образование мужей великих, которые, силою возвышенных мыслей, поддерживают разум, по природе к невежеству склонного человека. Благорастворенный климат Греции и теперь равным обилием изливает на потомков Сократовых чашу своего плодородия; при всем том, давно уже из сей, некогда Солонами, Периклами и им подобными, населяемой страны отлетел дух предприимчивости, мужества, славы, бессмертия — и кто знает, когда он назад возвратится. То же самое можно сказать о столице триумвиров, которая во времена Цесаревы колебала престолы целого света; но теперь и сама, на развалинах древнего величества, курит фимам в жертву неистовства бывших рабов своих.

У нас в России эпоху, просвещению способствующих обстоятельств, должно считать со времени избавления столицы из под ига, теперь на лице земли изглаженного королевства; эпоху в которой счастье россиян, исполинскими шагами идущее к храму бессмертия, почти на каждом шаге принимает лавры, и на каждой встрече украшается венцом победы.

В то самое время, когда умные дочери Юпитера и Мемнозины³⁵⁸ наперерыв спорили между собой в образовании отличнейших мужей на западе Европы, судьбе было угодно и на востоке оные произвести Величайшего из человеков. Дальновиден в намерениях, решителен в исполнении, неустрашим в превратностях счастья и дознавший на себе почти все состояния государства, мог ли не положить твердого основания, на котором мудрые преемники вознесли могущество ныне славящейся России. Сим великим императором возбужденный в народе дух предприимчивости, в самое короткое время, принес спелые плоды водруженного просвещения. Потомство может быть не повторит, что у нас, в ночи глубочайшего мрака, блистали два лучезарнейших светила. Одно из них теплыми лучами своими, разогрев, оледенелые сердца холодного севера, научило их чувствованию живейшей нежности; другое, бессмертием лирических творений, показало такую силу и важность, какой прежде и не надеялись найти в грубости русского языка. Примеры сих отличных Писателей впоследствии произвели у нас столь неподражаемые стихотворения, что и позднее потомство, может быть не найдет в себе способностей написать им подобных. Нет нужды здесь показывать имена бессмертных сочинителей. Довольно, что голоса их песен с неизъяснимой приятностью отзываются в ушах каждого, кто хотя мало познакомился с просвещением. Но как проза Г. Г. Сумарокова и Ломоносова, важная по своему времени, и несмотря на подражание большей части наших переводчиков и авторов, кажется не удовлетворяет разборчивости нынешнего вкуса; то не от сего ли, может быть, и произошла у нас медленность в успехе обрабатывания сей части Литературы?

Правда, слог не может быть обуздан непременноми законами. Он изменяется вместе с пылким или тихим воображением сочинителя; изменяется вместе с качеством трактуемого предмета; и наконец, вместе с очищением вкуса, переменяется и тон выражения; при всем том, кажется, в нем есть известная мера, которую должно бы чувствовать гораздо более, нежели распространение парафразисов³⁵⁹. Не знаю, для чего большая часть даже и лучших иностранных писателей нашего, и без сомнения предыдущих веков, старалась поддержать глупый предрассудок, побуждающий писать обо всем пространные книги, в которых, как в нашей Сибири, довольно места, где разгуляться; но трудно найти плодоносные деревья, нужные для подкрепления

утомленной силы читателя? Мы привыкли во всем слепо повиноваться этим учителям, и, как говорит один из просвещенных современников наших, ни будучи ни в чем мастерами, поневоле нашлись принужденными способствовать распространению их заблуждений. Мне кажется простительнее бы было, возвысив цену на сочинения, отнять у публики несколько излишних рублей, нежели нагроможденным пустословием похищать неоцененное время жизни, которого и без того не достает нам на исполнение всех нужных обязанностей. Если же авторы думают утешаться огромностью своих сочинений, то надобно бы вспомнить, особливо нашим соотечественникам, что на этом поприще давно уже расставлены такие образцы, против которых и самый неутомимый писатель едва ли сможет сравняться. Сверх того излишний набор бесплодных мыслей не меньше затмевает свет разума, как и вкладки, помещенные не кстати, и часто без довольной рассматрительности*.

Впрочем, мы не должны порицать отечественных авторов, за неисправность их сочинений. *Хорошо пишут только в одни просвещенные века*, когда разум, выслушав заданные уроки учености, вступает на пределы собственного рассудка. Но годов за 30 назад, посудите, какое у нас было просвещение? И естли смею спросить, по какому праву даже и теперь хвалимся этим бесценным даром, когда сами дела тому противоречат? Открыто ли нами хотя одно из важнейших заблуждений человечества; показаны ли причины таким происшествиям, которых авторы западной Европы изъяснить были не в состоянии?.. нет. — Но мы еще меньше заслуживаем присвоенное себе титуло. Посмотрите на состояние словесных наук, театра, музыки, архитектуры; и после скажите — чем превзошли мы Вольтера и Мольера, Рамо, Перольта³⁶⁰ и им подобных? Я не говорю о том, что по сие время не находим пера, достойного в разительном красноречии изобразить бессмертные подвиги великого Монарха и Человека. Все это представлено выполнить философствующему веку; а наш по крайней мере может гордиться тем, что положит всему основание.

---

* Ниже сего мы увидим, в какую бездну заблуждений впал и сам бессмертный Невтон, вместо справедливых принявший ложные приемы в исчислениях, и которые были причиной того, что сила обращения планет во круг Солнца, через целые 120 лет, скрывалась под завесой неизвестности; да и теперь, судя по трудности истребления предрассудков, надолго будет скрыта от тех, которые не сбросят с себя бремени закоренелых понятий.

Так любезный сочинитель «Аглаи»³⁶¹, изданием «Московского Журнала» столь много принеся удовольствия российской публике, без сомнения может почестся восстановителем разборчивого вкуса. В прозе его хотя приметны частые междометия — которые правда и нужны для тона декламации — при всем том удивительная чистота слога, разборчивость в словах, и в расположении мыслей соблюдение естественного порядка достойны подражания как словесных, так и ученых писателей. Говорят, что и до него начинали уже писать с большей разборчивостью, нежели прежде; но пусть докажут, кто из его предшественников равняется с ним гармонией слов и легкостью выражения? А сие самое и обращенное им на себя внимание публики, кажется, служит довольно надежным ручательством за превосходство его дарования: не достает только достойного приемника, чтобы начатое Г. Карамзиным довести до возможного совершенства.

Равным образом и театр, к возвышению трагических достоинств своих, требует такого мужа, который бы имел сердце бессмертного Сумарокова и чистоту стихов, подобную современных с нами славнейших поэтов. Что сказать о российской музыке? Кажется она еще не разрешилась от бремени. Также и первенец отечественной архитектуры, думают, качается в колыбели.

Итак, есть ли выключить живопись и поэзию, сии ранние красоты цветущей юности, то все дети российской философии останутся в самом младенчестве. Не знаю, в состоянии ли будем сим низжайшим отраслям небесного разума дать приличное воспитание; такое чтобы они, в знак благодарности россиянам, соорудили Памятник, противящийся времени и удивляющий потомство: Да. Мы не упомянули здесь ничего *о блестящей наружности* своих современников; не упомянули для того, что сия пагубная зараза, из зависти к музам напущенная обожателями Плутуса и Момуса³⁶², вскоре откроет неизлечимые раны на сердце чувствительных. И прежде нежели опытность философии, по замечании ошибок человеческих, успеет водворить у нас блаженство века невинности; гордые питомцы роскоши, издерживая наследство детей своих, и вместе с похищением их собственности, отнимут и мужество к преодолению вражеских ополчений. И тогда колоссальный Фарос³⁶³ глупости, путеводствующий умами сынов земных, еще более, на развалинах храма чистых понятий, возвысит надменное чело свое. Вот общая судьба всех Государств, озаряющих себя солнцем истины!

Глава девятая. Мысли Г.г. Невтона и Эйлера³⁶⁴ об освещении планет

В седьмой главе сказано было, что планеты, не имея собственного света, заимствуются оным единственно в средоточии пространства их от покоящегося Солнца. Но каким образом производится сие освещение? Прямо ли истекает из оною или, только посредством сего светила, планеты извлекают свет и теплоту из собственной в себе находящейся огненной стихии, о том думаю не почтут за лишнее, естли предложу здесь следующие мысли. Знаменитый Невтон думал, что Солнце, истекающими из себя лучами, освещает и нагревает, будто бы в пустом пространстве, плавающие планеты и кометы; и что лучи быют во все стороны подобно водомету, со скоростью перебегающего от Солнца до Земли в продолжении 8 минут нашего времени. Напротив того, г. Эйлер представлял, будто бы солнечный огонь по неизвестной причине находясь в беспрестанном трясении, произвел и в эфире, по уверению его наполняющем пустоту между звездного пространства, подобно своему колебание; и будто бы Вселенную озаряющий свет, ничего вещественного не имея в существе своем, в колыхании эфира есть то же самое, что колокольный звук, раздающийся в пространстве воздуха.

Трудно доказать, который из сих проницательных философов рассуждал справедливее. Умозрение Невтона, г. Эйлер старался опровергнуть во-первых по тому, что беспрестанно истекающая материя света давно бы могла истощиться — чего однако же не примечено. И хотя не изобретены еще способы с точностью наблюдать влияние на Землю солнечного света; но по крайней мере никто не запретит нам воображать, что первоначальное семейство отцов наших, царствующее во дни юного мира, пользовалось небольшим освещением и теплотою, как и мы, родившиеся от них в 220 поколении, считая по времени столетней жизни. Во-вторых, что истекающие лучи из Солнца должны бы сражаться с подобными лучами, из других солнцев или звезд исходящими, отчего в направлении их, по существующей в телах непроницаемости, могло бы произойти всеобщее замешательство; следственно и звезды, в таком случае, должны бы казаться нам в мутном рассеянии — но разительный блеск сияния оных светил, кажется довольно отвечает за справедливость противного.

Сверх того г. Эйлер, к опровержению Невтоновых умозрений, предлагал и следующее: по мнению его, Эйлера, с чрезвычайной скоростью перебегающие лучи могли бы, не только в сказанном сиянии звезд, но

даже и в течении планет причинять немалое затруднение; на против того, известно, по уверению самого Невтона, что сии тела беспрепятственно совершают предназначенное им течение. Следственно и лучи, не говоря о противоречии Невтона самому себе, не подвергая планеты беспорядку движений, и в изъяснении света места иметь не могут. Но здесь, есть ли позволено будет объясниться с истинным беспристрастием, кажется ни тот, ни другой не имели точных понятий. Невтону была неизвестна настоящая причина движения, да и следующим после его философам она не больше была открыта, как и первому. Для избежания же на пути столь огромных камней претыкания, выдумали закон, говорят будто бы с механикой согласный, по которому всякое покоящееся тело, единожды выпихнутое из своего места, не перестает двигаться по прямой линии, доколе в пути не получит себе препятствие.

Таким образом уверял Невтон, что планеты силою Всемогущего, единожды выпихнутые из первобытных мест их происхождения, потекли было по прямой линии; но Солнце притяжением к себе, совлекая их с пути принятых течений, и под углом обоих сил принудило обращаться вокруг себя по линиям разнородочных эллипсов, в одной из своих точек покоящих силу солнечного притяжения. А что бы не ослабить первой причины, и беспрестанным сопротивлением не остановить планеты среди пути их течений, Невтону нужно было уничтожить существо материи, и вместо оной водворить совершенную пустоту в пространстве.

Отдавая справедливость во множестве явлений, изъясненных сими законами, особливо совершенству астрономических наблюдений; но должно признаться и в том, что они довольно сильны для уверения человека, но слабы и почти совсем негодны для изображения природы, которая в изъяснении произведений своих не терпит никаких умоположений, кроме видимой причины. К чему нам воображать, что планеты потекли от сообщенного в них удара, когда причины или тела к произведению сего не находимы? Естьли же в пособие брать руку Всемогущего, то будет ли простительно, для прикрытия собственных недостатков, открывать новые источники заблуждений, которые и без того океанами разливаются на Земном шаре? — Мне кажется неизвинительно, по произволению своему выдумывать счастливую жизнь и с помощью злоупотребления наук доказывать оную ученым порядком; ибо как первый прием ложный, так и следствия законов, по необходимости выдут не справедливы.

И в самом деле, какая может быть справедливость в минутном ударении в планеты, когда настоящая сила движения не перестает действовать на них и по сие время? Тоже самое можно сказать и о препятствии, какое г. Эйлер находил в лучах солнечных; потому что ни эфир, ни лучи, ни даже все то, что и впредь можно выдумать, не остановят столь сильного действия, каково солнечное обращение. Может быть скажут: г. Эйлер писал сие в том намерении, чтобы обнаружить противоречие Невтона самому себе; но, думаю, редкие согласятся водить пером, естли бы знали наперед, что оно расплетает лавры, которыми увенчивает нас самолюбие.

И так положим, что *система истечения* и в самом деле не заслуживает вероятности; но равным образом и *колебания* — в каком смысле принята была г. Эйлером — не может заградить открывшегося пути, ведущего к запустевшему храму сомнения: например, как можно увериться нам в существенности оногo колебания, когда не показано причины, того производящей. Сие колебание, выведенное из умозрений Декартовых, без сомнения происходит от суточного обращения Солнца: на пример, есть ли в сосуде, водой наполненным, вертеть какой бы ни было шарик, то не трудно приметить тихое движение воды, струями во все стороны исходящее; и естли сие явление наблюдать с предубеждением математических понятий, то можно заключить, что площади между струями возрастают от шарика, как 1–3–5–7 и так далее. Таким образом, и Солнце обращением поверхности отталкивает воздух, себя окружающий, чем и производит в оноm движение, простирающееся в тончайший эфир со скоростью, квадратам времени соразмерною.

Причина умножения сей скорости заключается в том, что все обыкновенно твердые, каковы, например, планеты, спутники и кометы — так и в превосходнейшей степени упругие тела — в числе которых эфир и воздух, тяготеют к Солнцу с силой в обратном содержании квадратов расстояния. А как в тончайшем эфире, по достоверным известиям, умножается упругость по мере уменьшения его плотности; почему и колебанию должно распространяться гораздо скорее, нежели притяжением Солнца, у поверхности оногo в сгущенном воздухе*.

---

* Кто подумает, что воздух и эфир отличаются между собой, как существом, так и местами, пустоту собою наполняющими; для того нужно заметить, что отличность сих названий не производит существенной разности в теле — по

Нет нужды распространяться здесь подробностью доказательств. Довольно взглянуть на непререкаемые законы падения тел, на скорость течения планет вокруг Солнца и на легкость атмосферы в высочайшем от земли расстоянии, чтобы уверить себя в справедливости сказанных действий. К тому же я уверен, что любопытство обязывающей меня публики не может, да и не должно, чувствуя цену жизни, входить в такие мелочи отвлеченных понятий.

По уверению точнейших наблюдений, свет от Солнца до Земли перебегает в 8 минут с половиною. И если бы он был в равные времена умножает скорость по законам падения тел, как 1–3–5–7 и далее, то в 169 времен, считая в каждом по 8 минут с половиною, или в целые сутки успеет перебежать российских верст более 4 биллионов. Следовательно между ближайшей звездой и Солнцем, хотя бы и в 400 тысяч раз, как уверяют новейшие звездословы, находилось большее расстояние, нежели между последним и нашей планетой; то и в таком случае не нужно более нескольких дней, от Сирия до Земли, на перебежание света: на против того, выкладки нынешних Философов, для достижения сего, требуют по крайней мере 6-ти годов времени. Не важна бы была сия погрешность, есть ли бы мы не острили оною стрел на поражение таких начал, против которых и самая благопристойность обязывает нас наблюдать почтение. Но вот еще и другая, произведенная неосторожностью Невтоновых выкладок.

Глава десятая. Извлечение смысла умозрений Невтоновых о теплоте и стуже на планетах, спутниках и кометах

Надобно отдать справедливость Невтону, что он, по предшественнике своем Г. С. Дерффеле³⁶⁵, первым имел счастье сорвать с разума непроницаемой завесу заблуждения, в лучезарном сиянии показать нам новые миры, с продолговатыми путями их течений. Но к несчастью сей глубокомысленный философ, ревнуя ближе подойти к сооружен-

---

крайней мере не будет производить во всем пространстве издаваемого «Начертания». Густота воздуха зависит от сильного притяжения планеты, а легкость эфира от слабости того же притяжения. Судя по этому, и нашу поверхность, под именем атмосферы угнетающий воздух должен быть эфир, притяжением земли сгущенный. Итак, где встретятся оные слова, то в них не нужно разуметь иной отличности, кроме изъяснения разных степеней плотности одного тела. Впрочем, пределы, где воздух превращается в название тончайшего или небесного эфира, для всякого могут быть произвольны.

ному храму истины, вместо рассеянных им тонких облаков, нагнал гораздо мрачнейшие тучи перед сказанным храмом чистых понятий. Мы не будем входить в подробности его умозаключений. Для нас довольно представить здесь точный смысл одного из физических его законов. Сии закон, открытый по случаю в 1680 году явившейся кометы, состоит в том, что влияние солнечного освещения и теплоты на все тенистые тела, плавающие в окрестности оного, уменьшается на квадрат прямого отдаления их от сего светила. Таким образом, сказанная комета, подходя к Солнцу, в перигелии нагревалась оным сильнее, нежели земля, в 28 тысяч раз с половиной* или терпела жар с лишком в 3 тысячи крат сильнейший раскаленного железа. Не известно, где теперь она продолжает течение принятого пути своего; впрочем большая часть преемников невтоновой философии, которыми наполнена почти целая Европа, то почитают уже за доказанную истину, что ей в солнечном пространстве надобно будет протекать такие области, в которых свирепствует стужа, есть ли не более, то по крайней мере в 20 тысяч крат сильнее наших в Сибири енисейских морозов. Судя по этому закону, освещение Меркурьевой поверхности должно быть столь разительного сияния, что наши слабые глаза не могли бы иначе смотреть на предметы, как только сквозь черную дымку. И если бы на сей, пигмеями населенной планете, разливается местами стихия бурного океана, то она должна кипеть белым ключом от сильных жаров, воссылаемых туда Солнцем. На против того, на поверхности Сатурновой освещение Солнцем и среди белого летнего дня, в ясности не могло бы равняться с нашими лунными ночами, которыми по зиме любуются жители холодных поясов. Что же принадлежит в отношении к стуже, то она должна быть столь жестока, что наша самая лучшая водка, которая на земле никогда не замерзает, перенесенная туда, от холода могла бы превратиться в тело, твердостью алмазу подобное**.

Однако сии, по видимому и так довольно жестокие морозы едва ли могут заслужить название осенних утренников, в сравнении той

---

* У Невтона сказано было только в 26 тысяч крат; но тогда нашу землю 20 миллионами верст полагали ближе к Солнцу, а здесь я принимаю жар по расстоянию нынешних наблюдений.

** Не достанет разума и воображения, что бы теплоту, стужу, и свет представить в разнообразных и сколько ни будь занимательных картинках; и для того, к изъяснению сравнительной теплоты на всех планетах, может послужить перечень видимой величины солнца, предложенный выше на стр. 13 и 14.

зимы, которую предоставлено от нас сносить жителям долин Урановых. Свет у них должен быть столь бледного сияния, что мы днем и ночью, не смотря на освещенье шести лун, принуждены бы были все улицы в городах освещать фонарями*.

А природа, судя по недостатку теплоты, столь не завидного состояния, что сии бедные жители, есть ли бы нашли средство переселиться к нам хотя на тундренные земли Чукотского носа — где не нашли бы и сучка дерева, к обогреву ног своих; однако они, приятности сих бесплодных и только одним мхом поросших местоположений, обрадовались бы с большим восхищением, нежели сподвижники рассеянной эскадры лорда Ансона³⁶⁶, по претерпении у Горнова носа свирепствующие бури, подходя к острову Жауну — Фернандесу, и завидевши на оном кристальные ручейки, текущие по долинам, а в рощах нежные мирты, призывающие утомленных плователей в тень свою. Оставляю судить из сего читателям, сколь прекрасен должен быть тот климат, в котором, по умозрению Невтона, предоставлено царствовать жителям семи миров, Колумбом нашего времени открытых и, без пролития крови человеческой, покоренных владычеству блистательного Солнца? Что же теперь осталось сказать о той, давече упомянутой комете, которая назад тому 118 лет, подходя к Солнцу, в перигелии нагревалась оным слишком до 2 тысяч крат сильнее раскаленного железа; и которая по прошествии еще 165 годов земных принуждена будет сносить такую стужу, которая в действии превзойдет двумястами крат выше замеченное отечество Вольтерова Микромегаса³⁶⁷, превращающее земные спирты в капли твердейших бриллиантов?... Ни чего более, кроме того, что наша Земля естьли бы, по немилости судьбы своей, силою неизвестных законов или, как говорят, притяжением сей же самой коме-

---

* Современники 23 сентября 1699 г. видели одно из полных солнечных затмений, при котором в Грейпсвальде (вероятно, Greifswald. — Прим. Т. А.), что в Померании мрак был столь велик, что ни писать, ни читать было не можно — тогда одна 180 часть солнца оставалась непокрытой. Судя по этому, на Уране и днем должно быть почти вдвое темнее, нежели у нас было во время сего затмения; по тому, что Солнце кажется там в 346 раз меньше, нежели на нашей планете. — И когда на Уране действительное тело сего светила не больше может казаться, как только в серебряную полтину нынешней формы; то как мы будем понимать ясность дней на следующей планете, на которую Солнцу, в дальнем расстоянии оной, должно представлять себя в величине 58 крат еще меньшей, нежели сказанная полтина?

ты, увлечена была на пределы дальнего расстояния оной, то могла бы в таком случае представить жалостную картину из своей горькой участи.

И в самом деле, допустив против Енисейских морозов в 20 тысяч крат сильнейшую стужу, океаны ее, промерзая до дна, вместо влажной стихии, содержали бы в себе одни истрескавшиеся громады водяных окаменелостей; обширные площади холмистых полей и гладкие непроходимые степи, от холода пересекаясь множеством расселин, открыли бы недра земные до несколько тысяч сажень глубиной, одним словом, при такой всеистребляющей стуже, не только нежное царство растительной природы, но даже и самые хребты гранитных возвышений, несмотря на удивительную времени противящуюся твердость, принуждены бы были, исколовшись на мелкие части, с шумом и треском превратиться в развалины.

Вот изображение умозрительной картины разумнейшего из философов! Одни только величайшие мужи могут взойти до такой степени заблуждения; и по чему знать — не одно ли пасмурное небо Англии в состоянии производить людей, к тому способных?.. Прекрасный климат Греции ясно изображается в живописных понятиях тамошней Мифологии, и в тонком вкусе элладских художников и песнопевцев. Напротив того воображение потомков Оссияновых может почестся бесподобным только в ужасных, но ими с удивительным равнодушием нарисованных картинах. И бессмертный Невтон, как единоплеменник сих чрезвычайных людей, не удовольствуясь мрачностью вышепредложенных понятий, вздумал картину воображения своего накрыть тенью печальных кипарисов. Он часто упоминаемую и некоторые из других комет, вместе с невинностью жителей, определил в жертву пожирающему пламени и показал, каким образом обители сих, на мучительную жизнь рожденных существ, могут одна за другой попадать в Солнце.

Я не знаю, в состоянии ли будет здравый рассудок выдумать что страннее сих парадоксов? — Способно ли вещество нагреваться слишком до 2 тысяч крат сильнее раскаленного железа, или принимать в себя такую стужу, которая в действии превосходит человеческую вероятность? Так же и Солнцу нужна ли кометная пища, и не более ли есть причина верить, что оное, оставаясь спокойным, не испускает собственно из себя ни теплоты, ни стужи? Должно признаться, что предлагать столь невероятные догадки совсем против-

но благопристойности; а еще и того простительнее, преемникам Невтоновой философии, мысли о падении комет, вместе с основательными предложениями, поставить в логике, и почасту упрекать молодых людей в слабости разума, к познанию важнейших открытий; но не стыдно ли будет совершеннолетним учить юношей таким нелепостям и при том, логическим порядком? И так первая ложная мысль, пришедшая в разум Ньютона, в последствии навела за собой толпу сказанных парадоксов. Для того мы должны помнить, что пока не откроем истинную причину, какому бы ни было происхождению, до того времени все наши умствования о том предмете, не смотря на уверения Математических выкладок, не многим чем будут отличаться от рассуждений о Виргилиевой Энейде, одах Горациевых и о древности медалей отца Гардуэня; и конечно, вышепредложенные выдумки отличаются только тем, что они воспоены источником здравого рассудка; на против того последние плоды Бог знает чего, помешанного ли ума, или самолюбивой прихоти к утверждению противных мнений. Но удержимся судить человека с такой строгостью: Природа в каждый час успевает производить на свете тысячу умных творений, из которых многие найдутся способными занимать должности ученых, обыкновенных авторов, астрономов и проч. При всем том сия же самая, на рождение людей неистощимая природа, едва в 7 тысяч лет разрешилась от бремени двумя мужами, которые в ученом свете славятся ныне под именами Кеплера и Ньютона.

Глава первая на десять.

Мысли графа де Бюффона о происхождении планет

Говоря о заблуждении человечества, кстати предложить здесь мнение о происхождении планет графа Бюффона. — Сей просвещенный философ, украсивший век наш своими бесценными творениями, между прочим старался уверить публику, что планеты и спутники произошли из потока кипящей лавы, при сотворении миров вытекающей из Солнца. Он воображал, будто бы в древние минуты вечности — когда во Вселенной не было еще на нашей Земле, ни других планет, красующихся теперь в эфирных полостях солнечного пространства, одна чрезвычайно плотная комета, протекая перигелий, столь близко подошла к Солнцу, что коснулась и настоящего тела сего светила; при чем и вышибла из оною край, величиною в одну

650-ю или, по новейшим наблюдениям, в одну 560-ю часть целого количества.

Сей край растопленного вещества, наподобие потока вылетая из Солнца, тяжелые части свои, как не способные лететь далее, оставил в ближних окрестностях, а с прочими удалился на пределы гораздо большего расстояния. И тогда из первых разбросанных громад солнечного вещества действием тяжести образовались круглые шары или планеты, известные теперь под именами Меркурия, Венеры, Земли, Луны и Марса; а из последних, которые, как мы сказали, отлетели гораздо далее, таким же образом сделались вышние планеты, каковы, например, Юпитер, Сатурн, следственно и новоприобретенный Уран, со всеми их спутниками.

Далее, продолжает Бюффон, все сии шары несколько веков горели, но по недостатку горючего вещества, наконец, в разные времена вынуждены были погаснуть. И когда они довольно уже остыли, то, носящееся над ними испарение в виде воды, опустилось на поверхность, чем и произвело на оных известные океаны; а прочие испарения³⁶⁸, легчайшие собой, собравшись вокруг, составили атмосферы. Наконец, когда планеты, вместе с мановением веков, еще более охолодели, следственно поверхности их по законам физики, сделались гораздо плотнее; то оставшийся внутри огонь, силясь высвободить себя из стесненного пространства, начал местами надымать верхний череп; чем и надул несколько толстых пузырей, которые после для освобождения огня лопнули. И сии-то обломки в стекло претворенного вещества, по мнению его, положили основание горам и всем кряжам гранитных возвышений, которые и по сие время угнетают поверхность нашего земноводного шара.

Здесь Бюффон оканчивает первую эпоху планетного происхождения. Потом, как бы изображенный им Гений природы, облетевший небесные пространства, спускается на Землю, открывает таинственную книгу законов и пишет вторую эпоху образования планетных поверхностей. Мы поместим оную в последней половине следующего тома, как в пристойнейшем месте; а здесь заметим, в чем погрешил Бюффон, сочиняя первую. Во-первых, он слишком ошибся во времени. По умозрению его надобно было пройти несколько тысяч лет прежде, нежели земля, к блаженству царственного человека, успела накрыть цветами поверхность свою. Но премудрый Творец природы неужели не находил средства, вместо столь продолжительного и бес-

полезного пути, гораздо кратчайшим достигнуть цели своих высочайших намерений? — здесь не путешествие в обетованную землю. Природа была невиновна пред Создателем, следственно и не заслуживала столь жестокого наказания.

Во-вторых: комета не может отшибить края от Солнца, ибо всякое прилетевшее в него тело тяжестью сольется вместе, хотя бы состояло из вещества, тверже адаманта. К тому же, естли мыслями возноситься к началам происхождения, то нужно бы показать, из чего и каким образом сделались комета, Солнце и даже все мириады миров, блистающие в небесной тверди. Сверх того, здравый рассудок говорит, что законы естества должны быть, как в целом, так и в частях своих одинаковы и везде сами себе подобны. Напротив того, у Бюффона, в законах происхождения планет и образования их поверхностей, находится столь великое несходство, что не сообразить оное и всеми, по сие время написанными книгами, с включением и тех Александрийских библиотек, из которых одна, хранимая в Музеум, сгорела при смутных обстоятельствах междоусобной войны римских полководцев; а другая: но к чему обнаруживать поступки варварских победителей? Конечно, другая достойна была бы лучшей участи, нежели заменять дрова в публичных банях.

И в самом деле, Бюффон говорит, что шар земной произошел из глыбы растопленного вещества, вылетевшего из Солнца, и что оный, от первого же удара кометы, получил суточное и годовое обращение, дальше сей же знаменитый писатель уверяет, будто бы раковины и все морские произведения, с того же самого времени, начали приносить себя в жертву стремлений прилива и отлива, происшедшего, от притяжения Луны, Солнца и земного обращения. Не говоря о том, что Бюффоном воображаемый удар не соответствует настоящему течению планет, и не изъясняет суточных обращений. А сего было бы и довольно к уверению себя в несправедливости сказанных умозрений. Но откуда взялись раковины и все морские произведения? Естли рождение оных, по непременно законам природы, должно почитать за следствие начальных причин, то [ка]кая будет связь между раскаленным веществом планеты и нежными зародышами организованных творений? Может быть, скажут, последние занесены на землю, каким-нибудь благодетельным гением, как говорят, будто бы птицы и ветры, из Африки и Европы натаскали семена, для разведения деревьев в Америке. И на то согласен, но способна ли бу-

дет такая планета — планета, которая состоит из крепкой остывшей лавы, и притом от едкости воздуха накрытая водой, расплодить такие существа, которые не найдут себе природной пищи? Все сие, положив, мысли о происхождении планет, гораздо приличнее будет называть философическим, превосходно написанным романом, нежели справедливой повестью первобытного происшествия. Что же побудило Бюффона к сочинению оного? Мне кажется, ни чего более быть не может, кроме следующего: Лейбниц думал, что планеты в древние времена были в числе неподвижных звезд, которые после от недостатка горячего вещества погасли, но не мог доказать, от чего они получили движение. Невтон уверял, что движение сообщено ударом, но не нашел оному причины. Бюффон, желая изъяснить то и другое, и на место неподвижных звезд, постанова кометой отшибенные части, написал систему вышепредложенную.

*Глава вторая на десять. Перечень различных линий
о внутренности Земли планеты*

Кому угодно будет читать предыдущую главу о происхождении, тот непременно потребует, из других философов мыслей и о веществе планет. И так вот перечень новых известий о внутреннем состоянии собственного земноводного шара.

Довольно было философов, рассматривающих физический мир в различных отношениях, потом предлагающих догадки о состоянии планетном; а более всего о той, которую мы населяем. Но как они, по большей части, наблюдали природу единственно в том намерении, чтобы найти доказательство к утверждению любимой ими и не редко на ложных предрассудках основанной мысли; то сие самое заблуждение и произвело у нас изобилие в плодах ложных понятий.

Например, между многими, писавшими о сем предмете, Воовард³⁶⁹ почитал за вероятное, что внутренность земли может быть наполнена водой, и что видимая поверхность, со всеми горами, океанами и проч. есть ни что иное, как только тонкая скорлупа или оболочка. Бюффон, хотя и сомневался в справедливости собственных мыслей, при всем том не позволял себе отвергать даже и того, хотя бы кто нутро земли почитал состоящим из вещества, в тысячу крат тяжелее золота.

Но доктор Галлей, вопреки всем философическим возражениям, видимую поверхность представил себе черепом или скорлупой, са-

мую внутренность твердым шаром, и между тем и другим оставшееся пространство наполнил жидким, воздуху подобным веществом, которое будто бы служит благоденствию, на внутреннем шаре, живущих творений; а наша, верхней, всеми царствами природы, изукрашенной поверхности, исподняя сторона выпуклым сводом существующему в центре миру, рассеивающему бесцветный мрак, неизъяснимым для нас, собственным светом.

Оставим без исследований мысли остроумного Галлея, которых, как он и сам говорит, нельзя отвергать без дерзновения, философам неприличного. Сомнение Бюффона некоторым образом может решиться вследствие сего начертания; и хотя нет способов удовлетворить совершенным изъяснением столь отдаленного от нас предмета, по крайней мере нетрудно показать неосновательность в предложении таких догадок, которые ни в чем не соответствует известным законам природы. Но Воодвардово наполнение внутренности земной водой опровергается и тем, что мы видим оную, по существующей в ней легкости, вышедшей на поверхность. К тому же всем известно, что камни и песок по воде не плавают, но всегда, тяжестью опускаясь на дно, вытесняют воду из того места, на котором сами лежать располагаются. Таким образом, было и при сотворении Вселенной, когда в эфирном пространстве рассеянные всех родов элементы, миллионами собирались в самые малейшие кубики, величиною с песчинку; потом сблизались один к другому и наконец, сливаясь вместе составляли круглые, большие шары или солнца, планеты и кометы разных названий, огромностью соответственные случившимся для них пространствам*, тогда и воды, которые не поместились в образование внутреннего состава, тяжестью твердых тел, вытеснились к поверхности, и наконец, собравшись на самый верх, накрыли планеты слоем, толщиной соответственным оставшемуся их количеству. Если же воду почитать внутри заключенной со всех сторон так, что тяжелые тела поверхности, по существующей непроницаемости, не могут в нее погрузиться; то нужно бы доказать, хотя и невероятно, что бы кто принял на себя столь трудную и бесполезную должность, по каким

---

* О происхождении и величине тел небесных, составляющих всеобщий звездный мир или, так называемую, Вселенную, смотри вторую часть следующего тома.

законам сия влажная стихия могла очутиться в центре. Наконец заметим, что кроме приведенных здесь философов были и такие, которые старались уверить нас о пустой выпуклости, по мнению их, будто бы внутри Земли находящейся; но сие, кажется, и совсем быть не может. Законы притягательной силы ясно доказывают, что планеты получили круглый вид и не распадаются потому, что всякое место поверхности, притягивает к себе противоположное и сим взаимно привлекается. Судя по этому, и более того, по законам происхождения, должно почитать нутро Земли наполненным непроницаемым веществом, состоящего из тех же самых начал, из которых произведены тела поверхности. Но не говоря о сем, мы не находим в природе таких законов, которые могли бы произвести сказанную выпуклость; следственно и воображать оную не больше будет справедливо, как и сновидения почитать за быль.

Конец третьей части

Первого тома Начертания часть четвертая

Глава третья на десять. О естестве различных тел на земном шаре

В рассуждении качества настоящего вещества тел небесных — каковы на пример Солнце, планеты и тому подобные, хотя мы и не достигнем ни когда до совершенного познания, но по крайней мере можем уверить себя в не справедливости столь странных и не удобопонятных умствований, какие воображение любомудров представило о сем предмете. Известно, что металлы суть тяжелейшие тела на земном шаре, а растения, включая воздух, почитаются в числе легких, следственно минералы, в неразрывной цепи существ, между сказанными занимают середину. Мы рассмотрим, так только манием³⁷⁰, какие стихии употреблены были природой в составлении тел, лежащих на земном шаре. Химики при раздроблении тел всегда останавливаются на простых, перемене неподверженных начал, которые и есть по мнению их земля, вода, огонь и воздух. Неизвестно, чему сии начала одолжены бытием своим; мы только видим, что из смещения их произошли все тела, существующие в природе, качеством соответственные роду начал, в них находящихся. На пример, золото тяжелее, плотнее и посто-

янное всех тел, известных на земном шаре, из одной унции или 6-ти золотников сего металла почитают за возможность вытянуть проволоку до несколько немецких миль длиною. Оно противится действию обыкновенного огня, не изменяется во всех известных кислотах и не подвергает себя ржавчине; одним словом, тело сие побеждает все действующие на него составы, кроме сильнейшего огня, который в виде неприметных паров рассыпает его по воздуху. Веществом сего металла полагают чистую, стихийную землю, соединенную с огненным началом, которое, как известно, разливается во множестве тел и способствует умножению в них тяжести. Удивительная же плотность золота, думаю, произошла от того, что огонь в чистой земле, не находя себе препятствий от примеси сторонних начал, наполнил все скважинки, которые земля по грубости своей оставила незанятыми, чем и придал оному телу превосходнейшую растяжимость. Платина, или новооткрытое белое золото, и серебро полагаются тоже в число совершенных металлов, не имеющих ни запаха, ни вкуса. Первая также, как и настоящее золото, противится огню и простым кислотам, уступает же только некоторым смещенным; а последнее, хотя и одарено всеми свойствами постоянных металлов, однако и простые распускающие кислоты могут оказывать над ним свое действие. Из сего должно заключить, что стихии в оных металлах, начиная от самого чистого золота до нечистого серебра, смешиваются с другими больше и больше, чем и прерывают связь однородного сцепления.

Прочие металлы произошли еще с большой примесью сторонних начал, почему и не могут противиться действию огня и разных спиртов. Первый проникает во внутренности их, пожирает сторонние начала, чем и все тело подвергает разрушению. При сем на опыте изведенном, действие огня оставшаяся в сосуде земля, которую называют металлической известью, лишается свойств бывшего крушца³⁷¹, но естли прилить к ней чего бы ни было из содержащих в себе загоряемое начало, или флогистон³⁷², то она, как уверяют, будто бы получает опять прежнюю ковкость настоящего металла. Сие открытие, сделанное думаю в нынешнем веке, полагается в число тех лавров, которыми науки увенчивают славу в Европе возобновленной философии.

Всеобщее мнение о металлах состоит в том, что они не имеют воды в своем составе, но единственно огню одолжены образовани-

ем, который сам собой, или посредством флогистона, смешавшись с землями, произвел различные крушцы, плотностью соответственные единству стихий, в них находящихся. Здесь не нужно описывать полуметаллы и из смешения купоросной кислоты с металлическими существами, произошедшие купоросы; потому, что этим не больше изъясним той материи, которую поставили себе предметом. Итак, вода естли не имела участия в образовании металлов, зато осталась первенствующей стихией в смешении земель для произведения различных камней.

Из кремнистой или остеклевающей земли произошедшие камни гораздо крепче и тяжелее, нежели из прочих земель состоящие. Они, ударением себя один о другой, производят свет, а об уклад³⁷³ — огненные искры, при растворении противятся кислотам, и не растопятся без совокупления сторонних веществ. К сему классу принадлежат — кварц, шерл³⁷⁴, агат, драгоценные камни и прочие. Известные камни не столь тяжелы и не одарены такой плотностью, как первые. Сии разрешаются кислотами, так же впускают в себя воду, от неплотного соединения частей, малейшими скважинками туда входящую. Известный камень — мел, мрамор, гипс и прочие занимают место в этом классе. Наконец слюда, базальт, разные мыловки³⁷⁵, асбест и прочие почитаются из глинистой и магнезиальной земель состоящими. В классе драгоценнейших камней — алмаз занимает первое место. Из новейших опытов явствует, что он, положенный в огонь, горит настоящим пламенем; а в открытом сосуде истлевет, или, говоря иначе, мало по малу превращается в пары, не подвергая перемен ни твердости своей, ни фигуры. Некоторые почитают его состоящим из чистой, стихийной земли, соединенной с однородным, смешения не имеющим флогистоном; из чего можно догадываться, что огонь, коснувшись последнего, и вместе с землей принуждает оному разлететься в воздухе.

Малые успехи мои в сей науке не позволяют входить в подробное исследование начальнейших существ, составляющих царство минералогии, почему и должен, оставив эту материю, перейти к показанию всеобщих начал в прозябениях³⁷⁶.

Известно, что сии произведения природы состоят большей частью из воздуха, превратившегося в твердое тело, огня и воды, примешанных к первому, и частью из земли, служащей всему основанием. Надобно заметить, что последняя не есть совершенная пища

растений, как мы думаем обыкновенно, но только посредством ее воздух и прочие стихии превращаются в твердое тело^{*377}. Были опыты, при которых растения воспитывались в губках, напоенных водой, или и просто в последней. К тому же и самая тяжесть деревьев не допускает нам полагать многое количество земли в их составление: редкие из них в 20 крат, а прочие и сего гораздо легче, в сравнении с золотом. — В доказательство выпишем сюда не большую табличку тяжести различных тел; известных на земном шаре. Для сравнения возьмем кусок самого чистого золота, против которого цифрами означим легкость прочих существ, величиною точно таких же, как и первое. Итак:

Деревья:

сосна — 65-3,
 мягкая ель — 39-5,
 твердая ель — 35-7,
 грушевое дерево — 29-6,
 вишневое дерево — 27-4,
 и яблонь почти той же тяжести — 00-0,
 бук — 23-0,
 дуб — 21-1.

Смесь:

спирт — 22-6,
 деревянное масло — 21-5,
 желтый воск — 20-6,
 дождевая вода — 19-6,
 ренской уксус — 19-4,
 морская вода — 19-0
 и молоко той же тяжести — 19-9,

---

* Боннет в «Созерцании природы» упоминает о Г. Вангельмонте, который однажды 50-ти фунтовую иву посадил в горшок, имеющий в себе земли 100 фунтов, и покрывши его как можно плотнее — что бы от насевшей пыли не прибавилось туда земли, или сору — поливал процеженной водой; потом через 5 лет к удивлению своему нашел, что в иве прибавилось тяжести 118 фунтов, когда земля из весу своего потеряла только две унции. Впрочем и воздух, надобно думать, содержит в себе довольно количество земляных частиц, которые вместе с другими входят в составы растений.

человеческая кровь — 18-9,
крепкая водка — 13-9,
сахар — 12-2,
английский купорос — 10-4,
селитра — 10-3,
купоросная соль тож — 10-3,
поваренная соль — 9-1
и каменная почти тоже — 0-0.

Минералы:

алебастр или гипс в. — 10-8,
агат — 7-8,
простой дикий камень — 7-7,
прозрачный тяжел — 0-0,
горный хрусталь — 7-4,
простой тяжел — 0-0,
яшма — 7-3,
мрамор — 7-2,
карниоль — 5-9,
бразильский алмаз — 5-5.

Металлы:

цинк — 2-6,
олово тоже — 2-6,
чистое английское тяжеле — 0-0,
железо — 2-5,
японская красная медь — 2-1,
прочих сортов легче — 0-0,
английский свинец тоже — 1-7,
немецкий легче — 0-0,
английская ртуть — 1-4,
немецкая тяжеле — 0-0,
чистое гвинейское золото — 1-0,
прочих сортов легче — 0-0.

Примечание. За линеечками значат десятые части предыдущей цифры: на пример алмаз в 5-ть с половиною, агат в 7-м и 4 пятых частей легче против золота. Нетрудно из сего приметить,

что металлические тела тяжелее прочих известных на земном шаре; за сими следуют кремнистые, глинистые, жидкие, наконец, древесные тела легче всех, здесь взятых в рассуждение: чему можно найти и причины, есть ли бросить проницательный взор на составные части. Например, известно, что земля тяжелее воды, а сия тяжелее воздуха и мы видели, что металлы, произошедшие из смешения земли с огненным началом, большую имеют тяжесть, нежели минералы, образованные водой; а сии тяжелее растений, произведенных с довольною примесью воздуха. Равным образом и в рассуждении плотности открываются подобные следствия, с той только отличностью, что тяжесть тел соответствует роду, а сия единству стихий, в них находящихся; и постояннейшие тела происходят от соединения, каких бы ни было, двух начал, без присовокупления прочих. Например, сила действующего огня не может найти в чистом золоте никаких сторонних начал, которые могла бы разрушить; так же и в кремнистых телах, по тесной связи однородного сцепления, не находит ни каких скважинок, куда могла бы проникнуть, почему и оставляет как то, так и другие невредимыми. Напротив того, известные тела, от смешения частей в себе, легко разрешаются не только огнем, но и почти всеми кислотами; а растения, по той же причине, и сих скорее подвергают себя разрушению. Итак, когда мы видим, что только земля, соединенная с огненным началом, могла образовать самое плотное и самое тяжелое тело на земном шаре, прочие стихии произвели существа гораздо меньшей тяжести; и когда чрезвычайная плотность первого столь велика, что способна бывает одной унцией вещества своего позолотить серебрянную проволоку, как уверяют, будто бы до несколько сот верст длиной; то по справедливости должно заключить, что природе со всем не возможно из известных начал произвести тела, в тысячу крат тяжелее золота. Есть ли же, например, для комет, или внутренней земной*, предполагать стихии особливого рода, то сие кажется будет противно как единству вещественных начал и физических законов, так и здравой философии.

---

* Здесь любопытные могут повторить последние три главы предыдущей части, замечая следствия, какие выйдут о веществах планет из предложенных там умозрений, потом, сличая их из ниже следующих глав с происшедшими, рассмотреть, которое из всех умозрений ближе подойдет к настоящему изображению природы.

Глава четвертая на десять. О флогистоне и происхождении света и теплоты на земной поверхности

Мы давеча почти беспрестанно говорили о флогистоне, не изъясняя однако же существа онного, впрочем, нам не нужно бы было здесь и говорить о нем, есть ли бы он, как мне кажется, не участвовал в произведении теплоты на земной поверхности. Итак, заметим только следующее. Флогистон почитают сухим, летучим существом, способным смешиваться с землей и водой, входит в состав различных тел, украшает их прелестными цветами и переходит из одного тела в другое, нисколько не изменяясь в существе своем. Некоторые из новейших химиков начальной земле и огню приписывают его произведение, но мне кажется, вместо первой, справедливее бы было полагать воздух. Например, мы знаем, что растения гораздо больше дают нам флогистона, нежели другие произведения природы, и те же самые растения от прикосновения огня, почти все дымом разлетаются в воздухе. Сие и не удивительно. Существующие в них стихии воды и воздуха, по свойству своему, есть начала легкие, которые действием огня, разрывающими между ними тонкую связь сцепления, без труда могут и разлететься; напротив того естество земли, как известно, есть тяжелое и постоянное, которое не поднимается без посредства сторонних тел, да и то сильнейшим огня принуждением. Следовательно есть ли бы последнее и в самом деле было основанием флогистону, то при воспалении деревьев должно бы оставаться земли против обыкновенного гораздо больше. Но как мы видим не только большую часть сих деревьев, поднимающихся дымом, но да же и самый уголь, не имеющий видимого испарения, весь почти истлевающий; почему и не можем сделать другого заключения, как только, что земля в произведении его не великое берет участие. Впрочем предложенные здесь мысли есть одни догадки, а не справедливое уверение. И так положим, что флогистон одолжен бытием своим начальному огню и воздуху, или чему иному, только не земле стихийной. Теперь посмотрим, нельзя ли найти вероятных причин, от распускания его, в воздухе происходящей теплотой или жару? Ежедневные опыты показывают, что трением одна о другую двух сухих палочек можно добыть огонь и топлением печей нагреть холодные покои. Какую же связь сие действие имеет с теплотой? Если сказать, что она не чем иным быть не может, как только с флогистонном, разведенным в воздушной сфере, то сие мнение кажется большую будет заслуживать вероятность, нежели другие догадки, приписанные

каким бы ни было сторонним причинам. И в самом деле, огонь почитают началом вкуса, почему же и теплоту не назвать свойством запаха? Опустите в стакан воды кусок соли или сахара и когда тот или другой совершенно распустится, вы почувствуете в воде вкус отличный от природного; равным образом прикажите внести в холодные покои горячих угольев, тогда и увидите, что скрывающийся в оных флогистон разойдется подобно сахару, чем и произведет в воздухе теплоту, довольно чувствительную с бывшим холодом. Сверх того, едкость вкуса зависит от количества соли или сахара, и чувствительность теплоты ослабевает по мере того, чем количество угольев не соответствует нагреваемому пространству. Нужно только изъяснить какие причины действуют на распушение флогистона. Сии причины находятся единственно в движении. Мы видели, что две сухие палочки дают нам огонь от трения, так же знаем, что и в нагреваемой воде волнение умножается по мере того, чем больше подкладывают под нее жару, и наконец, можно принудить оную со всеми разлететься, есть ли только последний увеличить. К тому же всем известно, с какой ужасной силой свирепствует пламень, производимый на сильном ветре; на против того оный потухает, когда окружающий воздух покоится на лоне тишины. Из этого следует, что движение потрясает огненные элементы, сии истершись между собой испускают запах, запах съедает и прочие в атмосфере рассеянные стихии, а наконец все сие вместе производит теплоту, действующую на наши чувства. Здесь я воображаю, что от подобного же движения распускается флогистон, производящий теплоту и на всей земной поверхности. Теперь уже не те времена, что бы уверять вместе с Невтоном, будто она истекает прямо из Солнца. Все наблюдения, вопреки его умозрений, ясно доказывают справедливость противного. На примере — не говоря о предложенных выше возражениях Г. Эйлера*. Де ла Гир, сын собирал лунные лучи в пространство 366 крат меньшее против обыкновенного сияния, но и тут не мог применить перемены на термометре Г. Аммонтона³⁷⁸. Следовательно, если бы на Луну истекала теплота из самого Солнца, то при всей малости своей, могла бы показать, на термометре довольно приметную чувствительность. Впрочем, хотя бы и нашли средство извлекать теплоту из лунного сияния, однако тем не оправдали бы во всех частях Невтоном предложенной системы истечения.

---

* См. Часть 3..

Многие причины убеждают нас верить, что видимые на земле свет и теплота, по естеству своему, подобны цвету и запаху стихийного огня, разливающегося на солнечной поверхности. Сие лучезарное светило суточным обращением своим привело в движение огненные элементы, рассеянных в эфирных полостях, чем и произвело в них способность светить и назревать или говоря иначе, испускать запах, запах, едкостью соответственный силе движения и малому их количеству. Планеты же обращенные к Солнцу сторонами, конечною атмосфер своих, перенимая освещение на свои огненного свойства элементы*, сообщают его и на саму поверхность, с умножением густоты думаю в обратном содержании квадратов расстояния. Таким образом рассеянные под поверхностью Земли огненные элементы, обобщенным от Солнца колебанием пришедши в сильное движение**, пожирают воздушные и прочих стихий в атмосфере находящиеся частицы, чем и делают воздух горячим. Известно же, с какою жадностью растения питают себя горючим воздухом, по чему нет причины и дивиться чрезвычайному плодородию их в знойном климате.

Но как движение бывает не везде одинаково, так и чувствительность теплоты изменяется вместе с переменою оною. Например, сильнейшее потрясение стихии или, говоря справедливее, струя колебания на экваторе земли должна быть самая быстрая: поелику здесь пробегает она сквозь атмосферу по прямой линии и упавая на поверхность, отражением оной, возвращается опять по тому же самому направлению; далее от сего предела косым течением своим производит угол, высотой соразмерный тому, чем ближе подвигается к полюсам; у последних же, пробегая в параллель с поверхностью, и волнение атмосферы делает почти нечувствительным. Равным образом и теплота на Земном шаре между

---

* Я думаю, что сии светящиеся элементы, блистающие под черным бесцветным мраком эфирных полостей, произвели из синя-голубой цвет неба, какой усматриваем с высочайших гор земного шара. Оный цвет превращается в лазоревый по мере схождения в долины, ибо притяжением земли у поверхности сгущенный воздух содержит в себе большее количество огня, следственно более и освещается оным, а по мере умножения света умножается и теплота, какую чувствуем в низких долинах. К тому же с поверхности мы смотрим на небо сквозь целый слой в атмосфере светящихся элементов, а с высоких гор только сквозь некоторую часть оною. Почему и не удивительно в последнем положении видеть небо не столь ясного цвета.

** Для избежания повторов здесь опущены причины, которые производят колебания, но они ясно истолкованы в 3 части.

тропиками бывает самая жаркая, умеренная на пространстве между сими и полярными кругами, и едва приметная у полюсов. Не нужно вносить на сие доказательства, разве из одного любопытства, представить здесь влияние климата на телосложение и цвет народов. Оный цвет (исключая выродки племен человеческих, возвышение земель, род жизни и пищу) под знойным климатом, каков на примере сенегальской, делает людей черными; под теплыми, в числе которых должно полагать матерую землю Старого света и большую часть островов, лежащих между тропиками или поворотными кругами, жители имеют на теле кожу оливкового цвета; а в умеренных поясах изжелто-белого, какова, например, большая часть людей, населяющих Европу и всю Северную Азию.

Что же принадлежит до телосложения, то и в сем итальянская чувствительность, с сибирским равнодушием; горячая кровь негров, мавров, отаитян и прочих, в жарком климате расплодившихся народов, с холодною чукчей, самоедов, эксимцов и тому подобных делает довольно приметную противоположность. Девицы первых способны бывают к деторождению на 8 и 9 год, а что ещё удивительнее, редкие из них запомнят время, когда лишились своего девства; на против того женский пол у последних, не говоря о причине целомудрия, не ранее может понести плод, как на 12 летнем возрасте. И так заключим, что известная на Земном шаре теплота, на подобие запаха выходит из собственного огня, или флогистона, разведенного в атмосферу сообщенным от Солнца колебанием, которое было изъяснено, как и давече замечено, в 9 главе предыдущей части. Теперь перенесемся мысленно на другие планеты и посмотрим, какая может быть отличность в теплоте, по естеству своему подобной выше описанной.

*Глава пятая на десять. О свойствах теплоты
на других планетах*

Я очень жалею, что второпях чрезвычайно дурно написал последнюю главу первой части, которая по важности содержимом в себе материи стояла бы гораздо лучшего пера, нежели каково было тогда очиненное. Но что делать! Испорченного поправить нельзя, осталось только прибавить некоторую часть к всеобщему начертанию предлагаемых мною законов. И так мы видели, или по крайней мере должны бы видеть из сказанной главы, что притяжение планет, действуя на окружающий воздух, произвело известные атмосферы; и что высота оных атмосфер должна соответствовать количеству вещества, находя-

щегося в планете, и расстоянию от Солнца, следовательно каждая из плавающих в эфирной полости планет должна понижать атмосферу свою по мере приближения к Солнцу, и напротив, возвышать оную вместе с отступлением от сего светила. Таким образом, если и комета удалится от Солнца на 100 расстояний, подобных первому, то и атмосфера её поднимется во 100 раз больше против перпендикулярной высоты, бывшей в перигелии. Сии возвышения и понижения атмосферы без сомнения соблюдают равнoсилie света на кометах; ибо в перигелии оных силу солнечного освещения ослабляют стеснением пространства своего; в афелии же от рассеяния света происшедшую слабость награждают расширением оногo. Человек, переходя из темного в освещенное место, сжимает зеницу глаза своего по мере умножения света. На против того, расширяет оную, если возвращается опять в темное место. Равным образом и кометы, подходя к Солнцу, стесняют атмосферы свои, по мере приближения к оному* и напротив, расширяют их, когда удаляются от сего светила. Например, из той же главы было видно, что атмосфера земная, в настоящем положении планеты, должна быть около 100 верст вышиной. Есть ли же Землю мысленно перенести на место Меркурия, то атмосфера её опуститься на вышину 38 верст 3 четверти — понижение, равное приближению, напротив того, на пределе урановом возвысится до 1862 верст. А как известно, по законам отражения эфира в обратном содержании квадратов, что в солнечной окрестности рассеянный свет должен ослабевать только на прямое расстояние от Солнца, следовательно в последнем положении Земли надобно быть ему не в 2304 раза, как уверял Невтон**, а

---

* Здесь непременно сделают возражение, что кометы в приближении к Солнцу не только не стесняют, но даже чрезвычайно распространяют свои атмосферы, в чем уверяют нас ужасные хвосты за ними. Склонение на меня сего упрека кажется имеет довольно основательную справедливость, особливо если подтвердить именем Невтона, но должно бы рассмотреть, согласно ли будет такое возражение с видимыми законами природы, и не находится ли распространению хвостов таких причин, которые никаких связи не имеют с атмосферами. Следующая глава покажет нам сие доказательство.

** Удивительно, что Невтон, открывши законы притяжения в обратном содержании квадратов и после делал исчисления, которые требовали подобного приёма, в прямом содержании оных! Например, известно, что Уран стоит от Солнца в 48 раз дальше, нежели Меркурий. Обратный квадрат 48 содержит в себе без малого 7, следовательно эфир, а вместе с ним и свет, на пути Урана должен быть слабее только в 48, а не в 2304 раза, как брал Невтон на квадрат прямого расстояния.

только в 48 раз слабее, нежели на пути Меркурия: но и сей недостаток освещения заменяется распространением атмосферы, а теплоты, по законам падения тел, скоростью переиженных расстояний.

* * *

Мы видим из этих законов (открытием которых одолжены по уму и несчастьям бессмертному Галилею) что все тела, при падении своем, умножают скорость в обратном содержании квадратов переиженного расстояния. Таким образом и луч, есть ли на меркуриевом месте успеть перебежать сквозь атмосферу земную в 7 времен — то есть в первое 395, а в последнее в 13 раз большее или в 5135 сажень, то сей же самый луч на пределе Урана, для падения своего на поверхность, должен употребить уже 49 времен, и в последнее время, вместо 13 расстояний, пробежать 97 или 38315 сажень. Из сего явствует, что падение луча совершится в обратном содержании квадратов переиженного расстояния, поелику он с вышины в 49 раз большей умножил скорость падения только в 7 раз. Есть ли же, как показано выше, освещение ослабевает только на прямое расстояние от Солнца, то в замену сего и луч должен умножить теплоту свою в подобном же содержании и при падении в 7 раз скорейшем, действовать на потрясение элементов в 49 раз более. Впрочем, изъяснения сего не должно понимать в совершенном смысле. Может быть в ближайшем расстоянии от Солнца теплота сильнее нагревает планеты, нежели в отдаленном, только не более, как произведя едва чувствительную перемену в климате, и надобно думать, гораздо меньше той, от которой наклоением оси в тень земли производится у нас зима и лето. А что ныне большая часть из ученых полагают совсем непонятные теплоту и стужу, мрак и свет на кометах, происшедшие будто бы от перемены расстояний, то по самой справедливости можно заключить, что мнению их должно относиться к общему собранию тех заблуждений, которые по наследству остались нам в удел от прошлого века. Не говоря о том, что сия странность их умозрений явно противоречит видимому совершенству природы, истинно здравых понятий и чистоты разборчивого вкуса. Мы видим из предложенных здесь исчислений — которые ни чем не хуже оставленных Невтоном, что планеты или кометы, в каком бы ни находились расстоя-

нии, но везде будут перенимать солнечного освещения и теплоты, есть ли не в равном количестве, то по крайней мере ни больше, ни меньше того, сколько им нужно для продовольствия цветущей природы. Следовательно Меркурию не нужно застилать Солнце, для соблюдения глаз своим пигмеям. Урану не надобны фонари, что бы осветить плутающих в темноте своих жителей и наконец в 1680 году явившейся комете не для чего зеленую поверхность свою у Солнца превращать в клочущий океан кипящей лавы. В удалении же от сего светила, скитаясь в ужасной темноте эфирных полостей, подвергать себя такой жестокой стуже, которая по свирепству своему будет почти несноснее своего жара. Но в чем же будет состоять в теплоте между семи телами существенная отличительность? Единообразия природы не может быть совместно с мудростью её виновника. К тому же мы видим на Земле, что нет двух существ, даже двух дней, во всех отношениях, один другому совершенно подобных, и повсечасное изменение неба, беспрестанно переменяющее картины свои, не ясно ли доказывает, что природа в произведении существ поставила себе непременно долгом показывать все новости? То неужели сия природа, наблюдая везде разнообразие, в произведении одной теплоты отступит от предложенного себе плана. Я беру себе смелость в отношении к сему предмету, предложить некоторую часть из моих мыслей.

* * *

Мы видели из той же 4-ой главы первой части, что человек не может упасть с планеты, так, как притягивается к ней всем диаметром её, а здесь прибавим, чем больше диаметр, тем сильнее привлекает тела, лежащие на концах своих. Напротив того, слабее, естли сам короче сравнительного. Таким образом, взвешенный нами на Луне человек будет легче и естли состава планет не брать в рассуждение, думаю потянет только 50 фунтов, а на Юпитере не только сказанный человек, но и все земные произведения делаются гораздо уже тяжелее, так, что легчайшее из наших деревьев получило бы там тяжесть самого плотного на земле оставшегося металла. Судя по этому все тела на лунной поверхности должны быть несколько слабы и легки, напротив того тяжелы и плотны на юпитеровой, в чем и самые горы на первой, кажется, довольно нас уверяют, ибо они, при одинаковой

причине происхождения, поднялись против земных более, нежели вдвое, то же самое можно сказать о теплоте и свете. Как сей, так и другая должны быть очень чувствительны на больших планетах, умерены на средних и несколько слабы на таких, каковы на примере малые кометы и спутники. От сего и выходит, что Юпитер, не смотря на отдаленность свою, по изобилию собственного огня и чрезвычайному распространению атмосферы, светится довольно ясно. Напротив того, малые кометы, хотя и близко подходят к Солнцу, при всем том кажутся нам очень бледными: чему, конечно, причиною недостаток вещества, в котором и огненной стихии не может содержаться больше, как только в соразмерности с прочими вещества элементами.

Теперь посмотрим на изменение сил, данных телам притяжением. На пример, естли бы мы имели в себе существенную силу, а не производную действующую на нас планетами, то на Луне могли бы играть телами как сильные исполины. Напротив того, на Юпитере, той же силой, едва ли были бы в состоянии подобно дряхлым старикам волочить по земле свои ноги. Так же плотнейший из наших металлов не трудно бы на последнем растопить очень посредственным жаром, на первой не нашли бы и средства ее огню над металлом с Юпитера оказать свое действие. Но сего-то и нет в природе! У ней все страдательные тела получают в себе способность по влиянию действующих. Таким образом, перенесенный на Луну человек делается столь же слаб и бессилен как и природный ее житель, а на Юпитере хотя бы изнеженный сабарит с Луны перенесен был, но и сей способен будет играть геркулесовой булавой. Равным образом все тела юпитеровой поверхности на Луне столь же легко могут сжигаться, как и произведения сей планеты, для разрушения своего, преданные огню Юпитера.

Вот в чем состоит между телами солнечного мира существенная отличительность! Из нее должно заключить, что все планеты составлены из одной материи, только она производит на них свет и теплоту, соответственную своему количеству. То же самое можно сказать и о других планетах, красующихся в прочих звездных областях. Правда, мы их не видим, но единственная причина происхождений не позволяет нам отвергать существа сих миров, воссылающих равно и жертву благодарности, и вопли злополучия к виновнику бытия своего.

Глава шестая на десять. О причине хвостов за кометами

Распространение хвостов за кометами, я думаю, происходит от следующей причины: кометы, подходя к Солнцу, умножением скорости течения своего, рассекая воздух, волнуют его подобно водяной струи за плывущим телом, от сего действия рассеянные в нем тончайшие элементы, пришедшие в сильное трепетание, представляют блестящую струю наподобие хвоста за кометой. Когда же оные кометы, по переходе перигелия, начинают уменьшать скорость течения своего, тогда и воздух, приводя себя к бывшему спокойствию, останавливает трепетание элементов, чем и показывает нам, будто бы кометы в отдалении теряют хвосты свои. Кажется, что сомнение здесь места иметь не может, и что следствия ясно доказывают справедливость сего положения. Например, никто, думаю, спорить не будет, что в колебании эфира, содержащего в себе прочего вещества, трепетание малейших элементов должно производиться сильнейшему освещению. Равно и того опровергать нельзя, что в перигелии эфир имеет довольно чувствительную плотность, ибо он тяготее к Солнцу с силой, обратной содержанию квадратов расстояния, как и все тела повинуются единственно сему закону.

Известно же, по крайней мере так уверяют, что комета, явившаяся в 1680 году, подходила к Солнцу в 163 раза ближе, нежели Земля, то есть в перигелии находилась от одного только на 889570 верст расстояния. Следовательно, хотя бы и два биллона верст положить до междузвездного предела равновесия, то и при сем положении, сказанная комета проходила мимо Солнца на расстоянии в 2,490084 ближайшем против того, которое оставалось между ней и пределом солнечного притяжения: обратный квадрат сих почти в 2 с половиной миллионов содержит в себе 1578. Судя по этому густота эфира, исчисляя оную квадратом притяжения, то есть прямым расстоянием, в перигелии должна умножится без малого на 2 с половиной миллиона крат, против жидкости, существующей на пределе равновесия. Итак, настоящая жидкость эфира нам хотя и неизвестна, однако и сравнительная показывает, что густота одного у Солнца может течению кометы причинить не малое затруднение и что колебанием рассеянных в нем стихий, нетрудно представить блестящий хвост за кометой. Теперь есть-

ли рассматривать оные хвосты, то увидим новые доказательства, которые ясно подтвердят справедливость моего изъяснения. Примечено, что хвосты делаются только в такое время, когда кометы близко подходят к Солнцу, следственно когда умножают скорость течения своего, и что длина хвостов распространяется вместе с приближением комет в перигелию. Таким образом, часто упоминаемая комета, подошедши почти к самому Солнцу, влекла за собой наиблестящий из всех хвостов, какие когда бывали, длиною 100 градусов. Сие не удивительно. Она ближе всех известных комет подходила к Солнцу и надобно думать, что в перигелии, по закону временам соразмерных площадей, чрезвычайно ускорила течение свое, чем произвела столь необычайное явление. Напротив того, в 1584 году явившаяся комета, за которой хвоста не примечено, в перигелии отстояла от Солнца далее нежели Земля, почему не могла иметь столь чувствительного движения, которое в состоянии бы было положить блестящие следы за ней: впрочем и величина комет немало способствует изменению сих явлений. Ревущая пена, извиваясь под кормой военного корабля, начерчивает на пути его гораздо глубочайшие знаки помещенного воды спокойствия, нежели тонка струя, проведенная течением рыбацкой лодки. То же самое можно сказать и о кометах. Малые из них и в эфире не столь найдут препятствия пути своему, как те, которых природа одарила патагонскою величиной. От сего и вышло, что одна небольшая в 1593 году явившаяся комета, хотя и ближе Земли подходила к Солнцу, однако несмотря на то хвост за нею простирался не долее 4 градусов и свет ее был не яснее звезд третьего класса.

Теперь может быть спросят для чего же и планеты не производят подобных явлений? Я отвечаю, что сии последние обходят Солнце завсегда почти в одинаковом расстоянии, и хотя имеют небольшие эксцентритеты, но в сравнении с кометными оные почти нечувствительны. Следовательно, планеты плавают по эфиру, равного с собой тяготения, как гишпанские галионы из Акапулько, по течению Тихого океана, плывущие в Манилу за восточно-индийскими товарами, а кометы, стремительным погружением себя в оный эфир, производят блестящую струю за собой: впрочем я почту себе за честь благодарить того, кто покажет на сие справедливейшие причины.

Заключение

Сим заканчивается первый том издаваемого Начертания. По предвещанию я обещал изобразить в оном видимый звездный мир или Вселенную. Не знаю, выполнил ли или нет свое обещание, впрочем, мне не нужно было говорить, что на нашей земле находится например до 2-х тысяч видов животных и более, нежели до 25 видов прозябений или показывать, что верблюд более дикой лошади, а слон и обоих в величине превосходит. Во-первых, что сии подробности не принадлежат к плану моего начертания, в котором приличнее было говорить о том, что лунный слон не больше земной лошади, курицы на Юпитере не меньше африканских страусов, нежели описывать, что такое-то животное называется кошкой или собакой. Во-вторых, что они каждому из читателей, может быть, не меньше моего известны. Мой долг был представить Вселенную в таком виде, который бы соответствовал есть ли не во всех частях, то по крайней мере, в большем числе оных с теми законами происхождений, которые в следующих томах предлагать намерен и сей самый долг принудил меня оставить все те пылкие восторги, которые могли бы родиться при описании столь важного предмета, каков есть предмет Вселенная.

Правда, я и в ученых материях не редко противоречил известным ныне понятиям. Например, не говоря о теплоте и свете- вместо Невтоном воображаемой пустоты, я старался везде, где есть пространство, водворить тончайший эфир, повинующийся законам притягательной силы, от чего и вышли между звездами пределы равновесия. Так же при описании Солнца, мне хотелось придать оному такой вид, который не возмущал бы нашего воображения и сей вид, мне кажется, довольно изъясняет причины усмотренных на нем изменений. Напротив того, в понятии моих предшественников ничего на нем не предполагалось, кроме ужасного свирепства все поедающего пламени. По мнению их не только твердые громады тамошнего вещества, но даже и сами кометы, с прелестным украшением своих поверхностей, пожирались в солнечном огне, как в общем горнине всемирного сокрушения. В оправдание же моих положений я скажу только: когда они при всеобщем начертании важнейших тайн природы могут получить вид справедливости, то не лучше ли будет принять их, нежели блудить по стезе таких преданий, которых вероятность ни чем еще не доказана?

Итак, наконец, второй главы, замеченное пространство положим пространством Вселенной. В пятой главе, описание Солнца отнесем к описанию и прочих звезд, красующихся в эфирных полостях, шестая глава будет показывать естество планет, плавающих в пространстве каждой звездной системы. Третья и пятая на десять означат между всеми телами существенную отличительность. Прочие главы будут служить изъяснением всеобщих подробностей, а третья часть памятником заблуждений. Теперь приступим к рассмотрению тех законов, которые по мановению всеильного Творца из вечности произвели время, пространство из всеместности, а ничтожную малость первобытных начал преобразили в описанную нами вселенную.

Конец

От сочинителя

Лестные отзывы некоторых ученостью и просвещением знаменитых особ, хотя и побуждали меня поспешить изданием второго тома, но следующий случай едва было не уничтожил и первого. При сочинении первой части мне казалось вернее всего, что публика, естли не захочет наградить четырехлетнего времени, посвященного исследованию важнейших тайн природы, то по крайней мере обеспечит со стороны тех расходов, которые принужден я держать по случаю издания. В сей надежде получаю из типографии первую книжку, предлагаю публике услуги свои — проходит месяц спрашиваю книгопродавца об успехах сочинения: он отвечает «к сожалению подписались только 4 человека»... Представьте, какой удар для сочинителя, особливо есть ли он пожертвовал не только спокойствием своей жизни, но и теми лестными видами счастья, которые без благосклонности публики делали его благополучным! Я не знаю, для чего прежде не хотел и подумать..., но ах! надлежало бы вспомнить с самого начала, что бессмертный Декарт при всей отличительности дарований, принужден был прах жизни своей оставить на земле иноплеменных.

Итак, желая исправить первую ошибку, решился переменить план и вместо обещанных 16 полных частей выдать только сокращенных 12, впрочем, предлагая в них ту же самую материю, которая назначена была для 4 томов. Сим намерением хотелось мне придать большую силу выражению и сверх того, сократив время издания, услужить не-

терпеливости любопытных. В первом может быть успею, в рассуждении же последнего мечтательная надежда видно опять меня обманула. Сии беспрестанные обманы заставили меня наделать множество непростительных слабостей. Я вообразил, что публика не расположена читать ученых сочинений, почему и вздумал помещать к плану начертания совсем не принадлежащие отрывки. Но усмотрев, что они по разъяснению мыслей ни к чему не годны, принужден был переправить их на скорую руку и выдать в особливой книжке^{*379}. Вот причины в первом томе встречающихся отрывков. Правда, есть и другие слабости, только в сих последних причиной единственно моя молодость: уверяют, что Невтон, будучи 24-х лет, нашел первую мысль всеобщего тяготения, однако издал «Начала» свои не прежде, как на 45-летней жизни. Счастье послужило мне не меньше важные причины движения планет и происхождения гор, открыть пятью годами ранее, а непреодолимая склонность к сочинению или чувство опасности — чтобы кто другой, предупредив меня в открытии, не произвел таких же споров, какие были у Лейбница с Невтоном — побудило не дожив 22 года выдать две первые части и написать третью. Нередко почтенные мужи, в преклонных летах, издавали превосходные сочинения под именем произведений своей молодости, но если бы они их не переправляли, то, конечно, не избежали бы подобных моим недостатков: впрочем, не в мелочи школьных понятий и не в правильном вздоре тупоумия надлежит искать превосходства талантов человеческих.

Итак, есть ли некоторые из моих выше предложенных мыслей — например, о причине движения планет, о физическом качестве Вселенной, о действии на поверхность Земли притягательной силы, о скорости перебегающего света и тому подобные могут заслужить признательность публики. Если сии мысли, хотя частью, возбудят ревность к усовершенствованию наук в нашем Отечестве, в таком случае я опять позволю себе надеяться, что следующий том будет обработан с лучшим успехом и, по новости содержащихся в себе открытий, заслужит гораздо большую благосклонность, нежели какова была участь первого.

15 июня 1799 г.

---

* Под названием «Картина просвещения россиян перед началом девятого на десять века. Отрывки и смесь».

ВТОРОЙ ТОМ НАЧЕРТАНИЯ

Часть первая. Рассуждение о качестве первобытных элементов

Прочитавши со вниманием вторую и третью главу первого тома начертания, нетрудно будет узнать неизмеримой величины пространство, занимаемое небесной твердью. Внутри оно миллионы лучезарных звезд и солнцев, суточным обращением своим разгоняющих бесцветный мрак эфирных полостей. В окрестностях звезд миллиарды тенистых обитателей, изукрашенных произведениями цветущей природы и населенных умными творениями. Не нужно повторять из прочих глав, что такое лучезарные звезды или солнцы и тенистые обитатели, осталось только спросить: из чего же произошли они? Вот вопрос, решение которого занимает земнородных почти от самого рождения! Он сам по себе не так-то труден, чтобы не находил ответа, только разум наш, плутая в лабиринте чаяния и ложных уверений, не всегда открывает стезю истины.

Мы видим пред собой довольно таких предметов, которые в существе своем содержат начала физических происхождений, почему и напоминают нам вывести следствия, или яснее дойти до первобытного свойства той материи, из которой, по изречению Всесильной премудрости, возникла видимая преграда прелестного творения.

Например в царстве прозябаний, между прочим усматриваем самую тонкую плесень, которая сквозь микроскопы кажется нам кустарниками и деревцами. Сии деревца столь малы и тонки, что одною песчинкой не трудно повалить их целые рощи; они возникая из семян, растут, матереют, приносят плоды и всего в течении нескольких часов, составляющих время их крошечной жизни. Остается судить читателю, сколь ничтожной малости должны быть начала или элементы для сока оных деревьев? К тому же сии элементы, как известно, по одиночке не составляют чувствами понимаемого образа или вида, но из смешения многих тысяч самих себя приготавливают влажность, способную питать семена сказанной плесени. Также, обозревая различные классы насекомых, находим между ними мошку, одаренную глазами, крыльями и всеми членами, приличными живым творениям. Положим, что образование этих существ, в сравнении с настоящими животными, будет несколько грубо; при всем при том для произведе-

ния столь крошечного глаза, каков бывает у мошки, и который изображал бы в величине, соответственной малости своей, перспективу внешних предметов, без сомнения потребны элементы непонятной мелкости. Что же теперь сказать о наблюдениях Левенгука³⁸⁰, который уверял, будто бы в петушьем семени приметил животных столь малого вида, что для занятия пространства величиною в одну песчинку, потребно их до 50 тысяч? Я не говорю здесь о чрезвычайной растяжимости золота, которое малостью начал своих едва ли не превосходит степень и самых отвлеченных понятий человеческих*.

Сии примеры подают нам довольно справедливое понятие о мелкости первобытных элементов, понятие при котором и самые пылинки представляются огромными телами: да и что может быть меньше, как не планеты, произошедшие в ужасном пространстве небесного свода?

* * *

Известно, что они в нашей системе и со спутниками взятые вместе, по огромности своей, составляют вещества только одну 560-ую часть против Солнца. Но хотя бы вещество их с кометами положить и в четверо более оного, сверх того для плотности, например, подобно дикому камню — на каждую кубическую версту вещества прибавить по две тысячи таких же верст эфирного пространства, что бы она в легкости соответствовала земной атмосфере, то и в последнем положении вещество всех, ныне крутящихся миров не более займет места, как только куб. верст не с большим 10 тысяч триллионов. Вот пространство, в котором Солнце со всеми тенистыми мирами окрестности своей, следственно и с нашей Землей, распускается так, что не остается ни одной былинки, которая величиной могла бы равняться хотя с самой малейшей песчинкой! Здесь погребается великолепное убранство и других подсолнечных обитателей; исчезают в обширности и колоссальные края гранитных возвышений и необозримые хребты пучин океановых; разрушаются равно, как гордые чертоги, так и низкие хижины бременем несчастья угнетенного; увядают приятности, одушевляющие собой восхитительную жизнь любви и не-

---

* О естестве золота смотри начало и конец 13-ой главы первого тома. Сверх того уверяет Г. Мушенброк, будто бы один грамм сего металла можно раздробить на 13 миллионов частей.

порочности; беспечность младенца, мечты юности, суета зрелых лет и старости корыстолюбие, одним словом все, не только солнечный мир и род человеческий, но, увы, и самое побуждение, проникнувшее в неизъяснимые законы естества, превращается в прах и тлен серой пыли! Великий поэт³⁸¹, изображая бога в творений его, между прочим сими словами*, по видимому ничтожность естества довольно чувствовал. Однако же сей гроб солнечного мира столь тесен, что не вмещает в себя даже и 70-ой части куб. пространства, объятго Меркурьевым течением, не смотря на то, что сей ближе всех других планет лежит к Солнцу. Но как мы не полагали на планетах тяжестью сгущенного воздуха, то я и почитаю теперь приведенное в пример меркурьево пространство за равное распущенному веществу всего солнечного мира: что будет составлять 741 тысячу триллионов кубических верст. Есть ли же на квадрат помноженный диаметр Солнца, в котором только 1 биллион 827 тысяч миллионов верст, положить диаметром пространства солнечной системы**, то и сия сфера вещество плавающих в себе миров раздробит в пыль или, говоря понятнее, распустит в жидкость слишком в 4 биллиона крат легчайшую, в сравнении с густотой земной атмосферы.

Столь непостижимая малость первобытных элементов довольно оправдывает вышеприведенные примеры, и даже делает их в сравнении с собой очень грубыми, но мы и там заметили, что элементы материи поодиночке не составляют чувствами постигаемого образа или вида, поелику сей есть уже следствие происхождения. А что мы говорим здесь об одной солнечной системе, то же самое должно отнести и ко всем звездным, по тому, что в их полостях находятся не меньшие пространства. Итак, нужно ли писать еще о ясности сего предмета? Я думаю и без того можно приметить неосновательность одного воображительного уверения, по которому мечтали, что плане-

---

* вот они:

Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от Тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под Тобой.

** Взятое здесь пространство так мало, что до каждого междузвездного предела по меньшей смете, которую представил Гугений, будет в трое дальше, а по новейшим выкладкам нынешних звездословов без малого в 30 раз.

ты будто бы из каких-то масс образованы. Конечно сии планеты на взгляд кажутся нам чрезвычайно огромными телами, но только стоит рассмотреть пространство, где хранилось вещество их, тогда вместо разбросанных громад найдем элементы непостижимой мелкости. К тому же мы увидим из третьей главы «историй происхождений», что планеты получили величину, соразмерную случившимся пространствам, следовательно, естли бы сказанные глыбы были запасным веществом творения, то никогда не нашлось бы столь разительного сходства между находящимся пространством и планетной величиной: впрочем кто вздумает говорить, что взятое мною пространство слишком велико, для того довольно будет вещество солнечного мира представить распущенным в сфере хотя Уранова течения, которая содержит в себе пространства 82 тысячи квадриллионов куб. верст, потом пригласить, не угодно ли ему из сего раствора делать планеты? И я уверяю, естли он позволит мне иметь честь сию, что ему нечего будет захватить в свои руки.

* * *

Теперь осталось огласить предания древних. Первая книга Бытия научает нас разуметь происхождение Вселенной из ничего. Мифология первобытное естество называет Хаосом, из четырех стихий состоящим, а мы, хотя и не определили оное в точном смысле, но будем полагать его в тончайшем эфире и прочих, почти ничтожной малости, в оном рассеянных элементов. Таким образом, значение слов на взгляд кажутся противными одно другому, в самом же деле настоящий смысл оных никакой разницы не составляет. Почти искони века вошло в обыкновение воздух называть пустым, ничего в себе не содержащим, а столь тонкий эфир, который биллионами сего легче, посудите — нужно ли было Моисею назвать материей? Равным образом и в мифологии под именем Хаоса разумелась безобразная смесь, а вещество и вид называли следствием происхождений: и может ли что быть безобразнее первобытных элементов, когда произведение одной песчинки, показывающей чувствами постигаемый образ, потребно их до несколько миллионов?

Наконец и последнее мнение основательно. Г. Бургав³⁸² смотрел на атмосферу, как на вместилище трех царств природы, рассеянных в мелких частицах, а мы те же самые частицы видели и в эфи-

ре, только в несравненно меньшем количестве. О существовании же эфира, ни какое сомнение места иметь не может: довольно сказать, что сквозь совершенную пустоту ни тяжесть, ни свет не имели бы сообщения между планетами. А что бессмертный Невтон силился водворить последнюю, то сие противоречило тем самым законам, которых был он изобретателем. К тому же мы видели из 9 главы первого тома, что физическая причина движения планет Невтону была неизвестна, в чем он и сам признавался, следственно, для произвольной силы оного движения, уничтожать материю в пространстве было бы не только несправедливо, но даже и не совместно с беспристрастием истинных естествоиспытателей. Из сего явствует, что Моисеем оставленные начала справедливы, воображая прежде бывшую естества ничтожность. Мифологии основательны, в рассуждении безобразия элементов и наше мнение от истины не отступает, ибо как с видимым пространством, так и со всеми преданиями древних согласно. И так естество видимой нами Вселенной, пред началом происхождения, состояло из тончайшего эфира и прочих, почти ничтожной малости, в оном рассеянных, элементов. Оно совсем не применимо и никакие силы уничтожить или раздробить его не могут. Известное же на Земле разрушение тел есть ничто иное, как только изменение телесных видов. Так, например, что в прошлом лет входило в состав человека, то в настоящем смертью оного превращается в соки деревьев, а в будущем нельзя отвергать, чтобы не явилось в новом и может быть прелестнейшем виде. Не нужно напоминать, что оное естество проницаемости в себе не имело, ибо предположением оной уничтожаем действие тяжести, а что еще более, уничтожаем Вселенную. И в самом деле, судя по соображению естественных законов, притягательная сила не может действовать на проницаемые элементы и каждый раз, не возмущая их спокойствия, или равно местного положения, стала бы проходить оные. Но положим, что она хотя бы и соединила сии элементы, но естели они будут проницаемы, в таком случае пространства, там нет и ничего такого, что имело бы в себе протяжение.

Правда, были философы, которые не отвергая в веществе непроницаемости, но под другим выражением старались допустить нечто подобное: я говорю здесь о монадах Г. Лейбница. Сей почтенный муж воображал, будто бы первоначальные единицы вещества не имели в себе протяжения. Долг справедливости не позволяет нам углубляться в раздробление тел далее того, до чего делятся оные су-

щественным пространством, как показано выше, разделяет вещество на чрезвычайно мелкие части, однако тем не может превратить оно в совершенную ничтожность. Например, есть ли одна монада не имеет протяжения, то и целые миллионы вместе одного не составят, следственно в таком предположении не нашлось бы во Вселенной не только одной звезды или планеты, но даже и насекомого, которое могло бы занять пространство, соразмерное взятому вместе количеству частей своих.

Итак заключим, что протяжение, непроницаемость и почти ничтожная малость суть три начальных свойства вещественных элементов. Да сверх того надобно присовокупить к оным еще одно качество, которое в безмолвии древнего мрака было причиной вечного спокойствия. Сие качество есть противодействующая сила притягательной. Последняя стремится к произведению жизни, а первая, беспрестанным напряжением сил своих, старается уничтожить оную: мы не можем дать о ней лучшего понятия, как представив здесь будущую судьбу уничтожения Вселенной.

Например, когда свершится целая жизнь природы и человека и нужно будет новое преображение, чтобы избранные чада Земли, смертью своей переселились в обитель вечного бессмертия, тогда всевышнему промыслу не больше надобно будет сделать, как только всесильным изречением своим, отнять у естества силу притяжения, чем возвратит бывший покой природе. Вследствие сего определения, все единицы вещества поспешили бы расстановить себя на первобытную равно местность. Эфир, освободившись от ига планетного притяжения, устремился бы к междузвездным пределам и везде привел бы себя в равную жидкость. Прочее вещество планет и солнцев, лишаясь притягательной силы, которая ныне не допускает ему рассыпаться, начало бы расходиться в окрестности находящегося пространства и таким образом, разъединяясь больше и больше, наконец, каждый элемент расположился бы стоять поодиночке. Так и самые постояннейшие металлы, не смотря на удивительную твердость, распускаются в приготовленных жидкостях, не оставляя по себе знаков бывшего образа. Для произведения сего в действо столь мало потребно времени, что солнечный день не успел бы склониться к вечеру, а вечер не застал бы и праха разрушенного звездного мира. Размышляющий же на развалинах вселенной гений вечности не мог бы заметить даже и места, где существовала уничтоженная твердь небесная!

История происхождений. Часть первая. От первобытного ничтожества до образования планетных поверхностей

Вначале сотвори Бог небо и землю. Земля же была невидима и неустроенна: и тьма верху бездны. Моисей³⁸³.

Глава первая. О времени и пространстве

Время есть начало противоположное вечности. Пространство суть частица, ничего не значащая во всеместности: в последнем родилась Вселенная, а первое показало счисление. Так, например, первое время всеильным Творцом определенное на происхождение Вселенной, произвело понятие о втором и третьем времени и далее, до несметного количества. Равным образом природой в первый раз обнятое пространство составило диаметр Вселенной, от которого и вышло понятие о бесчисленном множестве подобных диаметров, должных быть во всеместности.

Мы не можем вообразить ни безвременного спокойствия вечности, ни беспредельного пространства всеместности, не можем вообразить потому, что все понятия наши основаны на известном количестве. Человек сделает шаг и вместе с оным делает определение как перейденному расстоянию, так и времени, употребленному на переступление ноги своей. Таким образом, естли бы в бесконечность продолжилось его путешествие, то и понятия сего человека принуждены бы были затеряться в пространстве беспредельности.

Судя по этому, естли бы вздумали мерить всеместность, хотя бы диаметром Вселенной, но как сей имеет протяжение, а первая, в отношении к числам, подобна ничему не значащему нулю, почему и не найдем точки, на которой могли бы утвердить измерение. Тоже самое можно сказать и о вечности: родилось время — образовалась вселенная. Первое быстротой парения старается умножить понятие о продолжении бытия своего, последняя, во всеобщем согласии частей и беспрестанном изменении видов, обнаруживает непостижимую премудрость все создавшего. Но придет роковая минута, в которую время и природа, совершив определенное себе течение, возвратятся к бывшему ничтожеству, а вечность и тогда будет столь же далека от начала, как и в минуту происхождения.

Из сего следует, что время и пространство суть такие начала, которые в отношении к вечному безмолвию и беспредельной всеместности, ничего составить не могут. Подобная сему ничтожность открывается и в разуме человека, в сравнении с премудростью Творца природы. И как время подало нам понятие о вечности, пространство — о всеместности, таким же образом и премудрость изъясняется посредством разума. Чтобы не много занять места, мы постараемся изобразить оную короткими словами. Например:

Глава вторая. О разуме и премудрости

Человек, при всей отличности дарований, не больше имеет разума, как только подражать известному. Самые великие умы на земле могут послужить в этом неоспоримых доказательством. Все понятия их заключались в том, что одни (как, например, умы философов) открыли нам некоторые тайны природы, а другие (в числе которых полагаются славнейших историков и песнопевцев) представили сию природу в прелестном описании. Таким образом, Невтоны, Кеплеры и Монтески изъясняют нам причины видимых происхождений; Гомеры, Тациты, Бюффоны описывают картины жизни и природы, следственно те и другие вместе, подобно пространству и времени, имеют в себе разум одного подражания. Напротив того, всеильный Творец природы беспрестанно обнаруживает премудрость свою в новых произведениях.

Например, мы видим из Откровения, что население небес бессмертными существами, и после возбужденное в них понятие о свободе и зависимости суть действия его премудрости. Третье и при том не меньше мудрое исполнение его состояло в произведении природы. Неизвестно, сколь велико должно быть достоинство ангелов, ибо разум наш не воспаряет в горние чертоги бессмертия. Но в рассматривании творения последней воли, при каждом мысленном взоре, встречаем столь непостижимую премудрость, что не только сообразить все ее части, но даже и в общем смысле лишаемся надежды понять оную.

И в самом деле, какой ум, объемля Вселенную во всем ее разнообразии, может постигнуть те законы, которые произвели столь прекрасное творение? Какое согласие в частях! Какая соразмерность в целом! Нет ничего излишнего, нет ничего несовершенного. Все действует и все повинуетя без сопротивления. Каждая планета

владычествует над существами поверхности и сама не отказывается исполнять воли Солнца, и каждое солнце, оживотворяя все планеты движением своим и теплотой, имеет согласие с другими, подобными себе светилами.

Посмотрите на одну Землю, как на малейшую частицу целого творения, и подивитесь красотой ее. Вообразите, под лазурью чистого неба и под тенью разноцветных облаков, покоящийся огромный шар, освещенный лучезарным сиянием. На поверхности его представьте два обширных материка, четыре необозримых океана, более десяти морей и до несколько тысяч островов, разбросанных по водам как бы с некоторым пренебрежением. Потом, если вы вздумаете продолжать картину воображения своего, то не забудьте, что не только целые материки, но почти каждый остров или лоскуток земли снабжен всем нужным продовольствием. Например, везде вы увидите, то приятные долины, пересеченные по камушкам скачущими ручейками, то холмистые поля, покрытые зеленью цветущей природы. Там кудрявые рощи, громкоголосых пением птиц и множеством скрывающихся во внутренности своей животных, заманивающая везде царствующего человека гоняться за охотой, здесь зеркальные озера, изображающие в себе небесный свод во всем его великолепии, и высокие горы, на мягкой мураве покоящиеся стада пастушек геснеровых там, но здесь живописец бросает кисть и воображение поэта теряется в разнообразии.

Итак, когда мы, при всей проницательности ума своего и других способностях не можем описать одной планеты, то подумайте, сколь велика должна быть премудрость того, кто единой мыслью для всех планет сообразил согласную природу и единым изречением своим, открывая мрачное ядро все местности, позвал вещество к сооружению лепообразных чертогов смертного?... Но мы сделаем гораздо лучше, есть ли премудрость смогу, хотя бы частью, рассмотреть в следующей истории происхождений. И так:

Глава третья. О происхождении Вселенной вообще

Для начертания естественных законов происхождения Вселенной нет ничего справедливее, как представить здесь природой занимаемое пространство, состоящее, как и выше показано*, из тончайше-

---

* Смотри выше конец первого рассуждения.

го эфира и прочих, почти ничтожной малости, в оном рассеянных элементов. В сем представлении начальные частицы вещества займут собою равноместное положение, так что во всяком месте находящегося пространства, будет их равное количество. Но если в этом пространстве позволить действовать притягательной силе, то сия, возмущив спокойствие элементов, соберет их в тела различной величины, чем и произведет Вселенную.

Например, когда наступила решительная минута происхождению и когда во всех самонаименьших элементах вещества, определением притягательной силы, ощутилось друг к другу всеобщее тяготение, тогда они начали соединяться вместе и по естественной в себе непроницаемости, ложится один подле другого. Таким образом, из нескольких миллионов самих себя, составляя кубики, величиною может быть не более песчинки, стали сближаться друг между собой и чем более сливалось их вместе, тем сильнее из окружающего пространства, взаимным тяготением, привлекали к себе прочие кубы. Наконец вещество каждой части целого пространства, мало помалу собираясь к своему средоточию, соединилось в одно место. И тогда непроницаемость элементов заняла пространство, соразмерное количеству оных, а притягательная сила стеснила их в тело, протяжением равное во всех местах, то есть в шар.

Телесность или упругость эфира не допустила всему количеству рассеянных элементов слиться в общем средоточии Вселенной, но принудила каждой части вещества собраться в центре своего пространства, от чего и вышло бесчисленное множество тел разных названий. Таким образом, самые большие тела, известные ныне под названием звезд и солнцев, составились в средоточиях каждой системы, а планеты, спутники и кометы в пространстве звездных окрестностей.

* * *

Величина оных тел произошла в соразмерности случившемуся пространству и все планеты, составившиеся на средней плоскости сферической системы, сделались больше, нежели в полушариях, имеющих параллельные первой площади, следственно и кубические пространства, гораздо менее. Например, если целое пространство солнечной системы представить себе сферическим или шарообраз-

ным, выключая у пределов небольшие углы, которые в общем смысле ничего не составляют, солнечное пространство будет самое большое, ибо сие светило покоится в настоящем средоточии. Далее от сего центра стоят Юпитер, Сатурн и, наконец, Уран ближе всех пределам системы, следственно и кубические пространства их должны уменьшаться по мере приближения к окружности: известно же, что величина планет произошла точно в таком же порядке, как и пространства выше предложенные. Сие четыре планеты должно почестъ за первостатейные в нашей системе, как по величине их, так и по тому, что они лежат все почти на одной плоскости. Нижние же планеты, как-вы суть Меркурий, Венера, Земля, Марс и спутники, малы от того, что части вещества их, находясь поблизости Солнца и первоклассных планет, не могли иметь большого пространства. К тому же и расстояние между ними, в сравнении расстояний больших планет, очень невелики. Здесь я не могу удержаться, чтобы не поставить в параллель сравнительной величины нижних планет с величиною спутников сатурновых. Известно, что сии, начиная от планеты, выключая последнего, один другого больше, так же и солнечные спутники (я разумею нижние планеты), кроме одного Марса, имеют величину, подобную первым. Следовательно, как у Солнца, так и у Сатурна, по мере умножающегося пространства в их окрестностях и планеты составлялись величиной одна другой более.

* * *

Все оные тела произошли на одной средней плоскости сферического пространства, но как мы сказали, что элементы материи находились во всяком месте эфирных полостей. Почему и в полушариях составились тела, во всем подобные первым, только меньшей величины по недостатку вещества, происшедшего от уменьшения пространства в окружностях. Сии последние в течении хотя и повинуются тем же самым законам, которые планетам дали движение, однако мы нарекли их другим именем, то есть волосатыми звездами или кометами. Правда, они в перемене расстоянии имеют гораздо большую неправильность, нежели планеты, но сия неправильность есть непременно следствие первого их место составления.

Вообразите себе солнечное пространство, наполненное во всех местах одинаковым веществом, но различной величины телами. По-

том в суточном обращении Солнца предположите единственную причину движения и вы увидите, есть ли примете на себя долг рассуждать с истинным беспристрастием, что сила движения или (что все одно) обращение на экваторе Солнца будет равна притягательной, почему и планеты, происхождением своим поставленные на эту плоскость, начнут обходить Солнце по круговым линиям.

Напротив того, кометы, произошедшие выше и ниже сей плоскости, следственно и притяжения на себя имея большую силу, нежели обращения (ибо первое зависит от количества вещества, а последнее от скорости обращения солнечной поверхности, которая на параллельных кругах экватору уменьшается по мере возвышения к полюсам), принуждены будут воспринять течение по линиям, гораздо более продолговатым. Правда, и первые имеют малые эксцентрицитеты³⁸⁴ в расстоянии, следственно и в течении не большую неправильность, но сия неправильность произошла оттого, что они составились не на той самой линии, которая воображением протягивается к ним чрез площадь солнечного экватора, к тому же все переменяющиеся время и беспрестанное влияние междоусобного притяжения, в продолжение целых тысячелетий, разве не могло понемногу искосить путей планетных?

И так заключим что планеты, поставленные на плоскость солнечного экватора, потекли все в одну сторону, а кометы, произошедшие в полушариях сферической системы, и движение получили разнообразное. Таким образом, сии последние, из Северного полушария, потекли в противную сторону тех, которые составились в Южном. Вот причины от которых в сравнении с планетным, беспорядочное движение комет, по сие время скрывается во мрак неизвестности! Остается только подождать третьего тома, чтобы увидеть в подробности изъяснимым сие движение: между тем приступим к истории происхождения.

Глава четвертая. О расположении вещества в планетах

И так, когда кубики вещества собрались в общие средоточия, что бы из бесчисленных билионов частей составить целые планеты, величиною соразмерные случившимся пространствам, тогда притяжение расположило их в следующем порядке:

Земля, по большому действию на себя притягательной силы, заняла первое место, а прочие, не столь тяжелые стихии, наполнили

в ней только те скважинки, которых она, по грубости своей, занять не имела способности, чем и сделали ее плотной. Остальные кубики воды и воздуха землею вытеснялись на поверхность так же, как и песчинки падают на дно, и тем вытесняют воду из того места, где сами лежать располагаются. Таким образом, излишняя вода, не вошедшая в состав планеты по легкости своей, вся собралась на поверхности Земли и покрыла оную, как бы слоем, толщиной соответственным своему оставшемуся количеству*, а воздух, будучи легче воды, расположился лежать на поверхности оной и ступаясь на ней по законам притягательной силы, составил вокруг планет всем известные атмосферы. Что же принадлежит до огня, то сей, по чрезвычайной текучести и проницательности своей, разлился во всем составе, наэлектризовал оный и в последствии времени, сделался удивительным преобразителем планеты как внутри, так и на поверхности оной. Надобно занять целые тома, есть ли описывать сию стихию, во всех ее изменениях, для того мы покажем здесь только все общие явления.

Известно, что огонь посредством воздуха производит жар. Вошедши в воду, делает ее текучей, а земле придает удивительную плотность и тяжесть, какова, например, приметна на золоте. Сверх того он, растворяя заключенный в земных телах воздух, принуждает его с ужасным стремлением вылетать на поверхность, отчего нередко случаются провалы, а инде выходят из земли новые холмы. О существовании же огня в животных и произведений в них различных воспалений, также и флогистона, из атмосферы земной входящего в состав растений, здесь, как о частных предметах и говорить не для чего.

Итак мы видим, что планеты образовали существо свое тремя всеобщими слоями. Первый слой или настоящее ядро составлено из твердого вещества, в сцеплении своем содержащего все роды элементов. Второй слой и при том самый меньший, состоит из млечной стихии, при образовании поверхностей собранной от возвышения материков, в произошедшие углубления, которые от нас получили название морей и океанов. Наконец, последний слой произведен из упругого эфира, известного ныне под именем воздушной атмосферы. Сии три слоя, в совершенном согласии с моим начертанием находятся в общем составе

---

* Естли на земной поверхности сравнять начисто все поднявшиеся материки, то собранные в окиянах воды покроют сию планету во всех местах, по словам де Бюффона, на 600 фунтов.

нашей планеты, а сверху того и в самых малейших произведениях ее можно приметить нечто подобное. Например, не говоря о чрезвычайном множестве растений, имеющих сердце и стебель, покрытые корой. Не видим ли мы в яйце или орехе мягковатого ядра, скорлупы и между тем и другой питательной влажности, с той только отличностью, что влажность яйца или кокоса ограждена бывает тонкой перепонкой, а целость планет поддерживается всеобщим притяжением*, которое не допускает ни воде подняться кверху, ни атмосфере, упругостью своей, разойтись в междузвездные полости. Теперь, если бы рассматривать слой в подробности, то увидим, особливо в настоящем ядре планеты, множество новых слоев или перекладок, и чем далее будем углубляться во внутренность, тем менее в стихиях найдем смещение. Таким образом, приметим там слои и жилы, состоящие из вещества постоянного, какое находится в совершенных металлах, песках, гранитах и прочих камнях, известных под именем драгоценнейших. Напротив того, в слоях, лежащих ближе к поверхности, увидим вещество более разнородное, каково например глинистое, известковое и тому подобное, в котором содержится и воды не малое количество. Сие и неудивительно. Предлагаемые здесь законы образования планет показывают довольно ясно, что вода, тяжестью земли, вытеснялась к поверхности: в чем и самые океаны, разливающиеся в глубинах нашей планеты, кажется уверяют в этой справедливости. Следовательно, вода, выходя на поверхность, не могла выбраться так чисто, чтобы в последних слоях не оставить некоторой части своего целого количества, а сие самое и было причиной того, что вещество планет, в образовании своем, изменялось по мере возвышения к поверхностям.

* * *

Правда, здесь ученые могут сказать, что такое образование планет есть одно предположение, что на поверхности земной тела смешаны в совершенном беспорядке, ибо нередко видим тяжелые тела, лежащие на легких и слабые на постоянных и, что, наконец, внутренность Земли не более нам известна, как только до несколько сот футов и потому, что самые глубокие колодцы, какие были, выкопаны трудами рук человеческих, не простирались даже и на одну четверть версты

---

* О действии на поверхность земли притягательной силы, смотри в томе 1

глубиною. Следовательно, как же будем говорить о телах, лежащих во внутренности земной, когда мы оную совсем не знаем?

На первое довольно отвечать: пусть сами напишут такое рассуждение, которое лучше бы изъясняло причины всеобщих происхождении, из прежних я ручаюсь, что ни одно не только не удовлетворяет сему предмету, но даже не имеет и вида справедливости. Второе объяснится в следующей части. В рассуждении же последнего, чтобы заключили бессмертные существа о разуме наших естествоиспытателей, есть ли бы вздумали судить их по таким смешным началам? Без сомнения, человек может выкопать яму гораздо глубже, нежели сурки или мыши, но к чему терять время и заниматься такими упражнениями, которые кроме ребяческих опытов ничего в себе не содержат? Попечительная природа, зная беспокойный дух превосходнейшего из своих произведений, давно уже изрыла такие углубления, которые мне кажется, гораздо лучше колодцев могут удовлетворить нашему любопытству. И в самом деле, утверждаясь на всеобщем описании поверхности, населяемой нами планеты, не видим ли мы в некоторых местах на оной, как например, под Альпийскими, Кавказскими, Лунными и Кордельерскими кряжами гор — таких возвышений, которые поднимаются от поверхности морской меньше, как на 6 или 7 верст вышиной? Так же и в обширности океанов не находим ли множества группами и по одиночке лежащих островов, мелей, луд³⁸⁵ и подводных камней? И наконец, не заключаем ли из того, что дно морское усеяно различной вышины горами, из которых одни, открытыми вершинами своими представляют сказанные острова, а другие, не столь высокие, остались под водой, под названием мелей и луд! Ежели же рассмотреть причины сих неровностей, то увидим, что материк Старого света, при образовании поверхностей*, вышел из того углубления, в котором стекшая вода получила название Восточного или Тихого океана, а противоположного материка Нового света — Северная Америка поднялась из того вместилища, где собранные воды омывают ныне берега Европы и северно-западной Сибири, Гренландии и соединенных провинций. Южная же Америка вообще вышла из Атлантического океана. Из сего должно заключить, что на дне морском, как на пример, в Атлантическом океане, находятся столь же глубокие ямы, сколь высоки материки поверхностей, следовательно величайшие углубления, считая с

---

* Смотри вторую часть истории происхождения, то есть следующую книжку.

вершины горы Шимборасо³⁸⁶ до дна в сказанном океане, будет простираться до 15 перпендикулярных верст глубиной. Но чтобы представить углубление от горизонтальной поверхности, надобно взять из целой вышины половину — что будет составлять 36 тысяч фунтов. Вот ямы, самую природой изрытые в нашей планете. Ямы, которые открывают глубину по крайней мере во 180 раз больше, нежели давече упомянутые колодцы! Из них-то взято твердое вещество и без всякого порядка навалено на высокие места поверхности!

Положим есть у нас и такие материки, которые не занимают вышины даже и 10 части в сравнении против приведенной, за то сии последние и вещество имеют отличное: они не покажут нам ни горячих песков африканских, ни голых камней пустой Аравии, ни богатства перуанского, а только по большей части глинистые, известные и тому подобные слои, мшистые болота и питательные источники.

Итак, нужно подождать только следующей части, чтобы увидеть, каким образом в недрах Земли состоящее вещество ощутилось на самых высоких местах поверхности. Между тем скажем еще слово о колодцах, чем и заключим сие отступление. Во первых, все философы согласны в том, что поверхность Земли древние времена претерпела великое изменение, ибо столь огромные бугры (я разумею материки с угнетающими их горами) не могли произойти без побудительной причины и хотя сия причина была неизвестна, однако ни один здравомыслящий естествоиспытатель не осмеливался отвергать оную.

Во вторых, на поверхности земной существующие тела, как видно из наблюдений, смешаны в совершенном беспорядке, следовательно, принимая оный беспорядок в настоящем смысле, должно простираться ему по крайней мере до самых низких мест в океане. Судите же, не смешно ли в изрытой и перемешанной земле копать колодцы с тем намерением, чтобы узнать внутренний состав планеты? Почти невероятное заблуждение!

* * *

Итак, положим, что внутренность Земли, по крайней мере та, которая от поверхности морской простирается во глубину на несколько тысяч саженей, состояла из стеклоплавильного песка или гранита, из коего образованы все первоклассные горы, а ближе к поверхности находились слои глинистые, известковые, мраморные и тому по-

добные, в которых и воды содержалось не малое количество. Сама же поверхность покрыта была выжимками из настоящего ядра или водой, наполненной земляными частицами, которые оседши на дно, расположились там лежать под названием известковой.

Теперь нужно узнать, в которое время произошли на планетах раковины и другие, тому подобные, морские произведения? Естьли предположить для сего, что действием природы была непрерывная цепь произведений, в таком случае они должны были родиться непосредственно за все общим составлением планет, следственно в то время, когда вода разливалась еще по гладким поверхностям. И в самом деле сия мысль, мне кажется, гораздо больше имеет вероятности, нежели всякая другая, ибо где была вода, там непременно должны быть и произведения оной. К тому же черепа раковин не великую имеют отличность в веществе от последних слоев Земли, которые составились при общем творении.

Правда были философы, даже и сам Бюффон не хотел противоречить той странной мысли, что мраморное и тому подобное вещество, которое я называю последними слоями, суть ни что иное, как истертые черепа раковины. Но судите, не справедливее ли верить, что сии мраморы сделались точно таким же образом, как и граниты, нежели существо их приписывать обломкам морских произведений? Впрочем, здесь не нужно продолжать словопрении. Сия материя сама собой изъяснится при все общем образовании поверхностей, которое теперь же и последует.

Конец первой части

История происхождений. Часть вторая. Образование планетных поверхностей

И рече Бог: да соберется вода, яже под небесем,
в собрания своя и да явится суша. — И бысть тако.

*Моисей*³⁸⁷

Глава пятая. О происхождении материков и о всеобщем смещении существ на планетных поверхностях

Мы видели из двух последних глав предыдущей части, что все планеты, при начале происхождения своего, действием притягательной силы, сделались совершенно шарообразным, так, что все линии между противоположными поверхностями имели одинаковое протяжение.

А как известно, что равной длины линии не могут составить на планетах ни возвышений, ни углублений, почему и вода, под названием среднего слоя, покрывавшая большую часть из планет второго и третьего классов, разливалась по горизонтальным поверхностям на равную глубину во всех местах, следственно и земли нигде было не видно.

В сем положении оставались планеты до начала суточных обращений. Но как скоро начались сии обращения, тогда все приняло другой вид — и Вселенная изменилась по днесь в существующее преобразование. Мы не будем описывать здесь не происхождение света, ничего иного, кроме образования планетных поверхностей. И так солнцы или звезды в первый раз повернулись вокруг самих себя, чем и в планетах возбудили подобное же обращение*, только в противную сторону, тогда поверхности составляющее вещество, от внезапного движения и стремительной силы, удаляющей тела от средоточия, не могли удержаться на своем месте, поднялось инде высокими буграми, а в других местах оставило от сего глубочайшие ямы**, и таким образом, вообще произвело на планетах возвышения, углубления, горы, долины, одним словом, все видимые неровности. А воды с возвышенных бугров стекли в лощины и во время стечения, унося из под себя землю, образовали берега, между которыми начали протекать реки, разлившись по низким долинам между горами, произвели острова и проливы, наконец собравшись в самых низменных местах поверхностей, составили все общие океаны.

* * *

При сем действии произошедшие под водой раковины подобные морским произведения, лежащие группами и поодиночке, учинились жертвой обращения и все не могущее выдти на поверхность, погреблось землей, что где случилось. Многие груды раковин, напором катящихся бугров, втиснуты были в однородное с собой вещество, из которого они составились***, другие от того истерлись, а некоторые

---

* Как здесь о движении планет, так и ниже сего о наклонении полюсов будем говорить, не приводя на то доказательств, потому, что оные относятся к истории притягательной силы, которая вообще будет предложена в первой половине следующего, то есть последнего тома.

** Смотри ниже, начало следующей главы.

*** Здесь читатели могут вспомнить, что было говорено о происхождении мраморов, в заключении предыдущей части.

и по сие время остались лежать, как под накатившимися слоями, так и на поверхностях планет, не потерявши своего вида.

Таким образом, большая часть морских произведений уничтожена была образованием планетных поверхностей, а прочие породы раковин, хотя и остались производить себе подобных, но в сравнении против прежнего гораздо в меньшем количестве. И в самом деле, по наблюдению естествоиспытателей, нынешнее количество морских произведений, состоящее в океанах нашей планеты, не смотря на беспрестанное размножение, едва ли может равняться с тем, которое погребено в землелагах³⁸⁸. Там находят их целыми горами и грядами, занимающими в иных местах столь обширные области, которые от 4 до 8 сот верст имеют протяжения.

Равным образом и все тела, составляющие вещество планетных поверхностей, смешались между собой, так что верхние слои остались наисподи, а которые лежали глубже в планете, то накатились на первые, и расположились лежать на оных — в низких местах по большей части горизонтальными слоями, а на высоких почти в совершенном смешении.

Например, судя по предлагаемому здесь умозрению, где сильнее действовало обращение, там поверхности должны были подняться выше, рытвины произойти глубже во внутренность, следственно и смешению тел надобно быть там самому большому. А как известно, что сила обращения гораздо сильнее действовала под экватором, нежели у полюсов, почему и должно заключить, что полярные материки произошли из вещества, ближе к поверхности лежащего, а между тропиками их таких существ, которые лежали глубже во внутренности.

И в самом деле, высокие материки под экватором содержат на себе горы, составленные почти из одного гранитного камня. Песчаные долины и степи, не имеющие слоистого расположения и глубокие копани, в которых открытие ключей почитается за самую редкость. Напротив того, в местах, лежащих ближе к полюсам, низменные материки состоят из земли более глинистой, нежели песчаной. Вещество их расположено, по большей части, горизонтальными слоями и при копании колодцев вода оказывается почти на всяком месте. Все сие служит неоспоримым доказательством, что здесь поверхность не столь глубоко изрыта в нутро планеты, как та, которая находилась под меньшей высотой. Почему и не удивительно, что полярные материки не имеют тех драгоценных существ, которые в изобилии рассеяны по экватором.

* * *

Сие смешение тел и вообще выступление материков, на каждой планете, произошло в первые полдни, в последние же улеглось все, чему где случай привел остановиться, хотя бы тяжелому на легком или слабому на постоянном, ибо взаимное притяжение, между противоположными поверхностями, не могло удержать вещества только от внезапного движения, а после и до сих пор удерживает его на местах своих, да и впредь будет держать, пока планеты не остановятся. Например, есть ли бы в природе находились такие причины, которые могли бы вдруг остановить суточное и годовое обращение нашей планеты, в таком случае материк Старого Света, не смотря на нынешнюю твердость существ*, возвратился бы на прежнее свое лоно, то есть на дно Восточного или Тихого океана, а противоположный материк Нового Света погрузился бы опять в недра Атлантического и, таким образом, возвышения, углубления, гор, долины, одним словом все цветущие поверхности, сокрылись бы в другой раз под бурными волнами влажной стихии. Вот сколь легко Всесильному Творцу, совершенным истреблением, наказать гордость непослушного человека!

Итак вещество, остановившееся буграми, представляет ныне на поверхностях планет материки и все неизмеримые края гранитных возвышений, а произошедшие от сего углубления, суть видимые теперь моря и океаны, в которых воде, повинуваясь слову разделения своего от земли, нетрудно было бы стечь, дабы тем обнажить возвышения.

Глава шестая. О виде и местоположении материков на Солнце и планетах

Все планеты произвели на себе материки в противную сторону с суточным обращением: например, естли толкнуть песком на-

---

* Надобно думать, что все тела, при начале происхождения своего, были гораздо мягче, нежели каковы они ныне. Человек стареется и все суставы его сохнут от снедаемой ежедневно пищи, а планеты твердеют от междоусобного притяжения противоположных поверхностей. Следственно и самое гранитное вещество, во время происхождения материков, думаю, было не тверже глины. В противном случае углы гор, как видно из наблюдений, не могли бы взаимно соответствовать один другому, а вершины оных представлять подобного морским волнам образа. К тому же примеченное сжатие Земли у полюсов, мне кажется, нельзя приписать ни чему иному, как только непрерывному действию сего притяжения.

полненное блюдо, то бугорки, подобные морским волнам, побегут в ту сторону, откуда произошло ударение, есть ли же сие ударение будет чрезвычайно сильно, в таком случае сказанные бугорки побегут друг на друга и последующие из них лягут на предыдущие*. Таким образом, и на планетах, от первого движения поверхностей, по огромной величине их вместо маленьких бугорков произошли выпуклые кряжи первоклассных гор скалами к западу стоящие. За оными вышли из углублений прочие бугры вещества, и, располагаясь, одни на больших кряжах, другие назад и по сторонам первоклассного, произвели побочные горы и отроги, а сии, понижаясь соответственно удалению во все стороны, наконец, превратились в холмы и равнины.

Подобное сему расположение и имеют почти все поверхности материков земного шара, начиная измерять их от Чукотского носа: где был первый меридиан или Земля, до начала обращения своего, стояла к Солнцу лицом противоположно ныне географами принятому меридиану, проходящему чрез остров Ферро**. Но как чрезвычайная обширность материков, особливо Старого Света, не в одном месте произвела кряжи возвышений, почему и нам надобно будет довольствоваться здесь только частными доказательствами.

Итак, если бросить взор на поверхность Европы, то не трудно усмотреть, что в Польше и на берегах Пруссии лежит первая плоскость, от которой начинаются возвышения, далее к юго-западу увидим, что идут хребты невысоких гор и, поднимаясь больше и больше, наконец в Швейцарии производят предел величайшего возвышения, оконечности которого по правую сторону протягиваются под об-

---

* Вот причины, от которых дорогие металлы, вместе со стеклоплавильным или гранитным веществом, из внутренности земной выбежали на поверхность в африканские и перуанские горы, одним словом, во все высочайшие места земного шара. Сии же самые причины ясно доказывают справедливость моего начертания, что тела к центру планет идут однородные, и что высокие материки должны были произойти из таких существ, которые лежали глубже во внутренности, а низкие из вещества, ближе к поверхности лежащего. Смотри в первой части последнюю главу, и в настоящей предыдущую.

** Следствие сего умозрения доказывает, что первое обращение звезд, и вообще образование планетных поверхностей случилось, считая по времени нашей планеты, около зимнего поворота, т. е. в декабре месяце. Мог ли кто-нибудь из наших предков подумать, что в потомстве будут открываться столь отвлеченные истины?

щим именем Великобритании, а по левую — итальянских областей*. Здесь можно предполагать, что далее сего предела начинается новое возвышение, которого хребет известен нам под названием гор Пиренейских, что Адриатический залив и Черное море соответствуют, первый Немецкому, последнее Балтийскому морю, что Норвежские горы противоположны тем, которые лежат в европейской Турции и что наконец Дунай и По, Рейн и Рона, не говоря о прочих, суть как бы обо сторонние реки, которыми вода стекла в углубления**.

Или вещество южной Америки, мало помалу возвышаясь под водой Атлантического океана и выходя из оною, у носа С. Роша, обнаруживает себя в материке Бразилии, потом, вместе с расширением пространства своего, поднимаясь больше и больше, наконец, в перуанской области производит предел величайшего на Земном шаре возвышения. Стекающая же в углубления вода, кроме множества других, быстринной и протяжением знаменитых рек, по одну сторону произвела де ла Плату³⁸⁹, а по другую, величайшую из всех рек, Амазонскую. Наконец, таким же образом, и новая Голландия получила себе большее пространство и вышину, нежели все то множество, в последние два века открытых островов, которые лежат от нее к востоку. Правда, сей части света известны нам только одни берега, да и те еще не все осмотрены. Более же всех осмотренный восточный берег, говорят, будто бы очень низок, но без сомнения юго-западный гораздо выше, потому, что причины происхождений на всем Земном шаре были одинаковы: есть ли бы какой путешественник, не имеющий сведений о положении Европы, побывал только на берегах Пруссии или Нидерландов и, судя по оным, стал бы уверять, что вся Европа состоит из низменных покатоостей, тот конечно непростительную ошибку сделал бы в своем заключении. Следовательно, и здесь потомство наше увидит, хотя и ниже европейских, однако довольно высокие горы, скалами к западу обращенные. Можно бы привести сюда и еще не-

---

* Опасаясь рассеяния мыслей, я не могу входить здесь в подробности доказательств: например, в настоящем положении Европы, большая часть южных земель несколько выше северных, и все протяжения хребтов, вместо того, чтобы идти от севера к югу, по большей части идут от северо-запада к юго-востоку. Но из сих неправильностей первая произошла от того, что южные земли находились под меньшей высотой, следственно под большей силой обращения, последняя же от уклонения северного полушария от Солнца.

** Смотри всеобщую ландкарту Европы.

сколько подобных примеров, если бы они были нужны, впрочем, куда бы мы не посмотрели, то везде на высоких местах увидим кряжи гор, угнетенные сзади накатившимися горами и при том как те, так и другие скалами, обращенные к западу или с небольшим отклонением к северу и югу, но нигде не найдем таких гор, которые бы прямо от запада на восток имели свое происхождение, а сие самое и доказывает, что не трещины черепа земного, не огнедышащие извержения, не суточное надмение вод и не другие, тому подобные, малозначащие случайности*, но единственно первое обращение нашей планеты было причиной произведения всех видимых неровностей.

* * *

Итак, заключим, что солнца или звезды, судя по обращению нашего Солнца, суточные обращения свои совершают с востока на запад, следовательно материка на них выбежали от запада к востоку. Напротив того планеты обращаются в противную сторону от запада к востоку, по чему и должно полагать, что материка до сих последних поднялись с востока на запад. Что же принадлежит до место положения материков, то сие большей частью около экватора произошло у тех планет, которые без наклона полюсов в первый раз повернулись вокруг себя. На южном полушарии у тех, которые из них в первое обращение антарктический полюс уклонили от солнца и напротив на северном полушарии у планет, в первый день, сказанный полюс наклонивших к Солнцу. Таким образом, на земле, когда северное полушарие уклонялось от Солнца, тогда южное наклонялось к оному, для суточной силы обращения осталось как бы не подвижно. По чему и материка, вместо того, что бы подняться под самый экватор, поднялись на той высоте, которая в сие время опустилась на эклиптику**. А как известно, что предел возвышения поверх-

---

* Смотри следующую часть «Истории происхождения».

** Например, поставьте пред собой глобус Земли, без наклона полюса, в таком положении, чтобы к вашему лицу обращены были те земли, которые противоположны меридиану, чрез остров Ферро проходящему. Потом поверните его от левой руки в правой на 90 градусов и в сие же самое время северный полюс уклоните от себя на 45, тогда и увидите, что сила обращения на Северном полушарии будет действовать гораздо сильнее, нежели на Южном, почему и материка большей частью произойдут на первом, сверх того, чтобы выпуклым кряжам гор обратиться лицом на запад, все склоняется на к юго-западу. Правда, в сем представлении только одна половина северного полушария будет

ностей на Земном шаре, выключая Африку и южную часть Америки, по большей части, лежит между 40 и 50 градусом северной широты. Почему и должно полагать, что сие полушарие в первые сутки около 45 градусов имело наклонение. Правда, ось земная, в наши времена, только на $23\frac{1}{2}$ градуса наклонена к эклиптике, но известно также то, что она не перестает подниматься к бывшему равновесию, ибо за 2 тысячи лет пред сим была наклонена на 24. Следовательно, естли бы сведения наши простирались до времен патриаршеских, то мы увидели бы, что она в их времена наклонена была бы еще более.

Итак, полагая на каждую тысячу лет по одной четверти градуса, выходит, что время бытия существует уже 86 тысяч лет... но сие, хотя и собственное мое предположение, однако за правду оно почесть не можно: во-первых потому, что ось земная, в начальные времена, должна была гораздо скорее подниматься к перпендикулярному стоянию, нежели ныне. Законы механики доказывают, что каждая пружина чем сильнее нагибается, тем более имеет принуждение. Таким образом, и Земля, суточным обращением Солнца, будучи приведена в противное естеству своему положение, старалась тогда высвободиться из оногo с большим напряжением. Во-вторых: по множеству нужных для сего предмета соображений, почти нет средства в точности определить градусы наклонения. Хотя я и говорю здесь, что ось земная наклонена была на 45, однако говорю сие без всяких доказательств: может быть она не более наклонена была, как только на 30. И в самом деле, приняв за основание бюффоново измерение материков, выходит что и последняя мысль имеет некоторый вид справедливости. Он доказывает, что величайшее протяжение Старого света, наклонено к экватору около 30 степеней и Нового почти на столько же, но в противную сторону*. Следовательно, сии протяжения между собой будут параллельны, и сверх того оба перпендикулярны к эклиптике, естли Северный полюс наклонит на столько же, то ест на 30 степеней. Сверх того, исторические предания наши простираются далее 7300 годов, то неужели род человеческий целые

подвержена чрезвычайной силе обращения, а другая южного, которая противоположна первой, но зато скажите, не видим ли мы, что большая часть возвышений Старого света лежит на северном полушарии, а Нового, каков например кряж Кордельеров, на южном? Следственно и сия неправильность не только не противоречит, но еще больше доказывает справедливость моих умозрений.

* Естественная история. Часть I.

79 тысяч лет скитался под бременем без чувственных понятий? Здесь может быть укажут на китайскую хронологию, и на другие предания каких-нибудь ученых браминов, но думаю, что все сии нелепые истины, приписывающие чрезвычайную древность миру, происходят от того, что человек, будучи недоволен настоящим, всегда находит удовольствие в том, когда увеличивает свои понятия. Многие говорят: что же было прежде? Но редкие подумают, что такое были мы сами до рождения? Все сие положив выходит, что мы никогда не узнали бы настоящей древности мира, есть ли бы всемогущий Творец, в высочайшем откровении своем, не удовлетворил нашего любопытства.

Глава седьмая. О высоте и обширности материков на планетах

Высота материков на поверхностях произошла в обратном содержании диаметра каждой планеты, следственно, чем более планета, тем ниже на поверхности своей произвела возвышения. Сию истину можно доказать трояким образом. Во-первых, известно по законам притягательной силы, что большие планеты, целым количеством находящегося вещества в себе, должны привлекать поверхности к своему центру гораздо сильнее, нежели малые, следовательно сии последние, во время первого обращения, по слабому притяжению противоположных поверхностей, не могли удержать на себе вещества с такой силой, с какой удержали его первые. Таким образом, и выходит, что материки на малых планетах, от стремительной силы обращения, должны были подняться гораздо выше, нежели на больших.

Во-вторых, мы видим Луну, с чрезвычайно высокими горами, которые составляют вышины по крайней мере одну 720 часть ее диаметра, равным образом и Землю, только с такими горами, которые не выше одной 1600 части тоже собственного диаметра, следовательно лунные горы, против земных, вышиной более, нежели в двое или последние в числах составляют 10, а первые 24. Известно же что Земля, в сравнении с Луной, может похвастаться великой планетой.

Сверх того примечено, что солнечные пятна или настоящие материки занимают места на Солнце самую малую часть целой поверхности. Напротив того, если бы темные пятна на Луне, по слабому отражению света, справедливо почитались морями, то материки сей планеты занимают места на поверхности едва ли не большую часть целого пространства. Следовательно, если бы солнечная поверх-

ность подвержена была такой же силе обращения, какая действовала на Луну, или, по крайней мере на Землю, в таком случае и материки на ней занимали бы столь же великую обширность, как на сих двух планетах, но наблюдения, не говоря о предложенных выше законах притягательной силы, доказывают противное.

Все сие положив, выходит, что Солнце, при всеобщем образовании поверхностей, удерживая стремительную силу обращения, допустило ей произвести на себе только одни не большие холмы, да и те столь низкие, что многие из них остались сокрытыми в огненном океане. Напротив того, малые планеты, каковы например Земля, Луна и тому подобные, не могли противиться силе обращения, принуждены были произвести на себе глубокие рытвины, от которых и сделались почти непрерывные протяжения материков выше горизонтальной поверхности, ибо вода в ямах довольно нашла себе места, что бы обнажить большую часть возвышений.

* * *

Здесь для пользы или забавы, рассмотрев известную высоту гор на Луне, Земле и Венере, можно найти математический закон высот и обширности материков на всех планетах. Я не знаю, почему возвышение лунных гор не соответствует уменьшению ее диаметра, а понижение земных превосходит уже оный? Ибо диаметр Земли в круглых числах составляет 36, а лунный только 10, горы же в обратном содержании земные 10, а лунные 24, следственно, для тожества в обратном содержании диаметров, в лунных горах не достает высоты одной третьей доли.

Может быть сие происходит от того, что настоящая высота лунных гор несколько превосходнее той, какую здесь полагаем. Например, есть ли принять, что горы на Луне подобно земным имеют вышины около одной немецкой мили^{*390}, в таком случае они могут составить уменьшению диаметра соответственные числа 36, но для сего надобно, чтобы лунные моря занимали точно такое же пространство, какое занимают материки земные, а океаны нашей планеты, обширностью своей, чтобы соответствовали обширности материков, находящихся-

---

* По измерению де ла Ланда, я принимал высоту лунных гор около 5 верст, но отец Рикчиоли полагал оную около 12. И так, судя по столь великому несходству, из законов притягательной силы выведенное предположение высоты, состоящей в 7 верстах, будет столь же справедливо, как и сих двух астрономов.

ся на лунной поверхности или говоря числительным выражением, должно чтобы лунная поверхность занимала места 36, а воды 10. Напротив того, земная так же 36, а материки 10. Потомству остается решить, справедливы ли эти положения. Между тем посмотрим, нельзя ли и нам быть участниками в познании столь отвлеченных понятий?

По измерению Бюффона, обширность Нового света составляет 37.216,038 российских квадратных верст, обширность Старого 85.914,749, обоих вместе 123.130,787. Целая же поверхность Земного шара 452.111,504*. Следовательно, если обширность материков привести в числа 10, то целой поверхности останется 36 или точнее первые будут составлять 100, последние же 367.

Итак, видя столь неожиданное сходство, между положением из законов притягательной силы и настоящим измерением, нельзя удержаться, что бы не привести сюда сравнительной обширности материков с обширностью всей поверхности на каждой планете, которая по выше предложенным правилам выходят в следующих числах.

Обширность материк поверхность:

на Солнце 100 41,825,
 на Юпитере 100 4,207,
 на Сатурне 100 3,733,
 на Уране 100 1,619,
 на Земле 100 369,
 на Венере 100 363,
 на Марсе 100 223,
 на Меркурии 100 149,
 на Луне океанов 100 369.

Из сего явствует, что материки только на Луне и Меркурии занимают большее пространство, нежели океаны, а на прочих планетах океаны превосходят обширность земную. Но зато лунные моря, судя по величине планеты, должны быть самые глубокие, а на других планетах мельче, смотря по превосходству длины их диаметра, следовательно, самые низкие материки и самые мелкие океаны существуют на Солнце.

---

* Бюффон говорит, поверхность Нового материка составляет 2. 140,780 квадратных миль, поверхность Старого 4. 940,780, обоих вместе 7. 080,993, целая же поверхность Земного шара 26 миллионов. Но я поставил их российским верстам для того, что бы во всем начертании соблюсти одинаковую меру.

Глава восьмая. Прибавление к истории образования поверхностей

Замечено было в начале 5 главы «Истории происхождений», что на поверхности земной горизонтально разливающийся воды, по причине поднявшихся материков, принуждены были стечь в углубления и во время стечения своего, унося из под себя рыхлолежащую землю, прорыть глубокие борозды, которыми реки восприяли течение. Далее, разливаясь, по низким долинам между горами, произвести острова и проливы, наконец, стекая в самые низменные места поверхности, составить всеобщие океаны.

Кто может ясно вообразить следствия сего чрезвычайного происшествия, тому нетрудно будет уже приметить, что воды при стечении своем, довольно много способствовали к произведению в материках и до наших времен почти не изменившегося образования.

Например, когда поверхности составляющее вещество, от первого обращения Земли, принуждено было произвести возвышения и неровности и когда воды, разливающийся, до того горизонтально, должны были подняться вместе с материками и после, жидкостью своей стечь в углубления, тогда они на вершинах высоких бугров рыхлолежащее вещество унесли с собой и, протекая по обширным равнинам, оставили его лежать на оных в горизонтальном положении*. Ежели же где на пути встречались водам довольно глубокие ямы, тогда они малую часть целого количества своего, вместе с наносной землей, оставляли в сих отделенных вместилищах, из которых одни, имеющие сообщения с реками, впоследствии получили название озер, а другие, со всех сторон огражденные землей, обсушились действием испарения, чем и произвели примеченные на поверхности земной безводные, тиной покрытые озера и вязкие болота. Потом, когда воды с возвышенных материков сливались в самые низменные места поверхности и там, при устьях собой же произведенной реки, уменьшали скорость течения, тогда песок, тина и прочие быстринной воды унесенные частицы, оседаю на дно, положили основание впоследствии произошедшим островам, подводным мысам и другим тому подобным отмелям.

---

* Вот причины обнажения горных хребтов и возвышения долин, находящихся между оными! Правда, Г. де Бюффон приписывает сие действию дождя и ветров, но я не знаю, как можно было предложить такую причину, когда самые облака носятся ниже сих обнаженных маковок?

Неизвестно, во сколько времени произошло оное стечение, впрочем одни или двое суток полагать для сего будет не довольно. Без сомнения, высочайшие места обнажились очень скоро, но низкие не ранее могли обсохнуть, как в одну или две недели. Есть ли многие, при том довольно быстрые реки, в один час перебегают не более, как 15 или 20 верст, то столь великое пространство, какое оставалось воде для стечения, и которое в иных местах от 3 до 4 тысяч верст занимало протяжение, нельзя было перебежать в одну неделю. К тому же от малой покатости некоторых равнин воды могли застаиваться, следственно и стекать не таковых местах принуждены были с великой медленностью. Впрочем время стечения сего относится к предметам одного любопытства, почему и не нужно вникать здесь в самые малейшие подробности.

Итак, когда воды, стечением своим устроив по вышеописанному виду новорожденных материков, собрались в углубления, и там, накрывая собой подошвы высочайших гор, произвели бесчисленные острова и проливы, то в сие же самое время влияние теплотворных лучей, действуя на поверхность способной к производству различных видов земли, начало соединять в одной рассеянные органические частицы, которые посредством неизвестного нам искусства природы, нарастая больше и больше, наконец, в продолжение немногих лет накрыли поверхность материков душистой травой, частыми кустарниками и дремучими лесами простых и плодоносных деревьев. Причина сих, непосредственно за происхождением света и теплоты, возникших растений заключалась тогда в рыхлости подошвы земной, от которой способные к разверзанию элементы собирались гораздо скорей, нежели ныне. Признаться, сие предложение нельзя доказать по правилам неоспоримых истин, однако вероятность оно, мне кажется, сомнению подвержена не может. Почтенные любители наук сами согласятся со мной, что Земля при начале происхождения своего, судя по начертанию выше предложенных законов, должна быть гораздо мягче, нежели какова она ныне. Приняв же оную истину, останется только вспомнить, что прилежною рукой поселянина вспаханные нивы в большем изобилии приносят плоды, нежели те, которые предоставлены на произволе ленивой беспечности. К тому же всем известно, сколь много плодородию земли способствуют наводнения, без которых и Египет оставался бы песчаной степью, но столь всеобщее наводнение, какое случилось при образовании по-

верхностей, судите — не могло ли удобрить земли и там способствовать семенам, в скорейшем их разверзании?

Итак заключим, что шар земной, а равным образом, судя по оному, и все другие планеты, влиянием света и теплоты, оживотворяя находящийся в веществе своем органические частицы, на первом же году жизни своей оделись зеленой травой и приятный запах испускающими цветами, а прочие растения, каковы суть большие деревья, хотя и в первый год так же поднялись понемногу, но в совершенный возраст пришли по прошествии уже несколько лет и даже несколько веков.

Изъяснение начал Моисеевых

Предложив почтенной публике важнейшую часть моего начертания, я долгом почитаю себе принести здесь жертву удивления священному изобразителю природы, жертву, возложенную на престол рукой чистого сердца и воскуренную светильником святейшей истины. Он говорит: *в начале сотворил бог небо и землю* — и мы видели (смотри третью главу предыдущей части), что составление шаров земных было первое физическое творение, а небо суть ни что иное, как предел эфирного пространства, от которого во все стороны начинается не измеримая бездна все местности. Далее продолжает: *Земля же была невидима и не устроена*. — И в четвертой главе показано, что земля, не имея на себе ни возвышений, ни углублений, кругом покрывалась водою, следственно она, до разделения океанов, была невидима, и до происхождения цветом природы облеченных материков, неустроена.

Что же принадлежит до изречения: и *тьма верху бездны*, то сие изъясняется тем, что свет родился от движения: в чем и философы согласны, а движение, как мы увидим, от обращения солнцев. Следовательно и само по себе явствует, что до образования поверхностей, вечная тьма должна была царствовать во Вселенной. Сверх того день и ночь, утро и вечер произошли от суточных обращений, а лето и зима, весна и осень от течения планет вокруг Солнцев. Но когда звезды и планеты, под завесой глубокой темноты, покоились еще на местах составления своего, тогда не было ни единого из сих изменений. Представьте же, какая точность откроется в началах Моисеевых есть ли рассмотрим по оным, что время началось не прежде, как с минуты явления света и возникающих поверхностей?

Но чтобы удивление возвести до высочайшей степени, надобно вспомнить, что Моисей, для разделения воды от земли, полагал времени одни сутки. Потом увидеть из трех предыдущих глав, что планетам, для произведения материков, довольно было повернуться вокруг себя только по одному разу и таким образом, воду, покрывавшую везде гладкие поверхности, согнать с возвышенных бугров, чтобы на оных, действием солнечной теплоты, развести воздухом питаемые произведения. Но как время сих обращений не одинаково: известно, что сутки юпитеровы в 61 раз короче солнечных, а сатурновы, надобно думать, и того меньше, следственно легко стать может, что в области эфирного пространства находятся такие звезды, которые на обращение вокруг себя занимают времени более, нежели наше Солнце, и такие планеты, которые вертятся скорее Сатурна или Юпитера.

Итак если бы Моисей происхождению материков назначил какое-нибудь, только не суточное время, в таком случае лишился бы надежды начала свои сообразить со всеобщим планом Вселенной. Напротив того сказанные сутки, сколь малы или велики бы не были, но поелику в одни из них на каждой планете произошло описанное выше образование поверхностей, то куда бы ни понес им оставленные начала, они на всех планетах будут справедливы. Умствования же философов к какой бы планете мы ни приложили, то ни с одной согласны быть не могут, в доказательство представим здесь мысли славнейших систематических писателей и рассмотрим — был ли хотя один из них способен показать нам такие истины, каковы Моисеевы?

Конец второй части

МЫСЛИ. О РАЗВИТИИ УМА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РОДЕ

Ты была причиной развития ума моего, тебе же и произведение его посвящаю³⁹¹. Ев. в-а.

Глава первая. О СУЩЕСТВЕ ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКА

Рассматривая поверхность шара земного, находим, что часть оной, под названием Старого и Нового света, состоит из горизонтальных или пологих плоскостей, более или менее возвышенных и усеянных невысокими холмами, а в других местах предпоясана кряжами гор, простирающимися на великие расстояния. Прочая часть поверхности земной состоит из углублений разной величины, наполненных стекшей с материков водой, составляющей ныне видимые моря и океаны. Но как углубления, подобно возвышениям, должны содержать на поверхности своей такие же кряжи гор и других неровностей, то вершины оных, поднявшиеся выше поверхности морской, представляют бесчисленное множество, особливо между поворотными кругами, различной величины островов, из коих величайший под именем Новой Голландии³⁹² обширностью своей почти не уступает целой Европе.

Все оные материки и острова, смотря по месту положению и климату своему, покрыты мхом, травой, цветами, кустарниками, а во многих местах дремучими лесами, из простых и плодоносных различной величины деревьев состоящими, которые, получив первоначальное происхождение свое из семян, вырастают посредством внутреннего питания в определенное время и до известной степени, а потом, истлевая, дают место новым такого же вида порождениям.

Внутренность сих лесов и кустарников, равно как и зеленые луга, населены различных видов животными, которые питаются травой и плодами, а некоторые насекомыми и подобными себе животными, вырастают так же до известной величины и в определенное время и отличаются от растений тем, что не прикрепляясь к земле, имеют свободное движение и находят пищу себе по внутреннему побуждению. Правда, есть много и других отличностей между животными и растениями, но кто знает постепенность в ископаемых от земли до асбеста, в растениях от трюфеля до полипа и в животных от ракови-

ны до орангутангов, тому переход от ископаемых до растений и от растений до животных не представить больших промежутков.

Между всеми же животными, человек есть существо самое превосходнейшее. Хотя они по физическому образованию своему не многим чем отличаются от орангутанга, особливо есть ли взять людей самой низкой степени. Но судя вообще о человеческом роде, должно согласиться, что человек имеет особенные свойства, которых ни в каком роде прочих животных не находится. Наружное образование и цвет человека столь же различны, как и умственные способности его. Многие полагали, что цвет кожи зависит от климата, но сего положения во всех частях за верное признать не можно, ибо в жарком поясе находятся люди всяких цветов от черного до белого. Так же и в умеренных поясах, например, в южной части Новой Голландии, в противность сего положения находятся люди черного цвета.

Что же принадлежит до умственных способностей человека, то сии еще более неопределительны. Многие племена людей по сие время не вышли даже из дикого состояния, другие только что дошли до первых начал общежития, а прочие соединены в государства, более или менее многолюдные, и находятся на разных степенях просвещения, смотря по разуму духовных и гражданских законов. Но до какой степени может образоваться просвещение народов, того никак определить не можно. Недостаток в познаниях и происходящие от того предрассудки и ложные о вещах понятия делают столь много препятствия к развитию ума, что кажется нет ни какой возможности водворить на землю всеобщее просвещение.

Философы всех времен судили о существе человека различно. Одни признавали в нем особенную душу, не зависящую от телесного образования. Другие напротив того не отличали его от прочих животных, кроме превосходства в телесном образовании и полагали, что от сего и умственные способности произошли гораздо разнообразнее. Первые удостоверялись на превосходстве человеческого разума и откровений, другие приводили в доказательство трупоразъятие человека, по которому не находили ни каких следов духовного существования. И как пища в желудке переварившись обращается в соки, подобно тому и впечатления в мозге, смешавшись между собой, производят мысли, которые в здоровом человеке могут образовываться надлежащим порядком, смотря по совершенству телесного образования

и по мере чувствительности. Но если физическая боль расстраивает мозг, тогда и впечатления не образуются в мысли, чему довольно видно примеров в людях, страдающих горячкой и в сумасшедших.

Не входя в подробное исследование сих последних мыслей, я должен заметить, однако же, что их нельзя признать справедливыми. Мы не можем отнимать у человека превосходство ума и считать его наравне с прочими животными потому, что все животные не простирают понятий своих потребностей и развивают ум свой только до известной степени. Напротив того, человек, вышедши из круга свойственных животным понятий, открыл в себе такие мысли и чувства, которые ни сколько не зависят от физического образования. Например, кто дал человеку понятие о Боге, которое обнаруживается в нас под разными видами? Откуда родились те творческие мысли, которые положили основание всем наукам, и вознесли разум наш на ту степень, на которой он ныне находится? Положим, что сии познания развились случайно и медленно, но тем не менее доказывают они особенное свойство ума человеческого. Отчего же произошла такая отличительность в уме между животными и человеком? Многие приписывают сие вдохновению, и хотя я не могу объяснить тайны, что производит на нас сие необыкновенное наитие духа, но думаю так же, что единственно возбудило умственные способности наши и произвело первую мысль в человеке: что я? Вместе с сей мыслью, человек вышел из круга прочих животных и, имея равное с ними телесное образование и все побуждения, подвергнулся вечной борьбе рассудка с воображением и страстями. Наблюдая развитие ума в человеческом роде, мы увидим на сие ясные доказательства.

Глава вторая. О РАЗВИТИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Нет сомнения, что первый человек произведен на свет по общим законам всемирного творения. Он так же, как и большая часть животных, с начала образовался в зародыше и по вылуплении из оногo получил биение сердца и обращение крови, а вместе с тем почувствовал и потребность в пище, которую первые младенцы рода человеческого, то есть мужеской и женский, находили по внутреннему побуждению. Они жевали сочные травы и все, что природой вокруг их было приготовлено, и чем более вырастали, тем более находили средства к своему продовольствию.

Между тем, повторяя беспрестанно сии опыты, приучились разбирать пищу, и когда чувствовали голод или жажду, то без дальнего уже затруднения удовлетворяли потребности сии тем, что казалось им вкуснее. Не имея ни каких занятий, большую часть времени проводили во сне и с каждым пробуждением принимались опять за насыщение или приучались пользоваться руками, становиться вокруг деревьев на ноги и ходить на оных. Когда же силы их еще больше укрепились, то ходили, бегали, прыгали, одним словом делали все шалости, свойственные младенческому возрасту. Привычка быть всегда вместе родила чувства взаимной друг другу привязанности, и когда нечаянно один от другой отлучались или заблуждались, то выражали тоску свою воплем и слезами и по сему воплю находили опять друг друга. Повторив несколько раз такие опыты, они научились в случае разлуки сходитья вместе по крику, который, образуясь чрез многие повторения, превратился наконец в собственные для них имена. Приметя, от сего выгоду они начали давать названия и тем вещам, которые были им необходимы, и тем побуждениям, которые на них действовали. Таким образом, научились наперед означать голод и жажду, питье и пищу, а потом давали названия и прочим вещам и действиям, в которых упражнялись.

В сих занятиях, проведя не чувствительно первые годы жизни своей, приближались, наконец, к тому времени, в которое врожденное побуждение призывало их к оплодотворению. Почувствовав, от сего новый род наслаждения, они не упускали им пользоваться, и чем больше наслаждались, тем больше взаимная привязанность между ними возрастала. Наконец когда родился первый залог любви, то верно не столько были им обрадованы, сколько удивлены тем, что увидели новое подобное себе маленькое творение. Побуждаясь врожденною к плоду своему любовью они начали ласкать его. Показавшееся в груди молоко, а может быть и примеры родившихся прежде детей у других животных, указали матери кормить младенца своей грудью, а потом приучать его ко всей той пище, которой сама довольствовалась и к тем занятиям, какие были известны.

Естьли можно назвать благополучием то время, когда человек, равно как и все животные, не имея никаких еще привычек, ни корысти, ни жестокости, ни даже понятия о взаимной вражде и прочих чувствах, родившихся от времени и обстоятельств, проводил время в одном насыщении, в науке действовать своими членами, в детских

играх, свойственных каждому роду животных, и наконец в любовном наслаждении, то сие время можно назвать золотым веком. Но век сей был не продолжителен. Вместе с летами обнаруживались и склонности животных. И как силы и способности их были различны, то слабые и кроткие вскорости сделались жертвой сильных и свирепых. Молодой тигр, забавляясь ягненком, подобно, как дети маленькими птичками, не чувствительно задушил его и по врожденному побуждению захотел отведать его мяса, а узнав, что оно вкуснее другой пищи, начал ловить и других животных для своего насыщения. Таким же образом и прочие хищные звери не чувствительно становились плотоядными. Самый даже человек в забавах своих задушил маленьких животных без всякого о том размышлении, и так же, по врожденному любопытству, употребил их мясо для своей пищи или разорял гнезда и поедал яйца.

Неравенство сил и склонностей животных было причиной развития умственных способностей их. Слабые и кроткие, почувствовав опасность жить вместе с сильными и жестокими, стали от них удаляться. Сильные, напротив того, приметив от сего недостаток в удовлетворении потребностей своих, начали искать убегающую добычу. Первые от беспрестанных нападений на них приучались быть осторожными, последние прибегали к силе, проворству и хитрости, и почти всегда доходили до цели желаний своих. Я не буду входить в подробность сего развития умственных способностей, скажу только, что сие развитие ума не простиралось в животных далее удовлетворения необходимых потребностей и хотя случалось иногда, что хищные звери умерщвляли других животных по одной привычке без всякой надобности, но никогда не могли образовать рассудка своего до такой степени, чтобы покорить даже самых кротких животных под свою зависимость. Свое превосходство разума исключительно предоставлено одному человеку. Его ласковость побудила кротких животных искать в нем покровительства. Сострадание же человека взялось охранять беззащитных, а самолюбие внушило почитать их наконец своею собственностью: отсюда произошло первая мысль о скотоводстве. Подобно сему и прочие отрасли ума развились по случаям. Течение Солнца, изменения Луны и другие явления дня и ночи заставили человека замечать время и положили основание астрономии, теплота дня и холод ночи подали мысль о потребности уютного жилища, но не зная ни каких средств к удовлетворению сей потреб-

ности первые убежища человека были в частых кустарниках, которые, по мере развития ума расчищались, накрывались листьями или сплетались ветвями и, наконец, превратились в род беседок.

Неравенство в телесном образовании человека было причиной разнообразия в силах и понятиях. Во время любви мужчины большей частью бросались на красавиц, а непригожие оставались без любовников. Одни возгордясь собой, сделались разборчивы в выборе, другие, завидуя успехам совместниц, открыли искусство нравиться. Презренные красавицами мужчины прибегли к насильству, любовники становились защитниками, и предмет ссор доставался всегда победителю. Отсюда произошло невольничество женского пола. Мужчины час от часу становились надменнее, женщины покорнее и хитрее. Победители в любви распространили власть свою и на другие предметы. Они отгоняли скот, отнимали плоды и всякие жизненные потребности. Победенные, и ограбленные прибегнули к защите, и выдумали средство превосходным числом или искусством побеждать сильного. Сильные, воспользуясь таким же примером и, соберясь по несколько человек вместе, делали набеги и разоряли целые семейства.

Таким образом, человек по природным побуждениям своим, в беспрепятственных нападениях и грабительствах успел заразиться многими пороками прежде, нежели открыл в себе понятие о справедливости и, распространяющееся зло заставило, наконец, людей подумать о средствах к пресечению буянства и насилия. Начались суждения в семействах, подавались советы, язык стал образовываться, и показались правила общежития. Правила сии в первобытном образовании своем были просты и ограничены, соответственно понятием того времени и наблюдались только в своих семействах, но мало помалу стали перенимать их и прочие семьи с таковыми же склонностями, и чем более умножалось число людей, тем более очищались правила, развивались познания, и язык образовывался.

Между тем предприимчивые умы, не повинуясь принятым правилам, возбудили дух раздора и произвели особые партии, из коих каждая захотела жить по-своему. К тому же и самая необходимость заставляла людей небольшими партиями рассеяться по лицу земному. При размножении общества жизненные потребности истощались, и как люди в то время не имели ни каких еще познаний о земледелии, то и принуждены были для пропитания перемещать местопребывание свое, и останавливаться на таких местах, где природа в полном

изобилии доставляла им дары свои. Таким образом, род человеческий со всеми приученными к себе животными, разделяясь беспрестанно на партии, с начала вел жизнь кочевую и разнообразил понятия свои по местным обстоятельствам. Кочующие в лесах и на лугах питались плодами, яйцами и животными, а поселившиеся у берегов довольствовались черепахами, раковинами и рыбами, и как те, так и другие с начала снискивали потребности без дальнего затруднения, ибо все животные, птицы и рыбы. Не быв напуганы людьми, не убегали от них, чему и ныне довольны, и мы видим примеров в описании путешествий по Южному полушарию. Но как скоро все сии животные, приметив опасность быть в соседстве с человеком, стали от него отдаляться, то человек прибегнул к выдумкам, и усовершеншал искусство промыслов своих по мере опытов и времени. И может быть протекло несколько столетий прежде, нежели человек научился садить семена, плести сети и делать стрелы и луки.

Около сего же времени открылось в человеке много и других познаний. Изобилие собираемых припасов подало мысль меняться опытами, и положило основание торговли и роскоши. Выменянные продукты из других обществ заохотили каждого сочлена иметь оные. Открылось прилежание к промыслам и сообщение между обществами. Приобретенные каждым обществом познания и обычаи перенимались в частных сношениях и, разнообразя понятия, сближали нравы. Но как склонности и способности человека, соответственно телесному образованию, весьма различны, то и произвели в короткое время неравенство в состояниях. Трудолюбивые и предприимчивые вскорости сделались достаточными, а ленивые и беспечные стали нуждаться даже в необходимых потребностях. Первые, будучи искусны и прилежны, доставали более, нежели сколько нужно было для продовольствия, и на излишнее выманивали из всех обществ то, что нравилось или казалось нужным. Последние напротив того, при малом искусстве и лености едва снискивали дневное пропитание.

Неравенство сие возрастало наконец до такой степени, что бедные начали служить богатым из дневного пропитания, или на других условиях, соответственных тому времени. Богатые же, умножая беспрестанно избытки свои руками бедных служителей, сделались, наконец, роскошными и любострастными празднолюбцами. Дети их, воспитанные в изобилии, произвели собою отличную породу людей нежных и красивых, и которые из них умели воспользоваться отцов-

ским стяжанием и умножить оное своей предприимчивостью, те сделались вельможами. Они разделили служителей на разные состояния. Одних заставили прислуживать собственно себе, или стеречь любовниц, других рассылали на промыслы, или пасти стада свои, иным поручали мену продуктов, и жили подобно тем королям, каких мы ныне видим на многих островах южного океана: власть их на общество не имела почти никакого влияния.

Между тем познания и искусства от частых сообщений становились общими всем поколениям, и каждый вельможа захотел посылать наемников своих на всякие промыслы, от чего и вышли новые беспорядки. Встреча двух партий на одном промысле, по природной глупости и зависти людей, редко проходила без ссоры, которая оканчивалась по большей части отнятием добычи и кровопролитием. Начальник побитых партий воспламенялись мщением. Они собирали невольников своих и охотников и нападали на неприятелей. Сии не быв предуведомлены, часто бывали побеждены, побиты и ограблены. И как люди в запальчивости своей, особливо в диком состоянии, дерутся без всякого разбора, то нередко в сих битвах погибали целые общества. Таковые набеги и распространяющееся кровопролитие, научило наконец, людей быть осторожными. Вельможи на всякий случай окружили себя телохранителями, и тем положили основание военному искусству, а народ для безопасности своей признал вельмож блюстителями общего спокойствия. Вместе с сим признанием открылись и новые понятия в уме человеческом. Все мысли устремились к общественным учреждениям. Показались законы, обряды и церемонии — и самая вера получила общие постановления. Таким образом, род человеческий, развивая беспрестанно умственные способности свои и при всяком случае открывая новые мысли и правила, достигнул, наконец, до той степени просвещения, откуда начинается история народов. Я не буду следовать за оною во всех изменениях ума человеческого, а замечу только, что данная нам природой наравне с прочими животными грубость нрава смягчается по мере просвещения, и распространившееся зло произошло по неопытности человека от ложного о вещах понятия. Все животные, получив ум по законам общего произведения существ, следуют непременно уставу природы. Но мы напротив того, будучи одарены познанием добра и зла и не имея средств без опыта предвидеть всех последствия, руководствуемся свойственною всем животным личной выгодой и пра-

вом сильного, которые будучи противны общей пользе, производят всегда завистников и мстителей. Таким образом, по ложному о вещах понятию, вместо истребления зла, беспрестанно рассеиваем оное по лицу земному.

Глава третья. О РАЗВИТИИ ОТВЛЕЧЕННЫХ ПОНЯТИЙ

Из числа отвлеченных понятий в уме человеческом родилась почти у всех людей мысль о Верховном Существо, управляющем судьбой миров и народов. Мысль сия сначала открылась столько же темной, как и прочие наши познания, и принадлежит исключительно одному человеку. Многие животные хотя чувствуют благодеяния природы и страшатся ужасных явлений, но не имея способности производить отвлеченных понятий, оставляют все таковые случаи без внимания. Напротив того человек по чувствительности и воображению своему благодеяния природы, равно как и ужасные явления, представил себе благими и грозными существами, требующими благодарности и покорности его.

Вникая в первобытное состояние людей, с вероятностью можем полагать, что первые поклонения приносились к Солнцу, яко существу благому, питающему и оживляющему все произведения земные, которому и по ныне многие племена людей поклоняются. Вслед за сим оказалось приношение и другим небесным и земным телам и явлениям, которые чем-нибудь казались полезны или ужасны. И как люди не могли еще в то время повторять воображения своего, и каждую родившуюся мысль почитали вероятной, то в короткое время наполнили мир сей, привидениями и всякими вымышленными существами различных родов и видов. Желая же изобразить их, начали делать кумиры соответственно грубым понятиям своим. А чтоб означить то превосходство, какое имеют сии вымышленные существа над человеком, то вместо одной головы придавали им по две, по три и до десяти с таковым же прибавлением и прочих членов, как видим и ныне в идолах у калмыков.

Таким образом, первые племена людей без опытов и познаний, руководствуясь одним воображением, переходили от одного заблуждения к другому. Заблуждения сии возросли наконец до такой степени, что всякое обыкновенное явление, состояние погоды, полеты птиц и даже встреча подобных себе людей или других животных считалась

предвозвестительным знаком счастливого или не удачного окончания дневных промыслов, или другого какого-нибудь предприятия.

Между тем, и по сей части заблуждений, подобно как и по настоящим занятиям человеческим, явились учителя и сектаторы³⁹³. Они собирали предания, выдумывали системы, украсили оные своими вымыслами и по врожденному самолюбию и фанатизму выдали себя за колдунов и идолослужителей. Народ, по природной слабости своей к гаданиям, толпой стекался к новым учителям и приносил в жертву вымышленным божествам часть избытков своих. Учителя нашлись в затруднении отвечать на все вопросы, но надобно было удовлетворять любопытство, чтобы самим не быть жертвой раздраженного дикого народа. Счастливая мысль избавила их от сей опасности. Они выдумали темные ответы, наказания и поощрения, и тем обеспечили себя во всех непредвидимых случаях. Народ остался доволен и с твердым уверением принимал приговоры наставников своих. Но как меры не могут существовать без движения, так и разум не остается никогда в одном положении. Беспреданно развивающиеся понятия переменили нрав народный, а вместе с тем изменилось и идолослужение. Наследники учителей, привыкая к хитростям и обманам, уверились в народной глупости и в небытии богов, ими проповедуемых. Избавясь страха от наказания и побуждаясь корыстолюбием и любострастием, они потребовали жертв для удовлетворения собственных своих желаний. Обещая наказания и награждения на небе, они получали на земле все драгоценнейшее, и простерли виды свои даже до того, что потребовали в жертву любострастие своему священнейший залог любви супружеской.

Но оставим раскрывать пороки и заблуждения людей. Образование ума подобно жизни частного человека имеет свои возрасты, и век заблуждений и вымыслов предшествует всегда веку сильных страстей, а сей здравому рассудку и спокойствию. И так рассмотрим лучше, какими неизъяснимыми путями вечная премудрость ведет нас к истинному благополучию.

Священная история научает нас, что есть Бог, единый, всеблагий и всемогущий, и что видимые миры суть творение премудрости его. Сие учение открыто нам в то время, когда люди блуждали в идолопоклонстве, и когда науки не были доведены еще до такого совершенства, чтобы силой ума познать сие небесное откровение. Оно основано было на одной вере, которую исповедовали древние

патриархи и все те, кого вечная премудрость избрала предметом искушений и благодеяний своих. Мы ничего не можем прибавить к сему учению, и в продолжение минувших тысячелетий чем более развивался ум человеческий, тем более находил доказательств на сию истину. Но что истина сия не могла открыта всем людям, на то есть особые причины. Мир наш, подобно как и все миры в небе видимые, произведен из вещества, которое можно сказать вызвано из ничтожества, как я объяснил в другом моем сочинении*. Из сего же самого вещества произведен и человек по общим законам всемирного творения, по которым и получил все побуждения и склонности на равнее с прочими животными, то есть личную выгоду и право сильного. Но чтобы отличить человека от всех животных, то умственные способности его возбуждены особым вдохновением, которое внушает нам любовь к Богу и справедливости. От сих противных между собой двух начал родилась в уме человеческом вечная борьба рассудка с воображением и страстями, и на сей единственно борьбе и основано развитие ума в человеческом роде. Без сего противоборства не мог бы разум наш вознестись на ту степень, на которой он ныне находится. Оставить нас при одних физических побуждениях значило бы не выводить из круга прочих животных. Умножить силу вдохновения до такой степени, чтобы она поборола страсти, есть тоже, что произвести нас механическими существами без всякого самопроизвольного действия: спокойные чувства суть смерть разума. Но как чувство справедливости требует более утонченных понятий, и приобретает опытами и сравнениями, то род человеческий и должен был передаться на перед тем побуждениям, которые ближе были к его природе и сильнее на него действовали. Вот источник всех заблуждений и пороков человеческих! Из него проистекли все злосчастные поступки рода человеческого. И хотя являлись в разные времена гении, одаренные любовью к истине, но они, не исправив людей, принесли только себя в жертву злобе и несправедливости человеческой. И судя по физическому образованию человека и ограниченным понятиям его, с вероятностью можно заключить, что нет возможности отвлечь человека от всех низких побуждений, которые внушает ему общее с животным образование, и он всегда будет предаваться первым впечатлениям.

---

* Мысли о происхождении и образовании миров 1811 года.

Итак, когда заблуждения и пороки происходят от физического нашего образования, то представлено ли нам какое средство к истреблению зла сего? Мы видим из истории народов, что науки смягчают нравы и приближают людей к истине, однако же они не могут быть еще надежным средством к водворению на земле всеобщего благоденствия. Одни гении, изобретатели наук, могут чувствовать, сколь трудно находить истину и хотя они при множестве новых мыслей нередко ошибаются в определениях, но они счастливы тем, что находя сомнения в собственных своих правилах, не подвержены ни фанатизму, ни педантизму и, уверяясь на опыте в ничтожности деяний человеческих, могут служить примером кротости и великодушия для исправления людей. Но к совершенству физического образования, сколько потребно сторонних случаев и побудительных причин соединить вместе, чтобы произвести одного гения? Потому они редки, и жизнь их не может иметь на людей большего влияния. Люди же с дарованиями, которые по большей части бывают истолкователями гениев и распространителями наук, не будучи сами изобретателями не могущими видеть всех затруднений в определении мыслей, скорее ими уверяются, и прельстясь своей ученостью, нередко вместо изыскания истины распространяют ложные правила. Но сей класс людей не очень многочислен. Что же остается сказать о всех людях вообще, которые по неспособности делать ясных соображений живут одним подражанием? Сии люди не только не исправляются науками, но еще более употребляют их во вред по физическим побуждениям своим. Они чем менее знают, тем более гордятся собой, и даже до того простирают иногда педантизм свой, что походку, покрой платья или спесивое лицо считают высокой наукой. Впрочем, нельзя науками истребить в людях всех вредных склонностей, то все полезные терпеть в них такие безвредные глупости, какими наполнена история непросвещенных народов.

Посему науки принадлежат к занятиям человеческим, но они, исправляя ошибки воображения, не могут однако же сделать людей совершенно справедливыми, потому что люди по природной лености ума, предаются более физическим побуждениям, не заботясь повторять рассудком, справедливы ли сии побуждения. Теперь рассмотрим, какое влияние может иметь вера, основанная на откровении.

Выше уже замечено, что люди вообще, по неспособности делать ясных соображений, живут одним подражанием и по большей части делают то, что другие делают. Из сего можно заключить, что люди

по образованию своему гораздо более имеют склонности к вере, которая не требует ни сильных напряжений ума, ни строгих исследований, и может понятна быть каждому человеку при самых ограниченных способностях, что доказывается тем, что нет почти народа на земле, который не имел какой-нибудь веры. Напротив того, ум образуется не многими людьми, да и то при сильных побуждениях. Посему веру можно назвать природным чувством человека. Но если бы вера сия не согласна с чистыми понятиями ума, то она не может быть всеобщей и продолжительной, и ослабнет по мере просвещения народов. Так, мы видим, что все древние идолопоклонства исчезли при образовании ума.

Увидит и потомство, что все наши предрассудки, не принадлежащие к вере, со временем погибнут и останется одно ниспосланное нам небесное откровение, которое объявлено в скрижалях завета и в поучении Спасителя. И есть ли бы мы в точном смысле последовали сему учению, то давно бы зло искоренилось на свете. Рассмотрите десять заповедей и правила спасителя, и вы увидите, самая утонченная философия не достигла еще до сего небесного учения. Почитать единого Бога, и с любовью жертвовать ему свою жизнь есть долг наш, потому, что мы суть его создания. Любить людей как самих себя, и не желать им того, чего себе не желаем, есть средство к общему на земле благоденствию. Но как люди, сих высоких истин предались низким побуждениям своим, то в правилах спасителя находим еще надежнейшие средства к истреблению вкоренившегося на земле злодеяния. Любить врагов своих, делать добро ненавидящим нас и оставить Богу мстить за обиды, конечно суть такие правила, которые трудно и почти невозможно выполнять человеку, но они необходимы для исправления людей.

Если бы за всякую обиду или зло будем платить мщением, то сим людей не исправим, а только раздражим их против себя, и тем умножим общие злодеяния. Но если бы будем причитать себя к таким высоким чувствам, чтобы за обиды платить великодушием, желать добра даже врагу своему, то можем смягчить и самые зверские сердца, или заставить их умереть с досады. На сих единственно и тому подобных правилах основана вера наша, и ниспослана к нам с тем, чтобы водворить на земле общее благоденствие. Но к сожалению, люди, по заблуждению чувств своих, переменили смысл сего небесного учения. Бог с отеческой любовью призывает блудных детей своих без всякого

принуждения и оставляет без упреков тех, кто не хочет принять его благости. Но мы напротив того выдумали проклятия, гонения инквизиции. Бог, премудростью своей вызвав из ничтожества великолепные миры, желал иметь храм в сердцах наших. Но мы, очернив сердца свои низкими побуждениями, питаем в них злобу, соблазн и развращение. Бог научает нас жить между собой в мире и согласии и не принуждать ничей совести. Но мы возжигаем войны за веру, воображая, что приятны будут Богу столь несогласные с благостью его чувства. Бог хочет иметь детей с свободными чувствами, но мы творим рабов с принужденной покорностью. Бог, отделяя от веры земные распоряжения, предоставил людям право основать особые гражданские законы и власти, согласные с его благостью и собственным нашим благополучием. Но мы большую часть относящихся к гражданским законам учреждений причислили к законам веры, и хотим защищать их мечом и кровью. Бог зная, все настоящие и будущие помышления людей, ниспослал к исправлению нашему самые простые правила. Но мы по высокоумию своему, сочтя сии правила недостаточными, загромоздили их своими предрассудками — и после того, кто будет виноват? Вера ли, что люди не исправляются или люди, что переменили смысл откровений? Ответ короткий.

Но для чего Бог допускает людям делать такие заблуждения? На сей вопрос можно отвечать тем, что если бы вдруг заставить людей жить по правилам откровения, то в противность физического образования нашего надобно отнять свободу мыслей и с начала мир наш произвести по другим законам, не по тем, по каким ныне все тела образуются. Впрочем довольно приметно, что род человеческий, при всех пороках и заблуждениях, путем веры приближается к своему назначению. Мы видим, что ниспосланное к нам искупление сблизило многие племена людей, соединив их под правила одной веры. Вот первая благость, какой нам ни все завоевания римлян не доставили, и мы теперь свободно можем ездить во все четыре стороны света, находя везде друзей и братьев своих. Вторую благость увидит потомство, когда просвещение, истребив предрассудки людей, произведет терпимость обрядов и согласие между сектами. А там когда, люди признав единую веру в настоящем ее основании, позволят каждой секте иметь свои обряды и церемонии, не причисляя их к законам веры, тогда род человеческий может и во всем надеяться достигнуть цели желаний своих — всеобщего на земле благоденствия.

Т. Ф. ОСИНОВСКИЙ

О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Намерен я, с позволения почтеннейшего собрания, предложить мысли мои о пространстве и времени.

Во-первых, представлю я в коротких словах умствования о сем новейших философов Германии и в особенности Канта³⁹⁴, основателя наиболее приемлемой там философской системы. Он в своей критике чистого рассудка рассуждаете сем так: 1-е. Понятие о всем вне нас находящемся приобретаем мы чрез опытность, но в произведении понятия как о пространстве, так и о времени опытность не участвует. 2-е. Сие понятие получается но от вещей вне нас находящихся, но оно каждому понятию о вещах предшествует. 3-е. Как пространство, так и время можно вообразить отдельно от вещей, но никакой вещи без понятия вместе о пространстве и времени представить себе не можно. По сему 4-е. Пространство и время не суть принадлежности и условия существования вещей, но имеют бытие свое в нас одних, и мы оное по образу только нашего чувствования к вещам прилагаем, подобно тому как нам, вращающимся с землею нашей около ее оси, кажется, что вместо того вертится около нас целое небо со всеми находящимися в нем телами.

Сколько ни рассуждал я об оных основаниях, из коих выведено им сие заключение, но, допустив даже, что они совершенно верны, никоим образом в них увидеть того не мог, чтоб оное заключение было необходимое их следствие. Даже не мог усмотреть в них и того, чтобы они приличествовали более к существованию пространства и времени только в нас по образу нашего чувствования нежели к действительному их существованию в природе как необходимостей для возможности существования вещей. И действительно, положим пространство существующим независимо от нас, но так, что мы необходимо в нем существуем и притом имеем чувства, устроенные к принятию от него впечатлений, то вместе с сим положением необходимо сопряжено будет, что оно, будучи от нас неотъемлемо, не преминет произвести на оные ваши чувства такие впечатления, которые будут соответствовать и его сущности и образованию тех чувств наших, кои устроены на принятие от него впечатлений. Следовательно, сии впечатления независимы будут от нашей опытности, ибо те понятия, кои мы, собственно, называем приобретенными чрез опытность, происходят в нас не от таких

предметов, кои безотлучно при нас находятся и на наши чувства невольным образом действуют и не действовать не могут, но от таких коих действие на оные бывает случайно или по нашей предварительной на то воле. Таким же образом естли в природе бытие всего в ней существующего есть последовательное и естли имеем внутренние чувства, к понятию сего бытия устроенные, то они невольным образом, а по сему независимо от нашей опытности открывают его в нас самих, ибо естли бытие есть и есть общее всему в природе существующему, то оно от нас неотделимо и на внутренние наши чувства, для понятия его устроенные, не подействовать не может. Итак, из того, что понятия о пространстве и времени независимы от нашей опытности, не проистекает необходимого заключения к несуществованию их в природе, кроме нас самих, но сия независимость от опытности равно приличествует как к существованию их в нас только, так и к существованию в природе. Что же принадлежит до других двух оснований, то приличие их и к существованию как пространства, так и времени в природе очевидно только бы говорилось в них о самых вещах, а не о качестве их.

Как из вышепредставленного суждения открывается, что оные основания, из коих выведено заключение о существовании пространства и времени только в нас одних, равномерно приличествуют и к существованию их в целой природе; то для определения, которое из сих двух противоположностей действительно имеет место, необходимо прибегнуть должно к следствиям того и другого положения и из событности или несобытности их заключить о возможности или невозможности которого-либо из оных положений.

Возьмем сперва в рассмотрение пространство и положим, что оно существует только в нас одних по образу нашего чувствования. Когда оно существует только в нас, но в природе его нет, то оно существует без всякого на нас впечатления извне, понятие об нем причиняющего, ибо тогда уже и самое понятие о внешности исчезает по причине той, что с сим понятием необходимо сопряжено существование пространства. Вместе с сим исчезает тогда и понятие о внешности, равно как и о внутренности наших чувств, и останется только, что мы имеем некоторые чувства, кои мы по образу нашего чувствования называем одни внешними, другие — внутренними. Где ж теперь будут вещи, кои чувства наши представляют нам в пространстве вне нас? Самое слово где не будет тогда иметь никакого ве-

щественного значения, ибо сие слово относится к месту, как к части видимого нами пространства, но с несуществованием пространства исчезает вместе и вещественность понятия о местоположении вещей. Далее, что такое будут видимые нами положения вещей одной в рассуждении другой? Что значит, что одна вещь кажется нам далее или ближе, нежели другая, так что расстояние одной несколькократно содержится в расстоянии другой от нас? Что значит, когда мы усматриваем, что некоторые вещи положение свое одна в рассуждении другой изменяет? По системе несуществования пространства в природе всем сим явлениям, внутри нас только происходящим, ничего вещественного в ней не соответствует. Теперь спрашивается, как же сие явления в нас происходят, зависимо ли от вещей, на нас действующих, или независимо? Легко рассудить можно, что вещи ни о чем таком понятия в нас родить не могут, чего в них нет, и к ним не принадлежит, ибо если бы они могли родить в нас какое-либо понятие, то необходимо быть должно, чтобы сему понятию в нас, от них происходящему, соответствовало что-либо, к ним принадлежащее, иначе могло бы стать, чтобы ничто производило что-либо. Посему при несуществовании пространства как принадлежности всех вещей оные явления, как относящиеся к пространству, происходят в нас без всякого в том участия со стороны вещей.

Но все сии явления усматриваем мы невольным образом, ибо не в нашей воле состоит родить или не родить в нас понятие о месте какой-либо действующей на наши чувства вещи или распорядить, чтоб усматриваемые нами вещи представлялись нам в таком одна в рассуждении другой положении, как нам заблагорассудится. Притом сии явления усматриваем так, что ежели которое-либо из них усматривает один из нас, то усматривает его и другой совершенно соответственным образом и порядком. Каким же образом сие произойти может, когда в природе нет ничего сим явлениям соответствующего? Один остается способ, а именно надлежит быть предрасположению, чтоб в душе нашей вместе с действием на нее со стороны каких-либо вещей рождались независимо от нее понятия относительно к пространству, усматриваемые нами как сопровождающие сии действия и причиняющие в нас понятия об оных явлениях, т. е. при несуществовании пространства вне нас должно существовать относительно к душе каждого и ко всем вообще Лейбницово предустроенное согласие. Положим, что сие предустроенное согласие существует, и вооб-

разим потом, что мы не всегда по непременно какому-либо закону приводимся к усматриванию того или другого явления, но весьма часто приводимся к тому по собственной нашей воле или по воле других, нередко управляемой своенравием, то воображение устрашится необъятностью соображений и соглашений всех воль и случаев, дабы предустроенное согласие могло иметь место.

Но скажут, может быть, почему оное предустроенное согласие для истолкования возможности оных явлений без существования пространства необходимо? Скажут, что вещи имеют взаимные отношения, не по образу только нашего чувствования к ним прилагаемые, но действительно к ним принадлежащие; и сии-то отношения, отпечатлеваясь в наших чувствах, рождают в нас оные явления относительно к пространству. Положим, что сии явления суть отношения вещей; но дабы иметь о сем чистое понятие, для сего одного слова, выражающего их, недовольно, надлежит сказать еще, что такое те отношения вещей: в сущности ли вещей они положены или от их сущности независимы? Видя беспрестанно, что оные отношения вещей изменяются, между тем как самые вещи остаются одни и те же, нельзя сказать, чтоб оные отношения положены были в сущности вещей или из нее происходили. Каким же образом сии отношения к вещам принадлежат? Они принадлежат к вещам так, что естли бы при каком-либо отношении вещей сии вещи и уничтожились, то бы оные отношения остались. Следовательно, есть нечто особенное от вещей, что производит в нас понятие об оных отношениях, и сие особенное, что бы оно ни было, будет пространство.

Что принадлежит до времени, то вместе с положением существования его только в нас одних отнимется у вещей последовательное бытие их, ибо чрез одно только внутренне чувствуемое нами последовательное бытие нас самих и сопребывание вместе с нами других вещей мы получаем понятие о времени как о принадлежности всех вещей. Но можно ли представить себе бытие вещей непоследовательным? В доказательство возможности сего понятия приводят то, что когда мы рассматриваем какую-либо вещь, состоящую из многих частей, коих вдруг обозреть не можно, то получаем понятия о частях ее одно после другого, между тем как части сии существуют вдруг, а не одна после другой. Но, по моему мнению, сие доказательство не есть доказательство: мы с совершенным внутренним сознанием различаем тот случай, когда многообразное в каком-либо

предмете существует вместе, от того случая, когда оно многообразное существует последовательным образом, ибо в первом случае можем порядок явления для нас оных многообразных частей одной после другой изменять по произволению, и притом в то же время разные люди могут сии явления рассматривать разным порядком; во втором же случае мы порядка последствия явлений изменить не можем и оный представляется нам невольным образом, притом совершенно одинаково как одному из нас, так и другому. От чего же происходит сей невольный и для всех единообразный порядок последствия явлений, если нет порядка в явлениях, а по сему и времени — в природе? Сего опять иначе изъяснить не можем, как через предопределенное согласие.

Итак, когда нет ни пространства, ни времени в природе, то должно быть как относительно к тому, так и относительно к другому предопределенное согласие, и притом таким образом, чтобы предопределенное согласие в рассуждении времени согласовано было с предопределенным согласием в рассуждении пространства. Такая система невольным образом извлечет слова, сказанные Альфонсом X, королем Кастильским³⁹⁵, по случаю рассуждения его о системе мира, изложенной Птоломеем, которая тогда вообще была принимаема.

Довольно кажется и сих необходимо проистекающих последствий из положения существования пространства и времени только в нас, дабы взять сомнение о сей системе. Но рассмотрим еще противности, кои основатель критической философии выставляет как сопряженные с положением существования пространства и времени, кроме нас. Он говорит, что если бы пространство и время не в нас только существовали, то бы понятие о них приобреталось нами чрез опытность, и тогда бы они не могли доставить никаких относительно к ним общих и несомненных синтетических заключений; но известно, что сии заключения возможны и истины, ими доставляемые, составили целую науку — математику. Я согласен с основателем критической философии, что нельзя вывести неоспоримых синтетических заключений из понятий, приобретаемых опытностью, когда сие приобретение понимаемо будет в том точно смысле, в каком он его предполагает, то есть когда приобретаются понятия о некоторых частных случаях, к одному целому принадлежащих, но не несущих на себе печати всеобщности. Но понятие о пространстве совсем иначе

приобретается: оно начинается от целого, и части в сем уже целом содержатся, ибо всякий знает, да и сам г. Кант говорит, что понятие о пространстве предшествует понятию о всех вещах, кои занимают части сего целого. Возможность получить понятие о целом пространстве имеете с его частями положена, во-первых, в самом способе приобретения нами сего понятия, то есть в нашем чувстве зрения, так устроенном, чтоб в нем целое напечатлевалось вдруг со всеми его частями; во-вторых, в том, что сие целое единообразно во всей своей объятности и непрерывно. Когда ж понятие о пространстве начинается от целого, а притом оно единообразно во всех своих частях, то сие и доставляет возможность и удобство приложения к частям его как аналитических, так и синтетических исследований. Что ж принадлежит до времени, то хотя понятие о нем начинается и не от целого, но единообразие его и непрерывность налагают на него печать всеобщности, а потому и способности как к аналитическим, так и к синтетическим о нем суждениям.

Далее говорит г-н Кант: естли бы пространство было условием существования самых вещей и потому находилось бы оно в них, а не в нас только по образу нашего чувствования, то каким образом могли бы мы быть уверены, что то относящееся к пространству, что в нашем чувствовании принадлежит к какому-либо предмету, действительно принадлежит к нему? Но никто и не возьмет на себя доказывать, чтобы пространство, усматриваемое нами в вещах, было в них совершенно таково, каково нами усматривается; довольно, чтоб в них было усматриваемо нами нечто соответствующее, и соответствующее по постоянному закону зависимости между тем, что в них находится, и тем, как оно в чувствовании нашем напечатлевается. Напротив, естли в вещи нет ничего соответствующего тому понятию, относящемуся к пространству, какое в нас при чувствовании ее рождается, и, следовательно, между сею вещию и оным нашим понятием нет никакой взаимной зависимости, то почему тогда сие понятие относиться будет к оной вещи? Так, когда круглости, усматриваемой нами при смотрении на шар, не будет ничего соответствовать в шаре, почему тогда можем мы соединять понятие круглости с понятием шара, ибо тогда сии идеи не будут иметь никакой одна к другой принадлежности. В сем случае все синтетические сопряжения идей, относительно к пространству в математике предлагаемые и доказываемые, были бы чистые химеры, внутри только

нашей головы невольным, но бессвязным образом происходящие и никакого отношения к вещам не имеющие, а по сему и ни к какому приложению к оным неспособные; но всем известно, что никто никогда и ничего не говорил вернее говоренного Евклидом в Элементах его, и нет ни в чем точнее того соответствия, как истины, в оных элементах предлагаемые, согласны с тем, что действительно в вещах усматривается.

Все вышесказанное убеждает думать, что пространство и время суть условия бытия вещей, в самой природе и в них самих, а не в нашем только образе чувствования существующие. Что принадлежит до пространства, то мое суждение о нем таково: понятие об нем производится по впечатлениям, происходящим от него посредством наружных наших чувств на наши внутренние чувства. Впечатление же и тот предмет, который оно производит, не суть одно и то же, но чрезвычайно разнятся между собою, подобно, как цветы, солнцем производимые, разнятся от самого солнца. Может даже стать и вероятно, что сие впечатление в разных людях по различному образованию чувств, для принятия его устроенных, бывает различно или по крайней мере имеет чувствительные оттенки. Посему, что такое есть пространство в своей сущности, нам неизвестно, и мы не имеем способа узнать его сущность, но оно находится в самой природе, и сущность его имеет постоянное отношение к тому впечатлению, которое оно в наших чувствах производит, а потому сравнение впечатлений, частями пространства производимых, выходит таково же, как и сравнение самых сих частей пространства. В подтверждение внешнего происхождения в нас понятия о пространстве привесть можно описание того, что бывает с слепорожденными, когда они по доставлении им зрения в первый раз усматривают пространство и находящиеся в нем предметы: как они всему удивляются! — как не различают дальнего от ближнего, великого от малого и руководствуются осязанием к приобретению сего различия! Ибо сие не доказывает ли, что есть ли они до открытия их зрения имели какое-либо понятие о пространстве, то его имели не по внутреннему его созерцанию, но по одним идеям, доставляемым чувством осязания.

Что же касается до времени, то я понимаю его не так, как нечто существующее в природе само по себе, но как необходимое произведение последовательного бытия вещей, бытия, которое представить

не в последовательном виде не положено в нашей способности. Скажут, может быть, как и г-н Кант говорит, что время от вещей отвлечь можно и что, между тем как все вещи исчезают в воображении, оно остается. Но когда я ни принимался делать сие отвлечение, то, отвлекши его от всех прочих вещей, не мог никоим образом отвлечь его от себя самого. Из сего заключаю я, что понятие о времени приобретаем мы посредством чувствования бытия нас самих и относим оное к прочим вещам по понятию их сопребывания с нами.

КОММЕНТАРИИ

Д. С. Аничков

Аничков Дмитрий Сергеевич (1733–1788) родился в семье подьячего Троице-Сергиевой Лавры. Отец его, несмотря на бедность, принадлежал к дворянскому сословию. По свидетельству современников, «он происходил от бедных, но благородных родителей, которые оставили ему в неотъемлемое наследство доброе имя и честные правила» (Речи, принесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оною, с кратким их жизнеописанием. М., 1819. Т. 2. С. 3). Первоначальное образование получил в Троицкой духовной семинарии. Когда в 1755 г. был открыт Московский университет, Аничков в числе шестерых лучших семинаристов был отправлен туда. С 1760 г. начинается его преподавательская деятельность — сначала в младших классах гимназии, а с 1762 г. в двух гимназиях и самом университете. Аничков читал курсы геометрии, тригонометрии, алгебры, разрабатывал математическую терминологию на русском языке, издавал учебники практически по всем разделам математики. С 1769 г. Аничков занимал кафедру философии и логики. К этому времени он был автором двух философских работ, написанных им еще в студенческие годы: «Рассуждение о бессмертии души человеческой» (Полезное увеселение. 1761. Ч. 4. Июль. № 4) и «Слово на торжественный день тезоименитства Ее Императорского Величества... говоренное в публичном собрании Императорского Московского университета» (М., 1762), получившее название «О мудром изречении греческого философа: рассматривай всякое дело с рассуждением». Аничков анализировал концепцию божественного предопределения, положения которой он почерпнул, скорее всего, из общения с профессорами Московского университета, большей частью немцами и протестантами. Вывод о том, что «над счастьем нашим бесконечная Премудрость владычествует самовластно» (Аничков Д. С. Слово на торжественный день тезоименитства Ее Императорского Величества... говоренное в публичном собрании Императорского Московского университета. М., 1762. С. 9), вовсе не означает необходимости пассивного ожидания предписанной высшими силами участи. Соотношение личных усилий и предопределенности свыше в построении собственной судьбы представляет, по его мнению, соотношение необходимости и случайности. «Когда слышим человека, жалующегося, что он во всех своих предприятиях удачи не имеет, то уже, без всякого сомнения, заключаем об нем, что он за дела свои настоящим образом приниматься не умеет, следственно, всякий человек потому только может назваться счастливым, поколику он повинуется своему разуму, чрез посредство которого всякие его

предприятия бывают ему удачны», — пишет он (Там же. С. 7, 292). Поэтому столь велика роль наук, которые делают разум совершеннее, — они помогают лучше ориентироваться в жизни и становиться счастливее и добродетельнее. Добродетель должна быть обязательным спутником науки, ибо в противном случае последняя теряет всякий смысл: «Что прибыли учиться философии, если не наблюдать в оной предписуемых законов», — восклицает Аничков (Там же. С. 12). Тема единства познания, просвещения и морали становится главной и в последующих его сочинениях.

В 1769 г. Аничков, как соискатель «профессорского достоинства», согласно установившейся традиции, представил диссертацию под названием «Рассуждение из натуральной богословии о начале и прошествии натурального богопочитания» ([М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1769]), где делал попытку рационального анализа истоков религии, проводил определенные параллели между ранними и современными ее формами. Труд был признан чересчур вольнодумным и вызвал гнев Синода. Диссертация была издана с существенными исправлениями и с измененным названием (Философическое рассуждение о начале и происшествии натурального богопочитания у разных а особливо невественных народов, которое производимый публичным ординарным профессором в публичном собрании на рассмотрение предлагает философии и свободных наук магистр Дмитрий Аничков 1769 года августа 25 дня. — [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1769]). Звание ординарного профессора «логики, метафизики и чистой математики» Аничков получил лишь в 1777 г. В том же году он стал инспектором обеих университетских гимназий, а в 1785 г. — надворным советником.

Аничков был «классическим» представителем теоретической философии, ибо занимался математикой, метафизикой и логикой. Сочетание этих наук в XVIII в. представлялось естественным, часто оно дополнялось физикой. Возможность точного знания о мире, казалось, давала основания предполагать, что можно получить достоверные знания и о природе человека. Основная проблематика работ Аничкова — метафизика (философская психология — пневматология) и гносеология. Ему принадлежит также философское сочинение на латинском языке *Annotaciones in logicam et metaphysicam ex variis probatissimis auctoribus exceptae et usibus rossicae juventutis una cum parte polemica et variis exercitationibus, ex logica disputatrice selectus adornatae* (М., 1782. Заглавие шмуцтитула: *Annotaciones in cosmologiam*) и «Заметки по логике и метафизике», где он исследовал модальные суждения, подразделяя их на четыре вида: необходимые, невозможные, возможные и не невозможные, а также сформулировал систему правил для ведения диспутов.

Аничков — автор ряда сочинений по различным областям математики, созданных на основе европейских математических трудов, прежде всего Иоганна Фридриха Вейдлера (1691–1755): «Теоретическая и практическая арифметика» ([М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1764. Последнее 4-е дополненное издание 1793 г.), «Теоретическая и практическая геометрия» (М., 1780),

«Теоретическая и практическая тригонометрия» (М., 1780 и 1787). Он также перевел ряд сочинений Вейдлера с латинского языка.

Сочинения, публикуемые в данном издании, относятся к жанру риторических текстов и были произнесены на торжественных собраниях Московского университета. Отсюда многочисленные риторические «обрамления» панегирического характера, которые приносят в текст жанровое своеобразие и демонстрируют статус интеллектуальных ценностей в российской культуре эпохи Просвещения.

Философским содержанием публикуемых текстов являются различные темы метафизики, включающие проблемы теодицеи, свободы воли, возможности познания, пневматологии, или рациональной психологии. Московская профессура изначально ориентировалась на традиции лейбницевско-вольфианской философии, как в тематике, так и в методах исследования. Логик и математик, Аничков, вслед за Вольфом, считал «математическое» познание высшей степенью знания, свободной от чувственных заблуждений, хотя с сожалением отмечал невозможность достижения абсолютов в реальной эпистемологической практике.

Слово на высокаторжественный день восшествия на всероссийский престол ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ, ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ РОССИЙСКОЙ в публичном собрании императорского Московского университета говоренное оною ж университета философии и свободных наук магистром Дмитрием Аничковым 1767 году, июня 30 дня о том, что мир сей есть ясным доказательством премудрости Божией, и что в нем ничего не бывает по случаю

Впервые опубликовано в 1767 г. в типографии Московского университета. Перепечатано в книге «Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Подготовка текстов, вступительная статья, комментарии Т. В. Артемьевой. — СПб.: Наука, 1996. Печатается по этому изданию.

В данной речи рассмотрена проблема каузальных связей в свете лейбницевско-вольфианской доктрины.

¹ П.С. — почтеннейшие слушатели.

² Убо — итак, сего ради, посему, следовательно, стало быть, так как, потому что.

³ Околичности — побочные обстоятельства, не относящиеся к делу подробности, косвенные намеки, скрывающие суть дела.

⁴ Бильфингер (Бюльфингер) Георг-Бернгард (Bülfinger; 1693–1750) — физик и философ, один из первых академиков Петербургской Академии наук (1725–1730), иностранный почетный член с 1731 г.

- ⁵ Имеется в виду сочинение Бильфингера *De origine et permissione mali, praecipue moralis, commentatio philosophica. Frankfurt und Leipzig, [Mezler], 1724*, где речь идет о лейбницевской теодицее.
- ⁶ Цицерон Марк Туллий (106–43 до н.э.) — римский политик, философ, оратор.
- ⁷ Карпе Франц Самуэль (Карпе; 1748–1806) — философ, профессор филологии в Вене.
- ⁸ Работу, на которую ссылается Аничков, найти не удалось. Из самых ранних сочинений Карпе известно: *Argumentum tentaminis, ex philosophia rationali in conspectu tabellari exhibitum, Olomuc, 1776*.
- ⁹ Социнианство — протестантское течение, основанное в конце XVI–XVII в. в Польше Фаустом Социном (1539–1604). Признавали авторитет Священного писания, но лишь постольку, поскольку оно не противоречит человеческому разуму.

Слово о свойствах познания человеческого и о средствах предохраняющих ум смертного от разных заблуждений. В публичном собрании Императорского Московского университета на высокаторжественный день возшествия на Всероссийский престол ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Благочестивейшия и Самодержавнейшия ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ

Впервые опубликовано в типографии Московского университета в 1770 г. Печатается по этому изданию.

Тема речи Аничкова — проблема познания и критерий истины. Он критикует теорию врожденных понятий, полагая, что разум получает от природы не готовые мыслительные образы, а потенциальные способности.

- ¹⁰ На самом деле это положение сенсуалистической философии неоднократно подвергалось критике, например Рене Декартом, который в «Рассуждении о методе» писал о том, что чувства не содержат представления о Боге или душе.
- ¹¹ Johann Jakob Syrbius *Institutiones philosophiae primae novae et eclecticae. Ienae: Meyer, 1726*.
- ¹² *Praenotiones theologicae contra naturalistarum et fanaticorum omne genus, atheos, deistas, indifferentistas, antiscrypturarios, etc. crassos aequae ac subtiles nec non suspectos doctores, custodiendae / Val. Ernestus Löscherus. Vitembergae: Hannaverus, 1728*.
- ¹³ Картезианцы — последователи философа Рене Декарта (Descartes) (латинизированное имя — Картезий (Cartesius; 1596–1650) — французский философ и математик.

- ¹⁴ Пурхот (Purchott) Эдмундо (1651–1734) — философ и ученый, профессор Парижского университета. Автор *Exercitationes scholasticae in varias partes philosophiae praesertimque in Aristotelis Metaphysicam... quibus praemisum est breve compendium philosophiae*. Lugduni, 1717. *Institutiones philosophicae ad faciliorem veterum ac recentiorum philosophorum lectionem comparatae*. Lugduni, 1716–1717.
- ¹⁵ Сирбиус (Syrbius) Иоганн Якоб (1674–1738) — немецкий богослов. Штурм (Sturm) Леонард Кристоф (1669–1719) — немецкий математик и церковный архитектор. Гамбергер Георг Эрхард (Hamberger; 1697–1755) — немецкий философ и медик. Аничков ссылается на книгу немецкого философа-энциклопедиста Иоганна Франца Буддеуса (Buddeus; 1667–1729) *Theses theologicae de atheismo et superstitione variis observationibus illustratae. Quibus suas annotationes adjecit Joannes Lulofs... [Johann Franz Buddeus]*. Lugduni Batavorum, 1767.
- ¹⁶ Речь идет о первой части сочинения английского философа Томаса Гоббса (Hobbes; 1588–1679) *Elementa philosophica* под названием *De Corpore*, написанной в 1655.
- ¹⁷ *Elementa philosophiae rationalis seu logicae* Knutzen, Martin. Königsberg / Leipzig, Hartung, 1747.
- ¹⁸ Из примечания непонятно, какие именно сочинения Аничков имеет в виду. Оба мыслителя, упоминаемые им, — Оноре Фабри (Fabri; 1607–1688) и Цезаре Кремонини (Cremonini; 1550–1631) были авторами ряда философских сочинений.
- ¹⁹ Перипатетики — последователи философии Аристотеля. Название происходит от того, что в философской школе Аристотеля (Ликее), основанной в Афинах в 333 г. до н. э., обучение обычно происходило во время прогулок (от греч. *peripateo* — прохаживаюсь, *peripatetikos* — прогуливающийся). Перипатетическая школа существовала около тысячи лет (до 529 н. э.) и была крупнейшим центром античной науки.
- ²⁰ Имеется в виду трактат Аристотеля «О душе».
- ²¹ Корсини Эдуардо (Corsini; 1702–1765) — итальянский историк и натурфилософ. Имеется в виду его сочинение *Institutiones philosophicae [ac mathematicae]: Ad usum Scholarum piarum. T. 3: Physicae particularis tractatus primus. — Editio Veneta, anterioribus correctior. — Venetiis: Ex typographia Balleoniana, 1743*.
- ²² Одиссей (Улисс) — легендарный царь острова Итака, один из главных героев Троянской войны. Когда корабль Одиссея проплывал мимо сладкоголосых сирен, завлекающих своим пением мореплавателей на острые прибрежные скалы, ему удалось избежать опасности, заткнув своим спутникам уши воском. Сам Одиссей попросил крепко привязать себя к мачте, чтобы не поддаться волшебным чарам.

- ²³ Речь идет об издании. *Epistolarum libros 10, ... / Caius Plinius Caecilius Secundus. Gottlieb Cortius; Paullus Daniel Longolius. Amstelaedami : Jansson-Waesberge, 1734.* Плиний Старший (23–79 н. э.) рассказывает о том, как Афинодор, увидев приведение, понял, что в доме, в котором оно появляется, находится непогребенный мертвец.
- ²⁴ А самому человеку та же природа не только даровала быстрый ум, но дала и чувства как бы в виде спутников и вестников, разъяснила ему многие темные и недостаточно [сложившиеся] представления, как бы основания для знания; природа придала ему внешний вид, подходящий и вполне соответствующий человеческому уму. Ибо она, заставив все другие живые существа наклоняться к земле, чтобы принимать пищу, одного только человека подняла и побудила его смотреть на небо, как бы на родное для него место и его прежнюю обитель; кроме того, она придала особый внешний вид его лицу, отобразив на нем сокровенные черты его характера. Марк Туллий Цицерон «О законах» (IX) // Диалоги. — М.: Науч.-издат. центр «Ладомир»; Наука, 1994.
- ²⁵ Речь идет об издании *Psychologia rationalis methodo scientifica pertractata, qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur, et ad intimiorem naturae ejusque auctoris cognitionem profutura proponuntur / Christianus Wolfius. Francofurt: Renger, 1734.*
- ²⁶ ...этот человек начал строить и не мог окончить? (Лук.14:30).
- ²⁷ *Elementa philosophiae rationalis seu logicae cum generalis tum specialioris mathematica methodo in usum auditorum suorum] Elementa philosophiae rationalis seu logicae cum generalis tum specialioris mathematica methodo in usum auditorum suorum / Martinus Knutzen. — Regiomonti: Lipsiae: Hartung, 1747.*
- ²⁸ *Hiller Johann Friedrich. Curriculum philosophiae ejusque pars I. logicam complexa. Witemberga, 1760.*
- ²⁹ *Osterrieder Hermann. Logica critica, sive Ars universae sapientiae studium rite instituendi, ex probatissimis veteris ac moderni oevi scriptoribus methodo clara et systematica concinnata, atque in tres partes, theoreticam, practicam ac disputatoriam divisa, usibusque et captui philosophiae aequae ac theologiae candidatorum adaptata a p. Hermanno Osterrieder .. Augustae Vindelicorum : sumptibus Mathaei Rieger, bibliopolae; [Ratisbona]: typis Joannis Michaelis Englerth, aulici & episcopalis Ratisbon. typographi, 1760.*
- ³⁰ Вероятно, речь идет о сочинении Плиния Старшего «Естественная история».
- ³¹ Речь идет о сочинении Даниэля Георга Морхофа (Morhof; 1639–1691) *Polyhistor, literarius, philosophicus et practicus*, выдержавшего много изданий в XVIII в.

- ³² *Quid valeant humeri, quid ferre recusent* — делать посильное, отвергать непосильное (лат.).
- ³³ «По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте [о] [себе] более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил» (Рим. 12:3).
- ³⁴ Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) — римский государственный деятель, писатель, философ, представитель стоицизма.
- ³⁵ Речь идет о сочинениях римского политика, философа, оратора Марка Туллия Цицерона (106–43 до н.э.) «О старости» (*De senectute*) и римского оратора Марка Фабиуса Квинтилиана (35–100 до н. э.) «Наставления оратору» (*Institution oratoire*).
- ³⁶ Ньютон Исаак (Newton; 1643–1727) — английский физик, математик, философ и теолог. Сформулировал теоретические основания механики и астрономии, открыл закон всемирного тяготения. Локк Джон (Locke; 1632–1704) — английский философ. В своих основных трудах («Опыт о человеческом разумении», «О пользовании разумом», «Мысли о воспитании») развивает теорию познания, базирующуюся на принципе сенсуализма, утверждая происхождение знаний из чувственного восприятия мира.
- ³⁷ Декарт — см. комм. 13.
- ³⁸ Август Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н.э. — 14 н. э.) — римский император из рода Юлиев-Клавдиев.
- ³⁹ Аврелиан Луций Домиций (214–275) — римский император.

Слово о разных причинах, не малое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого. В публичном собрании Императорского Московского университета на высокотожественный день восшествия на всероссийский престол ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ И САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ

Впервые опубликовано в 1774 г. в типографии Московского университета. Перепечатано в сборнике Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / под. ред. И.Я. Щипанова. Т.1. [М.], 1952 с небольшими сокращениями. Печатется по изданию 1774 г.

В данной работе рассматривается эволюция познания, несовершенство чувственного познания и крайности рационализма.

- ⁴⁰ Речь идет о Михаиле Федоровиче (1596–1645) — первом русском царе из династии Романовых, избранном на царство в 1613 г.

- ⁴¹ Алексей Михайлович (1629–1676) — русский царь из династии Романовых (с 1645), отец Петра I.
- ⁴² Петр I (1672–1725) — российский царь, в 1721 г. был провозглашен императором.
- ⁴³ Елизавета Петровна (1709–1761) — российская императрица (с 25 ноября 1741 г.), дочь Петра I и Екатерины I Алексеевны.
- ⁴⁴ Речь идет о сочинении И.Ф. Буддеуса *Elementa philosophiae instrumentalis, seu institutionum philosophiae eclecticae*.
- ⁴⁵ Скорее всего речь идет о следующем издании: *Francisci Baconi Baronis de Verulamio, opera omnia: septem voluminibus distincta; novæ huius editioni accedunt opuscula historico-politica Vol. 1: De Argumentis Scientiarum Amstelædami: Wetstenius, 1694*.
- ⁴⁶ Ссылка на трагедию Сенеки «Троянки».
- ⁴⁷ Имеется в виду вторая книга «Посланий» Квинта Горация Флакка (65–8 до н.э.), посвященная вопросам литературы. Первое послание адресовано императору Августу и критикует архаические вкусы, находившие опору в консервативном уклоне официальной идеологии.
- ⁴⁸ Гаузен Христиан Август (Hausen; 1663–1733) — ученый, теолог и философ.
- ⁴⁹ «Иудеи отвечали ему: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим» (Иоан. 19:7).
- ⁵⁰ «Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом» (Иоан. 11:48).
- ⁵¹ Саббатая Цеви (1626–1676) — объявил себя мессией, пришедшим спасти еврейский народ и восстановить его бывшее величие. У Саббатая Цеви нашлось множество сторонников, и саббатанское движение охватило разные страны Европы и Малой Азии, несмотря на осуждение раввинов. Аничков ссылается на издание *Osterrieder (Hermann). Logica critica, sive ars universae sapientiae studium rite instituendi. Augustae Vindelicorum, 1760*.
- ⁵² Квинтилиан Марк Фабий (ок. 35 — ок. 97) — римский оратор и педагог; руководитель первой школы риторики, автор «Наставлений оратору» (*Institutio oratoria*) — самого полного учебника ораторского искусства, дошедшего до нас от античности.
- ⁵³ Протагор из Абдер (ок. 480–410 до н.э.) — древнегреческий философ, основоположник движения софистов.
- ⁵⁴ Хидейёши Тайкосама (2-я пол. XVI в.) — правитель Японии.
- ⁵⁵ Ювенал Децим Юний (ок. 55–60 — после 127) — величайший римский сатирический поэт.

⁵⁶ Злоба голодная тут разгорается, страсти бушуют:
 Ругань сперва начинает звучать, как сигнал для сраженья,
 С криком взаимным потом сшибаются, вместо оружия
 Руки пускаются в ход: у немногих не свернуты скулы,
 Чуть ли не все повредили носы среди этакой свалки.
 Скоро уж видны везде и повсюду разбитые лица,
 Черт не узнать, из разорванных щек торчат уже кости
 Голые, и кулаки измазаны кровью главною.
 Сами ж они почитают игрой это дело и детской
 Схваткой: у них под ногами совсем не валяется трупов.
 Правда, к чему столько тысяч дерутся толпой — и убитых
 Нет между ними? Но вот свирепее натиск, и стали
 Шарить рукой по земле, поднимать и швыряться камнями —
 Самым обычным оружием при бунтах, — хотя не такими
 Тяжкими, легче, чем Турн поднимал да Аякс Теламонид
 (Ювенал. Сатиры. 15. 51–65).

**Слово о невещественности души человеческой и из оной
 происходящем ее бессмертии, на Высокоторжественный
 и Всерадостный день рождения Её Императорского
 Величества Всепреспетлейшей, Державнейшей Великой
 Государыни ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, ИМПЕРАТРИЦЫ
 И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ говоренное в публичном
 Императорского Московского университета собрании**

Впервые опубликовано в 1777 г. в типографии Московского университета. Перепечатано в книге «Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / подготовка текстов, вступительная статья, комментарии Т.В. Артемьевой. — СПб.: Наука, 1996. Печатается по этому изданию.

Представляет собой более полную и зрелую разработку «главной метафизической проблемы», поднятой Аничковым еще в студенческие годы в статье «Рассуждение о бессмертии души человеческой» (Полезное увеселение. 1761. Ч. 4, июль, № 4).

⁵⁷ См.: Творения Блаженного Августина, Епископа Иппонийского. Киев, 1905. Ч. 2. С. 218–219.

⁵⁸ Имеется в виду закончившаяся в 1774 г. подписанием мирного договора в Кучук-Кайнарджи война России с Турцией (1768–1774).

⁵⁹ Вероятно, неточная цитата из екатерининского «Наказа комиссии о составлении нового уложения». Там: «...народ российский, сколько возможно, учинился в себе благополучнейшим» (Сочинения Имп. Екатерины II. СПб., 1849. Т. 1. С. 116).

⁶⁰ Имеются в виду «Тускуланские беседы» Цицерона. Аристоксен (IV в. до н. э.) — греческий философ, любимый ученик Аристотеля, автор «Жизнео-

писания знаменитейших философов», сохранившегося лишь во фрагментах. По его мнению, душа не имеет субстанциональных свойств, а обозначает гармонию, являющуюся результатом соотношения различных частей тела.

- ⁶¹ Демокрит из Абдеры во Фракии (ок. 470/60–360-е до н.э.) — греческий философ, основоположник атомистического учения. Зенон из Кития (334/333–262/261 до н.э.) — основатель стоической школы. Левкипп (V в. до н. э.) — древнегреческий философ, учитель и друг Демокрита, который, по свидетельству ряда античных историков философии, «первым пришел к мысли о допущении атомов».
- ⁶² Диоген Синопский (ок. 408–323 до н.э.) — древнегреческий философ, родоначальник движения киников.
- ⁶³ Анаксагор (500–428 до н.э.) — древнегреческий философ, математик и астроном, около 30 лет прожил в Афинах, фактический основоположник афинской философской школы.
- ⁶⁴ Гиппократ (ок. 460 до н.э. — ок. 370 до н.э.) — древнегреческий врач, «отец медицины», один из основоположников научного подхода к болезням и лечению человека. Полагал, что природа тела состоит в гармонии четырех жидкостей (кровь, слизь, желчь желтая и желчь черная). Эмпедокл (ок. 492 — ок. 432 до н.э.) — древнегреческий философ, поэт, врач, политик и религиозный деятель. В учении Эмпедокла в качестве начал космоса были названы четыре традиционные стихии ионийской физики — огонь, воздух, вода и земля, именуемые им «корнями всех вещей». Полагал, что в основании мироздания лежат четыре стихии — огонь, воздух, вода, земля, именуемые им корнями всех вещей. Дикеарх из Мессены (род. до 320 до н. э.) — древнегреческий философ-перипатетик, ученик Аристотеля и Феофраста.
- ⁶⁵ Пифагор (2-я пол. VI в. — нач. V в. до н.э.) — древнегреческий мыслитель, развивал теорию метемпсихоза, или переселение душ в другие тела после смерти. Платон (427–347 до н. э.) — древнегреческий философ.
- ⁶⁶ Речь идет о сочинении Плутарха *De placitis philosophorum*.
- ⁶⁷ В настоящее время течение мысли, предполагающее принципиальную невозможность объективного характера знания, получило название *солунизм*.
- ⁶⁸ Речь идет о сочинении философа и ученого Джеронимо Феррари (Ferrari; 1701–1754). *Fortunatus a Brixia (d. i. G. Ferrari). Philosophia sensuum mechanica methodice tractata atque ad usus academicos accomodata. 4 Bde. Venedig, Remondini, 1756. Vol. 2: Metaphysica Brixiae*.
- ⁶⁹ Гоббс Томас (Hobbes; 1588–1679) — английский философ. Толанд Джон (Toland; 1670–1722) — английский философ, один из первых представи-

телей свободомыслия. Ковард Уильям (Coward; 1656/1657 — не позднее 1725) — философ и врач.

- ⁷⁰ Аничков ссылается на следующие книги: *Osterrieder H. Metaphysica vetus et nova. Augustae, 1761*; *Buddeus. Elementa philosophiae theoreticae seu institutiones philosophiae eclecticae. Halae (Saxonum), 1724*; *Winclerus J. H. Institutiones metaphysicae et logicae. Augustae, 1810*. Вероятно, Аничков имеет в виду последнюю книгу. Мне не удалось установить наличие более раннего издания. Этому же автору принадлежат: *Institutiones philosophiae wolffianae. Leipzig, 1735*; *De anima corporis organici architecta. Leipzig, 1739*. Канц Израиль Готтлиб (Cantz; 1690–1753) — немецкий философ и теолог. Сочинение под названием «Метафизика», принадлежащее ему, неизвестно. Аничков мог подразумевать следующие работы этого философа: *Philosophiae Leibnitianae et Wolffianae Usus in Theologia... Francofurti; Lipsiae, 1728–1732. T. 1–2*; *Ontologia. Leipsick, 1741*; *Meditationes philosophiae. Tuebingen, 1750*.
- ⁷¹ Вольф Христиан (Wolff; 1679–1754) — немецкий философ-энциклопедист, один из самых авторитетных авторов для российских философов XVIII в. Речь идет о его работе «Рациональная психология», в которой рассматривается проблема души и соединения ее с телом: *Christianus Wolfius. Psychologia rationalis methodo scientifica pertractata, qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur, et ad intimiorem naturae ejusque auctoris cognitionem profutura proponuntur. Francofurt; Lipsiae: Renger, 1734*.
- ⁷² Мальбранш Никола (Malebranche; 1638–1715) — французский философ и теолог, главный представитель окказионализма.
- ⁷³ Кир (II) Великий (ок. 590–530 до н.э.) — царь Персии и основатель Персидского государства.
- ⁷⁴ Спиноза Бенедикт (Spinoza; 1632–1677) — нидерландский философ.
- ⁷⁵ Речь идет об одной из самых «опасных» книг XVII в., которая принадлежит немецкому последователю Спинозы Фридриху Вильгельму фон Стошу (Штошу) (Stosch; 1648–1704): *Concordia rationis & fidei, sive, Harmonia philosophiae moralis & religionis Christianae Amstelodami : [s.n.], 1692*.
- ⁷⁶ Имеется в виду сочинение Цицерона «О старости» (*De Senectute*).
- ⁷⁷ Аничков подразумевает то место в «Тускуланских беседах» Цицерона, где тот пересказывает содержание диалога Платона «Федон» (см. 113d–114c). См.: Марк Туллий Цицерон. Тускуланские беседы // Вера и разум. — 1886. — № 6. — С.325.
- ⁷⁸ См.: Платон. Федр. 245 (c–d). Аничков ссылается на соч. Квинтилиана «Об образовании оратора».
- ⁷⁹ Цицерон. Об утешении. Рус. пер.: Марк Туллий Цицерон. Об утешении. СПб., 1775.

⁸⁰ Тит Лукреций Кар (Titus Lucretius Carus; ок. 95–55 до н.э.) — римский поэт и философ. Его поэма «О природе вещей» (*De rerum natura*) считается единственным систематическим изложением взглядов Эпикура.

⁸¹ Дальше, мы видим, что ум одновременно с телом рождается
И одновременно с тем и растет и стареет с ним вместе (III, 445–446).

Следственно, должно совсем и душе, наконец, разлагаться
И, распускаясь, как дым, уноситься в воздушные выси,
Так как, мы видим, она одновременно, как указал я,
С телом рождаясь, растет и под бременем старости никнет.
Надо добавить еще, что, подобно тому, как и тело,
Тягостно мучат недуг и жестокие боли порою,
Так же подвержен и дух и заботам, и горю, и страху,
А потому надлежит ему также причастным быть смерти.
Мало того: коль болезнь поражает нам тело, то часто
Дух начинает блуждать и высказывать вздорные мысли...
(III, 455–464).

И, наконец, почему, когда внутрь человека проникнет
Едкая крепость вина и огонь разольется по жилам,
Все тяжелеет у нас, заплетаются ноги, коснеет
Тело, шатаясь, язык цепенеет, и ум затуманен... (III, 474–477).

(Тит Лукреций Кар. О природе вещей / Пер. с лат. Ф. Петровского. М., 1983. С. 105).

Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства: На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на всероссийский престол ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, и проч. и проч. с глубочайшим благоговением торжественно празднованный в Императорском Московском университете июня 30 дня 1779 году / Говоренное логики и метафизики публичным и ординарным профессором, обеих гимназий инспектором и Московскаго Российскаго собрания, при том же Университете, членом, Дмитрием Аничковым

Впервые опубликовано в 1779 г. в типографии Московского университета Н. И. Новиковым. Перепечатано в книге «Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Подготовка текстов, вступительная статья, комментарии Т. В. Артемьевой. — СПб.: Наука, 1996. Печатается по этому изданию.

В работе анализируется несовершенство чувственного познания и ограниченность человеческого опыта.

⁸² В.С. — высокопочтеннейшие слушатели.

⁸³ Римский император Константин (306–337) впервые признал христианство равноправным с другими культурами и, согласно легенде, даже сам принял крещение, за что был признан православной церковью «равноапостольным». Имя, данное Константину, отражало одну из внешнеполитических доктрин Екатерины II — знаменитый Греческий проект. Екатерина намеревалась возвести своего внука Александра на трон Греческой (Византийской) империи со столицей в Константинополе после завоевания и раздела Османской империи.

⁸⁴ Бэкон Френсис, барон Веруламский (Васон; 1561–1626) — английский государственный деятель, философ и ученый. «Учение об идолах» является одной из важнейших частей его эпистемологии. Это — *идолы рода* (ошибки, которые человек делает в силу своей несовершенной природы); *идолы пещеры* (ошибки, обусловленные предрассудками); *идолы площади* (ошибки, порождаемые неточностями в использовании языка); *идолы театра* (ошибки, совершаемые в результате следования неверным философским догматам).

⁸⁵ Аничков не совсем прав. Произведения, описывающие жизнь жителей других планет или подземного мира, обычно не носили характера естественнонаучного предположения или гипотезы. Такой сюжет чаще встречается в социальных утопиях. В качестве примера можно привести утопию В. А. Левшина «Новейшее путешествие. Сочинено в г. Белеве» (Собеседник любителей русского слова. 1784. Ч. 13–16), посвященную описанию идеального государственного устройства жителей Луны.

⁸⁶ Поп (Роге) Александр (1688–1744) — английский поэт, автор ряда поэтических сочинений в стихотворной форме. В России особенной популярностью пользовался его «Опыт о человеке» (*An Essay on Man*, 1733–1734) в переводе Н. Поповского (с французского). С этим переводом связан цензурный скандал. Духовная цензура не одобрила к изданию перевод Н.Н. Поповского. Архиепископ Амвросий (в миру А. С. Зертис-Каменский; 1708–1771) заменил ряд стихов Н.Н. Поповского своими, но автор перевода выделил их более крупным шрифтом, таким образом отметив цензурную правку, ухудшившую перевод и искажившую смысл текста.

⁸⁷ См.: Опыт о человеке господина Попе / Пер. с франц. Н. Поповского. М., 1757. С. 7–8.

⁸⁸ «Чрез меру трудного для тебя не ищи, и, что свыше сил твоих, того не испытывай. Что заповедано тебе, о том размышляй; ибо не нужно тебе, что сокрыто. При многих занятиях твоих, о лишнем не заботься: тебе

открыто очень много из человеческого знания; ибо многих ввели в заблуждение их предположения, и лукавые мечты поколебали ум их» (Сир. 4:21–24).

⁸⁹ После землетрясения в Лиссабоне в 1755 г. многие мыслители, включая Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, М.В. Ломоносова, обсуждали вопрос о теодицее в связи с громадным числом невинных жертв этого стихийного бедствия. Российские мыслители полагали, что человеческий разум не в состоянии осмыслить разнообразие причин, приведших к такой трагедии. Более того, по их мнению, землетрясение могло оказаться благотворным для жертв, так как искупало их прошлые и будущие прегрешения. Наиболее последовательно эту точку зрения выразил В. А. Левшин в сочинении, написанном в 1780 г.: «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Г. Волтера на разрушение Лиссабона, Писанное В. Лвшнм к приятелю его Господину З***» (Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Подготовка текстов, вступительная статья, комментарии Т. В. Артемьевой. — СПб.: Наука, 1996. — С. 220–254).

⁹⁰ Марк Курий Дентат (? — 272 до н.э.) — римский военачальник, герой войны с Пирром; в описании римских историков — образец простоты, неподкупности, бескорыстия. Пирр (ок. 318–272 до н.э.) — царь Эпира, государства на севере Греции.

⁹¹ Гай Фабриций Лусцин (III в. до н.э.) — полководец, воевал против эпирского царя Пирра. Был известен своим бескорыстием и неподкупностью.

⁹² Цицерон. О природе богов. Кн. 2. 165.

⁹³ «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1).

⁹⁴ Речь идет о русско-турецкой войне 1768–1774 гг., в результате которой Россия получила земли между Днепром и Южным Бугом, была ликвидирована зависимость Крыма (Аничков называет его Скифской страной) от Турции, были восстановлены автономии Молдавии и Валахии, созданы условия для освободительной борьбы народов Балкан. Изменения в Причерноморье оказали огромное влияние на отношения России с народами Кавказа, видевшими в ней защиту от агрессии Турции и Ирана, а также народами Прикаспия. В начале 1770-х гг. русское подданство приняли живущие там калмыки — именно их имеет в виду Аничков, говоря о «сарматах».

⁹⁵ Имеются в виду завоевания Семилетней войны (1756–1762), которые Россия едва не утратила в результате заключения союза с Пруссией Петром III, аннулированного Ека-териной II, а также раздела Польши в 1772 г. между Австрией, Пруссией и Россией.

**Слово о разных способах, теснейший союз души с телом
изъясняющих. На Высокогоржественный и Всерадостный
день рождения ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА,
Вспресветлейшия Державнейшия Великия Государыни
ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Императрицы и Самодержицы
Всероссийския, Премудрыя Законодательницы и Истинныя
Матери отечества, Говоренное в публичном собрании
Императорскаго Московскаго университета апреля 22 дня,
1783 года**

Впервые опубликовано в 1783 г. Н.И. Новиковым в типографии Московского университета. Перепечатано в сборнике «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под ред. И.Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952 с небольшими сокращениями. Печатается по изданию 1783 г.

В данной работе рассматриваются историко-философские концепции, описывающие возможное соединение противоположных начал. Аничков рассматривает как аристотелевскую концепцию соединения души и тела, которую он в целом разделяет, так и модели Декарта-Мальбранша и Лейбница.

⁹⁶ Речь идет о сочинении Августина Блаженного (Augustinus, полное имя Аврелий Августин; 354–430) «О граде Божьем».

⁹⁷ Нисский Григорий (Gregorios Nysses; ок. 335 — ок. 394) — богослов, христианский епископ. Почитается Православной и Католической церковью. Имеется в виду его сочинение *De officio hominis* («Одеяниях человеческих»).

⁹⁸ Воспящать — задержать движение кого-либо или чего-либо; остановить, обратить вспять.

⁹⁹ Дюгамель Жан-Батист (Du Hamel; 1624–1706) — французский ученый, философ и теолог. Имеется в виду его сочинение *De corpore animato. Paris, 1673*. Вольф — см. комм. 71. Имеется в виду его труд *Experimenta physica oder allerhand nützliche Versuche dadurch zu genauer Erkenntniss der Natur und der Weg gebähnet wird. Halle, 1721–1723*. Бургаве Герман (Boerhaave; 1668–1738) — голландский врач, ботаник и химик. Имеется в виду его сочинение *Institutiones medicae: In usus annuæ Exercitationis Domesticos Digestæ. Leiden, 1708*. Гофман Фридрих (Hoffmann; 1660–1742) — немецкий химик и медик. Имеется в виду его сочинение *Medicinae rationalis systematicae. Halae Magdeburgicae: Renger, 1735–1739*.

¹⁰⁰ Надо добавить еще, что, подобно тому как и тело Тягостно мучат недуг и жестокие боли порою,
Так же подвержен и дух и заботам, и горю, и страху..
Мало того: коль болезнь поражает нам тело, то часто

Дух начинает блуждать и высказывать вздорные мысли (Лукреций. О природе вещей / АН СССР; пер. Ф.А. Петровского. — М., 1946. Кн. 3. — С. 169. Стихи 459–461, 463, 464).

- ¹⁰¹ Если ж мы видим, что ум точно так же, как тело больное, Можно лечить и что он врачеванью вполне поддается... (Там же. С. 173. Стихи 510, 511).
- ¹⁰² Не потому ль это так получается все постоянно, Что даже в теле душа возмущается крепостью винной? (Там же. С. 171. Стихи 482, 483).
- ¹⁰³ Дальше, мы видим, что ум одновременно с телом рождается И одновременно с ним и растет, и стареет с ним вместе (Там же. С. 169. Стихи 445, 446).
- ¹⁰⁴ Имеется в виду сочинение Христиана Вольфа *Philosophia Prima, Sive Ontologia, Methodo Scientifica Pertractata, Qua Omnis Cognitionis Humanæ Principia Continentur*. Francofurti & Lipsiæ, 1736.
- ¹⁰⁵ Меркурий — в древнеримской мифологии — бог скотоводства и торговли, покровитель путников, вестник богов. Изображался с крылышками на ногах.
- ¹⁰⁶ Вероятно, имеется в виду Бона Джованни (Bona; 1609–1674) — католический теолог и кардинал французского происхождения. Наиболее известными его работами являются *Via Compendii ad Deum* (1657); *Principia et documenta vitae Christianae* (1673); *Manuductio ad coelum* (1658); *Horologium Asceticum* (Paris, 1676). На русском языке была опубликована его работа: Христианская философия, или Руководство к небесам: Содержащее в себе лучшая из священнаго писания, святых отцев и древних философов нравоучения / Сочинено на латинском языке Иоанном Боной кардиналом; Переведено с латинскаго [Аполлосом (Байбаковым)]. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1774.
- ¹⁰⁷ Нийевентит Бернар (Nieuwentijt, Nieventit; 1654–1718) — нидерландский философ, математик и теолог. Вероятно, Аничков имеет в виду его книгу *Het regt gebruik der werelt beschouwingen, ter overtuiging van ongodisten en ongelovigen* («Правильное понимание Божественного откровения», 1715), которая неоднократно издавалась в переводах на разные европейские языки.
- ¹⁰⁸ Борелли Джованни Альфонсо (Borelli; 1608–1679) — итальянский астроном, математик и физиолог. Имеется в виду его работа *De motu animalium. Lugduni Batavorum, 1685*.
- ¹⁰⁹ Фуше Симон (Foucher; 1644–1696) — французский философ и теолог. В примечании Аничков ссылается на сочинение Г.Б. Бильфингера «О предустановленной гармонии» *De harmonia animi et corporis humani maxime praestabilita, ex mente illustris Leibnitii, commentatio hypothetica. Tubingae, 1741*.
- ¹¹⁰ Плотин (204/205–269/270) — древнегреческий философ-платоник, считающийся основателем неоплатонизма.

- ¹¹¹ Порфирий (232 — ок. 305) — античный философ-неоплатоник. Родился в Тире, ученик Плотина и издатель его сочинений.
- ¹¹² См. «Журнал ученых» за 1695 г.
- ¹¹³ Лейбниц Готфрид Вильгельм (Leibniz; 1646–1716) — немецкий философ, математик, физик и изобретатель, юрист, историк, языковед.
- ¹¹⁴ Имеется в виду Марк Туллий Цицерон и его сочинение «Тускуланские беседы».
- ¹¹⁵ Имеется в виду работа Лейбница «Новая система природы и связи существностей, также и о союзе между душою и телом».
- ¹¹⁶ Речь идет о следующих ссылках: «Завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице» (Иов. 31:1); «Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим. 7:23); «Помышления смертных нетверды, и мысли наши ошибочны, ибо тленное тело отягощает душу, и эта земная хранина подавляет многозаботливый ум» (Прем.Сол. 9:14,15).
- ¹¹⁷ Речь идет о следующих ссылках: Исх. 2:1–25; 4 Цар. 19:1–37; Дан. 14:1–42; Матф. 4:1–25.
- ¹¹⁸ «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Быт. 1:26).
- ¹¹⁹ Тиммиг (Thümmig) Людвиг Филипп (1697–1728) — немецкий философ и теолог. Аничков ссылается на его диссертацию, посвященную проблеме бессмертия души *Demonstratio Immortalitatis Animae Ex Intima Eius Natura Deducta / Quam Sub Praesidio Ludovici Philippi Thümmigii ... Publice Defendit Conradus Henricus Menschingius Börry-Hannoveranus ... Die XII. Decemb. An. MDCCXXI. Halæ Magdeburgicæ. Literis Job. Christ. Hilligeri, Acad. Typ., 1721.*

Я. П. Козельский

Яков Павлович Козельский (1728 — после 1793) получил образование в Киевской духовной академии, Академической гимназии и Академическом университете в Петербурге. Служил в Преображенском полку. С 1763 г. преподавал механику в Артиллерийском и Инженерном шляхетном кадетском корпусе. Позже служил секретарем Сената, а с 1788 г. «сочинителем» в дирекционной комиссии при Комиссии нового Уложения.

Наследие Козельского разнообразно и свидетельствует о широте его интересов. Он является автором ряда учебных пособий: «Арифметическия предложения для употребления обучающагося в Артиллерийском и инженерном

шляхетском кадетском корпусе благородного юношества» (СПб., 1764); «Механические предложения для употребления обучающагося при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества» (СПб., 1764, 2-е изд., 1787); переводит книги с немецкого и латыни по фортификации и военному делу («Начальных оснований фортификации» Х. Вольфа (1765) и «Сочинения об осаде крепостей» (1770)). В это же время Козельский печатает ряд переводов общественно-политических и философских текстов, прежде всего с немецкого и французского языка. Это книги Ф.К. фон Мозера «Государь и министр» (СПб., 1766), Л. Хольберга «История датская / Сочиненная г. Голбергом; Которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельской» (СПб., 1765–1766) с характерной припиской «Издано на счет Я.П. Козельского»; Д.Э. Шоффена «История славных государей и великих генералов: С разсуждениями о их поступках и делах» (СПб., 1765, 2-е изд., 1792); В. д'Обефа «История о переменнах, производивших в Швеции в разсуждении веры и правления (СПб., 1764–1765). Он переводит философские статьи из Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера «Статьи о философии и частях ея: Из Энциклопедии», «Статьи о нравоучительной философии и частях ея из Энциклопедии» (СПб., 1770). Главные философские сочинения Козельского — «Философические предложения» (СПб., 1768) и «Разсуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» (СПб., 1788). Козельский довольно критически относился к сочинениям просветительских философов, не исключая Хр. Вольфа, отчетливое влияние которого (через Ф.-Х. Баумейстера) видно в обоих текстах. Как и другие российские метафизики, он полагает, что суть познания не в исчислении дефиниций, а в постижении смысла жизни. «Ежели рассудить о намерении, с которым мы обучаемся наукам, — пишет он в обращении к «благосклонному читателю», — то философия между ими заслуживает особливое уважение, не столько для содержания в ней оснований ко всем другим наукам, сколько для правил к исканию благополучия».

Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года

Впервые опубликовано в 1768 г. (СПб.: [Печ. при Сенате], 1768). Перепечатано в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И.Я. Щипанова. Т.1. [М.], 1952. Печатается по этому изданию с использованием и сверкой по первой публикации.

В данной работе Козельский дает систематическое изложение философии, обстоятельно рассматривая каждую ее часть — логику, метафизику, нравоучительную философию, а также право и политику. Мыслитель привлекает большой историко-философский материал, стараясь выявить наиболее существенные мнения, отделяя их от излишнего теоретизирования, которое

он считает бесплодными. Критерием истинного знания Козельский считает не сложность, а ясность, очевидность и возможность практического применения в моральном совершенствовании и социальном устройстве.

¹²⁰ Посвящено князю А.А. Вяземскому (1727–1793) — государственному деятелю, генерал-прокурору Сената.

¹²¹ Руссо Жан-Жак (Rousseau; 1712–1778) — французский мыслитель, писатель. Козельский имеет в виду парадоксальное сочинение Руссо «Рассуждение о науках и искусствах», поданное в 1752 г. на конкурс Дижонской академии на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов». Руссо дает отрицательную оценку роли науки и искусств, и делает вывод, что улучшение нравов возможно лишь как результат обращения к образу жизни естественного, неиспорченного цивилизацией человека. В работе *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes* (1755) («Рассуждении о происхождении неравенства между людьми») Руссо объясняет причины социального расслоения.

¹²² Готшед Иоганн Кристоф (Gottsched; 1700–1766) — немецкий писатель и мыслитель. Автор популярной в России книги *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, Grundlegung einer deutschen Sprachkunst. Leipzig, 1748*. Баумейстер Фридрих Христиан (Baumeister; 1708–1785) — немецкий философ, последователь Г. Лейбница и Хр. Вольфа, автор популярных в России учебников логики, метафизики и естественной философии.

¹²³ Белидор Бернар Форе де (Belidor; 1693–1761) — французский военный инженер, автор ряда работ по фортификации, артиллерии и математике. Бугер Пьер (Bouguer; 1698–1758) — французский физик, математик, астроном, геодезист и путешественник. Разработал методы измерения силы света. Установил (1729) закон ослабления света.

¹²⁴ Имеется в виду Бернулли Якоб (Bernoulli; 1654–1705) — швейцарский математик, старший брат Иоганна Бернулли; профессор математики Базельского университета.

¹²⁵ Механические предложения для употребления обучающегося при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества, Сочиненныя артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1764.

¹²⁶ Монтескье Шарль Луи (Montesquieu; 1689–1755) — французский философ и писатель эпохи Просвещения. Автор фундаментального труда в области политической мысли «О духе законов» (*De l'esprit des lois*, 1748). Гельвеций Клод Адриан (Helvetius; 1715–1771) — французский философ. Автор сочинений: «Об уме» (*De l'esprit*, 1758); «О человеке, его умственных способностях и его воспитании». По его мнению, движущее начало общественной жизни — принцип эгоизма, себялюбия.

- ¹²⁷ *Philosophie Morale réduite à ses princlpes, ou essai de M. S*** sur le mérite et la vertu.* (Философия морали, сведенная к основаниям, или эссе господина S*** о достоинстве и добродетели] *A Venise [i. e. Paris]: Par la Societe des Libraires, 1751*). Имеется в виду перевод, сделанный Д. Дидро на французский язык книги Э.К. Шефтсбери *An inquiry concerning virtue, in two discourses*, впервые опубликованного в 1745.
- ¹²⁸ Д'Аржан Жан Батист де Буайе (Argens; 1704–1771) — маркиз, французский писатель, камергер при дворе Фридриха II, директор отделения изящной словесности Берлинской Академии наук. Имеется в виду его книга «Философия здравого смысла» (*La Philosophie du bon sens; ou, Réflexions philosophiques sur l'incertitude des connaissances humaines, à l'usage des cavaliers et du beau sexe. A La Haye : chez Pierre Paupie, 1740*).
- ¹²⁹ Козельский имеет в виду Платона, который писал об этом в диалоге «Государство».
- ¹³⁰ Цицерон — см. комм. 6. Цезарь Гай Юлий (100–44 до н. э.) — римский государственный деятель и полководец, диктатура которого знаменовала решающий поворот от республиканского строя к империи. Ливий Андроник Луций (Livius; ок. 284 — ок. 204 до н.э.) — автор эпических, драматических и лирических произведений, написанных на латинском языке.
- ¹³¹ Нума Помпилий, согласно античной традиции, второй царь Древнего Рима, правил в 715–673/672 гг. до н.э. Считается, что он ввел в Риме календарь и установил разделение граждан на сословия. Жизнь Нумы Помпилия описывают Плутарх и Ливий.
- ¹³² См. прим. 128.
- ¹³³ Вольтер (Voltaire; наст. имя Франсуа Мари Аруэ [Arouet]) (1694–1778) — французский писатель, философ, историк. Козельский ссылается на его сочинение *Eléments de la philosophie de Newton* (1738), название которого приводит неточно.
- ¹³⁴ Имеется в виду Ньютон (Newton) — см. комм. 36.
- ¹³⁵ Имеется в виду Тиберий Гракх (ок. 169/4–133 до н.э.) — римский государственный деятель, пытавшийся провести политические и социальные реформы.
- ¹³⁶ Югурта (Jugurtha) — царь Нумидии (160–104 до н.э.).
- ¹³⁷ Декарт — см. комм. 6. Автор трактата *Les passions de l'âme* («Страсти души»), латинское издание которого (*Passiones animae... Amsterdam, Louis Elzevier, 1650*) цитирует Козельский.
- ¹³⁸ Имеется в виду поэма «Энеиды» Публия Вергилия Марона (70–19 до н.э.), величайшего поэта Древнего Рима.
- ¹³⁹ Возможно, речь идет об издании на немецком языке сочинения голландского политического мыслителя Гуго Гроция (Grotius; 1583–1645):

Hugonis Grotii drey Bücher von Kriegs und Friedens-Rechten: in welchen das Recht der Natur und das allgemeine Völcker-Recht, wie in gleichen die vornehmsten Stücke derer Reichs und Staats-Rechte erkläret werden; mit dem Kern der Erklärungen und Anmerckungen aller gelahrten Männer...: Benebst einem vollkommenen Register über das gantze Werck, ins Teutsche übersetzt und heraus gegeben. Franckfurt am Mayn, 1709.

- ¹⁴⁰ Имеется в виду сочинение немецкого писателя и философа Иоганна Кристофа Готтшеда (Gottsched; 1700–1766) *Erste Gründe der gesammten Weltweisheit: darinn alle philosophische Wissenschaften in ihrer natürlichen Verknüpfung abgehandelt werden... Leipzig, 1735.*
- ¹⁴¹ Катон Старший (Катон Цензор) (234 — ок. 148 до н.э.) — политик, полководец и писатель, известен строгостью нравов и приверженностью идее уничтожения Карфагена.
- ¹⁴² Неточная ссылка на Библию. В посланиях апостола Павла к Тимофею, на которые ссылается Козельский, подобных строчек нет.
- ¹⁴³ Речь идет о евангельской притче: «...человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал [его] в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!» (Матф. 25:14–30).

- ¹⁴⁴ Стережень — остережений, предосторожностей.
- ¹⁴⁵ Монтескье «Духе законов».
- ¹⁴⁶ См. комм. 127.
- ¹⁴⁷ Мопертюи Пьер Луи де (Mauvertuis; 1698–1759) — французский астроном и философ.
- ¹⁴⁸ Коммодитет (от фр. *commodité*) — удобство.
- ¹⁴⁹ Имеется в виду книга К.Ф. Мозера (1723–1798) «Государь и министр» (*Der Herr und der Diener*), изданная во Франкфурте в 1755 г., переведенная Козельским и изданная в 1766 г.
- ¹⁵⁰ Аристид (? — после 468 до н.э.), прозванный Справедливым, афинский государственный деятель и полководец, Фемистокл (ок. 528 — ок. 460 до н.э.), афинский государственный и военный деятель, соперник Аристиды.
- ¹⁵¹ Jean Baptiste Du Halde, *Description Géographique, Historique, Chronologique, Politique et Physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise : Enrichie des Cartes Générales et particulières de ces pays, de la Carte générales et des Cartes particuliers du Thibet et de la Corée et ornée d'un grand nombre de Figures et de Vignettes ... / Par le P. J. B. DuHalde, ... Avec un Avertissement préliminaire, où l'on rend compte des principales améliorations qui ont été faites dans cette Nouvelle Edition. A la Haye : Scheurleer, 1736.*
- ¹⁵² *Jakob Friedrich Bielfeld Lehrbegriff der Staatskunst. Th. 1–2 Breslau ; Leipzig, 1761.*
- ¹⁵³ Брение — земля, грязь.
- ¹⁵⁴ *Laurent Angliviel de La Beaumelle Mes pensées, avec le supplément, nouvelle édition. Berlin, 1761.*
- ¹⁵⁵ Франциск I (François; 1494–1547) — французский король (1515–1547).
- ¹⁵⁶ Бонивет Жийом Гофье де (Bonnivet; 1488–1525) — французский военачальник.
- ¹⁵⁷ Имеется в виду статья о Китае в «Философском словаре» Вольтера (*Dictionnaire philosophique portatif. Londres [i.e. Geneva] 1764*).
- ¹⁵⁸ Скандерберг — вождь албанцев.
- ¹⁵⁹ Имеется в виду *Friedrich II Anti-Machiavel ou essay de critique sur le prince de Machiavel / Publié par Mr. de Voltaire. A La Haye, Aux dépens de L'Editeur, 1740.*
- ¹⁶⁰ Юсти Иоганн Генрих Готлоб (Justi; 1720–1771) — немецкий экономист и политический мыслитель, теоретик так называемого полицейского права. Далее Козельский ссылается на его работу *Staatswirtschaft oder systematische Abhandlung aller ökonomischen und Cameralwissenschaft, 2 volumes. Leipzig, 1758.*

¹⁶¹ Август (63 до н.э. — 14 н.э.) — основатель Римской империи.

¹⁶² Макиавелли (Machiavelli) Никколо ди Бернардо (1469–1527) — итальянский мыслитель, политический деятель, историк. Всемирную известность ему принес трактат «О Государе2 (*Il Principe*)», написанный в 1513 г. и изданный посмертно в 1532 г., где он разделяет политику и мораль.

М.В. Ломоносов

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) — великий русский ученый. Грамоте обучался в 11–12 лет у дьячка Семена Сабельникова и крестьянина Ивана Шубного. Позже он отмечал, что в семье не приветствовалась его тяга к образованию. «Имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами», — писал он И.И. Шувалову (Письмо И. И. Шувалову от 31 мая 1753 г. // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. I–XI. М.; Л., 1950–1959, 1983. Том десятый: Служебные документы. Письма. 1734–1765. М., 1952. С. 481–482). В 1730 г. Ломоносов ушел из дома и начал свое легендарное путешествие к знаниям. В январе 1731 г. он поступил в Славяно-греко-латинскую академию в самый низший класс. Ему пришлось вынести насмешки товарищей, нищету, но в 1735 г. он успешно перешел в класс философии, который вел Феофилакт Лопатинский, а в 1736 г., как студент «остроумия не последнего», он попал в Академический университет при Петербургской Академии наук. В этом же году он вошел в число способных студентов, которых отправили в Германию в Марбургский университет, чтобы обучать их «химии и горному делу». Там Ломоносов встретился с Христианом Вольфом — одним из известнейших философов и ученых своего времени. Хр. Вольф во время пребывания Ломоносова в Марбурге вел занятия по 16 предметам логике, философии, естественному праву и праву народов, политике, географии, хронологии, астрономии, математике, теоретической физике, механике, оптике, гидравлике, военной и гражданской архитектуре, пиротехнике.

Будучи прекрасным педагогом, Вольф регулярно информировал Академию об успехах российских студентов, заботился и об их личной жизни. Так, в марте 1738 г. он просил И.Д. Шумахера воздействовать на студентов, обучающихся в Германии, с тем, чтобы они бережнее расходовали средства (Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. С. 212). В мае Шумахер послал студентам новую «Инструкцию» и 300 рублей.

Вольф сразу оценил талант молодого Ломоносова. В письме Президенту Академии Иоганну Корфу в сентябре 1737 г. Вольф писал: «Господин Ломоносов, кажется, имеет самую смышленную голову среди них» (Цит. по: Тимофеев А.И. Хр. Вольф и создание российской Академии наук // Петербургская Академия наук в истории академий мира. Материалы Международной

конференции. Т. IV. СПб., 1999. С. 86). В свою очередь, Ломоносов высоко ценил способность Вольфа к ясной и четкой формулировке собственных мыслей. Именно приверженность методу Вольфа (а не содержанию его учения) продемонстрировал великий русский ученый-энциклопедист в своей дальнейшей научной работе. Наиболее важным для России было совмещение Вольфом научного мышления с телеологией, формирование убежденности в том, что научное познание не только не противоречит истинам Священного Писания, но подкрепляет их и позволяет служить Богу, занимаясь наукой. Это убеждение позволило Ломоносову не только стать выдающимся ученым, но и высказать множество интересных богословских предположений в его духовных одах.

В 1741 г. Ломоносов вернулся в Петербург; в 1742 г. был произведен в адъюнкты физического класса, в 1745 г. получил звание профессора химии, а в 1747 г. — академика. Научную работу в области химии, физики, астрономии, географии, геологии, мозаичного дела, а также языкознания, истории он совмещал с активной административной деятельностью. Ломоносов создал химическую лабораторию, активно занимался организационной работой в Академии наук, Академическом университете и гимназии. Ломоносов стремился расширить автономию Академии наук и добиться того, чтобы научная жизнь определялась ее членами («Академия сама себя правит»). По его инициативе и по его проекту при поддержке И.И. Шувалова был открыт Московский университет в 1755 г. Научная деятельность Ломоносова получила международную известность.

Особое значение имеют поэтические и филологические труды Ломоносова. Он был автором многообразных поэтических сочинений, среди которых одическая поэзия, в том числе как панегирическая, которой Ломоносов придавал историософский смысл, а также «натурфилософская» и духовная, представляющая собой переложения псалмов и размышления.

Философские взгляды Ломоносова были основаны на его энциклопедизме, помогавшем органично соединять многообразные интересы как в области «физики», так и «метафизики». Ломоносов пытался построить физическую картину мира, основывая ее на «корпускулярной философии — науки о мельчайших частицах, от которых происходят частные качества ощутимых тел» («Об отношении количества материи и веса») — последнего предела, до которого сохраняются физические свойства материи. Неизменность мельчайших тел, образовавших все природные тела, показывает что в основание мира Создатель положил идеи соразмерности, однородности и гармонии. «Корпускулярная философия» становится для Ломоносова объяснительным принципом, на основании которого он подверг критике «субстратное» понимание природы физических явлений.

Ломоносов предполагал изложить общую теорию «корпускулярной философии» в «Системе всей физики» и «Микрологии» (1763–1764), однако успел

набросать лишь предварительный план этих работ. Он хотел выстроить гармоничную и непротиворечивую картину мира, показав, что «все связано единою силою и согласованием природы» ([Заметки к Системе всей физики и «Микрологии»] // Полн. собр. соч. Т. III. М.; Л., 1952. С. 491). Главная идея задуманного произведения отражена в проекте оформления титульного листа, своеобразного аллегорического «эпиграфа», разработанного и описанного Ломоносовым довольно тщательно: «В картуше под титулом представить Натуру, стоящую главою выше облак, звездами и планетами украшенную, покрытую облачною фатою, в иных местах открытую, около ног — Купидоны, иной смотрит в микроскоп, иной с циркулом и с цифирною доскою, иной на голову из трубы смотрит, иной в иготь [иготь — ручная ступка. — Т.А.] принимает падающие из рога вещи и текущее из сосцов ее молоко. Все обще сносят на одну таблицу и пишут ее. Надпись: Все согласуется» (Там же. С. 495). Следует отметить свидетельства об интересе Ломоносова и к логике. Так, А.А. Константинов — зять Ломоносова утверждал, что последний является автором сочинения под названием «Логика доселе неизвестная» (Е.С. Кулябко в книге «Замечательные питомцы Академического университета» (Л., 1977) приводит этот факт, ссылаясь на дневник И.М. Снегирева // Русский архив. 1902. Кн. III. С. 17).

Размышления о причине теплоты и холода

Время написания — июль 1749 г. Впервые опубликовано на латинском языке в «Новых комментариях» (СПб., 1750. Т. 1. С. 206–229); на русском языке в переводе Н.Е. Зернова — в журнале «Новый магазин естественной истории» (1828. Ч. III. №1. С. 29–64). Печатается по изданию: Ломоносов М.В. Избранные произведения. Т. 1. М.: Наука, 1986. С. 74–90; перевод Б.П. Меншуткина. В данной работе Ломоносов детально разработал атомно-кинетическую теорию теплоты, начало чему было положено в «Опыте теории о нечувствительных частицах тел...».

«Размышления о причине теплоты и холода» Ломоносова были замечены сразу же после выхода их в свет, отклики на них появились в ряде западно-европейских изданий.

¹⁶³ Речь идет о книгах Германа Бургаве (Boerhaave; 1668–1738) «Элементы химии» (*Elementa Chemiae: Quae Anniversario Labore Docuit, In Publicis. Lugduni Batavorum: Imbof, 1732*) и Джорджа Синклера (Sinclair; ?–1696) «Новое и великое искусство тяжести и легкости» (*Ars nova et magna gravitatis et levitatis. Sive, Dialogorum philosophicorum libri sex de aeris vera ac reali gravitate. Roterodami, 1669*).

¹⁶⁴ Имеется в виду работа Роберта Бойля (Boyle; 1627–1691) *Exercitationes de atmosphaeris corporum consistentium; deque mira subtilitate, determinata natura, et insigni vi effluviorm. Subjunctis experimentis novis, ostendentibus, posse partes ignis & flammae reddi stables ponderabilesque. Vnà cum detecta*

penetrabilitate vitri à ponderabilibus partibus flammae, ab Roberto Boyle. Genevae, Apud Samuelem de Tourne, 1680.

¹⁶⁵ Речь идет о французском ученом Самуэле Котторо Дюкло (du Clos; 1677–1715).

¹⁶⁶ Пункт 1 в этом параграфе не обозначен.

[Из «Волфианской экспериментальной физики»]. Посвящение

Впервые издано в 1746 г. («Волфианская Экспериментальная физика». СПб., при Имп. Акад. наук, 1746 г.) в количестве 1200 экземпляров. Второе издание было осуществлено в 1760 г. В него Ломоносов включил шесть прибавлений, в которых излагал свои теоретические и экспериментальные работы по физике. «Вольфианская Теоретическая физика» была переведена также Б.А. Волковым (СПб., [тип. Акад. наук], 1760) За основу был взят, собственно, не трехтомный труд Вольфа «Физические эксперименты, или Всевозможные полезные опыты, которыми прокладывается путь к точному познанию природы и искусства» (*Experimenta physica oder allerhand nützliche Versuche dadurch zu genauer Erkenntniss der Natur und der Weg gebähnet wird* (Halle, 1721–1723)), а 6-й и 7-й разделы I тома его сокращенного переложения на латинский язык Л.Ф. Тюммига — «Основания вольфианской философии, составленное для академического пользования» (Лейпциг, 1725) (*Institutiones philosophiae Wolfianae, in usus academico adornatae* (Francofurti et Lipsiae, 1725)).

Печатается по изданию: Ломоносов М.В. Избранные произведения. Т. 1. М.: Наука, 1986. С. 271–274.

В «Предисловии» к своему переводу Ломоносов реконструирует тот путь, который прошли науки, «а особливо философия». Первым назван, конечно, Аристотель. Ломоносов признает заслуги великого мыслителя, однако полагает, что философия потерпела большой ущерб от «слепого прилепления ко мнениям славного человека». Традицию не критического перипатетизма сломал Декарт, что вызвало к жизни целую плеяду мыслителей нового типа: Лейбница, Кларка, Локка, Ньютона и др. Особо Ломоносов отмечает Христиана Вольфа.

¹⁶⁷ Перевод посвящен графу М.И. Воронцову (1714–1767), участнику дворцового переворота 1741 г., канцлеру и покровителю Ломоносова. Именно Воронцов позже дал деньги для установки памятника на могиле Ломоносова.

¹⁶⁸ М.И. Воронцов привез несколько мозаичных картин из своего путешествия в Италию в 1745 г.

¹⁶⁹ Ломоносов имеет в виду свою работу «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее» (См.: Ломоносов М.В. Избранные произведения. М.: Наука, 1986. С. 242–259).

- ¹⁷⁰ Лейбниц — см. комм. 113. Кларк Сэмюэл (Clarke; 1675–1729) — английский философ; Локк — см. комм. 36.
- ¹⁷¹ Мальпиги Марчелло (Malpighi; 1628–1694) — итальянский врач и натурфилософ. Бойль Роберт (Boyle; 1621–1691) — английский ученый и богослов. Герике Отто фон (Guericke; 1602–1686) — немецкий физик. Чирнгауз Эренфрид-Вальтер (Tschirnhaus; 1651–1708) — немецкий математик, физик и философ. Штурм Иоганн Христоф (Sturm; 1635–1703) — немецкий ученый.
- ¹⁷² Кеплер Иоганн (Kepler; 1571–1630) — немецкий астроном, открывший законы движения планет. Галилей Галилео (Galilei; 1564–1642) — итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания Нового времени. Гюйгенс Христиан (Huygens; 1629–1695) — нидерландский механик, физик и математик, создатель волновой теории света. Де ла Гир Филипп (la Hire; 1640–1718) — французский математик и астроном. Ньютон — см. комм. 36; создал теоретические основы механики и астрономии, открыл закон всемирного тяготения, разработал (наряду с Г. Лейбницем) дифференциальное и интегральное исчисление.
- ¹⁷³ Гиппарх (Иппарх) (ок. 190 — после 126 до н.э.) — древнегреческий астроном. Птолемей Клавдий (II в.) — древнегреческий ученый, разработал так называемую геоцентрическую систему мира.
- ¹⁷⁴ Пифагор Самосский (ок. 570 — ок. 500 до н.э.) — древнегреческий философ и математик.
- ¹⁷⁵ Тюммиг Людвиг Филипп (Thümmig; 1690–1728) — немецкий физик и философ.

Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия

Время написания — 1743 г. Впервые опубликовано в издании: Сочинения М. В. Ломоносова. Т. III. М., 1895. С. 13–77. Печатается по: Ломоносов М. В. Избранные произведения. Т. 2. М.: Наука, 1986. С. 154–193.

Интерес к риторике возник у Ломоносова еще во время обучения в Славяно-греко-латинской академии. В Марбургском университете он прослушал курс римского красноречия у профессора И.А. Гартмана, самостоятельно изучал трактаты по риторике Н. Коссена, И. Гютшеда и др. По возвращении в Петербург Ломоносову — молодому адъюнкту — было поручено читать лекции о «стихотворстве и штиле российского языка». В отличие от классических произведений на эту тему, «Риторика» Ломоносова была написана на русском, а не на латинском языке, что было сочтено недостатком данной работы и послужило мотивом отклонения первого варианта. Возможно, Ломоносова вдохновил пример его наставника Христиана Вольфа, который первым обратился к национальному языку для выражения своих теоретических идей. В переработанном виде рукопись была издана под новым названием: «Крат-

кое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки» (1748).

Сочинение Ломоносова стало событием большого исторического значения и способствовало развитию русского литературного языка.

¹⁷⁶ Его Императорское Высочество.

¹⁷⁷ Н.п. — например.

¹⁷⁸ Фридрих I Барбаросса утонул в 1190 г. в реке Селеф (древний Цидн).

¹⁷⁹ Гельвецкие горы — Швейцарские Альпы (от *Helvetia* — одного из названий Швейцарии).

¹⁸⁰ Вергилий. Энеида, IV, 612–620.

¹⁸¹ Отрывок из не дошедшего до нас стихотворения Ломоносова.

¹⁸² Первая строфа из «Оды на день тезоименитства Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Феодоровича 1743 года» в раннем варианте.

¹⁸³ Одна из редакций фрагмента из «Оды на взятие Хотина» 1739 года.

¹⁸⁴ Агаряне — кочевой народ, потомки Измаила, жившие на восток от Галаада, воевавшие с израильтянами. Были покорены во времена Саула.

¹⁸⁵ Строфы из ранней редакции «Оды на взятие Хотина» 1739 года.

¹⁸⁶ Строфа из не дошедшей до нас оды Ломоносова.

¹⁸⁷ Отрывок из 43-й строфы «Оды на прибытие Елизаветы Петровны из Москвы в Петербург» (1742).

¹⁸⁸ Отрывок из не дошедшего до нас стихотворения Ломоносова.

¹⁸⁹ Основано на игре латинских слов: *Caesar* — цезарь и *caedo* — сечь.

¹⁹⁰ Стихи М.В. Ломоносова.

¹⁹¹ Овидий. Метаморфозы, XIII, 97.

¹⁹² Овидий. Метаморфозы, XIII, 136–137.

¹⁹³ Гектор — сын Приама и Гекубы, главный герой Троянской войны в «Илиаде».

¹⁹⁴ Тифис (Тифий) — аргонавт, кормчий «Арго» на пути в Колхиду.

¹⁹⁵ Зачем вы рвете волосы, фригийянки,

И скорбно бьете в грудь, и обливаетесь слезами?

Легки были беды прежние, коль нынешние стоят слез.

Недавно лишь для вас погибла Троя, для меня — давно,

Когда свирепый тело потащил мое

И ось влекла со стоном тяжесть Гектора

(Сенека. Троянки. 410 // Луций Анней Сенека. Трагедии. М.: Искусство, 1991).

- ¹⁹⁶ Из «Оды на взятие Хотина» М.В. Ломоносова.
- ¹⁹⁷ Медея — волшебница, дочь царя Колхиды Ээта, внучка Гелиоса, племянница Кирки. За обещание жениться на ней Медея помогла предводителю аргонавтов Ясону овладеть золотым руном. Когда Ясон задумал жениться на дочери коринфского царя Креонта Главке, Медея страшно отомстила неблагодарному мужу. Она послала сопернице пропитанный ядом пеплос и убила своих и Ясона детей.
- ¹⁹⁸ Отрывок из «Оды на день тезоименитства Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Феодоровича 1743 года».
- ¹⁹⁹ Троп — от греческого «поворот», «переворот».
- ²⁰⁰ Укалегон — имя троянца, дом которого сгорел одним из первых при взятии Трои.
- ²⁰¹ Ср. в «Оде на прибытие ЕЕ Величества Великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации»: «Что твердь с собой в союзе свяжет / И вспять идти луне укажет».
- ²⁰² Из «Оды на прибытие ЕЕ Величества Великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации».
- ²⁰³ Из первоначальной редакции «Оды на прибытие ЕЕ Величества Великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации».
- ²⁰⁴ Стихи из «Оды на взятие Хотина».
- ²⁰⁵ Из первоначальной редакции «Оды на прибытие из Голстинии и на день рождения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Федоровича 1742 года февраля 10 дня».
- ²⁰⁶ Из «Оды на день восшествия на престол Елизаветы Петровны» 1746 г.
- ²⁰⁷ «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3).
- ²⁰⁸ Из «Оды на взятие Хотина» 1739 года в ее первоначальной редакции.
- ²⁰⁹ Примечания автора в тексте отсутствуют.
- ²¹⁰ Из первоначальной редакции «Оды на прибытие из Голстинии».
- ²¹¹ Из «Оды на взятие Хотина» 1739 года в ее первоначальной редакции.
- ²¹² Из первоначальной редакции «Оды на прибытие из Голстинии».
- ²¹³ Сенека. Троянки, 692–694.
- ²¹⁴ Лукреций. О природе вещей, I, 62–65.

Предисловие о пользе книг церковных в российском языке

Датируется предположительно 1758 г. Впервые напечатано в выпущенном Московским университетом Собрании разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова. М., 1757.

Кн. I. С. 3–10. Печатается по: Ломоносов М.В. Избранные произведения. Т. 2. М.: Наука, 1986. С. 154–193.

«Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» было обращено к важнейшим проблемам филологической науки: соотношению церковно-славянских и русских элементов в русском литературном языке, разграничению литературных стилей и классификации литературных жанров.

Работа Ломоносова свидетельствовала о секуляризации русского литературного языка, но не за счет тотального изъятия из него церковно-славянской лексики, а за счет осмысленного ее использования, в том числе для формирования отвлеченных понятий. Ломоносов исследовал и систематизировал правила соотношения элементов русского разговорного языка с элементами церковно-славянского, что было важно для передачи стилевых оттенков литературных жанров. Созданное Ломоносовым учение о трех стилях оказало значительное влияние на дальнейшую историю русской литературы и русского литературного языка.

²¹⁵ Гомер (ок. VIII в. до н.э.) — легендарный древнегреческий поэт. Пиндар (518–438 до н.э.) — греческий поэт. Демосфен (384–322 до н.э.) — величайший оратор Афин и Древней Греции.

²¹⁶ Иоанн Дамаскин (ок. 676 — ок. 754) — христианский богослов, учитель церкви, представитель греческой патристики. Наиболее известны его литургические гимны и в систематическое форме изложение церковного вероучения.

²¹⁷ Обавать — заговаривать, ворожить, очаровывать; рясны — женские украшения; овогда — иногда; свене — кроме.

²¹⁸ Гораций Оды, IV, (ст. 25–28). В переводе Н. С. Гинцбурга:

Немало храбрых до Агамемнона
На свете жило, вечный, однако, мрак
Гнетет их всех, без слез, в забвеньи:

Вещего не дал им рок поэта (Гораций Оды, IV (ст. 25–28) // Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. СПб.: Биографический институт, Студия биографика, 1993).

²¹⁹ Цицерон — см. комм. 6; разоблачил заговор Катилины против римского республиканского строя и провозглашен «отцом отечества». Катилина Луций Сергий (ок. 106–62 до н.э.) — римский политик.

²²⁰ Квинт Гораций Флакк (Horatius; 65–8 до н.э.) — римский поэт, один из наиболее прославленных авторов в мировой литературе. Меценат Гай Цильний (ок. 70–8 до н.э.) — римский государственный деятель покровитель поэтов и художников (Вергилия, Горация, которому подарил поместье). Ломоносов также имеет в виду И.И. Шувалова (1727–1797), при помощи которого было реализовано множество его научных проектов, в том числе открыт Московский университет (1755).

²²¹ Имеется в виду открытие Московского университета и Академии художеств (1757).

И.А. Третьяков

Иван Андреевич Третьяков (после 1735–1776) первоначальное образование получил в Тверской духовной семинарии, затем поступил в Московский университет. Вместе с С. Е. Десницким был послан в Великобританию для завершения образования. В Глазго они слушали лекции Адама Смита и Джеймса Миллара (James Millar), также ученика Смита, именно эти имена они особо подчеркнули в своих письмах на Родину (See: *A. H. Brown // Adam Smith's First Russian Followers // Essays of Adam Smith // Andrew Skinner and Thomas Wilson (eds). Oxford, 1975*). Русские студенты слушали лекции Смита по этике, риторике и праву. Именно право и стало объектом их докторских диссертаций. Как правоведаы они работали и в России. В 1764 г. Третьяков получил ученую степень магистра искусств, а в 1766 г. представил докторскую диссертацию *De in jus vocando* («О вызове в суд»), но защитить ее не успел, так как был срочно отозван в Россию. Совет Глазговского университета присудил ему степень доктора без защиты. С 1767 г. он работал в Московском университете. Выступил с сочинениями риторического жанра, авторство некоторых из них оспаривается (См. об озтом: Браун А. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете // Вестник МГУ. Серия «История». М., 1969; Малинов А. В. Тьмы разных народов: понимание истории И. А. Третьяковым // Философский век. Альманах. № 5. СПб., 1998. С. 139).

Слово о происшествии и учреждении университетов в Эвропе на государственных иждивениях, в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета на Высочайший день рождения ЕЯ Императорскаго Величества, Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской, Говоренное онагож Университета свободных наук магистром и юриспруденции доктором Иваном Третьяковым 1768 года апреля 22 дня

Впервые опубликовано в 1768 г. в типографии Московского университета. Перепечатано в сборнике «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И.Я. Щипанова. Т. 1. [М.], 1952 с небольшими сокращениями. Печатается по изданию 1768 г.

В данном сочинении Третьяков говорит об истории европейского, прежде всего университетского, образования. Он отмечает специфику развития университетского образования в связи с особенностями религиозных учений и отношения государственной власти.

- ²²² Левиафан — чудовище, похожее на дракона. В Библии (Пс 73:14; 103:26), (Ис 27:1) выступает как символ темных сил. «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» — название сочинения английского философа Т. Гоббса, посвященного проблемам государства.
- ²²³ Речь идет о литературной мистификации шотландского поэта и историка Джеймса Макферсона (1736–1796), опубликовавшего свои стихи под видом поэмы легендарного кельтского барда Оссиана *Fingal, an ancient epic poem, in six books: : together with several other poems, composed by Ossian the son of Fingal / Translated from the Galic language, by James Macpherson (London, 1762)*.
- ²²⁴ Броня из г. Габии в Лациуме.
- ²²⁵ Демосфен — см. комм. 215; в юности имел дефекты речи, слабый голос, привычку подергивать плечом и пр., однако преодолел все недостатки путем усердных упражнений.
- ²²⁶ Речь идет о Петербургской Академии наук, открытой Петром I в 1724 г. и Московском университете, открытом в 1755 г. во время царствования Елизаветы Петровны. Некоторое время его даже называли вместо нейтрального *alma mater* — *alma Universitas Elisabethana*.
- ²²⁷ *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / Par l'auteur de l'Histoire de Charles XII. Geneva, 1759–1763* («Российская империя во время правления Петра Великого»).
- ²²⁸ Юстиниан Великий (482 или 483–565) — император Восточной Римской империи. При нем была произведена знаменитая кодификация римского права.
- ²²⁹ Винословие — логика, рассуждение.
- ²³⁰ Заратуштра (греч. Зороастр; VII–VI вв. до н. э.) — полумифологический реформатор древней иранской религии, основатель зороастризма (маздеизма), жрец и пророк.
- ²³¹ Понятие «метафизика» идет от Аристотеля. Первоначально оно означало совокупность его работ, следующих за сочинениями по «физике», или естественным наукам, буквально *μετα τα φυσικα* — «то, что следует за физикой».
- ²³² Диоген Лаэртский (1-я пол. III в. н.э.) — античный историк философии, автор сочинения «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Третьяков мог пользоваться изданием *Laertii Diogenis de vitis, dogmatis et apophthegmatis Eorum qui in Philosophia Claruerunt; libri X / Thoma Aldobrandino Interprete, Cum Annotationibus ejusdem. Quibus accesserunt Annotationes H. Stephani, [et] Utriusque Casavbon. Londini, Impensis Octaviani Pulleyn, ad insigne Rosæ in Cæmiterio Paulino; Typis Tho.*

Ratcliffe, 1664). Гейнекий Иоганн Готлиб (Heinecke; 1681–1741) — немецкий юрист и философ. Полное собрание сочинений Гейнекия под заглавием *Opera ad univ[er]sam jurisprudentiam, philosophiam et litteras humaniores pertinentia* издано в Женеве в 1744–1748 гг. и переиздано в 1771 г. На русском языке имеется его книга «Основания умственной и нравоучительной философии обще с сокращенною историю философияческой» / Сочиненныя Иоанном Готтлобом Гейнекием, тайным советником е.в. короля прусскаго, публичным и ординарным прав и философии в Фридрицианской академии профессором; и с латинскаго языка на российской переведенныя [Ильей Федоровым]. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1766. Брукер Иоганн Якоб (Brucker; 1696–1770) — немецкий философ и историк. Автор *Institutiones historiae philosophicae usui academicae iuventutis adornatae Iacobi Bruckeri ... Institutiones historiae philosophicae usui academicae iuventutis adornatae. Lipsiae: Breitkopf, 1747*.

²³³ Ergo (лат.) — следовательно. Обычная связка при построении силлогизма.

²³⁴ Тит Лукреций Кар — см. комм. 80. Цицерон считается популяризатором греческой философии. Обзор своих сочинений по философии Цицерон приводит в трактате «О дивинации».

²³⁵ Эней (миф.) — герой Троянской войны. Существовал ряд мифов о странствиях Энея по морю.

²³⁶ Calvinists — кальвинисты, протестанты, последователи Жака Кальвина (1509–1564). Catholics — католики. Lutherans — лютеране, протестанты, последователи Мартина Лютера (1485–1546). Presbyterians — пресвитериане, одно из направлений протестантизма, возникшее в период Реформации в Шотландии и Англии. Пресвитериане выступили против Англиканской церкви и королевского абсолютизма Церковь пресвитериан в Шотландии основал Дж. Нокс (1505–1572). Quakers (quakers), или «Религиозное общество друзей», — направление протестантизма, основанное странствующим проповедником Джорджем Фоксом (1624–1691) и направленное против господствующей церкви. Moravians — моравские братья, направление протестантизма, выросшее из движения гуситов, последователей чешского реформатора Яна Гуса (ок. 1371–1415). Dissenters — диссентеры, лица, не разделяющие официально принятого вероисповедания Англиканской церкви. Seceders — сисидеры (отщепенцы), наименование лиц, примкнувших к движению Secession — отделению от Англиканской церкви и организации Церкви Шотландии.

²³⁷ Геродот (род. в середине 480-х до н.э.) — древнегреческий историк, «отец истории». Автор «Истории» в девяти книгах, дающей обширные сведения по этнографии, географии, культуре различных народов и стран. Фуки-

- дид (ок. 460 — ок. 400 до н.э.) — афинский историк, автор «Истории», посвященном Пелопоннесской войне между Афинами и Спартой.
- ²³⁸ Больше уже не буду сочинять стихов, дражайшая мать (лат.).
- ²³⁹ Третьяков перечисляет местоимения и служебные слова различных языков.
- ²⁴⁰ Архимед (ок. 287–212 до н.э.) — древнегреческий математик и механик. Развил методы нахождения площадей поверхностей и объемов различных фигур и тел.
- ²⁴¹ Речь идет о Джоне Гarrisone (Harrison; 1693–1776), изобретателе хронометра, который служил для определения долготы. Долготу можно было вычислить по разнице между местным временем астрономического события.
- ²⁴² См.: *Essays and Treatises on several Subjects in two volumes, by David Hume, Esq. Vol I. London MDCCLXVIII.*
- ²⁴³ Речь идет о традиции изучения наук («семи свободных искусств»), состоявших из двух циклов: тривиума (грамматика, диалектика (логика), риторика) и квадравиума (арифметика геометрия, музыка, астрономия).
- ²⁴⁴ Бонония (Bononia) — латинское название региона в Италии, включающего город Болонью. Иногда так называли Болонью.
- ²⁴⁵ Пандекты — в Древнем Риме сочинения крупнейших юристов, построенные в виде коротких извлечений из законов и работ предшествующих авторов. Широкую известность получили Пандекты Юстиниана, составившие вторую часть Кодификации Юстиниана (наиболее распространенное название их — Дигесты).
- ²⁴⁶ Архиепископ Кентерберийский — духовный глава англиканства в Великобритании.
- ²⁴⁷ Речь идет о книге Уильяма Блекстона (Blackstone; 1723–1780) *An analysis of the laws of England. To which is prefixed an introductory discourse on the study of the law. Oxford, 1759.* Сочинения этого автора были популярны в России. Имеется перевод С.Е. Десницкого при участии А.М. Брянцева на русский язык первого тома *Commentaries on the laws of England* под названием «Истолкования аглинских законов г. Блэкстона» (М., 1780–1782), сделанный по приказу Екатерины II.
- ²⁴⁸ Barbara (Барбара), Celarent (Целарент), Darii (Дарии), Ferio (Ферио) — мнемонические имена модусов первой фигуры простого категорического силлогизма в формальной логике.

А.М. Брянцев

Андрей Михайлович Брянцев (1749–1821) в 1756 г. поступил в Вологодскую духовную семинарию, затем, окончив ее, — в Славяно-греко-латинскую академию. В 1770 г. стал студентом Московского университета. В 1779 г.

назначен учителем латинского и греческого языков и российской словесности в Университетскую гимназию. С 1788 г. — профессор логики и метафизики в Московском университете. Также занимал ряд административных постов. Занимался переводческой деятельностью. Вместе с С.Е. Десницким перевел с английского языка 1-й том четырехтомного труда У. Блэкстона *Commentaries on the laws of England* («Истолкования аглинских законов»). В 1787 г. вышел перевод с немецкого книги И. Шеллера «Сокращенное латинское языкоучение, или Грамматика новейшая». Он также перевел книгу *Neueste Nachrichten vom Türkischen Reich; ein Handbuch. Berlin, 1788* («Новейшие известия о Турецкой империи: Для тех, кои желают иметь сведения о состоянии оной, особливо при случае нынешней ея с Российской и Римскою империями войны, с генеральною картою всех Турецких земель. СПб.: Изданием И. Сытина: Печ. у Брейткопфа, 1789»). В 1798 г. во Владимире Брянцев напечатал книгу *Antiquitatum graecorum praecipue Atticarum, descriptio brevis* (вышла в 1799). По специальному поручению М.Н. Муравьева им были переведены «Начальные основания нравственной философии» А. Фергюсона (М., 1804).

Философский дискурс Брянцева был обращен к той части метафизики, которая обозначалась как «онтология и космология» и была связана с естественными науками. Это отчетливо демонстрируют дошедшие до нас сочинения «Слово о связи вещей во вселенной...» (1790) и «Слово о всеобщих и главных законах природы...» (1799), публикуемые в данном издании. В своей натурфилософии Брянцев несколько отошел от философии вольфианства, приверженцами которой были профессора Московского университета. Имеются косвенные свидетельства, что он популяризовал в Московском университете философию Канта. Текст его магистерской диссертации *De criterio veritas* («О критерии истины») не сохранился, а большая часть книг и рукописей сгорела во время пожара 1812 г.

Слово о связи вещей во вселенной.: На высокотожественный и всерадостный день восшествия на всероссийский престол ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ ГОСУДАРНИИ, ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, ПРЕМУДРЫЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНИЦЫ И ИСТИННЫЯ МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА

Впервые издано в 1790 г. в типографии Московского университета. Перепечатано в сборнике Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И.Я. Щипанова. Т. 1. [М.], 1952 с небольшими сокращениями. Воспроизводится по изданию 1790 г.

В данной работе Брянцев окончательно порывает с неопределенностью космологических понятий, которая была причиной полемики середины XVIII в. и связана с переводом А.Д. Кантемиром сочинения Бернар Ле Бо-

вье де Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (СПб.: При Имп. Акад. наук, 1740). Брянецев отказывается от употребления многозначного понятия «мир», предпочитая использовать понятие «вселенная» в его естественнонаучном значении. Вместе с тем это еще не позволяет ему выйти за пределы натурфилософского рассуждения и разделять онтологический и космологический дискурсы, хотя телеологические координаты метафизики Лейбница-Вольфа уже не кажутся ему достаточно просторными для рассуждений.

²⁴⁹ В.С. — высокопочтенные слушатели.

²⁵⁰ Плутарх (ок. 46 — ок. 127) — древнегреческий писатель, историк и философ-моралист. Брянецев имеет в виду его сочинение *De placitis philosophorum* («О мнениях философов»). Посидоний (135–51 до н.э.) — философ-стоик, ученый и политик. Лейбниц — см. комм. 113. Брянецев имеет в виду его сочинение «Теодицея». Вольф — см. комм. 71. Вероятно, Брянецев не совсем точно называет известное произведение Вольфа «Немецкая метафизика» *Vernünfftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen (Deutsche Metaphysik)*. 1720. Halle, 1751. Бильфингер — см. комм. 4. Речь идет о его сочинении *Dilucidationes philosophicae de Deo, anima humana, mundo, et generalibus rerum affectionibus. Nachdr. der Ausg. Tübingen, 1725*.

²⁵¹ Брянецев ссылается на русский перевод книги нидерландского географа Бернгарда Варениуса (Varenio; 1622–1650) «География генеральная: Небесныи и земноводныи круги купно с их свойстваи идиствья: В трех книгах описующа / Преведена слатинска языка на руссикский и напечатана в Москве повелением царскаго пресветлаго величества» ([М.], Июнь 1718) *Geographia generalis in qua affectiones generalis: Telluris explicantur / Auctora Bernh. Varenio*. Перевод сделан с одного из амстердамских изданий (1650, 1664, 1671 гг.).

²⁵² Речь идет о сочинении Лейбница «Основания философии» *Principia philosophiae, more geometrico demonstrata: cum excerptis ex epistolis philosophi et scholiis quibusdam... Francofurti; Lipsiae, 1728*. Речь идет о работе Вольфа *Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch Allen Dingen überhaupt: Den Liebhabern der Wahrheit mitgetheilet. Halle: Zu finden in der Rengerischen Buchbandl., 1720*, которую часто называют «Немецкой метафизикой».

²⁵³ Вальх Иоганн Георг (Walchs, 1693–1775) — философ, ученый. Автор одного из популярных энциклопедических изданий «Философский лексикон» *Johann Georg Walchs Philosophisches Lexicon. Leipzig: Gleditsch, 1775*.

²⁵⁴ Бонне Шарль (Bonnet; 1720–1793) — швейцарский натуралист и философ. Автор известного сочинения «Размышление о природе» (*Contemplation de la nature. T. 1–2 Genève: Cailler, 1770*), которое Брянецев цитирует в немецком переводе.

²⁵⁵ Брянецев ссылается на книгу французского атвора Андриена Рише (Richer; 1720–1798) «Опыт о великих событиях, происшедших от малых причин», Амстердам, 1758.

Он приводит известное выражение римского писателя Плавта (Plautus; ок. 254–184 до н.э.) *Quanta e quantillis iam sunt facta!* («Нечто из мельчайшего уже есть кое-что!»).

²⁵⁶ Титель (Тительманн) Франциск (Titelmans; 1502–1537) — богослов и философ. Трудно сказать, какое именно исследование имел в виду Брянецев. Возможно, это *Dialecticae consyderationis libri sex, Aristotelici Organi summa, hoc est, totius Dialecticae ab Aristotele tractatae complectentes, videlicet, De Praedicabilibus, De Praedicamentis, De Interpretatione, sive Enuntiatione, De Syllogismo, De locis Dialecticis, De locis Sophisticis*. Lyon, G. Rouillé, 1569.

²⁵⁷ Слейдан Иоганн (Sleidanus; 1506–1556) — немецкий историк и дипломат. Автор произведения «Примечания о состоянии Германии в религиозном и государственном отношениях в царствование императора Карла V» *De Statu Religionis Et Reipublicae Carolo Quinto Caesare Commentarii*.

²⁵⁸ Пиррон (ок. 365–275 до н.э.) — древнегреческий философ из Элиды (Пеллопоннес). Один из основателей античного скептицизма и автор понятия «акаталепсия» (осознание собственного незнания).

²⁵⁹ Брянецев ссылается на сочинение Цицерона «О судьбе» (*Ignava ratio*. Рассуждение, парализующее волю).

²⁶⁰ Минуций Феликс (ок. 200–?) — римский юрист и писатель. Автор первой латинской христианской апологии «Октавий».

**Слово о всеобщих и главных законах природы:
На высокаторжественный день тезоименитства
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Благочестивейшаго,
Самодержавнейшаго, ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
И САМОДЕРЖЦА всея России ПАВЛА ПЕРВАГО:
В торжественном Императорского Московского университета
собрании июня 30 дня, 1799 года**

Впервые издано в 1799 г. в типографии Московского университета. Перепечатано в сборнике Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И.Я. Щипанова. Т. 1. [М.], 1952 с небольшими сокращениями. Печатается по изданию 1799 г.

Брянецев пытается выявить универсальные законы, которые равным образом были бы применимы как к миру явлений, так и к рефлексии над этим миром.

²⁶¹ ПП.СС. — почтеннейшим слушателям.

²⁶² *Natura non facit saltum* — природа не делает скачков (лат.).

²⁶³ Мендельсон Моисей (Mendelssohn; 1729–1786) — философ и просветитель. Его сочинение «Федон, или о бессмертии души» было очень популярно в России.

П.И. Страхов

Петр Иванович Страхов (1757–1813) в 1770 г. поступил в гимназию Московского университета, закончив которую, стал студентом университета; изучал словесность, физику и философию. Во время обучения вынужден был подрабатывать переводами. Он перевел известное сочинение Сен-Мартена «О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания» (М., 1785), «Эмиль и София, или Хорошо воспитанные любовники» Ж.-Ж. Руссо (М., 1779), «Тысяча и одно дурачество», сказки (М., 1780–1781), «Начальные основы опытной физики» М.Ж. Бриссона (3 части, М., 1800-е гг., 2-е изд. — 1810).

Литературная деятельность Страхова привлекла внимание куратора Московского университета М.М. Хераскова, который сделал его своим секретарем и покровительствовал ему: ввел молодого человека в московские аристократические салоны, где Страхов, по его выражению, нашел «второй университет», университет «практического образования». В 1785 г. он был послан в Европу, чтобы собрать «самые первые и точные сведения о состоянии западноевропейского просвещения». Страхов посетил Германию, Богемию, Моравию, Швейцарию, Францию, изучив образовательную систему этих стран и встречаясь с выдающимися учеными, что нашло отражение в публикуемом сочинении. Страхов предполагал, что будет занимать кафедру красноречия, но, когда он вернулся, там уже работал Х.А. Чеботарев. Страхову пришлось поменять специальность. С 1789 г. он начал читать лекции по физике, представил в совет университета на латинском и русском языках сочинение «О движении тел вообще и в особенности же звезд небесных». Академическая карьера Страхова была успешной. В 1805–1807 гг. он был ректором Московского университета.

Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие. На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на престол ЕЯ Императорского Величества, Всепресветлейшия Великия Государыни, Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Самодержицы Всероссийския, Премудрая законодательницы и истинныя Матери Отечества, говоренное в публичном собрании Императорского Московскаго университета июня 30 дня, 1788 года

Впервые опубликовано в 1788 г. в типографии Московского университета. Печатается по этому изданию.

Данное сочинение в полной мере отражает представление о статусе науки и образования в России эпохи Просвещения и официальную риторику по этому поводу.

²⁶⁴ Нестор — в греческой мифологии царь Пилоса, сын Нелея. Единственный из двенадцати сыновей Нелея, уцелевший после войны пилосцев с Гераклом.

²⁶⁵ Эвандр (Эвандр) — в римской мифологии внук или сын аркадского царя Палланта (вариант: Гермеса). Построил укрепленный город на холме, названном им Паллатином.

²⁶⁶ Готтентоты (самоназвание — койкоин) — народ, живущий в центральных и южных районах Намибии.

²⁶⁷ Анаксагор из Клазомен (ок. 500–428 до н.э.) — древнегреческий ученый и философ.

А.А. Прокопович-Антонский

Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762–848) в 1773 г. поступил в Киево-Могилянскую академию, в 1782 г. в числе лучших учеников переведен в Московский университет. В 1784 г. произведен в бакалавры Учительского института; был репетитором университетских гимназистов в латинском риторическом классе. Принимал участие в издававшихся Н.И. Новиковым журналах «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец». В 1787 г. определен секретарем к куратору И.И. Мелиссино и поступил в Благородный пансион учителем натуральной истории. С 1790 г. профессор Московского университета. В 1788–1792 гг. Прокопович-Антонский издавал «Магазин натуральной истории, физики и химии» — первый естественнонаучный журнал Москвы. Прокопович-Антонский первым из профессоров стал читать естественную историю на русском языке. Он излагал минералогию, ботанику и зоологию по Линнею. В 1811 г. он стал одним из основателей и первым председателем «Общества любителей российской словесности». В 1813 г. был избран членом Российской Академии, а в 1841 г. — почетным членом императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. В 1819–1826 гг. — ректор Московского университета.

Слово о начале и успехах наук, и в особенности Естественной Истории. На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на престол Ея Императорскаго величества всепресвятлейшия Великия Государыни императрицы и Самодержицы Всероссийския Екатерины II, говоренное в торжественном собрании императорского Московскаго университета июля 1 дня, 1791 года

Впервые опубликовано в 1791 г. Печатается по этому изданию.

В данной работе Прокопович-Антонский формирует отношение к естественным наукам как онтологическому основанию, делающему возможным

познание. Он демонстрирует эволюцию научного знания и, по сути, формирует методологические основания изучения науки в ее истории.

²⁶⁸ ПП. СС. — почтеннейшие слушатели.

²⁶⁹ Агаряне — см. комм. 184. Речь идет как о русско-шведской войне 1788–1790 гг., так и о русско-турецкой войне 1787–1791 гг.

²⁷⁰ Развивая понравившуюся ему идею Лейбница, Петр I сказал по поводу спуска на воду нового военного корабля: «Историки, между прочим, доказывают, что первый и начальный Наук престол был в Греции, откуда, по несчастию, принуждены были они убежать и спрятаться в Италии, а по малом времени рассеялись уже по всей Европе; но нерадение наших предков им воспрепятствовало и далее Польши пройти не допустило. Я не хочу изобразить другим каким-либо лучшим образом сего Наук прехождения, как токмо циркуляциею, или обращением, крови в человеческом теле, да и, кажется, я чувствую некоторое в сердце моем предвидение, что оныи науки убегут когда-нибудь из Англии, Франции и Германии и перейдут для обитания между нами на многие веки, а потом уже возвратятся в Грецию на прежнее свое жилище». Цит. по: Тезаур Эммануил. Философия нравоучительная... СПб., 1764. С. 1–2 (Предисловие).

²⁷¹ Плиний Старший, Гай Плиний Секунд (Gaius Plinius Secundus; 23 или 24–79) — римский писатель, ученый и государственный деятель. Автор «Естественной истории» (*Naturalis historiae*) в 37 книгах, использовавшийся как источник знаний о природе вплоть до XVIII в.

²⁷² Антонский критически рассматривает различные концепции естественного состояния человека и, как следствие, общественного договора. Гоббс — см. комм. 69. Полагал, что естественная природа человека проявляется в эгоизме, что приводит к «войне всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Люди вынуждены объединяться в государства при помощи «общественного договора» и подчиняются власти, чтобы получить защиту друг от друга. Гельвеций — см. комм. 126. По его мнению, движущее начало общественной жизни — принцип эгоизма, себялюбия. Руссо — см. комм. 121. В работе «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми» Руссо объясняет причины социального расслоения, называя самым счастливым периодом человечества именно первобытные времена, когда человек еще не был «испорчен» цивилизацией. Интерпретация Руссо проблемы общественного договора рассматривается в работе «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762). Для Руссо общественный договор — это прежде всего договор народа как целого с самим собою.

²⁷³ Тацит Публий Корнелий (Tacitus; около 56–120) — римский государственный деятель, писатель-историк. Автор сочинения «О происхождении германцев и местоположении Германии» (*De origine et situ Germanorum*).

²⁷⁴ Калигула (полное имя Гай Юлий Цезарь Германик) (12–41 н.э.) — римский император, отличавшийся жестоким и деспотичным характером.

- ²⁷⁵ Вероятно, Антонский ошибается в написании имени, имея в виду Ж.-Ж. Руссо, автора педагогического трактата «Эмиль, или О воспитании» (*Émile, ou d l'Education*) и «Юлия, или Новая Элоиза» (*Julie, ou la Nouvelle Héloïse*).
- ²⁷⁶ Известны два деятеля, носившие это имя. Катон Старший (Катон Цензор) (234 — ок. 148 до н.э.), политик, полководец и писатель, известен строгостью нравов и приверженностью идее уничтожения Карфагена. Катон Младший (Катон Утический) (95–46 до н.э.), римский политический деятель, служивший в эпоху Просвещения символом преданности республиканским идеям.
- ²⁷⁷ Расин Жан (Racine; 1639–1699) — французский драматург, представитель классицизма. Мольер (Поклен) Жан-Батист (Moli re [Poquelin]; 1622–1673) — французский комедиограф, актер, создатель классицистической комедии.
- ²⁷⁸ Д'Аламбер Жан Лерон (D'Alembert; 1717–1783) — французский математик и философ.
- ²⁷⁹ Штусс Иоганн Генрих (Stuss; 1686–1775) — ученый и философ. Автор *Exercitatio Historico-Philosophica De Luthero Philosopho Eclectico. Gothae, Litteris Reyherianis, 1730*.
- ²⁸⁰ Сократ из Афин (469–399 до н.э.) — знаменитый античный философ, учитель Платона.
- ²⁸¹ Траян Марк Ульпий (53–117) — римский император.
- ²⁸² Имеется в виду так называемая Александрийская школа, понимаемая как ряд философских и литературных течений, сменявшихся в Александрии с III в. до н.э. по IV в. Кроме того, так называют богословскую школу, основанную во II в. Пантенном. Во главе школы стояли выдающиеся философы Климент Александрийский, Ориген и др.
- ²⁸³ Карл Великий (лат. Carolus Magnus) (742–814) — король франков с 768 г., император Римской империи с 800 г. Поощрял развитие культуры и образования, что привело к феномену каролингского Ренессанса.
- ²⁸⁴ Альфред Великий (Alfred, Aelfred; 849–899) — король Уэссекса, сплотивший вокруг себя значительную часть Англии. Поддерживал развитие науки, занимался литературной деятельностью и переводами с латыни.
- ²⁸⁵ Фотий (ок. 820 — ок. 891) — византийский церковный деятель и богослов, патриарх Константинопольский.
- ²⁸⁶ Сильвестр II (999–1003) — папа римский, математик, философ, богослов.
- ²⁸⁷ Вероятно, Антонский имеет в виду Маймонида (Моше бен Маймо) (1135–1204) — еврейского талмудиста, врача и систематизатора еврейского Закона, философа, последователя Аристотеля.

- ²⁸⁸ Аристотель Стагирит (384–322 до н.э.) — великий древнегреческий философ и ученый, ученик Платона, основатель Перипатетической школы.
- ²⁸⁹ Имеется в виду парижский университет Сорбонна, основанный в 1257–1258 гг.
- ²⁹⁰ Имеется в виду Петрарка Франческо (Petrarca; 1304–1374) — итальянский поэт.
- ²⁹¹ Страбон (64 или 63 до н.э. — после 21 н.э.) — древнегреческий географ и историк, автор «Географии» в 17 книгах, наиболее обширного, полного и значительного античного труда.
- ²⁹² Линней Карл (Linnaeus; 1707–1778) — шведский натуралист, заложивший основы современной биномиальной номенклатуры растений. В работе «Система природы» он сделал попытку распределить все творения природы (животных, растения и минералы) по классам, отрядам, родам и видам.
- ²⁹³ Валлериус Йоганн Готшалк (Wallerius; 1709–1785) — шведский химик и металлург. Ввел систему природной классификации минералов.
- ²⁹⁴ Бюффон Жорж Луи Леклерк (Buffon; 1707–1788) — французский ученый. Основные труды: «Всеобщая и частная естественная история» (*Histoire Naturelle, générale et particulière*), «Об эпохах природы» (*Les époques de la nature*). Бюффон выдвинул положение о единстве растительного и животного мира, об изменяемости видов под влиянием условий среды, разработал ряд теоретических вопросов о развитии земного шара и его поверхности.
- ²⁹⁵ Имеется в виду основанная Петром I в 1714 г. Кунсткамера.

Ф.Г. Политковский

Федор Герасимович Политковский (1753–1809) получил первоначальное образование в Черниговской семинарии. В 1774 г. поступил в гимназию Московского университета, затем перешел на медицинский факультет, по окончании которого был послан в Лейден (Нидерланды) на два года, защитил диссертацию о происхождении гноя (*De Puogenia*, 1781) на степень доктора медицины. Затем переехал в Париж, где занимался преимущественно химией, физикой и практической медициной. В 1783 г. он вернулся в Москву и был назначен преподавателем естественной истории. С 1785 г. профессор Московского университета, читал лекции по минералогии, зоологии и ботанике. В 1802 г. перешел на кафедру практической медицины и химии, одновременно занимая пост директора университетского музея и читая публичные лекции по естественной истории. Политковский внедрял в России передовые методы обучения медиков. Впервые начал вести занятия у постели больного.

Слово о связи истории натуральной с физикою, химиею и врачебным искусством; На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на всероссийский престол ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ ГОСУДАРЫНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Премудрыя законодательницы и истинныя Матери Отечества, Говоренное в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета, июня 30 дня 1796 года

Впервые опубликовано в 1796 г. в типографии Московского университета. Перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами онаго..». Ч. I. М.: [В Университетской тип.], 1819. Печатается по этому изданию.

В данной работе Политковский говорит о естественнонаучном основании медицины. Он анализирует эволюцию естественных наук и использование их достижений для формирования медицинской теории.

²⁹⁶ Гравезанд Вильгельм Иаков (s'Gravesande; 1688–1742) — голландский философ, физик и математик, последователь и популяризатор Ньютона. Мушсенброк Питер (Van Musschenbroek; 1692–1761) — голландский ученый-физик, создатель первого электрического кондензатора, так называемой лейденской банки. Франклин Бенджамин (Franklin; 1706–1790) — американский государственный деятель и ученый, почетный член Петербургской Академии наук. Ноллет Жан Антуан (Nollet; 1700–1770) — французский физик и философ. Пристли Джозеф (Priestley; 1733–1804) — английский химик и философ, один из основоположников «пневматической химии» (химии газов), сторонник теории флогистона. Бриссон Матюрен Жак (Brisson; 1723–1806) — французский зоолог и натурфилософ. Саж Бальтазар Жорж (Sage; 1740–1824) — французский химик и минеролог. Лавуазье Антуан Лоран (Lavoisier; 1743–1794) — французский химик, один из создателей современной химии.

²⁹⁷ Макке Пьер Жозеф (Macquer; 1718–1784) — французский химик.

²⁹⁸ Имеется в виду Гиппократ — см. комм. 64.

²⁹⁹ Гален (129 — ок. 200) — древнегреческий врач и естествоиспытатель.

³⁰⁰ Луллий Раймунд (Lullius; 1235–1315) — богослов и философ, прославившийся своими исследованиями в области «искусства памяти».

М.И. Панкевич

Михаил Иванович Панкевич (1757–1812) — математик, профессор Московского университета (1791–1812). Получил образование в Киевской духовной академии, затем в Московском университете, где слушал лекции про-

фессоров Д.С. Аничкова, И.И.Ю. Роста, А.А. Барсова, АХ. Чеботарева. В 1787 г. стал преподавателем в университетском благородном пансионе, преподавал арифметику, артиллерию и фортификацию. В 1788 г. получил степень магистра философии и свободных наук. В 1788 г. защитил диссертацию *De praecipuis machinis hydraulicis, quibus elasticorum serventis aquae vaporum ponderisque atmosphaerae ope, aqua ad insignem altitudinem elevari potest* («О весьма полезных гидравлических машинах, благодаря которым силой атмосферы и массой эластичных паров сберегаемой воды вода может подняться на заметную высоту»). В 1791 г. Панкевич был назначен экстраординарным профессором кафедры прикладной математики Московского университета.

Публикуемые тексты характеризуют общемировоззренческую позицию университетской профессуры, демонстрируют роль философии как методологии научного познания.

Слово о подлинной цели математических наук и о сообразном ей расположении упражнений в таковых, произнесено 30 июня 1792 года

Впервые опубликовано в 1792 г. (М.: Унив. тип., у В. Огорокова). Переиздавалось в книге «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорскаго Московскаго университета русскими профессорами онаго». Ч. II. М., 1820. Печатается по этому изданию.

Панкевич рассуждает о возможностях математических наук оперировать предельно общими понятиями, что позволяет описывать универсальные законы бытия. Он отмечает близость математики и логики, необходимость их для развития ума и упорядочивания знаний. Автор разделяет вольфианскую концепцию о трех видах знания — исторического, философского и, высшего, математического и применяет их к самой математике, рассматривая «математическое познание» математики как высшую, хотя и абстрактную форму познания.

³⁰¹ Во бранех ироини — героини в доспехах. Панкевич использует метафору, рисуящую образ Минервы.

³⁰² Укоснять — замешкаться, опоздать.

³⁰³ ПП. СС. — почтеннейшие слушатели.

³⁰⁴ Ср.: «...терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою» (Быт. 3:18). Тернии и волчцы в Библии собирательное название колючих растений.

³⁰⁵ Евклид (Эвклид) Александрийский (предположительно 330–277 до н.э.) — математик Александрийской школы Древней Греции, известный прежде всего как автор «Начал» (в латинизированной форме — «Элементы»), где излагаются основные математические знания его времени.

Слово об отличительных свойствах, источниках и средствах просвещения; На всерадостный день тезоименитства великого государя, императора и самодержца всея России Павла Перваго, / В торжественном собрании Императорского Московского университета июня 30 дня 1800 года говоренное коллежским ассесором, философом и св. наук магистром и математики профессором Михайлом Панкевичем

Впервые опубликовано в 1800 г. (М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия). Переиздавалось в сб. «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного». Ч. II. М., 1820. Печатается по этому изданию.

Панкевич говорит о формировании философских понятий и их статусе в истории идей. Он вспоминает знаменитые споры номиналистов и реалистов об универсалиях, отмечая их крайне абстрактный характер. Мыслитель полагает, что просвещение достигается не только открытием новых знаний, но и способами их распространения, отмечая важность медиальных средств (языка, книгопечатания) и социальных институтов, способствующих воспитанию и образованию.

³⁰⁶ Пп. Сс. — почтеннейшие слушатели.

³⁰⁷ Приражать — ударяться, приставать.

³⁰⁸ Эклектизм — механическое соединение разнородных элементов. В XVIII в. часто имел позитивную коннотацию.

³⁰⁹ Именники и вещественники — номиналисты и реалисты, участники средневековой полемики о природе универсалий или общих понятий. Первые полагали, что они представляют собой лишь имена предметов, а вторые наделяли их реальным существованием.

³¹⁰ Здесь риторическая отсылка к библейскому тексту и небесному покровителю императора — апостолу Петру: «...и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Матф. 16:18).

³¹¹ Речь идет об утверждении Лейбница о том, что невозможно существование в мире двух одинаковых вещей (монад, листьев, людей и пр.), ибо в противном случае они не отличались бы друг от друга, а представляли бы одно и то же (принцип «гождества неразличимых»).

³¹² Идиллия — поэтическое произведение, изображающее жизнь на лоне природы. Эклога — жанровая сценка (преимущественно любовная) из условной пастушеской жизни, в повествовательной или драматической форме. В литературе классицизма считалось, что идиллия требует больше чувства, а эклога — действия.

³¹³ Масть — масло, благовоние. Тук — тучность, плодородие, изобилие. См. «Яко от тука и масти да исполнится душа моя» (Пс. 62:6).

³¹⁴ Класы — колосья.

³¹⁵ От устаревшего значения слова «мина» — место горных разработок, подкоп.

³¹⁶ Тантал в греческой мифологии — царь Сипила, сын Зевса. Он был допущен на Олимп, однако злоупотребил дружбой богов. Наказание, которому он был подвергнут в Тартаре (танталовы муки), заключалось в том, что, томимый жаждой и голодом, он должен был стоять по горло в воде, которая отступала каждый раз, когда он хотел напиться. Над ним склонялись ветви, усеянные плодами, но он не мог их достать.

³¹⁷ Волчец в данном случае обозначает не какое-то конкретное растение, а скорее выступает как собирательное понятие, обозначающее сорное растение; употребляется в контексте Библии (например, «терния и волчцы произрастит она тебе» (Быт. 3:18)).

И.Д. Ертов

Фигура Ивана Давыдовича Ертова (в ряде источников — Даниловича) (1777–1842) не совсем характерна для научного мира. Тем более интересна судьба этого мыслителя-энциклопедиста. Выходец из купеческой старообрядческой семьи (перешел в православие только в 1796 г.), он мечтал «перевестись в ученое сословие». С ранней юности Ертов много читал, увлекался французской просветительской литературой, осваивал труды И. Ньютона, И. Кеплера, изучал математику, астрономию. Его наследие, включающее в себя сочинения по космологии, истории, философии, отражает попытки исследования философских оснований этих наук. Ертов был не профессионалом, а дилетантом-самоучкой. Отсутствие регулярного образования помешало ему войти в академическую среду, а попытки самостоятельного издания своих трудов расстроили его небольшое состояние. С 1801 г. он был вынужден оставить собственное дело и работать бухгалтером в торговом доме, а позже и вовсе перейти в мещанское сословие. Свою жизнь Ертов описал в повести «Русский Кандид, или Простодушный. Историческая повесть претекшего времени» (СПб., 1833); полная версия автобиографии — «Житие раба божияго Ивана Давидова, сына Ертова самим им писанное» (Философский век [Электронный ресурс] : История идей в России : исследования и материалы. — СПб., 2004. — С. 43–107. — Режим доступа: <http://ideashistory.org.ru/a26.html>). Ертов был довольно высокого мнения о своих научных заслугах и полагал, что они недостаточно оценены современниками. Он не случайно назвал себя «Русским Кандидом», хотя желание приобщить себя к вольтеровскому герою и таит известную долю кокетства. Однако он действительно простодушен и наивен, хотя и способен посмотреть на себя со стороны. Ертов отправил рукопись книги «Начертания естественных законов происхождения Вселенной» в Академию наук и, как и следовало ожидать, получил отрицательный отзыв. Это нисколько не отвратило Ертова от выбранного

пути, а лишь уверило в том, что путь в ученое сословия не так прост, как ему казалось вначале. Ертов сводит знакомство со студентами Академического университета и учеными, посещает заседания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. По предложению В.В. Попугаева, представившего членам Общества его книгу «Начертание естественных законов происхождения вселенной» (СПб., 1798–1800), он был избран членом общества в 1802 г.

В фундаментальных космологических сочинениях «Начертание естественных законов происхождения вселенной» (Т. 1–2. СПб., 1798–1800) и «Мысли о происхождении и образовании миров» (СПб., 1805) Ертов предлагает собственную модель божественного творения мира. Его натурфилософский «Шестоднев» основан на описании процесса возникновения «Космоса» из «Хаоса» путем придания «первовеществу» качества притяжения. Введением тяготения Бог заставил эти элементы сгруппироваться в «шары земные», причем упругость эфира послужила причиной того, что все частицы рассредоточились в пространстве, а не «слились» в одном месте. Как только Бог лишит материю Вселенной свойства притяжения, она вновь рассредоточится по всему пространству и воспроизведется ситуация, предшествовавшая «первотолчку».

Ертов принял участие и в корпускулярно-волновой полемике, подвергнув критике объяснение как Эйлера, так и Ньютона. Ньютон и Эйлер поразному объясняли освещение планет. Ньютон думал, что Солнце испускает лучи, а Эйлер представлял, что солнечный огонь производит трясение эфира, и колебания исходят от Солнца, как от вращающегося в жидкости шарика. По Ертову, волновая концепция Эйлера не объясняет причин колебаний источника света, ньютоновская же противоречит сформулированным им же законам механики, ибо частица света в его объяснении не увеличивает скорости под влиянием тел, обладающих большой массой. Премудрый творец природы «обманул» великих ученых, устроив мир значительно сложнее, чем описано в классической механике.

В данном издании опубликованы сочинения Ертова, касающиеся космологии и антропологии. Они представляют собой пример внеакадемического научного дискурса и являются синкретическим синтезом опытного знания с умозрительным и откровенным.

Начертание естественных законов происхождения Вселенной

Впервые опубликовано: Ертов И.Д. Начертание естественных законов происхождения вселенной: в 2-х т. СПб.: [Тип. гос. мед. коллегии], 1798. Печатается по этому изданию.

Сочинение представляет собой опыт космологического умозрения. Ертов пытается соединить научный и богословский дискурсы, пересказывая книгу Бытия в логике естественнонаучных понятий и расчетов. Заслужива-

ют внимание указания Ертова на противоречия космологических теорий, например, рассуждений Бюффона о происхождении планет.

³¹⁸ Столовая гора — созвездие Южного полушария.

³¹⁹ Лакайль Никола Луи (De la Caille; 1713–1762) — французский астроном.

³²⁰ Альдебаран, Регулюс и Антарес — названия звезд.

³²¹ Гершель Вильям (Фридрих Вильгельм) (Herschel; 1738–1822) — английский астроном и оптик. Основоположник звездной астрономии, член Лондонского королевского общества. Создал собственную обсерваторию с крупнейшими телескопами того времени, открыл планету Уран, два его спутника и др. Установил ряд общих закономерностей строения звездного мира.

³²² Людовик I (778–840), именуемый Благочестивым, — император из династии Каролингов.

³²³ Митридат VI Эвпатор (132–63 до н.э.) — царь Понта в Малой Азии и ярый противник римской экспансии на Ближнем Востоке.

³²⁴ Димитрий I Сотер (162–150) — сирийский царь, сын Солевка IV.

³²⁵ Перигелий — ближайшая к солнцу точка орбиты планеты или кометы.

³²⁶ Афелий — наиболее удаленная от Солнца точка орбиты космического тела.

³²⁷ Галлей Эдмонд (Halley; 1656–1742) — английский астроном и геофизик. Создатель метода расчета кометных орбит, открывший периодичность некоторых комет.

³²⁸ Иафет — сын Ноя (Быт 5:32; 6:10; 7:13; 9:18; 10:1–5,21; 1Пар 1:4,5), от которого, согласно библейской генеалогии, произошли европейские народы.

³²⁹ Урания — в древнегреческой мифологии одна из девяти муз, покровительница астрономии.

³³⁰ Ботани-бей (Ботанический залив) — залив на восточном берегу Австралии.

³³¹ Превыспренний — высокий; высочайший, самый высокий.

³³² Ламберт Иоганн Генрих (Lambert; 1728–1777) — немецкий астроном, математик, физик, философ. В книге «Космологические письма об устройстве Вселенной» (1761) пишет о структурной бесконечности Вселенной и ее иерархическом строении. Системой первого порядка он считал Солнечную систему, системами второго порядка — звездные скопления. Млечный Путь и подобные ему далекие туманности, согласно его теории, являются системами третьего порядка.

³³³ Дергам (Дерем) Уильям (Derham; 1657–1735) — известный английский духовный писатель. На русский язык (с французского) переведены его

- «Естественная богословия. или Доказательство бытия Божия и свойств Божиих, почерпнутых из дел творения». Ч. 1–2. М, 1784 (*Physico-Theology, or a Demonstration of the Being and Attributes of God, from his works of Creation... London, 1713*). Им же было написано *Astro-Theology* и *Christo-Theology*. (См.: Сокращение нравственной Дергамовой физики и астрономии в белгородской семинарии учиненное. М., 1797).
- ³³⁴ Мопертюи Пьер Луи Моро де (Maupertuis Moreau; 1698–1759) — французский ученый и философ, член Парижской Академии наук. В 1736–1737 гг. возглавлял «лапландскую» экспедицию, проводившую меридиональные измерения в Финляндии; ее результаты показали, что Земля — сфероид, сплюснутый у полюсов. Впервые сформулировал принцип наименьшего действия (1740). Сочинения: *La figure de la terre. Paris, 1738; Oeuvres, 2 éd., t. 1–4, Lyon, 1756*.
- ³³⁵ Риччиоли Джованни Батиста (Riccioli; 1598–1671) — ученый-иезуит, профессор философии, астрономии, математики. Автор *Chronologia reformata et ad certas conclusiones redacta*. Т. 1–3. Bologna, 1669.
- ³³⁶ «шея кита», «седалище (стул) Кассиопеи» и т. д. — условные обозначения различных частей созвездий.
- ³³⁷ Прево Пьер (Prévost; 1751–1839) — швейцарский философ и физик.
- ³³⁸ Гиппарх (Иппарх) (ок. 190 — после 126 до н.э.) — древнегреческий астроном.
- ³³⁹ Bootes — Волопас.
- ³⁴⁰ Имеется в виду Гюйгенс — см. комм. 172.
- ³⁴¹ Долланд Джон (Dolland; 1706–1761) — английский оптик, создатель ахроматического (трехлинзового) объектива, что принципиально улучшило качество зрительных труб.
- ³⁴² Эксцентриситет — параметр, характеризующий форму орбиты, которую можно представить одним из конических сечений.
- ³⁴³ Рафаэль, или Рафаэлло, Санти (Raffaello Santi; 1483–1520) — итальянский живописец и архитектор, один из величайших мастеров эпохи Возрождения.
- ³⁴⁴ Йорик — персонаж романов Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, эсквайра» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии»; Стерн делает его потомком королевского шута из шекспировской пьесы «Гамлет».
- ³⁴⁵ Нимрод — древний царь и герой, упоминаемый в Ветхом Завете (Быт 10.8,9; 1; Пар 1.10), основатель Вавилона и других городов.
- ³⁴⁶ Сатурн — из древнейших римских богов. Сатурн научил людей земледелию, виноградарству. С его именем ассоциировали «золотой век», чему

посвящались праздники сатурналии. Со временем Сатурн стал отождествляться с Кроносом, пожирающим своих детей, олицетворением времени. В астрологии планета Сатурн считалась холодной, мрачной планетой, наделявшей соответственными качествами людей.

³⁴⁷ Имеются в виду сочинения шотландского писателя Джеймса Макферсона (Macpherson; 1736–1796), якобы переведенные им с галльского языка и созданные ирландским певцом Оссианом в III в. На русском языке известен был перевод «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: галльские (иначе Эрские, или Ирландские) стихотворения». Ч. 1–2. М., 1792.

³⁴⁸ Зодиакальный свет — слабое свечение неба, простирающееся вдоль эклиптики. Возникает вследствие рассеяния солнечного света на линзообразном скоплении частиц пыли. Зодиакальный свет начали наблюдать и описывать с середины XVII в. Первым это явление подробно изучил и правильно истолковал французский астроном Жан Доминик Кассини (1625–1712) в 1683 г.

³⁴⁹ Шейнер Христоф (Scheiner; 1575–1650) — немецкий астроном, физик и математик. В 1595 г. вступил в монашеский орден иезуитов. Был профессором университета во Фрейбурге, Ингольштадте и Риме, в 1623 г. стал ректором иезуитского коллегиума в Нейссе. В 1611 г., независимо от Г. Галилея и И. Фабриция, открыл пятна на Солнце, но, в отличие от Галилея, вначале считал их небольшими планетами, обращающимися на незначительном удалении от его поверхности. Для наблюдений Солнца изготовил один из первых телескопов-рефракторов по схеме Кеплера.

³⁵⁰ Обычно отточиями обозначались цензурные изъятия.

³⁵¹ Согласно легенде, инки, спасаясь от испанцев, спрятали свои сокровища на дне высокогорного озера в Кордильерах.

³⁵² В XVIII в. не было единой систем измерения расстояний. Немецкая или географическая, миля составляла 7 верст, французская — 4,17 версты. Верста — 1,06680 км.

³⁵³ Гассенди Пьер (Gassendi; 1592–1655) — французский философ и математик.

³⁵⁴ Гримальди Франческо Мария (Grimaldi; 1618–1663) — итальянский физик и астроном.

³⁵⁵ Шорт Джеймс (Short; 1710–1768) — шотландский математик, оптик, специалист по телескопам.

³⁵⁶ Нодус (от лат. nodus) — узел.

³⁵⁷ Сар (сарос) — это промежуток времени, по истечении которого в той же последовательности вновь повторяются солнечные и лунные затмения.

- ³⁵⁸ Дети Зевса (Юпитера) и титаниды Мнемозины — музы, богини памяти, покровительницы поэзии, искусств и наук (Евтерпа, Клио, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урапия, Каллиопа).
- ³⁵⁹ Парафраза — распространенная передача смысла другого выражения, в литературе пересказ литературного произведения, а также его сокращенное изложение.
- ³⁶⁰ Перро Шарль (Perrault; 1628–1703) — французский писатель и критик, автор знаменитых «Волшебных сказок» (*Contes de F es*).
- ³⁶¹ Первый русский альманах «Аглая» выпускался Н.М. Карамзиным в 1794–1795 гг. в Москве.
- ³⁶² Согласно античной мифологии, Плутус — бог богатства и денег; Момус — бог насмешки.
- ³⁶³ Фарос Александрийский — одно из семи чудес света, огромный маяк, сооруженный у входа в бухту египетского города Александрия, на острове Фарос.
- ³⁶⁴ Эйлер Леонард (Euler; 1707–1783) — математик, физик и философ, академик Петербургской Академии наук, автор «Писем к немецкой принцессе о разных предметах физики и философии» (1768–1772), в которых изложил свои философские представления о мире.
- ³⁶⁵ Дорфель Георг Самуэль (Doerffel; 1643–1688) — немецкий астроном и лютеранский священник.
- ³⁶⁶ Ансон Джордж (Anson; 1697–1762) — британский адмирал, один из первых кругосветных мореплавателей, реформатор британского флота.
- ³⁶⁷ Речь идет о философской повести Вольтера «Микромегас», главный герой которой является жителем планеты Сириус. Ертов немного путает, так как жителем Сатурна был не Микромегас, а его собеседник — секретарь Сатурнийской академии.
- ³⁶⁸ Исчадие — порождение, потомство.
- ³⁶⁹ Водвард Джон (Woodward; 1665–1728) — британский натуралист и врач, автор *An Essay towards a Natural History of the Earth and Terrestrial Bodies...*
- ³⁷⁰ Мание — движение. Манием или по манию — по движению, по желанию.
- ³⁷¹ Крушец — металл.
- ³⁷² Флогистон, или теплород, — субстанция, якобы наполняющая все горючие вещества и улетающая при сжигании.
- ³⁷³ Уклад — сырцовая сталь.
- ³⁷⁴ Шерл — шерлит, африцит — минерал, черная железистая разновидность турмалина.

- ³⁷⁵ Мыловка — жирная на ощупь огнеупорная глина.
- ³⁷⁶ Прозябения — растения.
- ³⁷⁷ Гельмонт, Хелмонт Ян Баптист ван (Helmont; 1579–1644) — голландский естествоиспытатель, один из представителей ятрохимии.
- ³⁷⁸ Амонтон Гильом (Amontons; 1663–1705) — французский физик, член Парижской Академии наук.
- ³⁷⁹ См. Картина просвещения россиян, пред началом девятинадесять века: Отрывки и смесь. — СПб.: [Тип. Гос. Мед. коллегии], 1799.
- ³⁸⁰ Левенгук Антони ван (Leeuwenhoek; 1632–1723) — голландский натуралист, впервые использовавший микроскоп для научных исследований, член Лондонского королевского общества.
- ³⁸¹ Имеется в виду Г.Р. Державин и его ода «Бог».
- ³⁸² Бургаве Герман (Boerhaave; 1668–1738) — голландский врач, ботаник и химик.
- ³⁸³ Неточная цитата из Библии, приведенная с нарушениями принятых правил цитирования библейского текста. Ср.: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». (Быт. 1:1–3).
- ³⁸⁴ Эксцентриситет орбиты — один из элементов орбиты небесного тела, характеризующий ее форму. В зависимости от величины эксцентриситета орбита имеет форму эллипса, параболы или гиперболы.
- ³⁸⁵ Луда — небольшой каменистый остров, лишенный растительности, или каменистая длинная мель.
- ³⁸⁶ Чимборасо (Chimborazo) — вулкан высотой 6310 м (Эквадор). Его вершина — наиболее удаленная от центра Земли точка поверхности (вследствие близости к экватору).
- ³⁸⁷ «И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так» (Быт. 1:9).
- ³⁸⁸ Землелог — пласт, слой земли; на склоне оврага, долины, берега реки и т. п.
- ³⁸⁹ Ла-Плата — река в Южной Америке.
- ³⁹⁰ Лаланд Жозеф Жером Франсуа (Lalande; 1732–1807) — французский астроном, член Парижской Академии наук. В 1752 г. по поручению академии проводил в Берлине наблюдения Луны.

Мысли о развитии ума в человеческом роде

Впервые опубликовано: Мысли о развитии ума в человеческом роде. Ч. 1–3. СПб., 1811. Публикация осуществляется по этому изданию. Ергов анализирует формирование абстрактных понятий, становление и развитие различных типов рациональностей.

³⁹¹ Посвящено Евгении Васильевне Черниковой, в которую Ертов был влюблен и на которой хотел жениться.

³⁹² Новая Голландия — историческое название Австралии.

³⁹³ Сектатор — сектант.

Т. Ф. Осиповский

Тимофей Федорович (1765–1832) Осиповский родился в семье сельского священника, первоначальное образование получил в духовной семинарии во Владимире. В 1783 г. в числе лучших учеников духовных семинарий и академий был направлен для подготовки к учительской должности в Петербургскую учительскую гимназию, где учился с 1783 по 1786 г. Был учителем физико-математических наук и русской словесности в Московском главном народном училище, с 1800 по 1803 г. — профессором математики в Петербургском педагогическом институте. В 1803 г. переехал в Харьков, став профессором математики вновь учрежденного Харьковского университета; преподавал курсы математики, механики, оптики, астрономии. В 1807 г. защитил докторскую диссертацию по философии. С 1813 по 1820 г. Осиповский был ректором Харьковского университета. Автор сочинений: «О действии сил на гибкие тела и равновесии их», «Об астрономическом преломлении», «О теории движения брошенного в поле тяжести тела», «О поправках, которые необходимо вносить в астрономические наблюдения» и др. В педагогической практике широко использовался его «Курс математики» (Т. 1–3. СПб., 1801–1821), над которым он работал много лет.

О пространстве и времени

Речь, произнесенная Осиповским в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1807 г. Впервые опубликована в кн.: «Речи, говоренные в торжественном собрании императорского Харьковского университета, бывшем 30 августа 1807 года». Харьков, 1807. Перепечатана в сб.: Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века / Редакция и вступительная статья Г.С. Васецкого, С.Р. Микулинского. Издательство социально-экономической литературы. М., 1959. Печатается по этому изданию.

Одно из первых сочинений в российской философии, посвященное критическому анализу кантовского представления о пространстве и времени. В дальнейшем Осиповский развил эти идеи в «Рассуждение о динамической системе канта» (Речь, произнесенная в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1813 г. Харьков, 1813).

³⁹⁴ Кант Иммануил (Kant; 1724–1804) — немецкий философ и естествоиспытатель. Родоначальник немецкой классической философии.

³⁹⁵ Альфонс X Мудрый (Alfonso X el Sabio; 1221–1284) — король Кастилии и Леона. Покровитель наук, способствовал процветанию Саламанкского университета.

Библиография

Аничков Д. С.

Начальные основания алгебры, или арифметики литеральной, служащая для удобнейшего и скорейшего вычисления как арифметических, так и геометрических задач, в пользу и употребление российского юношества, упражняющегося в математических науках / Собранныя из разных авторов с приобщением гравированных фигур на двенадцати таблицах, Императорскаго Московскаго университета публичным ординарным профессором, и Московскаго российского собрания при том же Университете членом Дмитрием Аничковым. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. — 227 с.

Начальные основания фортификации, или военной архитектуры, служащая в пользу и употребление российского юношества, упражняющегося в математических науках / Собранныя из разных авторов с приобщением гравированных фигур на семнадцати таблицах, Дмитрием Аничковым, надворным советником, Императорскаго Московскаго университета публичным ординарным профессором и обеих онаго гимназий инспектором. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. — 183 с.

Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания ... которое на рассмотрение предлагает философии и свободных наук магистр Дмитрий Аничков 1769 года августа дня // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И. Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 111–151.

Рассуждение о бессмертии души человеческой // Полезное увеселение. — 1761. — Ч. 4. — Июль. № 4. — С. 25–37.

Слово о невещественности души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / Подготовка текстов, вступительная статья, комментарии Т. В. Артемьевой. — СПб.: Наука, 1996. — С. 89–108.

Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изыскующих // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И. Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 162–186.

Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / Подготовка текстов, вступительная статья, комментарии Т. В. Артемьевой. — СПб.: Наука, 1996. — С. 109–121.

Слово о разных причинах, не малое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под ред. И. Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 152–161.

Слово ... о том, что мир сей есть ясным доказательством премудрости Божией, и что в нем ничего не бывает по случаю // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / Подготовка текстов, вступительная статья, комментарии Т. В. Артемьевой. — СПб.: Наука, 1996. — С. 76–88.

Слово о свойствах познания человеческого и о средствах предохраняющих ум смертного от разных заблуждений // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под ред. И. Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 134–526.

Теоретическая и практическая арифметика: В пользу и употребление юношества / Собранная из разных авторов, вновь дополненная и исправленная надворным советником, Императорского Московского университета публичным ординарным профессором и обеих онаго гимназий инспектором Дмитрием Аничковым. — 4-е изд. — М.: Тип. при Театре, у Клаудия, 1793. — 444 с.

Теоретическая и практическая геометрия: В пользу и употребление не токмо юношества, но и тех, кои упражняются в землемерии, фортификации и артиллерии / Из разных авторов собранная с приобщением гравированных фигур на тридцати семи таблицах, Имп. Московского университета публичным ординарным профессором, обеих онаго гимназий инспектором и Московского Российского собрания при том же Университете членом, Дмитрием Аничковым. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1780. — 366 с.

Теоретическая и практическая тригонометрия: В пользу и употребление не токмо юношества, но и тех, кои упражняются в землемерии, фортификации и артиллерии / Из разных авторов собранная и вновь исправленная с приобщением таблиц, синусов и тангенсов, також логарифмов их и простых чисел, начиная от 1 до 10000, и

притом гравированных фигур на двенадцати таблицах, Дмитрием Аничковым, надворным советником, Императорскаго Московскаго университета публичным ординарным профессором и обеих онаго гимназий инспектором. — 2-е изд. — М.: Тип. Комп. типографич., 1787. — 346 с.

Annotationes in logicam et metaphysicam ex variis probatissimis auctoribus excerptae et usibus rossicae juventutis una cum parte polemica et variis exercitationibus, ex logica disputatrice selectus adornatae (М., 1782.) Заглавие шмуцтитула: «Annotationes in cosmologiam».

Козельский Я. П.

Арифметическия предложения для употребления обучающагося в Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе благороднаго юношества / Сочиненныя артиллерии капитаном Яковом Козельским. — СПб.: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1764. [18]. — 285 с.

Дневная записка Федора Козельскаго: 1771 года. — [СПб.: Тип. Акад. наук, 1772]. — 87 с.

Механическия предложения для употребления обучающагося при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благороднаго юношества, сочиненныя артиллерии капитаном Яковом Козельским. — 2-е изд. — СПб.: При Имп. Акад. наук, 1787. — 242 с.

Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И.Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 552–620.

Сочинения Федора Козельскаго. — 2-е изд., исправленное и вновь приумноженное. — [СПб.]: Печ. при Имп. Акад. наук, 1778. Ч. 1. — 248 с. Ч. 2. — 263 с.

Философическия предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И. Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 411–551.

Ломоносов М. В.

Полное собрание сочинений. — Т. I–XI. — М.; Л., 1950–1959, 1983.

Третьяков И. А.

Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях ... говоренное ... 1768 года апреля 22 дня // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И.Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 335–352.

Слово о римском правлении и о разных онаго переменах / В публичном собрании Императорского Московского университета, бывшем, для всерадостного дня возшествия на всероссийский престол ея императорского величества, всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, говоренное онагож Университета свободных наук магистром и юриспруденции доктором и профессором Иваном Третьяковым июня 30 дня, 1769 года. — [М.]: Печатано при Императорском Московском университете, [1769]. — 26 с.

Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств, как у древних, так и у нынешних народов ... говоренное ... июня 30 дня, 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И.Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 353–362.

Брянцев А. М.

Слово о всеобщих и главных законах природы ... июня 30 дня, 1799 года говоренное ... // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И.Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 377–386.

Слово о связи вещей во вселенной ... говоренное ... июня 30 дня, 1790 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И.Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 363–376.

Страхов П. И.

Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие. На высокотожественный и всерадостный день восшествия на престол Ея Императорского Величества, Всепресветлейшия Великия Государыни, Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския, премудрыя законодательницы и истинныя Мате-

ри Отечества, говоренное в публичном собрании Императорского Московского университета июня 30 дня, 1788 года, коллежским ассессором, философии профессором публичным ординарным, университетских гимназий и Вольнаго благороднаго пансиона при Университете инспектором Петром Страховым. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. — 14 с.

Прокопович-Антонский А. А.

Слово о воспитании. На всерадостный день тезоименитства Великаго Государя, Императора и Самодержца всея России Павла Перваго. В торжественном собрании Императорского Московского университета, июня 30 дня 1798 года, говоренное надворным советником, профессором энциклопедии и естественной истории, цензором печатаемых книг и главным смотрителем Благороднаго при Университете пансиона, Антоном Прокоповичем-Антонским. — М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, [1798]. — 49 с.

Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории. На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на престол Ея Императорскаго Величества Всепресветлейшия Великия Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссийския Екатерины II, говоренное в торжественном собрании Императорскаго Московского университета июля 1 дня, 1791 года, профессором энциклопедии и естественной истории Антоном Антонским. — М.: Унив. тип., у В. Огорокова, 1791. — 30 с.

Политковский Ф. Г.

Речь о происхождении и о пользе истории натуральной: На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на престол Ея Императорскаго Величества, Всепресветлейшия Великия Государыни, Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския, премудрыя законодательницы и истинныя Матери Отечества. Говоренная в публичном собрании Императорского Московского университета, июня 30 дня, 1785 года, коллежским ассессором, медицины доктором и истории натуральной профессором экстраординарным, Федором Политковским. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1785. — 14 с.

Слово о связи истории натуральной с физикою, химиею и врачебным искусством; На высокаторжественный и всерадостный день

восшествия на Всероссийский престол Ея Величества, Благочестивейшия Государыни, Императрицы Екатерины Алексеевны, премудрая законодательницы и истинная Матери Отечества. Говоренное в публичном собрании Императорского Московского университета, июня 30 дня 1796 года, надворным советником, истории натуральной профессором и медицины доктором Федором Политковским. — М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, [1796]. — 25 с.

Панкевич М. И.

Слово об отличительных свойствах, источниках и средствах просвещения; На всерадостный день тезоименитства Великого Государя, Императора и Самодержца всея России Павла Перваго. В торжественном собрании Императорского Московского университета июня 30 дня 1800 года говоренное коллежским ассесором, философом и св. наук магистром и математики профессором Михайлом Панкевичем. — М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, [1800]. — 95 с.

Слово о подлинной цели математических наук и о сообразном ей расположении упражнений в оных; На высокоторжественный день восшествия на престол Ея Величества, Всепресветлейшия Великия Государыни, Императрицы и Самодержицы Всероссийския, Екатерины II. Говоренное в публичном собрании Императорского Московского университета, июня 30 дня, 1792 года, профессором смешенной математики Михайлом Панкевичем. — М.: Унив. тип., у В. Огорокова, 1792. — 60 с.

Ертов И. Д.

Житие раба Божияго Ивана Давидова сына Ертова самим им писанное / Публикация, комментарий Т.В. Артемьевой // Философский век: альманах: История идей в России: Исследования и материалы. — 2004. — №26. — С. 43–98.

Картина просвещения россиян, пред началом девятинадцатого века // Отрывки и смесь. — СПб.: [Тип. Гос. Мед. коллегии], 1799. — 70 с.

Мелкие сочинения, ответы на критики и сокращение мыслей о происхождении и образовании миров. — СПб.: Тип. А. Смирдина, 1829. — 199 с.

Мысли о происхождении и образовании миров: Ч. 1–3. — СПб.: Тип. Дрекслера, 1805. — 98 с. (2-е и 3-е издания: СПб., 1811 и 1820).

Мысли о развитии ума в человеческом роде: Ч. 1–3. — СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1811. — 46 с.

Начертание естественных законов происхождения вселенной. — СПб.: Тип. Гос. Мед. коллегии, 1798–1800. Т. 1. [Ч. 1]: 1798. [8], 92 с.; [Т. 1]. Ч. 2: [1798]. [4], с. 93–160; [Т. 1]. Ч. 3: [1798]. [2], с. 161–218; [Т. 1]. Ч. 4: [1799]. с. 219–280, [9] с.; Т. 2. [Ч. 1]: 1799. [2], 60 с.; Т. 2. Ч. 2: [1800]. [2], с. 61–108 с.

О богопознании / Публикация, комментарий Т.В. Артемьева // Философский век: альманах: История идей в России: Исследования и материалы. — 2004. — №26. — С. 99–100.

О человечестве / Публикация, комментарий Т.В. Артемьева // Философский век: альманах: История идей в России: Исследования и материалы. — 2004. — №26. — С. 100–105.

Русский Кандид, или Простодушный: Историческая повесть претекшего времени. — СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. — 59 с.

Осиповский Т. Ф.

Исследование светлых явлений, видимых иногда на небе в определенном положении в рассуждении Солнца или Луны. — М.: Тип. С. Селивановского, 1827. — 60 с.

О пространстве и времени // Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века / Ред. и вступительная статья Г. С. Васецкого, С. Р. Микулинского. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. — С. 45–49.

Рассуждение о динамической системе Канта // Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века / Ред. и вступительная статья Г. С. Васецкого, С. Р. Микулинского. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. — С. 49–54.

СОДЕРЖАНИЕ

Артемьева Т. В. Традиции и особенности российской философской и общественно-политической мысли XVIII века. . . . .

Д. С. АНИЧКОВ

Слово на высокаторжественный день восшествия на всероссийский престол ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ, ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ РОССИЙСКОЙ в публичном собрании императорского Московского университета говоренное оною ж университета философии и свободных наук магистром Дмитрием Аничковым 1767 году, июня 30 дня о том, что мир сей есть ясным доказательством премудрости Божией, и что в нем ничего не бывает по случаю 41

Слово о свойствах познания человеческого и о средствах предохраняющих ум смертного от разных заблуждений. В публичном собрании Императорского Московского университета на высокаторжественный день восшествия на Всероссийский престол ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Благочестивейшия и Самодержавнейшия ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ 55

Слово о разных причинах, не малое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого. В публичном собрании Императорского Московского университета на высокаторжественный день восшествия на всероссийский престол ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ И САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ 72

Слово о невещественности души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии, на Высокаторжественный и Всерадостный день рождения ЕЕ Императорского Величества Всепресветлейшей, Державнейшей Великой Государыни ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ

ВСЕРОССИЙСКОЙ, говоренное в публичном Императорского Московского университета собранияи	85
Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства: На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на всероссийский престол ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, и проч. и проч. и проч. с глубочайшим благоговением торжественно празднованный в Императорском Московском университете июня 30 дня 1779 году	105
Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих. На Высокаторжественный и Всерадостный день рождения ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Императрицы и Самодержицы Всероссийския, Премудрые Законодательницы и Истинные Матери отечества, Говоренное в публичном собрании Императорского Московскаго университета апреля 22 дня, 1783 года	118
Я. П. КОЗЕЛЬСКИЙ	
Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года	143
М. В. ЛОМОНОСОВ	
Размышление о причине теплоты и холода	269
[Из «Волфианской экспериментальной физики»] Посвящение . . .	288
Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия	292
Предисловие о пользе книг церковных в российском языке	338

И. А. ТРЕТЬЯКОВ

Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях, в публичном

собрании Императорского Московского университета на Высочайший день рождения ЕЯ Императорского Величества, Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской, Говоренное онаго ж Университета свободных наук магистром и юриспруденции доктором Иваном Третьяковым 1768 года апреля 22 дня 345

А. М. БРЯНЦЕВ

Слово о связи вещей во вселенной. На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на всероссийский престол ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, ПРЕМУДРЫЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНИЦЫ И ИСТИННЫЯ МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА..... 367

Слово о всеобщих и главных законах природы: На высокаторжественный день тезоименитства ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Благочестивейшаго, Самодержавнейшаго, ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА всея России ПАВЛА ПЕРВАГО: В торжественном Императорского Московского университета собрании июня 30 дня, 1799 года 381

П. И. СТРАХОВ

Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие. На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на престол ЕЯ Императорского Величества, Всепресветлейшия Великия Государыни, Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Самодержицы Всероссийския, Премудрыя законодательницы и истинныя Матери Отечества, говоренное в публичном собрании Императорского Московского университета июня 30 дня, 1788 года. 391

А. А. ПРОКОПОВИЧ-АНТОНСКИЙ

Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории. На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на престол ЕЯ Императорского величества всепресвятлейшия Великия Государыни императрицы и

Самодержицы Всероссийския Екатерины II, говоренное в торжественном собрании императорского Московскаго университета июля 1 дня, 1791 года.....	403
Ф. Г. ПОЛИТКОВСКИЙ	
Слово о связи истории натуральной с физикою, химиею и врачебным искусством.; На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на всероссийский престол ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ ГОСУДАРЫНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Премудрая законодательницы и истинныя Матери Отечества, Говоренное в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета, июня 30 дня 1796 года.....	427
М. И. ПАНКЕВИЧ	
Слово о подлинной цели математических наук и о сообразном ей расположении упражнений в таковых, произнесено 30 июня 1792 года.....	443
Слово об отличительных свойствах, источниках и средствах просвещения, говоренное 1800 года, июея 30 дня.....	481
И. Д. ЕРТОВ	
Начертание естественных законов происхождения Вселенной..	553
Мысли о развитии ума в человеческом роде.....	671
Т. Ф. ОСИПОВСКИЙ	
О пространстве и времени.....	687
КОММЕНТАРИИ	695
Библиография	751

Научное издание

*Библиотека отечественной общественной мысли
с древнейших времен до начала XX века*

Общественная мысль России XVIII века
Том 1. Philosophia rationalis

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*

Редактор *А. В. Пряжникова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *М. В. Минина*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Компьютерная верстка *Н. А. Иицик*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать
Формат 60 x 90 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция),
334-82-42 (отдел реализации)